

СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА

3(47)

4-493

ПО МАТЕРИАЛАМ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
СЛЕДСТВЕННОЙ
КОМИССИИ ВРЕ-
МЕННОГО ПРАВИ-
ТЕЛЬСТВА 1917 г.

253178

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

01.

05

92

91

92

253178

СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА

ПО МАТЕРИАЛАМ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 1917 г.

СОСТАВИЛ
А. ЧЕРНОВСКИЙ

редакция и вступительная статья
В. П. ВИКТОРОВА

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ОБЛ. ЕНБЛЮТЕНИ

г. СВЕРДЛОВСК

19 . МОСКВА — ЛЕНИНГРАД . 20

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

«Союз русского народа», вначале объединявший целый ряд реакционных групп, а впоследствии распавшийся на несколько партий, возник в период наиболее обостренной классовой борьбы в ходе революции 1905 г. Эта реакционная партия, в отличие от предшествующих ей реакционных организаций, пыталась сделаться демократической, тогда как ранее существовавшие реакционные группы объединяли в своих рядах исключительно дворянские элементы.

Возникновение союза русского народа связано с той борьбой, которую правительство и дворянство подняло против революции 1905 г. Уже после 9-го января оживилась политическая жизнь в России. В период времени от 9-го января до октябрьских дней начинают организовываться политические партии, за исключением революционных, возникших задолго до революции 1905 г. В это время правительство и господствующий класс еще рассчитывают на возможность подавления революционного движения отчасти методами полицейского нажима, отчасти путем уступок «обществу». Но рост рабочего движения, начало крестьянского движения, втягивание в революцию интеллигенции уже и тогда ставили перед правительством и господствующим классом задачу организации какой-то «народной» партии, которая бы выступила в защиту самодержавия. Именно в этот период начинают организовываться так называемые черносотенные дружины, ставшие в конечном счете базой боевых отрядов союза русского народа.

В этот период социальные группы, наиболее тесно связанные с самодержавием, и организуют в городах реакционные политические партии. Но момент организации союза русского народа необходимо отнести к эпохе наиболее яркого подъема революционной волны — к октябрьско-декабрьским дням. Тогда с совершенной ясностью выявилось, что правительство собственными силами справиться с революционным движением не может. Стало совершенно ясно, что революционная волна охватила широкие народные массы и одними полицейскими мерами, мерами посылки карательных отрядов российское самодержавие не может сохранить себя.

Именно в этот период на помощь правительству выходит союз русского народа. Именно в этот период организуются

в противовес революционным демонстрациям патриотические манифестации, задачей которых является инсценировка «народного» гнева против революционеров, выявление патриотических чувств и открытая, при помощи полиции борьба как с отдельными революционными деятелями, так и с революционными выступлениями.

Непосредственным предшественником союза русского народа был так называемый союз русских людей, возникший в марте 1905 г. в Москве.

Программа союза русских людей в основном была формулирована следующим образом: «Россия и самодержавие не разделимы»; в силу этого необходимо «содействие установлению между престолом и народом тесного и живого общения на возведенных 18 февраля государем императором основаниях и противодействие всеми законными средствами течениям, стремящимся навязать России чуждую ей форму правления».

В сущности говоря союз русских людей лег в основу союза русского народа, организованного д-ром Дубровиным в Петербурге. В отличие от союза русских людей, союз русского народа был организацией гораздо более демократической по своему составу. Если первый как по составу организаторов, так и по составу участников можно было бы назвать по преимуществу дворянским, то второй был организацией всесословной. Но и у союза русских людей и у союза русского народа были свои предшественники.

Нужно отметить, что оживление политической жизни России в начале 900-х годов, выразившееся в росте рабочего движения, в крестьянском движении, в студенческих выступлениях, кое-где в земских адресах, пробудило в монархических кругах сознание необходимости организации такой политической партии, которая выдвинула бы платформу защиты монархизма в противовес революционным и либеральным взглядам, охватившим значительные слои русского общества накануне революции 1905 г. Эти задачи должно было выполнить «русское собрание», возникшее фактически в конце 1900 г., официально же в начале 1901 г.

Однако, строго следуя полицейским требованиям, «русское собрание» в первый момент своего существования выступает в качестве не политической партии, ибо таковые были запрещены, а культурной организации, ставящей своей задачей ознакомление общества со всем, «что сделано важного и своеобразного русскими людьми во всех областях научного и художественного творчества».

Если «общество русских людей» было организацией дворянской, то «русское собрание» представляло собой организацию, в которой дирижерская роль принадлежала исключительно высшим слоям этого дворянства, сановным бюрократам и высшему

духовенству. С 1904 г. возникает целый ряд отделений «русского собрания» в разных городах России.

«Русское собрание» пытается, в противовес пропагандистской деятельности революционных партий, организовать свою пропаганду путем издания дешевых популярных брошюр и т. п. Однако, несмотря на значительные средства, которыми обладала эта организация, ее деятельность не приняла широких размеров. Да и понятно. Те идеи, которые проводило «русское собрание», идеи голого патриотизма не могли встретить широкого сочувствия. Однако мещанские круги города, кое-где кулацкие элементы деревни не остались совершенно глухи к пропагандистской деятельности «русского собрания», и можно сказать, что деятельность «русского собрания» в известной степени подготовила кадры для будущего «союза русского народа».

Какова идеология реакционных партий в России эпохи 1905 — 1917 гг.?

Нужно сказать, что в области идеологии руководители контр-революционных партий не создали чего-либо нового. Они взяли из арсенала эпохи Николая I триединую формулу «православие, самодержавие и народность» и во всей неприкосновенности перенесли ее в эпоху первой русской буржуазной революции. Правда, на ряду с этой формулой реакционные партии принимают и другую формулу, ровесницу теории официальной народности, формулу единения царя с народом, формулу, которая была выдвинута славянофилами: «Царю — сила власти, народу — сила мнений». Объединение народа и царя через совещательный земский собор, или во всяком случае ослабление роли бюрократии — такова политическая программа союза русского народа и предшествовавших ему контр-революционных организаций.

В одном отношении союз русского народа пошел даже дальше теоретиков официальной народности — это в зоологическом национализме, который был боевым лозунгом программы и тактики союзников. Антисемитизм был необходимым признаком всякого союзника. Не быть антисемитом значило не быть и членом союза русского народа.

Собственно говоря, этот национализм был направлен против всех малых народностей, входивших в состав Российской империи — против поляков, финляндцев и т. п. Но антисемитизм был особенно резким, особенно грубым выявлением этого зоологического национализма.

В антисемитизме сказалась социальная сущность союза русского народа, как партии крепостнического дворянства, мелкого мещанства. Достаточно привести решения IV съезда (1/14 мая 1907 г.) русских людей, чтобы видеть, что антисемитизм был требованием именно этих групп. Съезд требовал «запретить евреям содержать банки, банкирские конторы и ссудные кассы, принимать участие в казенных подрядах, косвенно приобретать

и арендовать землю, ограничить в праве торговли и занятия промышленностью». Эти достаточно четко сформулированные требования безусловно выражали интересы и землевладельца, попадающего в кабалу денежному капиталисту, и мелкого буржуа, который видел в крупном капиталисте врага. Но съезд совершенно сознательно направлял внимание мещанских слоев в сторону еврейства, так как этим самым отвлекал внимание от эксплуататорской деятельности ростовщического дворянства и национального торгового капитала. Вся вина в евреях — это лейтмотив всех выступлений правых партий. Однако ограничиться этой отрицательной программой — «запретить», «ограничить» — было, конечно, невозможно, нужно было выставить какие-либо положительные требования. В этой части социальная программа союза русского народа была неопределенна, но в то же время характерна.

Один из участников союза русского народа так определил цели последнего: «Идея этого союза была сплотить русскую народность на началах укрепления монархии и поднять народное благосостояние» (из показаний Зеленского).

В программе союза социальные требования были выражены столь же неопределенно; программа выдвигала необходимость «сохранения общинного землевладения», «уравнение положения всех вообще трудящихся классов без различия профессий, в частности рабочих», «увеличение наделов малоземельных крестьян», «содействие переселению».

Таким образом социальная программа сводилась к общей формуле — «поднятие народного благосостояния». Без этого требования организаторам союза русского народа было бы, конечно, в высшей степени трудно привлечь в свои ряды хотя бы и незначительные, но всё-таки демократические элементы мелкой буржуазии. Выступать открыто с программой защиты дворянской монархии и дворянских привилегий и в то же время стремиться создать организацию, в которую входили бы общественные низы, было, конечно, задачей неразрешимой. Этим и определяется социальная программа союза русского народа. Укрепить в низах идею возможности разрешения резких социальных и экономических противоречий, идею поднятия благосостояния при помощи самодержавия, — эту цель и поставил союз русского народа. Идея разрешения социальных противоречий при помощи самодержавия обеспечивала безусловно союзу русского народа известный контингент членов из мелкобуржуазных низов, не изживших еще веры в царя, как «отца» народа, заботящегося о своих подданных.

Характерно, что в тот период времени, когда союз русского народа из единой организации превратился фактически в собрание небольших групп, эти идеи в той или иной степени снова всплывали на поверхность. Например, в 1913 г. в газете союз-

ников «Русское знамя» появилась статья «К характеристике донского дворянства», и, как сообщает Донское жандармское управление, номер газеты с этой статьей распространялся довольно широко в Новочеркасске, центре Донской области. В указанной статье между прочим писалось, что, «пользуясь своим привилегированным положением и силой, возведенные в дворянское достоинство старшины хищнически захватили казачьи земли, добытые потом и кровью казаками, а затем, пользуясь связями и влиянием в высших сферах, закрепили их за собой» (см. стр. 339).

В таких формах развивалась та общая мысль о народном благосостоянии, которая была выдвинута союзниками. Мысль эта, в сущности, и отображала настроения той «демократической» части союзников, которая искренно верила в возможность разрешения социальных противоречий силою самодержавной власти.

Нельзя, конечно, отрицать и того, что демагогические статьи, подобные указанной, а равно и другие демагогические требования, выставляемые иногда в печатных и устных выступлениях союзников, были прежде всего попытками привлечь на свою сторону мелкую буржуазию. Очень часто эти выступления носили сугубо меркантильный характер: выбрасывая то или иное демагогическое требование, союзники доставляли несколько неприятных минут тем, кто не шел навстречу их требованиям или в деле поддержки их деньгами, или в деле поддержки их теми или иными административными мероприятиями. Что такие меркантильные соображения играли весьма значительную роль, показывает «борьба» союзников с отдельными бюрократами. Относясь отрицательно вообще к бюрократии, так как последняя даже в среде монархически настроенных элементов не пользовалась популярностью, союзники очень часто выступали против отдельных представителей власти в тех случаях, когда кто-нибудь из них недостаточно быстро шел навстречу требованиям союзников о денежной поддержке. В этих случаях союзники пользовались и печатью и устными выступлениями, чтобы набросить тень на данного администратора. Прикрываясь поддержкой царя, ибо царь в своих ответах на адреса союзников постоянно подчеркивал свое расположение к ним, союзники терроризировали упорствующего бюрократа, и в результате последний обычно быстро шел на уступки явно хищническим требованиям союза русского народа.

Уже с самого момента своего возникновения союз русского народа являлся ширмой, за которой стояла более авторитетная, имеющая несравненно большее значение политическая организация — так называемый «совет объединенного дворянства». Эта организация была не политической партией, а организацией наиболее реакционных помещиков, ставящих своей целью защиту сословных интересов российского крепостнического дво-

рянства. Достаточно указать на позицию и союза русского народа и «совета объединенного дворянства» в отношении к первой Гос. думе, чтобы увидеть связь этих организаций.

В адресе первого дворянского съезда (май 1906 г.) дворянство писало: «Затуманивая и обольщая народную мысль, силы, враждебные государственности, скрывают затаенное стремление захвата верховной власти монарха, охраняемой основными законами; но дворянство утверждает, что верховная самодержавная власть есть неизменное верование русского народа, есть залог оздоровления русской жизни и дальнейшего его развития». Через месяц после этого съезда, в июне 1906 г. от отделений союза правительству поступают требования о роспуске первой думы. Такова, напр., телеграмма на имя председателя совета министров Горемыкина: «Собравшиеся в Москве представители отделов союза русского народа и союзных единомышленных организаций считают долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства, что, с трудом сдерживая справедливое негодование верноподданных самодержавного царя — своих единомышленников от стихийного взрыва и самосуда над врагами православной церкви, государя и русской народности, они вынуждены настоятельно просить правительство о немедленном принятии твердых и решительных мер к обузданию: как незаконных партийных действий думы, возбуждающей население к революции и ниспровержению всего, что свято и дорого русскому народу, так и преступно-лживой и нахально-клеветнической печати, разжигающей низменные инстинкты толпы и подрывающей в корне уважение к существующим законам и властям». Есть все основания предполагать, что поток телеграмм от отделений союза подобных приведенной был результатом определенного указания.

В 1907 г. товарищ председателя союза русского народа Пურიшкевич, игравший также значительную роль в «совете объединенного дворянства», в секретном циркуляре по отделениям сообщал, что как только в газете «Русское знамя» появится на первой странице знак креста, то отделения должны посылать телеграммы царю с настойчивым требованием разгона второй Государственной думы.

Программа «объединенных дворян» заключала в себе требования сохранения в руках дворянства земель, самой жестокой расправы с революцией и, конечно, сохранения самодержавия. Союз русского народа не выдвигал открыто первого требования, зато два вторые постоянно фигурируют в документах союза, а осуществление их являлось основной и необходимой предпосылкой осуществления и первого требования «объединенных дворян». И союз русского народа в своей не демагогической программе, а действительной, воспроизводил программу «совета объединенного дворянства». Последний, если не непо-

средственно, то косвенно руководил деятельностью союза русского народа и других монархических партий. Но эта словесная организация не могла создать для себя широкую общественную базу; создать эту базу было задачей союза русского народа.

Имея союз русского народа в своих руках, хотя официально союз никогда не выступал от имени «совета», «совет объединенного дворянства» мог проводить свою политику и мог создавать видимость того, что существует большая политическая организация, насчитывающая тысячи членов, которая проводит ту же программу, что и объединенное дворянство.

Если в тех задачах, которые поставил союз русского народа, — сохранение и укрепление самодержавия и поднятие благосостояния народных масс, — последняя задача обращалась к низам с целью привлечь их, то это была, в сущности говоря, только приманка. Не социальная программа определяла лицо союза русского народа. Ударение делалось на первую часть — на сохранение самодержавия. А это и было программой «совета объединенного дворянства».

Мы видим некоторых членов «совета объединенного дворянства» в качестве активных участников союза русского народа. Марков 2-й, Пуришкевич и др. были, напр., членами обеих организаций, и эта личная уния была не случайна, ибо сохранение самодержавия и укрепление его были тесно связаны с сохранением господствующего положения первого сословия в России. Только при сохранении самодержавного строя российское дворянство могло сохранить те привилегии, какими оно пользовалось. Поэтому связь «совета объединенного дворянства» и союза русского народа безусловно должна была быть самой тесной. И, если союз русского народа выступал на местах, организовывал там свои силы, действовал в качестве большой политической партии, то дела-то решал «совет объединенного дворянства», имевший гораздо более легкий доступ в придворные и правительственные круги.

Наибольший расцвет деятельности союза русского народа падает на конец 1905 и начало 1906 гг. В этот период союз русского народа выступает в качестве активной контр-революционной силы, организующей вооруженную борьбу против революции.

Погромы, террористические выступления против отдельных представителей не только революционеров, но и либералов, являются основной деятельностью союзников в этот период времени. Именно тогда, в 1906 и 1907 гг. союзники убивают депутатов I Государственной думы членов к.-д. партии — Герценштейна и Иоллоса, пытаются кое-где путем избиения бороться с революционными рабочими, организуют погромы при помощи правительственной власти. В этот именно период времени наро-

ждаются в большом количестве отделения союза русского народа почти во всех городах Российской империи.

Кто входил в эти организации союза русского народа? На кого опиралась боевая деятельность союзников?

Необходимо отметить, что основной массой этих боевых организаций союза русского народа были люмпен-пролетарские и мещанские элементы города. Чем больше в том или ином городе было люмпен-пролетариата, тем активнее выступали боевые дружины союза русского народа. Особенно характерна в этом отношении Одесса. Руководители союза русского народа собирали значительные кадры из числа люмпен-пролетарских элементов, ютившихся в одесском порту, и, при помощи прямого подкупа, спаивания, организовывали их в боевые дружины. Задачей этих дружин была не только борьба с отдельными представителями революционных партий. Эти боевые дружины действовали и в качестве штрейкбрехеров. Факты, приводимые в публикуемых ниже документах, относящихся к деятельности союзников в Одессе, с несомненностью указывают, что граф Коновницын и его сподвижники употребляли вооруженных ими людей для борьбы с бастующими рабочими. Такая боевая деятельность союза русского народа могла развертываться только при условии, когда местная власть занимала в отношении союзников явно благоприятную позицию. Характерно, что там, где власть была относительно нейтральна, где губернаторы и градоначальники явно не покровительствовали союзникам (вообще-то они покровительствовали), там союзники не развертывали такой активной и шумливой деятельности, какую они развивали в тех местах, где такое покровительство было налицо. Бывали нередко случаи, когда недостаточно покровительствующий союзникам администратор по настоянию верхов союза увольнялся, его место занимал или искренне преданный союзникам или более податливый чиновник, и тогда деятельность союзников развертывалась широко. В качестве примера может служить та же самая Одесса. Поддержка генерал-губернатора Каульбарса, а впоследствии градоначальника Толмачева привели к тому, что союзники в Одессе сделались господами положения и терроризировали весь город. Но как только это покровительство ослаблялось, как только союзники лишались непосредственной помощи оружием, деньгами, их активная деятельность значительно ослабевала. Можно сказать даже, что, когда в тех или иных случаях администрация выступала против союзников, союз русского народа, как массовая организация, распадался довольно быстро, и от него оставалась обычно небольшая кучка, состоявшая из чиновников, духовенства, иногда местных мелких торговцев и т. п.

Рассматривать деятельность союза русского народа как совершенно самостоятельную, вне связи с правительственной политикой, было бы большой ошибкой. Пожалуй, характерной

чертой русского контр-революционного движения было то, что оно не имело в сущности крепких корней в общественных слоях и держалось по преимуществу непосредственной помощью правительства.

Данные, приведенные в публикуемых материалах о суммах, переданных союзникам, с достаточной ясностью говорят об источнике активной деятельности союза русского народа. Эта деятельность становилась тем активнее, чем шире раскрывались для союзников сундуки российского казначейства; она была тем слабее, чем меньше в тот или иной период времени союз русского народа получал от правительства.

Тот класс, интересы которого союз русского народа в первую очередь защищал, — российское дворянство — скупился на поддержку этой организации. Давала большие деньги союзникам Полубояринова, но она не принадлежала к дворянству, и, кажется, только личные связи с Дубровиным заставляли ее раскрывать свои сундуки для пополнения средств союза русского народа.

Мы отметили уже, что господствующее сословие, используя союз русского народа, материально его совершенно не поддерживало. Но при помощи тех или иных организаций союза русского народа, отдельные черносотенные дворяне пополняли свой личный бюджет за счет правительственных субсидий. Документы неоднократно упоминают о дотациях Маркову 2-му на издание литературы. Какой процент шел на цели пропаганды монархизма и какой процент шел на нужды самого представителя курского дворянства, — это, понятно, осталось тайной. Но можно думать, что, испрашивая субсидии на поддержку монархического движения, Марков 2-й не забывал и лично себя. Во всяком случае весь период реакции характеризуется тем, что отдельные организации союза русского народа и других монархических партий существуют постольку, поскольку они получают поддержку со стороны правительственной власти.

Союз русского народа, возникший как единая организация, впитавшая в себя в период наиболее обостренной борьбы все контр-революционные организации и партии, очень скоро после разгрома революции начинает распадаться на ряд отдельных политических партий. Из союза русского народа выделяется «союз Михаила архангела» с Пуришкевичем во главе, союз же превращается в организацию доктора Дубровина. Основной политической причиной распада союза русского народа был вопрос об отношении к Государственной думе.

«Союз Михаила архангела», возглавляемый Пуришкевичем, примирился с существованием Государственной думы, последовательные дубровинцы остались на прежних позициях и считали, что Государственная дума, даже в том ее виде, как она сложилась в результате контр-революционного переворота 1907 г., наносит

удар идее самодержавия. Это была политическая причина разногласий. Но надо отметить, что, на ряду с этой политической причиной, в развале союза русского народа немалую роль играл и вопрос о получении субсидий. Это особенно резко выявляется при рассмотрении документов, относящихся к деятельности московских союзников. В записках Орлова, в выступлениях его противников гораздо резче выступают не политические причины, которые разделяют московских союзников на два борющихся между собою лагеря, а именно вопросы о том, кому владеть и как владеть теми суммами, какие получали союзники от правительства. Характерно в этих выступлениях не выставление политической линии и не обвинение противника в недостаточной четкости этой линии, а обвинение друг друга в целом ряде темных дел, связанных с получением и расходованием этих самых средств. Может быть, только в одном случае мы встретим фигуру, выявившуюся особенно ярко на союзническом фоне — астраханского союзника Тихановича-Савицкого, о котором нет оснований говорить, что его ярые монархические настроения определялись количеством золота или бумажек, притекающих в его карман. Но такие фигуры являлись случайными единицами. Лицо союза русского народа определяют те его деятели, которые связывают свою политическую деятельность с благами, получаемыми от правительства.

В первый момент деятельности союза русского народа правительственные субсидии неизбежно должны были играть большую роль. Организовывать контр-революционные боевые отряды, оплачивать участников монархических демонстраций, тратить суммы на подпаивание «возмущенного революционерами народа» — для этого нужны были, конечно, значительные суммы, и нужные для этого средства союзники получали из секретного фонда департамента полиции. Не менее значительные суммы шли на издание газет, журналов и всякого рода популярной литературы, которую издавал союз русского народа. Все эти расходы оплачивались правительственными субсидиями.

Документы не дают никакого материала о деятельности союза русского народа в деревне. И это не случайность, ибо в деревне союз русского народа даже в период его наибольшего расцвета не имел широкого распространения. Это не значит, конечно, что среди сельского населения не было элементов, которые разделяли бы политическую программу союза русского народа. Такие элементы были. Это, во-первых, местная сельская администрация — становые, пристава и земские начальники, духовенство и, в очень небольшой степени, кулацкие элементы деревни.

Во II Государственной думе правые партии имели в своей среде некоторое количество крестьян. Попавшие во II Государственную думу под флагом монархической партии, крестьянские депутаты в самой думе выступали однако резко против того класса, интересы которого союз русского народа защищал.

Социальная программа правых партий, обращенная, как мы указывали, к низам, имела некоторый успех среди части крестьянства, верившего, что царь сможет разрешить большой для крестьянства земельный вопрос. Но, встретившись лицом к лицу с крепостником-помещиком, увидев, что социальная программа, выброшенная союзниками в период революционного подъема, в сущности, прикрывала собою помещичьи интересы, правые крестьяне, члены II Государственной думы, заявляя о своей полной преданности царю и царскому режиму, в области аграрного вопроса далеко уходили от того, что было нужно вдохновителям союза русского народа. Не случайно поэтому во II Государственной думе правые крестьяне поднимались на трибуну и заявляли, что их обманули. Это было констатирование совершенно правильного факта.

Союз русского народа не мог найти широкой опоры в деревне потому, что революционная борьба в деревне резко поставила деревенскую мелкую буржуазию против помещика. Тогда, когда в деревне прошла столыпинская реформа, тогда, когда стал возникать новый тип крепкого крестьянина, из этой среды, правда, в очень незначительных масштабах, рекрутировались правые элементы. Их скорее можно было назвать сочувствующими, чем членами монархической партии. Даже крестьянская буржуазия — и та, за очень редким исключением, не была активной участницей монархических контр-революционных партий, ибо противоречия ее интересов с интересами помещиков были в достаточной степени глубоки, чтобы помешать ей войти в партию, явно защищающую интересы последних.

После того, как правительству удалось справиться с революцией, союз русского народа перестал для последнего играть ту роль, которая ему предназначалась в момент подъема революционной волны. И мы видим, что, как только революционная волна спала, в самом союзе русского народа возникает целый ряд течений, группировок, которые, в сущности говоря, отображают процесс распада этой контр-революционной организации. Выполнив непосредственные боевые задачи, даваемые господствующим классом и правительством, союз русского народа не мог организовать даже незначительных групп на какой-нибудь положительной программе. Процесс распада идет тем больше и тем дальше, чем сильнее закрепляла свои позиции контр-революция. Это — казалось бы — противоречивое положение объясняется в значительной степени тем, что союз русского народа рассматривался именно как боевая организация, которую необходимо было использовать, но, как крупная политическая сила, как крупная политическая организация союз русского народа даже в глазах его вдохновителей не имел в сущности большого значения. Это не значит, конечно, что правительство и дворянство отказались совершенно от идеи монархической партии. Но монархическая партия, как таковая, в системе 3-июнь-

ского блока не могла играть уже той существенной роли, какую она играла в эпоху подъема революции, в силу того, что после разгрома революции в лице октябристов и националистов самодержавие имело достаточную опору, хулиганская же деятельность союзников временами только мешала Столыпину. Создавать в настоящих условиях поражения революции «демократическую» монархическую партию было просто не в интересах господствующего класса; ибо, как мы уже сказали, создать такую партию только на принципе поддержки монархии было трудно, а осуществить те социальные преобразования, о которых глухо говорила программа союза русского народа, было не в интересах господствующего класса. С другой стороны, нельзя не отметить и того очень важного момента, что революционный период в значительной степени уничтожил монархические иллюзии в глазах мелкой буржуазии. В документах, например, встречаются факты, говорящие о том, что в период революции и вскоре после нее некоторым руководителям местных отделений союза русского народа, по преимуществу духовенству, удавалось создавать в деревне монархические группы, но, поскольку монархические партии игнорировали социальные требования деревенской мелкой буржуазии, последняя очень быстро отходила от союза русского народа. Если иногда формально в том или ином отделе союза числилось значительное количество членов, то фактически в состав отделения входили мелкие чиновники, духовенство и кое-кто из городского мещанства.

Союз русского народа, стоявший принципиально на позиции отрицания представительного строя, не отказывался однако от использования как Государственной думы, так и местных самоуправлений. Борьба за места и в том и в другом велась довольно ожесточенная. В этом отношении представляет большой интерес та борьба, которая велась во время выборов в IV Государственную думу. Известно, что министерство внутренних дел в это время не только оказывало всяческую поддержку союзникам, но и прибегало к целому ряду таких манипуляций, которые обеспечивали бы победу союзников на выборах в Государственную думу.

Эти манипуляции носили такой характер, что даже с точки зрения законов 3-июньского блока они не выдерживали никакой критики. Подсыпка бюллетеней, внесение в список несуществующих имен, всякого рода отводы и угрозы, подкупы — все это применялось имеющимся на местах аппаратом. И союз русского народа использовался в этих случаях для получения большинства как в Государственной думе, так и в местных, главным образом, городских самоуправлениях.

Каковы были задачи и стремления самих союзников, пытающихся захватить в свои руки местные самоуправления например, в этом отношении достаточно колоритный материал дают документы по Одессе. Из них с совершенной ясностью вытекает, что

использование городских самоуправлений в целях личной наживы играло первенствующую роль в избирательной политике союзников.

Характерно географическое распределение союза русского народа. Отделения союза русского народа распределялись в известной степени оазисами. При этом усиление деятельности союзников в различных районах не совпадало во времени. Прежде всего необходимо отметить значительную роль союза русского народа в западных окраинных областях. Там союз русского народа пополнялся главным образом деятелями правительственного аппарата, поскольку в западной области, с целью обрусения ее, подбирались наиболее шовинистически настроенные слои чиновников. Другой слой, из которого пополнялся кадр союзников, это было местное духовенство, ведущее в западных областях сугубо агрессивную политику в отношении инако верующего и иноплеменного населения.

Мы уже указывали, что антисемитизм являлся неперенным условием вступления в союз русского народа. Как раз в этих губерниях антисемитизм особенно сильно насаждался российским самодержавием, как раз там великороссийский торговец, встречавшийся лицом к лицу с еврейской средней буржуазией, был настроен весьма антисемитски и, видя в союзе русского народа надежную опору для борьбы с своим конкурентом, шел в него. Но гораздо больше антисемитизм определялся условиями классовой борьбы в западных губерниях, преобладание среди пролетариата этих губерний еврейских рабочих выдвигало их на передовые позиции классовой борьбы и «союзники», разжигая национальную вражду против евреев, в сущности выполнили классовый наказ дворянско-буржуазных кругов. Не случайно, что и в III и в IV Государственные думы депутаты от русского населения западных областей были представлены членами монархических партий.

Наоборот, в центральной России, так же как и на востоке, союз русского народа не имел, в сущности говоря, крепких корней, так же как он не имел этих корней и в крупных промышленных центрах. Попытка союзников в разгар революции 1905 г. выступить на заводах кончилась неудачей. Там они встретили настолько организованный и серьезный отпор рабочих, что даже в те моменты, когда, казалось бы, для них было наиболее важно проявить активную деятельность именно здесь, они благо разумно отходили в сторону или прибегали к методу нападения из-за угла. Но, встречая организованное сопротивление рабочих, союзники отказывались и от этого.

Вообще необходимо сказать, что некоторое закрепление организаций союзников имело место там, где они встречались с преобладанием мелкобуржуазного мещанства. Так, например, расцвет деятельности союзников на Нижнем Поволжье в период 1908 — 1912 гг. объясняется в значительной степени преобла-

данием здесь мелкопомещанского торгового населения. Есть одна черта, которая определяет этот мелкопомещанский характер союза русского народа. Эта черта заключается в ненависти союзников к крупному капиталу. Не только низы союза русского народа, но даже и его руководящая верхушка, скажем, Марков 2-й, все время выступают против крупного капитала, банков, синдикатов и т. п.

Все выступления Маркова 2-го в III и в IV Государственных думах по вопросу об экономической жизни России всегда сопровождались громовыми нападками на крупный капитал. И здесь мы видим, что интересы мелкопомещанского населения городов совпадали в значительной степени со взглядами крепостнического российского дворянства. Это сочетание интересов российского крепостнического дворянства и мелкого мещанства красной нитью проходит во всей деятельности союза русского народа.

Имел ли союз русского народа большое значение в политической жизни России? Постольку, поскольку правительство могло пользоваться аппаратом союза русского народа для своих целей, конечно, известное значение у союза русского народа было, хотя найти грани между дисциплиной чиновничьей и дисциплиной партийной здесь невероятно трудно. Например, российское духовенство во время выборов в IV Государственную думу приняло большое участие и активно выступало в проведении в думу правых кандидатур. Но это активное участие духовенства в проведении правых кандидатур было не столько деятельностью попов, как членов союза русского народа, сколько результатом распоряжения высшего духовного начальства, тесно связанного с министерством внутренних дел.

Однако, отрицать роль, если не самого союза русского народа, то тех дирижеров, которые направляли его деятельность, было бы совершенно неправильно. В тех случаях, когда дирижерам, — а ими были по преимуществу представители реакционного дворянства, — необходимо было провести какое-нибудь мероприятие, или задержать проведение того или иного мероприятия, союз русского народа приводился в движение. Летели одна за другой телеграммы министрам, непосредственно к царю, и руководители, желавшие добиться своего, часто достигали желаемых результатов.

Однако самостоятельная политическая деятельность союза русского народа в конечном счете была безусловно слаба. Оно и понятно: живя исключительно или почти исключительно на подачки от правительства, борясь за эти подачки, союз русского народа, как и другие монархические партии, не мог занять достаточно самостоятельной позиции. Всякая попытка отдельных деятелей союза или отдельных органов союза русского народа занять такую позицию кончалась в большинстве случаев весьма конфузно для тех, кто пытался проявить хотя бы некоторую самостоятельность.

Время промышленного подъема и оживление в связи с этим политической деятельности застает союз в состоянии полной прострации. Создатели союза русского народа находились между собой в состоянии непрерывной войны.

Союз русского народа в этот период существовал скорее формально, чем как реальная политическая партия. Во всяком случае, оживление рабочего движения в 1912 г. не привело к созданию и организации резкого отпора со стороны союзников.

Война вносит новые черты в деятельность союза русского народа. Нельзя не отметить известного оживления деятельности союза русского народа, оживления, вырастающего на базе патриотического шовинизма, охватившего в связи с войной значительные слои русской городской мелкой буржуазии. Союзники в этот период времени пытаются проявить значительную деятельность, созывают совещания, на которых вырабатывается общая платформа, объединяющая всех монархистов. Пытаются проявить активность в организации патриотического настроения, однако и здесь, за очень небольшим исключением, их деятельность не разворачивается в достаточной степени широко. Попытка их вмешаться в деятельность военных органов, как это указывают публикуемые материалы, терпит неудачу.

Необходимо отметить некоторую двойственность положения монархических элементов в период войны, особенно после 1915 г., когда выяснилась полная неподготовленность военного ведомства к войне. Известно, что патриотически настроенные элементы принимали всяческие меры к тому, чтобы привести Россию к сепаратному миру. С другой стороны, в среде союзников получают широкое распространение шовинистические антигерманские настроения. Эта постоянная борьба двух течений не могла не отразиться на жизни и союза русского народа. Патриотически настроенный союз русского народа, призывающий царя на беспощадную борьбу с Германией, в то же время встречался с тем, что лица, весьма близко стоящие к нему, в этом вопросе занимали совершенно противоположную позицию. И в силу этого оживление, которое наблюдается в деятельности союза русского народа в этот период времени, в конечном счете носило характер видимости оживления. Союз русского народа не мог, да и не пытался оказать влияния на политическую жизнь страны. Правительственная власть, продолжавшая поддерживать на местах союзников, готовила их к новому возможному революционному движению, имея в виду их использовать, как они были уже использованы в 1905 г. Во всяком случае, съезд союза русского народа в 1916 г. поставил своей прямой задачей организацию на местах ячеек, которые должны были в нужный момент притти на помощь правительственной власти. Однако обстановка настолько сильно изменилась, что, кроме очень небольших групп чиновничества, духо-

венства, союз русского народа никого не мог организовать вокруг себя. Нужно определенно сказать, что то оживление среди союзников, которое выявилось накануне революции 1917 г., в гораздо большей степени показывало слабость этой организации, чем ее силу. В момент революции 1917 г. нигде на местах организации союза не могли оказать хотя бы самого малейшего сопротивления революционному движению. Как только аппарат самодержавного правительства был арестован, союзники, не имевшие никакой базы в мелкобуржуазной среде, оказались совершенно бессильными. Идея самодержавия была изжита в России, а раз это так, то монархическая партия должна была окончательно умереть.

В. Викторov.

23 декабря 1905 г., при приеме в Царском Селе депутации союза русского народа, царь сказал:

«Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас».

(«Московские ведомости», 1906 г., № 12.)

ВВЕДЕНИЕ

Образованная указом Временного правительства 5 марта 1917 года «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств» вела свои работы до Октябрьского переворота. Председателем комиссии был назначен московский присяжный поверенный Н. К. Муравьев. Членами ее, в разное время, состояли 12 лиц: ген. В. А. Апушкин, главный военный прокурор; акад. Д. Д. Grimm (около одного месяца заменял акад. С. Ф. Ольденбурга); С. В. Завадский, заместитель председателя комиссии, бывший прокурор петроградской судебной палаты (выбыл 16 мая); В. М. Зензинов; С. В. Иванов, заместитель председателя комиссии, сенатор; акад. С. Ф. Ольденбург, непрем. секретарь Российской академии наук (вступил в апреле); Л. П. Олышев, прокурор московского окружного суда (с 20 апреля по 16 мая); Ф. И. Родичев, делегат Временного комитета Государственной думы; А. Ф. Романов, прокурор виленской судебной палаты (с апреля до сентября); Б. Н. Смиттен, прокурор харьковской судебной палаты; Н. Д. Соколов, делегат Исполнительного комитета петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; П. Е. Щеголев, председатель Особой комиссии по расследованию действий департамента полиции.

За 8 месяцев своего существования Чрезвычайная следственная комиссия произвела громадную работу. Кроме опроса в заседаниях самой комиссии виднейших царских сановников,¹ в распоряжении ее состояло несколько судебных следователей, ведущих допрос второстепенных агентов старого правительства, а также частных лиц, и производивших обыски и осмотр вещественных доказательств (главным образом документов и писем), найден-

¹ См. «Падение царского режима». Стенографические отчеты. Ред. П. Е. Щеголева, тт. I — VII. ГИЗ. М.-Л. 1925 — 1927 гг.

ных у обыскиваемых лиц и в делах департамента полиции и разных министерств.

В частности, особая группа агентов комиссии, под руководством судебных следователей Александрова и Лебедева, обследовала деятельность монархических организаций (главным образом союза русского народа и союза Михаила архангела), допросив в Петрограде и других городах (через местных следователей) ряд виднейших деятелей этих союзов, произведя у них обыски с целью обнаружения данных о боевых дружинах, о совершении убийств, об организации погромов, о получении от правительства денежных субсидий, о произведенных растратах и проч.

Материалы, собранные этой ячейкой Чрезвычайной следственной комиссии, и составляют содержание настоящей книги.

Состав Чрезвычайной следственной комиссии, назначенной Временным правительством Керенского, а следовательно и состав лиц, исполнявших непосредственно «следственные действия», несомненно отразился на характере и темпе работ этого следствия.

Ведя почти 8 месяцев следственную работу, комиссия и ее агенты не смогли закончить следствие ни по одному делу, не могли создать ни одного судебного процесса. Ясно из документов, публикуемых в книге, что материала для такого обвинения было слишком достаточно, но комиссия и следователи тянули следствие, подбирая новые и новые материалы, для чего им, вероятно, нехватило бы и следующего десятилетия, если бы Октябрьская революция своим появлением не смела эту работу. Следует признать, что комиссия и ее агентура много поработали для истории (в смысле подбора документов и показаний), но ничего не сделали для актуальной политической жизни 1917 года. Что такое заключение не голословно, достаточно указать, что во главе всей следственной работы комиссии стоял известный следователь по особо важным делам округа СПб судебной палаты, П. А. Александров, видный работник щегловитовской юстиции, ведущий ряд политических процессов царского времени, где, в угоду политическим соображениям, принесены были в жертву и «право» и «справедливость».

Приведем другой факт. Для ревизии дел города Одессы, где особенно махрово распустилась деятельность союзников (Каульбарс, Толмачев, Коновницын, Пеликан и др.), был командирован в 1917 году сенатор Трегубов, донесения которого приведены в настоящей работе. Оказалось, что для ведения исследований по деятельности монархических организаций Трегубовым привлечен был б. офицер для поручений при одесском градоначальнике, полковник Рева, который сам являлся в прежнее время деятельным участником этих организаций (см. отдел III по городу Одессе). Конечно, и подбор материала и его освещение

в передаче видного монархиста получили свое специфическое выражение.

Немудрено, что многие виднейшие деятели с. р. н. не были разысканы (А. И. Тришатный, Юскевич-Красковский и др.), иные не были даже арестованы («неприкосновенные» члены Гос. думы Пуришкевич, Марков, Замысловский), иные освобождены от заключения «по болезни» (Дубровин, Орлов), крупнейшие ценности были возвращены купчихе-миллионерше Полубояриновой, беззаветно преданной союзнической деятельности, и, наконец, комиссией, собравшей горы материала, не было даже начато ни одного процесса против откровенных погромщиков и убийц.

Ценность настоящего собрания документов определяется тем, что здесь публикуются до сих пор не видевшие света и вовсе не предназначенные к печати документы, хранившиеся, главным образом, в секретных делах департамента полиции.

При всей своей специфичности, сохраняя определенный полицейский угол зрения, документы эти регистрируют даты, факты и часто откровенно (но совершенно конфиденциально) вскрывают вождения и мотивы отдельных мероприятий царской власти и ее — не содействия и попустительства только, — а прямого руководства и организации погромного дела союза русского народа.

Литература о союзе русского народа очень бедна. Конечно, есть множество статей и заметок в газетах того времени (1904 — 1917 гг.), которые дадут обильный материал для истории этого вопроса. Отдельных же работ о монархических организациях мы не имеем.

Редки статьи на эту тему и в ежемесячных журналах того времени, сжимаемых царской цензурой. Скучны сведения о союзе русского народа и его виднейших деятелях и в опубликованных за последнее десятилетие мемуарах и дневниках (Витте, Богданович, Суворин, Лев Тихомиров, И. И. Ясинский и др.).

Обращаем внимание читателя на большую статью В. Левицкого «Правые партии»,¹ где дана классовая характеристика состава контр-революционных партий и история их возникновения и деятельности, доведенная лишь до начала 1907 года. Публикуемый же в настоящей книге материал обнимает период с 1905 по 1917 год.

Большую роль в освещении союзнических дел и выявлении личности отдельных деятелей играют частые раздоры между союзниками, происходившие обычно при дележе казенного пирога.

Благодаря столкновениям, например, Дубровина с Пуришкевичем и Марковым в Петербурге, Восторгова с Орловым в

¹ «Общественное движение в России в начале XX века». Под редакцией Мартова, Маслова и Потресова. Том III, кн. 5. СПб., 1914 г.

Москве, Коновницына с Пеликаном в Одессе, возникают взаимные разоблачения, появляются и направляются к начальству (в департамент полиции) солидные «записки», вскрывающие и уголовное прошлое бывших друзей и их союзнические делишки (главным образом, растраты).

Приводимая в конце книги хронологическая канва извлечена нами из всего публикуемого здесь, а также просмотренного, но не публикуемого материала и из литературы. Сводка включает около 200 дат разных моментов жизни монархических организаций. Даже и эти сухие даты съездов, открытий отделов, утверждения уставов, приемов быв. царем депутатов, погромов и проч., при последовательном их просмотре, составляют кровавую картину: возникает в каком-либо городе союз русского народа, — вскоре следует погром в этом городе; царь поощряет союзников, — следуют опять-таки погромы или убийства политического врага и т. д. Разумеется, еще показательнее были бы синхронистические таблицы русской политической жизни за эти годы, но от них пришлось отказаться в виду необходимости экономить место.

Имевшийся в нашем распоряжении материал, хранящийся ныне в Государственном архиве, очень обширен. В настоящем издании приведена только часть этих документов. Отбор произведен, в основном, по двум признакам.

Во-первых, исключены показания и документы, ранее опубликованные, хотя бы в сводках, в виде журнальных и газетных статей. Таким образом, не вошли в книгу многочисленные газетные заметки из союзнической («Русское знамя», «Земщина», «Гроза», «Вече» и проч.) и либеральной («Русь», «Русское слово», «Русские ведомости» и проч.) печати, вырезки которых обнаружены в департаменте полиции. Задача просмотра и извлечения сведений из периодической печати того времени — совершенно особая, комплекты газет имеются в наших крупнейших книгохранилищах (Государственная публичная библиотека, библиотека Академии наук и др.), и мы не могли обременять настоящее издание этими выдержками. На этом же основании исключены весьма ценные подборки из судебного дела об убийстве Иоллоса, так как в печати имеется хорошая сводная статья Л. Львова,¹ очевидно, имевшего возможность просмотреть это дело. В нашем собрании приведены лишь 5 — 6 небольших заметок, дополнительно освещающих какой-либо задетый в документах вопрос, и две-три заметки о союзе русского народа, переведенные в департаменте полиции из заграничной печати. По этой же причине нам пришлось выпустить обширные цитаты (иногда по несколько страниц), сделанные следствием из черносотенной

¹ «Русская мысль», 1914 г., февраль, стр. 48 — 84, статья «Семь лет назад».

литературы (см. Отдел первый). Совершенно определенные погромные призывы, «научные изыскания» о ритуальных убийствах и прочий яркий материал может быть, при надобности, извлечен исследователями из хранящейся в наших библиотеках подлинной литературы союза русского народа.

Второе ограничение, проведенное нами, это отказ от использования многочисленных мелких донесений и заметок департамента полиции, характеризующих личный состав монархических организаций по всей России. Приводимые нами документы настолько отчетливо и сочно характеризуют моральный облик типичного союзника, что мы решили отказаться от сотен мелких сообщений об их пьянстве, дебошах, драках, привлечении к суду за кражи, мошенничества и т. п.

Весь находившийся в нашем распоряжении материал представляет собою результат судебного следствия и облечен был поэтому в соответственную форму: «1917 г., мая 20 дня, я, нижеподписавшийся, командированный для следственных действий в Чрезвычайной следственной комиссии М. Н. Лебедев, в присутствии понятых производил осмотр дела 6-го делопроизводства департамента полиции за 1905 г. № 999, ч. 39, литера Б, том 5, причем на стр. 136 оказалось...» и т. д.

После текста осмотренного документа идут подписи следователя и понятых. Такое трафаретное «обрамление» материала нам пришлось, из соображений экономии места, выкинуть, сохранив везде указания источников (№ и стр. дел), откуда извлечен документ.

Точно так же нами отброшены в официальной и частной переписке личные обращения и окончания писем: «Ваше превосходительство, милостивый государь, Степан Петрович» и «Примите уверения в совершенном почтении» и т. д. Такие обращения и концовки сохранены лишь в случаях их особой выразительности и характерности для взаимоотношений корреспондента и адресата.

В редких случаях (наприм., справка о субсидиях союзникам из департамента полиции) нам пришлось дать сводку сведений, извлеченных из обширного канцелярского материала комиссии.

Весь печатаемый материал разбит нами на 5 отделов, по территориальному признаку: С.-Петербург — Петроград, где находились главные палаты и советы союзнических организаций; Москва, служившая главным организационным центром для всей провинции; Одесса, в непосредственном содружестве с органами местной власти, развившая наиболее активную погромную работу; Нижнее Поволжье (Астрахань), где действовало наиболее темное «черноземное» черносотенство и откуда шли последние попытки спасти самодержавный строй (съезды и просьбы к б. царю 1915 — 1917 гг.); наконец, «Остальная провинция» (Центральная Россия, Западная Россия, Украина,

Дон и Кубань, за Уралом), дающая красочную картину массового захвата союзнической деятельностью темных слоев крестьянства и промежуточных групп городского населения (чиновничество, духовенство, люмпен-пролетариат). Внутри каждого отдела материал расположен в хронологическом порядке.

Каждому отделу предпослано небольшое вступление, ориентирующее в материале и дающее основную характерную линию поведения черносотенцев данного района.

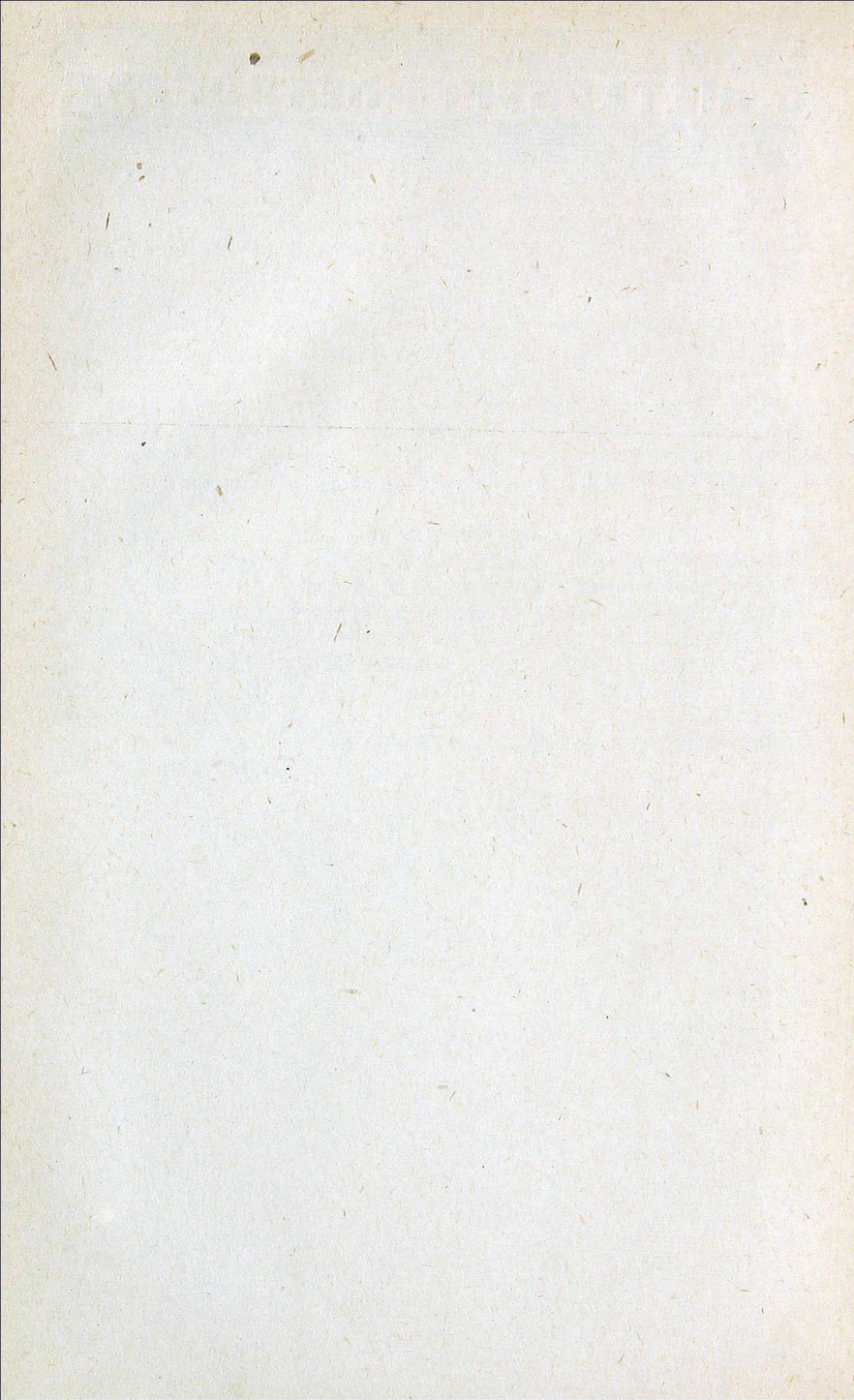
Оговариваемся, что везде, и в цитируемых материалах и в примечаниях, нами сохранен старый календарный стиль и старые названия городов (начиная с С.-Петербурга — Петрограда).

В виду часто встречающихся в заголовках, источниках и примечаниях ссылок на Чрезвычайную следственную комиссию, союз русского народа и на союз Михаила архангела, в указатель и хронологию введены сокращения этих наименований: ЧСК, СРН, СМА.

Настоящей книге нами дан заголовок «Союз русского народа», хотя в ней имеются материалы и о союзе Михаила архангела, и о союзе русских людей, и о других монархических организациях. Но все они имели меньшее организационное развитие и политический удельный вес, нежели союз русского народа, являющийся их родоначальником и, так сказать, «типовой» организацией, по образу и подобию которой строились другие черносотенные союзы.

На титульном листе помещено изображение нагрудного знака членов союза русского народа.

С.-ПЕТЕРБУРГ—ПЕТРОГРАД

Петербург, столица русских императоров, являлся центром союзнической деятельности. Здесь действовали правые депутаты Государственной думы, здесь были организованы «главные советы» и «главные палаты» монархических союзов, здесь работали идеологи и руководители черносотенного движения, здесь находился и действительный штаб погромных организаций — департамент полиции министерства внутренних дел, строивший монархические союзы и руководивший всей их идеологической и физической деятельностью. Печатаемые документы свидетельствуют об этой руководящей роли департамента полиции, имевшего в своем распоряжении главный стимул погромной работы — секретные фонды, расходуемые «на известное его императорскому величеству употребление».

Отдел открывается показаниями виднейших деятелей союза русского народа: инженера Соколова, ближайшего помощника Дубровина, впоследствии изменившего ему ради Пуришкевича; Зеленского, секретаря и активного члена союза русского народа; купца Баранова; погромного литератора, автора знаменитых «Сионских протоколов», Бутми-де-Кацмана; кормилицы союза Полубояриновой и других работников главного совета. Все они стараются преуменьшить свою роль в союзе, они — «мелкая сошка», преследовали лишь «мирные цели», стараются свалить явные преступления на своих бывших товарищей, но их показания, отдельно и в сопоставлении, проливают яркий свет на возникновение союза, подробно восстанавливают картину руководства провинциальными отделами, деятельности боевых дружин и связи с департаментом полиции.

Далее идут показания исполнителей преступных поручений главного совета: Прусакова, Половнева и др., среди них много обманутых рабочих, вовлеченных по нужде и темноте в союзные дела. За ними следуют показания высших полицейских чинов — Климовича, М. Комиссарова и Белецкого, который по справедливости должен быть признан наиболее верным, последовательным и неизменным руководителем и покровителем союза русского народа по всей империи. Наконец, серию показаний заключает адвокат Г. Ф. Вебер, взявший в свое время (с 1907 г.) защиту интересов убитого союзниками депутата Герценштейна и много поработавший в деле разоблачения преступлений союза русского народа.

При обыске в квартирах Дубровина и Полубояриновой обна-

ружены некоторые документы, часть которых публикуется здесь и вскрывает главным образом заботы Дубровина и К^о ускользнуть от суда по делу об убийстве Герценштейна. Очень ценен циркуляр союза русского народа от 30 сент. 1906 г. о необходимости для всех чиновников быть членами союза и «программа работ», выработанная Тришатным.

В последней части отдела сгруппированы документы о петербургских организациях, добытые из дел департамента полиции, среди которых особое внимание привлекает письмо графа Витте к Столыпину, доказывающего на основании документов следствия, что всё покушение на него организовано союзом русского народа при участии агентов власти (граф Буксгевден, чины петербургской охранки), которая замяла следствие по этому делу. Очень красочны документы, характеризующие личности петербургских союзников и их вождя, доктора Дубровина.

Особенно ценны документальные данные о расходовании секретного фонда, изобилующие пикантными подробностями. Суммы эти, например, за отчетные 4 месяца (15 окт. 1915 — 12 февр. 1916 г.) превышали 200 000 руб., а за год — доходили до 2¹/₂ млн рублей. Отдельные выдачи очень разнообразны: от 200 р. до 50 000, причем особым благоволением раздающего, директора деп. пол. Белецкого, пользовались члены Государственной думы Замысловский, Марков, Пуришкевич и др.

ПРОТОКОЛЫ ПОКАЗАНИЙ ЛИЦ, ДОПРО- ШЕННЫХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕН- НОЙ КОМИССИЕЙ

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ В. П. СОКОЛОВА ОТ 2 ИЮНЯ 1917 Г.

Вступил я в союз русского народа через три месяца после его образования, т. е. в конце декабря 1905 года, а потому история его первоначального образования мне неизвестна.

Во время октябрьской смуты я принял участие в организации союза возрождения России, кружка, составившегося из профессоров и студентов петроградских высших учебных заведений, сторонников учения славянофилов. Как делегат этого кружка, был на съезде в Москве в ноябре 1905 г., где впервые познакомился с представителями союза русского народа. Затем, вернувшись из Москвы, я доложил о происходившем на съезде и в частности о практической деятельности союза русского народа, успевшего организовать значительное количество народных масс как в Петрограде, так и в провинции путем открытия отделов в то время, как мы занимались теоретическими тонкостями программы. Результатом моего доклада было решение принять участие в практической работе союза русского народа. Антизабастовочное движение было уже довольно сильно среди рабочих; по вечерам и даже ночью они приходили в союз записываться, опасаясь, конечно, мести или репрессий со стороны революционно настроенной части.

Когда на данном заводе или мастерской число записавшихся достигало нескольких десятков, их собирали вместе и старались образовать организованную ячейку. Необходимость организации понимали и сами рабочие, ибо иначе они чувствовали себя бессильными бороться с левыми, которые всячески преследовали, ставили на плиту, вывозили на тачке и даже не останавливались перед открытым убийством из ружья, револьвера, ножом и даже бомбой, не говоря уже о целом ряде «несчастливых случаев», столь возможных при столь крупном машинном производстве. Так возникали так называемые боевые дружины.

Что касается самой организации таких боевых дружин, то она была такова: рабочие, члены союза, выбирали «десятских», «сотников» и даже «тысячников» из своей среды. Отдельные дружины группировались по районам, и во главе таких районных дружин стояли выборные более или менее интеллигентные лица, как-то инженеры, техники и др.

Что касается вооружения дружин, то таковое было, если можно назвать оружием старые заржавленные револьверы системы

Лефосе с игольчатыми патронами (патроны имели ударники), причем были в незначительном количестве: на каждых примерно 20 — 30 человек приходилось по 2 — 3 револьвера. Тогда говорили мне, что они были доставлены по приказанию градоначальника фон-дер-Лауница, но так ли это, я не знаю, ибо в партии был слишком мелкой сошкой, чтобы меня посвящали в подобные вещи.

Это был единственный случай за все 11 лет, что я видел оружие в союзе. Рабочие были непрочь купить хорошие револьверы, но тут они встретили затруднение в департаменте полиции, нужны были разрешения на право покупки и ношения, но таковые выдавались очень скупо и выдавались через 2 — 3 месяца после подачи прошения.

Порядок получения оружия, насколько припоминаю, был таков: союзник составлял прошение, адресуя его в департамент полиции, и подавал его в союз русского народа, а союз препровождал это прошение в департамент полиции. Разрешение приходило в союз, который и выдавал. Просьбы не все удовлетворялись, почему союз стал добиваться получить право самому выдавать такие разрешения, но в этом ему было отказано.

На предложение ваше сказать, кто стоял во главе таких дружин, отвечаю: на это я не считаю возможным отвечать. Если эти лица захотят, они сами назовут себя, если же нет, я не считаю себя в праве их выдавать. Скажу только одно, что те, кто официально стояли во главе их, по моему глубокому убеждению, были фиктивными главарями, марионетками в руках других лиц, державшихся в тени. На предложенный вопрос, бралось ли клятвенное обещание от вступавших в боевые дружины, объясняю, что действительно такие клятвенные обещания брались, текста и содержания таких клятвенных обещаний не помню, помню, что такая клятва давалась, между прочим, в том, чтобы не выдавать друг друга и быть верными вере, царю, родине и дружинному знамени.

Про средства, которыми снабжались такие дружины боевые, мне известно следующее. На организацию таких дружин средства отпустил сам союз русского народа в лице совета союза. И при дальнейшем существовании снабжал средствами дружины совет союза русского народа. В отношении пожертвований, поступавших в союз русского народа, должен сказать, что не все такие жертвования шли гласно, были такие жертвователи, которые не желали, чтобы записывалось, от кого именно поступили деньги. Были такие случаи, что, например, Дубровин говорит: «Вот мне внес (не называя фамилии) такую-то сумму», но действительно ли он называл ту сумму неизвестного жертвователя, которая поступила, или в меньшем размере, про это я не знаю. От правительства союз получал субсидии из десяти-миллионного фонда. Точно времени, с какого года, не могу ска-

зять, приблизительно с 1908 — 1909 г. и до последних дней. Получения происходили кустарным, так сказать, способом. Приезжает какой-нибудь представитель из Москвы, обращается в министерство и получает, а центр узнает уже пост-фактум. Субсидии исходили из министерства вн. дел, но кто из представителей его принимал фактическое участие, — не знаю. Могу констатировать, что Крыжановский располагал большими средствами, отпущенными на предвыборную агитацию, но снабжал ли и союз русского народа, — не знаю. Состоял ли кто-либо из министров членами союза русского народа? Я могу сказать, что состояли: Хвостов (когда сделался министром вн. дел, то отказался), также и Волконский, отказавшийся перед тем, как быть назначенным министром. Более припомнить не могу. Припоминаю, что как-то Белёцкий, состоявший в то время директором департамента, заметив у меня жетон союза русского народа, просил меня достать и ему такой, но так это и забылось. Кто посещал союз? В прошлом году посетил один раз наш съезд Хвостов, и затем кто-то из вице-директоров департамента полиции прибыл на съезд союза русского народа и приветствовал от лица начальства.

В конце 1908 или начале 1909 г., возможно даже, что и в 1910 году, из союза русского народа вышел Дубровин со своими единомышленниками и образовал «Всероссийский дубровинский союз», а остальные члены союза русского народа остались, избрав своим председателем ныне покойного Эммануила Ивановича графа Коновницина. Наш союз остался при прежнем уставе союза русского народа, а Дубровин образовал «Всероссийский дубровинский союз русского народа». Если считать по хронологии расколов в союзе русского народа, то сначала откололся от союза русского народа Восторгов, образовав в Москве союз, потом откололся Пуришкевич, образовав союз имени Михаила архангела, и, наконец, Дубровин, образовав Дубровинский союз. А мы, как были, так и остались союзом русского народа. Главное отличие нашего союза от Дубровинского состояло в том, что мы признавали законодательные учреждения в лице Гос. думы и Гос. совета, а Дубровин отрицал их, и, следовательно, задачи его союза были в противоречии и непризнании манифеста 17 октября 1905 года. Конечно, официально на это он не имел права, но практически он, конечно, осуществлял свою пропаганду в печати и другими способами.

Наш центральный союз русского народа помещался в Басковом переулке, где было всё делопроизводство и архив, но всё это во время революции сожжено толпою. Знамена же увезли в Государственную думу.

Дубровин — человек, которого вынесла волна реакции, возникшей после 1905 года; в действительности, эта реакция вознесла его выше действительных его нравственных качеств.

Бюджет нашего центрального органа союза русского народа в последнее время был около 60000 в год, из коих около половины этой суммы мы получали от правительства. Фактически получал деньги Марков 2-ой, наш председатель Николай Евгеньевич Марков 2-ой. Каждый месяц в более или менее определенные дни он вносил деньги казначею, но от кого именно он получал деньги, от министра ли или от директора департамента, — того не знаю. Полагаю, что это известно только одному Маркову.

От кого получал Дубровин, как председатель Дубровинского союза, правительственную субсидию и получал ли ее, — не знаю.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ М. Н. ЗЕЛЕНСКОГО ОТ 22 МАЯ 1917 Г.

В союз русского народа я вступил со дня основания его, скажу даже более, — с того времени, когда только что возникла мысль об его образовании. Это было приблизительно в 1905 — 1906 году. Идея этого союза была сплотить русскую народность на началах укрепления монархии и поднять народное благосостояние. Это была, так сказать, основная идея его. Избрание в председатели этого союза Дубровина произошло как-то само собою: собрания происходили у него в квартире, где он был радужным хозяином, ну, естественно, его и избрали председателем. Секретарские обязанности при основании союза вел прис. повер. Сергей Иосифович Тришатный, который и стал секретарем совета.

Председателем совета состоял Дубровин, товарищами председателя Александр Иосифович Тришатный (инженер), Майков Аполлон Аполлонович (собственник дома на Вас. острове), Воронков Василий Львович (т-во официантов), Баранов Иван Иванович (он же и казначей), Василий Андреевич Андреев (заведующий холодильниками Унион), Сергей Дмитриевич Чекалов (купец, чайный торговец), Ершов Феофан Александрович, меховщик Сурин, Павел Федорович Булацель (прис. поверенный), Сергей Иосифович Тришатный (тоже прис. поверенный). Кандидатами состояли: я, Бутми Георгий Васильевич, Голубев, имевший мясную лавку, Епифан Дорофеев, Языков Николай Михайлович, служивший земским начальником в Казани, Слиммак Тит Артемьев, кр., служивший весовщиком на Николаевской ж. д.

Состав совета менялся, и впоследствии в него входили: Соколов Виктор Павлович, Юскевич-Красковский Николай Максимович, граф Эммануил Иванович Коновницын, ныне покойный, прочих не могу припомнить.

Тришатный секретарем оставался очень недолго и оставил эту должность, его сменил я. Товарищем же председателя был избран Пуришкевич.

Первоначально задачи союза фактически сводились к организации отделов, которых было образовано около 3 000, чуть ли не в селах.

Состоя секретарем совета, я тогда же обратил внимание на то, что союз русского народа в лице особого отдела совершенно конспиративного характера образовал особую организацию, поставившую своею задачею оказывать вооруженное противодействие левым партиям. Для осуществления такой задачи были образованы боевые дружины, которые снабжались оружием. В нашей канцелярии стали появляться подозрительные типы, вооруженные револьверами.

Во главе этого отдела находились: Дубровин, Майков, Соколов Виктор Павлович (горбатый), Юскевич-Красковский, граф Коновницын. Видимо это было соорганизованное общество, так, у них был некий Степан Яковлев, служивший в охранном отделении и игравший тут роль «наводчика». В задачу указанной организации, как я сказал, входила борьба с левыми партиями путем оружия, и естественно было уничтожение левых видных деятелей; Яковлев, служа в охранном отделении, и мог указывать и быть, так сказать, наводчиком. Были боевые дружины, в которых состояли Половнев, Ларичкин и другие. Они наводили даже страх. Они заняли даже в нижнем этаже помещение.

Это обстоятельство побудило возбудить вопрос о выселении названных деятелей из помещения канцелярии, так как к тому же они заявили требования о выдаче им довольно значительных сумм на расходы. Советом под председательством Пуришкевича было постановлено отказать в их ходатайстве и выселить их из канцелярии, причем было рекомендовано им обратиться к Дубровину, который, как было нам известно, был в «курсе их организации».

Описанный отдел, — боевой, так сказать, — имел, конечно, денежные средства, но откуда они получались, мне неизвестно. То, что попадало в этот отдел или вообще в руки к самому Дубровину, у нас по кассе не проходило.

Боевая часть, во главе с Дубровиным, Майковым, Соколовым, Коновницыным и Юскевичем-Красковским, старалась забрать в свои руки дело союза, — это вносило раздор, вызвавший мой уход и других лиц. Вообще, должен вам по совести констатировать, что деятельность союза русского народа стала «пахнуть уголовщиною». И действительно, деятельность этого боевого отдела союза выразилась в совершении убийства Герценштейна. Что это было дело рук названного отдела — в этом, конечно, едва ли можно сомневаться, так как это подтвердилось и на суде.

Во главе «боевой» деятельности таким образом стояли Дубровин и Коновницын Эммануил, «командиром» называли Юскевича, обсуждение планов происходило при участии

Майкова, Соколова, Коновницына, Юскевича, Дубровина — это был совет или штаб, остальные играли роль либо исполнителей, либо наводчиков, причем одну из главных ролей, как охранник, играл Яковлев. Были и исполнители, в роде Ларичкина. Тех средств, которые образовывались от членских взносов, конечно, было недостаточно. Но кроме этого в руки Дубровина поступали довольно крупные суммы, источник их я не знаю. Могу лишь сказать, что однажды я видел, как к Дубровину приходил курьер от Крыжановского; передавали, будто он приносил денежные суммы.

Уйдя из союза русского народа, я прервал всякую с ним связь и никаких сведений сообщить вам про деятельность его не могу, так как не знаю.

Таким образом, состоя, правда очень краткое время и к тому же в самом начале, секретарем союза русского народа, я могу достоверно сказать вам, что при союзе был организован особый отдел для совершения преступных деяний, а именно совершения убийств лиц левых партий, как врагов монархии; я полагаю, что если бы вам удалось разыскать Степана Яковлева, то он бы мог раскрыть эту конспиративную область союза. Как найти Яковлева, право, не знаю, но он когда-то жил, когда была дума, в доме Дернова, угол Тверской и Таврической (тел. дома 192-87), и у него проживали члены думы. Эта, так сказать, «террористическая» деятельность союза была конспиративна и держалась в секрете. Швейцаром дома 6 по 4-ой роте жил Иван, жена его Мария. Полагаю, если бы их найти, то они бы могли дать тоже полезные сведения.

Таким образом в деятельности союза русского народа должно различать две части: одна — внешняя, идейная и ничего не заключавшая преступного, а другая — явно преступная, преследовавшая вооруженную силу против деятелей левых партий. Душою последней, как я уже и сказал, были Дубровин, Майков и другие указанные мною выше лица. Эта деятельность была именно «боевая».

Более ничего добавить не могу. Мои сведения относятся к 1906 — 1907 году, так как позже я прервал связь с союзом.

Полагаю, осведомленным человеком о деятельности союза может быть прис. пов. Вебер.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ И. И. БАРАНОВА ОТ 1 ИЮНЯ 1917 Г.

Я занимаюсь торговлей; у меня имеется рыбный садок на Фонтанке у Семеновского моста (у Гороховой ул.). В октябре 1905 года меня бывший в то время настоятель Воскресенского монастыря Новгородской епархии от. Арсений познакомил с доктором Александром Ивановичем Дубровиным, Аполлоном Аполлоновичем Майковым и Полторацким (имени и отчества

последнего я не помню, он в то время находился в Петрограде, а жил постоянно в Москве). Все они приехали ко мне на квартиру. Из разговора с ними я узнал, что в Москве Полторацкий организовал общество «Народной охраны». Цель этого общества была защита бывшего царя при его проезде по Москве; они становились цепью по пути проезда государя и тем защищали его личность.

Вот отсюда и зародилась мысль об организации большого союза, который встал бы на защиту православия, неограниченного самодержавия и русской народности. Мысль об организации такого союза возникла уже после 17 октября 1905 г., т. е. после известного манифеста об учреждении Госуд. думы и об ограничении царской власти. Впрочем, с последним обстоятельством многие были несогласны, так как и после опубликования этого манифеста в основных законах не было нигде произведено изменений и царская власть продолжала, следовательно, быть неограниченной. По вопросу об организации упомянутого союза и приехали ко мне Дубровин, Майков, Полторацкий и от. Арсений.

Вскоре к нам присоединились 2 брата Тришатных (Александр и Сергей Иосифовичи), Пуришкевич и др. В начале ноября мы выработали устав этого общества и назвали его «союзом русского народа». Утвержден он был явочным порядком. Цель союза была, как я сказал, — православие, неограниченное самодержавие и русская народность. Средствами достижения означенной цели у нас были — печать: мы стали издавать идейную газету «Русское знамя». Мы устраивали публичные собрания, на которых выступали наши ораторы с программными речами.

Никаких других средств достижения указанной цели у союза не было. Так как сам союз русского народа была организация идейная, то и средства достижения цели были чисто мирные; всякое насилие мы отвергали. Внешняя организация союза была такова: 1) общее собрание, 2) главный совет и 3) отделы союза. Председателем всё время, до раскола союза, т. е. до 1908 — 9 г., был А. И. Дубровин. Первые 2 года я был избираем постоянно казначеем, после меня таковым была Елена Адриановна Полубояринова. Секретарем был Мих. Ник. Зеленский. Материальные средства у нас были — членский взнос в размере от 50 коп. в год и добровольные пожертвования. Никакой субсидии, никаких денег от правительства вообще и в частности от департамента полиции союз — ни главный совет, ни отделы — никогда не получали. В экстренных случаях мы допускали самообложение. На бывший в то время, в 1905 — 6 — 7 годах, террор слева мы действовали исключительно словом и убеждением. Члены нашего союза вооружены не были. Никакой боевой дружины в союзе никогда не существовало. Про убийство бывш. члена Госуд. думы Герценштейна в Териоках, Иоллоса в Москве,

Караваяева в Екатеринославе я ничего решительно показать не могу, так как об этих убийствах я знаю лишь по газетам и из разговоров, как всякий другой обыватель, — не более. Как организовались эти убийства, мне совершенно неизвестно. При выборах в Государственную думу, как известно, выбирались и проходили членами много наших союзников, но и на выборы от правительственных властей никакой помощи, ни материальной, ни иной, в Петрограде союз русского народа не получал. Бывший государь ни членом, ни покровителем союза русского народа не был, но он всегда сочувственно относился к деятельности союза. Это видно из того, что, когда мы 23 декабря 1905 года были у него в числе депутации, он принял от нас наш знак союза и благодарил за это. Из высших правительственных чинов у нас членами никто не состоял, но с некоторыми из них наши члены были знакомы. Например, Дубровин и Пуришкевич бывали у бывшего председателя совета министров Столыпина. Я вспоминаю, что на заседаниях главного совета мы постановляли в отдельных случаях обращаться за содействием к разным министрам по поводу поступивших каких-либо прошений отдельных лиц из провинции, но указать на конкретные случаи я не могу. Из высших членов духовенства у нас был членом союза епископ Митрофан (кажется Литовский, он был членом Госуд. думы), еще один епископ — из членов Госуд. думы (я забыл и не могу припомнить его имени), названный мною раньше о. Арсений (он умер в 1914 г. или даже в 1913 г. на Афоне), о. Иоанн Сергиев Кронштадтский; последний был нашим почетным членом; он освящал первое знамя союза русского народа. Приблизительно в 1908 — 9 или даже 10 годах произошел раскол в союзе русского народа, когда он разделился на 2 организации. Раскол этот произошел на личной почве между Марковым (Ник. Евг.) и А. И. Дубровиным, а вернее даже с Е. А. Полубояриновой по поводу избрания тов. председателя союза графа Эммануила Ивановича Коновницына (он уже умер).

Личные раздоры дошли у них до того, что Дубровин вышел со своими приверженцами из союза и организовал свой союз под названием «Дубровинский всероссийский союз русского народа», а Марков стал во главе первого союза русского народа. Впрочем, официально Дубровин открыл союз несколько позже, — примерно в 1911 — 12 годах. Я остался у Маркова. Со времени отделения Дубровина изменилось направление и оставшейся у него газеты «Русское знамя», с чем я лично даже был и несогласен, так как он свою вражду к Маркову перенес и в прессу. Со времени раскола союза Марков организовал свою газету — «Вестник союза русского народа». На предложенный мне вопрос о том, — допускаю ли я, что в союзе русского народа была особая боевая дружина, — я ничего сказать не могу; во всяком

случае, о существовании такой боевой дружины мне лично ничего известно не было. Я прошу еще записать, что каждое заседание нашего совета, а тем более больших собраний, начиналось молитвами. Больше я показать ничего не могу.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ Г. В. БУТМИ-ДЕ-КАЦМАН ОТ 1 ИЮНЯ 1917 Г.

Числа 22 — 23 октября [1905 г.] я от некоторых знакомых (Ярмонкина и друг.) случайно узнал, что у какого-то мне в то время неизвестного доктора Дубровина собираются по поводу издания манифеста 17 октября. Я пришел на квартиру Дубровина, познакомился с ним; у него оказались все незнакомые мне люди. Рассуждали они на тему о том, как следует реагировать на упомянутый манифест, но, видимо, ни у кого из них не было определенной программы.

Тогда я указал, что в Москве уже существует под председательством Грингмута монархическая партия и было бы правильное присоединиться к ней, как существовавшей партии, и открыть в Петрограде отдел этой партии. С партией монархической я познакомился совершенно случайно в Москве и присутствовал на одном из заседаний, 18 октября.

Так, собственно, ни на чем тогда у Дубровина и не остановились. Затем я получил повестку на следующее заседание к Дубровину по вопросу об организации союза русского народа. На этом заседании я не был. По поводу моего отсутствия на собрании ко мне пришел какой-то Аполлон Майков (по отчеству его я даже и не знаю) и убеждал меня притти и помочь им в организации союза русского народа, но я уклонился от этого и никакого участия в организации союза не принимал.

Когда возникла газета «Русское знамя», то я в течение 1906 г. был в этой газете бесплатным сотрудником по вопросам валютному и еврейскому. Так как серьезные экономические вопросы редакцию не интересовали, то я перестал помещать в «Русском знамени» свои статьи. Вот и всё мое отношение к союзу русского народа. Впрочем, я был Дубровиным приглашаем на заседания совета союза русского народа, но, заметив, что Дубровин совершенно неподходящее лицо для председательствования в большом обществе, о чем я и высказал на совете, я окончательно порвал с союзом русского народа всякую связь.

После того как я перестал бывать на заседаниях совета союза русского народа (членом этого союза я, собственно, никогда не состоял), я бывал на монархических съездах, созывавшихся тем же союзом.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ Е. А. ПОЛУБОЯРИНОВОЙ ОТ 28 ИЮНЯ 1917 Г.

Мой покойный муж занимался книгоиздательством, преимущественно учебных пособий, и по смерти мужа я, как наследница, продолжала его дело. В конце 1907 года я вступила в союз русского народа, как убежденная монархистка, в качестве члена совета. Союз наш помещался в 4 роте в доме Дубровина, который и состоял председателем союза русского народа. Сначала деятельность союза шла гладко, но с того времени, как в совет стали входить члены думы, в союзе стали появляться шероховатости, закончившиеся выбором нового председателя, Маркова 2-го, Дубровин же оставался попрежнему председателем, но почетным. Начался таким образом раскол. Союз русского народа переехал в новое помещение по Баскову переулку, 3, основал свою газету «Земщина». Наш же, так сказать, союз продолжать существовать только фактически, не имея своего устава. Мы продолжали издавать газету «Русское знамя», имея свою типографию и ведя переписку с членами союза русского народа. Но всё-таки своего устава мы не имели до 1912 года, когда Дубровину удалось добиться у министра внутренних дел Макарова утверждения нового, Дубровинского союза, и таким образом стал действовать Дубровинский союз русского народа, председателем которого был Дубровин, товарищем же председателя и казначеем состояла я. Совет наш состоял из 12 лиц, фамилии которых упоминаются в наших протоколах. Мы переехали в мой дом, по Воскресенской набережной, 30, в каковом доме помещалась и типография газеты «Русское знамя».

Программа деятельности союза русского народа, как я ее понимала и осуществляла, была такова: манифест 17-го октября 1905 года в смысле определения характера государственного строя был изложен туманно, можно было считать, что этот манифест вводит конституцию, а можно было думать и обратно, и потому мы и считали, что должно быть неограниченное самодержавие.

Средства к существованию союза русского народа. Мне известно, что в 1905 или 1906 году Столыпиным была дана субсидия что-то тысяч полтораста; это было, насколько я слышала, вскоре после покушения на взрыв дачи Столыпина. В дальнейшем могу удостоверить, что официально наш союз субсидий не получал, я это знаю, как казначей, — это я имею в виду наш, Дубровинский союз русского народа. Что же касается чисто союза русского народа (марковского), то я слышала, что там получалась правительственная субсидия, но от кого именно и в каком именно размере, — не знаю.

Боевые организации. Я лично понятия о боевых организациях союза русского народа не имею, сама лично никакого отношения

не имела к ним, и могу лишь сказать, что такие организации, насколько слышала от некоторых союзников, существовали в начале революции, но продолжали ли они существовать и позже, — мне неизвестно.

Говоря о средствах союза русского народа, так сказать, нашего, Дубровинского, я должна сказать о своем личном материальном участии в этом союзе. Я ежегодно по мере надобности вкладывала свои личные денежные средства в союз русского народа, поддерживая главным образом издание газеты «Русское знамя». Какую именно сумму я давала, сказать затрудняюсь и на этот вопрос прямо скажу «не помню», а на вопрос определить хотя бы приблизительно — могу сказать, что ежегодно около ста тысяч. Мои средства это позволяли. Давала я в виде пожертвования. Таким образом я затратила на союз за всё время не менее 500 000 р. Издание одной газеты обходилось около 60 000 ежегодно, так как она имела не особенно много подписчиков. Так как я руководилась убеждением и не преследовала каких-либо целей, то я и не жалею такого расхода.

Деятельность союза выражалась не только в издании газеты «Русское знамя», мы издавали и разного рода брошюры, сначала в большом количестве, а позже менее. Редактором газеты «Русское знамя» был Дубровин, а затем — князь Волконский Михаил Николаевич, Катанский, Еремченко Николай Иванович (умер). На предложенный вопрос, кто писал руководящие статьи, отвечаю: покойные Борк и Еремченко, а кто из живых — не помню.

Дубровин всё время вел переписку с союзниками, получая письма, адресованные на имя его, как председателя; таким образом фактически он всё время как бы был председателем союза русского народа.

Что касается каких-либо погромов, то, насколько я слышала, если таковые и были, то были до моего участия в союзе русского народа, я же вступила в союз и работала в нем в спокойное время его деятельности. Более мне ничего неизвестно.

Что касается личности Юскевича-Красковского, то, насколько припоминаю, он состоял в совете союза, но к нему, говоря откровенно, я относилась отрицательно, так как говорили, что он состоял на службе в охранном отделении.

Пуришкевич, когда разошелся с Дубровиным, образовал союз под именем «Народный союз имени Михаила архангела» (Моховая улица).

По прочтении мною показания прошу внести маленькое добавление: как я слышала, из полученной от Столыпина Дубровиным субсидии в сто пятьдесят тысяч рублей большая часть пошла на предвыборную кампанию в Государственную думу и меньшая часть на издание «Русского знамени».

Я могу даже пояснить более конкретно: как мне передавали,

большая часть субсидии пошла на проведение Пуришкевича в члены Государственной думы по Кишиневу, — это было желание самого Столыпина.

К показанию добавляю, на предложенный мне вопрос, относительно подачи адресованных на высочайшее имя прошений. Действительно, многие из членов союза русского народа подавали чрез союз прошения о помиловании, и тогда наше участие выражалось в том, что мы направляли по принадлежности прошение, давая иногда и свое заключение, насколько уважительно данное прошение.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ И. И. КОМИССАРОВА ОТ 24 ИЮНЯ 1917 Г

Я занимался по письменной части и служил в акцизном ведомстве, затем был добровольцем в русско-японскую кампанию, откуда вернулся в сентябре 1905 г. Ранее я никакими партиями не увлекался, но после русско-японской войны, отчасти под влиянием общего течения, а отчасти под влиянием нужды в заработке (главным образом), я поступил в союз русского народа в качестве писца, на жалованье 40 руб. в месяц. Так как получить это место можно было только члену союза русского народа, то естественно, что я поступил в этот союз, где оставался до июня — июля 1907 г. С одной стороны, будучи членом с. р. н., а с другой — служа в канцелярии его, я, естественно, был осведомлен о деятельности его и по этому поводу могу совершенно чистосердечно и откровенно поделиться всем тем, что я знаю достоверно и как факт.

Хотя с. р. н. был органом коллегиальным, управлялся советом, но, в действительности, руководителем, можно сказать — хозяином деятельности этого союза был А. И. Дубровин. Он был, в полном смысле слова, полновластным руководителем, который не терпел никаких возражений или препятствий в осуществлении того, что находил нужным сделать. Не погрешу, если скажу, что он всё делал, что только хотел. Получая и материальную и иную поддержку со стороны правительства, он внушал к себе страх, как человек, с которым бороться было невозможно. Идея об образовании боевых дружин с. р. н. была его, Дубровина, но, как человек хитрый, он старался придать этой организации тайный, конспиративный характер. Деятельность таких боевых организаций поэтому не может быть отнесена к ответственности всего с. р. н., так как работа таких боевых организаций являлась делом рук не всех членов союза. Когда я вступил в союз, то я застал боевые дружины уже организованными. По предложению Юскевича-Красковского вступил и я в эту дружину, так как находил неудобным, служа в союзе, отказаться от сего предложения.

При этом должен отметить, что деятельность и существование

такой дружины держались в большом секрете. Так, когда я вступил в эту дружину и стали ходить слухи, что кто-то на стороне рассказывает про нее и даже в печати появились какие-то заметки, то, видимо, заподозрили меня, и Юскевич-Красковский, грозя кулаком, мне пригрозил, говоря: «Смотрите, я вам вырву язык, если вы только будете выносить на сторону о работе дружины». Боевые дружины существовали как в Петрограде, так и в других наиболее крупных городах России, как-то: в Москве, Одессе, кажется, в Нижнем-Новгороде и других городах, которых сейчас за давностью не помню. Возникли такие дружины на почве самообороны от активной работы революционеров, но затем они отклонились от этой своей прямой цели и стали совершать уже преступления. Нельзя сказать, чтобы такому роду деятельности дружин сочувствовали все дружинники. Главным, основным ядром боевых дружин были: Дубровин, как лицо, подавшее идею и сочувствующее, но фактическим руководителем и начальником дружины был Николай Максимович Юскевич-Красковский. В Петрограде были, кроме общегородской дружины, еще и другие, районные дружины — нарвская, московская, путиловская и за Невской заставой. В каждой такой районной дружине был свой начальник. На Путиловском был начальником Половнев, за Московской — не помню кто, за Невской — Снесарев, прочих не помню, но во главе всех этих районных отделов стоял Юскевич-Красковский с помощниками (сотрудниками) Степаном Яковлевым, служившим в охранном отделении, горбатым студентом Виктором Соколовым; этих лиц чаще других посещал Майков.

Общегородская дружина была мало организована, так как лица, состоявшие в ней, были разбросаны в разных частях города, тогда как районные были более организованы и сплочены, так как состояли из рабочих определенного завода или района. Кроме начальников дружин у них были десятники. Вооружение состояло из револьверов разных систем, как-то: Лефосе, браунинг, парабеллум и др. Доставлял вооружение Юскевич-Красковский, получавший таковое от петроградского градоначальника фон-дер-Лауница, с которым он состоял в личной дружбе. Для хранения оружия была отведена маленькая комната в первом этаже в том же помещении-квартире, где находилась канцелярия союза в доме Дубровина. Доставлялись револьверы в деревянных ящиках. Была заведена особая книга у Юскевича-Красковского, который ее хранил в том же шкафу; в эту книгу и записывались раздаваемые револьверы, и в ней расписывались лица, получавшие их. Мне известно, что Юскевич ездил в Финляндию за револьверами хороших систем, браунингами, и оттуда привозил, но у кого именно он там приобретал, мне неизвестно. Дружина собирала фотографические карточки и изображения разных политических

деятелей, но кого именно, — не знаю. Видимо с тою целью, чтобы ознакомиться с личностями намеченных жертв. Я сам слышал разговор о том, чтобы убить директора Семянниковского завода Гиппиуса, — об этом беседовали в дружине, но привести своего намерения в исполнение им, видно, не удалось. Гиппиуса страшно ненавидела боевая дружина Невской заставы. Что касается денежных средств на поддержание этих дружин, то по этому могу показать, что деньгами союз русского народа снабжало министерство внутренних дел. Но кто именно в частности снабжал, не знаю. Среди участников дружины могу назвать Ларичкина, Половнева, Степана Яковлева и др., коих не помню. При помощи такой дружины был убит Мухин (убил его Ларичкин), Герценштейн и в Москве — Иоллос. Вот все дела, которые, как мне известно, были выполнены при участии дружин. Но, повторяю, что в дружине руководителем ее работы был именно Юскевич-Красковский.

Когда рассматривалось в Финляндии дело об убийстве Герценштейна, то я был приглашен в качестве свидетеля и давал показание.

Когда Пуришкевич, в виду происшедших недоразумений, отделился от союза русского народа, то боевые дружины остались при Дубровинском союзе.

Из союза я ушел приблизительно в июне — июле 1907 года, но могу удостоверить, что боевые дружины продолжали существовать, но долго ли еще просуществовали, того не знаю. Могу только категорически удостоверить, что боевые дружины не прекратили своей деятельности.

Что касается правительственных властей, то они относились благосклонно к этим союзам, попустительствуя работе их. Так, например, исхлопывали помилования: по делу Герценштейна были помилованы Юскевич-Красковский, Половнев, и такое помилование ничем не вызывалось. Дубровин привлекался к допросу по делу об убийстве Герценштейна, и власти не разрешили его вытребовать в Финляндию.

Министром юстиции был тогда Щегловитов. Могу удостоверить, что всякий раз, как только раскрывалось какое-либо дело, компрометировавшее союз русского народа, делалось всё, чтобы замять дело. Когда производилось дознание в Петрограде об убийстве Герценштейна и я был приглашен в качестве свидетеля, то также были приглашены и союзники, но они вели себя так вызывающе, угрожающе, что нам ничего нельзя было поделать, чтобы раскрыть язвы союза русского народа, а кроме того была опасность быть убитым. Союз просто издевался над всяким, кто только хотел разоблачить его, и в этом отношении правительство давало во всем полную потачку.

Будучи в союзе, я вел заметки в виде тетради, которую и пе-

редал Прусакову, но там было незначительное и не представляющее особую серьезность. Вот всё, что мне известно.

В частности, про дело об убийстве Герценштейна могу сообщить нижеследующее. Я обратил внимание на то, что перед выполнением этого убийства происходили собрания в квартире Юскевича-Красковского, жившего по Невскому пр. После убийства Ларичкин появился в новом костюме, лакированных сапогах. И, когда в печати стали всё упорнее и упорнее появляться указания на то, что убийство Герценштейна — дело рук союза русского народа, то лица из боевой дружины стали появляться в союзе всё реже и реже и стали даже избегать говорить про это дело.

Уйдя из союза летом в 1907 году, я с того времени Дубровина более не видел. Более ничего прибавить к сказанному не имею.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ А. И. ПРУСАКОВА ОТ 9, 12 И 15 ИЮНЯ 1917 Г.

В союз русского народа я вступил 17-го декабря 1906 года по рекомендации петроградского градоначальника Владимира Александровича Дедюлина, с которым был до этого знаком несколько лет и который и дал рекомендацию к Дубровину. В союзе я был секретарем редакции «Русского знамени» и исполнял секретарские поручения А. И. Дубровина. Кроме того, я состоял кандидатом главного совета союза русского народа, пользуясь всеми теми правами, что и член совета. Затем Дубровин пригласил меня на должность секретаря главного совета, но я отказался. Независимо от всего, я состоял членом издательского комитета при главном совете союза русского народа.

Я пользовался у Дубровина неограниченным доверием, был приближенным к нему лицом и был близко и хорошо осведомлен в деятельности союза русского народа. Я принимал участие в заседаниях союза, как секретарь редакции газеты «Русское знамя», по утрам являлся к Дубровину на квартиру с очередным материалом для газеты, а вечером приходил с материалом, исправленным и полученным от сотрудников.

Будучи близко знаком с деятельностью союза русского народа и с проявлениями этой деятельности, я и остановлюсь прежде всего на организации боевой дружины союза русского народа.

1. Боевые дружины. Первоначально предполагалось назвать союз союзом 17 октября, но называли союзом русского народа. Созданием таких боевых дружин преследовали цели различные: во-первых, борьба с политическими противниками, во-вторых, сведение счетов с личными врагами и, наконец, иногда работа таких дружин сводилась к учинению разбоев, грабежей и убийств. В некоторых и даже многих городах, где имелось богатое население евреев, такие дружины слу-

жили страхом и часто требовали деньги от богатых евреев путем угрозы учинения погромов.

Дубровин не только не препятствовал явно преступной деятельности дружин, но даже поощрял их, так как такая преступная работа дружин служила иногда способом получения средств. Это и были деньги, которые в виде откупов брались с евреев; правда не все деньги, что получала дружина, попадали в союз, так как часть денег попадала в руки дружинников.

Инициатором создания боевых дружин был сам Дубровин; фактическим организатором и распорядителем дружин был отставной губ. секретарь Николай Максимович Юскевич-Красковский, который был руководителем не только боевых дружин в Петрограде, но и в провинции. Обыкновенно Юскевич-Красковский докладывал о тех или иных мероприятиях дружины.

В Петрограде было несколько отделов дружин: так, был отдел за Невской заставой, под главенством ныне покойного Михаила Павловича Зубкова, по кличке «Душегуб», за Нарвской заставой — там был главным деятелем Юскевич-Красковский, помощником коего был Александр Половнев, по кличке «Сашка косой». Там же деятельное участие принимал некий Степан Яковлев, он же и закупщик и поставщик оружия; там же принимал участие ныне покойный граф Эммануил Иванович Коновницын. Эти два отдела не известны, и, насколько мне известно, других отделов и не было. Путиловская дружина — это то же самое, что Нарвский отдел. Состав дружин был из подонков — людей, которые совершенно не разбирали средств. Они и грабили и совершали набеги, и всё это им сходило с рук: зато, когда нужно было использовать эту боевую силу, союз мог направлять ее по своему усмотрению, и боевики выполняли даваемые указания союзом.

Члены таких дружин были вооружены оружием и взрывчатыми снарядами, которые привозили из Финляндии Юскевич-Красковский и Степан Яковлев; была даже особая «приемная комиссия», в состав которой, кроме Дубровина и Булацеля, входили еще Майков Ап. Аполлонович (вольный художник) и студент Виктор Павл. Соколов. Такая комиссия существовала на предмет расценки оружия, подсчетов расходов, затрачиваемых на оружие, определения степени пригодности взрывчатых снарядов и, наконец, рассылки чрез надежных людей во многие провинциальные отделы. Для обеспечения конспиративности оружие раздавалось из рук в руки. Мне лично известно, как очевидцу, что в ящики с литературою, рассылаемою в провинцию, секретно между книжками укладывались револьверы, преимущественно браунинги. Таким образом я могу положительно удостоверить факт снабжения боевых дружин оружием, причем таковым снабжались не только отделы петроградской боевой дружины, но и провинциальные отделы. В случае совершения

дружиною каких-либо преступлений, грабежей и даже убийств, Дубровиным гарантировалась безнаказанность, которая выражалась или в непреследовании, — значит, преступления оставались нераскрытыми, — или в помиловании осужденных. Вот почему в делах союза имелись многочисленные ходатайства союза о помиловании. Мало того, лица, как напр. известный одесский погромщик Моисеенко и известный кулачник в Екатеринославе околоточный Кузнецов, после осуждения их судом были не только помилованы, но и определены на службу в дворцовую полицию. Как я сказал, дружины под угрозами совершения насилий вымогали деньги, и часть из них поступала негласно к Дубровину. Делалось очень просто: посылались угрожающие письма и вымогались деньги крупные, из которых львиная доля оставалась самим начальникам дружин, часть поступала к Дубровину, приобретались иконы и знамена, а цены ставились значительно выше действительной стоимости, что вызывало большое неудовольствие со стороны Дубровина и даже бурные объяснения с начальниками дружин и провинциальных отделов.

В состав боевых дружин входили карьеристы-чиновники, а также чиновники, опороченные по суду, опустившиеся рабочие, люди дна и содержатели домов терпимости. Все эти лица стояли на весьма низком уровне нравственности и, пользуясь званием членов союза русского народа, обделывали разные нечистые дела, как наприм. исходатайствования помилований и предоставления евреям, под видом ремесленников, права жительства в Петрограде.

За то, что боевые дружины служили союзу русского народа, когда последнему нужно было свести счеты или «снять» влиятельного противника левой партии, как я уже упомянул, таким дружинам обеспечивалась преступная работа по совершению грабежей, шантажей, вымогательств. Должен отметить, что Пуришкевич к услугам боевых дружин не прибегал и, если что и делал, то пользовался лишь как угрозой для застрашивания при агитации выборов.

Снабжал средствами такие дружины Дубровин, получавший деньги для союза из министерства внутренних дел, департамента полиции и от двора, получал и из охранного отделения.

Кроме того, у Дубровина был большой талант собирать частные пожертвования, которым не велось учета. При таком положении Дубровин имел полную возможность из сумм, собираемых на союз русского народа, снабжать боевые дружины деньгами.

Фактически и реально боевая деятельность дружин союза русского народа выразилась в целом ряде убийств, как-то убийства Иоллоса, Герценштейна и покушения на убийство графа Витте, причем в отношении последнего должен вам сказать, что это деяние было организовано Дубровиным, как личный

счет, так как Дубровин при одном произношении имени графа Витте приходил в неистовство, называя его не иначе, как «граф полусахалинский».

В отношении организованного Дубровиным покушения на жизнь графа Витте могу остановиться подробнее, так как я был близок к Дубровину именно в тот период времени, когда это событие имело место. За месяц до покушения на жизнь гр. Витте, Дубровин просил меня достать подробный план дома графа Витте, по Каменноостровскому, 5. Когда я попытался узнать, для какой именно цели ему нужен план, то Дубровин мне сказал, что это необходимо по желанию бывшего царя. В показаниях своих, которые я давал 14 февраля 1909 года, я не назвал последнего, выразился из осторожности, что «по желанию августейшей особы», но теперь-то я могу сказать, что под этим тогда я разумел именно царя. По словам Дубровина, царь хотел изобличить графа Витте в двойственности и предательстве. У графа Витте, по словам того же Дубровина, имеется компрометирующая переписка, которую необходимо извлечь путем обыска, а для этого будто бы и нужен план. Тогда я не знал еще о случившемся, и только тогда, когда было обнаружено покушение на жизнь графа Витте посредством положенной в печь адской машины, для меня стало понятно, зачем был нужен план дома Дубровину, и, конечно, его рассказ о желании царя изъять переписку у графа Витте был явно неправдоподобный.

За доставление плана Дубровин обещал или 1 000 рублей или звание потомственного почетного гражданина, которого я тогда так добивался. Тем не менее, я наотрез отказался от исполнения просьбы Дубровина достать ему план дома графа Витте. После того Дубровин еще раз обращался с такою же просьбою, но всякий раз получал тот же отказ.

За несколько дней до обнаружения бомб в печке дома графа Витте мне пришлось как-то разбирать дубровинскую корреспонденцию, и я увидел черновик, набросанный рукою Дубровина, в котором говорилось о состоявшемся лишь спустя несколько дней покушении на жизнь графа Витте. Это, конечно, являлось очевидным и явным доказательством о прикосновенности к этому делу Дубровина, в этом сомнений и быть не может. На другой день или через день после обнаружения бомб в доме графа Витте, когда я зашел к Дубровину, я был очевидцем того, как Дубровин рассчитывался с двумя молодыми людьми и уплатил им деньги. Когда эти молодые люди упрекали Дубровина в неправильности расчета с ними, угрожая даже пойти к графу Витте, то, как сейчас помню, Дубровин произнес им фразу: «Ты разве держал когда-либо в руках три тысячи рублей?» Когда я, придя к Дубровину, застал описанную сцену, то Дубровин, как бы оправившись, заметил мне: «Вот враги меня не оставляют в покое, ко мне подослали левые, жида и граф Витте, чтобы

получить с меня 3 000 рублей, угрожая в противном случае объявить, что покушение на графа Витте организовано союзом русского народа и мною, как председателем, но я им вместо денег дал вот что», показав при этом кулак.

Затем Дубровин достал из бокового кармана тот самый черновик, который я видел, как сказал выше, раньше—еще до покушения на жизнь графа Витте, на столе Дубровина, и сказал мне, что он, Дубровин, приготовил записку для предупреждения возможных нападков на союз русского народа со стороны левых, которые и будут обвинять в этом деле. В записке этой указывалось, будто бы покушение на графа Витте организовано левыми, и, когда записка появилась в «Русском знамени», то Дубровин, довольный появлением ее, мне говорил, что теперь «эта сволочь» (разумея левых) не будет ни в чем обвинять союз русского народа.

После этого я, по поручению Дубровина, писал ряд замечток из Гельсингфорса, направленных против графа Витте, под псевдонимом «граф Беер», в которых опорочивался Витте тем, будто он сам подложил бомбы.

Ту же мысль высказывал в Государственной думе член ее Келеповский, и, когда я прочитал про это в газетах, то у меня была даже мысль и желание пойти к графу Витте рассказать всю истину дела. Я даже пошел к нему и через секретаря его Поморина заявил желание лично видеть графа,—не желая называть своей настоящей фамилии, назвался Феногеновым,—но граф почему-то меня не принял, а цели своего посещения секретарю, как человеку постороннему, я не хотел объяснять.

Я мог вам довольно подробно и детально изложить всё мне известное об отношении союза русского народа к покушению на Витте. Что же касается совершения убийства Иоллоса, совершенного в Москве, уже потому, что оно было совершено в Москве, а во-вторых—оно было еще до моего, кажется, вступления в союз,—я уже не могу вам изложить сведения, касающиеся его. Что касается убийства Герценштейна, совершенного также союзом русского народа в лице председателя Дубровина при участии боевой дружины, то я также хорошо осведомлен.

Могу прибавить, что о деятельности боевых дружин осведомлен Мих. Ник. Зеленский, и, когда я упрекал его за то, почему он не разоблачает этого (этот разговор происходил у меня по поводу дела Герценштейна), то он мне выразился приблизительно так: «Я вовсе не желаю, чтобы и меня так же изувечили и обесславили, как вас, мне моя жизнь еще не надоела».

Говоря о деятельности и организации боевой дружины союза русского народа, я забыл сказать, что очень деятельное участие в организации этой и добытии и снабжении ее оружием принимал дворянин Валериан Николаевич Казаринов. Он приобретал в Царстве Польском большие партии оружия, привозил его

в Петроград и был агентом по развозке оружия; в таковой его деятельности одно время сильно изобличала его даже и печать.

Хотя убийство Герценштейна совершено было еще до вступления моего в союз, но на основании тех фактических данных, свидетелем которых мне пришлось быть, я могу вам самым категорическим и неопровержимым образом удостоверить, что убийство Герценштейна совершено союзом русского народа, в частности при участии: 1 — Дубровина, как главного руководителя и организатора, 2 — Юскевича-Красковского, как непосредственного руководителя действиями исполнителей убийства, 3 — Казанцева, Половнева, Ларичкина, Тополева и Александрова (покойного). По сознанию самого Ларичкина, выстрелы были произведены в Герценштейна Казанцевым и Тополевым, причем Тополев промахнулся, а Казанцев застрелил.

В подтверждение того факта, что в убийстве принимал участие Дубровин, я привожу такой факт. Ко мне, как к секретарю своему и члену главного совета (собственно говоря, кандидату), Дубровин обращался с просьбою найти человека, которому, по его выражению, «было бы нечего терять» и который за вознаграждение не менее 15 000 рублей согласился бы принять на себя вину в убийстве Герценштейна. Дубровин в случае, если бы я нашел такое лицо, брался дать ему соответствующие указания, чтобы это лицо, приняв на себя вину, могло внестись по обстоятельствам дела доверие к своему признанию. Далее Дубровин говорил, что то лицо ничем не рискует, так как Дубровин устроит ему, после осуждения, безопасный побег в Америку, Аргентину или другие отдаленные государства. В случае, если бы такой план было трудно выполнить, то Дубровин советовал найти многосемейного человека, находящегося в последнем периоде чахотки, которого сильно озабочивала участь семьи. Семья такого лица, принявшего на себя вину, сразу была бы обеспечена сначала 5 000 рублями, а остальные деньги получила бы после смерти.

Я с ужасом отказался от такого предложения, так как понимал преступность его, и хотел даже бросить службу, но Дубровин дал очень прозрачно понять, что, если бы я захотел разоблачить, то мне угрожает смерть.

Затем ко мне как-то, как к секретарю газеты «Русское знамя», зашел один из ближайших сотрудников Дубровина, член главного совета Степан Яковлевич Яковлев и, выражая упрек Дубровину за его двуличие и неискренность, сказал мне: «Дубровин и Юскевич-Красковский, как руководители убийства Герценштейна, оскрамили весь союз русского народа». Яковлев мне тогда рассказывал, что перед совершением убийства Герценштейна Юскевич-Красковский вместе с Половневым и другими лицами ездили за Московскую заставу для упражнения в стрельбе из револьверов.

Должен заметить, что Яковлев, будучи вызван в качестве свидетеля в суд, отказался от указанных слов, и я такое его поведение вполне естественно объяснял его боязнью мести со стороны союзников. Как мне известно, Дубровиным было обещано Юскевичу-Красковскому купить на юге имение, и потому Юскевич-Красковский после своего исчезновения прислал письмо Дубровину, в котором напоминал ему, Дубровину, о его обещании, грозя в случае неисполнения такого обещания явиться в финляндский суд и рассказать всю правду о деле Герценштейна.

Кроме того, мне доподлинно известно, что Юскевич-Красковский тайком приезжал в Петроград и получил от Дубровина в два приема, сначала 4 000 р., а затем еще 21 000 рублей. Таким образом для меня было совершенно очевидно участие Дубровина в убийстве Герценштейна, и потому, на вопрос суда при разбирательстве дела, считаю ли я Дубровина участником убийства Герценштейна, я ответил категорически в утвердительном смысле, добавив, что, если бы Дубровин был невиноват, то не зачем было ему искать лицо, которое согласилось бы принять на себя вину, вести переговоры с Половневым и уплачивать 25 000 р. Юскевичу-Красковскому.

Что касается исполнителей убийства Герценштейна, т. е. Юскевича-Красковского, Половнева, Казанцева, Ларичкина, Тополева и Александрова, то участие их доказывается, с одной стороны, рассказами и признаниями их самих мне (Юскевича-Красковского, Половнева и покойного Александрова), так и показаниями Степана Яковлева и других.

Могу сказать, что об убийстве Герценштейна говорили совершенно открыто в союзе.

В частности в отношении Половнева могу сказать, что прицепщик (ныне кондуктор) Финляндской ж. д. Александр Афанасьевич Матвеев в разговоре со мною упоминал об Александре Половневе, который неоднократно перед совершением убийства Герценштейна являлся на железную дорогу и справлялся о времени отъезда членов государственной думы. Матвеев, не принимавший никакого участия, чувствовал себя неловко и просил даже Половнева более не приходить к нему, так как он являлся то с бородою, то без бороды, то в синих очках, то без очков, вообще видоизменял себя, имея при себе браунинги, бомбы и непробиваемые панцыри под одежду.

Долгом считаю отметить, что много было разговора по поводу убийства Герценштейна, говорили, как заметил, довольно открыто, причем этому много способствовало то обстоятельство, что расчеты Дубровиным с исполнителями этого дела не были произведены «добросовестно» и не были им выполнены данные обещания. Вот на этой почве и было много разговора.

Об этом деле осведомлен был секретарь главного совета Ми-

хаил Николаевич Зеленский, который мне неоднократно говорил, что он бы тоже дал показания по делу Герценштейна, если бы не опасался мести со стороны союзников.

То же самое осведомленным лицом является купец Василий Андреевич Андреев.

Кроме убийств Герценштейна, Иоллоса, покушения на убийство графа Витте, боевые дружины должны были привести в исполнение еще целый ряд убийств; так были намечены Милюков, Винавер, Грузенберг и другие. Но, разумеется, как я уже сказал, боевые дружины состояли из лиц, можно сказать, подонков общества, и, конечно, требовалось известное руководительство. Это видно, как было организовано убийство Герценштейна и др., и если убийство других намеченных лиц не было совершено, то естественно потому, что не было оно сорганизовано. Да как-то и в боевых дружинах не было уже солидарности, да и, наконец, новое совершение такого рода убийства уже не гарантировало так сокрытия преступления.

Утверждая, с одной стороны, о наличии боевых организаций при союзе русского народа и о том, что такие организации были именно при союзе русского народа, я должен здесь оговориться. Такие организации боевых дружин не находились в связи со всем союзом и даже с советом, совсем нет, потому что главный совет союза имел, так сказать, два крыла: явное и тайное. Членами явного крыла состояли лица, которые сами были недовольны действиями Дубровина и, как я сказал, например упрекали его в том, что он, организовав убийство Герценштейна, запачкал весь союз. Тайное же крыло и имело непосредственную связь с вышеописанными боевыми дружинами. Но я самым решительным и категорическим образом удостоверяю, — и полагаю, что такое мое утверждение найдет подтверждение в показаниях всех членов «явного крыла» гл. совета, — что главным инициатором, руководителем боевых организаций был именно Дубровин, намечавший задачи боевых дружин и организовавший выполнение намеченного.

Оружие находилось как в квартире Дубровина, так и в самом помещении боевой дружины, где помещалась и редакция (мой кабинет был рядом); в помещении дружины стоял окованный массивным железом сундук, в котором и хранились револьверы и взрывчатые вещества. Так как деятельность боевых дружин была конспиративная, скрытная, то принимались всяческие меры против возможных разоблачений. В этих видах инсценировались, например, нападения на поезд будто бы революционерами, во время чего и совершались убийства своих же союзников. Припоминаю, что, действительно, так и было однажды устроено: было сообщено, будто бы готовится нападение на поезд на какой-то станции и что необходима охрана со стороны союза; последняя Юскевичем-Красковским была организована, и в конце концов

оказались убитыми двое союзников. В числе намеченных жертв я забыл вам упомянуть еще одно лицо, — это директор Семяниковского завода Иван Иванович Гиппиус. Устроить это убийство несколько раз пытались, и уже ходили загримированные «боевики», но рабочие очень любили Гиппиуса и, подозревая о готовившемся убийстве, предупреждали союзников, что в случае убийства их директора они разнесут союз. К тому же и лица, на которых возлагалось выполнение этого задуманного убийства, оказались ненадежными, и потому этого замысла не удалось осуществить.

Боевые дружины существовали, конечно, не в одном только Петрограде, такие дружины существовали и в других городах; но все указания, все руководящие начала исходили из тайного крыла главного совета, во главе которого стоял Дубровин.

Должен предупредить вас, что в целях конспирации, конечно, нигде записей в книгах или документах о такой боевой организации не велось и потому следов не найти.

II. Погромы. Деятельность союза русского народа проявлялась в учинении погромов.

По провинции рассылалась литература, прокламации, в которых население призывалось к избиению представителей левых партий, преимущественно евреев, причем истребление последних рекомендовалось вне зависимости от принадлежности их к каким-либо партиям. Конечно, такие призывы имели результатом погромы, которые и происходили, например, в Белостоке, в Гомеле, в Одессе, Кишиневе и др. Об этом производились даже расследования.

Мне известны такие случаи. В Одессе члены местной боевой дружины, по указанию Дубровина и пр. пов. Булацеля и при участии председателя одесского отдела союза русского народа графа Алексея Ивановича Коновницына, привязывали к ошейникам собак значки союза русского народа с изображением креста и Георгия-победоносца и выпускали собак на улицу около церквей, когда кончалось богослужение и народ выходил из храма, причем кричали, что это устраивают евреи. Это вызывало большое возмущение среди выходивших из церкви богомольцев, тем более, что по заранее намеченной программе союзники кричали, что это дело рук евреев.

Это и вело к кровавой расправе с еврейским населением.

Об этом хорошо осведомлен весь состав гл. совета в лице купца Вас. Вас. Андреева и Воронкова. Что же касается прочих лиц, то полагаю, что, из опасения преследования от союза, они побоятся говорить правду.

Я выше указал, что боевые дружины были и в провинции. Так, насколько мне известно, в Архангельске председателем архангельского отдела союза русского народа состоял некий Фотий Давыдович Ключев, который, как мне известно, имел обще-

ние с Дубровиным, от которого получал оружие и привозил его в Архангельск и давал там инструкции местным боевикам, как держаться в отношении находящихся в Архангельске политических ссыльных.

Как-то Дубровин в откровенной беседе со мною сообщил, что Ключев проявляет в делах боевой дружины большую тактичность и вообще умеет очень легко прятать концы.

Кроме того, в «Русском знамени» велась систематическая травля, систематический призыв к возбуждению населения к погромам. Независимо от сего, отправлялись в провинцию агитаторы, как напр. Лев Ефимович Катанский, чиновник, Борис Антонович Васильев, студент Виктор Павлович Соколов (горбатый), которые и возбуждали население против представителей левых партий и евреев.

III. Разрушение начал манифеста 17 октября 1905 г. Союз русского народа находил, что манифест не есть акт добровольный, что акт этот получен путем давления на б. царя графа Витте, который действовал в интересах еврейства.

Исходя из этого, союз русского народа всё время шел вразрез тем началам, которые были возведены манифестом. Союз признавал, что царь неограниченный — самодержавный и что в России должна быть неограниченная монархия и в основе ее должно быть православие, самодержавие и народность. Это был лозунг союза русского народа. Для того, чтобы искоренить всякие попытки к проведению в жизнь начал 17-го октября, союз на страницах «Русского знамени» и других единомышленных ему газет, а также погромной литературы в виде брошюр, книг и листовок, рекомендовал избивание социал-демократов, социал-революционеров и главным образом евреев. Такая деятельность союза русского народа была до самых последних дней революции.

IV. Отношение высших властей к союзу. Союз русского народа пользовался большим вниманием бывшего царя, великого князя Николая Николаевича и, в зависимости от этого, и тех министров, которые так или иначе должны иметь отношение к союзу в смысле снабжения его материальными средствами, в частности министра внутренних дел и министра юстиции Щегловитова, которого деятельность в этом отношении проявилась в деле Герценштейна. Несмотря на очевидную причастность к нему Дубровина, последний был устранен от ответственности.

В дополнение к своим показаниям имею добавить:

1) Что человеком, осведомленным об организации боевых дружин и о кровавых делах, был секретарь гл. совета Михаил Николаевич Зеленский.

2) Кр. Тульской губ. Павел Беспятов, сторож при редакции газеты «Русское знамя».

3) Дворянин Иван Иванович Комиссаров.

4) Старший дворник дома Дубровина по 4-й роте, ныне проданного, Баранов.

5) Купец Василий Васильевич Андреев — совершал поездки в глубь России по поручению Дубровина.

6) Власов Владимир Иванович, кажется, дворянин, 65 лет, бывший актер, разъезжал по городам с целью погромной агитации. Состоял в распоряжении правителя канцелярии при Столыпине Кноля. Живет на Невском пр., в доме Лавры, где редакция газеты «Колокол». Хорошо осведомлен о многократных попытках Дубровина замести следы по делу участия его, Дубровина, в убийстве Герценштейна и в подготовках к погромам.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ А. В. ПОЛОВНЕВА ОТ 26 МАЯ, 1 И 2 ИЮНЯ 1917 Г.

Про деятельность союза русского народа я могу показать следующее. Членом союза русского народа я состоял с декабря 1904 года и по февраль 1909 года — значит всего около 4-х слишком лет. Мне хорошо известно и это я удостоверяю, что при союзе была организована боевая дружина. Членов в союзе русского народа было, конечно, много, но, кроме того, было несколько членов сплотившихся. Это я заключаю из следующего. Некоторых членов приводили к присяге, т. е. к клятвенному обещанию. Я сам видел такой лист с клятвенным обещанием. Это был большой лист с изображением 2-х черепов. Я такого листа не подписывал, но должен сказать, что был приведен к такой присяге чрез священника, я целовал евангелие, при этом присутствовал Дубровин, Юскевич-Красковский и Виктор Павлович Соколов. Целью боевой дружины была борьба с революцией и анархией всеми средствами, — вооруженною силою. Для осуществления такой цели боевая дружина снабжалась оружием и денежными средствами. Оружие дружина получала чрез градоначальника, снабжавшего револьверами. Что касается денежных средств, то таковые давали правительственные власти. Почему я это знаю? А вот почему. Союз посещал б. начальник охранного отделения Герасимов. Приезжал в дворцовой карете Фредерикс, также дворцовый комендант, и после их посещения Юскевич-Красковский, стоявший во главе боевой дружины, сам говорил: «Ну, теперь деньги нам даны».

Самая боевая дружина была организована советом союза русского народа, причем главными деятельными инициаторами были Дубровин, Виктор Павлович Соколов, Дезобри Леонтий Михайлович, жена его Варвара Николаевна. Как я сказал, боевая дружина преследовала цель — вооруженную борьбу с революцией, и, действительно, как это мне доподлинно известно, было совершено несколько убийств видных левых деятелей, как например Герценштейна, Иоллоса; были намечены и другие.

Известно это мне вот почему. Как я сказал, были листы с клятвенными обещаниями, причем были наклеены изображения тех лиц, которых предполагалось убить. Так были портреты: Герценштейна, Иоллоса, Винавера, Милюкова, Набокова, Родичева, прочих не помню. Таким образом я на основании этого могу удостоверить, что союз русского народа ставил своей целью совершать политические убийства деятелей левых партий. Некоторые убийства были осуществлены, например Герценштейна, Иоллоса, некоторые уже готовились, например убийство Набокова, который тогда где-то жил на даче, не то в Стрельне, не то в Лигове, хорошо не помню, и Красковский отправлял туда Степана Яковлева для ознакомления с местностью для осуществления убийства. Почему именно союз совершил только несколько убийств, а остальные так и остались не приведенными в исполнение, я не знаю: может быть — в виду происшедших событий, убийства Казанцева — одного из видных исполнителей задуманных союзом убийств, может быть — в виду происшедшего раскола среди работников боевой дружины, но точной причины не могу объяснить.

Раз задачею союза была расправа с некоторыми лицами левых партий, то для этого и была боевая дружина. Она была организована так: начальником ее был Николай Максимович Юскевич-Красковский, его ближайшими помощниками были Дезобри, Степан Яковлев, и таким образом в боевой дружине был как бы маленький свой совет. Остальные лица были просто «с улицы», лица, способные на грабежи и разбои. И действительно, такие лица совершали всякие налеты, грабежи и разбои, часто мирных обывателей, чем навлекали иногда неудовольствие самого даже Красковского, который иногда даже призывал к себе и «колотил по морде».

В частности могу сказать про отдельные убийства.

1. Убийство Герценштейна. Оно обдумано и приведено в исполнение союзом русского народа. Самый акт убийства был совершен Казанцевым, который его застрелил. Дело было так: по поручению Красковского, выехали в Териоки я и Александров для покупки револьверов, деньги дал он же. Мы купили, и, когда через два дня приехали в Териоки Красковский, Ларичкин и Казанцев, и вот тогда я и отдал револьверы Красковскому. Тогда же между Казанцевым и Красковским было совещание в гостинице. Красковский, отдав нам распоряжение во всем повиноваться Казанцеву, уехал. На другой день Казанцев, приказав мне и Александрову ожидать его около хуторка, сам ушел с Ларичкиным куда-то. В тот же день вернулся в Петроград и, когда сел в вагон, увидел вошедшего в вагон Ларичкина, который был бледен. Дорогою Ларичкин мне передал, что Казанцев убил того, кого нужно было. Приехав в Петроград, я с Ларичкиным пришли на квартиру к Красковскому, там застали

Красковского и Казанцева. Казанцев при мне рассказывал и докладывал Красковскому, как было выполнено убийство Герценштейна. Оттуда мы пошли в союз, где находились Дубровин и Виктор Павлович Соколов. Туда же приехали Красковский и Казанцев. И Казанцев и там доложил о совершенном убийстве. Дубровин, слушая с удовольствием, похлопал по плечу Казанцева, в виде одобрения за выполненное им убийство.

2. В отношении убийства Иоллоса я только знаю, что Казанцев при мне рассказывал Красковскому, Казаринову и Васильеву об обстоятельствах совершения убийства Иоллоса. И это убийство — дело рук союза русского народа.

Недели чрез полторы после убийства Герценштейна я и Рудзик были приглашены к начальнику охранного отделения Герасимову, который меня принял и сказал: «Ведь не вы совершили убийство Герценштейна?» Я, конечно, ответил: «Нет». Он сказал: «Ну и хорошо, молчите, вам больше нечего и говорить, и сидите спокойно». Для меня было очевидно, что Герасимов был в полном курсе дела относительно организованного союзом русского народа убийства Герценштейна. Да ведь связь союза р. н. с охранным отделением была, — вот Степан Яковлев, так тот там ведь служил.

Я удостоверяю, что деятельность союза р. н. в отношении вооруженной борьбы вплоть до убийства лиц левых партий была известна и встречала содействие и покровительство со стороны высших правительственных властей. Они снабжали боевую дружину деньгами, оружием, были осведомлены о партийных убийствах и скрывали виновных. Вот, например, Дубровина, организовавшего убийство Герценштейна, не отдали на суд, а отыгрались с нами, потому что, если бы Дубровина осудили, то признали бы виновность союза, признали бы, что союз занимается убийствами. Я не помню, кто тогда были министрами. Впрочем, помню, что министром юстиции был Щегловитов. Герасимов, как сказал, был в курсе дел, но ведь он был начальником охранного отделения, но действовал он по указке директора департамента полиции, не сам же так мог действовать. Затем я упомянул про Фредерикса и Дедюлина (дворцового коменданта).

Связь охранного отделения с работой союза можно видеть из того: когда я был освобожден из тюрьмы, то у меня охранное отделение дважды делало обыски, а зачем, — для того, что не осталось ли у меня каких-либо бумаг или документов о деятельности боевой дружины. И действительно, у меня находился лист с клятвенным обещанием за подписью, кажется, 33 лиц. Охранное отделение его забрало, забрало мой дневник с описанием деятельности союза, всё это забрали, а зачем — ясно само собою.

Действительно, как я теперь припоминаю, меня вы, г. следо-

ватель, вызывали несколько лет тому назад и допрашивали по делу Ларичкина; но я вам скажу совершенно откровенно, что тогда, конечно, не мог же я всей правды показывать, когда я был предупрежден Юскевичем-Красковским, что, если бы только я всё стал рассказывать известное мне про деятельность союза, тогда меня лишат жизни. Ну, конечно, что мне оставалось делать? Конечно, я не мог всего рассказывать.

Относительно манифеста 17 октября 1905 года, которым бывший царь ограничил себя, то дело было так. Дубровин на собраниях нам доказывал всем, что так как этот манифест вырван у царя под угрозами гр. Битте, то он никакой силы и значения не имеет, что потому союз р. н. не должен признавать такого манифеста и должен бороться всеми силами и средствами к тому, чтобы власть царя была неограниченная, чтобы царь был неограниченным монархом.

Я могу рассказать про Орлова, который принимал участие в сокрытии меня после убийства Герценштейна и по требованию которого я вынужден был именоваться Владимиром Михайловичем Петровым. Я Орлова хорошо знаю и, если только мне его предъявите, я сразу же могу его признать в лицо. Я повторяю, не знаю, действительно ли это и был Орлов, но он назывался Орловым.

(Свидетелю предъявлен доставленный из одиночной тюрьмы Василий Григорьевич Орлов.)

Этого господина я сразу же узнаю, да, это и есть тот самый господин, который перенял меня в Москве на вокзале, когда меня скрывали после убийства Герценштейна и который отправлял меня в имение «Плоцкое», Тульской губ., имение, принадлежавшее Яблочкову. Я его признаю категорически, безошибочно, готов удостоверить это, равно как и всё показание, под присягою.

На предложенный мне вопрос, не занимал ли я когда-либо денег у Полубояриновой, объясняю: действительно, я занял у нее в мае 1910 г. 3 000 рублей при следующих обстоятельствах: когда вместо Дубровина председателем в союз попал Марков II-ой, я выступил в заседании с заявлением о том, что Марков получил какие-то темные деньги от какой-то правительственной высокой власти, то я был исключен за такое выступление. И вот, выйдя из союза и нуждаясь сильно в деньгах, я обратился к нашей же союзнице, женщине состоятельной, Полубояриновой, у которой и попросил денег, они были нужны для постройки, она одолжила 3 000 р., а я выдал ей предъявленный мне вексель от 31-го мая 1910 года. Я и до настоящего времени с нею не рассчитался, дав в уплату только 300 рублей. Полубояринова дала деньги взаймы мне, как своему союзнику. Удостоверения от охранного отделения я не имел и потому предъявлять таковое жандарму Запольскому или иному лицу и не мог. Действительно, некоторые из союзников, участвовавшие в организованной бое-

вой дружке, как напр. Степан Яковлев, состояли на службе в охранном отделении, для того, чтобы быть осведомленным в видных деятелях левых партий и знать, кого нужно «снимать», но имели ли они какое-либо удостоверение или билет, мне неизвестно.

Одним из видных организаторов боевой дружины при союзе русского народа, как я уже и указывал и удостоверяю это положительно и категорически и в настоящее время, был Виктор Павлович Соколов, а также Юскевич-Красковский и Дезобри Леонтий Михайлович, со своею женою Варварой Николаевной. Поэтому Соколов — самый осведомленный человек и занимал в боевой деятельности союза роль не меньшую, чем сам Дубровин. Он получал оружие, он получал денежные суммы от правительственных органов, одним словом — человек «деятельный».

Могу добавить, что, когда в феврале 1907 года меня укрывали от финляндского суда, то Степанов из Петрограда привез меня в Москву и передал меня Орлову, а последний в свою очередь меня перевез на Курский вокзал и там передал меня какому-то неизвестному мне мужчине, который и доставил меня в Ефремов и затем в имение «Плоцкое». Таким образом Орлов остался в Москве и меня в «Плоцкое» не сопровождал. В этой только части и вношу поправку в первоначальное мое показание, где я рассказывал о поездке в «Плоцкое». В настоящее время я ничего не скрою и не имею повода или мотива что-либо скрывать. Довольно скрывать; прежде, если я и не мог всего говорить, то это было естественно, жизнь была дорога мне, и я опасался дубровинской мести, но теперь мне нечего таить. Особенно развивала свою деятельность боевая дружина в 1906 и 1907 году. Кроме снятия лиц левых партий, боевая организация занималась и грабежами и налетами на мирных жителей.

Когда произошел раскол среди союза и от союза, где председательствовал Дубровин, отделился отдел, где председательствовал Марков второй, то вот в этом последнем отделе играл первую, чуть ли не самую деятельную роль Виктор Павлович Соколов (горбатый), тот самый, что мне показываете.

Предъявлен свидетель Виктор Павлович Соколов.)

И их союз помещался в Басковом пер. Но фактически они имели какую-то секретную организацию монархическую и развивали свою деятельность до самых последних дней.

Не так давно к указанному Соколову приезжали какие-то лица из Нижнего-Новгорода, повидимому из их организаций, — это было перед революцией.

(Свидетелю предъявляется фотографическая карточка, на обороте которой имеется надпись: «Александр Еремеев Казанцев». Свидетелю предъявляется лишь изображение, но надпись не показана.)

Вот это и есть тот самый, что приезжал в Териоки за день до убийства Герценштейна, его привез Красковский, ведь это и есть

Казанцев, застреливший, как это говорил сам Ларичкин, Герценштейна.

(Предъявлена группа фотографическая, на обороте которой имеется надпись: «Группа боевой дружины союза русского народа».)

Это есть изображение боевой дружины союза русского народа, на ней я узнаю Ларичкина, Александрова.

(Предъявляется фотографическая группа меньшего размера, на обороте ее имеется надпись: «Группа боевой дружины союза русского народа».)

Это тоже боевая дружина союза, только вот фамилий что-то не могу вспомнить.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ А. С. СТЕПАНОВА ОТ 16 ИЮНЯ 1917 Г.

Я чистосердечно признаю себя виновным в том, что, по предварительному соглашению с Василием Федоровым и ныне покойным Казанцевым, задумав лишить жизни статс-секретаря графа Витте, в Петрограде в январе 1907 года опустил в дымовые трубы дома 5 по Каменноостровскому проспекту, где проживал граф Витте, две адских машины с часовыми механизмами, начиненные взрывчатым веществом, но привести в исполнение задуманного преступного деяния не удалось по независевшим от нас обстоятельствам.

В 1907 году я проживал в Петрограде в деревне Волынкино, в доме № 36, со своими родителями — Степаном Васильевичем и Евфросиньею Андреевною — и занимался портняжеством. По своим убеждениям я принадлежал к партиям левым, но ни в чем себя не проявлял и, признаваясь откровенно, не мог даже хорошо и разобраться в задачах партии. Имел я тогда своего товарища Василия Федорова, носившего кличку «маленького Васи», — человека безработного, жившего так же, как и я, в Волынке, со своею матерью. Там же, в Волынке, жил Семен Демьянович Петров, рабочий с завода Тильманса, знакомый как мне, так и Васе. На том же, видно, заводе работал некий Александр Казанцев, с которым был знаком Семен Петров. Последний и познакомил меня и Васю с Казанцевым. Петров как-то пригласил меня и Васю поехать к Казанцеву. Мы поехали, приехали к Казанцеву, жившему где-то на Петроградской стороне, неподалеку от часовни Спасителя. Казанцев жил в комнате один. Мы его знали как Казанцева, но впоследствии мы узнали, что он проживал по паспорту какого-то Олейко. Чем занимался Казанцев, — было непонятно для меня; Казанцев нам сказал, что он принадлежит к партии анархистов. В первое наше посещение мы поговорили немного, пришли во второй раз и третий, и Казанцев мне и Васе сказал, что партия анархистов признает графа Витте вредным и что нужно его убить. Мы, не разбираясь хорошо, во всем выразили свое согласие. Спустя некоторое время Казанцев рассказал, как это нужно будет вы-

полнить, сказал, что он достанет адские машины, которые и нужно будет положить в дымовые трубы дома, где живет граф. Спустя некоторое время Казанцев приехал к Васе, к которому пришел и я. Казанцев обсудил с нами, где будет удобнее зарядить адские машины. Решили у Васи. После этого, в условный день, Казанцев приехал к Васе и привез с собою два ящика. В каждом ящике были адские машины с часовыми механизмами и циферблатами, как будильники. Вот такие, как нарисованы на изображенном и мне предъявленном рисунке.

(Предъявляется рисунок за подписью Забудского и Циалова к акту от 8-го февраля 1907 года, имеющийся в следствии.)

Казанцев вставлял какие то стеклянные трубки, завел механизм. На какой час были поставлены стрелки часов, — я не помню. Казанцев приехал очень рано утром, привез не только машины адские, но и пук веревок, и затем рано же утром я, Вася и Казанцев втроем, взяв оба ящика с адскими машинами и веревки, поехали на одном извозчике на Каменноостровский проспект. Там мы сошли с извозчика и, по указанию Казанцева, взяли лежавшую под навесом приставную лестницу, поставили ее к крыше навеса и вошли по ней, а затем взяли и два ящика. Это было на соседнем дворе. Во двор мы прямо вошли, так как ворота не были закрыты. Это двор, кажется, дома Лидваля; вошли во двор мы не с Каменноостровского, а с заднего переулка. Итак, войдя по лестнице на навес дома, мы втащили лестницу и по ней вскарабкались на крышу дома графа Витте, так как дом графа немного выше того навеса. Подняли с собой и обе адских машины и веревки. Затем я вместе с Васей привязали веревками обе машины (у нас было два куска веревок) и опустили: я в одну трубу дымовую, а Вася в другую — по адской машине. Казанцев нам сказал, чтобы спустить машину все равно в какую трубу, мы так и сделали. Насколько припоминаю, когда мы уходили с квартиры, то мать Васи спросила у нас, увидев веревки, «что это у нас и зачем», на что мы, как помню, ответили, что трубы чистить идем.

Выполнив всё по указанию Казанцева, мы таким же путем, как влезали, спустились вниз и вышли на Каменноостровский проспект, где поджидал нас Казанцев, которому мы и рассказали о выполненном нами по его указанию деле. Мы зашли в трактир и попили чай, а Казанцев, дав нам два рубля, куда-то ушел. Мы с Васей вернулись. Вечером к нам приехал Казанцев и сказал, что взрыва не последовало и что дело расстроилось. Казанцев на второй день снова приехал к нам и сказал, что нужно опустить в те трубы, куда мы спустили адские машины, тяжести, чтобы от удара произошел взрыв. Тогда я, Вася и Казанцев, взяв старые плохие утюги у Васи потихоньку от домашних, поехали втроем на Каменноостровский, взяв с собою и веревки, привезенные Казанцевым. Но, когда мы подъезжали, то уви-

дели, что там власти и чины полиции; поэтому мы сошли с извозчика и пошли неподалеку на завод ближайший, где и бросили утюги и веревки. Мы убедились, что дело наше расстроилось и что взрыва не произошло. Мы так и разошлись. Прошло несколько дней, и с Казанцевым мы не видались. Казанцев пришел ко мне, послали за Васей; кажется, я сам даже и ходил. Казанцев стал уговаривать нас ехать с ним в Москву, мы согласились. Почему же мы поехали, не знаю, зачем. Оба мы с Васей были в то время безработные, Казанцев сказал, что мы будем жить на его счет, мы и поехали. Казанцев на свой счет брал билеты и содержал нас на свой счет. Приехав на вокзал, Казанцев повез нас на Большую Грузинскую улицу; там Казанцев имел свою квартиру из трех комнат и кухни, обстановка была ничего себе, бедности не было заметно. Встретила нас любовница его. Казанцев звал ее Дусей, а как ее имя и отчество, — не помню. Сначала мы пожили немного, а затем Казанцев стал организовывать убийство какого-то лица, которого называл вредным человеком, черносотенцем, и что нужно его уничтожить, т. е. убить. Когда мы приехали в Москву, то Казанцев дал мне и Васе по револьверу системы браунинга, и Казанцев стал ходить с нами за Тверскую заставу обучать нас стрелять в дерево. Вася стрелял более метко, чем я. Поэтому убийство указанного человека было возложено на Васю.

Казанцев с Васею стали ходить и следить за человеком, которого нужно убить, т. е. заниматься слежкой, в какие часы и какую дорогою ходит. Выследили, и как-то утром Казанцев вместе с Васею с револьверами и отправились. Вернувшись вдвоем часа через 3 или 4, — точно время определить не могу, — они рассказали, что дело сделано и что намеченное лицо убито. Застрелил его Вася, который даже рассказывал, что выстрелил несколько раз. Казанцев в этот же день поехал на рынок вместе со мною и Васею и купил нам платье: Васе пиджак и ботинки, мне, кажется, брюки, так как мои были совсем плохие.

Когда же в газетах было напечатано про убийство, то было написано, что убит Иоллос — человек левой партии, кажется, член государственной думы. Только тогда я и Вася — мы оба поняли, что нами руководит черносотенец и что мы попали к нему в руки. Тогда я и Вася решили, что нужно разделаться с Казанцевым и покончить с ним. Спустя некоторое время Вася поссорился с Казанцевым, из-за чего — не знаю, и уехал в Петроград, а я остался с Казанцевым у него. Спустя недели две, смотрю, Вася вернулся назад. Спустя некоторое время приехал к Казанцеву Семен Демьянович Петров.

Казанцев, Вася и Петров поехали в Петроград. Казанцев, уезжая, оставил мне поручение отнести коробку по адресу: Никитский бульвар, графу Буксгевдену. Прежде чем отнести эту коробку, я поинтересовался узнать, что в ней есть, открыл,

посмотрел, там оказался гремучий студень. Почему я знаю, что это был гремучий студень, а потому, что была надпись на каждой трубочке, которые были наподобие фиксатура.

Я пошел по указанному адресу и передал чрез лакея, по имени Ивана; он передал барину и сказал, что барин велел зайти на второй день. Я пришел, виделся с ним лично. Граф Буксгевден — человек солидный, без бороды, с усами.

(Предъявляется фотографическая карточка, на задней стороне которой имеется надпись: «Александр Анатольевич Буксгевден».)

Вот это и есть граф Буксгевден, у которого я был. Он, видимо, знал, что я от Казанцева. Он дал мне денег, рублей 10, я у него не просил денег, вероятно, он знал от Казанцева, что у меня не было денег. Граф приказал мне, как «своему» человеку, приходить каждый день. Когда я пришел к графу на второй день, то он дал 36 р. для передачи любовнице Казанцева, чтобы заплатить за квартиру Казанцева. — Я знал, что нужно было платить за квартиру Казанцева. Значит, было доказательство, что Казанцев жил на счет Буксгевдена. Насколько мне известно, и любовница Казанцева ходила к графу, получая, вероятно, на пропитание. Спустя несколько дней, я из газет прочитал, что совершено убийство в Петрограде неизвестного звания человека. Судя по обстановке, я сообразил, что это убит Васей Казанцев.

Я продолжал ходить к графу Буксгевдену, и вот, когда пришел к нему, то и он, прочитав в газетах про означенное убийство, понял, что это убит Казанцев, и поручил мне поехать в Петроград и выяснить, действительно ли это убит Казанцев. Получив от гр. Буксгевдена 25 р., я поехал в Петроград. Там я повидался с Васей, который мне рассказал, что Казанцева он убил, перерезав ему сонную артерию. Выяснив таким образом, что убит Казанцев, я дня через 4 вернулся в Москву и пришел к гр. Буксгевдену, которому сказал, что, действительно, убит Казанцев. Граф заволновался и был рассержен. Стал расспрашивать меня, не знал ли я раньше, что Казанцев будет убит. Из всего того, чему я был очевидцем, для меня было ясно, что Казанцев действовал сообща с графом и получал от него средства на выполнение убийств, т. е. на себя и на нас. Мы поняли, что мы очутились в руках черносотенной организации и что нами руководили Казанцев и гр. Буксгевден. Из газет я узнал, что граф состоит на службе в московском генерал-губернаторстве. Поднялся шум в газетах про убийство Иоллоса, про покушение на убийство графа Витте и про убийство Казанцева.

Я забыл вам сказать, что, когда в Москву приехал Семен Демьянов Петров, с которым Казанцев и Вася поехали в Петроград, то, как рассказывал там мне Вася, когда я приехал в Петроград узнавать, убит ли Казанцев (делал я по поручению графа), Казанцев подговаривал Васю лишить жизни гр. Витте;

каким путем, — бросить ли бомбу в автомобиль, или как иначе, — я теперь не помню.

Вот, когда об этом стали писать в газетах, я из опасения стал скрываться по разным губерниям — Тульской, Рязанской и др. Конечно, приходилось жить по чужим паспортам. Так скрывался я до 1912 г., когда я приехал в Москву, где занимался поденной работой и жил в разных местах, где придется. Там, в Москве, меня в 1912 г. задержали за бесписьменность и препроводили на родину, где я и проживал до призыва меня на военную службу, т. е. до августа 1916 года.

О том, что я участвовал с Федоровым и Казанцевым в выше-сказанных делах, меня никто не расспрашивал, никакие власти меня не задерживали, и с 18 декабря до 26 апреля я находился на передовых позициях, когда лег в госпиталь по недостатку зубов. В Петроград я был отпущен в отпуск в мае и приехал сюда 28 мая 1917 г. Жил я всё время при матери. Никто меня не беспокоил.

Получив повестку совершенно неожиданно, я по ней и явился к вам. Только сегодня впервые я и даю показание.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ И. А. ЛАВРОВА ОТ 26 ИЮНЯ 1917 Г.

В 1905 году, когда я служил рабочим на Семянниковском заводе, я поступил в союз русского народа, рассчитывая, что союз этот ничего преступного совершать не станет.

В том же 1905 году были образованы и организованы боевые дружины, причем организация их была такова: боевая дружина состояла из сотен, которые в свою очередь подразделялись на десятки. Самая организация дружин принадлежала Дубровину, во главе дружины стоял Юскевич-Красковский, дружина расчленялась на сотни, так была сотня путиловская, московская, за Нарвскою заставою и т. п. Во главе каждой такой сотни стояло известное лицо: так во главе путиловской стоял Половнев Александр, за Невскою заставою стоял Вас. Снеессарев. Сотни подразделялись на десятки, и во главе каждого такого десятка стояло особое лицо; так во главе десятка Невского района стоял я.

Деятельность боевых дружин выражалась в исполнении всего того, что поручал Дубровин, как глава союза, чрез Юскевича-Красковского. В числе других обязанностей, на такую дружину возлагалась иногда обязанность убить негодное для союза лицо.

Так однажды Юскевич-Красковский поручил мне совершить убийство директора Невского судостроительного завода Гиппиуса, но я не хотел исполнить такое поручение; было тогда возложено это поручение на другого рабочего, ныне покойного Зорина, но и он не совершил; наконец, возложили на Якова Крикса, но выполнить это убийство так и не удалось.

Гиппиус — человек хороший, его, повидимому, и рабочие любили, и поэтому убийство его как-то расстроилось.

В мае месяце я поехал на родину, в деревню; мне союз русского народа чрез градоначальника выхлопотал бесплатный билет, и я уехал, причем Юскевич-Красковский наказал мне поскорее возвращаться. Я потом сообразил, почему было так нужно мое возвращение: оно было нужно для участия в убийстве Герценштейна. Я, однако, скоро не вернулся, а вернулся уже после того, как было совершено убийство Герценштейна, и встретил в союзе, по 4-ой роте, Ларичкина, который как бы с упреком меня встретил, сказал: «Вот, ты напрасно уехал». На мой вопрос, почему, Ларичкин ответил: «А мы тут дела хорошие сделали и хорошо заработали». При этом он рассказал, что совершены были убийства Иоллоса, Герценштейна, покушались на жизнь графа Витте.

Однако я стал замечать, что завод знает тех рабочих, которые состоят союзниками русского народа, и нас стали преследовать и убивать. Так был убит мой брат, и на меня стали покушаться, почему я, опасаясь, решил оставить союз. Я явился к Дубровину и указал на это обстоятельство, но на это не было обращено внимания, и я оставил союз.

Участники боевой дружины были вооружены револьверами, которые мы получали от Юскевича-Красковского. Что касается самого порядка выдачи оружия членам боевой дружины, то порядок был такой. Как револьверы, так и свидетельство на хранение его мы получали от Юскевича-Красковского, причем удостоверения были подписываемы градоначальником фон-дер-Лауницем. На таких свидетельствах были оттиски печати петроградского союза русского народа.

Могу удостоверить положительно, что я никакого прошения не подавал, с ходатайствами о выдаче револьвера не обращался и получил как револьвер, так и свидетельство от Юскевича-Красковского. Из этого я заключил, что снабжает оружием нас сам союз, который уже непосредственно имеет дело с градоначальником. Я потому так хорошо это могу удостоверить, что я, состоя десятником, имел револьвер офицерский, артиллерийского образца, и свидетельство, которое имел у себя на руках и, следовательно, видел и рассматривал свидетельство. На нем был штемпель клейма союза русского народа с изображением Георгия Победоносца.

Полиция была отлично осведомлена о наших боевых дружинах и о нашем вооружении и, как было мне хорошо известно, полиция, т. е. местные участки, были оповещены, чтобы вооруженных лиц задерживать, а нас, союзников русского народа, не задерживать.

После того как на заводах стали гонения на союзников, а нам союз не оказывал поддержки, то я явился к Дубровину и

прямо стал его упрекать. На это Дубровин и Юскевич-Красковдкий, отнесясь ко мне с каким-то подозрением, заметили: «Ты, солжно быть, уж не нашей партии, и мы тебя исключаем из нашей партии». Действительно, ко мне явилась полиция, произвела обыск и меня арестовали. Отобрали револьвер и свидетельство, а так как я состоял в боевой дружине, то от меня отказались, сказав, будто я не состою даже членом в союзе.

Когда я пришел к Дубровину и Юскевичу-Красковскому с упреками, о чем сейчас только рассказал, и они мне объявили, что они не считают меня более в союзе, тогда я заметил им: «Вы припомните дело Герценштейна». На это они уже прямо сказали: «Ты не состоишь более у нас». А про Герценштейна я потому так сказал, что мне было известно от Ларичкина, что убийство Герценштейна совершено боевой дружиной союза русского народа. Сам же Ларичкин мне рассказал даже, что принимал участие в этом убийстве; так он мне назвал нижеследующих участников: Юскевича-Красковского, Половнева, Рудзика (Путиловского завода), Казанцева, Гамзея-Гамзеевича (из Кишинева),¹ Александрова, при этом, по словам Ларичкина, и он, Ларичкин, ездил в Финляндию с ними на убийство Герценштейна.

Порвав связь с союзом русского народа, я решил раскрыть убийство Герценштейна. Я в то время находился в тюрьме за хранение револьвера, и вот меня вызвал следователь для допроса в качестве свидетеля по делу об убийстве моего брата. Когда я, ожидая допроса, сидел в арестантской, я разговорился с одним из арестованных политических; ему я рассказал, что мог бы раскрыть дело об убийстве Герценштейна.

Об этом доведено было до сведения присяжного поверенного Грузенберга, который прислал ко мне помощника — присяжного поверенного Вебера, я и рассказал Веберу всё, что мне известно.

Вебер сначала отнеся к моему рассказу с недоверием, поехал в Териоки и, когда убедился в правдивости моего рассказа, то принял к сведению мое показание.

Вышел я из тюрьмы. Союзники, узнав о том, что я разоблачаю их, хотели было мне мстить. Из опасения быть убитым, я был отправлен в Гельсингфорс; вместе со мною, из опасения мести со стороны союзников, были отправлены Вебером туда же Зорин Николай Иванович (ныне умерший), так как он был свидетелем при том, как мне рассказывал Ларичкин про убийство Герценштейна, и Владимир Романов (Петроградской губ., колпинский мещанин, где живет — не знаю). Последний также был посвящен в это дело, так как на него тоже было возложено выполнение убийства Герценштейна, но он почему-то не попал тогда в Финляндию. Вот тогда нас троих и укрыли в Гельсингфорс, так как союзники были жестоки и мстили тем из союзников, которые

¹ Тополев. Ред.

могли разоблачить преступную работу боевых дружин, одним словом — преступления союза.

Таким образом я могу удостоверить, что союз русского народа совершил нижеследующие убийства: 1) Иоллоса, 2) Герценштейна, 3) покушение на убийство гр. Витте и 4) Мухина.

В отношении первых трех могу сказать, что они считались левыми и потому союзу нужно было убрать, или — как выражались — «снять». Что же касается рабочего Мухина, то он ранее состоял в союзе русского народа, в боевой дружине, и его стали подозревать в том, что он провокаторствует, вот его и убил Ларичкин.

Все эти убийства были в 1906 году. Иоллоса убийство было совершено Казанцевым при участии еще кого-то. Герценштейна — участников я назвал выше. Когда судили Ларичкина за убийство Мухина, то я был вызван на суд свидетелем. Ларичкин сознавался в убийстве и разоблачал боевые дружины. Говоря о вышеперечисленных участниках преступления, я, конечно, называю их, как исполнителей, но главными, как говорится, виновниками были, конечно, Юскевич-Красковский и Дубровин.

Правительство покровительствовало союзу русского народа, правительство знало о боевых дружинах, и полиция не открывала преступлений, совершаемых боевыми дружинами союза. Почему я это говорю? А вот почему я это могу доподлинно сказать.

Я жил в 1906 году по Прогонному переулку, в доме № 11. Дело происходило днем, около часа дня, я сидел дома в обеденное время, со мною была десятилетняя дочка Евдокия; она мне сказала: «Папа, стреляют». Едва я вышел в коридор, как увидел бегущего с револьвером в руках Ларичкина; я не пустил его к себе на квартиру. Он тогда побежал дальше по двору, за ним бежал городской Семенов, который видел, как он бежал, держа револьвер, но полиция, зная, что это дело рук союза русского народа, не приняла никаких мер к раскрытию дела и обнаружению виновного. Я сообщил про это Веберу, который и способствовал раскрытию, а полиция не открыла бы виновного, зная, что он от союза русского народа.

Ларичкина судили и осудили на 4 года в каторгу. Где в настоящее время находится Ларичкин, мне неизвестно; говорили, будто его убили в тюрьме; по происхождению он Калужской губ. Медынского уезда, волости не знаю. Где Ларичкин в то время жил, не знаю.

Когда боевые дружины перестали убивать, я точно не знаю; убивали ли кого-либо после убийства Герценштейна, я не слышал, и более я не знаю убийств, которые совершали бы союзники. Про убийство Караваева ничего и не слышал даже, что такое убийство было: я ведь знаю про убийства в Петрограде, а Караваева, вероятно, убили не в Петрограде и не в Москве,

и от Ларичкина и от кого-либо про это дело ничего не знаю.

Про боевые дружины союза русского народа может дать подробные сведения Константин Алексеев Балаев (или Булаев), кр. Смоленской губ., Юхновского уезда, Воскресенской вол., дер. Ломы, где живет — не знаю, где-то на Полюстровской набережной, работает на Металлическом заводе, на Полюстровской набережной.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ Л. Н. АНДРИЯНОВА ОТ 26 ИЮНЯ 1917 Г.

В 1905 году я работал на Невском судостроительном механическом заводе, за Невскою заставою. В нашем районе была организованная боевая дружина, вооруженная револьверами и чинившая разные беззакония. Она присвоила себе власть всех лиц, казавшихся им подозрительными, обыскивать и арестовывать, причем она совершала разные имущественного характера преступления, как-то кражи и грабежи. Как на пример могу сослаться на такой факт. Когда был убит один из членов такой боевой дружины, некий Сухопатный, то после смерти, при осмотре его квартиры, полиция нашла до 30 каракулевых шапок и много кошельков.

В 1906 году 18-го февраля состоявший членом такой боевой дружины Илья Лавров пытался задержать моего товарища-нелегального, я заступился и стрелял в Лаврова, который со своей стороны стрелял в меня. Я был задержан и отправлен в Шлиссельбургский участок, на Московской улице. Там я просидел несколько дней, меня затем судил окружный суд, и я был оправдан за покушение на убийство Лаврова. Тогда опрашивали Илью Лаврова, который на вопросы, откуда достают они револьверы, совершенно не стесняясь, говорил, что их снабжает оружием полиция. Сидя в полиции, я был свидетелем-очевидцем отношения полицейских властей к таким союзникам-боевикам, которые приходили вооруженными в управление участка, представляли револьверы к сидевшим за решеткою арестованным ими лицам, и полицейские власти покровительствовали. Всё это происходило благодаря тому, что во главе таких боевых дружин стоял Дубровин, и правительство покровительствовало всему этому. Если бы высшие власти не относились так, то, конечно, и полиция не относилась бы так, как в действительности относилась.

В конце 1906 года я был арестован, вышел в конце 1907 года и уехал в деревню, поэтому про дальнейшую деятельность таких боевых организаций ничего не знаю. На ваш вопрос, до какого времени проявляла деятельность боевая дружина союза русского народа, объясняю следующее: я вам показал про 1905 и 1906 гг. Затем 1907 и 1908 г. я отсутствовал. Но в 1910 году вечером я со своими

товарищами по работе оружейного завода, с которыми работал ранее на Невском судостроительном заводе, сидели в ресторане «Выборг» на Финляндском пр., на Выборгской стороне. Вдруг, совершенно неожиданно, в этот ресторан вошла компания человек в 8 или 10 во главе с Александром Половневым (у него стеклянный глаз), громогласно заявили, что они члены союза русского народа, и приступили к обыску некоторых из рабочих. Вызвали в ресторан с поста городского, который и побыл с ними. Половнев и другие его товарищи произвели обыск, ища револьверы, но ни одного не нашли, после чего выпили несколько бутылок пива, стоявших на столах, и, ничего не заплатив, удалились. Вот чему я был сам очевидцем и что и удостоверяю вам.

Когда я обвинялся в покушении на убийство Ильи Лаврова, то защищал меня присяжный поверенный Вебер, у которого, полагаю, и имеется материал о боевых дружинах союза русского народа.

О Булацэле ничего не знаю, что же касается Юскевича-Красковского, то сам я ничего не знаю, но передавали, что он стоял во главе боевых дружин.

Во время разбора моего дела окружный суд опрашивал Илью Лаврова, который показывал, что Дубровиным было дано ему, Илье Лаврову, поручение убить директора Семянниковского завода Ивана Ивановича Гиппиуса, но он, Илья Лавров, отказался, и Дубровин, будучи недоволен таким отказом, выгнал его, Лаврова, из союза. Из показания самого Ильи Лаврова, которое я слышал, было очевидно, что вдохновителем убийств и боевой работы дружин был не кто иной, как председатель главного совета союза русского народа Дубровин.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ В. В. ШЕЛКОВНИКОВА ОТ 26 ИЮНЯ 1917 Г.

В 1905 году я работал в Невском судостроительном механическом заводе, и до нас, рабочих заводов, дошли сведения о том, что образовывается по идее Дубровина ячейка особой тайной организации, которая поставила своей целью убийства и разные насилия. Называли ее «каморрой народной расправы», называли ее прямо организацией дубровинскую.

У нас возникла мысль узнать поближе, что это за организация, какие она осуществляет задачи; нужно было проникнуть в эту организацию, или, проще говоря, в эту дубровинскую шайку. Предложено было это выполнить рабочему Ларичкину, так как никто тогда его не знал. Он согласился, вступил в эту организацию, но в ней и остался. Никакого ответа от него не было, хотя он обещал дать нам вскоре сведения о деятельности этой организации. И вместо того, чтобы дать нам сведения, он устроил следующее. Вдруг на мою квартиру, когда я был дома, ко мне

явилась банда в несколько человек, среди которых я узнал Лаврова и того же Ларичкина, и объявили мне, что именем Николая II они произведут обыск. Они произвели у меня на квартире обыск и нашли у меня оружие, арестовали нас, рабочих, пять человек и отправили нас в участок. Арестовали нас они как раз в то время, когда мы, рабочие, вернулись домой с партийного собрания социалистов-революционеров и пили чай.

Эта шайка бандитов жестоко с нами обошлась, избивала нас и доставила нас в Шлиссельбургский участок. Из участка нас отправили в охранное отделение; четверых моих товарищей освободили, а меня оставили под арестом. Было произведено расследование, которое не дало достаточного материала для привлечения, и я был чрез месяц освобожден. Эта шайка, — боевая дружина, — была просто грабительская, разбойничья шайка, совершала набеги, учиняла разбои, грабежи и убийства. Так они совершили набег на чайную, разграбили деньги, выломали котлы. Очевидно, Дубровин предполагал чрез эту дружину осуществлять свои цели, но эта банда, пользуясь тем, что им позволяется всё делать, работала во-всю, совершая преступления.

Особая деятельность ими была проявлена в 1905 и начале 1906 года, так как рабочие приняли меры к разоружению этой банды, мы стали у них отнимать значки и оружие. Продолжала ли эта банда свою деятельность — я не знаю. Видимо, она перенесла свою деятельность в другие места; передавали, будто они переселились в Финляндию, так как разбойничья их деятельность вызвала большой протест со стороны рабочих районов.

Могу положительно и категорически удостоверить, что эти боевые дружины находились под ведением союза русского народа. Это я доподлинно знаю из того, что, когда мы стали ее разоружать, то я сам видел, что у них мы находили не то удостоверения, не то свидетельства от имени союза русского народа в том, что такому-то выдан револьвер и значок союзом русского народа и что он состоит членом союза русского народа. Вот от таких лиц нам приходилось отбирать револьверы.

Таких вооруженных револьверами (боевиков) союза русского народа за одною Невскою заставою было около 500 человек, от которых и были нами отобраны револьверы. Мы отбирали эти револьверы и давили их под гидравлическими прессами, т. е. уничтожали.

В Прогонном переулке, за Невскою заставой, была организована чайная, в которой обыкновенно собирались «боевики». В 1906 году была брошена бомба в эту чайную, были убитые и раненные. После похорон боевая дружина пошла в фотографию и снялась. Вот тогда мы и раздобыли такую карточку, на которой они снялись с револьверами, и по этой карточке и разоружали, предъявляя требование об отдаче револьвера, имея

доказательство, что данное лицо снято на фотографии с револьвером.

(Свидетелю предъявляется фотографическая группа, находящаяся в деле, о покушении на жизнь графа Витте.)

Вот это и есть группа боевой дружины. Среди снявшихся я признаю: 1) Илья Лавров, 2) Снесарев (убитый), 3) Лавров Иван (убитый), 4) Сальман — работал на заводе Рекса, за Московскою заставою, 5) Рыжий Сергей, работал у Семянникова, 6) Ларишкин (убитый в тюрьме).

Таким образом я могу удостоверить вам, что дубровинская боевая дружина или, как ее называли, «каморра народной расправы», фактически совершала преступные действия в 1905 и 1906 году в районе за Невскою заставою. Куда она перенесла свою деятельность позже, не знаю.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ В. П. РАЗНАТОВСКОГО ОТ 26 ИЮЛЯ 1917 Г.

Я с 1906 года, в течение приблизительно пяти лет, состоял председателем местного тульского железнодорожного отдела союза русского народа. Кажется, в 1906 году, в Петрограде, на съезде союза, я познакомился с Александром Ивановичем Дубровиным. С тех пор, бывая в Петрограде по делам союза, а также и по личным делам, я постоянно бывал у Дубровина в доме. С Дубровиным об убийстве Герценштейна у меня никаких разговоров никогда не было. В год убийства Герценштейна, бывши в Петрограде, не помню от кого, я узнал, что у фаворитов Пуришкевича, Казариновых, имеется склад оружия для союза. Я ходил на дом к Казариновым. Сам Казаринов, кажется, был тогда офицер в отставке и состоял секретарем Пуришкевича. Как зовут его и его жену, не помню. От них я узнал, что г. Казаринов возит из Териок для союза револьверы, по десяти штук каждый раз. Мне пришлось тогда жить в Петрограде пять дней, чтобы получить пятьдесят штук револьверов для местного союза. За револьверы я заплатил Казариновой более 700 рублей из личных средств. Один раз, бывши в Петрограде, я в помещении союза русского народа встретился с Пуришкевичем. Он стал мне повелительным голосом говорить, что наш местный союз почему-то неблагодарный, так как получает от главного совета по 900 рублей субсидии и ничего не делает. Тогда же я с Пуришкевичем поругался, так как никакой субсидии мы не получали, а между тем за подписью Пуришкевича я получал два раза циркуляры о том, что нам в союз посылается субсидия по 600 руб.

В день убийства Герценштейна я получил, кажется, анонимную телеграмму из Харькова о том, что Герценштейн убит, и в этой телеграмме было сказано, что Герценштейна убил Дубровин. Потом, когда были получены газеты с подробным описанием убийства Герценштейна, я сопоставил полученную анонимную

телеграмму и оказалось, что я телеграмму получил еще за три часа до убийства Герценштейна. Вскоре после этого я был в Петрограде у Казариновых за револьверами, о которых я уже вам показывал, и здесь, при разговоре об убийстве Герценштейна, г. Казаринова сказала мне, что убийство Герценштейна совершено двумя лицами по поручению Пуришкевича. По рассказам Казариновой, убийцы при себе имели револьверы и бомбы, но что убийство совершено револьверами, а бомбы закопали убийцы в лесу, чтобы с ними не попасться, и пешком злоумышленники бежали до какой-то соседней станции и явились затем с докладом к Пуришкевичу. Я сказал Казариновой, что получил анонимную телеграмму, из которой видно, что убийца Дубровин, но она категорически это отрицала, говоря, что Дубровин про это ничего не знал, а что убийц нашел Пуришкевич, но за какую сумму — она не знала. Насколько я помню, я об этом своем разговоре с Казариновой поделился с Михаилом Алексеевичем Орфеновым. При разговоре моем с Казариновой про убийство Герценштейна, ее мужа дома не было. Сам Казаринов состоял личным секретарем у Пуришкевича. Где я находился в июле месяце 1906 года, за давностью и старостью не помню, но я обычно всегда бывал в Туле, отлучаясь изредка в Петроград, оставаясь в меблированных комнатах Матей на 1 Рождественской улице. В Петрограде я всегда прописывал свой паспорт. Один раз в Петрограде, не помню когда, но после убийства Герценштейна, в союзе мне показал Дубровин Александра Васильевича Половнева и предупредил бояться Половнева, так как он человек неблагонадежный. Больше с Дубровиным никаких разговоров про Половнева не было, и с последним я даже и ни одного слова не сказал. Проживал ли Половнев под именем Владимира Михайловича Петрова в имении «Плоцком» Ефремовского уезда, у Павла Михайловича Яблочкова, не знаю и самого Яблочкова я не знаю. Николая Максимовича Юскевича-Красковского я не знаю. Цель союза русского народа в Туле, железнодорожного отдела, состояла в поддержании порядка, главным образом в Кремлевском саду, излюбленном для прогулок народа, где в то время постоянно безобразничала молодежь. Никакой боевой дружины у нас не было, а было 150 человек членов, преимущественно железнодорожных служащих и рабочих, которые были вооружены палками и револьверами, которые я получил от Казариновой. Хулиганов, бесчинствующую в саду молодежь, союзники разгоняли, и никто никогда не стрелял и не бил никого палками. Относительно деятельности железнодорожного союза я больше ничего не могу сказать, что же касается деятельности тульского отдела, то об этом может дать Орфенов сведения. Более объяснить ничего не могу. Когда железнодорожный союз русского народа в Туле распался, я уничтожил всю переписку, а также и телеграмму об убийстве Герценштейна. У меня ве-

лась запись, кому я раздавал револьверы, но эту запись я уничтожил и сейчас не помню, у кого остались револьверы. Представляю вам для осмотра мой паспорт. Следственная комиссия при тульском Исполнительном комитете производила у меня обыск в начале революции, но никакой переписки не нашла.

Протокол прочитан. По слепоте Разнатовского и его просьбе расписался присутствовавший здесь же Матвей Иванович Груднов.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ Е. К. КЛИМОВИЧА ОТ 17 ИЮНЯ И 2 ИЮЛЯ
1917 Г.

В феврале 1906 года я вступил в должность начальника охранного отделения в Москве, а до того состоял виленским полицеймейстером. Начальником охранного отделения я был по конец марта 1907 года, когда был назначен помощником московского градоначальника Рейнбота. С этой должности в июне 1908 года я был назначен заведующим особым отделом департамента полиции, в каковой должности и пробыл до декабря 1909 года. Затем был градоначальником в Керчи, Ростове-на-Дону и с лета 1915 года в Москве, откуда в феврале 1916 года был назначен директором департамента полиции, в каковой должности и пробыл до сентября 1916 года, когда был назначен в сенат.

В бытность мою начальником охранного отделения в Москве, монархические организации находились под особым покровительством высших представителей местной власти, как-то генерал-губернатора Гершельмана, а вначале и градоначальника Рейнбота, который однако вскоре заметно охладил к ним.

Представители монархических организаций, — фамилии которых я долгое время путал, будучи в Москве совершенно новым человеком, обремененным своим делом, — часто посещали вышеупомянутых представителей власти, причем обыкновенно при этих посещениях ими сообщались всевозможные тревожные слухи о грядущих преступлениях революционеров.

Такие сведения направлялись на проверку обыкновенно мне, причем иногда с этими сведениями сообщавшие лица направлялись непосредственно ко мне. Особенно часты посещения этого рода были делаемы Николаем Ниловичем Ознобишиным — дворянином, состоявшим председателем союза русского народа. Значительная же часть поступающих к генерал-губернатору сведений передавалась мне сим последним при посредстве чиновника особых поручений названного генерал-губернатора, графа Александра Анатольевича Буксгевдена, который часто посещал охранное отделение, кроме того, и по вопросам охраны личности генерал-губернатора при его выездах.

Повидимому, граф Буксгевден, посещая охранное отделение, далеко не всегда заходил ко мне, ибо бывали случаи, что о том

или другом сведении, переданном графом Буксгевденом, я узнавал из доклада моего помощника, ротмистра, а ныне генерал-майора Михаила Фридриховича фон-Коттен.

Кроме этих лиц, я помню посещения председателя союза русских патриотов князя Щербатова, ныне покойного, и заменившего Ознобишина присяжного пов. Боброва. Посещения этих двух последних лиц были очень редки и ничем не обращали на себя внимания.

Николай Нилович Ознобишин, посещая меня, обыкновенно сообщал весьма тревожные, но совершенно не соответствовавшие истине сведения о политическом положении вообще и о деятельности московских революционеров в частности.

При этом он являлся сторонником поддержания возникших в Москве в период вооруженного восстания боевых дружин союза русского народа. Сие последнее обстоятельство было единственным, вызывавшим мое внимание фактом, и я употреблял всё свое влияние и убеждение, дабы доказать Ознобишину не только ненужность, но и абсолютный вред подобных организаций. Думаю, что в этом я имел успех, так как за всю мою бытность в Москве никаких выступлений таких организаций не было, если не считать убийства Иоллоса.

Переходя к графу Буксгевдену, я должен сказать, что и теперь не отдаю себе ясного отчета, к какой именно из пяти-шести монархических организаций, существовавших в то время в Москве, он принадлежал. Знаю лишь только, что он имел связь с монархической организацией лицейстов, ибо иногда предлагал мне выставить в соборе во время богослужения шпалеры из лицейстов, отделявшие генерал-губернатора от местной публики.

Частые посещения Буксгевдена и сделанный им мне визит вызвали наше личное знакомство домами, причем я был у него даже восприемником одной из его дочерей-близнецов. Крестным отцом другой дочери был Гершельман, крестной матерью одной дочери была записана великая княгиня Елизавета Феодоровна, а другой — моя жена.

Приблизительно в августе 1907 года, точнее времени не помню, мой сослуживец по градоначальству, помощник градоначальника (в то время я был временно и. д. градоначальника или помощником) Василий Васильевич Петров (кажется, ныне покойный) как-то неодобрительно отозвался о Буксгевдене, приблизительно в такой форме: «Напрасно вы поддерживаете отношения с Буксгевденом». На мой вопрос, почему он это говорит, добавил: «Слишком он уж близок с черносотенцами, и Казанцев жил у него в одном из его домов». Должен вам заметить, что, независимо от такого предупреждения, с моим уходом из охранного отделения моя связь с Буксгевденом как-то ослабела, и я с ним стал встречаться редко, хотя, когда я был уже директором департамента в Петрограде, граф приезжал ко мне раз или два,

обращаясь с просьбою обратить внимание саратовского губернатора на злоупотребления по покупке земель, совершаемые евреями.

Относительно снабжения оружием монархических организаций я утверждаю, что такового не было в Москве за мою бытность там. Оружие выдавалось монархистам в общем порядке, причем я допускаю, что по ходатайствам отдельных лиц за союзников, пользовавшихся в моих глазах доверием, могли быть сделаны какие-либо облегчения в получении разрешения на оружие.

Что касается средств, какими снабжались союз русского народа и вообще правые организации, то источником таковых было министерство внутренних дел. Относительно выдачи этим организациям в период моего первого пребывания в Москве — мне абсолютно ничего не было известно. Будучи в Москве градоначальником в 1915 году, я получил для выдачи председателю монархического союза, ст. сов. Кельцеву, незначительную сумму денег, в общем около 800 р., которые были мне присланы, кажется, главным управлением по делам печати. Когда я был уже директором, то, относясь отрицательно к вопросу о денежной субсидии монархическим организациям, я стремился окончательно ликвидировать все предрешенные до моего вступления денежные выдачи, причем докладывал министру Штюрмеру (кажется) только об удовлетворении Василия Орлова, московского монархиста, железнодорожника, в пределах назначенного до меня по смете, из секретного фонда. Эта выдача была сразу за несколько месяцев и выражалась в нескольких сотнях рублей.

В бытность мою в Москве ко мне не поступало конкретных указаний о существовании в Москве каких-либо боевых организаций правых партий, и первое проявление таковых я усматриваю в убийстве Иоллоса.

Однако мне приходилось видеть на открытках, на коих были изображены эпизоды московского вооруженного восстания, изображения отрядов вооруженных винтовками дружинников с надписью, свидетельствующею, что это союзники. За сим мне пришлось видеть группу лиц, вооруженных револьверами, причем мне было указано, что это какая-то монархическая организация Петрограда (тогда Петербурга) времен 1905 года. Где и при каких обстоятельствах мне показывали и кто показывал, — положительно не помню.

Показание мое я нахожу записанным правильно. Размышляя о редакции записи некоторых частей моего показания и не имея перед собою текста показания, у меня возникло опасение, как бы лица, читающие впоследствии мое показание, не могли бы сделать иного вывода, противного тому, о чем я свидетельствовал, почему я и считаю нужным дополнить показание свое несколькими словами. Так, я хочу пояснить, что для союзников, как

таковых только, я не делал облегчения в деле получения ими разрешений на оружие. В виду развития грабежей я не отказывал в выдаче разрешения на оружие вообще благонадежному элементу Москвы, просившему разрешение на оружие для самообороны, причем, если о выдаче разрешения на оружие кому-либо просили должностные или лично известные мне благонадежные лица, то по таким ходатайствам ускорялась выдача разрешения, совершенно независимо от того, принадлежало ли данное лицо к правым организациям или нет. Ускорение это заключалось в том, что полицейские справки, наводимые на месте через околоточных надзирателей, заменялись ручательствами лично мне известных лиц.

Второе, что требует пояснения, это выдача денег союзнику Василию Орлову. Поясняю, что, вступив в должность директора департамента полиции, я своей властью приостановил все выдачи монархистам, и в том числе и Орлову, причем однако упустил из виду предупредить Орлова о прекращении ему выдачи прлучаемой им в 1916 году субсидии, назначенной ему предшественником моим из секретных сумм департамента на 1916 год. Орлов, неоднократно обращаясь ко мне лично, заявил, что лишение его этой субсидии, без предупреждения, поставило его в необходимость из личных его средств уплатить за помещение нанятой им для правления союза квартиры, почему и претендовал на получение денег. Эта претензия Орлова была мною доложена г. министру, с разрешения которого было мною запиской сообщено 3-му делопроизводству о сохранении за Орловым назначенного ему пособия и о выдаче такового за то время, на которое выдача была приостановлена. Что касается третьего вопроса, что выражение мое о том, что единственное проявление «боевой деятельности» правых организаций «я усматриваю» в убийстве Иоллоса, то, прочтя редакцию своего показания, я убеждаюсь, что и оно записано верно, но хочу пояснить, что слова «я усматриваю» надо понимать как мое личное убеждение, сложившееся у меня современем из оценки самой обстановки этого убийства, в связи с исключением уместности предположений о том, что таковое могло быть совершено и какой-либо иной, кроме «правых», политической организацией, а также и под влиянием сделанных по этому делу сообщений В. Л. Бурцевым, для опровержения которых в этой части данных ко мне не поступало.

В заключение своего показания, долгом считаю заявить, что поданные мною в июне месяце два заявления на имя г. прокурора петроградской судебной палаты заключали в себе мою просьбу о дополнительном допросе меня по вышеприведенным соображениям, а отнюдь не жалобу на неправильную запись моего показания, так как сего последнего обстоятельства я в своих заявлениях не указывал, а во-вторых, прочтя сегодня

еще раз показание мое от 17 июня, я удостоверяю, что оно записано правильно с моих слов и, кроме дополнений, сделанных мною сегодня, я добавить ничего не желаю.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ М. С. КОМИССАРОВА ОТ 21 ИЮНЯ 1917 Г.

С конца 1906 года до февраля 1909 года я состоял помощником начальника охранного отделения в Петрограде, в бытность начальником Герасимова. После того я в охранном отделении и департаменте полиции не служил, а был назначен начальником губернского енисейского жандармского управления, затем в 1910, 1911, 1912 занимал ту же должность в Перми, в 1913, 1914 и первую половину 1915 г. — на той же должности в Саратове, после был назначен начальником варшавского губернского жандармского управления и, в виду того, что таковое было эвакуировано, состоял в распоряжении министра внутренних дел Алексея Николаевича Хвостова до марта 1916 года, когда был перечислен по полевой и легкой артиллерии и назначен градоначальником в Ростов-на-Дону, а с августа 1916 года состою в отставке.

Покушение на жизнь графа Витте посредством адских машин было совершено в бытность мою помощником начальника охранного отделения в Петрограде. Начальником, как я уже сказал, был тогда Герасимов. С одной стороны, назначение меня к нему в помощники помимо его желания, а с другой некоторые интимные семейные обстоятельства, — всё это вместе создало такую атмосферу, при которой у меня с Герасимовым особенной близости не было и быть не могло. Кроме того, я заведывал канцелярией, и он умышленно старался меня держать в стороне от его секретной деятельности.

Всё то, что мне известно по вопросам, вас интересующим, — это основано на моем личном наблюдении и некоторых разговорах моих. Так мне хорошо известно, что Герасимова посещал чиновник особых поручений московского генерал-губернатора Гершельмана граф Буксгевден, что я сам даже видел. Судя по манере держаться, граф держался свободно. Какие отношения между графом и Герасимовым, что у них были за дела, — не знаю.

Также Герасимова посещал А. И. Дубровин, с которым я и познакомился в одно из посещений им Герасимова. Насколько припоминаю, Дубровин получил некоторую сумму, кажется, 5 000 руб. Не могу удостоверить с положительностью, но Герасимов принимал какое-то посредническое участие в получении Дубровиным от Столыпина этих денег. Припоминаю, что Дубровин, получив эту сумму, на другой день напечатал неприятную для Столыпина статью в «Русском знамени» в том смысле, будто Столыпин дал эту сумму за то, чтобы Дубровин не печатал известных статей, как бы подкупил его, почему Герасимов вызывал Дубровина и имел с ним объяснение.

Что касается боевых дружин союза русского народа, то мне известно очень немногое: в организациях таких дружин принимал участие градоначальник фон-дер-Лауниц, у которого был близким человеком некто Аркадий Болдырев, богатый помещик Тамбовской губернии: он заведывал и охраною самого Лауница и принимал участие, насколько припоминаю, и в организациях указанных дружин. Насколько припоминаю, граф Буксгевден был в близких отношениях с Болдыревым и, если не ошибаюсь, то Болдырев вместе с графом были у Герасимова, но точно последнего обстоятельства за давностью времени установить в памяти не могу.

Когда были обнаружены бомбы в трубах дома гр. Витте, то я был на месте и меня допрашивал судебный следователь. По поводу этого дела я беседовал тогда с Герасимовым, который спустя несколько месяцев называл мне фамилию Казаринова, как лица, сыгравшего в этом покушении видную роль.

Личность Казанцева мне совершенно неизвестна. Так как я уволен был в отставку против моего желания и так как я знал близость Манасевича-Мануйлова к Распутину, Питириму и пр., то пошел к нему узнать, кто собственно виновник моей отставки и причины увольнения. В одно из таких посещений я встретил у Мануйлова Владимира Львовича Бурцева, с которым и познакомился. Тогда предстоял процесс Манасевича-Мануйлова, и вот, когда зашла речь об этом и коснулись Климовича, который был начальником охранного отделения в Москве в то время, когда был убит Иоллос, то Бурцев нам категорически удостоверил, что он производил сам расследование об этом убийстве и установил, что это убийство организовано при непосредственном участии начальника в то время московского охранного отделения Климовича. Бурцев рассказывал, что он по этому предмету располагает материалом, основанным на опросах за границею свидетелей. Лично я ничего по этому поводу сказать не могу.

Особый отдел департамента полиции ведал исключительно политически-розыскною частью в империи, и Климович, после ухода из начальников охранного отделения, получил назначение ведать этим особым отделом, и, если сведения, сообщенные Бурцевым о причастности Климовича, как начальника московского охранного отделения, к убийству Иоллоса, отвечают действительности, то вполне естественно, что Климович, будучи заведующим особым отделом департамента полиции, получил возможность иметь в руках переписки и дела, касавшиеся убийства Иоллоса.

По поводу письма на имя гр. Витте, в котором заключаются угрозы с требованием выдать 5 000 р., фотографический снимок которого мне предъявляете

(свидетелю предъявляется имеющийся в деле фотографический снимок письма),

а в частности по поводу исчезновения его в охранном отделении, в бытность мою помощником, я ничего не знаю.

Что касается какой-либо связи покушения на убийство Витте с деятельностью охранного отделения, то по этому предмету я позволю себе сказать следующее. Служа в то время помощником начальника охранного отделения в Петрограде, я абсолютно ничего не слышал про эту связь тогда. Если же какая-либо связь этого отделения была по другим делам (напр. Никитенко и др.), то про это я имел сведения и по этому предмету я и сообщил следственной комиссии. Все это приводит меня к убеждению в том, что если и была связь с указанным покушением на гр. Витте с работою охранного отделения, то московского, а не петроградского.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ С. П. БЕЛЕЦКОГО ОТ 14 ИЮНЯ, И 2 ИЮЛЯ 1917 Г.

Состоя на службе начальником отделения канцелярии виленского генерал-губернатора с 1904 года, я ни к одной из союзных правых организаций не принадлежал и только в Вильне поступил в число учредителей и был избран членом совета отдела Русского собрания, председателем которого состоял вначале б. т. мин. Харузин, а затем Андр. Афан. Станкевич, бывший в дни переворота управляющим земского отдела, но деятельность этого общества во многом отличалась от программы крайних правых партий.

Затем, когда я был вице-губернатором в Самаре после убийства на политической почве губернатора Блока, то мне пришлось в качестве представителя власти присутствовать на торжественных собраниях, устраиваемых местным отделом союза русского народа, председателем которого состоял самарский лавочник Шустов, которого местный полицеймейстер Критский (покойный) обвинял в скупке краденых вещей.

В ту пору заступивший Блока губернатор Якунин, в интересах противодействия возможным уличным выступлениям толпы при беспорядках, уделял много внимания поволжским грузчикам, поддерживая их материально позднюю осень и зимою, когда у них не было работы, устроив для них ночлежки с выдачею пищи и часто помогая им деньгами и одеждою.

Бывший в ту пору начальник района, жандармский полковник Бобров, убитый при мне в Самаре, поддерживал, в силу общих указаний, деятельное сношение с местными монархическими организациями, получая от них сведения, необходимые ему, давая им те или иные поручения и снабжая их оружием.

Полковник Бобров, как начальник района, имел под своим наблюдением несколько губерний, в соответствии с территори-

альным распределением сил в ту пору партии социалистов-революционеров.

После этого я был приглашен П. А. Столыпиным вице-директором департамента полиции, получил в свое заведывание финансовый и законодательный отделы и, в силу системы, принятой в департаменте, я не считал себя в праве интересоваться деятельностью политического отдела, во главе которого в ту пору стояли вице-директор Виссарионов и заведующим особым отделом сначала полковник Климович, а затем полковник Еремин. Это было в 1909 году.

Виссарионов только что тогда вступил в департамент и из местных руководителей монархических партий был знаком лишь с Алекс. Иван. Дубровиным. Все сношения при Столыпине с правыми организациями вел бывший в ту пору товарищем министра генерал Курлов, который в своих поездках по устройству высочайших проездов, как например в Полтаву, всегда прибегал к посредничеству и содействию правых организаций. Так например в Полтаве, чтобы поразить государя, во время его посещения народного гулянья, вся полиция была снята, роль ее заменяли монархические дружины, и таким образом являлась для государя видимость проявления чувств широкой народной преданности.

После убийства Столыпина, по назначении Макарова министром внутренних дел, я состоял в должности директора департамента, в каковой и находился целый год и при Маклакове. Система охраны государя во время высочайших путешествий была несколько видоизменена, и центром руководительных действий на местах являлись местные градоначальники и губернаторы, которые также прибегали к содействию монархических организаций для обслуживания пути проезда высочайших особ.

При этих двух министрах, Маклакове и Макарове, все сношения с правыми организациями (т. е. с представителями их) лежали на них, и я исполнял их распоряжения. Так например при Маклакове мне пришлось иметь очень часто сношения с Замысловским по поводу исполнения тех или других его пожеланий в связи с процессом Бейлиса, в благополучном исходе которого принимали участие министр юстиции Щегловитов и Маклаков.

Затем, когда я был товарищем министра при Алексее Николаевиче Хвостове, то все руководительные сношения с правыми организациями взял он на себя, и я ему помогал при осуществлении тех или других его предначертаний. Так например, познакомившись уже к этому времени с Дубровиным, я, по поручению Хвостова, примирил Дубровина с Марковым 2-м, привлек Дубровина к деятельному участию в монархическом съезде, как в петроградском, так и в нижегородском, выдавал ему 10 000 рублей на поддержание его агентов и затем, по поручению Але-

ксея Николаевича Хвостова, исполняя просьбу Дубровина, ездил к министру юстиции и два раза его просил (Александра Алексеевича Хвостова) приостановить находившийся в исполнении полиции вступивший в законную силу приговор суда о заключении в тюрьму Дубровина за диффамацию. Так приговор и не был приведен в исполнение. Кроме того, было обещано Дубровину исходатайствование пожалования его чином действ. стат. советника, чего он усиленно домогался.

Затем, при Протопопове, в первые дни его назначения, я просил Дубровина, по просьбе Протопопова, поддержать рядом статей Протопопова, что в шести номерах и было сделано. Кроме того, Протопопов, зная из моих слов о желании Дубровина быть д. ст. советником, просил меня передать ему, что он с особенным удовольствием возьмет на себя исходатайствование ему, Дубровину, этой награды.

На устройство двух монархических съездов, первого, разрешенного кн. Щербатовым в Петрограде, и второго, разрешенного Ал. Ник. Хвостовым в Н.-Новгороде, деньги были мною даны Маркову 2-му, насколько помню, в размере 20 000 рублей.

Затем, в Петрограде, по окончании работ съезда, я устроил у себя обед для ознакомления правых членов государственного совета и государственной думы со съехавшимися в Петроград представителями монархических провинциальных организаций и главными руководителями.

Затем, в Нижний-Новгород был командирован председатель петроградского цензурного комитета Левицкий, сын нижегородского архиепископа, коему были выданы мною 2 000 рублей на поездку из сумм департамента для устройства на месте приема членам съезда и соответствующего нам потом доклада о внутреннем настроении съезда.

С Марковым и Замысловским мне приходилось видаться при их ежемесячных посещениях меня за получением дополнительной субсидии на «Земщину» и содержимый ими при этой газете лазарет 15 000 руб. Мне приходилось узнавать те или другие отражения их неудовольствий политикой правительства.

Что же касается Протопопова, то вначале они были несколько смущены тем, что он принадлежал к фракции левых октябристов, но затем я передал им, что ближайшим сотрудником Протопопова в замаскированной служебной форме явится Павел Григорьевич Курлов, который будет заведывать департаментом полиции. Это их успокоило, и впоследствии, когда Протопопов перешел к правым, то Замысловский мне передавал о том, что в материальном отношении они особенно довольны Протопоповым. Будучи директором департамента полиции и товарищем министра, мне наиболее всего приходилось иметь общение с председателем московского патриотического союза Василием Григорьевичем Орловым, который, будучи агентом службы движе-

ния министерства путей сообщения при министре Рухлове и директоре канцелярии Туган-Барановском, всё время был в разъездах по России для учреждения на железных дорогах ячеек своего союза и для ознакомления чрез них и при проезде с настроением железнодорожных служащих, как высшего, так в особенности низшего персонала. При обратном возвращении, представляя ревизионные по сему поводу отчеты министру путей сообщения или делая личные доклады, копии своих отчетов и всё то, что он передавал министру путей сообщения, сообщал и мне.

Затем при Протопопове, как я знаю со слов Комиссарова и близких к Орлову лиц, последний исполнял ряд секретных поручений Протопопова, выразившихся в представлении государю петиции в духе программы Протопопова. Петиция была составлена от лица отделов патриотического союза, и в ней проводилась главным образом мысль о революционном настроении государственной думы, требующем ее закрытия. Вся петиция была внушена Протопоповым. Затем, по поручению Протопопова, после того, когда присланная председателем астраханского союза русского народа Тихановичем-Савицким телеграмма государыне с выражением ей сочувствия и преданности по поводу выступления против нее в государственной думе, произвела благоприятное впечатление на государыню, Протопопов дал поручение Орлову послать целый ряд в подобном же духе телеграмм от различных отделов государыне. Редакцию одной из таких телеграмм я исправлял. Такого же рода поручения, как мне передавал Протопопов, благодаря меня за помощь, оказанную Орлову, им были даны другим монархическим организациям. Вместе с тем Протопопов вошел в обсуждение с марковским союзом вопроса об использовании монархических организаций и монархической печати в деле борьбы с надвигавшимися в связи с войною возможными революционными выступлениями, отражением чему и является взятая от меня копия представления союза Протопопову об удовлетворении материальных нужд в размере 1 000 000 р. для осуществления его, Протопопова, предначертаний, в смысле активных выступлений главного совета. Копия этой записки была дана мне Виктором Павловичем Соколовым для передачи Воейкову, но я ее не мог передать последнему, так как при двух моих заездах к нему в Царском Селе его не застал дома, в виду выезда его в свое имение.

Что касается боевых организаций в составе союза русского народа, то переписка прошлого, ярко подтверждавших наличность их в составе партий, в департаменте, в бытность свою в нем директором, я не нашел, так как большинства интересных переписок, обрисовывавших борьбу с революцией в 1905 году, не оказалось. Но следы я видел, временно исполняя должность директора, в переписке по поводу приготовления террористиче-

ского акта Федоровым против гр. Витте, когда мне пришлось вместе с Корсаком совершенно секретно, на основании небольших материалов по этому делу особого отдела департамента, составлять ряд ответных писем на запросы графа Витте, обращенные к П. А. Столыпину. Затем, со слов старожилов департамента и из частных разговоров с генералом Мих. Степ. Комиссаровым, состоявшим при Плеве и Дурново в петроградском охранном отделении и в особом отделе департамента, пользовавшимся особым доверием этих двух министров, в разгар борьбы Дурново с революционным движением, по словам этих лиц, союзы русского народа принимали самое энергичное и активное участие в содействии чинам общей и жандармской полиции путем учреждения таких боевых дружин, имевших задачу как активное выступление против революционеров, так и пропагандистскую деятельность в качестве эмиссаров, рассылавшихся в народ под видом офеней, мелких разъездных приказчиков и др., причем они снабжались чинами администрации оружием.

Затем я вступил в департамент полиции в ту пору, когда состав его чинов резко изменился путем приглашения лиц с юридическим образованием, служивших в министерстве юстиции в должностях прокурорского надзора. С подобного рода организациями мне приходилось встречаться; в бытность мою товарищем министра, я, желая узнать, насколько прочны провинциальные отделы монархических партий, специальным личным письмом попросил от каждого начальника жандармского отделения дать мне самые подробные по этому предмету сведения, вполне откровенные. Ответы эти мне показали, что под влиянием отражающихся на деятельности монархических организаций взглядов ряда министров, быстро друг друга сменявших, роль монархических организаций, в случае привлечения их к какой-либо работе, не могла служить опорой для правительства.

Яркое проявление особого интереса и непосредственного участия как в ряде предварительных полицейских обследований обстановки убийства Андрюши Ющинского, так и в последующих действиях, — а в особенности во время самого процесса, — со стороны союза русского народа, киевского отдела, во главе которого стоял б. студент Голубев, и получаемые мною из разных мест черты еврейской оседлости ответы на мои запросы по поводу отражения дела Бейлиса в местной жизни — вызвали у меня полную уверенность в неизбежности, если не будет принято заранее со стороны администрации самых крайних предупредительных мер, устройства по инициативе Голубева еврейских погромов.

Насколько была серьезна опасность, это видно из целого ряда самых строгих телеграфных указаний моих, данных в этот период губернаторам означенных губерний, а в особенности Киевской губернии, а также из полученных мною донесений от команди-

рованных мною в Киев чинов департамента полиции — ст. сов. Дьяченко и Любимова.

Переписка по этому предмету вместе с письмами находится в департаменте полиции и состоит из нескольких томов.

Упомянутые в моем показании суммы мною были выдаваемы из секретного фонда департамента полиции по поручению министра Алексея Николаевича Хвостова.

В своем показании, данном мною Чрезвычайной следственной комиссии по вопросу о тактике моего поведения в отношении Распутина, я, касаясь времени приготовления Алексеем Николаевичем Хвостовым убийства Распутина при содействии Ржевского и Илиодора, между прочим заявил, что — в последний мой период служения на должности товарища министра — около Распутина, без моего ведома, появился Торопов, которого Алексей Николаевич Хвостов настойчиво мне рекомендовал принять в департамент полиции в качестве чиновника особых поручений для исполнения, как мне сам Торопов говорил, личных приказаний министра А. Н. Хвостова. Г. Торопова я знаю еще со времени моего директорства в департаменте полиции, он и в ту пору уже стремился поступить в департамент полиции, причем наметал свою роль, как активного борца с революционными организациями, и, в разговорах со мной о своем прошлом, указывал мне на свое близкое соприкосновение и участие в активной борьбе с московским революционным движением во время московского восстания, давал мне понять, что ему многое хорошо и близко известно о деятельности союза московской активной патриотической обороны в связи с убийством Иоллоса. Та таинственность, которую он старался придать своим намекам о своем партийном положении среди московских борцов за государственные устои, и некоторая проявляемая им неуравновешенность заставила меня настойчиво, несмотря на многие просьбы со стороны влиятельных представителей монархических партий за Торопова, отказаться от его услуг. Те же причины заставили меня и при А. Н. Хвостове настоять на отклонении ходатайства Торопова о поступлении в департамент полиции и предупредить Распутина и Вырубову не приближать к себе г. Торопова. Торопов известен всей Москве и там проживал, окончил он московский университет. Торопов хорошо осведомлен о боевой организации правых партий, хорошо знаком с делом убийства Иоллоса. Припоминаю, что Торопов мне намеками говорил, что найденный у убитого Казанцева номер телефона начальника московского охранного отделения, — в ту пору бывшего Климовича, — был тем именно номером, по которому с ним сносились монархические организации.

Что же касается вопроса о намеченном Бурцевым во время процесса Манасевича-Мануйлова издании брошюры, направленной для защиты Мануйлова, то я с этим делом хорошо знаком, так

как Мануйлов меня держал в подробностях всего этого дела и даже представлял мне корректурные оттиски этого издания, согласно моей просьбе, видя мое заметное участие в форме симпатий к изданию этой брошюры. На самом же деле я заинтересовался этой брошюрой по совершенно другим побуждениям и целям, которые я Манасевичу-Мануйлову не обнаруживал. В этой брошюре, когда я с нею ознакомился, я видел стремление Бурцева, после того, когда все его попытки поместить в газетах ряд статей к раскрытию обстановки убийства Иоллоса не удались, путем сравнения Мануйлова с главным свидетелем, генералом Климовичем, набросить на последнего очень серьезную тень обвинения в участии путем содействия в деле убийства Иоллоса. Так как Климович носил звание сенатора, какое носил и я, и, кроме того, возбуждение общественного внимания в ту пору к делу Иоллоса могло поднять и без того взвинченное антиправительственное настроение в широких слоях русского общества, то я понимал всю цель Бурцева и поэтому считал своей обязанностью предупредить об этом издании не только генерала Климовича, но и министра юстиции Н. А. Добровольского, как через его секретаря Маламу, так и лично, и потом министра вн. дел Протопопова. Последствием этого было то, что Климович считал нужным дать свои объяснения в сенате частным образом составу того отделения 1-го департамента, к которому он имел честь принадлежать. А от директора департамента полиции Васильева, по приказанию министра, согласно также личной просьбе самого ген. Климовича, было послано генералу Адабашеву, заведывавшему цензурою от военного ведомства, категорическое предложение не пропускать этой брошюры, хотя бы даже и на правах рукописи, на что ген. Адабашев уже соглашался, как мне передавал Мануйлов, вследствие просьбы одного из членов комиссии ген. Батюшина, если не ошибаюсь, полк. Рязанова. После этого ген. Климович приехал ко мне на квартиру и лично благодарил меня за оказание ему внимания в защите его имени.

При этом ген. Климович меня посвятил в существо представленного им объяснения гг. сенаторам, сводившегося к тому, что единственным пунктом, делающим прикосновенность его к делу Иоллоса, является то обстоятельство, что в найденной у убитого Казанцева записной книжке имеется номер того телефона, по которому Климович, в бытность свою начальником охранного отделения в Москве, переговаривался с монархическими организациями. В дальнейшие подробности я не хотел входить в разговоры ¹ с Климовичем, так как я не желал знать подробности дела убийства Иоллоса; к тому же он мне мог и не сказать, несмотря на мое старое с ним знакомство.

¹ Так в подлиннике. Ред.

По поводу того, где может находиться брошюра, объясняю, что несколько корректурных листов этой брошюры имеется у Манасевича-Мануйлова, у Бурцева и у ген. Адабашева.

Мне известно, что Бурцев по поводу разоблачений участия Климовича, как начальника охранного отделения, в деле убийства Иоллоса, послал свои статьи в одну из московских газет, как мне передавал Мануйлов, а затем в «Биржевые ведомости» и «Новое время».

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ Г. Ф. ВЕБЕРА ОТ 23 И 27 МАЯ 1917 Г.

Деятельностью союза русского народа я невольно заинтересовался с того времени, когда было совершено в Финляндии убийство члена I государственной думы Герценштейна, а до того времени я с деятельностью названного союза не был знаком и интересовался постольку, поскольку этим интересовались все вообще граждане.

Итак начальным поводом, когда мне пришлось ознакомиться с деятельностью союза русского народа, было убийство Герценштейна. Это дело, в связи с другими делами, дало мне в руки очевидные доказательства того, что в программу союза русского народа входило выполнение террористических актов в виде убийств видных и деятельных членов левых партий.

Первая мысль о создании в России такого союза, который бы объединился для борьбы с революционным движением, возникла у Петра Ивановича Рачковского, заведывавшего агентурой за границей, видного в свое время и крупного деятеля не только в области одного политического розыска. Он, Рачковский, первый подал и осуществил мысль о создании союза для борьбы с революцией. Приезжая неоднократно из Парижа в Петроград, он открыто высказывал идею о том, что подобно тому, как социалисты-революционеры совершают террористические акты в отношении неугодных и вредных элементов, так точно, в свою очередь, контр-революционные союзы должны совершать такие акты в отношении левых элементов.

Таким образом, вдохновителем образования контр-революционного союза был Рачковский. К его идее присоединились видные деятели, как-то покойный Петр Николаевич Дурново, состоявший тогда, кажется, министром вн. дел, генерал Герасимов, состоявший в то время, кажется, начальником охранного отделения, Стишинский, товарищ министра внутренних дел Лыкошин, московский священник Иоанн Восторгов, бывший градоначальник фон-дер-Лауниц, граф Доррер из Курска, присяжный поверенный Пав. Федорович Булацель, инженер дворянин Виктор Павлович Соколов и великие князья Николай Николаевич и Владимир Александрович.

Эта идея осуществилась учреждением в Петрограде союза

русского народа. Во главе этого союза стал доктор Александр Иванович Дубровин, скромный врач, имевший практику почти исключительно среди евреев. Он даже находился в любовной связи с еврейками, от которых и прижил детей. Зная очень много фактов, я могу самым категорическим образом сказать вам, что Дубровин никогда не был идейным человеком, а преследовал исключительно корыстные интересы, которым он нашел особенно вначале большую пищу.

Образовался союз русского народа, выработал свой устав, был образован главный совет и приступил к своей деятельности.

Легальным лозунгом союза было — самодержавие, православие и народность. Но эти начала, которые предначертал союз русского народа, были, собственно говоря, только этикетом и, как видно было на деле — фактически, задачи, что преследовал и осуществлял союз, были таковы: во-первых, считая, что манифест от 17-го октября 1905 г. не был актом добровольным, дарованным царем, а был исторгнут — вырван у него под влиянием исключительных событий, союз поставил своею задачею восстановить первоначальное положение, существовавшее до манифеста — это первое; а второе — задачею своею союз поставил совершение насильственных действий, активных в борьбе с левыми элементами, то есть в борьбе со всем тем, что стремилось осуществить идеи манифеста.

Такая деятельность союза выражалась в организации целого ряда погромов и убийств на политической почве. Для осуществления таких целей при союзе была организована боевая дружина, причем организатором ее был все тот же Рачковский, поставивший во главе ее находившегося в его личном распоряжении тогда пом. присяжного поверенного Сергея Тришатного, которого впоследствии сменил Николай Максимович Юскевич-Красковский. Эта боевая дружина располагала револьверами, бомбами. Как мне известно достоверно, некоторое время делались даже опыты с ядом «кураре». Дружина имела своих исполнителей для осуществления убийств, планы которых предварительно разрабатывались; затем были в ней так называемые наводчики, то есть такие лица, которые, служа в охранном отделении, давали сведения о наиболее видных деятелях левых партий, которых нужно было, как они выражались, «снять». Во главе такой дружины стоял Дубровин. Что касается денежных средств, то таковые давали частные лица, затем охранный отдел, департамент полиции, министерство внутренних дел.

Деятельность была конспиративная.

На одном из тайных совещаний союза, на котором присутствовали наиболее видные деятели его, был составлен список 43 лиц, обреченных союзом к смерти, причем в копиях против каждой фамилии такого лица был помещен портрет его. Удостоверяю категорически, что у меня самого в руках был один из

таких списков, который мне удалось достать чрез одного из союзников.

Насколько припоминаю, среди других фамилий значились: Аладьин, Аникин, граф Витте, Винавер, Грузенберг (Оскар), Родичев, Милюков, Гессен Иосиф, Слиозберг, Проппер, Герценштейн, Иоллос. Остальных, всего было 43, за давностью времени припомнить не могу. Этот список так и назывался «списком сорока трех».

Долгом считаю отметить ту связь, которая существовала между союзом русского народа и охранным отделением. Связь эта выражалась в том, что приближенные к Дубровину лица в то же самое время состояли агентами охранного отделения. В подтверждение этого бесспорного факта следует припомнить следующее. Перед совершением убийства Герценштейна, как о том показывал жандарм станции Запольский, лица, явившиеся к нему и оказавшиеся Половневым, Казанцевым, Ларичкиным, Александровым, предъявили ему свои карточки, удостоверявшие положение их как агентов охранного отделения.

Такие же карточки имели Булацель, Виктор Павлович Соколов, Васильев, Майков и другие.

Удостоверяю, что у меня в руках была такая карточка одного из союзников, Патрикеева.

Описав вам в общих чертах действительную деятельность союза русского народа, перехожу к изложению отдельных эпизодов такой деятельности.

I. Убийство Герценштейна. Я удостоверяю, что это убийство было организовано и выполнено союзом русского народа. Доказательством тому служит самое судебное производство кивинебского судебного округа. Разбирал это дело судья Селин, проживающий в г. Выборге. Это убийство было выполнено Александром Еремеевичем Казанцевым, Егором Ларичкиным, Сергеем Александровым и Александром Половневым (по прозвищу «косой»), Рудиком, Рюминым, Юскевичем-Красковским. Вдохновителем дела был Дубровин. Это мне известно не только из судебного материала, но и из личных бесед некоторых из обвиняемых, откровенно рассказывавших мне о том.

Что касается отношения высших правительственных властей к указанному делу, то, конечно, правительство сознавало, что это убийство — дело рук союза русского народа. Бывший тогда премьер-министр, пробовавший сначала вести борьбу с союзом и убедившийся в его, союза, силе и бесполезности и невыгодности бороться с союзом, в конце концов должен был стать на сторону его и, как мне известно, составил доклад царю о прекращении дела об убийстве Герценштейна и др., когда во время процесса обнаружилось участие в этом убийстве самого Дубровина. Насколько мне известно, Щегловитов хлопотал о помило-

вании Красковского и Половнева и о прекращении дела против Дубровина.

Слышал, но за достоверность не могу поручиться, будто судьей Селиным была получена телеграмма от Столыпина о прекращении дела от «имени его императорского величества». Это случилось как раз в то время, когда наступил в процессе острый момент о привлечении в качестве обвиняемого Дубровина.

Самое производство об убийстве Герценштейна находится в кивинебском суде, а копии дела — в министерстве юстиции.

Должен вам пояснить, что по этому делу я выступал в качестве гражданского истца и, будучи поэтому хорошо осведомлен со всеми сторонами этого дела, могу категорически сказать, что это убийство было организовано и выполнено союзом русского народа во главе с Дубровиным.

Министр юстиции Щегловитов, будучи осведомлен об этом, принимал все меры к тому, чтобы воспрепятствовать суду в раскрытии преступления во всей полноте и обнаружении всех причастных лиц, а главным образом Дубровина.

Документальные данные этого дела:

- 1) Производство кивинебского суда;
- 2) Доклад письменный чинов министерства юстиции, посланных Щегловитовым для присутствования на процессе;
- 3) Дознание товарища прокурора Тлустовского об участии Дубровина в убийстве.

II. Убийство Иоллоса. Это преступление—также дело рук союза русского народа. Совершено оно было непосредственно Федоровым, но участвовали: граф Буксгевден, чиновник особых поручений при московском губернаторе Гершельмане, и затем союзники, как-то Дубровин, Юскевич-Красковский.

Материалом этого дела может служить следствие московского следователя об убийстве Иоллоса.

III. Убийство доктора Караваева, члена государственной думы. Дело это в екатеринославском окружном суде.

Из беседы с некоторыми союзниками я вынес полное для меня убеждение в том, что Караваев убит союзниками, которые сами мне в этом признались.

IV. Убийство Мухина. Это убийство совершено Ларичкиным. Чтобы воспрепятствовать Ларичкину разоблачать деятельность союза, союзники принимали все меры к тому, чтобы не давать Ларичкину показывать следственной власти, поэтому показания Ларичкина не были исчерпывающими.

V. Покушение на убийство графа Витте. Это дело было также делом рук союза русского народа. В нем принимали участие: Федоров (его провоцировали союзники), граф Буксгевден, Юскевич-Красковский, Валериан Валерианович Казаринов, Дубровин — вдохновитель, а также начальник охранного отде-

ления Герасимов. Мне известно, что адскую машину доставило охранное отделение.

Я возился с союзниками русского народа около 3-х лет, беседовал откровенно с многими из них, и потому-то мне так хорошо известно про «работу» союза русского народа. Союз совершал преступные деяния в виде убийств лиц левых партий. Из рассказов самих же союзников я знаю, что в задачу деятельности его входило устройство погромов. Фактическим исполнителем была боевая дружина, которой Дубровин всегда давал напутствие «бить до 10-го пота».

Что касается отношения правительственной власти, то ее отношение к союзу русского народа было совершенно определенное: они давали денежные средства союзу. Так мне известно, что средствами снабжали: охранное отделение в лице Герасимова, министерство внутренних дел — в лице товарища министра Лыкошина, министра вн. дел Дурново, дворцовый комендант Дедюлин, градоначальник фон-дер-Лауниц.

Затем могу удостоверить, что б. министр юстиции систематически покрывал и скрывал преступников из союза русского народа. Это был Щегловитов, так как бывший царь носил на себе почетный знак союза русского народа. Союз русского народа получал покровительственное отношение и одобрение в своей деятельности вооруженной расправы с левыми партиями. В смысле ответственности, союзники, бывшие на суде, еще до разбирательства и приговора, цинично заявляли в совершенно определенной форме: «Не всё ли равно, к чему приговорят, ведь всё равно помилуют!» И действительно, миловали после присуждения к наказаниям. Союзники были просто «безответственные люди»; исключение составляли те из союзников, которые изобличали союз и сами сознавались. Например Ларичкин.

Союз русского народа, поставив своею целью насильственные действия по отношению к деятелям левых партий, осуществлял эту задачу и, полагая, довел бы ее до конца, и только потому, что это начало раскрываться, союзники стали прекращать свою деятельность в этом отношении.

ИЗ БУМАГ, НАЙДЕННЫХ ПРИ ОБЫСКЕ, ПРОИЗВЕДЕННОМ 20 АПРЕЛЯ 1917 Г. КО- МЕНДАНТОМ ТАВРИЧЕСКОГО ДВОРЦА В КВАРТИРАХ ДУБРОВИНА И ПОЛУБОЯРИ- НОВОЙ

ПИСЬМА К А. И. ДУБРОВИНУ.

ПИСЬМО Н. М. ВИНОКУРОВА А. И. ДУБРОВИНУ ОТ 25 АПРЕЛЯ
1909 Г. ИЗ Г. ОХАНСКА, ПЕРМСКОЙ ГУБ.

Милостивый государь Александр Иванович.

Из газет я узнал, что бывший секретарь совета Прусаков, на суде по делу об убийстве Герценштейна, показал против вас и говорил, что вы обещали тому человеку, который бы принял вину на себя, 10—15 тысяч. Если это правда, то я согласен принять вину на себя за столько, сколько вы предложите. Надо только лично явиться в Петербург и переговорить с вами о подробностях.

Напишите и пошлите мне денег на дорогу, и я немедленно приеду и условлюсь с вами, как и что сделать, куда заявиться и как поступить.

На мое молчание вы можете вполне рассчитывать, и я решаюсь поступить так единственно для того, чтобы обеспечить мое семейство и вполне надеюсь, что вы меня не оставите.

Остаюсь, в ожидании вашего ответа, с истинным почтением и уважением, Николай Михайлов Винокуров.

ПИСЬМО Е. А. ПОЛУБОЯРИНОВОЙ А. И. ДУБРОВИНУ ОТ 16 ИЮЛЯ
1909 Г., ИЗ ПЕТЕРБУРГА.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Сейчас получила ваши два письма в одно время и спешу ответить вам на то, что приводило вас в недоумение, т. е., что с Юскевичем. Все мы ехали с той уверенностью, что будут судить Красковского, и продолжали быть в этой уверенности довольно долго. Наконец, Булацель, который пошел к ленсману узнать, когда же наконец назначится слушанье дела (мы уже ждали часа 4), объявил нам, что Красковского совсем сегодня не будут судить, а назначено дело о Дубровине. Оказалось, что Красковский и не приедет, так как финляндский суд и не вызывал его на этот день.

Красковский сначала сидел в предварилке, а потом его перевели в пересыльную; по словам Вербицкой, он совсем больной, так как после сделанной несколько времени тому назад операции (вырезали саркому) у него разошлись швы. Она собирается про-

свить отпустить его на поруки. Говорят, что Половнев в негодовании, что его бросили без защитника, и Булацель пишет всеподданнейшее прошение о его помиловании. Вообще, нельзя этого было так оставлять, надо действовать, а между тем все разъехались: Булацель уехал в Двинск, Соколов в имение к отцу, и я остаюсь одна. Вы пишете, что у меня так много энергии, что я могу вдохнуть ее в других, но вдыхать-то не в кого. Я со своей стороны готова действовать, но как именно? Вероятно, так как я остаюсь теперь за председательствующего, мне надо отправиться к Курлову. Самый удобный предлог было бы прошение на высочайшее имя, о котором говорилось до вашего отъезда, было написано и подано Булацелем через Дедюлина, но дошло ли оно до государя, решительно ничего неизвестно. Вот всё, что мне известно из наших шагов по этому делу. Теперь вы сами можете судить, в каком всё находится положении, и может быть можете дать мне инструкцию, что дальше предпринять. Теперь я буду вам часто писать, чтобы вы могли знать всё, что у нас делается.

Пишу вам это письмо в субботу вечером и отправлю его завтра утром из Луги, так как еду туда сегодня с ночным поездом. Вы собирались пить эссендуки, но не пишете ничего об этом, пьете или нет.

Желаю вам скорее поправляться.

Душевно предана. Е. Полубояринова.

ПИСЬМО Е. А. ПОЛУБОЯРИНОВОЙ А. И. ДУБРОВИНУ ОТ 2 АВГУСТА
1909 Г., ИЗ ПЕТЕРБУРГА.

Глубокоуважаемый Александр Иванович.

Сейчас от Курлова. Вот сущность разговора. На перенесение дела в русский суд рассчитывать нечего, потому что никто не может нарушить финляндские законы, хотя сам он находит, что как законы, так и финляндские отношения к России возмутительны.

С открытием думы мин. юст. будет представлять запрос о финляндском законодательстве; мы (т. е. союз) совершенно напрасно отождествляем себя с отдельными лицами процесса (т. е. Полв. Юск.¹), так как они сами на себя наплели и пускай себе сами и выпутываются, союз же и вы тут совсем ни при чем, и в финляндских судах могут предъявлять какие хотят обвинения, — нечего на них обращать внимания, так как русское правительство никого из союза и вас, конечно, Финляндии не выдаст. Что левые газеты пишут, совершенно наплевать (по поводу участия союза в деле), что никто им всё равно не поверит. Но, когда я ему показала газету «Новый день» (я вам в последних числах

¹ Половнев и Юскевич-Красковский. Ред.

нюля вырежу) с кощунством и когда он начал читать, я увидела гримасу ужаса и отвращения на его лице. Газету он у меня взял вместе с № 63, где опровержение Булацеля, и завтра же представит Столыпину. Прощение на высочайшее имя он находит совершенно бесцельным, так как оно опять-таки попадет к министру, который опять положит ту же резолюцию; в Финляндии же пусть делают хоть не 26, а 126 заседаний, все их обвинения и требования относительно вас и других наших членов для русского правительства не будут иметь никакого значения.

Всех подробностей разговора передать вам письменно не могу. О мушкетерах невозможно было ничего вклеить; о ваших сообщениях передала, — он не верит, чтобы могло быть такое общее выступление против государственности, но думает, что частичных надо ожидать. Я пробыла у него более часа и просила разрешения быть у него опять, в случае надобности, которое, конечно, любезно предоставлено мне с правом заявить о желании моем быть у него по телефону. Как видите, из свидания результатов никаких блестящих не получено, но важно, что теперь он меня знает и мне можно скорее и легче к нему, в случае надобности, попасть. До сих пор не имела от вас письма, беспокоюсь, благополучно ли вы переехали, и как ваше здоровье.

Душевно предана. Е. Полубояринова.

ПИСЬМО К. И. ПАСХАЛОВА А. И. ДУБРОВИНУ ОТ 23 ЯНВАРЯ 1916 Г.,
ИЗ С. КОЛОСОВА, ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБ.

Глубокоуважаемый Александр Иванович.

Не откажите хотя в нескольких словах осведомить меня, напечатано ли обращение нижегородского монархического совещания к войскам и разослано ли по штабам, как указал генерал Алексеев. И. И. Дудниченко, секретарь совещания, мне уже довольно давно писал, что выслал вам и отчет. Боюсь затруднить вас, но очень любопытно было бы выслушать ваше мнение о всем происходящем, — не в области борьбы с внешним врагом, в которой едва ли можно разобраться и определить точные причины нашего почти 4-месячного бездействия на всем европейском фронте, хотя нельзя ему не удивляться, сопоставляя всё доходящее до сведения читателя газет, — но смысл и значение событий, определяющих судьбу нашей внутренней государственной жизни в борьбе из-за правильного направления, в которой суждено было участвовать и нам, хотя бы для того, чтобы не донкихотствовать понапрасну и не тратить усилий в бесполезной и безнадежной борьбе, при полнейшем бессилии против хищников, которым жертва отдается сама, отстраняясь от своих защитников. Мне, в моем деревенском уединении, именно в таком виде представляется всё происходящее. Возмутительная наглость левых газет не знает пределов и не встречает соответствующего от-

отпора ни с какой стороны, в упорном, систематическом опорочивании перед властью направления деятельности правых. Явная, подлая клевета и бесстыдство повторяются изо дня в день политическими шулерами и торгово-промышленными грабителями, в последнее время вполне слившимися в одну шайку, в целях разгрома существующего государственного строя, в котором остался еще призрак самодержавия. И тем не менее, явные атаманы этой презренной шайки, стремящейся похитить власть, пользуются особым вниманием и благоволением последней на всех ступенях ее правления. «Новый» премьер поспешил отречься от солидарности партийной и расшаркаться перед «общественностью», этим новым фетишем либерального словоблудия. Приznak — далеко не утешительный, а если предшественник его устранился по разногласию о том, в каких пределах допустить безобразничать в предстоящую сессию государственной думы, — то и вовсе плохой. Что она, дума, будет безобразничать, это — несомненно: и для того достаточно взвинтила жидо-кадетская печать, а Горемыкин, по слухам, стоял за допущение минимума этого безобразия, что, конечно, не удовлетворяло наших Дантонов и Маратов, и вот устраняют последнюю помеху проявиться полной политической разнузданности нашей «нижней палаты»...

Одесские монархисты стонут под беспощадным давлением Эбеловых и Сосновских, стремящихся сокрушить тамошние сильные правые организации при помощи отщепенцев. Петроград пикнул и замолчал. О Москве и говорить нечего. Там и признака правого не остается. Что же остается? Только вы и «Рус. знамя». Как ни сильно это, но всё-таки слишком мало. А таких, как я, — дают как мошек, хотя они порой и больно кусаются. Но в последнее время совсем уже обезубел, да и устал не только работать, но просто — жить. Пора на покой, именуемый вечным... Прощайте, крепко жму вашу руку, прошу засвидетельствовать мое глубокое уважение Елене Адриановне и верить в мою непоколебимую преданность идее, при полном отчаянии в людях осуждающих.

Искренно преданный вам К. Пасхалов.

РАЗНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ БУМАГИ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА.

ЦИРКУЛЯР СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1906 Г.

К сведению отделов союза и всех русских людей. В виду большого количества запросов относительно того, могут ли служащие на государственной службе состоять членами союза русского народа, считаем необходимым сделать нижеследующее разъяснение.

Союз русского народа не представляет собою какой-либо пред-

выборной партии: задачи его гораздо шире, цели его неизмеримо выше, и основы его несравненно глубже.

Признавая разнообразие мнений по тому или другому вопросу крайне желательным в целях наилучшего и всестороннего освещения данного вопроса, союз в то же время не может признать возможным законное существование политических партий в среде верноподданных русских граждан, каковыми должны быть все подданные русского царя.

Напротив, союз основною своею целью полагает уничтожение в стране всякой политической партийности, влекущей за собою взаимную вражду и ненависть, путем объединения всех честных русских людей, верных долгу и присяге, во имя веры, царя и отечества, о чем заявлялось неоднократно и устно и в печати.

При этом союз задается целью нравственно дисциплинировать и воспитывать народные массы в духе христианских начал и любви к родине.

Основные положения сюза включены в основные законы Российской империи, а потому всякий верноподданный русский гражданин, даже помимо союза, уже по одному лишь долгу присяги, обязан их не только признавать, но и свято чтить, не за страх, а за совесть, как священную волю самодержавного царя.

Лица, состоящие на государственной службе, очевидно, не могут не быть верноподданными русскими гражданами. Значит, они обязаны или безусловно признавать основные положения союза и, по долгу службы, всеми мерами ему содействовать, или же, в случае несогласия, оставить совершенно службу тому государству, законов которого они не желают признавать.

Вывод отсюда ясен: все состоящие на государственной службе, как верноподданные русские граждане, не только могут, но и обязаны, по долгу присяги, быть по делам членами союза русского народа.

Запись в члены союза есть лишь формальное заявление о том, что вступающий в союз открыто признает основные законы Русского государства, которому он обязался служить верой и правдой, а потому она сущности дела нисколько не меняет.

Стало быть, никакая разумная и уважающая себя власть не может ни в каком случае запретить кому бы то ни было из русских подданных, а тем более состоящим на государственной службе, открыто вступать в союз русского народа.

Товарищ председателя главного совета союза русского народа А. И. Тришатный.

«ПРОГРАММА РАБОТ» ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЧЛЕНОВ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА, СОСТАВЛЕННАЯ А. И. ТРИШАТНЫМ.

Возникший в октябре 1905 года из небольшого кружка русских людей, союз русского народа стал быстро развиваться.

Вначале главное внимание было обращено на возможно большее расширение союза и запись как можно большего числа единомышленников в члены союза.

Пока членов было немного, сношение с ними не представляло особых затруднений: в случае надобности, например, известить членов союза о предполагающемся общем собрании, каждый из членов-учредителей извещал и раздавал билеты тем лицам, которых он раньше пригласил к участию в союзе. С другой стороны, и самая деятельность союза выражалась главным образом в расширении его, как в Петербурге, так и в провинции.

Но в настоящее время деятельность союза значительно расширилась и самый союз разросся до такой степени, что прежний способ сношения с отдельными членами союза является уже невозможным.

В виду этого, необходимо так организовать всех членов союза, чтобы он представлял одно стройное целое, а не толпу людей, собравшихся случайно. Этого можно достигнуть путем объединения членов союза в отдельные группы, например десятки, десятков — в сотни, а сотен — в тысячи, с десятниками, сотниками и тысячниками во главе.

Когда все члены союза будут таким образом объединены, между ними и советом союза будет достигнута полная связь. Если надо известить всех членов союза о чем-нибудь или, например, созвать общее собрание, то сделать это тогда будет очень просто: совету достаточно известить тысячников, которые сообщат сотникам, те десятникам, а десятники — каждый тем членам союза, которые состоят у него в десятке. Все члены союза таким путем будут извещены легко, быстро и без всяких расходов, причем всё будет сделано в полной тишине.

Необходимо заметить, что эта организация исключительно мирная и цель ее — только сплочение членов союза и установление постоянного общения их с советом. Только в таком случае записавшийся в союз будет действительно чувствовать себя членом той великой русской семьи, которую представляет собою союз русского народа.

Следует также иметь в виду, что члены союза вовсе не находятся в подчинении у десятников, сотников и тысячников, а только получают через них извещения от совета союза.

Такая организация будет иметь громадное значение при выборах в государственную думу. Тогда не пропадает ни один голос членов-избирателей и уже не будет таких случаев, как на прошлых выборах, когда многие члены союза русского народа подавали голоса за «кадет».

3-го октября 1906 г. состоялось собрание членов союза от различных частей города С.-Петербурга, изъявивших готовность принять участие в работах по организации союза.

На этом собрании постановлено производить разбивку в каждой

части города особо, для каковой цели образовать особый для каждой части районный совет из нескольких лиц, причем самую разбивку выполнять следующим образом:

1) Выписать семь человек членов союза из числа живущих в одной улице, поблизости друг к другу. Из этих семи членов шесть составят десяток, а один подлежит выбору в десятники.

2) Пригласить их придти в назначенный день и час в помещение союза или в частную квартиру одного из членов районного совета.

3) Предложить им выбрать из своей среды одного, который принял бы на себя исполнение обязанности десятника.

4) Для ускорения дела несколько групп по семи человек могут быть приглашены одновременно.

5) Избранные десятники вносятся в особый список, который сохраняется в канцелярии главного совета.

6) Когда все члены совета в данной части города будут таким образом объединены в десятки, то в назначенный районным советом день и час десятники ближайших друг к другу десяти десятков собираются в назначенное помещение для выборов из своей среды сотника.

7) На место десятника, избранного в сотники, члены соответствующего десятка избирают из своей среды нового десятника.

8) Когда таким образом десятки будут объединены в сотни, если притом число сотников настолько велико, что районному совету трудно будет сносить с ними непосредственно, тогда назначают подобным вышеуказанному образом выборы тысячников из среды сотников.

9) На место сотников, выбранных в тысячники, десятники выбирают из среды своей нового сотника, а на место выбывшего таким образом десятника соответствующий десяток избирает нового десятника.

10) Десятникам вменяется в обязанность принять все меры к увеличению числа членов своего десятка путем записи членами союза новых лиц, живущих поблизости, но при этом записывать как можно осмотрительнее, из числа лишь вполне надежных людей.

11) Когда число членов в десятке дойдет до 12, то такой десяток разбивается на два десятка по 6 человек в каждом, причем один из этих двух вновь образовавшихся десятков избирает себе нового десятника из своей среды.

12) Сотни могут состоять таким образом из 11-ти десятков.

13) Когда, вследствие подобного расширения, одна из сотен дойдет до 12 десятков, то она разбивается на две сотни по 6 десятков в каждой, причем новые десятки образуются по-прежнему, путем записи новых членов, пока число десятков снова не достигнет 12.

14) Десятникам, сотникам и тысячникам должно быть внушено, что они не представляют какого-либо «начальства», а служат только для передачи распоряжений совета всем членам союза.

Товарищ председателя главного совета А. Тришатный.

ЦИРКУЛЯР СОВЕТА СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА ОТДЕЛАМ СОЮЗА ОТ ОКТЯБРЯ 1906 г.

В целях непрерывного единения между собою членов союза, а также в виду предстоящих выборов в государственную думу, главный совет предлагает вам приступить немедленно к выполнению следующих предначертаний:

1. Организовать членов союза, разбив их на десятки, сотни и тысячи, с десятниками, сотниками и тысячниками во главе. Таким путем будет достигнута, прежде всего, тесная связь между советом отдела союза и всеми членами его. В случае, например, необходимости быстро известить всех членов о каком-либо распоряжении совета, распоряжение это сообщается тысячникам, которые передают каждый своим сотникам, а те своим десятникам для сообщения членам союза. Вся масса членов будет при этом находиться действительно в руках совета отдела.

Способ, каким будет произведена эта организация членов союза, предоставляется на усмотрение совета отдела, в зависимости от местных условий, которые могут быть очень разнообразны, но, в общем, главный совет предлагает руководствоваться следующим:

1) Разделить город на участки, примерно от 800 до 1 000 человек членов в каждом, и выбрать в каждом участке твердого, надежного, энергичного члена союза, могущего быть тысячником.

2) Тысячники, каждый в своем участке, подбирают себе из числа членов союза таких, которые могли бы исполнить обязанности сотников, а эти, в свою очередь, таким же образом подбирают себе десятников.

3) Нет необходимости, чтобы у каждого тысячника было непременно 1 000 человек; напротив, желательно, чтобы вначале были неполные десятки, чтобы пополнить их при расширении союза.

4) В отделах, насчитывающих всего 2 — 3 тысячи членов, нет даже необходимости выбирать тысячников, а достаточно разбить на сотни. Когда число членов возрастет настолько, что будет уже затруднительно совету отдела сноситься с сотниками, тогда сотни могут быть объединены в тысячи.

5) Необходимо внушить членам союза, что звание десятников, сотников и тысячников не представляет какого-либо особого

преимущества, а лишь налагает на выбранных лиц новые, хотя и несложные обязанности, которые они должны исполнить во имя общего блага.

II. Произвести точную регистрацию членов союза и определить число всех членов союза в каждом отделе, что очень легко будет сделать, когда члены будут организованы.

Прошу приступить к делу немедленно, известить о получении сего циркуляра и сообщить в главный совет на мое имя о ваших соображениях по поводу выполнения этой организации и могущих встретиться затруднениях и недоразумениях.

Товарищ председателя главного совета союза русского народа А. Тришатный. Секретарь М. Зеленский.

ПРОШЕНИЕ СОВЕТА СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА НИКОЛАЮ II ОТ 9 ЯНВАРЯ 1907 Г.

Ваше императорское величество!

Блаженной памяти дед вашего императорского величества, приявший мученическую кончину император Александр второй даровал русскому народу правый, гласный, скорый суд.

Ныне несколько подданных вашего императорского величества преданы в руки финляндского суда, не представляющего не только никакого залога в соблюдении самого элементарного правосудия, но являющего вопиющее пристрастие к обвиняемым. Умоляем ваше императорское величество: повелите передать дело русских людей, обвиняемых в участии в убийстве Герценштейна, вашему русскому суду, дабы не осталось сомнения, что дело это будет рассмотрено беспристрастно и справедливо, и дабы обвиняемые не лишались великого блага, дарованного незабвенным вашим дедом всем своим подданным.

Не о милости умоляем вас, государь, а о справедливости.

По уполномочию главного совета союза русского народа, исправляющий обязанности председателя Д. Оборин. Секретарь М. Зеленский.

ПИСЬМО В. М. ПУРИШКЕВИЧА Г. Ф. ВЕБЕРУ. ОТ 29 ИЮЛЯ 1909 Г.

В редакцию газеты «Русское знамя». 4-ая рота, д. 6.

Главная палата русского народного союза имени Михаила архангела имеет честь препроводить вам копию письма В. М. Пуришкевича, посланного им заказным из Петербурга 29-го сего июля г-ну Веберу, главному инсинезатору на вождей монархических организаций по делу об убийстве Герценштейна.

Сударь.

(Простите, что затрудняюсь в обращении, напиши я вам так, как должно, потянете судиться, а другого не стоите.) На-днях

(14 августа) предстоит продолжение териокского водевиля, именуемого «Дело об убийстве Герценштейна». Я человек сторонний, но считаю долгом, ограждая вас, вам сделать «дружеское представление» английского характера.

Монархические организации столицы, — доблестнейший союз русского народа, союз Михаила архангела и другие им сродные, — как вы изволили уже видеть, вышли из того состояния безразличия к делу, в коем так долго находились, и впредь не намереваются выносить ни глумления над правдою, ни безнаказанного замарывания вами чести и имени виднейших представителей монархических партий империи, посему, если вам в ближайшем будущем не угодно испытать некоторые неудобства, испытанные в свое время Расплюевым, внимлите голосу моему заблаговременно и 1) не увеличивайте числа лжесвидетелей на суде по этому делу и 2) примите меры к тому, чтобы ихтиозавры (допотопные судьи финляндские) ускорили окончание этого процесса, повидимому, бьющего на празднование своего 25-летнего юбилея.

Строки эти вызваны исключительным желанием оградить вас от неприятностей, которые крайне нежелательны нам, правым руководителям монархических организаций, больше всего боящимся, от неуравновешенных членов своих союзов, применения системы насилия к кому бы то ни было, ибо наше орудие — культурная борьба.

Без подачи вам руки.

Подлинное писал: В. Пуришкевич.

СЕКРЕТНЫЙ ЦИРКУЛЯР СОЮЗА МИХАИЛА АРХАНГЕЛА ОТ
10 ОКТЯБРЯ 1913 Г., № 1693.

В виду злобного шума, поднятого жидами и жидовскою печатью всего мира вообще против обвинения жидов в ритуальных убийствах христиан и, в частности, против обвинения в этом Бейлиса по делу Андрюши Ющинского в Киеве, а также и вследствие той травли, которую жиды ведут против защищающих интересы матери убитого Ющинского, мужественных борцов за правду, члена государственной думы Георгия Георгиевича Замысловского и присяжного поверенного Алексея Семеновича Шмакова, — главная палата русского народного союза имени Михаила архангела считает безусловно необходимым морально поддержать этих доблестных и стойких разоблачителей жидовского изуверства и поэтому предлагает всем своим отделам немедленно же послать в Киев, в окружной суд, на имя гг. Замысловского и Шмакова, телеграммы с выражением им своего сочувствия, ободрения и уверенности в торжестве русской, против жидов, правды. Телеграммы эти должны быть изложены в соответствующих выражениях, по усмотрению самих отделов, и под-

писаны председателями таковых, с добавлением «по уполномочию такого-то отдела союза имени Михаила архангела». Со своей стороны главная палата посылает особую телеграмму.

Председатель союза, член государственной думы Влад. Пуришкевич.

За секретаря союза Н. Юскевич-Красковский.

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА ОТ ОКТЯБРЯ
1915 Г.

ГЛАВНОГО СОВЕТА СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА

к русским людям

о к р у ж н о е п о с л а н и е .

Пользуясь временными и преходящими затруднениями в деле снабжения нашей доблестной армии снарядами и вооружением, внутренние враги нашей родины: конституционалисты, парламентарии, революционеры, а в особенности немцы и жидаы, всячески стремятся обмануть русский народ.

Надев личину патриотизма, начертав на лживых знаменах своих «всё для войны», а про себя помышляя «всё для захвата власти», жидо-масоны хотят добиться умаления прав самодержца всея России.

С необычайной наглостью они требуют от царя назначения министров из их среды, министров ответственных перед стакнувшимися политическими партиями, а не перед царем, министров, поставленных инородцами и жидами, а не помазанником божием, государем императором. Это безумное требование внутренних врагов предъявляется под предлогом единения правительства и общества для победы над врагом внешним. Злонамеренные люди пытаются уверить русский народ, что причина наших временных на войне неудач будто бы кроется в нашем вековечном государственном строе, в самодержавии русского царя.

Жидо-масоны умалчивают, что в Англии и в разгромленной Бельгии министры ответственны перед парламентом, они умалчивают, что поражениям Франции нисколько не помешали министры республики, сплошь социалисты и демократы, что беспорядки, злоупотребления и хищения, в деле снабжения французской армии вооружением, обнаруживались постоянно и остаются безнаказанными.

Жидо-масоны злобно молчат и о том, что в Германии, оказавшейся пока сильнейшей из держав, министерство ответственно перед кайзером и не ответственно перед германским парламентом.

Жидо-масоны замалчивают, что только благодаря самодержавию царскому возможно оказалось запрещение водки и пол-

ное отрезвление народа и именно самодержец наш начал борьбу с немецким засилием путем издания закона 2 февраля 1915 г. об уничтожении немецкого землевладения в России.

Они умышленно забывают, что только царской воле обязаны русские витези спокойствием за участь своих семей, ибо государь император позаботился, чтобы всем семьям призванных на войну воинов выдавался казенный паек.

Жидо-масоны молчат о том, что по мудрому повелению самодержавной власти образована верховная следственная комиссия, которая строго расследует, кто из министров и чиновников и насколько виноват в недочетах по снабжению армии оружием.

Молчат и о том, что царь повелел всех виновных, как бы высоко они ни стояли, предавать военному суду вместе с опутавшими их жидо-масонами, склонившими их скрыть правду от царя.

Внутренние враги русского народа хорошо знают, что, как только самодержец всероссийский узнал о недочетках в вооружении, он тотчас же повелел восполнить все пробелы, учетверить заказы в России и за границей.

Ныне производительность работающих на войну русских заводов чрезвычайно увеличилась и продолжает увеличиваться. В Англии, во Франции, в Америке и Японии заказаны и везутся к нам громадные запасы всего необходимого для победной войны.

Уже теперь с каждым днем усиливается приток в войска снарядов и оружия.

И злодеи понимают, что уже близок день, когда доблестные русские войска дружным натиском погонят злобного германца назад в Германию.

Жидо-масоны прекрасно это понимают и спешат пробраться к власти и захватить ее в свои руки, чтобы потом сказать народу: «Смотрите, стоило нам поручить управление Россией — и мы дали войскам победу». О, гнусные лицемеры!

И вот начались самозванные съезды, в роде московского. Зашевелилась вся обирающая народ плутократия, представители банков жидовских, синдикатов, обще-земского и городского союзов, неторгующие купцы Гучковы, менялы Рябушинские. При помощи жидовской печати и подтасованных съездов стали на все лады доказывать, что для спасения России надо лишить царя права назначать и сменять министров и передать это право стакнувшимся в жидо-прогрессивный блок левым партиям государственной думы и их соумышленникам в государственном совете. Что для одоления германцев необходимо помиловать всех революционеров и висельников, что для победы необходимо предающих русскую армию награждать свободой расселения по всей России и дать им возможность скупать землю крестьянскую, что жидам надо даровать равноправие с русскими, что всех иностранцев, пострадавших от войны, надо вознаградить за счет русского народа.

Жидо-масоны подняли такой гвалт, что правительство, не слыша голоса подлинного народа русского, не видя себе нравственной поддержки от русских людей, стало колебаться и может уступить наглым вожделениям врагов.

Зловещим признаком такой уступчивости является уже данное жидам право свободного жительства по всей России.

К счастью, это еще не закон, а лишь распоряжение министерства губернаторам, а потому всегда может быть отменено новым распоряжением.

Русские люди! Настало время возвысить ваш могучий голос. Громко и твердо заявите, чтобы не давали никаких прав народу, который проявил себя в этой войне взвинчиванием цен на предметы первой необходимости, шпионством, изменой и предательством.

Всем отделам союза русского народа, всем монархическим единениям надлежит без промедления обратиться к маститому, умудренному, честному царскому слуге, председателю совета министров, Ивану Логиновичу Горемыкину, и сказать, что народ русский спокоен лишь до тех пор, пока у власти стоят избранники царя-самодержца, а не ставленники жидо-масонских партий, блоков и синдикатов, что дарование жидам равноправия будет означать лишение народа-хозяина хозяйских прав на свою землю. Пусть те министры царские, которые заслуживают царского доверия, продолжают спокойно трудиться для победы над врагом, не обращая внимания на поднятую скрытыми и явными врагами шумиху.

Пусть твердо верят, что подлинный русский народ не допустит умаления самодержца всея России, единственного защитника народа от засилья немецкого, жидовского и инородческого, не допустит, чтобы Россией управляли наемные слуги, жидо-масоны.

Ныне, ко всеобщей радости и гордости народной, сам царь возглавил свои искони победоносные войска. И ныне наше поголовное желание, наша всероссийская горячая молитва ко господу, да сокрушит великий наш царь государь все германские полчища до единого, да очистит он, наш отец, Русскую землю, политую кровью и потом, от засилья немецкого, не для того, чтобы отдать ее жидам и инородцам. Да воротит он землю Русскую людям русским! Да поразит рукою властною гидру жидо-масонскую! Да укрепит на долгие времена священную власть свою самодержавную!

Русские люди! Не медлите! Не молчите! Подавайте ваш честный правдивый голос. Собирайте союзные собрания. Где нельзя собрание, собирайте совет. Где нельзя собрать совет, выступайте по единому сличию. Действуйте по долгу совести и присяги. Действуйте, хотя бы и в одиночку. Шлите, заклиная вас, шлите телеграммы его императорскому величеству и председателю

совета министров. Молим вас, русские люди! Подавайте, пока не поздно, голос земли Русской!

Председатель главного совета Николай Марков, товарищ председателя В. П. Соколов, секретарь Р. Трегубов.

Где нельзя послать телеграмму, посылайте заказные письма, нам же, в главный совет, посылайте копии. Адрес: Петроград, Басков пер., д. № 3, кв. 2. Для телеграмм: Петроград Собору.

ДОКУМЕНТЫ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

ОБЗОР ДВИЖЕНИЯ МОНАРХИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ИЮНЯ ПО ДЕКАБРЬ 1909 ГОДА.

Все упования монархических организаций, а главным образом союза русского народа, после ярославского съезда сосредоточились на дне полтавских торжеств, 27 июня. Полагали, что:

1) государь обратит внимание на лес знамен, в чем видели показное проявление силы организаций, преданных ему и России;

2) депутация от союза русского народа и других организаций, принятая его величеством, наглядно указала бы на его солидарность с исконными русскими началами и устоями;

3) собрание монархистов под своими знаменами объединило бы все подразделения и создало бы нечто могущественное.

Были основания надеяться на осуществление задуманного плана, но обстоятельства сложились иначе. У главы союза русского народа нехватило энергии, и по некоторым его действиям—требование денег и субсидий, когда в крайности можно бы обойтись и без этого, и циркуляр главного совета о непринятии участия в полтавских торжествах ясно указывают, что г. Дубровин был против этого из личных побуждений—боязни не быть допущенным в числе депутации. Протест графа А. Коновницына собрал только 126 знамен. После Полтавы жизнь монархических организаций притихла, явилось разочарование и недовольство, местами даже охлаждение. Винили П. А. Столыпина; были недовольны приемом государя, винули всех принимавших так или иначе участие в полтавских торжествах, называя их чуть ли не агентами правительства. Этим моментом воспользовался отец Восторгов, как говорят среди монархических партий, по поручению правительства, и затеял объединяющий съезд в Москве для всех монархических организаций. Агитация велась широко, но только недоверие к личности Восторгова и Пуришкевича привело к тому, что гора родила мышь. Разлад правых партий дошел до того, что союзники не верят никому, и люди вполне убежденные ведут на свой страх, а некоторые, более энергичные, склонны были (на юге) к массовому выступлению против погромов и контр-революции. В этом смысле велся в течение июля и августа деятельный обмен мыслей между известной южной группой, но северные союзы и сохранившие еще влияние главари сумели успокоить это нелепое движение. В настоящее время

во всех монархических организациях более, чем когда-либо, существует полное недоверие к правительству и к своим главам. Престиж Дубровина свелся к нулю, и несомненно, если бы не териокская история, он уже не стоял бы во главе союза. Пуришкевича презирают за полишинельство и за союз с Восторговым и националистами. Главный совет, усиленный в настоящее время Римским-Корсаковым, профессором Соболевским и др., внушает недоверие Дубровину, и ныне стоящая во главе г-жа Елена Адриановна Полубояринова путем интриги с личной подкладкой желает вновь восстановить утерянное навсегда влияние А. Дубровина.

Такое состояние монархической организации, включительно до Русского собрания, отразилось и на правых членах государственной думы. Дубровинцы всячески стараются подорвать доверие монархистов к Маркову 2-му, Замысловскому, Шульгину, не говоря уже о правых националистах, и всё это из чисто личных целей. Из изложенного можно вывести заключение, что дело монархистов проиграно безвозвратно, но такое заключение будет более чем ошибочно. Напротив, на местах, в провинции, союзы крепнут и учащаются политической борьбе, не выставляясь напоказ; многие союзники не носят даже официально знаков организаций, проникая легко в другие партии и следя за их настроением. Что было бы действительной гибелью монархии — это объявление конституции, так как вспышки народного негодования могли бы проявиться в острой форме и вызвать революционные выступления и справа и слева. Общему недовольству народа дает много пищи государственная дума, и роспуск ее был бы встречен всеми сочувственно.

Закон о землеустройстве настолько слабо выработан, что требует постоянных дополнений и разъяснений; условное осуждение непонятно для народа, желающего скорого суда, а судебная реформа с уничтожением волостных судов и замена их мировыми судьями — всё это козыри в руках правительственных врагов. Слабость и малоопытность гг. губернаторов, их тенденция угодить левым элементам и боязнь правых элементов — вызывают общее недовольство, которое растет с каждой новой ошибкой правительства, происходящей от совершенно непонятной настойчивой системы покровительства конституционному режиму, чуждому русскому народу. Всё это настолько запутывает политические нити общественной провинциальной жизни, что время осложнений, весьма серьезных, опять недалеко. Уже и теперь всё чаще и чаще слышатся голоса: «Хоть бы на один конец, чего ждать» и т. п. К несчастью, всё это говорится по адресу главы государства, с каждым днем теряющего своих приверженцев. Самые преданные монархисты, видя полную слабость власти, уже начинают обвинять не только одного первого министра. Еще год назад нельзя было и подумать о такой оценке дей-

ствий главы монархии. То, что не могли сделать все усилия революционеров и их сторонников—левых, может быть легко достигнуто правящей властью, как бы нарочно действующей себе в ущерб. Распадение монархических организаций, если таковое будет, повлечет за собою организацию крестьянских, чисто народных сообществ со своими вожаками, которые, исповедуя русские начала, сметут всю интеллигенцию и произведут уже настоящую общую массовую революцию. Вожаки уже у них готовы, но пока они еще подчиняются главарям-монархистам, хотя антагонизм между белой и черной костью начинает сказываться и здесь.

Переходя собственно к союзу русского народа, надлежит прежде всего установить факт падения Дубровина, как лица самостоятельного, и появление (совершенно неожиданное) г-жи Полубояриновой в роли руководительницы союза. Не отличаясь чем-либо особым в смысле ума и знаний, г-жа эта играет роль в силу значительного личного состояния, которое дает ей возможность окружить себя купленными людьми. Нужно только сожалеть, что люди эти выбраны ею весьма неудачно, в роде г. Катанского, человека с темным прошлым, но способного и талантливого, имеющего связи с подонками всех канцелярий Петербурга, где ютятся подобные ему личности. Эти господа основали даже тайное монархическое общество, под именем «дружины Андрея Боголюбского», и, собирая кое-какие, случайно и важные, сведения из секретных бумаг и подслушивая у дверей начальников, они любят блеснуть всезнанием и ловко на нем шантажируют. Другой пособник Полубояриновой, Еремченко, псевдоним «Полтавец», служил в Костроме у губернатора Веретенникова и редактировал газету «Рабочий». Оттуда уехал за херсонским губернатором и, совершенно скомпрометированный и отсидевший в тюрьме, последнее время был сотрудником «Веча», но, не поладив с Восторговым, поступил на жалованье к Полубояриновой. Сама Елена Адриановна—убежденная русская женщина, но истеричка.

Из числа старых членов главного совета остался у дела только Соколов, Майков же всецело попал под влияние князя Волконского, пристроившегося к националистам. Марков 2-й, член государственной думы, и вновь выбранные члены главного совета, кроме о. Саввы Богдановича—дубровинца, видимо желают создать что-то новое, но насколько пойдет у них успешно дело обновления совета при том недоверии, которое заслужил он в партии, — сказать трудно. Правда, есть у них одно имя, Римского-Корсакова, заслужившего большую популярность среди монархистов, чему много способствовало его смещение с должности губернатора, объясняемое всеми как личная неприязнь первого министра; но насколько сам Римский-Корсаков годен для роли политического деятеля, — покажет будущее.

В Москве первоначальный союз русского народа представлен более чем слабо: гг. Ознобишин и Бобровы, муж с женой, окончательно уронили дело союза.

Восторговский союз немногочисленен, значение его вздуто, и состоит он из статистов, получающих разовые и месячные. Серьезными деятелями здесь являются: Балашев, редактор «Голоса русского», и Дурново, специальность которого — травля лиц духовного ведомства.

Весь север России живет отдельными союзами, из коих солиднейший ярославский, с доктором Кацауровым во главе. За ним пойдут скорее, чем за Москвой, но в настоящее время даже и дела этого союза, благодаря приостановке издания газеты, сильно пошатнулись.

На юге России, в Киеве, много представителей монархических организаций, но нет ни одного имени, кроме Юзефовича, человека более чем осторожного.

Положение дел в Одессе осталось без значительной перемены, но обрусение, если не поправление ее, сильно заметно в движении против евреев.

На западе России стоит Волынь с своим чисто духовным братством и Гомель с председателем Давыдовым, который принадлежит к числу людей очень решительных.

На востоке — Казань, раздираемая распрями между профессором Залесским, почти октябристом, и г. Соловьевым, и Астрахань с Тихановичем-Савицким во главе.

Между этими большими союзами раскинута масса малых отделов и подотделов, до сельских включительно, и через них союз русского народа, единственная политическая партия в России, имеет соприкосновение с действительною массою простого, серого люда. Вот в чем кроется и действительная сила союза и его живучесть. В Петербурге трудно знать и следить за действительным настроением народных умов, и как бы удивились здесь, если бы могли предположить, что один проект о сожжении трупов увеличил ряды союза несколькими десятками тысяч людей! С религией и верой в монархию шутить нельзя. Местные деятели союзов не особенно хлопочут о поддержке центрального своего управления, главного совета, не особенно стремятся и к единению с другими монархическими партиями, но зато постоянно поддерживают связь друг с другом путем общений и беседы, избегая переписки. Они твердо верят, что, пока есть люди около царя, через которых их просьбы до него доходят, а такие люди есть, дело еще не совсем проиграно; верят они и в то, что в нужное время главарь найдется. Они даже находят, что лучше если этот главарь пока не выступает и не обращает на себя внимания.

Внутренняя интрига, личные счеты и погоня за рублем субсидии — вот слабая сторона правых партий, но и в других политических организациях те же явления, с той только разни-

цею, что в их рядах нет народных масс и они беспочвенны, монархисты же опираются на всем русским простым людям понятные слова: «бог, царь и родина».

Для пользы русского дела остается только сожалеть, если патриотическое движение не принесет пользы, а послужит лишь к вящему осложнению и без того уже крайне натянутого состояния государства. Нельзя умолчать, что пропущено было уже несколько удобных моментов к извлечению реальной пользы из монархических организаций, и это приводит представителей патриотов к убеждению, что правительство намерено играть в руку конституционализму или же что такова воля царствующего монарха.

Остается только добавить, что прошли времена, когда один Петербург делал историю, и что в решительную минуту останутся на исторической сцене только крайние левые и крайние правые, все же остальные исчезнут подобно теням при наступлении яркого солнечного дня или же темной непроглядной ночи. — То, что мы переживаем, — сумерки, и эти сумерки сгущаются.

*(Найдено в бумагах б. тов. мин. вн. дел
Курлова, при обыске в 1917 г.)*

ПИСЬМО ГР. С. Ю. ВИТТЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
П. А. СТОЛЫТИНУ, ОТ 3 МАЯ 1910 Г.¹

Милостивый государь, Петр Аркадьевич.

Через несколько месяцев после того, как государю императору благоугодно было освободить меня от должности председателя совета министров, я уехал за границу и не спешил вернуться в Россию, но 6 октября 1906 г. мною получена была от известного вашему высокопревосходительству князя М. М. Андронникова телеграмма, в которой он убеждал меня не возвращаться, так как меня решено убить. Это предупреждение заставило меня поспешить приехать в Петербург.

Вечером 29-го и затем утром 30-го января 1907 г., в дымовых трубах моего дома, по Каменноостровскому проспекту, в котором я постоянно живу, обнаружены были две адские машины, начиненные сильно действующим взрывчатым веществом. Через несколько дней после этого я получил, одно за другим, два анонимных письма, в которых от меня требовали прислать по обозначенному адресу 5 000 рублей, указывая при этом, что хотя покушение на мою жизнь посредством адских машин не удалось, но, тем не менее, будет устроено новое. Оба письма были

¹ На первом листе письма имеются сделанные карандашом пометки: «Получ. 3 мая». «Это письмо и все проекты ответа подлежат хранению отдельно от других бумаг. Исп. об. вице-директора Виссарионов. 21 ноября 1910 г.».

переданы мною подлежащим властям: первое — директору департамента полиции, второе — дежурившему у меня агенту охранного отделения. О том, что было сделано по этим письмам, мне неизвестно.

В последних числах мая месяца того же (1907) года член государственного совета И. П. Шипов, на основании сведений, случайно им полученных от бывшего директора департамента полиции, А. А. Лопухина, предупредил меня, что во время следования моего в ближайшее заседание государственного совета в мой автомобиль будет брошена бомба. Я не собирался ехать в это заседание, но, после полученного известия, поехал и, возвращаясь домой, часть пути прошел пешком. Никакого покушения на мою жизнь сделано не было. На другой день я прочел в газетах, что в окрестностях Петербурга найден убитый неизвестный молодой человек, около труп которого оказались разрывные снаряды. Впоследствии, как изложено будет ниже, было установлено, что означенные снаряды изготовлены были в Москве и привезены в Петербург с целью совершить покушение на мою жизнь, что руководителем этого преступления был агент полиции.

Прошло почти три года. В нынешнем году, 2-го февраля, в третью годовщину покушения взорвать мой дом, судебный следователь по важнейшим делам округа с.-петербургского окружного суда объявил мне постановление, в коем, между прочим, изложено, что организатор и руководитель покушения на мою жизнь, Александр Казанцев, убит его же соучастником, Василием Федоровым, который скрылся за границу, и хотя местонахождение его в Париже обнаружено, но правительство Французской республики отказывается выдать его русским властям в виду политического характера совершенных им преступлений, что другой соучастник Казанцева, крестьянин Алексей Степанов, несмотря на принятые меры, остался разысканным.

На основании подлежащих законов и в законе установленном порядке, я получал от судебного следователя копии протоколов и постановлений из следственного производства о покушении взорвать мой дом и о приготовлении бросить бомбы в мой экипаж. Ознакомившись с этими материалами, я пришел к нижеследующим выводам:

1) предварительное следствие, хотя оно недостаточно полно, дополнять уже несвоевременно, а в виду изложенного ниже, пожалуй, и бесцельно;

2) если правительство Французской республики могло бы изменить свой взгляд на возможность выдачи русским властям Василия Федорова для суда над ним, как над обыкновенным убийцей, а не преступником политическим, то русскому правительству не следует настаивать на такой выдаче, так как рассмотрение дела на суде обнаружило бы обстоятельства, выяснение которых для самого правительства более чем нежелательно;

3) по тем же соображениям не следует принимать мер к розыску скрывшегося обвиняемого Алексея Степанова, если его действительно трудно найти, тем более, что пребывание его на свободе мне лично в настоящее время, повидимому, опасностью не угрожает.

При таких обстоятельствах, казалось бы, мне надлежало ограничиться распискою в получении постановления о прекращении следствия; но я не могу допустить, чтобы вашему высокопревосходительству и г. министру юстиции было известно в достаточной полноте всё то, что частью обнаружено, частью оставлено без внимания полицейскими, а затем и следственными властями, так как я убежден, что правительство, руководимое желанием блага России, не может не принять всех зависящих от него мер к искоренению тех порядков, при которых жизнь, имущество и честь каждого обывателя будут находиться в опасности, а преступники будут пользоваться безнаказанностью потому, что арест их и предание суду могут выяснить преступную деятельность организаций, не только терпимых, но и поощряемых органами правительственной власти, должностными лицами или явно недобросовестными, или же, в лучшем случае, неразборчивыми на средства при исполнении возлагаемых на них поручений.

Исключительно с указанной точки зрения, я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с настоящим письмом, принимая на себя ответственность в том, что всё в нем изложенное основано на актах, составленных судебными властями. Буду весьма благодарен, если, на основании ст. I учреждения совета министров (св. зак. т. I, ч. II, продолж. 1906 г.), вам будет угодно ознакомить с этим письмом гг. членов совета министров.

Обстоятельства дела, по данным предварительного следствия, представляются в следующем виде:

1. Покушение произвести взрыв в моем доме, в С.-Петербурге, по Каменноостровскому проспекту.

29 января 1907 г., в 10 час. вечера, истопник обнаружил в глубине одной из печей моего дома посторонний предмет, оказавшийся, при ближайшем осмотре, адскою машиною.

Дано было знать полиции, прокурорскому надзору и судебному следователю. В ту же ночь и на следующий день властями допрашивались свидетели и производился осмотр дома. Тем не менее, не по инициативе этих властей, а лишь благодаря распорядительности дворника и трубочиста, около полудня 30 января, обнаружен был в дымоходе второй разрывной снаряд, по устройству и составу взрывчатого вещества (гремучий студень) одинаковый с адскою машиною, найденной накануне в печке. Затем, как сказано выше, мною получены и переданы полиции письма с угрозами повторить покушение. Письма эти ни судеб-

ным следователям, ни мне не удалось получить обратно, и только в начале этого года, т. е. почти через три года по совершении преступления, фотографический снимок одного из этих писем попал в руки судебного следователя, которому затем удалось восстановить, что письмо это было написано рукою вышеуказанного агента полиции, Казанцева. Время шло; сперва усилия судебных властей, под влиянием инсинуаций крайней правой печати, были, повидимому, направлены не столько к раскрытию преступления, сколько к желательному установлению симуляции оного... В чем же заключались полицейские по делу розыски, — не знаю, но из дальнейшего изложения ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что, во время этих безрезультатных розысков, названные выше виновники покушения, Казанцев и Василий Федоров, успели съездить в Москву и убили там, 14 марта, журналиста Иоллоса. Затем, в том же месяце, тот же Казанцев вернулся в Петербург, где раскрыл террористический заговор и обнаружил склад бомб и оружия. Оказав эту бесспорно важную услугу, Казанцев вторично выехал в Москву, получив там от и. д. чиновника особых поручений при московском генерал-губернаторе, графа А. А. Буксгевдена, денежное вознаграждение за раскрытие петербургского заговора и, после частых свиданий с тем же графом Буксгведеном, в конце мая месяца, но на этот раз уже не один, а с Василием Федоровым, опять приехал в Петербург и привез с собою бомбы с целью вновь попытаться убить меня.

На этот раз злоумышление Казанцева оказалось роковым для него самого. Федоров уже знал, что Казанцев является агентом-provокатором, и в то время, как Казанцев снаряжал бомбы, Федоров зарезал его. Теперь полиции предстояло уже не разыскивать Казанцева, а лишь установить тождество его личности с личностью убитого, якобы никому неизвестного, а затем обнаружить и задержать убийцу. В Москве сожительница Казанцева, Евдокия Иларионова, и граф Буксгевден стали беспокоиться продолжительным отсутствием Казанцева. Наводить справки по телеграфу или телефону — почему-то признано было графом неудобным, и на розыск Казанцева был командирован из Москвы агент по охране лиц высокопоставленных и лидеров союза русского народа, Коробов. В Петербурге Коробову, без всякого со стороны полиции содействия, удастся в первый же день разыскать не самого Казанцева, а его вещи; он этим довольствуется и увозит эти вещи в Москву, показывает их графу Буксгевдену и затем передает Иларионовой. В это время убийца Казанцева, Василий Федоров, всё еще находится в Петербурге и лишь 12 июня уезжает в Финляндию, а оттуда за границу. Через неделю после его отъезда личность убитого Казанцева установлена, вскоре выясняется бесспорно, кто его убил, установлено также, что убийцы скрылись.

Как ни мало правдоподобно всё изложенное, ваше высокопревосходительство легко можете убедиться из следствия в том, что всё было именно так, как я излагаю. Полицейские власти должны были разыскивать лицо, которое само занималось политическим розыском и состояло в сношениях с охранным отделением; его, разумеется, не находили и сообщали следователю, что виновные в покушении взорвать мой дом бесследно скрылись.

С своей стороны, судебный следователь, получив такие сообщения от полиции сыскной и охранной, направил дело к прекращению и в постановлении от 15 июля 1907 г. изложил, что он не находит нужным «остановиться на вопросе о мотивах» произвести взрыв в моем доме, так как, по его мнению, «предположения могли быть только гадательными».

Не считая себя лицом в следственной части компетентным, позволяю себе однако высказать, что мотив преступления нередко служит основанием для обнаружения личности преступника. С другой стороны, у властей, призванных для расследования дела, имелись прямые указания на такой мотив и на то, где именно, с достаточной вероятностью, надлежало искать преступника.

Допрошенный следователем тотчас по обнаружении покушения 30 января, свидетель, вашему высокопревосходительству известный, д. с. с. А. Н. Гурьев, заявил, что «в органах печати крайней правой партии систематически велась самая возмутительная агитация против личности графа Витте, почему и злоумышленников следует предположить из среды крайних правых партий».

Казалось бы, что заявление г. Гурьева заслуживало внимания и что надлежало просмотреть хотя бы некоторые «органы» указанной им печати с целью поискать в них мотив, по которому «крайним партиям» могло бы представляться желательным меня уничтожить или, по крайней мере, взрывом уничтожить мой дом и будто в нем находившиеся и, повидимому, некоторых лиц интересующие мои бумаги... Если высказанного д. с. с. Гурьевым предположения для производства розысков в указанном им направлении было недостаточно, то после 29 марта 1907 г., когда допрошен был свидетель, цеховой Александр Тхорь, казалось бы явилось прямое указание на совершенно определенную группу лиц, желавших так или иначе со мною покончить. Названный свидетель заявил следователю, что с августа 1906 г. по 1 января 1907 г. он состоял членом союза русского народа, но затем вышел из союза, так как «ему не нравилось, что в союзе по целым дням говорилось и обсуждалось о побоях и убийствах»... В ноябре, по словам свидетеля, в конторе союза происходил разговор о том, что я, граф Витте, виновник «всего движения», что меня следовало бы «пристрелить», причем один из союзников сказал,

что пристрелил бы меня «с удовольствием», а другой на это ответил, что, «кого на это назначат, тот и пойдет».

В то время как в Петербурге производилось следствие о покушении взорвать мой дом, в Москве следственные и полицейские власти старались обнаружить виновных совершенного 14 марта 1907 г. убийства журналиста Иоллоса. Московский следователь остановился на мотиве этого преступления и занялся выяснением вопроса о возможной прикосновенности к делу лиц, принадлежащих к крайним правым политическим партиям. Уже через две недели после начала следствия, 28 марта, было доставлено к делу два анонимных письма, адресованных в редакцию «Русских ведомостей», сотрудником которых состоял убитый Иоллос. В этих письмах высказывались угрозы правых политических партий, вслед за Иоллосом, убить еще многих лиц, «Иоллос первым был по очереди», — сказано в одном из писем, и далее следует целый ряд имен приговоренных к смерти лиц, и в числе их назван и я, граф Витте, с добавлением такой фразы: «устроивший недавно симуляцию покушения на себя бомбами». Приведенная фраза является повторением того, что было напечатано за месяц перед тем, 8 и 10 февраля, в органе союза русского народа «Русском знамени», в мнимых корреспонденциях из Гельсингфорса, где передавалось содержание финляндских карикатур, изображающих меня подкладывающим адские машины в трубы моего дома.

О том, что будто бы происходило в это время в кабинете редактора «Русского знамени», доктора А. И. Дубровина, свидетель А. И. Пруссаков, допрошенный только в феврале месяце 1909 г., показал следующее: с 17 декабря 1905 г. по 10 июня 1907 г. он состоял кандидатом в члены главного совета союза русского народа и секретарем редакции газеты «Русское знамя». В декабре 1906 г. доктор Дубровин просил его достать подробный план моего, графа Витте, дома, причем заявил, что этого желает августейшая особа для изобличения меня, графа Витте, в двойственности и предательстве. Далее Дубровин объяснил свидетелю, что у меня, графа Витте, имеется компрометирующая переписка, которую необходимо получить, и что план дома нужен для того, чтобы возможно было ориентироваться при обыске и занять выходы и входы. Дубровин, по словам свидетеля, будто бы «не двусмысленно» говорил, что всё это делается с высочайшего соизволения и что августейшая особа (которую он не называл по имени) обращается с этим делом к главному совету союза русского народа, так как «не доверяет высшему правительству с премьер-министром во главе».

Далее Пруссаков показал, что, еще за два дня до покушения взорвать мой дом, он видел на столе Дубровина черновой набросок статьи о состоявшемся покушении, причем в статье указывалось, что это — дело рук революционеров. Через несколько

дней, когда покушение было обнаружено, по указанному выше наброску Дубровин продиктовал свидетелю статью, которая и была напечатана в № 24 «Русского знамени» от 31 января 1907 г. В этой статье, приложенной к делу, указывается на то, что я, граф Витте, нахожусь не у дел, не могу влиять на ход событий, не могу быть «опасным», так как никогда «не верну потерянной власти», и далее спрашивается: «Чего же хотят кровожадные безумцы, вкладывающие адские машины в печь, — неужели убийства ради убийства, крови ради крови...».

Пруссаков утверждает далее, что, через день после покушения взорвать мой дом, он случайно оказался свидетелем того, как Дубровин вел разговор с двумя неизвестными лицами, которые упрекали его в алчности и неправильном расчете и угрожали всё «рассказать графу Витте». Дубровин, по словам Пруссакова, передавал этим неизвестным деньги и, когда они ушли и Дубровин заметил, что он, Пруссаков, мог видеть и слышать происходившее, Дубровин сначала перепугался, но затем, придя в себя, сказал, что это приходили «шантажисты от левых и графа Витте» и требовали 6 тыс. рублей, угрожая ложным доносом, что покушение взорвать мой дом было устроено союзом русского народа и им, Дубровиным, как председателем союза.

Мне приятно верить, что Пруссаков, как это объяснил впоследствии доктор Дубровин, всё налгал. Но уже одно ложное и дерзкое упоминание о высочайшем соизволении и августейшей особе, казалось бы, обязывало подлежащие власти попытаться выяснить, сплошной ли вымысел показания свидетелей Пруссакова и Тхоря, или же в этих рассказах имеется частица правды, достаточная для того, чтобы заняться особым и тщательным расследованием деятельности председателя союза русского народа и редактора «Русского знамени», независимо от того, платил ли он деньги действительным наемным убийцам-союзникам или откупался от шантажистов левых партий... Полагаю, что надлежало попытаться установить или полную невиновность доктора Дубровина или же виновность Пруссакова в лжесвидетельстве, а затем, с тем из них, кто окажется виновным, поступить по закону.

Следствия в Москве об убийстве Иоллоса и в Петербурге о покушении взорвать мой дом производились одновременно, и хотя, как изложено выше, в конце марта месяца у московской сыскной полиции, а затем и у следственных властей, оказались в руках анонимные письма, в которых имя убитого Иоллоса и мое, как приговоренного к смерти его же, Иоллоса, убийцами, поставлены были рядом, оба следствия велись независимо одно от другого. Связь между ними установилась значительно позже того, как 27 мая 1907 года, в окрестностях Петербурга, был убит полицейский агент Казанцев, главный виновник двукратного покушения на мою жизнь.

2. Перехожу к изложению этого второго, направленного против меня, преступления.

Назначенное на 26-е мая заседание государственного совета было отменено вследствие полученных сведений, что готовится террористический акт. Затем заседание было назначено на 30-е мая, и за день или накануне я был предупрежден, что в мой автомобиль будет брошена бомба. Как вполне установлено следствием, предупреждение меня об угрожающей опасности исходило от членов государственной думы, принадлежащих к левым партиям. В том, что террористический акт действительно подготавливался, нельзя было сомневаться, так как 27 мая, в нескольких верстах от Петербурга, близ линии железной дороги, в лесу найдены разрывные снаряды. Тут же лежал зарезанный молодой человек. Полиции и следственным властям предстояла задача обнаружить не только убийцу, но и выяснить личность убитого, тоже несомненного преступника, так как обстановка, при которой он был найден, не оставляла сомнения в том, что он, в той или иной степени, имел отношение к изготовлению или доставлению на место бомб, найденных около его труп.

Смею думать, что если обнаружение убийц представлялось, как и всегда, трудным, то для выяснения личности убитого, в течение если не нескольких часов, то в течение одного-двух дней, для агентов сыскной и охранной полиции не представляло особых затруднений и вот почему: убитый, как это бесспорно установлено предварительным следствием, сам состоял агентом по розыску политических преступников, проживал по паспорту на чужое имя, выданному ему высшими агентами по той же специальности, и, следовательно, невозможно допустить, чтобы личность его не была признана ни одним из агентов, так же точно, как невозможно предположить, что именно агентам, прежде других, не был предъявлен труп и снятые с него фотографии. Убийство было незаурядное, около убитого лежали бомбы, и это в те самые дни, когда ожидался террористический акт в здании государственного совета. — Понимаю, что из-за каждого убийства, совершенного в пьяной драке, нельзя тревожить всю столичную полицию, охранную и сыскную, достаточно распоряжений чинов участковой полиции наружной; но трудно верить, чтобы в 1907 г. к факту обнаружения в окрестностях Петербурга бомб власти могли отнестись безучастно. Был и другой, как кажется, элементарный, но почему-то неиспользованный способ быстро выяснить личность убитого или хотя бы попытаться ее выяснить. Чего проще, казалось бы, если не в день обнаружения убийства, то на следующее утро, по телефону через участковых приставов и дворников проверить, не исчез ли кто-либо из столичных обывателей таких-то примет. Не ночевавших дома могло бы оказаться много, но в числе их оказался бы и тот самый Казанцев, он же Олейко, который, заняв номер в

меблированных комнатах (угол Невского и Литейного просп.), не только в эту ночь дома не ночевал, а, оставив свои вещи, не появлялся несколько дней. Непринятие указанной меры привело к тому, что вещи убитого «неизвестного» увезены были в Москву, и здесь, несмотря на то, что они попали на квартиру к лицу, заведующему охраной лиц высокопоставленных, эти вещи опять на время перешли в частные руки и были «разысканы» судебными властями только после того, когда убийцы Казанцева, они же соучастники его по подготовке и метанию в меня бомб, успели скрыться из Петербурга, один — чрез Финляндию в Париж, а другой — мне неизвестно, куда именно.

Прежде чем перейти к изложению обстоятельств, при которых выяснялась личность убитого агента Казанцева и скрывались его убийцы и соучастники, считаю необходимым привести из данных предварительного следствия по делу об убийстве Иоллоса нижеследующие данные для моего дела факты.

В апреле 1907 г. московским судебным следователем было установлено, что, наряду с правильно организованною сыскою и охранной полицией, в Москве существует специальная и независимая полицейская организация, во главе которой стоит контролер контроля министерства императорского двора, тит. сов. Дмитрий Рафаилович Гофштеттер, который показал, что в особо снимаемом помещении, на средства отдельных лиц, а отчасти на свои, он, Гофштеттер, содержит 5 — 6 человек, в обязанности которых входит охрана высокопоставленных лиц и которые, когда им поручается охрана, например при публичных церемониях, получают оружие, но именно только на то время, когда они несут обязанности по охране.

Другой свидетель, некто Павел Михайлович Яблочков, показал на допросе у следователя, что в ноябре месяце 1906 г. в Москве образовался «московский отдел активной борьбы с анархией и революцией». На первом собрании был избран комитет отдела, в состав которого вошел и он, Яблочков, Гофштеттер же принимал участие в особом, самостоятельном подотделе общества активной борьбы, задачей которого является охрана видных личностей союза русского народа и представителей администрации.

Наконец, предварительным следствием установлено, что в Москве, под главным руководством и. д. чиновника для особых поручений при московском генерал-губернаторе, графа Александра Анатолиевича Буксгевдена, существует еще одна охранная организация, в состав которой входил убитый 27-го мая Казанцев, будто бы служивший у графа управляющим его домами.

Этот факт установлен нижеследующими свидетельскими показаниями:

Крестьянка Тверской губернии, Ржевского уезда, Евдокия

Иларионова показала, что с Казанцевым она познакомилась в декабре 1905 г. и вступила с ним в близкие сношения. Казанцев в то время не имел определенных средств и жил очень скромно. После Пасхи 1906 г. он записался в «Общество патриотов» и стал иметь какое-то отношение к редакциям газет «Медведь» и «Вече». Летом он ездил в Петербург и привез оттуда 500 рублей. В конце ноября он опять уехал в Петербург и вернулся перед масляницей 1907 г. Приехал он, видимо, с деньгами и вскоре рассказал, что получил «должность по сыску». В конце февраля он нанял квартиру на имя Казимира Олейко и на то же имя у него появился паспорт, полученный, как говорил Казанцев, от графа Буксгевдена, к которому он поступил на жалованье в 150 — 200 руб. в месяц.

В субботу на масляной Казанцев опять поехал в Петербург и через несколько дней вернулся в сопровождении двух молодых людей: Алексея Степанова и другого, по имени Василия, — фамилии которого она не знает. Вскоре после приезда Казанцев купил им обоим новое платье. Свидетельнице Казанцев объяснил, что приезжие — революционеры и что он поселил их у себя с целью узнать что-нибудь, для чего и себя называл при них революционером. Казанцев, по его словам, бывал в это время у графа Буксгевдена, последний также заезжал к нему раза два. В начале апреля Казанцев открыл на Пресне кузнечное заведение с квартирою для мастеров. Туда переехали Степанов и Василий, но обедать приходили к Казанцеву. Возвращаясь от графа Буксгевдена, Казанцев привозил деньги, причем говорил, что получал то 150, то 200 р., а первого мая сказал, что получил 300 руб. В половине марта Казанцев ездил с Василием дня на 3 — 4 в Петербург, по возвращении они поссорились, и Василий уехал, но затем в первых числах мая от Василия было получено письмо, в котором он сообщал, что находится в критическом положении. Казанцев послал ему денег, и через несколько дней Василий приехал и поселился на квартире при кузнице. В половине мая там же, при кузнице, поселился некий Семен, по словам Казанцева, «также революционер и главный головорез». Около 17 мая Казанцев стал собираться в Петербург, Василий и Семен торопили отъездом, и 24-го они все трое уехали, причем Казанцев дал Василию и Семену по револьверу. Василий и Семен уехали с 6-часовым поездом, Казанцев после их отъезда еще оставался, куда-то уходил из дому, и, когда он возвратился, свидетельница увидела на столе две жестяные коробки с припаянными к ним трубочками. Эти коробки он уложил в чемодан со своими вещами и уехал на десятичасовом поезде, сказав, что «едет с графом» и что пробудет в отсутствии дня три, но если не вернется до 4 июня, то нужно кузнечное его заведение с Пресни перевести в Марьину Рошу, в дом графа Буксгевдена. Недели через две после отъезда Казанцева, зашел к свидетельнице Ко-

робов, высказал подозрение, не Казанцев ли тот молодой человек, об убийстве которого под Петербургом сообщают газеты, и, говоря, что он, Коробов, едет в Петербург по своим делам, обещал Иларионовой справиться о Казанцеве в адресном столе. По возвращении из Петербурга Коробов сказал, что розыски его были бесцельны и что он только привез платье и вещи Казанцева, не сказав при этом, где он их взял. Эти вещи он доставил свидетельнице 11 июня, и 23 числа того же месяца они были отобраны у нее при обыске, произведенном судебным следователем. В начале июня, согласно данному Казанцевым перед отъездом его распоряжению, Алексей Степанов перевез кузницу в дом графа Буксгевдена, причем, по словам Степанова, мастера были рассчитаны графом и самая кузница закрыта.

Сестра Иларионовой Мария Егорова показала, что в декабре 1906 г. Казанцев нуждался в деньгах, а в феврале 1907 г. вернулся из Петербурга с деньгами, нанял квартиру, купил обстановку, завел кузницу и лошадей, ездил на лихачах. На вопрос свидетельницы о том, где он служит, Казанцев выразился, что состоит начальником охранного отделения, а в другой раз сказал, что служит управляющим у графа.

Крестьянин Звенигородского уезда Дмитрий Чугунов показал, что он работал в кузнице Казанцева. В мае месяце 1907 года, — которого числа — свидетель не помнит, — Казанцев принес две жестяные коробки, в крышки которых впаяны были жестяные трубочки. У одной коробки трубочка качалась, и Казанцев поручил свидетелю впаять ее получше, что он и исполнил. В тот же или на следующий день Казанцев уехал в Петербург.

Поверенные графа А. А. Буксгевдена, Дубинский и Шамонин, показали, что они никогда не слышали, что у графа был управляющий Казанцев или Олейко и что управляющий вовсе не нужен был графу, так как его домом заведывал дворник.

Студент Иосиф Левинский, состоявший в начале 1906 г. делопроизводителем в «Обществе патриотов», показал, что Казанцев имел в Москве несколько квартир одновременно и казался личностью загадочною. Летом 1906 г. Казанцев рассказывал свидетелю, что его, Казанцева, почему-то разыскивают в Петербурге и что ему там нельзя жить; когда же на страстной неделе 1907 г. Казанцев рассказывал о своих поездках в Петербург, свидетель спросил его, как же он там жил, если его разыскивают. Казанцев ответил, что теперь совсем другое, что он служит в «государственном контроле» и, когда он идет домой, «то полицейские перед ним шапку ломают». На вопрос свидетеля, не служит ли он в охранном отделении, Казанцев ответил, что это не то, и сейчас же замаял разговор. Из рассказов Казанцева и его полунамеков свидетель вывел заключение, что граф Буксгевден являлся как бы начальником Казанцева и состоял в том же «государственном контроле».

Крестьянин Самарской губернии Иван Коробов показал, что он служил в Петербурге лакеем. В мае его вызвал в Москву знакомый его, Казанцев, состоявший управляющим у графа Буксгевдена. По рекомендации Казанцева он, Коробов, явился к названному выше тит. сов. Гофштеттеру и был зачислен в дмитровскую охранную дружину по охране должностных лиц, с жалованьем в 35 руб. в месяц. Казанцев в то время проживал в Москве под именем Олейко. В конце мая Казанцев уехал в Петербург, а через две недели после его отъезда граф Буксгевден поручил ему, Коробову, съездить в Петербург и достать какие-либо сведения о Казанцеве, а также просила и сожительница Казанцева, Иларионова. В Петербурге он, Коробов, разыскал меблированные комнаты, в которых остановился Казанцев, и узнал, что последний оставил там свои вещи и сам исчез. По предложению хозяина квартиры он, Коробов, уплатил следуемые с Казанцева за комнату деньги и взял его вещи, которые и отвез в Москву. Вещи эти он доставил первоначально на квартиру графа Буксгевдена, который осмотрел их, а затем он, Коробов, передал их Иларионовой.

2 июля 1907 г. граф Александр Анатольевич Буксгевден был допрошен также в качестве свидетеля, причем показал:

С Казанцевым он познакомился зимой 1906 — 1907 гг., на одном из собраний монархической партии, после чего Казанцев стал приходить к нему, графу Буксгевдену, и он, убедившись, что Казанцев человек «безусловно порядочный, энергичный и предприимчивый», предложил Казанцеву принять участие в его, графа Буксгевдена, имущественных, довольно запутанных делах и за это занятие платил ему сначала 50, а затем 60 руб. в месяц. Казанцев рассказывал, что, в интересах монархической партии и вообще в целях помощи правительству для прекращения террористических актов, он, Казанцев, поддерживает сношения с революционными партиями, даже входит в их организации и, когда что-нибудь узнает, сообщает властям. Чтобы избежать мести революционных организаций, Казанцев должен был скрывать свое настоящее имя и имел, кроме своего паспорта, паспорт на имя Олейко; где и как он его достал, свидетелю неизвестно. Он, граф Буксгевден, лично был у Казанцева раза два и, по просьбе Казанцева, разрешил ему перевести его кузнечную мастерскую в его, графа Буксгевдена, дом. Впоследствии мастерская и была переведена в дом графа служившим у Казанцева рабочим Алексеем, причем, по просьбе последнего, граф Буксгевден дал денег для расчета с рабочими. Казанцев несколько раз уезжал в Петербург, как он говорил, по своим делам, а раз или два перед Пасхой 1907 г. он ездил туда «для раскрытия какой-то готовившейся экспроприации или какого-то террористического акта». В двадцатых числах мая Казанцев проводил его, графа Буксгевдена, на вокзал (граф уезжал в

Тамбовскую губернию) и тогда же сам уехал в Петербург, после чего он, граф Буксгевден, Казанцева не видел и, хотя просил названного выше рабочего Алексея собрать сведения и пролить свет на исчезновение Казанцева, но никаких сведений не получил, и Алексей к нему в последние две недели (т. е. за две недели до 2 июля 1907 г.) не показывался.

На предложенные следователем вопросы граф Буксгевден тогда же дополнительно объяснил, что иногда он давал «личные поручения» Казанцеву, которые заключались в следующем: ему поручалась охрана должностных лиц при выездах и торжествах; когда он заявлял, что у него имеются сведения о готовившихся террористических актах и грабежах, ему предлагалось собрать точные сведения и сообщить их свидетелю. Между прочим, Казанцевым было указано, что готовятся террористические акты в Петербурге, о чем было сообщено петербургскому охранному отделению. Сам Казанцев по этому же делу ездил в Петербург, там произведен был обыск, в начале безрезультатный, но недели через две - три сопровождавшийся взятием оружия и бомб и арестом нескольких лиц. Относительно Коробова граф Буксгевден показал, что последний, по рекомендации Казанцева, поступил в дружину союза русского народа для охраны как лидеров партии, так и должностных лиц. Он же, граф Буксгевден, «видел Коробова только издали и никаких сношений с ним не имел». После исчезновения Казанцева, Коробов или Алексей (вернее—последний) пришел к нему, графу Буксгевдену, и говорил, что надо бы съездить в Петербург и там узнать, не случилось ли с Казанцевым какого-либо несчастья. Он, граф Буксгевден, сказал ему: «поезжайте», и тогда, кажется, Коробов и Алексей вместе поехали в Петербург и, вернувшись, сообщили, что Казанцев, вероятно, убит революционерами за то, что их выдавал. При этом они привезли чемодан с вещами Казанцева и его палку, полученные ими в меблированных комнатах, где Казанцев останавливался в Петербурге. За сведения о деятельности революционеров он, граф Буксгевден, давал Казанцеву в награду или на расходы по 25 — 30 руб. и только раз выдал ему 100 руб. за сообщение им сведений о готовившихся в Петербурге перед Пасхой террористических актах.

Таким образом, собственным признанием графа Буксгевдена, вполне согласным в этой части с показанием других допрошенных по делу свидетелей, было установлено в начале июля месяца 1907 г., что 1) и. д. чиновника особых поручений при московском генерал-губернаторе, граф Буксгевден, состоит во главе охранной организации, 2) что эта организация имеет своей задачей охранять как лиц должностных, так и «лидеров союза русского народа», 3) что входившему в состав организации Казанцеву поручалось производство расследования о замышляемых террористических актах не только в Москве, но и в Петер-

бурге, где, по указаниям Казанцева, охранным отделением в марте месяце 1907 г. было арестовано несколько лиц и обнаружен склад бомб и оружия. Казалось бы, нельзя допустить, чтобы личность столь деятельного и важного агента, раскрывшего террористический заговор в Петербурге, могла быть неизвестна петербургской сыскной и охранной полиции. Совершенно непонятным является и то обстоятельство, что невозвращение Казанцева в Москву, после того как на розыск его командирован был агент Коробов, оставлено было и г. Гофштеттером и графом Буксгевденом без внимания и не было поставлено ими в связь с указанным выше убийством, подробности о котором сообщались газетами обеих столиц, и только после того, когда убийца Казанцева, Василий Федоров, пробыв в Петербурге более двух недель, 12 июня выехал в Выборг, а оттуда за границу, после того, как 11 июня Коробов доставил в Москву вещи убитого Казанцева и передал их из квартиры графа Буксгевдена сожительнице Казанцева, Евдокии Иларионовой, — судебный следователь г. Москвы 17 июня получил через прокурорский надзор указание на то, что убитый под Петербургом неизвестный молодой человек не кто иной, как агент Казанцев, проживавший в Москве под двумя именами и по двум документам, на имя Казанцева и Олейко, и находившийся на службе у графа Буксгевдена.

К тому времени, к которому относится посвящение следственной власти в тайну, окружавшую в течение трех недель личность убитого Казанцева, сыскной и охранной полиции уже не оставалось ни надобности раскрывать, ни возможности скрывать обстоятельства дела. В прокламации социал-революционной партии от 19 июня, перепечатанной немедленно во многих газетах, в том числе в № 143 газеты «Речь» от 20 июня, Казанцев не только был назван по имени, но и рассказана была вся его деятельность. В указанной газетной статье было сказано, что убитый Александр Казанцев — «один из виднейших организаторов черносотенных боевых дружин» в Москве, что он располагал большими средствами, которые ассигновывались союзом русского народа. Сообщалось далее, что Казанцев, выдавая себя за представителя революционных организаций, вербовал в свои дружины мало сознательных «товарищей»; прокламация, а за нею и газеты выясняли, что именно Казанцев, в последних числах мая месяца, организовал покушение против меня, графа Витте, причем убийцы должны были действовать из гостиницы, находящейся против моего дома, при проезде моем в государственный совет.

Через несколько дней, 28 июня, в № 150 газеты «Речь» были напечатаны дополнительные сведения о Казанцеве и подробно описано было его участие в убийстве Иоллоса и в покушении взорвать мой дом 29 января.

Газетные известия вполне подтвердились предварительным следствием. 10 июля в камеру судебного следователя, производившего следствие по делу об убийстве Казанцева, явился крестьянин Федор Федоров и заявил, что означенное убийство совершено его братом, Василием Федоровым, что мотивом к убийству послужило то обстоятельство, что Казанцев, выдавая себя за максималиста, к каковой партии принадлежал Федоров, в действительности оказался членом союза русского народа, что после убийства Василий Федоров более двух недель оставался в Петербурге и только 12 июня уехал в Выборг, откуда скрылся за границу.

1 сентября 1907 г. прокурором с.-петербургского окружного суда получено было, по городской почте, пространное письменное заявление от самого Василия Дмитриева Федорова, причем экспертизой было вполне установлено, что заявление, действительно, написано Федоровым. Вот что сообщал прокурору убийца Казанцева относительно покушения взорвать мой дом: в январе месяце 1907 г. он, Федоров, «через товарища С.», ¹ познакомился с Казанцевым, который выдавал себя за максималиста и обещал Федорову принять его в свою партию. По словам Казанцева, им предстояло «уничтожить в Петербурге одного графа, который изменил партии и арестовал из ее состава шесть человек по делу в Фонарном переулке, а затем они поедут в Москву, где у партии всё обставлено лучше, имеются своя полиция и агенты и где при аресте в одну дверь впустят, а в другую выпустят». На следующий день ни Казанцев, ни товарищ С. не явились на место условленного ожидания, впоследствии же оказалось, что в это время С. был арестован. Тогда Федоров подыскал для дела другого товарища, после чего Казанцев передал ему план моего, графа Витте, дома и, отправившись с ним на место, указал, как влезть на крышу и в какие трубы опустить снаряды. Затем они поехали в д. № 5 на Пушкинскую улицу, где он, Федоров, остался на извозчике, а Казанцев вынес из указанного дома снаряды, которые были отвезены на квартиру Е. ² и здесь снаряжены. На следующий день в 6 часов утра он, Федоров, и Е. опустили адские машины в трубы моего, графа Витте, дома.

Далее в заявлении Василия Федорова изложено, что, опустив снаряды в трубы, он, Федоров, и Е. ушли, Казанцев же остался дожидаться взрыва, а затем, в час дня, приехал на квартиру к матери Федорова и сообщил, что взрыва не последовало. Тогда же Казанцев сказал, что нужно довести до конца предпринятую работу, и уговорил Федорова и Е. сбросить в трубы, в которые были спущены адские машины, какие-нибудь тяжести и этим способом вызвать взрыв снарядов. В назначенное время, часов

¹ Бывший депутат Совета рабочих депутатов Семен Петров. Ред.

² Портной Алексей Степанов. Ред.

около 9-ти утра, он, Федоров, и Е. направились к дому графа Витте, но в это время, как оказалось, уже было открыто присутствие спущенных ими адских машин и от задуманного предприятия пришлось отказаться. Вернувшись домой, они застали у себя Казанцева, который стал ссылаться на невозможность возвратиться при таких обстоятельствах в Москву, так как партия будто бы выразит им порицание. Дня через два Казанцев сообщил Федорову, что он, по его словам, послал графу Витте письмо с требованием денег и выдачи некоторых заарестованных товарищей. Ответ на это письмо ожидался в швейцарской Народного дома, но ответа не поступило. После этого Казанцев написал второе письмо, ответ на которое должен был получиться через посыльного. Посланный за получением ответа Федоров заметил засаду и потому ушел и рассказал об этом Казанцеву. В течение следующих двух недель Федоров и Е. продолжали встречаться с Казанцевым, который с горечью вспоминал о постигшей их неудаче.

Собственное признание Василия Федорова нашло себе полное подтверждение в показаниях матери его, Наталии Федоровой, упомянутого выше брата его, Федора Федорова, и дорогобужского мещанина Семена Петрова, имя которого в заявлении Василия Федорова обозначено литерой С. Будучи допрошены в качестве свидетелей, названные лица показали:

Наталия Федорова: зимой 1907 г. она в Петербурге жила на Березовом острове; сын ее Василий в то время был выслан из столицы, но тайно вернулся, приходил к ней и иногда оставался ночевать. Однажды в мясоед, в воскресенье вечером, он пришел с товарищем; товарищ этот, как она потом узнала, был Казанцев. Казанцев послал купить водки, пива и закусок. Начали пить. Свидетельница вскоре легла спать и когда, в 5 час. утра, встала, чтобы идти на работу, то увидела, что Казанцев и Василий пьяны. В это время пришел портной Алексей (Степанов), который держал в руках большой пук веревок и, смеясь, сказал: «Буду трубочистом, трубы буду сегодня чистить». Свидетельница не обратила на это особого внимания, но когда узнала из газет, что в трубы моего, графа Витте, дома были спущены адские машины, то, вспомнив о веревке, которую видела у Алексея, и сказанные им слова, догадалась, «что это их дело». Вскоре после этого сын ее Василий уехал с Казанцевым в Москву; перед отъездом, на второй день великого поста, он пришел домой одетый во всё новое, у него были деньги и револьвер. Спустя некоторое время после отъезда, Василий выписал в Москву брата Федора, который и поехал в кузницу к Казанцеву. Из газет свидетельница знает, что сын ее Василий убил Казанцева и уехал за границу. На предъявленной ей фотографической карточке Семена Петрова свидетельница узнала высланного из Петербурга «Семена», который раза два заходил к ее сыну Василию.

Федор Федоров (брат Василия Федорова) показал, что зимою 1907 г. однажды вечером пришли к ним на квартиру брат Василий и Казанцев, они пьянствовали всю ночь; утром часов в 5 они разбудили свидетеля и послали за водкой; когда он вернулся, то застал в квартире портного Алексея Степанова, у которого на плече был большой пук веревок; они еще выпили, и затем Казанцев, Василий и Алексей Степанов ушли. Впоследствии, в Москве, от брата Василия и от того же портного Алексея Степанова, который в это время уже был заведующим кузницей Казанцева, свидетель узнал, что в указанное выше утро они, Василий и Алексей, ходили спускать бомбы в трубы моего, графа Витте, дома; Василий и Алексей рассказывали, что они влезли на крышу через соседний двор, а Казанцев всем распоряжался и он же доставил адские машины.

Допрошенный в качестве свидетеля, указанный Федоровым Семен Петров показал, что в 1902 — 1905 гг. он работал вместе с Казанцевым на заводе Тильманса; в декабре 1905 г. он был арестован как член Совета рабочих депутатов, но месяца через два ему удалось бежать из тюремной больницы. В ноябре 1906 г. он вернулся в Петербург и здесь опять встретился с Казанцевым. Последний выдавал себя за максималиста и сказал, что нужно убить человека из группы максималистов же, присвоившего деньги, экспроприированные в Московском обществе взаимного кредита. Кого именно нужно убить, Казанцев не говорил, но говорил, что это «важное лицо, ездит в государственный совет». Вскоре свидетель узнал, что Казанцев примыкает к союзу русского народа, и стал уклоняться от общения с ним. Тогда Казанцев, 26 января, предал его полиции, он был арестован и в мае месяце выслан в Архангельск. Впоследствии он узнал от Василия Федорова и Алексея, что Казанцев подговорил их на участие в деле 29 января 1907 г. У Казанцева были средства, свидетель лично видел у него около 2 000 рублей. В начале мая 1907 г., находясь в архангельской тюрьме, свидетель получил от Казанцева письмо, в котором он приглашал его в Москву, к себе в кузницу, в роде управляющего, упоминая, что у него и Федоров. С целью избавить Федорова от Казанцева, свидетель, по водворении его для отбывания надзора в Онегу, бежал 17 мая в Москву, явился к Казанцеву и у него остановился. Казанцев сказал, что предпринятое зимою дело не удалось по оплошности Федорова и его нужно докончить, для чего они едут в Петербург. Казанцев просил свидетеля ехать с ними, но он не дал ответа. В это время, по найденным случайно у Казанцева документам, свидетель выяснил, что Казанцев состоит членом союза русского народа, и сказал об этом Федорову, который решил убить Казанцева. Казанцев добыл свидетелю и Федорову паспорта и дал им по револьверу-браунингу, сказав, что и паспорта и револьверы им, Казанцевым, получены от графа Буксгев-

дена. Казанцев достал также взрывчатые материалы для снаряжения бомб. Федоров сознался свидетелю, что им убит Иоллос, по указанию Казанцева. В субботу 26 мая Казанцев назначил Федорову и свидетелю свидание на вокзале Ириновской ж. д., чтобы заряжать бомбы и выработать детальный план действий. Какой у него был план, Казанцев не объяснил, так что свидетель не знал, кого будут убивать. Графа Витте Казанцев не называл, но говорил, что тот, кого нужно убить, ездит в государственный совет по средам и субботам. По прибытии в Петербург, свидетель рассказал обо всем знакомым членам государственной думы, которые посоветовали ему бросить всякое сношение с Казанцевым. Свидетель предупредил об этом Федорова, и предположенное на вокзале свидание не состоялось. После убийства Казанцева свидетель передал в редакцию газеты «Русь» сообщение о личности Казанцева и его деятельности.

Совокупность приведенных выше, основанных на актах предварительного следствия, данных, не касаясь других подробностей дела, дает мне право утверждать: 1) что двукратное покушение на мою жизнь было организовано членом союза русского народа Александром Казанцевым, действовавшим, повидимому, с ведома и согласия некоторых других членов той же политической партии, причем названный Казанцев, организатор неудавшихся, по независящим от него причинам, преступлений, во время приготовлений к таковым состоял агентом на жалованьи у лица, находящегося на государственной службе, под чужим именем и по чужому паспорту, полученному от должностных лиц, находился в непосредственных сношениях с чинами охранной полиции и снабжался «темными деньгами»; 2) что частные охранные организации устраивались в Москве под руководством лиц, состоящих на государственной, но не полицейской службе, причем, с ведома и согласия чиновников, в полиции не служащих, члены означенных организаций имели своею задачею и занимались охраною не только лиц должностных, но и видных деятелей политических партий; 3) что с ведома и согласия, если не по указанию, лиц, состоящих на государственной службе по администрации, агент указанных выше охранных организаций, Александр Казанцев, с целью политического розыска, выдавал себя за члена революционных партий и склонял лиц, действительно к означенным партиям принадлежащих, принимать участие в совершении террористических актов посредством разрывных снарядов, вследствие чего означенное провокаторство, даже если оно имело своею целью исключительно уловление террористов, угрожало общественной безопасности; 4) что подобная организация и постановка дела охраны вынуждает чинов государственной охранной, сыскной и даже наружной полиции, в известных случаях, подобных случаю убийства агента Казанцева, не только не выяснять важные уголовные преступления,

но сознательно бездействовать и, быть может, даже принимать меры к предоставлению виновным возможности скрыться от следствия и суда, дабы при гласном суждении дела не обнаружить, что должностные лица, доверяя известным политическим партиям, пользуются их услугами, имеют общих с ними агентов по охране и даже тайно содействуют им, выдавая агентам этих партий содержание, а в известных случаях фальшивые паспорта и оружие, и 5) что то же положение вынуждает судебные власти, как это было в деле о двукратном покушении на меня, вести следствие боязливо, слегка, не решаясь путем обысков и вообще более энергических действий раскрыть дело, хотя достаточно ясное, но столь же нежелательное и могущее иметь дурные последствия для карьеры даже самых высоких судебных деятелей.

Доказана ли виновность графа А. А. Буксгевдена или иного высшего или низшего чиновника, штатного или нештатного полицейского чина в подстрекательстве, соучастии, попустительстве или укрывательстве по делу о двукратном покушении на мою жизнь, меня, как частного человека, это мало интересует. Так же точно меня не может интересовать, кто из членов крайних правых партий избрал мой, графа Витте, дом, как западню для уловления максималистов, а меня лично — как мишень, в которую будут бросать бомбы разные «товарищи», которых необходимо на это подстрекнуть, чтобы их затем сослать или повесить; я лично не задаюсь вопросом и о том, не готовят ли гг. агенты частных охранных организаций не только провокаторские мнимые динамитные взрывы, но и взрывы вполне реальные, которые не удаются по независящим от них обстоятельствам (как это было, например, при покушении взорвать мой дом 29 января 1907 г.), или же не совершаются потому, что предательство преждевременно обнаруживается и провокаторы низших степеней, в роде полуинтеллигентного Александра Казанцева, сами падают жертвами своего попушного усердия в двойной службе фальшивым патриотам и неразборчивым на средства негласным чинам той особенной, законами неустановленной, тайной полиции, которую покойный Казанцев называл «государственным контролем», перед чинами которого общая полиция «шапки ломает».

В настоящем письме мне пришлось употребить выражение «провокатор» и применить таковое к агенту Казанцеву. Считаю необходимым пояснить, что, если по отношению к Василию Федорову, Семену Петрову и Алексею Степанову Казанцев является агентом-провокатором, то по отношению к преступлениям, против меня направленным, Казанцев не ограничился ролью провокатора, шел дальше и имел в виду не только изловить и изобличить того или другого максималиста, но и воспользоваться их услугами, чтобы совершить настоящее убийство. Доказательства сему налицо:

1) Не удастся взрыв 29 января, — Казанцев, по словам Федорова, пытается повторить его на следующий день.

Если бы это покушение имело целью дать возможность захватить на месте преступления Федорова и Степанова, Казанцев устроил бы засаду 29 января утром. Случай для предания Федорова и Степанова в руки полиции был превосходный, их изловили бы с веревками и адскими машинами на крыше моего дома. Казанцев не предал Федорова и Степанова, значит, ему не это было нужно.

2) Когда ему это полезно, Казанцев предает своих соучастников. Семен Петров во время переговоров о том, чтобы взорвать мой дом, начинает как бы колебаться, и его на улице, по указанию Казанцева, арестуют, а впоследствии высылают в Архангельскую губернию. Если Казанцев имел в виду только предать Петрова, — он свою задачу исполнил. Но ему будто мало, что Петров в Архангельске, и он вызывает его в Москву, чтобы уговорить повторить неудавшееся покушение на мою жизнь. Очевидно, что ему нужен не вторичный арест Петрова, а нечто другое, нужно убить меня.

3) Когда Казанцев в конце мая отправлял Федорова и Петрова в Петербург, он снабжает их паспортами. Если бы он желал только предать их, он бы сам составил паспорта на известное имя, предупредил бы об этом петербургскую полицию, как он предупредил ее в марте месяце, когда раскрыл террористический заговор. Но это не входило в расчеты Казанцева, и он дает Федорову и Петрову «чистые» паспортные бланки и, только по настоянию их, заполняет эти бланки текстом.

4) Почему именно Семен Петров нужен Казанцеву? Почему он не берет с собою в Петербург того же самого портного Алексея Степанова, который, под видом трубочиста, уже изучил, как влезать на крышу моего дома, и доказал, что убить меня он тоже не прочь... Ведь Алексей Степанов как раз находится под рукою, в мастерской самого Казанцева, между тем как Семена Петрова нужно выписывать из архангельской тюрьмы. Думаю, мне, что это можно объяснить так: Алексей Степанов не имеет за собою никакого революционного формуляра, за деньги он, вероятно, не откажется метнуть бомбу в кого угодно, но его участие в деле особого специфического значения иметь не может, — убийца наемный и только. Другое дело Семен Петров, — это бывший член Совета рабочих депутатов, арестованный, как он это сам говорил, в декабре 1905 г., когда я, граф Витте, стоял во главе правительства. С одной стороны, Петров, зная, что в 1905 г. члены Совета рабочих депутатов были арестованы по моему распоряжению, охотно пойдет мстить мне и за себя и за своих товарищей. С другой стороны, при раскрытии заговора, смысл его будет очевиден: граф Витте приказал в 1905 г. арестовать Петрова, Петров был сослан, теперь он бежал из Архан-

гельской губернии и явился в Петербург убить графа Витте. Убийство, очевидно, политическое, партийное, Петров — рабочий депутат, очевидно — он сторонник крайних левых партий, при чем же правые политические партии в деле о покушении на жизнь графа Витте? Следы, казалось бы, будут замечены окончательно. Ни Петрову, ни Федорову, конечно, не могут поверить, что их подстрекнул на убийство Казанцев, и не поверят по двум причинам: 1) Казанцев — член союза русского народа, ему доверена охрана высших представителей администрации, он уже доказывал правительству свою преданность, раскрыв террористический заговор в марте месяце того же года; 2) если даже покажется, что Казанцев вел себя подозрительно, то он представит свидетельство о том, что он агент, занимающийся политическом розыском, и, конечно, другие политические агенты его не тронут и о его деятельности судебной власти не сообщат, чтобы не нарушить профессиональную тайну.

5) Итак, именно Семен Петров, или человек одного с ним революционного типа и нелегального положения, желателен был организаторам покушения, чтобы объяснить таковое как террористический акт, задуманный и приведенный в исполнение революционерами. С этой точки зрения, — смею думать, не лишней некоторой вероятности, — можно бы сказать, что, в сущности, всё покушение в конце мая 1907 г., накануне роспуска второй государственной думы и издания закона 3 июня, имело своею целью исключительно возмутить общественное мнение против левых политических партий, а может быть, и вызвать со стороны правительства более энергичные меры в борьбе с ними. При такой постановке вопроса моя личность как бы отходит на второй план, так как оказывается, что заговор направлен был вовсе не лично против графа Витте, а против левых политических партий вообще, я же являлся только случайным объектом преступления... Не говоря уже о том, что лично мне от этого не легче, так как в случае удачи заговора меня всё же убили бы, но только не из личной вражды или мести, а как бы для общей пользы, позволяю себе думать, что выбор меня, как жертвы заговора, не был случайным и вот почему. Правые политические партии не могли не видеть, что на убийства частных лиц, какими являлись убийства Герценштейна и Иоллоса, правительство реагировать в смысле, желательном партиям, не будет, а между тем культ убийства, как средства политической борьбы, всё же представлялся некультурным лже-патриотам лучшим средством борьбы, единственною надеждою победить. Лиц, у власти стоящих, убивали сами революционеры, но правым партиям казалось, что правительство недостаточно энергично реагирует на такие преступления, общественное же мнение слишком уже привыкло к убийствам не только городских и жандармов, но и лиц, занимающих более высокие должности,

и такими убийствами оно не возмущается. Если убивать за счет левых, то нужно было искать такую жертву, убийство которой, во-первых, вызвало бы сенсацию, а во-вторых — нужно было, чтобы никто не сомневался, что убили левые, дабы не повторилась печальная история с убийством в Териоках; наконец, несомненно, необходимо было, чтобы выбор жертвы был одобрен если не всеми, то многими политическими единомышленниками заговорщиков. Всем этим условиям моя личность вполне удовлетворяла: и по бывшему положению председателя совета министров и министра, и как статс-секретарь его величества и член государственного совета, я стоял более чем достаточно высоко, и убийство меня являлось незаурядным и сенсационным; участие в убийстве рабочего депутата Семена Петрова, по моему распоряжению в свое время арестованного, показывало бы, что убили меня «левые»; что же касается последнего условия, то, полагая, распространяться на эту тему незачем, достаточно просмотреть любую «истинно правую» газету, чтобы узнать, что я, граф Витте, первый изменник государю и отечеству, я творец ненавистой всем «истинно-русским людям» и «патриотам» русской конституции, я «ставленник жидов» и т. д. и т. д.

Более подходящего ответчика для сведения политических счетов и расчетов «патриотам», вдохновлявшим агента Казанцева, трудно было найти; вот почему, конечно, не по собственному разумению, а по указанию людей и умственно и по социальному положению своему выше стоящих, Казанцев, заговором против меня, одним ударом компрометировал левые политические партии, давал повод правительству вступить на путь репрессий и, это главное, не только мстил графу С. Ю. Витте, но и уничтожал навсегда «врага отечества». — Очевидно, цель была достаточно заманчива, чтобы оправдать средства; делом нужно было заняться серьезно и всесторонне. Им и занялись, несомненно, не управляющие домами московских чиновников, любителей политических розысков, и не содержатели фантастических кузниц, подобные Казанцеву, а лица с более видным общественным положением, с более серьезными связями. Казанцев находил, когда было нужно, Федоровых, Степановых и Петровых, но кто нашел самого Казанцева, — вот вопрос. Я могу разрешить его только для себя и позволяю себе не оглашать моего мнения.

От направленных против меня злоумышлений я лично, благодаря бога, физически не пострадал. Было бы неестественно, если бы во мне зародилось чувство злобы по отношению к таким субъектам, как Василий Федоров и ему подобные. Не могу смотреть на них иначе, как на палачей-добровольцев, которых возили из города в город для исполнения приговоров, постановленных неизвестными им судьями. Не многим выше этих наемных убийц стоял и сам Казанцев, трагическая смерть которого

исключает уже всякую возможность предположить с моей стороны желание еще более выяснить его достаточно выясненную личность. С полным презрением я отношусь к нелепым сплетням о том, что покушение взорвать мой дом было фиктивное, чуть ли не мною самим устроенное. Опровергнуть эту пошлость мне было бы более чем легко опубликованием хотя бы только некоторых документов предварительного следствия. Я вынужден также оставить без внимания заявление, сделанное в государственной думе, в заседании 10 ноября 1908 г., членом думы Келеповским, что я подложил себе в печку адские машины «для саморекламы, а потом устыдился и замолчал», хотя заявление это я считаю для себя весьма оскорбительным только потому, что оно осталось без опровержения со стороны правительства, не только в заседании государственной думы, но даже в многочисленных органах печати, находящихся на его иждивении.

Но если, как частный человек, я могу презирать некорректное ко мне отношение и относиться равнодушно к преступлениям, против меня направленным, если я мог бы молчать о тех вопиющих явлениях, какие не раскрыло, а только наметило предварительное следствие, когда оно не осветило деятельности таких органов правительственной власти, как граф Буксгевден и г. Гофштеттер, из которых первый, как сказано в постановлении следователя от 30 декабря 1908 г., «занимался совместным с Казанцевым сыском по политическим делам», несмотря на то, что «политический сыск» Казанцева являлся явной провокацией по отношению к членам революционных партий и прямым соучастием в убийствах и покушениях на убийства, — если я должен предоставить заботу об искоренении этого зла всецело правительству, то соображения особого рода не позволяют мне с покорностью, молчаливо расписаться в разносной книге судебного следователя в получении извещения о прекращении дела.

Соображения эти следующие, и я высказываю их вашему высокопревосходительству с полной откровенностью: я не желаю, чтобы кто-либо мог предположить, а впоследствии громко сказать, что я верил тому, что убить меня хотели какие-то «лишенные столицы» беспаспортные «товарищи», руководимые мелким сыщиком-провокатором; не желаю я и того, чтобы сочли меня настолько непроницательным, что, имея в руках огромный следственный материал, после тщательного ознакомления с ним при участии компетентнейших юристов, я будто бы не понял закулисной стороны дела; наконец я не желаю, чтобы меня справедливо упрекнули в неимении мужества громко сказать, что главные и истинные виновники двукратного покушения на жизнь вашего предместника по званию председателя совета министров не предстали на суде не потому, что их не могли обнаружить, а потому, что правительственные органы обнаружить их и судить не желали.

Если бы я был частным лицом, я бы обратился к общественному мнению, напечатал бы акты следственного производства и комментировал их. Положение, которое я занимаю, и всё мое прошлое, конечно, совершенно исключают возможность такого образа действий. Но я смею думать, что вся указанная выше закулисная сторона дела вашему высокопревосходительству неизвестна, что, ознакомившись с нею, вы примете меры к прекращению террористической и провокационной деятельности тайных организаций, служащих одновременно и правительству и политическим партиям, руководимым лицами, состоящими на государственной службе, и снабжаемым «темными» деньгами, и этим избавите и других государственных деятелей от того тяжелого положения, в которое я был поставлен.

Прошу принять, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал:

Граф Витте.

С.-Петербург.

3 мая 1910 года.

*(Дело департамента полиции, особого
отдела, 1910 г., № 331.)*

СПРАВКА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ 4 ИЮЛЯ 1915 Г.

Представляя при сем телеграмму уполномоченного совета донского союза русского народа, Епифановича, об оскорблении, нанесенном князем Тумановым Дубровину, имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что, насколько мне удалось выяснить из источников, близких к пострадавшему, история эта представляется в следующем виде.

Издатель газеты «Русское знамя», А. И. Дубровин, в марте месяце обратился к начальнику штаба петроградского военного округа, генералу М. И. Тяжельникову, с жалобой на действия военной цензуры, не разрешающей помещать в указанной газете сведений о суждениях, происходивших в отделах союза русского народа, раз таковые касаются евреев. Генерал Тяжельников советовал Дубровину обратиться с ходатайством лично к начальнику военного округа.

28 марта Дубровин был принят князем Тумановым, в присутствии генерала Тяжельникова и одного прапорщика, видимо, адъютанта; рядом в комнате, двери в которую были открыты, находился другой генерал и прапорщик. Выслушав заявление Дубровина, князь Туманов сказал ему, что газета занимается травлей евреев, помещает какие-то бессмысленные аншлаги. На это Дубровин возразил, что аншлаг этот есть правило вселенского собора. (В газете на первой странице действительно крупным шрифтом напечатано: «Правило 11-е шестого вселенского собора в Трулле. Никто из принадлежащих к священному чину или из

мирян отнюдь не должен ясти опресноки, даваемые иудеями, ни вступати в содружество с ними, ни в болезнях призывати их, и врачевства принимати от них, ни в банях купно с ними мыться. Аще кто дерзнет сие творити, то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен»). На это князь Туманов, будто бы, сказал ему: «Что вы мне старую рухлядь тычете!» Дубровин продолжал возражать, указывая на значение постановлений вселенских соборов. Тогда князь Туманов начал кричать на него: «Вон, вон отсюда, немедленно». Дубровин ушел, заявив, что ему ничего больше не остается сделать. На следующий день к Дубровину приехал генерал Тяжельников, заявивший, что князь Туманов извиняется, признавая свое поведение грубым. Дубровин просил передать князю, что оскорбление слишком тяжелое, избранную форму извинения он не может считать удовлетворяющей, но принимает ее по личным соображениям. При этом добавил, что происшедший эпизод им многим сообщен. О всей этой истории Дубровин известил провинциальные отделы союза русского народа, причем, по его заявлению, просил союзников эпизод этот не доводить до гласности, дабы не дать повода левым злорадствовать над унижением правых и похвалиться, что с ними допустить такое обращение не посмеют. Провинциальные отделы, получив извещение Дубровина, начали отправлять письменные и телеграфные протесты на имя военных властей. Так вашим высокопревосходительством, кроме прилагаемой телеграммы, получены заявления от митрофаногорьевского, воронежского, тульского городского и туапсинского отделов союза русского народа. Председатель астраханской монархической партии телеграфировал непосредственно князю Туманову. По получении этой телеграммы, генерал Тяжельников письмом от 8 мая уведомил Дубровина, что после разговора с ним он полагал, что вопрос исчерпан, и не допускал возможности подобного выпада, обрисовывающего, к тому же, весь эпизод в ложном освещении; далее, он спрашивал Дубровина, находит ли он нужным принять по поводу этого обстоятельства какие-либо меры. В ответном письме от 22 мая Дубровин, вспоминая свой разговор с ним, говорит, что он полагал, что за извинением последует дальнейшая компенсация, так как нанесенное ему, Дубровину, оскорбление слышали еще три других свидетеля; на вопрос о принятии им каких-либо мер, он пишет, что полагал бы огласить в печати, примерно, следующее: «28 марта сего года председатель союза русского народа и издатель газеты «Русское знамя» А. И. Дубровин, приглашенный его сиятельством главным начальником петроградского военного округа князем Тумановым для объяснений по издаваемой им газете, с криком «вон, вон немедленно» был изгнан князем из его кабинета при 4-х свидетелях; на другой день в квартиру А. И. Дубровина пожаловал начальник штаба петроградского военного округа на театре военных действий и от имени князя,

признавая свое поведение недопустимо грубым и унижающим, выразил перед А. И. сожаление об случившемся и просил принять извинение»; такая форма огласки, по его мнению, удовлетворяла бы его единомышленников и эпизода можно было бы считать исчерпанным; в заключение он указывает, что оскорбление его — это не первый случай несдержанности князя Туманова, последний должен был извиниться перед одним генералом-лейтенантом; этот недостаток князя показывает, что ему не следовало бы оставаться на занимаемом посту и вообще занимать высокие должности.

(Дело министерства внутр. дел, озаглавленное «Особое делопроизводство по выборам в гос. думу», том 111, „совершенно секретный“.)

«ЗАПИСКА ДЛЯ ПАМЯТИ» ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ 1915 Г.

Группою лиц гор. Петрограда, среди которых находится известный действительный статский советник Шильдер-Шульднер, представлена на днях председателю совета министров следующая докладная записка:

«В настоящий серьезный политический момент представляется настоятельно необходимым установить, кто является действительным и наиболее опасным врагом существующего политического строя и какие неотложные меры должны быть приняты, дабы оказать решительное противодействие всем темным силам и приобрести решающее влияние на рабочие и народные массы, которые одни только и способны к действительным выступлениям. При этом необходимо серьезно считаться с тем фактом, что в настоящее время армия состоит из сырого материала тех же элементов рабочего и земледельческого класса, т. е. является вооруженною частью того же народа, а не представляет уже из себя строго дисциплинированных и как бы оторванных от народной массы регулярных войск мирного времени.

Эта армия должна победить врага во что бы то ни стало, но, чтобы она могла исполнить свою задачу при невероятных трудностях, которые ей надо преодолеть, она должна иметь полную нравственную поддержку в том самом народе, неустанный труд которого один в состоянии обеспечить победу.

Дух армии, общества, народа и рабочих должен быть один.

Самым опасным врагом императорского правительства и победоносного шествия нашей армии является класс лиц политиканствующих и стремящихся к захвату власти во что бы то ни стало. Лица эти, при малейшем несогласии правительства с их программой, имеющей одну конечную цель, способны в партийных и личных интересах, опираясь на капитал, привести к самым серьезным осложнениям.

Правительство поступило рискованно, но мудро, распустив

государственную думу, грозившую обратиться в опасную для спокойствия страны говорильню, но останавливаться на полпути было бы опасно.

Просвещенный абсолютизм, облеченный полнотою власти, с контролем этой власти в лице существующих законодательных учреждений, по сердцу большинству русских, в особенности простых людей, и было бы недалекоvidно не воспользоваться моментом и не осуществить именем монарха те скромные пожелания рабочих и народных масс, которые направлены всецело к экономическому поднятию страны и должны быть осуществлены рано или поздно.

Надо вырвать оружие из рук врагов и достигнуть полного спокойствия и столь горячо ожидаемого действительного единения царя с народом.

Меры, кои необходимо немедленно принять, должны, по мнению нашему, заключаться в следующем:

1) Немедленно пересмотреть закон об обеспечении рабочих и провести необходимые его дополнения срочно, в порядке 87 ст., ибо опорой рабочего класса должно явиться правительство, а не всякого рода партийные и общественные организации, и другого, более удобного момента для пересмотра этих законоположений не представляется. Усовершенствование законоположений об обеспечении рабочих и улучшении их быта вообще требует серьезных расходов, которые в мирное время обыкновенно устрашают своими размерами, но представляются ничтожными в сравнении с расходами войны.

2) Размер обеспечения вдов и сирот павших воинов и всех раненых, а в особенности получивших военное отличие, должен быть серьезно увеличен, а получение пособия и пенсии должно быть упорядочено и объединено.

3) Рабочих и народных газет почти нет, а существующие не удовлетворяют назначению, а потому необходимо немедленно создать вечернюю рабочую газету, или самостоятельную, или патриотическую, или приуроченную к одной из существующих больших газет, обслуживающих рабочие интересы, но недоступных по цене.

4) Сытый и обеспеченный рабочий не пойдет на баррикады, но если, не дай бог, настанет голод, а существующие на предметы первой необходимости цены его уже предвещают и недостаток хлеба и мяса уже ощущается, то никакие средства не в силах спасти от погрома голодной толпы.

Поэтому теперь же необходимо безотлагательно обеспечить продовольствием все крупные центры и немедленно привлечь к этой работе все банки, которые, совместно с главным управлением земледелия и землеустройства, несомненно окажут способность выполнить эту задачу и урегулировать цены.

5) Надо широко воспользоваться прессой, имеющей соприкос-

новение с рабочими, и безотлагательно пригласить представителей рабочих во всякого рода технические и продовольственные комитеты и этим путем завязать с рабочим классом серьезные, искренние и сердечные отношения.

6) Точка зрения правительства по еврейскому вопросу должна стать известной, для успокоения всего рассеянного ныне по всей России еврейского населения, а равно для успокоения еврейских финансовых сфер Америки, Англии и Франции, что, несомненно, окажет большую услугу при разрешении вопросов о предстоящих внешних займах.

7) Немедленное разрешение, потерявшего ныне остроту, финляндского вопроса представлялось бы крайне своевременным, ибо обеспечение полного спокойствия Финляндии дало бы возможность не только уменьшить число войск, там расположенных, но и привлечь значительное число финских граждан в ряды армии, что могло бы оказать громадную пользу в мировой борьбе.

8) Безотлагательное принятие указанных выше и других, кои будут признаны нужными, решительных мер особенно важно потому, что постановления состоявшихся в Москве съездов, земского и городского, могут легко привести к совершенно неожиданным результатам».

Примечание. Записка значится поступившей в департамент полиции от министра 10 ноября 1915 г.

(Дело департамента полиции, 9 делопроизводства, 1915 г., № 244, лл. 154—156.)

ЗАПИСКА ПЕТРОГРАДСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ НА ИМЯ И. Д. ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ К. Д. КАФАФОВА, ОТ 27 НОЯБРЯ 1915 Г., О МОНАРХИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ

Состоявшиеся в Петрограде, в дни с 21-го по 23-е сего ноября месяца, совещания представителей монархических организаций, созданные по инициативе правых фракций государственного совета и государственной думы, в значительной степени отразились на настроении руководящих кругов прогрессивного блока вообще и партии кадет в частности, как бы угрожая разрушить иллюзии последних быть единственными руководителями и выразителями мнений и настроений всей страны.

Ставя в основу своих работ разрешение вопросов по борьбе с дороговизной, немецким засильем, по оказанию помощи жертвам войны и объединению правых элементов и организаций, в противовес выступлениям лево-оппозиционной интеллигенции и вожаков революционных рабочих групп, — означенные совещания монархистов заставили оппозиционно-кадетскую печать принять все меры к тому, чтобы возможно детальнее проследить все перипетии означенных заседаний и с желательной им точки зрения осветить в глазах широких масс населения исключительно якобы

«бутафорский» и «погромный» характер представляемых здесь групп и организаций.

Наличность особенных мер конспирации и тщательное «процеживание» допускавших на совещания участников таковых не помешали органам добровольной оппозиции получить более чем полные и точные сведения о мельчайших подробностях совещаний, — об этом с достаточной ясностью свидетельствуют соответствующие статьи и заметки в газетах «Речь» и «День», если отбросить обычное в таковых и специальное для левой прессы «освещение». Но, несмотря на всю тенденциозность и преднамеренную подтасовку сообщавшегося в названных органах материала, доказать с достаточной убедительностью черносотенно-погромную опасность начинаний монархистов указанной среде ни в коей мере не удалось: наличность среди участников совещаний видных и авторитетных правых деятелей в достаточной степени гарантировала «приличный» исход таковых, без тех демонстративных и резких эксцессов, на которые в одинаковой мере способны особо крайние левые и правые элементы вообще.

Изложенное обстоятельство, не дав соответствующего материала для необходимых, по тактическим соображениям, полемики и «шумихи», заставляет ныне оппозиционно-настроенную среду устремить всё свое внимание на обстановку монархического съезда в Нижнем-Новгороде, могущего, и по данным имеющегося в моем распоряжении агентурного освещения, привести к ряду нежелательных и более чем неудобных выступлений со стороны преобладающих там менее уравновешенных и менее дальновидных правых.

Дело в том, что даже среди части участников петроградских совещаний, несомненно, отмечалось известного рода убеждение, что вряд ли таковые имели право именоваться всероссийским совещанием монархистов, так как в провинции, особенно в районе Поволжья, указанные течения политической мысли гораздо, если можно так выразиться, «правее». Программа деятельности и ближайшие перспективы тамошних «правых» групп достаточно хорошо и ясно видны из помещенной в № 234, от 4 ноября сего года, газеты «Вятская речь», заметки под заголовком «Замыслы черной сотни».

Правых с Волги явилось на совещания в столицу весьма мало, и все они определенно высказались в том духе, что «петроградские совещания не носят истинно-монархического характера, а поддерживают даже и либеральных министров». Видную роль в означенном течении недовольных играла на совещаниях группа «дубровинцев», с самим доктором Дубровиным во главе.

Чувствуя себя здесь, в присутствии видных деятелей государственной думы, как бы на втором месте, и не решаясь открыто выступить со свойственной им резкостью выпадов и резолюций, эта среда крайних и неумеренно-правых монархистов всё время сдерживалась надеждами на возможность развернуться во-всю именно

на съезде в Нижнем-Новгороде, одним из видных организаторов коего и является Дубровин.

Здесь, вдали от высоких и важных участников совещаний, крайние элементы монархических групп, судя по данным секретной агентуры, обещают не только ряд весьма крайних постановлений в смысле оценки текущего политического момента, но и исключительно резкие выпады по адресу отдельных представителей правительственной власти.

Между тем, подобная неумеренность вожделений и невоздержанность тактических выступлений участников съезда, ничего положительного не обещая самим монархистам, легко могут поставить в затруднительное положение власть и в то же время, компрометируя начинания правых в глазах масс населения, сыграют лишь в руку объединенной прогрессивным блоком либеральной оппозиции, всё время ожидающей выступлений неумеренно-правых, не имевших возможности заявить о себе на петроградских совещаниях.

Об изложенном доношу вашему превосходительству.

Полковник Глобачев.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1916 г., № 110, лл. 71 — 72.)

СПРАВКИ О СУБСИДИЯХ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ПРАВЫМ ДЕЯТЕЛЯМ ЗА 1913 — 1916 ГГ.

Извлеченные Чрезвычайной следственной комиссией из дел департамента полиции справки о субсидиях правым деятелям, несомненно, крайне неполны, разрозненны и случайны. Тем не менее, так как эти справки вполне документированы, т. е. основаны на подлинных документах деп. пол., с указанием номеров ордеров или времени выдачи, или ссылок просителей на ранее выданное пособие, — не бесполезно привести их в общей сводке.

Письмо В. Н. Дезобри-Степановой от 27/VIII 1913 г. на имя Н. А. Маклакова, где она пишет:

«... положение такое, что мне прямо не дают покоя рабочие, прося устраивать собрания для противодействия забастовкам. Идет усиленная подготовка к всеобщей забастовке. Это знает полиция, об этом мне говорил полицеймейстер Артюнов. Между тем, без нравственной поддержки со стороны полиции, а также материальной, работать нельзя. Прошу дать окончательный ответ, и тогда я покончу окончательно все дела со своим обществом».

На письме имеется резолюция:

«Доложено министру вн. дел 2/IX, что в окончательный расчет с г-жой Дезобри поручено ей выдать 500 руб., не находя возможным воспользоваться ее услугами. Мин. вн. дел Маклаковым назначено В. Н. Дезобри пособие в размере 400 р. — Письмо не посылать, деньги пока оставить в особом отделе. 5/IX. С. Белецкий».

Письмо той же Дезобри на имя В. Н. Коковцева:

«... Позволяю себе беспокоить ваше высокопревосходитель-

ство в силу следующих обстоятельств. При А. А. Макарове я получала 300 р. в месяц на содержание квартиры и вообще на поддержку моего дела по обществу «Объединенный труд». Когда вступил в должность Н. А. Маклаков, в январе, я этих денег не получила. Тогда я написала ему и в феврале получила за два месяца. В мае я снова денег не получила и, когда обратилась к гр. Татищеву, он мне ответил, что я буду получать из деп. полиции. В половине июня я была у г. Белецкого, и он, вполне сочувствуя моей работе, сказал, что переговорит с министром и через неделю даст ответ. Но прошел еще месяц, и он не нашел возможным хотя бы по телефону дать мне какой-нибудь ответ. Я крайне нуждаюсь. Думаю, что на материальную поддержку имею право за свою деятельность в 1905 г.»

В деле имеется расписка:

«От директора деп. пол. 8 октября 1913 г. четыреста (400) руб. получила В. Дезобри».

Справка деп. полиции:

«Г-жа Дезобри-Степанова, как и ее муж, состояли активными членами союза русского народа и общества активной борьбы с революцией. Союзники, руководимые, с одной стороны, Булацелом и Полубояриновой, а с другой — бывшими руководителями боевой дружины, Дезобри и его теперешней женой Степановой, бывшей душой дружины, решили во что бы то ни стало произвести в суде грандиозный скандал (дело об убийстве Герценштейна в кювенебском суде)». «... По сведениям той же агентуры, 26 авг. 1909 г. состоялось собрание общества активной борьбы с революцией. Цель собрания была ходатайствовать у правительства субсидию для поддержки общества. Собралось всего 7 человек: сам Дезобри, его жена и 2 шурина Александровы; остальные 3 члена в обществе не участвуют и были приглашены Дезобри». «... В 1913 г. услуги Дезобри-Степановой были отклонены. В октябре 1913 г. мин. вн. дел Маклаковым, по ходатайству г-жи Дезобри, ей было назначено денежное пособие из сумм деп. пол. в размере 400 р. В 1914 г. тов. мин. вн. дел г-же Дезобри-Степановой было назначено денежное пособие в размере 3 000 руб.»

Справка деп. пол.:

«Г-же Степановой-Дезобри были произведены из секретной суммы деп. пол. нижеследующие выдачи в 1915 и 1916 годах:

2 мая	1915 г.	№ 52673	— 2000 руб.
2 июля	1915 "	№ 55758	— 2000 "
23 июля	1915 "	№ 56889	— 2000 "
23 октября	1915 "	№ 61454	— 2000 "
3 ноября	1915 "	№ 61741	— 500 "
10 "	1915 "	№ 62275	— 2000 "
30 "	1915 "	№ 63247	— 2000 "
9 января	1916 "	№ 45224	— 5000 "

(Дело департамента полиции, особого отдела, 1913 г., № 314, лл. 4 — 29.)

СПИСОК СУММ, ВЫДАННЫХ С. П. БЕЛЕЦКИМ за время его службы тов. мин. внутр. дел. (с 28 сент. 1915 г.), из секретного фонда деп. полиции на «известное мин. вн. дел. назначение» (на основании высочайшего повеления от 29 августа 1905 г.)

Число	О р д е р			Сумма в рублях	К о м у	Н а ч т о
	Месяц	Год	№№			
15	X	1915	60946	50 000	Замысловскому	На издание книги о процессе Бей-лиса.
20	X	1915	61172	20 000	Маркову и Замысловскому	На съезды правых организаций в Петрограде и Нижнем-Новгороде.
20	X	1915	61172	5 000	Им же	На печатание трудов этих съездов.
20	X	1915	61173	10 000	Через Замысловского Дубровину	На нужды партии.
20	X	1915	61174	5 000	Ему же	На издание брошюры на правах рукописи, направленной против ген. Джунковского.
20	X	1915	61175	1 500		
23	X	1915	61365	1 000	Шабельской-Борк	На издание правого рабочего листка.
	X	1915	61367	10 000	Замысловскому	На партийные нужды.
	XI	1915	61894	1 200	Прив.-доп. университета Балицкому	На поддержание студенческой академической организации.
	XI	1915	61895	500	Орлову	На нужды патриотического союза в Москве.
	XI	1915	63010	200		
	XI	1915	63305	500	Студенту Третьякову	На союз академистов.
	XI	1915		2 000	В. Степановой - Дезобри	На издание газет для народа.
	XII	1915		2 000	Ей же	На то же.
4	XII	1915	63567	3 000	Маркову	На издание в Курске газеты.
8	XII	1915	63783	20 000	Ему же	На нужды партии.

Число	О р д е р			Сумма в рублях	К о м у	Н а ч т о
	Месяц	Год	№№			
8	XII	1915	63784	10 000	Пуришкевичу	Секретно от Маркова и Замысловского, в виду отхода Пуришкевича от партии, на пополнение солдатских библиотек в санитарных его поездах.
18	XII	1915	64454	2 000	Степановой - Дезобри	На издание газет для народа.
18	XII	1915	64521	10 000	Замысловскому	«Секретно от Маркова».
18	XII	1915	64521	6 000	Ему же	На газету «Киев» издаваемую студентом Голубевым.
9	I	1916	45225	8 000	Е. Маркову.	На издание в Курске газеты.
	I	1916	45338	1 785	Приват-доц. университета Балицкому	На нужды студенческой академической организации.
30	I	1916	46782	15 000	Маркову	На газету «Земщина» и на лазарет Маркова.
	I	1916		2 000	Степановой - Дезобри	На издание газет для народа.
	II	1916	47010	400	Орлову	На нужды московского патристического союза.
12	II	1916	47649	15 000	Маркову	На газету «Земщина» и на лазарет.

Согласно указаниям мин. вн. дел А. Н. Хвостова, я распределил и остаточную сумму секретного фонда главного управления по делам печати на субсидии правым монархическим органам, как города Петрограда, так и провинции. Затем, в ноябре месяце, для тех же надобностей, я распределил, по приказанию мин. Хвостова, полученные дополнительно главн. управлением 300 000 руб. (для правой прессы) и в начале 1916 г. весь полученный для

упомянутых целей главн. управлением по делам печати секретный фонд около 1¹/₂ миллиона рублей.

Моим помощником по главн. управ. по дел. печати был д. ст. сов. Потемкин, который составлял подробную отчетность с оправдательными документами.

Во всех этих суммах я отсчитался перед министром вн. дел с погасительной его надписью, что расходы произведены правильно и согласно своему назначению, а министр представил общий годовой отчет государю императору, и его величеством сделан на отчете «знак согласия».

Помимо этого, для надобностей прессы националистов мною заимообразно было выдано из сумм деп. пол. членам государств. думы Алексееву и Дерюгину 45 000 р.

Кроме того, в феврале 1917 г. чиновник деп. пол. Камков, по поручению директора, передал Маркову 10 и 20 тысяч рублей, причем из этих денег Марков один раз заставил Камкова принять в подарок 100 руб..

*(Из собственноручной справки Белецкого,
представленной им в Чрезв. следств.
комиссию 1917 г.)*

M

O

C

K

B

A

Деятельность московских союзников, поскольку она отразилась в приводимых ниже документах, определяется своими особыми, характерными чертами: а) широкой организационной деятельностью, как в Москве, так и по всей царской России, вплоть до далеких окраин, б) откровенным пользованием деньгами департамента полиции, широко субсидировавшего московские союзы не только на квартиры, канцелярии, издательское дело, поездки по всей России, но и на «личную монархическую деятельность», и, наконец, в) вытекающими из предыдущего пункта, из дележа казенного пирога, раздорами и склоками, в которых, не щадя друг друга, бывшие соратники обнажают перед департаментом полиции свои старые и новые делишки.

Постоянные и длительные поездки протоиерея Восторгова и железнодорожного ревизора движения, Орлова, связанные у первого с его «миссионерскими» делами, у второго — с железнодорожной службой, охватывают целое десятилетие (1907 — 1916) и территорию всей бывшей империи, включая Сибирь и Туркестан, Кавказ и весь юг, Польшу и западные губернии. В представляемых в департамент полиции отчетах о командировках дается содержательный очерк монархических дел в ряде городов, характеризуются местные черносотенцы и администраторы. Характерно, что по всей Сибири командировавшимся организаторам пришлось открыть отделы союза Михаила архангела, а не старейшего союза русского народа, так как последний пользовался в Сибири погромной репутацией (см. отчет Орлова 1909 г.). Конечно, программы, участники и дела обоих союзов были совершенно однородны, но этого, разумеется, не знали невежественные люди из дальних городков и сел, вовлекаемые столичными гастролерами в это поистине «грязное дело».

Очень многочисленны в Москве мелкие союзнические образования, носившие разнообразные названия (союз русского народа, союз Михаила архангела, русская монархическая партия, отечественный патриотический союз, разные палаты, советы и отделы), во главе которых стоят всё те же 5 — 10 московских активистов: Восторгов, Орлов, Кельцев, Снежков, Баскаков, Сталинский и др. Каждому надо было доказать свою особую преданность престолу, свою кипучую и плодovitую работу, оправдать требования новых субсидий, — московские союзы росли как грибы. И так же были недолговечны и слабы.

Раздоры 1913 и 1915 гг. выявили и случайность «общих собраний» (приглашались лица прямо с улицы), и несолидность «глав-

ных комитетов» (двоевластие и взаимные исключения 1913 г.), и темные дела с вовлечением в союзы каких-то выживших из ума старух-монахинь, отдававших дельцам свои деньги, приготовленные на «спасение души», и создание фиктивных членских списков: личности отца-протоиерея Восторгова, «ученого археолога» Орлова, б. полицейского чиновника Снежкова, уволенного за лихоимство полковника Томилина — встают во весь рост.

И всё это происходит под непрерывным покровительством директора департамента полиции, впоследствии тов. мин. вн. дел, С. П. Белецкого, которого недаром союзники телеграфно приветствуют «за беззаветную преданность престолу, за доблестную службу и историческую энергичную деятельность».

Сильно комический элемент вносит появление в 1915 г. в среде московских монархистов б. члена «добровольной охраны» или «добровольной дружины» (с 1881 по 1913 г.) С. А. Кельцева, ссылающегося на «заветы» Грингмута. В обширных записках (в деп. полиции) Кельцев излагает свою «программу», все пункты которой говорят о необходимости дать ему, Кельцеву, денег.

Любопытны и его «астрологические предсказания на 1917 год».

В отдел не включены показания и переписка из судебного дела об убийстве Иоллоса — по мотивам, указанным во введении.

МОСКОВСКИЕ СОЮЗНИКИ И УБИЙСТВО ГЕРЦЕНШТЕЙНА

ПИСЬМО МОСКОВСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА ГЕН. А. А. РЕЙН-
БОТА НА ИМЯ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ М. И.
ТРУСЕВИЧА, ОТ 21 ИЮЛЯ 1906 Г.

Милостивый государь, Максимилиан Иванович!

Имею честь препроводить вашему превосходительству протоколы опросов редакторов газет «Маяк» г. Грена и «Вече» г. Оловенникова и № 2 газеты «Маяк», где 18 июля сего года были напечатаны на первой странице анонс «Герценштейн убит», а на последней заметка «Слухи о смерти Герценштейна». Указанный № газеты вышел из печати и поступил в продажу около 7 часов вечера 18 июля, т. е. в то время, когда убийство Герценштейна еще не было выполнено. Показание Грена, по моему мнению, вполне правдоподобно.

Что касается редактора «Вече» Оловенникова, то лично им записанные объяснения далеко не соответствуют тому, что он сообщил в моем присутствии беседовавшему с ним помощнику моему. Он говорил, что в союзе русского народа, несомненно, есть организация активной борьбы с революцией, которая поставила себе целью истреблять крамольников.

Считаю долгом высказаться, что в общем результате беседы с редактором «Вече» нельзя не усвоить себе подозрение, что Оловенников находится в курсе дела убийства Герценштейна, но гораздо шире, чем об этом предмете говорит, и очень поддается чувству страха быть самому убитым. Он утверждает, что уже через сутки после убийства Герценштейна им, Оловенниковым, было получено четыре письма со смертными приговорами. Оловенников озлоблен на революционеров вообще до последней степени, говорит по этому предмету очень страстно и, между прочим, сказал такую характерную фразу: «Вот убит революционер Герценштейн, и власти ищут, расследуют и все на ногах; будет ли столько хлопот, если революционеры убьют кого-либо из нас, из союза русских людей?» Оценивая вышеизложенное в связи с общим положением вещей, я позволяю себе высказать свое мнение, что все приведенные данные не дают основательного повода применить к поименованным в сем докладе лицам какие-либо следственные действия, а в особенности — немедленно. Такое предприятие, не обещая дать существенных результатов, только утвердит в возмущенных убийством Герценштейна общественных кругах их нескрываемые подозрения на ненавист-

ный им союз русских людей, а последний, до-нельзя чуткий к отношению правительственной власти к их партии, может сразу перейти в наступательную позицию и повредить едва сдерживаемому порядку, в особенности, если принять во внимание предстоящие в Москве похороны тела Герценштейна. И мне представляется единственно целесообразным предоставить течение дела естественному ходу предварительного следствия, производимого по убийству Герценштейна.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА РЕД.-ИЗД. ГАЗЕТЫ «МАЯК» А. Н. ГРЕНА 20 ИЮЛЯ 1906 Г.

Действительно, в издаваемом мною журнале «Маяк», в № 2 от 18 июля, я поместил на первой странице анонс «Герценштейн убит», а на четвертой — заметку «Слух о смерти Герценштейна». Вышел в свет этот № часов около 7 вечера 18 июля, т. е. в такое время, когда в самом деле Герценштейн еще был невредим, так как, по газетным сведениям, он убит около 8 вечера. Объясняю я такое преждевременное и оказавшееся верным сообщение в моей газете следующим образом: в этот день ко мне, около 12 часов дня, явился редактор-издатель газеты «Вече» и, между прочим, сказал мне буквально так: «Мне доподлинно известно, что Герценштейн убит еще в пятницу или в субботу, и у меня есть к тому доказательства, напечатайте-ка об этом в своей газете сегодня вечером». Я у него доказательства не спрашивал, а так как новость была сенсационная, то я ее и поместил в вечернем №.

Я отмечаю, что Оловенников человек партийный, принадлежит к союзу русских людей.

Редактор-издатель «Маяк», бывший приват-доцент киевского университета, Алексей Николаев Грен. Допрашивал и показание записал помощник градоначальника Макаров.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ «ВЕЧЕ» В. В. ОЛОВЕННИКОВА 20 ИЮЛЯ 1906 Г.

В разговоре с редактором газеты «Маяк», А. Греном, я посоветовал ему, для более успешной продажи не идущего совершенно «Маяка», сообщать сенсационные известия и для первого раза, например, слух, что Герценштейн убит. Этот мой совет имел некоторое основание, а именно: в воскресенье 16 июля я был в собрании союза русского народа, где офицер Николай Львович Трухачев сообщил мне, что он только что из Петербурга, где ходят упорные слухи, что Герценштейн убит выстрелом из духового ружья, отравленной ядом «кураре» стрелой, а затем повешен, т. е. что будто бы его убили, как Гапона.

(Доставлено в Чрезв. следств. комиссию
при письме А. А. Рейнбота от 27 июля
1917 г.)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА

ЗАПИСКА В. Г. ОРЛОВА О ПОЕЗДКЕ В СИБИРЬ 1909 Г.

Монархическое движение в Сибири. Кто из истинно-русских людей, честных сынов России, не сознает того великого значения, которое имеет Сибирь не только для нашего великого отечества, но также и для всей Европы, какая драгоценная жемчужина в короне русского самодержца—это золотое дно? А между тем, ареною каких печальных событий явился этот край во время последней японской войны, а в особенности — во время знаменитого «освободительного» движения!

Не один тяжелый вздох вырвался из наболевшей груди русского человека в дни смуты и мятежа, когда известия, одно тяжелее другого, доходили до нас; когда в Сибири города один за другим объявили себя самостоятельными республиками (Чита, Красноярск, Верхнеудинск, Владивосток и пр.).

В виду такого положения дела, вполне естественно, что у многих истинно-русских и искренних людей являлись желания и порывы поработать в этом крае для объединения тамошних разъединенных правых элементов, долженствовавших дать на почве идей истинно-русского самосознания серьезный отпор так усилившейся там язве пропаганды и нелепым мечтам освободителей о сепаратизме Сибири.

Там, на полях Маньчжурии, нашими простыми солдатами как доблестно защищались честь и достоинство России! сколько было проявлено героями чудес храбрости, самоотверженности и доблести! А рядом наша освободительная интеллигенция, с соизволения Павлуши Юдакова,¹ устроила аукцион России и продавала ее в розницу и оптом, и поля маньчжурские превратили в голгофу, на которой так позорно была распята Россия нашими масонами.

В марте месяце сего года от. прот. И. И. Восторгов по высочайшему повелению был командирован в Сибирь и страны Дальнего востока для ревизии и обследования духовных школ и миссий, а также — устройства переселенческих пунктов.

Еще задолго до отъезда о. пр. Восторгова из Москвы я не раз выражал ему свое искреннее желание поехать в Сибирь для организации там монархических союзов. Мой опыт и знание дела

¹ Прозвище, данное черносотенной печатью известному кадету, члену Гос. думы П. Н. Милюкову. Ред.

были ему хорошо известны по открытию мной в 17 губерниях нескольких десятков отделов СРН. Поэтому о. протоиерей и пригласил меня.

Для того чтобы успешнее выполнить возложенную на меня задачу по организации союзов, я пригласил себе на помощь небезызвестного патриота, рабочего Фед. Ал. Слепова, с которым и выехал из Москвы на 4-й день Пасхи, 2-го апреля.

Выехав из Москвы, в поезде я заметил одного молодого китайца, одетого по-европейски и прекрасно говорящего по-русски; я поспешил познакомиться с ним и узнал любопытную историю: во время русско-японской войны наш полк стоял за Харбином, близ имения одной китайской помещицы, и старуха-помещица очень была довольна порядочным поведением наших солдатиков, часто их кормила и даром давала корм лошадям (это наглядно доказывает ложь и вранье наших освободителей, кои говорили и писали, что-де наши солдаты и офицеры обижали, издевались над мирными китайцами, грабили их, разоряли фанзы), и вот сын этой китайки полюбил командира роты и по окончании войны уехал к нему в гор. Варшаву и там 3 года учился в городском училище. Я до самого Харбина ежедневно вел с ним беседу на политические темы, выяснил ему, кто враг Китая, Россия или Япония, указал, почему теперь Япония силится посорить Китай с Россией, указал ему вековую дружбу России с Китаем, и этот молодой китаец очень подружился со мною и попросил написать ему воззвания на русском языке, а он нам тотчас перевел их на китайский язык и под копировку написал на китайском языке их до 60 штук. Я предвидел, какую пользу может принести русскому делу китаец-руссофил, прекрасно говорящий по-русски, и вот как я был порадован, когда, живя во Владивостоке, я прочитал в одной местной жидовской газете, что явился какой-то молодой китаец-руссофил и в Хайларе, в Харбине и Цицикаре разбрасывает прокламации, призывая братьев своих китайцев к бойкоту и изгнанию японцев. Когда в Харбине мы с ним расстались, он подарил мне свои две фотографии, адрес свой и умолял писать ему письма; я искренно порадовался, что мои труды и беседы в течение 18 дней не пропали даром, а этот юноша еще сильнее полюбил Россию и понял страшные замыслы коварной Японии.

Мною открыты отделы союза в следующих городах и селах: Харбине, Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске, Срененске, Благовещенске, Красноярске, Тайге; селах: Иманы, Спасское и др., всего 20 отделов в Сибири.

Собрания устраивались, кроме указанных городов, еще в Чите, в Иркутске, в Верхнеудинске, Омске, Томске.

Что нас поразило в Сибири, это — страшное население инородцев, в особенности жидов и поляков; в одном Иркутске до 17 тысяч жидов. Поучительны и характерны случаи для наших коммер-

сантов: перед нашим приездом обанкротилось 26 купцов, причем оказалось: один русский, торговавший 17 лет, а 25 жидов купцов, которые торговали от двух лет до трех с половиною; после этого банкротства эти жидки платили по 10 коп. за рубль и снова начинали торговать. Припомните, господа, знаменитую речь раввина, в которой он учит своих собратий добиться всеми средствами уничтожения кар в государстве за банкротство, и тогда станет ясна вся житейская программа жидов и классическое мошенничество; это как раз верно, по русской пословице: «Жид грош потеряет, два поднимает и кричит, что его ограбили жулики».

В гор. Мариинске 6 синагог, а храм православный один; в Каинске синагог 7, а православных храмов только два. Об эксплуатации евреями русского народа в Сибири можете судить, если я вам скажу, что вокруг этих двух городов 26 маслодельных заводов, вырабатывающих до полутора миллионов пудов коровьего масла, а молоко покупают у крестьян по 15 коп. за ведро: вот как эти паразиты могут грабить русского мужика; правда, были 2 завода русских, но их, конечно, сумели выпустить в трубу.

Первая наша остановка была в Челябинске, на границе Сибири, — городе, являющемся сборным пунктом для переселенческого движения. В Челябинске нам пришлось ожидать поезда Сибирской железной дороги более 4-х часов. Всё это время мы посвятили осмотру города, беседе с переселенцами и раздаче им литературы. В первом случае — впечатления наши были безотрадны: город оказался в руках евреев, которые успели захватить в свои руки почти всю торговлю и промышленность. Зато наблюдение над переселенцами произвело на нас самое приятное и отрадное впечатление. На перронах вокзала, в ожидании поезда, группами расположились съехавшиеся с разных концов России переселенцы. Не видно было среди них унылых лиц, не слышно было тяжелых, удрученных вздохов, как это бывает с людьми, покидающими родину, насившие места и отправляющимися в неведомую страну. Наоборот, слышался громкий, веселый смех, порой из отдельных групп раздавались звуки русских залихватских народных песен. Казалось, что русские крестьяне, может быть, и бессознательно, но инстинктивно понимали друг друга, что они едут на великий подвиг, исполняя две великих миссии, христианскую и государственную: 1) с крестом несут христианскую культуру в далекие, языческие страны дракона, и 2) заселяя Сибирь, они тем самым закрепляют этот край за Россией, так как эти колонизаторы являются также будущими защитниками этого края от грозного страшного нашествия желтой расы. Я не могу не упомянуть об одном характерном случае: на перроне станции сидел мальчик с клеткою в руках, в которой была пара белых голубей. Один из сознательных товарищей обратился с вопросом к мальчику: «Зачем ты везешь этих птиц, продай мне лучше их за 2 руб.». Надо было видеть, с какой оби-

дой и убежденностью мальчик ответил: «Не только за 2, но и за 10 рублей не продам голубей, я их везу из Липецка в Сибирь, там я их разведу, и у меня будут свои липецкие голуби». Мальчик хочет, чтобы хотя голуби напоминали ему родную страну, а наши освободители говорят, что для них там родина, где живет хорошо. Нет у них любви к родине.

В Харбине, по указанию о. прот. Восторгова, мы прямо отправились к священнику Пекарскому и объявили ему о цели нашего приезда.

Харбин — совершенно интернациональный город. В этом городе издаются 3 левых газеты: «Харбинский вестник», «Курьер» и, кажется, «Харбинская жизнь»; эти 3 освободительные органы находятся в руках открытых врагов России. Достаточно вам сказать, что эти газеты, не задолго до нашего приезда, напечатали громовые передовые статьи в защиту Китая и, ограждая его интересы, указали, что мы-де здесь сидим неправильно, в чужой стране, и их грабим, рубим леса, пользуемся реками и лугами и т. п., и что Россия обязана за всё это возместить Китаю, согласно договора, и это на глазах наших представителей власти, очевидно, с принципом Льва Толстого «непротивление злу». И вот китайцы перепечатали эти статьи наших предателей в миллионах экземпляров, подняли целую бурю и бунт с китайской чернью и принудили свое правительство потребовать от России удовлетворения. Китайское правительство, как говорят, предъявило иск, согласно договора, в несколько десятков миллионов, и Россия была вынуждена заплатить народные денежки, а борзописцы и при нас продолжали писать всякие нелепости без стеснения, враждебные статьи, очевидно, при благосклонном молчании гг. Венцелей и Хилковых. Затем второй, не менее знаменательный случай разыгрался с кладбищами: харбинское самоуправление пожелало отобрать в свое ведение православное кладбище, как доходную статью, причем в этом самоуправлении состоят заправилами 2 поляка, 2 жида, один армянин, 1 только русский, и вот эта теплая компания, как говорят, форменных революционеров, желала заведывать православными кладбищами, прямо ради издевательства над православными, и только благодаря особой энергии сибирского светоча, местного архиепископа Евсевия, этот план не удался.

Подъезжая к Харбину после мучительного 18-дневного пребывания в душном вагоне, лишь только показались исторические маньчжурские поля, временные позиции и курганы, как невольно навернулись слезы на глазах, вспомнилось, как здесь умирали наши солдатики за царя и Россию, а жидовские наймиты, во главе с масонами, жгли провиант, взрывали паровозы, мосты, устраивали забастовки на железных дорогах, и родина наша как бы находилась в параличном состоянии, ибо кому неизвестно, какой жизненный нерв в организме государства железные до-

роги. Здесь, на этих исторических полях, решались мировые судьбы России, здесь Россия готова была показать воочию всему миру, что Россия под управлением своих венценосных самодержцев, православных царей, всегда находящихся в единении с народом, непобедима, и Россия готова была показать и доказала бы, если бы не измена наших освободителей, предателей родины, и что Япония с ее демократическим строем никогда не победит монархической России. Россия готова была показать миру, что не прочна и не мощна та страна, в которой подданные основывают свое благо на вражде и враждебности к государству и государственности. Россия готова была доказать, что русский народ признает только тот строй, который основан на правде и справедливости, такой строй только у нас на Руси святой, под скипетром самодержцев. Но Россия, воевавшая с Японией, которой открыто, позорно помогала вечный враг России — Англия, помогала ей и страна жидовских крезов — Америка, и, наконец, наше возмутительное освободительное движение с кадетами во главе, не могла одержать победы при таких печальных условиях.

В Харбине, познакомившись с несколькими местными русскими людьми города, мы, по рекомендации этих немногих знакомых, разослали около 260 повесток к лицам, известным своими истинно русскими убеждениями. К нашей великой радости, на первое же организационное собрание явились почти все приглашенные, с готовностью заявили желание быть учредителями союза. После обмена мыслей с харбинцами, нам пришлось констатировать следующий печальный факт. Правые газеты не имеют здесь никакого распространения, самой черносотенной считалось там «Русское слово»; естественно, что под влиянием потоков грязи, которые выливаются на монархические союзы левыми газетами, мнение об этом союзе было у харбинцев самое превратное, т. е. на союзников смотрели так, как их описывали жидовские газеты: союзник в опорках, с дубиной в руках, с синяком под глазом и обязательно пьяный. Вот так обыватели рисовали по газетам в своем воображении союзника. Словом, союз так был дискредитирован, что мы решили открыть союз имени Михаила архангела, как организацию, еще не подвергшуюся всевозможным обвинениям и обливаниям грязью, причем не скрою, что в Сибири имя основателя союза Михаила архангела, В. М. Пуришкевича, популярно.

На торжество открытия приглашены и все начальствующие лица города Харбина (которые не сочли долгом явиться), а, кроме того, до 500 человек русских людей. Собрание предполагалось в помещении местного клуба железной дороги, разрешение на занятие которого мною было получено лично от генерала Афанасьева и князя Хилкова. Однако, за два часа до собрания, полицеймейстер Черноглазов объявил нам, что старшины клуба не разрешают нам воспользоваться упомянутым помещением. В виду

этого спешно пришлось хлопотать о предоставлении нам помещения соборной канцелярии, где, несмотря на тесноту, и состоялось открытие. Торжество открылось молебном, окончилось гимном, по просьбе общего собрания была послана телеграмма государю императору.

Итак, несмотря на весьма многие препятствия, отдел нам удалось открыть блестяще, хотя г. полицмейстер очень просил меня повременить и отложить открытие отдела союза.

Из Харбина мы отправились прямо во Владивосток, где должны были ожидать приезда о. протоиерея И. И. Восторгова. На этот раз в дороге с нами случилось приключение. 15 апреля на станции Пограничная Китайско-восточной железной дороги у нас отобрали литературу, которую мы везли для раздачи среди населения Сибири. Невзирая на то, что наша литература цензурная и патриотическая, она подвергалась со стороны таможенных чиновников не только подробному и тщательному осмотру, но даже и насмешкам, что меня крайне взбесило, вследствие чего пришлось с таможенными чиновниками, преимущественно поляками, выдержать серьезные пререкания, но, увы, сделать ничего было нельзя, и пришлось подчиняться их несуразным постановлениям, а именно согласиться с тем, что всю нашу литературу мы вынуждены были оставить для того, чтобы она зачем-то была препровождена во владивостокский цензурный комитет, где ее сильно задержали выдать, и мы были словно без рук, без литературы. Были в дороге и еще приключения.

Не доезжая 12-ти верст до Владивостока, согласно распоряжению о. прот. И. Восторгова, мы сошли на станции Седанка и явились к высокопреосвященнейшему Евсевию, архиепископу владивостокскому и камчатскому, которому мы с ближайшей станции дали о нашем приезде телеграмму, вследствие которой нас на станции уже дожидались присланные владыкою люди. Владыко принял нас (это было 25 апреля) чрезвычайно радушно и любезно, накормил обедом, но о прот. Восторгове ничего так и не узнали. Вечером в тот же день мы, вместе с секретарем владыки г. Корсунским и секретарем духовной консистории Владивостока г. Поляновским, отправились во Владивосток на квартиру владыки, которую он нам любезно предоставил в полное наше распоряжение до приезда прот. И. Восторгова. Приехав во Владивосток, мы были поражены тем обстоятельством, что все административные должности в учреждениях, как городских, судебных и портовых, высшие и низшие, оказались занятыми почти исключительно инородцами, в особенности поляками. Люди эти и по душе с антирусским направлением. Отрадным исключением был доблестный комендант крепости Ирман (православный). Вот их список: Унтерберг, Флуг, Ольшевский, Еггерман, Кизельман, Жигалковский, Лашкевич, Рех, Кашбек, Таутс, Лейдинг; суд: Шульц, Гудзевич, Массюкевич, Дульский, Степковский

(этого вытурили с юга России, а там он ныне товарищем прокурора, а на днях назначен в Иркутск замещать должность старшего товарища прокурора), Деаковский, Крусберг, Кассе (судья), Янкелевич, Нейман, Бунге и Буккер. Хороша компания...

Желая привлечь к организации отдела рабочих, я отправился в порт, и там моим глазам представилась следующая, потрясающая, печальная картина. До 3 тысяч русских безработных рабочих прямо голодали, валяясь оборванными в грязных бараках на полу. А между тем, за несколько дней до нашего приезда, неоднократно посылались телеграммы в Петербург с сообщением, что за неимением русских рабочих были наняты китайцы, а Добровольный флот, созданный порывом русского патриотизма, но имеющий иностранную администрацию с кадетствующими взглядами, совершенно игнорировал русских рабочих, хотя, как официально сообщил начальник порта, эти рабочие требуют плату не дороже китайцев и просят только об одном, чтобы их уравнили в правах с последними. Каково!

Позвольте вам, господа, поведать о двух случаях из жизни гор. Владивостока. В 1908 году, в августе месяце, появилась некая г-жа Функе с двумя студентами-жидами, якобы для продажи альбомов русско-японской войны. Говорят, альбомы эти она продавала от 100 до 1 000 р. Г-жа эта имела открытый лист от генерала-губернатора о содействии ей в распродаже альбомов и выпросила казенное помещение в крепости себе и двум студентам, не имевшим ни малейшего права на жительство во Владивостоке.

Приамурский председатель союза русского народа, некий г. Мерцалов, узнав о проживавших в крепости двух евреев, заподозрил неладное и попросил начальника жандармского отделения обыскать этих господ. У них оказалась масса нелегальной литературы. Все были, разумеется, высланы.

Затем весь Дальний восток покрыт сетью магазинов фирмы «Кунст Альберст». Владелец этой фирмы Дошан имел торговое заведение в Порт-Артуре. И что же, наживши миллионы от русского правительства (подряды) и русского народа, Дошан, после сдачи Порт-Артура, один из первых явился приветствовать с победой японского генерала Ноги.

В одно прекрасное время появился знаменитый приказ по войскам генерала Унтерберга, в котором говорилось, что фирма «Кунст Альберст» (Дошан) оправдалась перед судом и что-де теперь можно опять покупать у этой фирмы «Кунст Альберст». Такой приказ, такая реклама и защита торговых интересов и непонятна и наводит на грустные размышления, ибо бойкот фирмы «Кунст Альберст» русскими офицерами был вызван его предательской политикой и естественным чувством оскорбленного патриотизма русского офицера: как ни странно, но факт налицо, что у этой фирмы «Кунст Альберст» оказалось среди служащих

Владивостока 38 молодых германских подданных, вызванных в Германию для отбывания воинской повинности, а остальные служащие конторы — японцы и корейцы.

Что же касается самого генерала Унтерберга, то не знаю, насколько это верно, пришлось слышать любопытный казус из его семейной жизни. Сын его женился на русской девушке. И вот рассерженный отец принял сына, а невестку — нет, она ждала мужа в коридоре. Оскорбленная таким приемом, молодая женщина отравилась, а сын генерала Унтерберга, придя домой, застрелился. Общий голос Приамурья: «У нас есть великий германский обер-шпион». В этом-то злополучном городе Владивостоке нам пришлось работать, на каждом шагу видя одни препятствия и помехи со стороны представителей власти. Над описанием этого города вынужден остановиться и обратить ваше внимание на то, что творится в этом очаге революции, очаге измены и шпионства, издевательства над всем русским, продажи и грабительства, что прямо можно описать словами псалмопевца: «Сие море великое пространное, в нем же гади несть числа». Здесь вы увидите, рядом с православным собором, строится языческая кумирня, а когда ее закладывали, то вы представить себе не можете, как торжественно и с какой помпой присутствовали почти все высшие чины Владивостока, генералитет и консулы; точно так же как у вас, господа, закладывали в С.-Петербурге мусульманскую мечеть, вспомните, кого только не было на этом торжестве мусульман: и члены Государственного совета и Государственной думы, чины дипломатического корпуса; я бы желал, господа, чтобы вы посмотрели, как освящалась православная церковь 17 марта в С.-Петербурге, за Невской заставой, в Палевских местах, где до 20-ти тысяч жило рабочего люда без храма; здесь бы вы не увидели ни генералов, ни сановников, ни членов думы; на такие торжества христиан обыкновенно присылают захудалого околоточного, да городского в рваной шинели. Вот как создается озлобление, оскорбление религиозного чувства христиан, такими потворствами иноверцам и совершенным игнорированием событий у православных христиан, истинных строителей державы Российской. После этого можно ли удивляться тому, что на Уссурийской железной дороге существует распоряжение, по которому православные священники по делам церковных треб едут в вагонах 3-го класса, зато ксендзы катаются в первом классе. Затем мне пришлось услышать из уст одного заслуженного, с медалями на груди, купца племени гольдов такую печальную историю: во время всероссийского мятежа, когда смута широкою волною разлилась по лицу Русской земли, во время русско-японской войны, наши освободители агитировали среди племени гольдов и старшине гольдов, Ионенко, предлагали под угрозами, чтобы он объявил себя под протекторатом Японии, но старшина Ионенко был верен долгу и присяге, данной рус-

скому царю, и, конечно, отверг это позорное предложение. Что же вы думаете, как его за это отблагодарили наши представители министерства юстиции, этого «ока царева?». По каким-то неизвестным и сомнительным причинам его спустя полгода привлекают к судебной ответственности по какому-то невероятному преступлению, и полтора года мучили судом, и, наконец, только перед нашим приездом он был оправдан судом за недоказанность преступления. Да и что можно ожидать от этих Нимандров, Гудзевичей, Степковских, Дульских и т. п.?

Когда приходится русскому человеку бегать от этих хранителей правосудия, как Христу от Ирода, когда, вы видите, как бы нарочито гоняют людей на Дальний восток, с явно враждебными тенденциями ко всему русскому, когда назначают на высшие должности как бы на-смех разных Флугов и Жигалковских! Вот где наши несчастья, наша грозная беда; погибнет Россия, если наше правительство не очистит наш больной организм государства Российского от этой накипи, от этого разрушительного микроба. Пошлите туда строителей России, а не разрушителей, — история не простит это нашему правительству.

Первым, к кому мы обратились, это был священник кафедрального собора, о. Владимир Давыдов, который отнесся к нашей идее со всею душою и заявил, что он и сам давно мечтает об открытии отдела, но всё никак не может решиться рискнуть приступить к столь щекотливому делу. Мало-по-малу, при помощи о. Владимира, нашли людей, мы устроили совещание в присутствии тридцати восьми людей. Но это совещание, благодаря бестактным действиям г-на Поляновского, секретаря консистории, было сорвано; сорвано было также и второе совещание, после чего я решил действовать уже помимо его и созвал новое совещание, не пригласив виновника несостоявшихся первых двух, и решил уже окончательно наметить лиц для составления совета и открыть отдел. Всё это удалось мне сделать блестящим образом. Состоялось собрание, намечены и избраны были лица для образования совета, и постановлено было устроить общее собрание 1 мая, как в день пролетарского праздника, и мы нарочно избрали этот день для собрания, чтобы таким образом парализовать всякое движение революционного характера со стороны местных рабочих, среди которых товарищи деятельно «работали» и готовились к этому делу. И на общем собрании было до 800 человек, записалось на первый день 200 человек, собрано для отдела денег 800 рублей. Причем первые два собрания г-н генерал Флуг не разрешал нам устроить во Владивостоке, почему мы и ограничились только одним. Прямо руки опускаются, когда на каждом шагу препятствуют русскому делу только власти. Наши речи, как удавшиеся в своем содержании и страстности, в сильной степени подняли дух в русских жителях Владивостока и заставили их сердца биться высоким патриотическим духом... Сильное

впечатление имели речи председателя новоорганизовавшегося отдела, о. Владимира Давыдова, и диакона В. А. Островидова, который особенно воодушевил собрание пением арии из оперы «Жизнь за царя». Это пение произвело целую бурю восторга и радости среди собравшихся. Зало буквально дрогнуло от рукоплесканий и радостных кликов: «ура, браво, бис».

Следует сказать, что В. А. Островидов обладал чудным баритоном и к тому же он был оперным артистом в течение 17-ти лет и пользовался громкой славой и известностью, как талантливый артист, и ушел только потому, что оперу загрязнили «иерусалимскими дворянами из жидов». Послали телеграмму государю и П. А. Столыпину о бедственном положении русских рабочих, и, к нашей радости, спустя несколько дней 300 рабочих получили работу.

Дня через три после этого мы отправились в город Никольск-Уссурийский, где нас чрезвычайно радушно принял известный протоиерей отец Павел Мичурин. При помощи его мы также открыли довольно удачно никольский отдел союза Михаила архангела. Ободренные удачею открытия отдела в Никольске-Уссурийском, мы спешно направились в посады Спасское и Иманы. Нужно сказать, что каждое из этих сел представляет из себя хороший уездный город, с населением в несколько десятков тысяч, и имеет прекраснейшие каменные постройки.

Народ в этих селах оказался благочестивый и патриотичный. Приняли нас радушно, и в посаде Спасском мы открыли отдел без приключения. Но в Имане с нами произошел весьма любопытный казус.

Французская пословица говорит: «В каждом преступлении ищи женщину», а у нас следует сказать: «В каждом преступлении ищи жида». В посаде Иманы, в первый день нашего приезда, в два часа ночи, к нам в номер ворвался околоточный Сиверин с солдатом Ромашкиным, произвел обыск, потребовал от нас документы и накинулся на нас с следующими угрозами: «Зачем вы сюда приехали? Я знаю, вы приехали открывать здесь какие-то союзы. Не дам я вам открыть никакого союза».

Когда на второй день я телеграфировал о подобной возмутительной выходке представителя полиции губернатору Флугу и г-ну министру внутренних дел, то этот околоточный Сиверин, в присутствии начальника участка г-на Февралева, извиняясь перед мною, заявил, что два проживающих в Имане жиды: Апенянский, крещеный в лютеранство, и Михалевский, настоящий еврей, который, как оказалось, даже не имел права проживать, подпоили и подучили его произвести у нас обыск, дабы я, испугавшись, уехал и не открывал этого страшного союза. Но, к несчастью этих господ, союз в посаде Иманы был открыт весьма торжественно в местной обширной школе. Вот и вспомнишь слово Лютера: «Знай, христианин, что у тебя после дьявола есть еще враг — это жид».

Наконец, 14 мая приехал и давно ожидаемый протоиерей И. Восторгов, вернувшись из поездки из Японии, Китая и Кореи. Радости нашей не было границ, ибо, ожидая его приезда, мы буквально должны были голодать, поизрасходовав бывшие при мне средства.

Из Владивостока о. протоиерей уехал в то время, когда мы были в посаде Иманы и селах Графском и Спасском, откуда и мы отправились к отцу протоиерею Восторгову в Хабаровск, где предполагалось открыть отдел. Приехав в Хабаровск, на станции нас дождался солдат, который и объявил нам, что нас ожидает на пароходе о. Восторгов и требует, чтобы немедленно ехали к нему, что мы и исполнили. Мучительный переезд был от станции железной дороги до паровой пристани на Амуре: лил сильный дождь и была ужасная грязь.

Наконец, сели мы на пароход «Граф Витте», пароход быстрый, большой, снаружи красивый, а внутри мерзость и запустение; весь по образу и подобию графа Полусахалинского, — подумал я. Какая злая ирония! То граф Витте ехал на русском народе, а теперь Восторгов с Орловым едут на графе Витте. Первая остановка по Амуру была в гор. Благовещенске, где, при небывало торжественной обстановке, был открыт отдел союза Михаила архангела. Во время собрания в антрактах играл оркестр военной музыки. Не следует забывать, что это тот самый Благовещенск, где гимназисты 7-го класса рисовали в непотребном месте (клозете) иконостас с местными иконами, в классе же на иконе рисовали чорта. А когда это преступление было открыто доблестным священником Михайльченком, то на 8-й день он был убит вместе с женою, и, как говорят, преступник до сих пор не найден. Почти всё духовенство Благовещенска, за малым исключением, левого направления, половина города молокане, и, вообще, сибирские епархии переполнены сектантами, а между тем святейший синод как будто бы нарочно посылает туда одряхлевших от старости архиереев. Есть епархии, где архиереи в течение 14-ти лет не посещают своей епархии. Что могут сделать, например, такие архиереи, как Макарий в Томске, где было совершено зверское преступление — убийство двумя учениками церковной школы выдающегося и даровитого проповедника, архимандрита Игнатия, что могут сделать такие, как Евфимий в Красноярске и Владимир в Благовещенске? Ведь не даром говорят, что кто-то из русских спросил татарина, что такое мощи, и татарин смело сказал: «Мощи — сушеный архиерей». Поистине это так и есть в Сибири.

Теперь позвольте описать вам доблестную личность председателя благовещенского отдела, священника Тронина. Тронин — брат того выдающегося борца, которого в дни смуты и мятежа убили в городе Иркутске; причем прежде, чем убить, его сильно истязали: отрезали нос, уши, выкололи глаза, четыре дня морили

голодом в какой-то пещере, затем убили; этот мученик Тронин был выдающийся оратор, который в Иркутске собирал вокруг себя тысячи народа и прямо убивал всякую деятельность революционеров. И брат его—такой же смелый борец и даровитый оратор, и вот почему все союзники остановились на выборе председателем Тронина; я сказал, что хорошо иметь такого председателя, брат которого мученически пострадал за родину, и что благословение мученика Тронина всегда будет почивать над вашим отделом. Нелишним считаю также присовокупить, что мне пришлось быть очень осторожным в выборе членов в Благовещенске, ибо много было лиц, пожелавших записаться в союз, из ссыльных-уголовных, отбывших срок наказания и получивших полные гражданские права, ибо я приемом в союз этих лиц не желал давать пищи жидовским писакам, что я-де набираю в союз разных преступников и что хорошие люди не идут в союз, хотя эти люди по 25 лет живут, после отбытия ссылки, и люди, которые имеют миллионное состояние, но я всё-таки отклонил их желание принять в союз, а просил без записи в члены помогать этому святому делу, раз они сочувствуют союзу.

Невольно приходит на ум печальная дума: в Благовещенске преступники-убийцы священника не найдены, а кто их искал, да и стоит ли искать их, ведь это не Иоллос и не Герценштейн? Где вы, противники смертных казней, где наши гуманисты, взывающие к общественному мнению Европы, жалуясь на притеснения жидов русским правительством? Почему вы молчите, когда Япония ежедневно убивает до четырехсот корейцев в сутки? Вы плакали, когда шах Персии казнил какого-нибудь изменника. Когда патриоты хоронят убитого из-за угла городского, то говорят, что черносотенцы опричника хоронят; когда хоронили в Москве жида Иоллоса и в это время шел дождик, то они и природу готовы повернуть в свою сторону и говорили, что само небо плакало о такой потере: да, действительно, небо плакало тогда, что мы хоронили только двух жидов за всё освободительное движение, а у нас их осталось еще 7 миллионов. Есть о чем действительно поплакать русскому народу. А вот скажите, где убийцы 23 тысяч верных и честных сынов России, павших за любовь к царю и родине, где эти темные изуверы? Их нет, они не найдены, их не искали, а сколько разбитых жизней и сердец, море слез, реки крови, кто осушит эти слезы жен, детей, отцов и матерей убитых! Никто из освободителей не поднял голоса возмущения и негодования на эти ежедневные убийства из-за угла. И вот в городе Благовещенске, к радости всех русских людей, открыт был отдел союза. На собрании было около 1 000 человек, а после собрания вся эта огромная масса народа проводила нас на пароход с пением гимна и криком «ура».

Из Благовещенска мы отправились в г. Сретенск. По дороге в Сретенск мы устроили диспут с одним ехавшим с нами созна-

тельным студентом и курсисткою и после двух дневной беседы мы так пассажиров наэлектризовали и доказали шарлатанство и мошеннические подвиги этих двух гастролеров, что из массы пассажиров посыпались голоса: «В воду этих агитаторов, они еще раздают какие-то прокламации». Студент и курсистка видят, дело плохо, дали тягу и заперлись в отдельном купе.

Перед самым нашим приездом в Сретенске был открыт склад 25 бомб, убит помощник атамана, и, невзирая на всё это, в городе Сретенске мы в два дня открыли отдел. Председателем избран ст. сов. А. А. Каменский, даровитый оратор, образованный человек. После торжества открытия мы отправились на переселенческий пункт, где скопилось до 6-ти тысяч переселенцев. Отец протоиерей, на открытом воздухе, на площади, отслужил молебен переселенцам; нужно было видеть, какая была умилительная картина и с каким благоговением переселенцы взирали на отца протоиерея, совершавшего богослужение в митре. Во время молебна он сказал им проповедь на тему: «Зачем вы идете в Сибирь и что с собою несете?» Проповедь длилась около часу, и у многих из переселенцев были на глазах слезы. По окончании молебна мною было роздано переселенцам более 2-х тысяч книг издания «Верность» и три ящика литературы из союза Михаила архангела, и по окончании молебна эта многотысячная толпа пропела гимн «Боже, царя храни». Восторгов пошел в бараки навестить больных переселенцев, и, невзирая на предупреждения врачей, он посетил все бараки — и с заразными болезнями.

Больные очень были тронуты вниманием о. Восторгова. Сретенск кишит шпионами, и один жандармский офицер говорил мне: «Мы знаем, что здесь масса шпионов, но что же мы можем сделать, когда, например, недавно я получил приказ оказать свое содействие полковнику генерального штаба японской армии, который посетил Сретенск, и, лишь только появился этот обершпион Японии, как к нему потянулись все живущие в Сретенске японцы. Кроме того, все прачешные и парикмахерские принадлежат в большинстве случаев японцам, которые открыто говорили о приезде настоящего японского шпиона, как своего начальника, и что после его посещения русских городов Япония будет осведомлена о стратегическом положении последних». К довершению большего, на постройках Амурской железной дороги имеются японцы-содержатели многочисленных кафе-штанов, разбросанных тонкою сетью на побережье Амура. Эти кафе-притоны были в минувшую войну содержимы японцами с той лишь разницей, что приказчиками и воротилами в этих департаментах шпионажа Японии были наши паразиты жида, оказавшие японцам много услуг, что отражалось и во внутренних городах России актами торжественных жидовских балов после каждой нашей потери и выигрыша Японии. Познакомившись на месте и от бывших участников этой неудачной войны, мне

пришлось узнать в детальности те действия, посредством которых для японцев жидкам пришлось наживать агитгешефт (хороший заработок) и оказывать несомненную услугу внешним врагам России, а именно: прибывающие для пополнения выбывших из строя офицеров новые силы офицеров, совершенно чистых и преданных родине, оставаясь в резерве до назначения в соответствующую часть, нередко встретясь с выбывшими уже или сотоварищами, зная при этом, что не-сегодня-завтра придется вступить в ряды боевых позиций, идут поужинать в какой-нибудь из более чистеньких харбинских шато, и тут-то вот производится им полный осмотр, начиная с обшаривания карманов, опаивания сильно одуряющими напитками и затем ловкого снятия по извлечении имеющихся при себе бумаг копий, — подлинники, конечно, водворялись обратно и как бы ни в чем не бывало. Вот вам пример недалекого прошлого, а теперь эти шантаны имеют целью обирать наших инженеров, состоящих на постройках Амурской железной дороги.

Беседа в Сретенске с жандармским офицером сильно нас опечалила: на самом деле, до чего доведет нас наша сантиментальность, наше лакейство перед японским макакой! Мы сами разрушим то, что создавалось сотнями лет нашими героями Сибири, а ведь вся Сибирь правая: как нас всюду встречали радушно, особенно выделялась самая высшая интеллигенция! Сибирь по отношению к ссыльным политического происхождения относится пренебрежительно и смотрит на них как на тунейдцев, вообще как чорт на попа.

И в Сретенске, на этой далекой окраине Сибири, имя славного основателя союза Михаила архангела весьма популярно и эта организация им хорошо известна, а простодушные оо. иереи говорили: «Мы пойдем безбоязненно в этот союз»; а когда я спросил, почему, — они все в голос говорят, что он носит название церковное, а потому, хотя иной владыка может не особенно расположен к союзу, но сказать, а тем более преследовать не решится. Очень все ценят живую, кипучую, даровитую деятельность В. М. Пуришкевича и его прямое смелое слово высоко ценят в далекой Сибири. Опишу интересный случай на станции Сретенск: толпа переселенцев, среди них один почтовый чиновник и какой-то простой монах. Чиновник говорит о забастовке, но тут его перебивает монах и зычным басом спрашивает, почему бастовали чиновники. Чиновник отвечает, что-де потому бастовали, что нам запрещали митинги; ведь без них нельзя, и когда спросил его монах, почему, он отвечает: «Как же, ну вот придется, например, выбирать царя, ведь у нас тоже есть умные почтовые чиновники, как же мы можем выбирать, коли не велят». Монах спокойно отвечает: «Так значит у нас царь-то батюшка будет из почтовых чиновников». Раздался неимоверный хохот и брань по адресу почтового чиновника, и последний, видя, что дело приняло

скверный оборот, удрал. Это наши сознательные забастовщики, зрелый народ, как их величают жидовские писаки.

Покончив со Сретенском, мы перебрались в гор. Читу, в знаменитую Читинскую республику. Обилие поляков на ст. Чита нас прямо поразило, — польская мятежная речь всюду, точно мы приехали в Польское королевство. Так как здесь отдел уже был под председательством местного протоиерея Кузнецова, то нам пришлось только устроить общие собрания и ободрять совсем забитых союзников, ибо и здесь снова волокита по полиции и снова препятствия: сначала отказали в собрании за несоблюдением срока подачи прошения о собрании (за три дня), а затем потому, что я не указал, кто такой Слепов и его звание и откуда кто и т. д. Прямо руки опускаются от этой волокиты и от этих препятствий - придинок. Свободно можно в Сибири собираться только социал-демократам и социал-революционерам. Свободно можно шпионить японцам, снимать планы, жить жидам, где им запрещено, и всё это после мятежей, республик и восстаний в Сибири. Невзирая на все препятствия, общее собрание прошло весьма торжественно, приподняло дух союзников, и полною грудью на всю Читу прогремел гимн наш народный и громкое «ура». Но как бесились газеты Читы, — их было 4 газеты и все одна другой левее, а правых ни одной газеты. Какие только клеветы и инсинуации не сочиняли на меня, «штаб Восторгова»; просто волос станет дыбом у незнакомого человека после чтения их статей.

Из Читы направились в Верхнеудинск и здесь устроили собрание для местных членов Союза русского народа и Русского собрания. Знаменитая станция: все служащие поляки, один немец и два человека только русских. В городе два магазина русских, остальные — жидовские.

Так согреем же мы Сибирь нашим патриотизмом; уже теперь нет в Сибири людей, не понявших своей исторической задачи; не удалось нашим революционерам укрепить нелепые мечты о сепаратизме сибирских окраин, там не погасла свеча патриотизма и любви к родине. Нашему правительству надлежит оградить эту благотворную реку монархического движения, начинающую орошать Сибирь. Пусть правительство твердо решит очистить наголо Сибирь от инородцев, особенно жидов; пусть не обращает внимания на лай левой печати, ставя интересы государства выше интересов отдельных лиц и наемной печати, и теперь с отрадою на душе мы можем ответить Милюкову, сказавшему, что социал-демократы коуют гроб для России: ошибся, лидер кадет! Наши черносотенные союзы вырыли могилу в Сибири освободительному движению, а на ваши угрозы и всех вас русский народ смотрит как на игрушку из папье-маше, с граммофоном в голове и животе. Теперь вам не удастся обманывать народ, морочить его и толкать на преступления, ибо наши союзы день и ночь стоят у горнила и заковывают крамолу.

Нашим инородцам мы скажем, чтобы они прежде помнили о своих обязанностях, а потом уже о правах: инородцам мы смело и открыто можем сказать, что мы вынесли на своих плечах всю историческую тяготу государственной жизни России, мы, русские люди, одни выпили чашу истории России, наполненную одною скорбью, печалью, воплями, стонами и слезами, наполненную одними войнами, нашествиями, грабежами и угнетениями, всё это переносит лишь один русский народ. Вас не было и вы не испивали этой скорбной чаши; вас, господа инородцы, не было ни в Куликову битву, ни в 1812 году, в севастопольскую кампанию, ни в русско-турецкую войну. А в печальной памяти русско-японскую войну вы играли позорную роль против России, и, когда русский мужик с топором в руках, среди дремучих лесов, непроходимых дебрей, в бурю и метель, созидал державу Российскую, когда этот страстотерпец, русский мужичок, строил маленькую избушку — Россию, — не было тогда инородцев, не было тогда и жидов, а когда русские люди создали могучую империю из такого, когда-то маленького государства, все эти гг. инородцы стали требовать себе равноправия, автономии и т. п. Нет, милостивые государи, хозяин Русской земли — русский народ, а вы гости, и мы вас не обижаем, но держим, пока вы прилично себя ведете; если же вы будете продолжать предательства и измену, скажем вам: «Вон из России».

Я кончаю свой простой доклад, но скажу, что монархическое движение в Сибири в стадии развития с великою будущностью.

Товарищ председателя главн. сов. москов. СРН, председатель марьинского отдела московского союза русского народа В. Орлов.

*(Найдено при обыске в 1917 г. в бумагах
б. тов. мин. вн. дел Курлова.)*

ПИСЬМО РЕДАКТОРА «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» Л. А. ТИХОМИРОВА К Н. В. ПЛЕВЕ, ОТ 1 НОЯБРЯ 1913 Г.

Многоуважаемый Николай Вячеславович!

Пока происходил процесс Бейлиса, наша публика кричала на все лады, что и свойственно публике, хотя давление на суд и не может считаться нормальным. Но что касается серьезных людей, то им подобало ждать решения суда, избегая всякого вида давления. Но зато, когда кончился суд, им же подобает говорить и действовать сообразно смыслу происшедших событий.

Я именно так и делаю, обращая теперь внимание серьезных же людей на необходимость прямого и специального правительственного расследования вопроса о ритуальных убийствах.

Хотя вы читаете «Московские ведомости», однако прилагаю вырезку из № 252 своей (еще она моя на два месяца) газеты об этом предмете.

Быть может, сочтете как-нибудь удобным обратить на это вни-

мание еще кого-нибудь. На этот случай — скажите, и я вышлю сколько угодно этих №№, повторяющих более подробно то, что я заявил немедленно по произнесении приговора.

Если бы спросили меня, я бы предложил организовать для этого особый комитет (постоянный) при совете министров. В члены пригласил бы Пранайтиса, от духовного ведомства — Сковрцова, из своих — начальству лучше знать. Может быть, недурен бы был «сенатор» Чаплинский (если только он выдворяется в сенаторы). Мне кажется, что комитет должен бы следить за всеми подозрительными случаями и иметь полномочия призывать содействие полиции, делать обыски и выемки и т. д. Но и до подозрительных случаев он бы должен был произвести расследование убийства Ющинского, а также подробнее опросить на первый раз цадиков о том, что у них вообще делается. Думаю, что комитет мог бы не без пользы сделать справки в антимасонской французской лиге, которой председатель Бренье еще недавно в своей книжке выражал убеждение в существовании ритуальных убийств. Вообще работы для комитета нашлось бы очень много в первый же момент.

Вероятно не скоро я могу надеяться на удовольствие видеть вас. До конца года занят ликвидацией, да и начало 1914 года будет посвящено тому же. Дальше не знаю, что буду делать, но для езды в Спб. надобности не предвидится. Полагаю ликвидировать и свою службу (я всё остаюсь пока причисленным к м.в.д.), ибо без действительной службы и без газеты это не имеет ни малейшего смысла. Но подать в отставку я могу и из Москвы. Так что не знаю причин, которые могли бы меня вызвать в Спб.

Но что только делают с этими несчастными «Московскими ведомостями»! До сих пор не могут никого назначить, даже висят угрозы назначения прямо ужасного.

Всего наилучшего, истинно уважающий Л. Тихомиров.

*(Найдено при обыске в 1917 г. в квартире
Н. В. Плехе.)*

МЕЖДОУСОБИЦА 1913 ГОДА

ПИСЬМО В. М. ПУРИШКЕВИЧА С. П. БЕЛЕЦКОМУ ОТ 30 ОКТЯБРЯ
1913 Г.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Степан Петрович!

20 октября открыт в Москве отдел русского народного союза имени Михаила архангела железнодорожных служащих московского узла (6 дорог), который сейчас уже насчитывает в своих рядах до 600 человек.

Я до сего времени не принимал участия в жизни московских монархических организаций, за исключением случаев, когда приезжал в Москву для чтения докладов, ожидая, что таковые, во главе с протоиереем Восторговым, что-либо сами сделают; но, когда в IV Государственную думу Москва снова дала левых и когда я увидел, что она с каждым днем левеет, а низы революционизируются, железные дороги грозят повторением забастовок, и когда, с уходом протоиерея Восторгова, на его место выбран был человек, совершенно неизвестный по своей политической деятельности и не могущий иметь должного, в качестве председателя русского монархического союза, авторитета, я решился, наконец, союзное монархическое дело в Москве более или менее взять в свои руки и с этою целью открыл отдел своего союза, с твердой уверенностью, что отдел этот, разрастаясь без всяких препятствий, при благожелательном к нему отношении со стороны местной администрации, не только сам по себе будет делать свое полезнейшее дело и выполнять свою государственную в нужное время задачу, но деятельностью этою побудит на деловой почве к благородному и полезному соревнованию и все остальные московские монархические организации.

Естественно, что я ждал и жду чрезвычайно благожелательного содействия и покровительства вновь открытому мною отделу со стороны всех представителей административной власти в Москве, но, к сожалению, однако, с первых же дней существования отдела в Москве, начинают замечаться весьма вредные для дела недоброжелательства и интриги против главнейшего организатора этого отдела, давно известного с наилучшей стороны в качестве монархического деятеля, В. Г. Орлова, к которому даже покойный П. А. Столыпин, весьма несклонный покровительствовать крайним правым деятелям, питал достаточное доверие и уважение, а равным образом к нему так же относился и С. Е. Крыжановский.

Не стану подробно перечислять всех заслуг на поприще монархической деятельности В. Г. Орлова, ибо его заслуги достаточно известны, но не могу не выразить крайнего сожаления, что некоторые интриги и инсинуации по адресу Орлова, не только левых или завидующих его успешной деятельности правых, но даже со стороны московского градоначальства, имеют свой вредный успех и несомненно могут помешать полезному развитию деятельности союза Михаила архангела в Москве и, по моему глубокому убеждению, незаслуженно компрометировать пред министром внутренних дел Орлова.

Будучи хорошо осведомлен о характере деятельности Орлова в последних событиях забастовок в Москве, когда он особенно проявил свою деятельность на железных дорогах в противовес левым, я покорно прошу доложить о сем его высокопревосходительству, господину министру внутренних дел, и усердно прошу, не найдет ли он возможным лично принять Орлова, дабы убедиться в несправедливости и в беспочвенности возводимых на Орлова упреков и инсинуаций со стороны отдельных лиц и учреждений. Орловых, правых, честных демагогов, в России единицы, и не нам их давить, в особенности в виду, как я сказал, попыток со стороны левых вновь поднять в России революционную волну на низах и в среднем классе.

Глубоко вас уважающий Владимир Пуришкевич.

(Дело департамента полиции, особого отдела, 1908 г., № 458, лл. 84 и 85.)

ПИСЬМО В. Г. ОРЛОВА ТОВАРИЩУ МИН. ВН. ДЕЛ В. Ф. ДЖУН-КОВСКОМУ ОТ 30 НОЯБРЯ 1913 Г.

Вашему превосходительству, как и другим высокопоставленным лицам, без сомнения, уже давно представлено постановление собрания совета членов-учредителей русского монархического союза от 14 ноября т. г. Со своей стороны, я считаю обязанностью и своим неотъемлемым правом дать вам по этому поводу надлежащие объяснения и осветить правдивую и действительную картину последних событий из жизни союза, создавших на почве личных счетов и интриг невозможную атмосферу раскола и смуты среди членов союза и завершившихся вышеупомянутым постановлением от 14 ноября.

Прежде всего, я позволяю почтительнейше обратить внимание вашего превосходительства на существенную неправильность, допущенную в этом постановлении с формальной стороны: в числе лиц, подписавших постановление, значатся: А. Афанасьев, Н. Н. Степанов и А. Я. Киселев, между тем, как видно из прилагаемых при сем заявлений этих лиц, Афанасьев не только не подписывал постановления, но даже и не участвовал в обсуждении вопроса об исключении, демонстративно покинув до этого

зал заседания. Что же касается Степанова и Киселева, то оба они протестовали против предложенных прот. Восторговым и Томилиным репрессивных мер, причем Степанов просил занести его протест в протокол, и оба они постановления не подписали. Наличие этих трех, не существующих в действительности, подписей, квалифицируемая по нашим законам как подлог, сама по себе служит красноречивым доказательством того, к каким недозволенным, чтобы не сказать — преступным, приемам приходится прибегать моим недоброжелателям, чтобы добиться признания своей более чем сомнительной правоты. Вместе с тем, применение таких приемов не может не отразиться на характеристике их образа действий и не дать права для более или менее основательных предположений относительно достоверности содержания этого печального акта. Но изложенным нарушением далеко не исчерпываются признаки незаконности постановления; их был целый ряд, и каждый из них сам по себе является достаточным основанием для непризнания постановления законным: прежде всего, на пригласительных повестках не были указаны назначенные к обсуждению вопросы; затем, среди явившихся на собрание 22 учредителей (из 55) был и прот. Восторгов, не имевший ни формального, — как официально заявивший о своем уходе из совета союза, ни нравственного, — после своего отречения от правых и публичного оповещения (в № 222 «Голоса Москвы») о своем «разочаровании в деятельности правых», — права присутствовать, а тем более голосовать на собрании учредителей, на которое рядовые члены союза, каковым прот. Восторгов стал после своего отказа, входа не имеют. Третьим нарушением было — отсутствие необходимого кворума для баллотировки, определяемого уставом в $\frac{1}{3}$ общего числа всех учредителей, т. е., в данном случае, наличием 18 человек. Между тем, после того, как прот. Восторгов, не ожидавший моего приезда из Петербурга и появления на собрании (мне повестка не была послана), самоуправно удалил из собрания, с очевидною целью уменьшить число моих сторонников, председателя отдела курских мастерских Гришина за то, что он, возражая ген. Бутурлину, текстуально сказал нижеследующее: «Зря вы, г. генерал, говорите, это нехорошо», и я, видя такое насилие и предвидя его последствия, немедленно покинул собрание совместно с 5-ю другими, находившимися на собрании учредителями, — наличный состав собрания, даже считая неправильно участвовавшего в нем прот. Восторгова, оказался в незаконном для каких бы то ни было постановлений числе — 16 человек. Это существенное нарушение устава, коим окончательно уничтожалась законность вынесенного постановления, было, повидимому, своевременно учтено руководителями собрания, сделавшими наивную попытку восполнить его имеющейся на протоколе припиской: «К сему постановлению присоединились архим. Макарий (вышедший из со

става учредителей одновременно с прот. Восторговым) и Н. Н. Варжанский». Трудно предположить, чтобы лица, сколько-нибудь знакомые с уставом, не понимали, что даже «действительные» подписи учредителей, не принимавших участия в собрании, собранные на их квартирах, не будут иметь никакого значения при разрешении вопроса законности постановления, и только привычкой к незакономерным действиям и отсутствием должной разборчивости в выборе средств можно объяснить эту своеобразную выходку.

При такой же обстановке и таким же рядом неправильностей сопровождалось и постановление предшествовавшего (25 сентября) собрания, коим был избран председателем союза, вместо отказавшегося прот. Восторгова, отставной полковник Томилин. Точно так же не только присутствовал, но и руководил собранием не имеющий на то прав прот. Восторгов, поддерживаемый, тоже бесправным в этом деле, архим. Макарием, и оба они, вопреки уставу и закону, участвовали в баллотировке при выборах председателя союза и своими незаконными голосами решили участь выборов: полк. Томилин получил 9 голосов, а я — 7. Благодаря их же присутствию, создался и необходимый, хотя по существу и незаконный, состав (21 из 60 учредителей) собрания, скомбинированный из лиц желательных прот. Восторгову: нежелательные не получили пригласительных повесток и потому, естественно, и не явились на такое важное в жизни союза собрание. Это последнее обстоятельство, неполучение повесток о собрании, и было главной причиной всех волнений и нареканий со стороны самоуправно обойденных членов-учредителей, не приглашенных на собрание и потому, по воле прот. Восторгова, не участвовавших в избрании председателя. Это было началом распри и источником всех последующих печальных для нашего дела событий. Чтобы закончить характеристику незакономерности обоих постановлений с формальной стороны, я не могу не упомянуть еще об одном, очень рельефно обрисовывающем «технические» приемы руководителя собрания: очевидно, чтобы быть до конца последовательным и верным своим замыслам, прот. Восторгов, убедившись, что даже при всех его комбинациях я получил 7 избирательных голосов и потому непременно буду избран товарищем председателя, каковым я состоял в течение нескольких лет, самовольно снял из программы заседания вопрос об избрании товарища председателя.

Обращаясь к существу обоих, печальной памяти, постановлений, я вынужден, в целях самого широкого и всестороннего освещения вопроса, доложить вашему превосходительству ниже следующее.

После смерти В. А. Грингмута, в 1907 году, председателем русского монархического союза был избран прот. Восторгов, оставшийся в этой роли до настоящего года. В этот период времени

прежний устав изменялся три раза: в 1909, 1910 и 1911 гг., причем в 1911 году был введен новый § 47, дававший почти дискреционную власть председателю союза. В связи с изменением устава, изменялся и характер жизни и деятельности союза и его облик.

Властная натура прот. Восторгова и его, не всегда отвечающие целям и задачам союза, стремления скоро проявились в достаточно резкой форме: уезжая в продолжительные командировки (в Сибирь и на Урал), прот. Восторгов оставлял союз почти без всякого надзора и руководства; зато, во время пребывания в Москве, он управлял им и вершил все дела единолично, на правах самозванного диктатора, не считаясь с мнениями и пожеланиями членов-учредителей; устав не исполнялся, нарушался и произвольно — по желанию и усмотрению — толковался. Смельчаки, дерзавшие протестовать против такого образа действий, изгонялись беспощадно; таким образом были исключены в 1910 году: М. П. Лукин, один из видных монархических деятелей, Ив. Ив. Миролюбов, доктор Глаголев и Л. Н. Бобров, и по собственному почину вышли из союза, не желая мириться с создавшимся положением: д. с. с. И. А. Колесников, весьма полезный для союза благодаря громадным средствам, и известный деятель Н. Н. Озобишин. Как таяла численность членов-учредителей, вашепревосходительство можете наглядно убедиться из прилагаемого устава покойного В. А. Грингмута: из 235 учредителей ныне оказалось всего 55, из коих многие числятся таковыми только номинально. При переименовании союза (произведенного в целях отделения от главного совета (союза) русского народа) сначала в «московский союз», а затем, по инициативе прот. Восторгова, в «русский монархический союз», был момент, когда в союзе насчитывалось 60 чел. учредителей, но из этого числа вскоре некоторых, как напр. С. М. Козлова и И. Ф. Петрова, исключили как мешавших свободному, произвольному и бесконтрольному хозяйничанию и управлению делами союза. Эта система бесконтрольного управления особенно рельефно сказалась в деле расходования средств союза: прот. Восторгов даже и не пытался никогда дать хоть подобие отчета в расходах, и никто никогда не знал, какими средствами располагает союз и на что они тратились. Тем обидным, по числу собранных нами голосов при выборах, провалом правых кандидатов мы всецело обязаны его инертности и индифферентному отношению к делу, успев в Москве с ее миллионным населением собрать совместно с духовенством всего 1 000 голосов.

Только при уходе своем из совета, в текущем году, прот. Восторгов, когда обнаружилось не только полное отсутствие денег в кассе союза, но еще и долги, пояснил на собрании, что денег нет потому, что их никто не давал.

Вам, ваше превосходительство, конечно, известно, насколько

это заявление отвечает истине, и, если я позволю себе напомнить, что, при общих незначительных расходах на союз, даже в такое боевое время, как в период предвыборной кампании в IV Государственную думу, им было устроено только одно, да и то в бесплатном помещении епархиального дома, собрание, вам будет вполне понятен и характер расходования поступавших в его распоряжение сумм. Само собою разумеется, что такое положение дела не могло продолжаться до бесконечности и всё чаще и чаще стали раздаваться голоса недовольных и всё упорнее возникали и ширились в московском обществе самые нежелательные, дискредитирующие и роняющие былой престиж союза, слухи. Постепенно, но неизменно началась заметная убыль в рядах союзников и сторонников союза, совсем почти прекратился наплыв новых членов, и прежнее обаяние имени прот. Восторгова, с утратой доверия, было потеряно окончательно. Сильная и жизнеспособная организация начала влачить жалкое существование; на собраниях стали появляться только клеветы прот. Восторгова и самое незначительное число случайных посетителей — людей просто с улицы. Наступивший тяжелый момент в жизни союза был прекрасно учтен прот. Восторговым, успевшим уже добиться такого положения и таких знаков отличия, о которых священнику с семинарским только образованием можно было лишь мечтать. Не ожидая своего окончательного падения, он, совместно со своим ближайшим сотрудником, архим. Макарием, признал за благо отказаться от фактического участия в делах союза, и оба одновременно отказались от занимаемых ими должностей.

Преданные дорогому для них делу, идейные работники-ветераны союза возликовали, что узурпаторы, наконец, удалились от дела, примирившись даже с неподходящей формой отказа их. Но радость была преждевременна. Уход был театральный: только за кулисы. Прот. Восторгов, очевидно, и не собирался отказаться от дальнейшего вмешательства в дела союза и счел нужным изменить только внешнюю форму своего главенства. Для этой цели им был избран, при обстоятельствах, изложенных в начале настоящего доклада, подходящий для его намерений отст. полк. Томилин, человек ничем не зарекомендовавший себя и совсем неизвестный в Москве как монархический деятель. Появился он в Москве из Воронежа, всего только года полтора тому назад, и вскоре о нем стало известно, что он служил по интендантству, был под судом и, желая реабилитировать свои прошлые грешки, пристроился к союзу.

Чтобы вполне выяснить, насколько он был пригоден для самостоятельной и ответственной роли председателя союза, достаточно указать на то, что даже левая печать, не скупящаяся в словах и не стесняющаяся в самых резких нападках по адресу маломальски заметных монархических деятелей, не сочла его даже

достойным своей брани и ограничилась кратким выражением своей оценки, назвав его «бесцветным».

Вслед за этим первым шагом прот. Восторгов должен был сделать и второй: по причинам, слишком понятным, не мог он оставить в совете такого опасного, в его глазах, соперника вновь избранному председателю и противника его начинаниям, как я, при моей, всё же довольно значительной, популярности. Первоначальным его намерением, когда ропот по поводу неправильного и незаконного избрания нового председателя начал принимать угрожающие размеры, было исключить меня. Энергичное вмешательство такого видного и заслуженного монархического деятеля, как В. М. Пуришкевич, лишило его возможности привести свое намерение в исполнение. Не встретив необходимого сочувствия для такого решительного шага даже среди своих сторонников, присутствовавших в пресловутом заседании 14 ноября, прот. Восторгов, желая уменьшить число моих сторонников, уговаривал собрание, незаконно решившее этот вопрос, исключить, по заведомо ложным мотивам, таких могиканов союза, преданно работавших с 1905 года и перенесших много горя и преследований от революционеров, как представители отделов: Гришин, Юрасов и Афанасьев. По моему же адресу тем же незаконным (по числу состава) собранием было вынесено порицание. Главным мотивом применения ко мне этой меры было обвинение меня в том, что два года тому назад я был старшиною клуба, закрытого за допущение азартной игры, и что я получал от клуба значительные суммы на монархические организации, которые не передавал прот. Восторгову, злоупотребляя его именем. Провокаторское обвинение это было инсценировано двумя состоявшими при прот. Восторгове лицами: секретарем судившего мою деятельность собрания, И. М. Михайловым (он же Платов), и ставленником прот. Восторгова, бывшим редактором «Церковности», Б. Богдановичем: воспользовавшись моим отъездом из Москвы, они явились в клуб и пытались шантажом выманить от совета старшин деньги, угрожая помещением порочащих клуб в газете «Новое время» статей. Из них Богданович успел получить 100 руб. После моего возвращения они были изгнаны из клуба, и о поведении их был мною поставлен в известность и прот. Восторгов. В отместку мне, они старались убедить прот. Восторгова, что получаю, злоупотребляя его именем, из клуба большие суммы. Тогда же я разъяснил прот. Восторгову их клеветнический оговор и подтвердил свое разъяснение письменным сообщением совета старшин, удостоверившим, что я не только не злоупотреблял его именем, но даже не произносил его никогда в стенах клуба. Что же касается моего участия в клубе в качестве старшины, то об этом было известно покойному премьер-министру П. А. Столыпину, осведомленному также о моих планах относительно предполагаемой роли этого клуба в будущем. Если мои

планы и ожидания не сбылись, то это произошло не по моей вине, а вследствие тех репрессий, которые были приняты по отношению клуба за ту игру, которая и по сие время процветает во всех московских клубах. Говорить о суммах, получаемых мною из клуба, могли только лица, намеренно старавшиеся очернить меня: клуб был закрыт при наличности крупных долгов, и я, наравне с другими старшинами, получал в буквальном смысле слова лишь «рубли» за свои труды в качестве старшины. Все эти подробности были прекрасно известны прот. Восторгову, не постеснявшемуся, тем не менее, бросить в меня грязное обвинение, целиком созданное его клеветами, и добиться публичного поругания меня, выразившегося в вышеупомянутом порицании.

Все эти действия прот. Восторгова и его ближайших сотрудников не могли пройти бесследно. Возмущенные беззаконием и произволом, учредители, как незаконно исключенные, так и не менее незаконно не приглашенные на собрание, настойчиво домогались от меня принятия мер к спасению союза от разгона и разгрома. Да и сам я не мог оставаться равнодушным и безучастным, видя, как гибнет из личных расчетов нескольких лиц созданная годами, трудами и энергией многих монархических деятелей организация. Я созвал экстренное собрание из числа действительных и законных членов союза, доизбрал, руководствуясь во всех своих действиях уставом, недостающих, исключенных Восторговым. На этом, действовавшем на законном основании и при установленном кворуме, собрании было единогласно постановлено: признать прежний совет русского монархического союза, во главе с полковником Томилиным и снова, с полным нарушением устава, вошедшим в состав его прот. Восторговым, незаконным и потому образовать новый совет и избрать новый президиум, — что и было исполнено единогласным решением всех присутствовавших; что же касается прот. Восторгова и полк. Томила, то их обоих, как допустивших целый ряд нарушений устава и незаконных действий, носящих характер полного произвола, — было также единогласно постановлено — исключить из союза.

Изложив всю историю последних дней русского монархического союза в полном соответствии с истиной, я имею честь доложить вашему превосходительству, что это сделано мною исключительно в целях полного и всестороннего освещения положения дела и причин, создавших такое положение.

В интересах же справедливости, я никогда не отрицал и не отрицаю ни талантливости прот. Восторгова, ни его ораторских способностей, ни даже его работы, в особенности той, которая была им проявлена в первое время после избрания его председателем союза. Но я не могу умолчать и о своих трудах, тем более, что я начал работать как монархический деятель много раньше, чем прот. Восторгов, и работал при совершенно иных условиях.

Прот. Восторгов явился на готовое, созданное нами, первыми пионерами союза. Не в залах епархиального дома, окруженный единомышленниками, а в огне революций на митингах, среди угрожающих мне врагов, произносил я свои первые речи. С самого начала смуты, я, маленький в то время железнодорожный служащий, не раздумывая о завтрашнем дне, забыл о своей жене и семи ничем не обеспеченных детях и стал в ряды активных борцов с крамолой. И не остановили меня и моей деятельности те три смертных приговора, которые я получил от революционных комитетов, и то покушение на мою жизнь (на Мытищенском заводе), от которого я спасся чудом. В самый разгар мятежа на железных дорогах, я первый поднял знамя служения царю и родине железнодорожных служащих и своей энергией и примером сплотил верных престолу, но разрозненных железнодорожников в зачатки тех союзов, которые моими же трудами превратились в настоящее время в мощные легионы, готовые каждую минуту отразить и противостать попыткам к забастовкам. После того как острая вспышка революции была подавлена, я объехал более 30-ти губерний, везде собирая верных сынов отечества, насаждая и организуя союзы и устраивая предвыборные собрания в первые три государственных думы. С тою же целью я совместно с прот. Восторговым, по поручению покойного П. А. Столыпина, два раза объехал всю Сибирь, и в третий раз самостоятельно — по поручению министра путей сообщения, причем до 1910 г. включительно для поездок по делам организаций я получал отпуск без сохранения содержания и, выезжая в дальний путь с грошами, нередко голодал сам и оставлял голодной свою семью. Вся эта моя деятельность сопровождалась постоянными нападками левых газет, всячески поносивших и клеветавших не только на меня, но и на мою семью и усиливавших свое рвение по мере возрастания моих успехов.

Но, на ряду с этими трениями, были у меня и светлые моменты высшего нравственного удовлетворения: четыре раза я имел счастье представляться его императорскому величеству, причем в бытность государя в Москве, в 1912 г., на мою долю выпало особое счастье произнести пред его величеством, от имени железнодорожных организаций, речь. Кроме того, я был награжден, согласно прилагаемому в копии представлению московского градоначальника, орденом св. Владимира — по статуту.

Правда, это чисто нравственное удовлетворение не улучшило моего материального положения: и сейчас я — отец многочисленной необеспеченной семьи, которому нужно ежедневно думать о завтрашнем дне, о том, чем кормить и на какие средства дать образование своим подрастающим детям. Я не умел (да и не хотел) добиться тех благ земных, которых добился прот. Восторгов, не умел выковать своего благополучия на огне патристических чувств. Я работал и продолжаю работать, и всё, что

сделано мною, результат моих личных трудов, плоды моей беззаветной любви и преданности престолу и отечеству. Я не загребал жара чужими руками, как прот. Восторгов, который забыл, что всю тяжелую, черную работу я вынес на своих плечах, что не он, а я открывал и организовывал сотни отделов, добровольно оставаясь в тени и всегда выдвигая его имя. Забыл настолько, что вскоре после последней поездки по Сибири, убедившись, что больше эксплуатировать меня не придется, и видимо испугавшись моей возрастающей популярности, пытался, — правда неудачно, — добиться моего перевода из Москвы. Об этом, более чем определенного характера, его ходатайстве я, к сожалению, узнал только на днях, и такая черная неблагодарность исключает возможность моей дальнейшей совместной работы с ним. (Это может быть подтверждено В. М. Пуришкевичем.)

При изложенных обстоятельствах, от разрешения вопроса о правильности, т. е. от признания законным старого или организованного мною совета, всецело зависит вся моя дальнейшая деятельность: если постановление созданного мною экстренного собрания не будет санкционировано, то, не имея другого исхода, я вынужден буду отделиться с пятью образованными мною в Москве и находящимися под моим председательством и непосредственным руководством отделами — от русского монархического союза для самостоятельной работы и для того, чтобы избежать какого бы то ни было общения с прот. Восторговым. С грустью и болью на сердце я докладываю об этом вашему превосходительству, тем более, что я вполне понимаю и сознаю, что всякая рознь — непоправимый вред для дела; предполагаемое же мною (при неблагоприятном для меня разрешении вопроса) отделение от русского монархического союза почти равносильно окончательной гибели для этого последнего: без железнодорожных отделов он потерял бы последнюю свою жизнеспособность, так как почти все остальные его отделы (волхонский, дорогомилевский, садовнический, даниловский и др.) уже давно фактически не существуют: от них осталось только воспоминание в лице продолжающих числиться номинально их председателей. Членов же давно нет, и в течение уже многих лет эти отделы не проявляют даже таких, чисто формальных признаков жизни, как хотя бы собрания. Другим исходом будет присоединение к впервые открывшему своей отдел в Москве союзу имени Михаила архангела, успевшему, благодаря своей стройной и дисциплинированной организации и прочно установившейся репутации, привлечь в короткое время массу членов-железнодорожников и заручиться самыми широкими симпатиями местного населения.

Вопрос о присоединении к этому именно союзу, которому, несомненно, суждено оказать самое благотворное влияние на московские организации, как хорошим примером, так и возбужде-

нием благородного соревнования, большинством вышеупомянутых пяти отделов решен, — принципиальными, условного характера, постановлениями собрания учредителей, — в утвердительном смысле.

В заключение позволю себе добавить, что всё вышеизложенное может быть подтверждено документальными данными и что, кроме этих документов, в моем распоряжении имеются и другие, столь серьезного и секретного свойства, что я в настоящем докладе не рискнул даже упомянуть о них из боязни, чтобы они не сделались достоянием посторонних лиц, считая, что ознакомить ваше превосходительство с содержанием их я могу только при личном докладе.

Председатель марьинского отдела русского монархического союза, почетный председатель отдела служащих Александровской железной дороги, почетный председатель отдела служащих М.-Курской железной дороги русского монархического союза, почетный председатель сухаревского отдела русского монархического союза, почетный председатель отдела железнодорожных служащих московского узла русского народного союза имени Михаила архангела, почетный председатель николаевского отдела союза русского народа, почетный председатель минского отдела союза Михаила архангела, почетный председатель красноярского отдела союза Михаила архангела, почетный председатель оршанского отдела союза Михаила архангела, почетный председатель барановичевского отдела союза русского народа, почетный председатель дорогобужского отдела союза русского народа, почетный председатель самарского железнодорожного союза Михаила архангела, почетный председатель исадского отдела союза русского народа, почетный член сызранского отдела союза русского народа, почетный член одесского отдела союза русского народа, почетный член бессарабского отдела союза Михаила архангела, почетный член бессарабского отдела союза русского народа, почетный член галичского отдела союза русского народа, почетный член тульского отдела союза русского народа, почетный член каширского отдела русского монархического союза, почетный член киевского союза русского народа, старшина союза русских людей В. Орлов.

(То же дело, лл. 172 — 178.)

ДОКЛАД ДИРЕКТОРА ДЕП. ПОЛ. С. П. БЕЛЕЦКОГО МИНИСТРУ
ВН. ДЕЛ Н. А. МАКЛАКОВУ, ОТ 27 ЯНВАРЯ 1914 Г.

В ноябре 1913 года в повременной печати появился ряд статей по поводу происшедшего в московских монархических организациях раскола. Газетные эти сведения, в общем, сводились к тому, что протоиерей Восторгов, в бытность председателем русского монархического союза, своим самовластием восстановил

против себя часть союзников. На этой почве создались такие трения, что о. Восторгов вынужден был сложить с себя звание председателя означенного союза. Желая, однако, попрежнему играть руководящую роль в союзе, о. Восторгов провел в заместители себе своего ставленника, полковника Томилина. Между тем, недовольные о. Восторговым монархисты сплотились вокруг председателя одного из отделов русского монархического союза, Орлова. С целью уронить престиж Орлова в глазах сторонников, о. Восторгов выступил с разоблачениями, обвиняя Орлова в том, что он, из своеобразных побуждений, открыл в Москве клуб-притон азартной игры. Спустя некоторое время вышеуказанный клуб был закрыт московским градоначальником.

После этого раздоры между приверженцами о. Восторгова и Орлова еще более обострились и, в конце концов, разразились крупным столкновением обеих сторон на общем собрании учредителей русского монархического союза, состоявшемся 14 ноября минувшего года под председательством полковника Томилина. После бурных дебатов, завершившихся тем, что один из сторонников Орлова оскорбил генерала-от-инфантерии Бутурлина, вставшего на защиту о. Восторгова, — Орлов со своими единомышленниками, с целью сорвать собрание, демонстративно покинул зал заседания. С уходом их, собрание однако продолжалось, причем участники его, с о. Восторговым и Томилиным во главе, постановили исключить из союза трех рьяных приверженцев Орлова, а самому Орлову выразили порицание за некорректный образ его действий. В то же время Орлов устроил у себя на квартире частное собрание учредителей союза, которое, избрав Орлова в председатели союза, в свою очередь исключило из союза о. Восторгова и Томилина.

Вслед за поступлением в департамент полиции приведенных газетных сведений, мною было получено от действительного статского советника Пуришкевича письмо, в коем последний высказал, что до 1913 года главная палата русского народн. союза имени Михаила архангела никакого участия в деятельности московских монархистов не принимала, полагая, что местные союзники, руководимые о. Восторговым, сумеют сами постоять за правое дело. Но, когда Москва, в результате выборов в 4-ую государственную думу, вновь дала лишь левых депутатов, а местный железнодорожный узел снова стал грозить забастовкой, то действительный статский советник Пуришкевич, приняв во внимание, что с отказом протоиерея Восторгова от должности председателя русского монархического союза пост этот замещен ныне человеком недостаточно авторитетным, решил, в интересах борьбы с левыми организациями, открыть в Москве отдел русского народного союза имени Михаила архангела. Во главе этого отдела, по заявлению действительного статского советника Пуришкевича, поставлен известный монархический деятель Орлов, «к ко-

тому даже покойный статс-секретарь Столыпин, вообще несклонный покровительствовать крайним правым деятелям, питал доверие и уважение». Тем не менее, с первых же дней открытия отдела, Орлов подвергся гонениям не только со стороны левых организаций и завидующих успешной деятельности нового отдела правых организаций, но даже со стороны московского градоначальника. Указывая далее, что Орлов совершенно незаслуженно скомпрометирован в глазах вашего высокопревосходительства, действительный статский советник Пуришкевич просил меня исходатайствовать у вашего высокопревосходительства личный прием Орлову, дабы последний мог оправдаться в возведенных на него инсинуациях.

По докладе моем содержания означенного письма ваше высокопревосходительство изволили приказать, чтобы о возникших трениях в среде московских монархистов был запрошен московский градоначальник.

На сделанный департаментом полиции, во исполнение этого распоряжения, запрос московский градоначальник в минувшем декабре месяце дал отзыв, который по своему существу распадается на две части.

Первая часть этого отзыва всецело посвящена изложению обстоятельств, вследствие коих взаимоотношения между протоиереем Восторговым и Орловым до крайности обострились и, в конечном результате, в среде московских монархических организаций произошел полный раскол. По этому поводу московский градоначальник, основываясь на целом ряде документальных данных, сообщил, что русский монархический союз функционирует в Москве с 1911 года, в силу устава, зарегистрированного городским по делам об обществах присутствием. Первым председателем означенного союза состоял протоиерей Восторгов, в отношении коего никаких неблагоприятных сведений в градоначальство не поступало. В ноябре 1913 года, в виду отказа о. Восторгова от указанной должности, председателем союза был избран, на законно состоявшемся собрании совета союза, отставной полковник Томилин, который, руководствуясь ст. 32 временных правил об обществах, препроводил свиты его величества генерал-майору Адрианову список вновь избранного правления союза. В той же монархической организации состоял и Орлов, занимая должность председателя мариинского отдела русского монархического союза. До производства в 1912 году выборов в Государственную думу о каких-либо трениях между о. Восторговым и Орловым не было слышно. Несогласия между ними возникли лишь после провала кандидатуры Орлова в члены IV Государственной думы, а равно и закрытия организованного им моторо-велосипедного общества «Россия». По предположению московского градоначальника, ближайшим поводом к раздору между о. Восторговым и Орловым послужило, по всей вероятно-

сти, то обстоятельство, что Орлову каким-либо образом стало известно содержание совершенно секретного отзыва, данного о нем о. Восторговым по предложению помощника московского градоначальника, полковника Модль. В отзыве этом о. Восторгов высказал, что Орлов принимал участие в денежных операциях «нечистоплотного» моторо-велосипедного общества, «преступно прикрывавшегося несуществующими связями с монархическими организациями»; что он, невзирая на самые настойчивые требования о. Восторгова, не отрешился от общения с означенным клубом, от которого получал не менее 6 000 рублей в год; что, злоупотребляя своими связями с министерством внутренних дел и московским градоначальством, Орлов оказывал покровительство этому клубу; что вследствие сего Орлов утратил всякое уважение в среде учредителей русского монархического союза и что поэтому кандидатура его в члены 4-ой государственной думы не была поддержана монархистами. Последовавшее, в связи с этим отзывом, закрытие моторо-велосипедного общества «Россия» еще более могло усилить в Орлове неприязнь к о. Восторгову. Назревший таким образом инцидент и разрешился столкновением, имевшим место 14 ноября минувшего года на общем собрании учредителей союза. На этом собрании Орлов выступил с заявлением, что о. Восторгов, отказавшись от председательствования в союзе, лишился права голоса. Это мнение Орлова было признано неосновательным. Вслед затем генерал-от-инфантерии Бутурлин, в свою очередь, сделал заявление о том, что участвовавший в революционном движении Сталинский, избегнув наказания лишь в виду признания его психически-больным, проник в состав русского монархического союза, раздавал значки союза своим товарищам по освободительному движению, при поддержке Орлова стал председателем одного из отделов железнодорожных мастерских в Москве и даже, по протекции Орлова, был включен в состав депутации, коей предстояло представиться государю императору. Осведомившись об этом, генерал Бутурлин поспешил предупредить власти о ненадежности Сталинского, и предполагаемый высочайший прием депутации не состоялся. Таковой доклад собранию вызвал со стороны приверженцев Орлова резкую выходку по адресу генерала Бутурлина, в результате чего трое сторонников Орлова были исключены из союза, а самому Орлову, лишь в виду особого заступничества за него действительного статского советника Пуришкевича, было выражено порицание. В ответ на это постановление Орлов обратился к полковнику Томилину с письмом, в котором сообщил: 1) о выходе своем вместе с некоторыми другими учредителями из состава совета, 2) об организации ими нового совета, не желающего иметь ничего общего с прежним, и 3) о принятом новым советом решении исключить из русского монархического союза полковника Томилину и о. Вос-

торгова. По поводу всех этих заявлений Орлова московский градоначальник высказал, что в распоряжении свиты его величества генерал-майора Адрианова не имеется решительно никаких сведений о личном составе вышеуказанного второго совета, равно как не имеется также и никаких оснований считать этот вновь образовавшийся совет законно существующим.

Во второй части своего отзыва московский градоначальник коснулся неурядицы, обнаружившейся в гермогеновском отделе русского монархического союза. Из сообщения председателя союза, полковника Томилина, градоначальник осведомился о том, что 1 ноября 1913 года в Москве открылся новый отдел союза во имя св. патриарха Гермогена. В состав совета отдела вошли: в качестве почетного председателя — Снежков, председателя — отставной ротмистр Баскаков и секретаря — Белозеров.

В конце того же ноября месяца Белозеров обратился к Орлову с письмом, в коем сообщил, что в гермогеновском отделе правильной организации не существует; что в отделе, за отсутствием законного числа учредителей, в течение месяца не было ни одного собрания; что Снежков и Баскаков самозванно именуют себя — первый почетным председателем, а второй — председателем отдела; что назначение его, Белозерова, в секретари отдела последовало без его на то согласия; что, хотя Снежковым и составлен список в 20 человек-учредителей отдела, но в списке этом значатся лица, частью не проживающие в Москве, частью несовершеннолетние и, наконец, такие, которые в действительности придерживаются антимонархических воззрений; что Снежковым и Баскаковым, самовольно действующими в качестве представителей гермогеновского отдела, введены в заблуждение как правление русского монархического союза, так и московский градоначальник; что дерзость Снежкова и Баскакова простиралась до того, что они вошли к московскому градоначальнику с ходатайством повергнуть к стопам государя императора верноподданнические чувства членов отдела, фактически не существующего; что, по слухам, Снежковым и Баскаковым была послана на имя господина председателя совета министров какая-то бумага за его, Белозерова, подписью, но подобной бумаги он в действительности не подписывал и потому подпись его должна считаться подложной. По поводу приведенных заявлений Белозерова московский градоначальник высказал, что, хотя предъявленные Белозеровым к главарям гермогеновского отдела обвинения и носят весьма серьезный характер, но, с другой стороны, нельзя не принять во внимание и постановления совета означенного отдела, опорочивающие как Белозерова, так и Орлова. В подтверждение сего градоначальник представил протокол заседания совета от 30 ноября 1913 года, из коего усматривается, что совет гермогеновского отдела постановил: 1) исключить из отдела Белозерова за похищение им протоколов двух первых учредительских

собраний с очевидною целью использовать эти документы для новых, совместно с Орловым, неблагоприятных выпадов против отдела и 2) довести до сведения вашего высокопревосходительства о том, что Орлов, ссылаясь на свою якобы близость к вашему высокопревосходительству и ко мне, принял на себя обязательство устроить члена союза Баскакова на должность земского начальника, причем вместе с прошением по сему предмету принял от Баскакова ценную бумагу, которую, по отклонении министерством внутренних дел указанного ходатайства Баскакова, возвратил последнему лишь после вмешательства в это дело почетного председателя гермогеновского отдела Снежкова.

Вслед за поступлением приведенного отзыва московского градоначальника я не преминул содержание такового доложить вашему высокопревосходительству, причем вашему высокопревосходительству угодно было приказать, чтобы сообщенные свиты его величества генерал-майором Адриановым данные были поставлены в связь с результатами расследования, произведенного по настоящему делу специально командированным для сего в Москву чиновником министерства внутренних дел, коллежским советником князем Урусовым.

Ближайшим поводом к производству означенного расследования послужила поданная Орловым господину товарищу министра внутренних дел, командующему отдельным корпусом жандармов, обширная записка, в коей Орлов всю ответственность за происшедший в московских монархических организациях раскол возлагал на протоиерея Восторгова. По словам Орлова, о. Восторгов, состоя в должности председателя русского монархического союза, совершенно бесконтрольно управлял делами союза, произвольно нарушал устав общества, беспощадно исключал из союза всех не желавших мириться с таким положением монархических деятелей и за всё время своего председательствования не представил собранию учредителей ни одного денежного отчета. В результате таковой деятельности о. Восторгова, мощный ранее русский монархический союз пришел в полный упадок и стал владеть жалкое существование. Первоначальная численность учредителей союза в 235 человек постепенно сократилась до 55 человек; касса союза не только не располагает какими-либо наличными средствами, но обременена еще долгами; целый ряд отделов союза (волхонский, дорогомилевский, садовнический, даниловский и др.), за отсутствием членов, продолжают существовать лишь номинально; во время последних выборов в Государственную думу союз мог собрать в Москве, с ее миллионным населением, всего только 1000 голосов. В минувшем году о. Восторгов отказался от звания председателя, причем, желая сохранить за собой руководящую роль в союзе, провел в председатели отставного полковника Томилина, которого даже левая печать называет «бесцветным». Избрание Томилина, служив-

шего ранее по интендантству, бывшего под судом и «примкнувшего к русскому монархическому союзу лишь с целью реабилитировать прежние свои грешки», состоялось благодаря только тому, что личный состав собрания учредителей 25 сентября минувшего года, когда происходили означенные выборы, был искусственно подобран преимущественно из приверженцев о. Восторгова. Точно так же целым рядом формальных нарушений устава сопровождалось, по словам Орлова, то собрание 14 ноября, вынесенное ему, Орлову, порицание. Между прочим, протокол постановлений этого собрания оказался скрепленным подписями трех учредителей (Афанасьева, Степанова и Киселева), которые категорически заявили, что лично они означенного протокола не подписывали. Равным образом, и по существу своему означенное постановление представляется, по мнению Орлова, неправильным. В основу принятого решения — выразить Орлову порицание — было положено обвинение его в том, что он получал от клуба, в коем состоял старшиной, крупные суммы для субсидирования монархических организаций, но деньги эти по принадлежности не передавал. Решительно отвергая это обвинение, как обоснованное на клеветническом оговоре, Орлов, в объяснение дальнейших своих поступков, приведших к расколу в союзе, высказал, что он, лишь уступая настояниям истинных монархистов, созвал экстренное собрание учредителей, которое постановило игнорировать прежний совет русского монархического союза с полковником Томилиным во главе, избрало новый президиум, а Томила и о. Восторгова, как допустивших ряд незаконных действий, исключило из союза. Ходатайствуя о санкционировании этих постановлений, Орлов заявил, что в противном случае он вынужден будет, вместе с пятью организованными им в Москве железнодорожными отделами, выйти из состава русского монархического союза и присоединиться к руководимому действительным статским советником Пуришкевичем союзу имени Михаила архангела.

При производстве коллежским советником князем Урусовым расследования по настоящему делу целый ряд вопросов, возникших по поводу: 1) собрания членов-учредителей русского монархического союза 25 сентября 1913 года, на котором был избран в председатели союза полковник Томилин, 2) такого же собрания, состоявшегося 14 ноября 1913 года под председательством полковника Томила, и 3) экстренного собрания, созванного 14 ноября минувшего года Орловым, — остался необследованным, в виду ст. 36 временных правил 1 марта 1906 года о союзах и обществах, согласно коей такие вопросы могут быть исследуемы лишь по распоряжению градоначальника или по поручению городского по делам об обществах присутствия, одним из его членов.

Таким образом, в силу необходимости, произведенное коллеж-

ским советником князем Урусовым расследование в части, касающейся возникших в московских монархических организациях трений, свелось лишь к проверке поступивших ранее в министерство внутренних дел некоторых неблагоприятных сведений лично об Орлове. В этом отношении расследованием выяснено, что Орлов безусловно слывет в Москве за человека, пользующегося влиянием в высших петербургских правительственных сферах, чему отчасти и сам он способствовал, распространяя слухи о своих, якобы, весьма близких связях с высокопоставленными лицами. Вполне естественно поэтому, что к содействию Орлова могли прибегать всякого рода просители. В числе таких лиц оказался и Баскаков, который, желая получить должность земского начальника, обратился за поддержкой к Орлову, причем одновременно с передачей ему прошения, адресованного в министерство внутренних дел, вручил Орлову облигацию стоимостью в 100 рублей. По поводу этого последнего обстоятельства расследованием выяснено, что у Орлова с Баскаковым были взаимные денежные счета и что изложенное в прошении Баскакова ходатайство касалось не назначения его на должность земского начальника, а лишь допущения его на соответственные подготовительные курсы. При наличии этих условий, производивший расследование пришел к выводу, что в данном случае не имеется оснований с положительностью утверждать, что Орлов принял от Баскакова взятку. При этом надлежит отметить, что Орлов в разосланном некоторым членам совета русского монархического союза циркулярном письме, от 13 декабря минувшего года, высказал, что им привлечены к уголовной ответственности, по обвинению в клевете, Снежков и Баскаков, позволившие себе на собрании членов-учредителей союза говорить о каких-то взятках, принятых Орловым. Из того же циркулярного письма Орлова видно, что он, вместе со всеми железнодорожными организациями русского монархического союза, отделился уже от этого союза и состоит ныне председателем московской палаты железнодорожных отделов русского народного союза имени Михаила архангела.

Более основательные результаты добыты расследованием относительно некоторых деятелей сформировавшегося в Москве отдела русского монархического союза во имя св. патриарха Гермогена. Во главе этого отдела, как указано выше, оказался Герман Павлович Снежков, служивший ранее в департаменте полиции чиновником для письма и уволенный от службы вследствие того, что он, на почве болезненного состояния, проявлял неуравновешенность в своих поступках, а в частной жизни обнаруживал склонность выступать в качестве лица, пользующегося известным влиянием. Потеряв службу, Снежков летом 1913 года переселился из С.-Петербурга в Москву, где первоначально жил, без прописки, у Орлова, а затем у Баскакова. Не имея определенных занятий и средств к жизни, Снежков, в целях личной наживы,

измыслил проект открытия в Москве какой-то общины во имя св. патриарха Гермогена, причем принял на себя обязанность устроить вдову врача Марию Иванову настоятельницей этой общины, а монахиню Гавриилу—казначейшей общины. Затем, под предлогом необходимых по делу расходов, он выманил у названных женщин свыше 200 рублей и, имея, повидимому, в виду эксплуатировать их и в дальнейшем, направил монахиню Гавриилу и Иванову к нотариусу для подписания, в качестве членов-учредителей общины, вышеуказанного проекта, который в действительности осуществления не получил. Спустя некоторое время Снежков, повидимому также в видах эксплуатации доверчивых людей, задумал основать какое-то просветительное общество, а когда и это предприятие не осуществилось, решил открыть в Москве отдел русского монархического союза. Для открытия всякого нового отдела, согласно уставу союза, требуется предварительно собрать подписи не менее 15-ти членов-учредителей. Выполняя эту формальность, Снежков, при содействии Баскакова, включил в список членов-учредителей 20 лиц, в числе коих оказались: 1) вышеуказанная Иванова, подписавшаяся в качестве учредительницы отдела в полной уверенности, что дело касается открытия не монархической организации, а именно религиозной общины, 2) брат Германа Снежкова, Виталий, заявивший, что он никогда в Москве не был и ничего о гермогеновском отделе не слышал, 3) Алексей Сюзев, заявивший, что он своей подписи не давал, 4) несовершеннолетняя Анастасия Белозерова и 5) также несовершеннолетняя Елизавета Клецких. При этом расследованием выяснено, что на протоколе первого собрания членов-учредителей гермогеновского отдела подпись Сюзева сделана, без надлежащего на то уполномочия, рукой Баскакова, в чем он и сознался; кроме того, на означенном протоколе имеются также несобственноручные подписи Виталия Снежкова и Елизаветы Клецких. Все эти дефекты не были своевременно усмотрены в означенном документе правлением русского монархического союза, располагающим, в силу ст. 8 устава, правом открывать отделы. Поэтому правлению союза и выдано в ноябре минувшего года разрешение на открытие организованного Снежковым отдела во имя св. патриарха Гермогена. Вслед затем Снежков, совершенно игнорируя прямые задачи отдела, как монархической организации, — направил всю свою деятельность, в качестве почетного председателя отдела, к тому, чтобы, путем систематического введения в заблуждение высокопоставленных лиц в С.-Петербурге относительно истинного положения дел в отделе, добиться субсидии. С этой целью он совместно с Баскаковым составлял и затем представлял в С.-Петербург исходившие будто бы от имени собрания членов-учредителей отдела разного рода постановления, в коих заведомо ложно обрисовывалась работа отдела с наилучшей стороны. Кроме того, Снежков рассылал

гг. министрам и другим высокопоставленным лицам почетные билеты, хотя ни один из опрошенных при расследовании свидетелей не подтвердил того, чтобы в отделе действительно состоялось собрание, на котором были бы произведены выборы почетных членов. Вообще вопрос о том, созывались ли в отделе собрания членов-учредителей, остается открытым, и, наоборот, из данных расследования можно лишь вывести заключение, что все протоколы постановлений, принятых будто бы на собраниях, в действительности одновременно изготавлялись Снежковым и Баскаковым, а затем, зачастую даже без предварительного прочтения членам-учредителям, скреплялись надлежащими подписями. В числе таких постановлений, между прочим, имеются: об отправке всеподданнейшей телеграммы с выражением верноподданнических чувств, о предоставлении Снежкову полномочий на исходатайствование у господина председателя совета министров субсидии и т. п. Выполнение этих постановлений всецело соответствовало порядку их составления, т. е. зависело исключительно от усмотрения Снежкова. Так например, в протоколе учредительного собрания значилось: «Отправить всеподданнейшую телеграмму через московского градоначальника», а на самом деле, во исполнение означенного постановления, градоначальнику было послано письмо с приветствием, без всякого упоминания о телеграмме, которая была отправлена на высочайшее имя непосредственно из отдела. В результате искательств Снежкова, ему статс-секретарем Коковцовым была, повидимому, выдана субсидия, о чем Снежковым составлен был письменный доклад, в коем, однако, размер ассигнованной суммы не указан. Из субсидии, видимо, 50 рублей получил Баскаков, а остальные деньги присвоил себе несомненно Снежков, судя по тому, что в отделе никаких сумм, поступивших на приход, не значится.

Основываясь на приведенных данных расследования, господин товарищ министра внутренних дел, командующий отдельным корпусом жандармов, изволил признать необходимым: 1) чтобы о положении настоящего дела был осведомлен господин председатель совета министров, в виду сведений, что статс-секретарь Коковцов также получил почетный билет и будто бы приказал выдать организованному Снежковым отделу русского монархического союза субсидию, 2) чтобы все дело было передано прокурорскому надзору на предмет привлечения Снежкова и других подлежащих лиц к законной ответственности и 3) чтобы о результатах расследования был осведомлен московский градоначальник.

Об изложенном имею честь доложить вашему высокопревосходительству, присовокупляя, что последовавшие по сему делу со стороны господина товарища министра внутренних дел, командующего отдельным корпусом жандармов, распоряжения

приводятся ныне в исполнение и что Снежков с 23 ноября минувшего года числится в безвестной отлучке.

*(Дело департамента полиции 1913 г., № 244,
лл. 201 — 212.)*

ПИСЬМО ПРОТОИЕРЕЯ И. И. ВОСТОРГОВА И. Л. ГОРЕМЫКИНУ
ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1914 Г.

Ваше высокопревосходительство, досточтимый Иван Логинovich.

Еще раз осмеливаюсь засвидетельствовать перед вами о сердечной радости всех монархистов по поводу назначения вас на высокий пост председателя совета министров. Я уезжаю сегодня в Оренбургскую и Туркестанскую епархии по церковным школам. Уезжая, очень беспокоюсь за положение русского монархического союза. Я остаюсь в нем теперь почетным председателем, а фактическим и действительным является полковник В. В. Томилин, человек вполне достойный. Ему я и передал бесплатный билет по железным дорогам, мне присланный из министерства. Министерство отпускает мне 6000 рублей на газету «Церковность»; вся сумма на издание и выходит; для союза не остается ничего. Я очень прошу ваше высокопревосходительство и одновременно пишу об этом и Н. А. Маклакову — оказать поддержку для полковника Томилина от 4 до 6 тысяч рублей в год. Русский монархический союз учрежден покойным Грингмутом; в нем интеллигентные силы Москвы; союз еще сослужит в будущем свою службу. Во всяком случае, доводить его до распада нет смысла. Полковник Томилин человек небогатый и, в виду недостатка средств, он уже заявил о желании оставить председательство в союзе. Простите, что беспокою вас просьбою.

*(Найдено в бумагах И. Л. Горемыкина при обыске
21 марта 1917 г.)*

СПРАВКА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

Письмом от 3 декабря 1915 г. на имя тов. министра вн. дел Белецкого главный начальник снабжений юго-западного фронта сообщил, что Томилин состоял заведующим интендантской частью этапно-хозяйственного отдела VIII армии и за предосудительную и преступную деятельность по этой должности привлечен в качестве обвиняемого в лихоимстве.

(Дело департамента полиции, 9-го делопроизводства, 1915 г., № 244, л. 307.)

СНОВА ЗА РАБОТОЙ. 1914 — 1915 ГГ.

ПИСЬМО В. Г. ОРЛОВА ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
С. П. БЕЛЕЦКОМУ ОТ 3 ЯНВАРЯ 1914 Г.

Ваше превосходительство, глубокочтимый Степан Петрович. Препровождая при сем билет № 4, почитаю долгом доложить вам о причинах задержки такового: я возвратился из Варшавы 21 декабря п. г., а сотрудника своего Петрова я оставил для окончания подготовки к открытию отделов на семи больших станциях и раздачи литературы, и он возвратился только 1 января с. г. В виду этого я почтительнейше прошу вашего великодушного извинения за задержку билета.

Вторую поездку, по Южным, Екатеринославской и Владикавказской дорогам, предполагаю начать с 10 января; поездка эта продолжится более месяца, и тогда почту долгом своевременно представить доклад вашему превосходительству.

О партийных делах позвольте вам доложить, что всё наладилось: к нам пошли даже и председатели союза русского народа, а сегодня выразил желание войти председатель общества патриотов; думаю, что будет объединение и с союзом русских людей и с дубровинским московским отделом союза русского народа.

Два собрания, организованных мною, собрали до 2000 чел. каждое. Сняли квартиру под канцелярию, купили пишущую машину, словом — всё идет дружно, мирно и тихо, работаем даже сильнее, чем прежде. Мы были бы спокойны и работали, если бы нам хотя бы на квартиру и отопление помогли.

Не найдете ли возможным вы, ваше превосходительство, исходатайствовать нам субсидию хотя бы 125 р. в месяц на московскую палату, т. е. для всех железнодорожных отделов русского народного союза имени Михаила архангела и тех, кои объединились с нами; этим вы нас сильно поддержите.

Смею заверить ваше превосходительство, что эта поддержка будет не бросанием денег на ветер, а принесет пользу правому делу в Москве. Насколько хватит сил, я помогаю, да и вынужден помогать из своих личных средств, ибо пока у нас средств нет и не предвидится.

Принося вам мою глубокую благодарность за билет, еще раз извиняюсь за его задержку.

*(Дело департамента полиции, особого отдела,
1913 г., № 468, л. 140.)*

ПИСЬМО В. М. ПУРИШКЕВИЧА ТОВ. МИН. ВН. ДЕЛ В. Ф. ДЖУНКОВСКОМУ ОТ 27 ЯНВАРЯ 1914 Г.

Председатель московской палаты железнодорожных отделов русского народного союза имени Михаила архангела В. Г. Орлов возбудил ходатайство пред вашим превосходительством о назначении пособия для уплаты за снятую квартиру под канцелярию вышеуказанных отделов. Квартира обойдется с освещением и отоплением 900 рублей в год.

Члены союза — исключительно железнодорожники, люди труда, небогатые, и, конечно, не имеют возможности оплачивать квартиру из своих средств, о чем и имел честь докладывать вам председатель московской палаты г-н Орлов; я с своей стороны усердно прошу ваше превосходительство не отказать в просимом пособии московским железнодорожным отделам.

(То же дело, л. 142.)

ПИСЬМО В. Г. ОРЛОВА С. П. БЕЛЕЦКОМУ ОТ 29 ЯНВАРЯ 1914 Г.

Ваше превосходительство, глубоко чтимый Степан Петрович. Выезжая из Петербурга, считаю долгом выразить вам мою глубокую, сердечную благодарность за всё, всё.

Последняя моя просьба к вам: я теперь буду получать, как и прежде, пособие на мою личную монархическую деятельность, но вот горе в чем: теперь, когда я и В. М. Пуришкевич хлопотали о пособии на квартиру под союз, могут заставить меня содержать квартиру и отдать все деньги, а ведь вам известно, что я получал и получаю на поездки; в виду этого я прошу вас и умоляю, дорогой Степан Петрович, не откажите написать мне, как и кому и для чего выдавалось и выдаете пособие. Ради бога прошу, — я не хочу, чтобы В. М. Пуришкевич думал, что я скрываю и беру себе деньги, данные на квартиру. Усердно прошу вашего мне извещения по сему делу.

Искренно вас уважающий, ваш покорный слуга, благодарный В. Орлов. Москва, Тверская, Оружейный, д. № 3, кв. 3.

(То же дело, л. 141.)

ПИСЬМО ТОВ. МИН. ВН. ДЕЛ В. Ф. ДЖУНКОВСКОГО В. М. ПУРИШКЕВИЧУ ОТ 8 ФЕВРАЛЯ 1914 Г.

Вследствие письма от 27 минувшего января за № 167 имею честь уведомить ваше превосходительство, что, к сожалению, я положительно лишен возможности удовлетворить ходатайство председателя московской палаты железнодорожных отделов русского народного союза имени Михаила архангела, В. Г. Орлова, о назначении пособия для уплаты за нанятое под канцелярию отделов помещение, так как считаю подобную выдачу из имеющихся в моем распоряжении сумм неправильной.

(То же дело, л. 147.)

ТЕЛЕГРАММА МОСКОВСКИХ СОЮЗНИКОВ МИНИСТРУ ВН. ДЕЛ.
КН. Н. Б. ЩЕРБАТОВУ ОТ 9 СЕНТЯБРЯ 1915 Г.

Главный совет отечественного патриотического союза, возмущенный до глубины души революционными выкриками членов всероссийского съезда союза городов и съезда земского союза, выразил свой протест городскому голове Челнокову, допустившему на съезде поносить правительство, говорить революционные речи, словом — точно повторяется позорной памяти 1905 год. Съезд хочет дерзнуть обратиться к монарху и представить свои преступные постановления; русский народ не может допустить, чтобы люди, призванные только для работы на помощь правительству и доблестной армии, самозванно именовали себя народными избранниками, коим никто не давал права и полномочий вторгаться в прерогативы монарха, заниматься политикой, вносить смуту в умы народных масс, подстрекать рабочие массы к бунту и мятежам; все правые истинные патриоты Русской земли прекратили всякую партийную работу, но левые открыто начали наступление; громадное большинство населения неприкосновенно к пожеланиям, настойчиво выдвигаемым самозванными представителями якобы всего народа; мы выражаем надежду, что правительство, твердо стоя на страже законов, особенно основных, примет решительные меры к тому, чтобы работа всего русского общества была всецело и исключительно направлена в сторону борьбы с вторгшимся в пределы отечества врагом и чтобы, благодаря попустительству, не создавалось в стране настроение, поведшее к событиям позорной памяти 1905 года, вследствие которых была проиграна дальневосточная война; зная вас, как верного и искреннего слугу престола и России, превыше всего ставящего исполнение долга, мы просим ваше высокопревосходительство нашу телеграмму повергнуть на монаршее благоволение.

Председатель главного совета отечественного патриотического союза Орлов, председатели отделов: марьинского Ковалев, николаевского Гончаров, узлового Максимов, александровского Иванов, товарищ председателя сухаревского отдела русского монархического союза Остроухов.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1915 г., № 110, лл. 20 — 22.)

НОВЫЕ РАЗДОРЫ. 1915 ГОД

ПИСЬМО В. Г. ОРЛОВА А. Е. СТАЛИНСКОМУ ОТ 23 ОКТЯБРЯ
1915 Г.

Препровождая при сем вам вырезку из газеты «Земщина» об отечественном патриотическом союзе С. Кельцева, прошу вас дать объяснения вашему главному совету. Вчерашний день ко мне явились рабочие ваших мастерских, и заявили, что вы были инициатором этой заметки, а также открытия отдела союза Михаила архангела. Я лично положительно ничего не имею против того, чтобы вы открыли отдел союза Михаила архангела, что же тут плохого, ведь никто же не отвергает того, что это — правая организация, и только § 17-й устава этого союза, коим принимаются в союз немцы, породил разногласие среди моих союзников, да полная бездеятельность, проявленная главною палатою в столь тяжелые дни, и только; пусть будет так, — ходить можно врозь, а драться вместе, — в мастерских будет теперь союз Михаила архангела и отечественный патриотический союз по желанию вышеуказанных рабочих. Но я не допускаю мысли, чтобы союзники курских мастерских, после столь долголетней дружной работы со мною, после всех тех невзгод, пережитых в дни революционного брожения, и после тех трудов, кои я понес при его организации, и, наконец, после всех неприятностей и обид, перенесенных мною за защиту лично вас при нападках жандармской полиции, железнодорожного начальства, генерала Бутурлина и других правых деятелей, при наличии имеющегося весьма неблагоприятного отзыва о вас в местном охранном отделении, вы решились вести интригу против меня, писать в правых органах о моем якобы каком-то юдофильстве, — я совершенно не допускаю мысли, чтобы вы не поняли, что в уставе отечественного союза евреев не принимают, как вы о том сообщили в газету «Земщина», но что о них мы временно просто умолчали и только. Я полагал, что вы, как опытный правый деятель, поймете мою, вполне необходимую, разумную в настоящее время тактику, и я не мог верить, чтобы вы могли иначе думать.

Мне было это до глубины души обидно, тем более вы променяли меня на какого-то Кельцева, который появился на политическом горизонте только в 1912 году и то только для интриг и раскола, которые он сеет всюду, где бы он ни появился. Правда, он всюду кричит, что-де он сотрудник Грингмута, но это сплошное вранье и хвастовство, его не было тогда среди нас, он появился только в

1912 году, внося везде и всюду разложение, и вы идете с ним, этим интриганом, против меня, которому, не скрою, вы лично многим обязаны, но я предоставляю вам об этом судить самому, а не слушать интриганов, и прошу ответить по существу прилагаемой при сем заметки газеты «Земщина» и сообщить, соответствует ли действительности и правда ли, что вы и члены вашего отдела писали там через Кельцева в «Земщину». В жалобе вашей в главную палату на притеснения, чинимые вам г. Алексеевым, вы пишете, что вы собираетесь открыть отдел союза Михаила архангела в «пополненном составе», будучи лично учредителем и членом главного совета отечественного патриотического союза. Как почетный председатель отдела курских мастерских, я прошу собрать учредителей и доложить собранию учредителей настоящее письмо и дать ответ по настоящему письму, а также точной копии постановления совета учредителей, с указанием лиц, присутствующих на собрании; в противном случае я, с разрешения г. московского градоначальника, буду вынужден лично собрать учредителей для выяснения всех вышеуказанных вопросов, ибо у меня имеется заявление, подписанное семью членами-учредителями курского отдела, в коем они, выражая мне свое полное согласие с моею деятельностью, желают, чтобы в курских мастерских попрежнему был отдел под моим непосредственным руководством.

(Дело департамента полиции, 6-го делопроизводства, 1915 г., № 244, л. 178.)

ПИСЬМО А. Е. СТАЛИНСКОГО В ГЛАВНУЮ ПАЛАТУ СОЮЗА МИХАИЛА АРХАНГЕЛА ОТ 13 НОЯБРЯ 1915 Г.

Представляя при сем бумагу г. Орлова за № 4854, полученную 12 ноября, я тотчас же по ее получении опросил всех членов-учредителей отдела, но все они в один голос заявили, что у г. Орлова не было и никакого заявления не подписывали. Зная хорошо г. Орлова и зная, что он не стесняется в выборе средства, когда желает чего-либо достигнуть, а в данном случае он желает возратить мой людный отдел к себе потому, что после его ухода он остался, как говорится, без рук, я убедительнейше прошу главную палату немедленно войти с представлением к г. градоначальнику г. Москвы, дабы он не разрешил г. Орлову сделать собрание в мастерских, каковое г. Орлов намеревается сделать. Хотя на это собрание никто из членов отдела не пойдет, но г. Орлов, по обыкновению, привезет с собой 10 — 15 человек своих прихлебателей, пустит с улицы народ, как он всегда это делает, и будет говорить и предлагать толпе утверждение постановления, а эти его 10 — 15 человек, рассаженные по разным местам залы, будут громко соглашаться, поддерживать его и аплодировать. Со стороны всякий подумает, что собрание происходит при боль-

шом скоплении членов отдела мастерских, да при таких условиях можно ли подумать иначе? Г. Орлову известны фамилии всех членов-учредителей отдела, и не может ли случиться, что будут говорить, например, на всю залу: «Член-учредитель отдела Иванов, Петров, Сидоров и т. д., согласны ли вы перейти в отечественный союз?» Вопрошаемый подставной член-учредитель, — Ивановых, Петровых, Сидоровых в Москве много, — понятно, выразит полное свое согласие и даже распишется под протоколом. И таким образом наберется требуемое число членов и будет составлен протокол о переходе отдела в отечественный союз. Я вполне уверен, что если г. градоначальник разрешит собрание, то будет или совершенно так или в роде того, потому что г. Орлову во что бы то ни стало нужно вернуть отдел к себе. Недаром же его друг и приятель, жандармский подполковник станции Москва 1-я Курской дороги, г. Фесенко, через жандарма Миронова убедительно просил меня дать ему для прочтения всю переписку главной палаты относительно изгнания г. Орлова из союза и удостоверение на право открытия в мастерских отдела. Находя неудобным отказать в этой просьбе, тем более, что хотя изредка к нему приходится обращаться, я дал эти бумаги назад тому несколько дней, но до сих пор не мог получить их обратно, хотя они брались и давались на одни сутки. Но хотя бы я не получил их обратно, — это г. Орлову ничем не поможет. Неделю тому назад жандарм Миронов частно сообщил мне, что жандармский полковник московского жандармского губернского правления будет, по жалобе, поданной мной в главную палату, расследовать дело о причинах, вызвавших в мастерских забастовку, но вот уже прошла неделя, а о расследовании этом, как говорится, нет ни слуху ни духу, да думаю, вряд ли это расследование и будет. Тень падает и на нашу жандармскую полицию, а этого вполне достаточно, чтобы дело замяли. Жандармские власти — всё старые служащие и знают друг друга. В мастерских же дело к лучшему почти не изменилось. Старые члены и дохнуть боятся, а новые вступать в отдел тоже боятся, и это всё задерживает представление в главную палату подробного и полного списка, а об открытии при отделе московской палаты при таких условиях нечего и думать. Как пример отношения г. Алексеева к членам, доложу следующий факт: в ноябре из мастерских командировали слесарей в Люблино. В число их попал член отдела, работавший под моим начальством, помощник слесаря Солдатов. Я не сказал ни слова относительно его перевода, — переводят других, пусть и его переводят. Но в Люблино — паровозная работа, у нас — вагонная работа, разница большая, и наши слесаря ее далеко не все знают и знать паровозную работу для них не обязательно. И вот, по незнакомству с паровозной работой, из Люблино возвращают двух помощников слесарей: Чеканникова — крайнего левого и Солдатова. Чеканникова г. Алексеев пустил в мастерские,

не сказав ни слова, а Солдатов хотел уволить, говоря, что он никуда не годится. Когда же я, как мастер, стал настаивать на приеме обратно Солдатов в мастерские, г. Алексеев велел поставить его на пробу, — это помощника-то слесаря. Помощникам слесарей с основания мастерских никогда никаких проб не давали и не дают, потому что это бессмысленно уже по одному тому, что они помогают слесарям работать, а не работают самостоятельно. Солдатов же до командировки около года служил в мастерских и уже по этому одному никаким пробам не подлежал. Хотя Солдатов данную ему пробу исполнил так же хорошо, как и слесарь, г. Алексеев долго не соглашался воротить ему получаемое им жалованье, 81 коп. в день, а настаивал дать ему 72 коп., как получают чернорабочие, и зачислить его чернорабочим. Приведенный факт иллюстрирует отношения г. Алексева к членам отдела мастерских, и отношения эти возмутительны, чтобы не сказать более. Когда они изменятся и когда г. Алексева успокоят — неизвестно, но по теперешнему состоянию в мастерских не в далеком будущем будет забастовка и основательная. Один из столяров, нисколько не стесняясь, сказал в глаза г. Алексеву, что он возмущает людей и вызывает их на забастовку. Доложив всё изложенное главной палате, имею честь покорнейше просить избавить ее отдел от происков г. Орлова и гнета г. Алексева.

(То же дело, лл. 179 — 180.)

ДОНЕСЕНИЕ СОЮЗА МИХАИЛА АРХАНГЕЛА ОТ 18 НОЯБРЯ 1915 Г.
НА ИМЯ ТОВ. МИН. ВН. ДЕЛ С. П. БЕЛЕЦКОГО.

Главная палата союза имени Михаила архангела имеет честь препроводить при сем копию письма бывшего председателя московской палаты союза, В. Г. Орлова, к председателю отдела союза при мастерских Московско-курской ж. д., Сталинскому, и копию отношения сего последнего в палату, считая необходимым довести до сведения вашего превосходительства о нижеследующем:

В июне текущего года В. Г. Орлов, совместно с В. М. Скворцовым и несколькими другими лицами, основал особый отечественный союз с якобы монархической программой и с приемом в члены этого союза инородцев, и в том числе евреев. Одновременно и скворцовская газета «Колокол», получив, по слухам, крупную субсидию от банкира Рубинштейна, изменила направление и стала защищать еврейское равноправие, а также поддерживать вождения конституционной буржуазии к ограничению самодержавной власти (прогрессивный блок).

Главная палата союза, с одобрения своего председателя, находящегося на фронте армии, В. М. Пуришкевича, исключила Орлова из числа членов союза и закрыла находившиеся под его руководством отделы союза в Москве.

Хотя Орлов исключен из рядов союза по вышеуказанному поводу, но главная палата не считает возможным скрывать от вашего превосходительства, что для исключения Орлова, вообще резко уклонившегося от идей союза, у нее имелись многочисленные и солидные данные о том, что Орлов и по своим нравственным качествам терпим в союзе имени Михаила архангела быть не может.

Г-ну Сталинскому, заявившему о том, что он с Орловым не солидарен и что его и товарищей его подписи были выманены Орловым посредством обмана, главная палата дала уполномочие открыть снова отдел союза при мастерских Московско-курской дороги в Москве.

Из письма Орлова к Сталинскому ваше превосходительство изволите усмотреть, что Орлов снова пытается производить смуты среди членов вышеназванного возникающего в Москве отдела союза имени Михаила архангела, причем запугивает их своей якобы прикосновенностью к охранному отделению.

Главная палата давно уже осведомлена о деяниях Орлова в том же направлении. Орлов позволяет себе распространять слухи о том, что он занимает видное положение в учреждениях, ведающих охрану общественной безопасности, пользуется получаемым им оттуда содержанием и грозит союзникам из рабочих полицейскими репрессиями в тех случаях, если они не желают исполнять его требования.

Вследствие такого образа действий Орлова, среди рабочих распространяются слухи, что все правые союзы суть не что иное, как филиальные отделения охраны, каковые слухи препятствуют развитию монархического дела среди рабочих.

В виду всего этого главная палата ходатайствует пред вашим превосходительством об обуздании Орлова и о воспреещении ему на будущее время смущать рабочих-монархистов и отвращать их от вступления в ряды защитников царя и отечества путем обманного вовлечения в темное сообщество, почетным председателем которого состоит получивший столь печальную известность редактор-издатель «Жолокола» Скворцов.

И. о. председателя союза, член главной палаты, Ник. Облеухов.

Секретарь союза, чл. главн. палаты, Н. Юскевич-Красковский.

(То же дело, лл. 176 — 177.)

СПРАВКА МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБ А. Е. СТАЛИНСКОМ, ОТ 14 ЯНВАРЯ 1916 Г.

Сталинский, состоя в 1905 г. членом боевой дружины социал-революционной партии, был арестован. По освобождении из тюрьмы Сталинский сразу переменил убеждения и примкнул к союзу

русского народа. Такой перелом взглядов Сталинского, по мнению начальника тульского железнодорожного отделения, объясняется чисто практическими соображениями.

Сталинский, желая, чтобы с ним считались как с руководителем отдела союза русского народа, подавал жалобы на высших должностных лиц при мастерских Московско-курской ж. д. Так например, в конце октября 1915 года он возбудил перед главной палатой русского народного союза Михаила архангела ходатайство об ограждении членов отдела названного союза от заведомо несправедливых нападков и притеснений начальника вышеупомянутых мастерских, инженера Алексева, вызвавшего искусственную безработицу и забастовки 3 и 8 октября.

По произведенному расследованию оказалось, что никаких забастовок 3 и 8 октября не было; двухдневная безработица была вызвана нераспорядительностью мастера названного цеха Полянина и его помощника Сталинского, может быть, даже умышленно, дабы подвести начальника мастерских, инженера Алексева.

По заявлению чинов жандармской железнодорожной полиции, Сталинский устраивал такие же неприятности и предшественникам инженера Алексева—инженерам Сластенину и Яшневу, которые в конце концов, во избежание неприятностей, должны были считаться с ним.

(То же дело.)

ПИСЬМО В. Г. ОРЛОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
Б. В. ШТЮРМЕРУ ОТ 5 МАЯ 1916 Г.

Ваше высокопревосходительство, глубокочтимый Борис Владимирович.

Знаю, что вы усиленно заняты делами государственной важности, но мне всё же хотелось лично вам изложить свои взгляды и наблюдения о настроениях в обществе, рабочей массе и правых организациях, тем более, я только что посетил города: Харьков, Екатеринослав, Витебск, Минск и Двинск. Также я считал нужным доложить о задачах правых в данный момент, но, прожив 10 дней, я к глубокому сожалению видеть вас не мог, ждать более не могу и выезжаю в Москву.

Вчерашний день видел протоиерея Восторгова, который также хотел представиться вашему высокопревосходительству, и, полагая, что я буду иметь возможность видеть вас, он, при отъезде из Петрограда, передал мне прилагаемую записку о «Московских ведомостях», просил меня лично передать ее вашему высокопревосходительству. С своей стороны я почитаю долгом доложить о нижеследующем:

В Тобольске в конце мая с. г. предстоят большие религиозные

торжества по случаю открытия мощей, соберутся все епископы Сибири, Поволжья, масса духовенства и мирян. Полагая, что это самый удобный момент для подготовки духовенства к выборам в 5-ю государственную думу, надо объединить их, поднять авторитет власти перед глазами этого высокого религиозного нравственного народа и духовенства, раздать патриотическую литературу, прочесть несколько лекций и докладов на современные темы, указав, какие подвиги в эти исторические дни несет царь и вся его августейшая семья, что сделано и делается правительством, разъяснить народу об отрицательных сторонах деятельности, о подпольной работе во вред Русскому государству земских и городских союзов в столь тяжелое время, переживаемое Россией.

Согласно сделанного мною доклада последнему всероссийскому съезду правых в Петрограде и одобрения бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова, мною организовано и открыто в Москве бюро ораторов, для посылки их по России для организации собраний и чтения лекций; сам я разъезжаю по России 9 месяцев в году, но до сего времени министерством внутренних дел на вышеуказанные цели не дано мне никаких средств, хотя это было обещано министерством внутренних дел. Мало того, прошлый год в декабре месяце исполнилось 10 лет моей политической и общественной деятельности, и я решил-было уйти от политической жизни, отдохнуть и отдаться только своей службе по министерству путей сообщения (я служу 25 лет на Александровской дороге в должности ревизора движения). Мне было предложено повышение по службе — должность помощника начальника движения с окладом 5 000 рублей, а в настоящее время я получаю только 3 000 р., но и бывший министр путей сообщения статс-секретарь Рухлов написал об этом министру внутренних дел, который признал весьма желательным сохранить меня для правой деятельности, и мне было им ассигновано сначала 1 200 р., а потом 2 400 р. в год, но, с переменою министров, это ассигнование неоднократно отменялось и снова рассматривалось, а в конечном результате мне прекратили всякую выдачу денег. Таким образом, при моем искреннем желании работать для родины, когда я ради этого отказался от повышения по службе, министр внутренних дел мне не дает никаких средств, и мне приходится держать на своем небольшом жалованьи и отечественный патриотический союз, и бюро ораторов, и разъезжать по России; это выше моих сил и средств, так продолжать работать я не могу.

Если моя работа не нужна правительству, то пусть министерство внутренних дел укажет мне на это прямо, открыто: тогда я закрою все эти организации, в которых насчитывается свыше 17 000 членов одних железнодорожных служащих и рабочих, и уйду от политики в сторону и отдамся службе.

Если же моя работа будет признана полезной и долженствующей быть продолженной, то необходимо создать условия возможности работать.

(Дело департамента полиции, 6-го делопроизводства, 1916 г., № 244, л. 130.)

ДОКЛАД В. Г. ОРЛОВА МИНИСТРУ ВН. ДЕЛ. А. Д. ПРОТОПОПОВУ
1916 Г.

Подъем, коим были встречены и до сих пор сопровождаются события, являющие всему миру красоте духовных и физических сил России, устремленных на великую борьбу с немецкой коалицией, отчасти таит в себе элементы, выращенные и внутренней смутю 1905 года, в корне видоизменившей психологию народа в то время. Общему настроению, наблюдаемому в настоящее время, доверяться нельзя. Сколь бы оно само по себе ни было выгодным государству для ведения этой великой войны, оно не должно быть признано залогом будущего внутреннего спокойствия.

По заключении мира в Европе, а может быть несколько раньше, нужно ожидать, что с тем же подъемом, что и теперь, объединенные внешней войной политические группы станут реагировать внутренней войной на причины, лежащие в русской жизни, неустранимые великим единоборством народов. Толчком к этому может явиться ныне всеми понятое немецкое засилье в торговле, промышленности, землевладении и даже в управлении государством Российским. Окрыляются также чаяния Польши, Кавказа, Финляндии и еврейства, а вновь завоеванные области попытаются не подчиняться России. Вообще, для великой смуты причин очень много, а их раскроет еще больше не только продолжающаяся война, но, может быть, и мир, заключенный Россией, условия коего пока невозможно предвидеть, как невозможно предугадать и внешней политической конъюнктуры по окончании войны с немецкими народами, когда Россия окажется ослабленною, а Англия и Япония только усилятся за счет России.

По сведениям, имеющимся в моем распоряжении, легкое брожение в деревне уже началось с возвращением солдатчины на поправку из госпиталей. Крестьянству в ярких красках солдаты рисуют экономическую жизнь немецких народов и восхваляют немецких государей и правительства за их заботы о народе. В деревне много ходит разговоров о государственном для немецких крестьян кредите на всякую сумму, а наш мелкий кредит и условия крестьянского банка начали называть безбожными, под влиянием рассказов солдат о немецком землеустройстве. Грустно говорить и писать, но многие из крестьян не стесняются с искренностью выражать пожелания, чтобы в русских землях скорее водворился немецкий порядок, чтобы и русский народ мог так

*

же жить, как живет немецкий; этой пропаганде, я думаю, мы обязаны немцам, кои при занятии русскими их городов ведут, хотя осторожно, но верно, пропаганду среди наших войск и сильно развращают, расхваливая жизнь немецкого крестьянина-земле-роба.

Таким образом, для будущего эта война несет нам возможность, быть может, великой переоценки всех ценностей, не только в области экономического устройства, но и в сфере политического равновесия внутренней жизни России.

Но, как бы ни было темно и загадочно недалекое будущее, в нем многое можно предвидеть с полной определенностью, например: завоевание Россией новых областей потребует к себе всестороннего внимания, как в сфере их экономического устройства, так и в политическом отношении.

Удары добывшего эти области меча должны быть сменены согласованными с интересами великой неделимой России, продуманными действиями разума.

В этом открывающемся обширном поле разнообразной деятельности правительства, направленной к благоденствию нашей родины, должны будут принять участие и все объединенные силы русского народа, идущие об руку с правительством.

Обширность задач будущего диктует прежде всего нам, русским людям, заботы о необходимости всероссийского съезда представителей всех монархических организаций.

Тактические соображения требуют формального разрешения такого съезда заблаговременно, без указания места и времени съезда, дабы в тот момент, когда это будет признано своевременным, русский народ мог бы первым сказать свое правдивое слово и произвести на остальные народы соответствующее интересам России впечатление. Может быть, по обстоятельствам дела потребуется, чтобы монархический съезд состоялся на вновь завоеванных окраинах.

Для сего имею честь почтительнейше ходатайствовать пред вашим высокопревосходительством о разрешении нам, русским людям, съезда, который будет носить название «съезд русских людей», но без указания в оном времени и места, с правом приглашения председателей организаций, по усмотрению организационного комитета, на наш съезд и общественных деятелей, также по усмотрению организационного комитета съезда, даже вновь завоеванных местностей, если будет признано своевременным и удобным.

В программу вопросов, подлежащих обсуждению такого съезда, я полагал бы поставить следующие положения:

1) Положение православной церкви в виду изменений, которые принесет война, в распределении сфер ее влияния и вопросов управления (Галиция, Константинополь, униатский вопрос, положение вселенского патриархата).

2) Державные права русского народа в отношении других народностей, вошедших в Российскую империю.

3) Отношение русского народа к народам Германии и Австро-Венгрии.

4) Экономическое положение русского народа в связи с приобретением новых рынков.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1915 г., № 110, лл. 118 — 119.)

НОВАЯ ЗВЕЗДА СРЕДИ МОСКОВСКИХ МОНАРХИСТОВ

ДОКЛАД С. А. КЕЛЬЦЕВА ДИРЕКТОРУ ДЕП. ПОЛИЦИИ В. А. БРЮН
ДЕ-СЕНТ-ИППОЛИТУ ОТ 8 АПРЕЛЯ 1915 Г.

I. Московский монархический союз и его особое значение.

Монархический русский союз, основанный в сердце России, Москве, в тяжелые для родины годы, с самого начала своего существования, — на ряду с служением делу охраны незыблемых основ отечественной самобытной государственности — самодержавия, православия и русской народности, — был всегда полон стремлений к изыскиванию и применению реальных способов, ведущих к улучшению условий народной жизни (особенно низших слоев).

Сохраняя с основания своего главное название «русская монархическая партия», союз имел дополнительные наименования: сначала «объединенный русский народ», затем «московский союз русского народа», а с 1911 года окончательно установлено название «русский монархический союз». За время существования с 1906 года он имеет параллельную вспомогательную организацией «русское монархическое собрание», с отдельным уставом, по характеру и задачам однородные с с.-петербургским, ныне петроградским «русским собранием».

Из среды союза и при его содействии возникли, кроме его отделов, несколько обществ трезвости, общество для содействия патриотическому воспитанию детей и борьбы с улицей, грингмутовская школа и другие учреждения; начал собираться фонд для покупки своего «Русского дома», основались грингмутовская библиотека и обширный книжный склад, оборудована собственная типография, издавались газеты и многие полезные печатные издания, немало содействовавшие подавлению злостной подпольной пропаганды. Были попытки брать подряды от интендантства и устраивать мастерские для предоставления заработка своим нуждающимся сочленам.

Первоначально в союзе насчитывались тысячи членов и масса сочувствующих, всегда готовых примкнуть к союзу.

Москва и губерния были охвачены сетью отделов союза, и чувствовалось, что большая часть москвичей душой и телом укреплена в монархизме.

При этом монархический союз в действиях своих особенно

ревностно заботился о поддержании постоянной тесной братской связи с другими единомышленными правыми организациями России, в особенности же с союзом русского народа, возглавленным Н. Е. Марковым II.

К сожалению, вследствие безвременной кончины основателя и вдохновителя союза, незабвенного редактора «Московских ведомостей», В. А. Грингмута, не успевшего еще окончательно организовать союз, воплотить и укрепить его в формах, обеспечивающих ему развитие дела и преуспевание в достижении практических целей, создалась неопределенность направления и положения, причем пришлось считаться еще с фактом проникновения в состав под видом «ревнителей союза» ловких людей, преследовавших под знаменем союза только свои личные, эгоистичные и сепаративные цели и сеявших рознь и дразги...

Всё это, вместе взятое, не могло, конечно, не отразиться неблагоприятно на деятельности союза, в смысле его практического значения и влияния.

Отделы союза, жизнедеятельные при В. А. Грингмуте, заглохли и большинство из них фактически прекратило даже свое существование. В результате же в нужные моменты ослабленный союз не проявил энергии в той степени, какой можно и должно было ожидать.

Лучшей тому иллюстрацией служат выборы в 4-ю государственную думу от Москвы-города и ее губерний, где подавляющее большинство жителей, несомненно, правые, а депутаты получились левые.

Но, к счастью, первоначальный толчок единению монархистов, данный В. А. Грингмутом, а также заветы и дух его не умерли.

После всего пережитого, умудрившись опытом и сознав главные причины своего оскудения, монархический союз, в лице благожелательных своих элементов, решил, что нужно, снова дружно сплотившись, вымести плевелы из своей среды и в дальнейшем направлении своей деятельности изъять всё то, что, затемняя смысл основного назначения союза, отклонило его в сторону от осуществления его политических и практических задач и временно ослабило его мощь.

При этом и самые задачи союза ныне стало нужно формулировать более точно и определенно, чтобы ясна была и та ответственность, которую союз принимает на себя, поставляя своим долгом неотступно следовать тем общим началам, на которых должна быть основана взаимосolidарность действий всех единомышленных организаций, а именно:

1) посылному содействию местным властям в деле водворения повсюду порядка и законности, а равно и во всех предначинаниях, направленных к улучшению тех народно-бытовых условий, которые, устраняя причины недовольства и разнузданности масс, предоставили бы возможность каждому, любящему царя и ро-

дину, надлежаше развивать дарованные ему богом способности и с наибольшею пользою применять их на благо собственное и благо отечества, и

2) возможно полному объединению и сплоченности всех своих единомышленников в деле прекращения и предупреждения революционной пропаганды, а равно и для планомерной, деятельной подготовки будущих выборов в V государственную думу, чтобы избрать в нее лиц трудоспособных, преданных самодержавцу и интересам родины.

Монархический союз, на ряду с другими единомышленными организациями, принял на себя миссию твердо отстаивать и укреплять в народе основы его национальной русской самобытности и вековой стойкости за веру, царя и отечество «не за страх, а за совесть».

Относиться безучастно ко всему, переживаемому отечеством в данное время, было бы равносильно допущению явного распропагандирования и обезличения народа темными силами, действующими подпольно, искусно организованными, борьба с которыми одними административно-полицейскими средствами является, даже в лучшем случае, лишь удачным паллиативом, который, как свидетельствует история, в конце концов может потерять свою сдерживающую силу.

А что этот, хотя подпольный, но могучий враг у нас прижился и действует, тому лучшее доказательство — революционный почти на $\frac{2}{3}$ состав четырех дум, пробные забастовки в общественных предприятиях (между прочим трамвайная в г. Москве) и вспыхивающие время от времени беспорядки среди рабочих, студентов и даже в армии и флоте.

Во внутренне-политическом направлении своей деятельности монархический союз, несомненно, явится организацией, построенной на правильно обоснованных началах, при взаимодействии центральных и местных (областных) союзов.

В деле же содействия благим начинаниям по экономическим вопросам и устройству народного быта, русский монархический союз, находящийся в центральном положении, среди коренной русской народности и в узловом промышленно-культурном центре государства, не может не сознавать своего исключительного и чрезвычайной важности назначения и соединенной с ним ответственности перед государством и родиной.

Толчком от сердца подается кровь всему организму, и, что осуществимо в Москве, сердце коренной Руси, то возможно, как родное русское, и для всей империи.

II. Причины временного упадка союза.

Такая откровенная характеристика - справка о возникновении первоначальной, могучей при В. А. Грингмуте, деятельности и ослаблении, после его кончины, союза по вине «проникнувших

в состав, под видом ревнителей союза, ловких людей, преследовавших (разумеются о. И. И. Восторгов, архимандрит Макарий Гневушев и их пособники), под знаменем союза, только свои личные эгоистичные и сепаративные цели и сеявших рознь и дразни», дана в напечатанной в мае 1914 года брошюре, которая подкреплена на последней странице подписями пяти лиц. Первый из них, В. В. Томилин, бывший председатель союза, преемник по этой должности о. Восторгова, бывший ранее его товарищем, появившийся в союзе только в 1912 году, а прочие четверо — грингмутовцы, участники с основания монархической партии, ныне вошедшие в состав нового главного правления союза, действующего с 8 августа 1914 года, со времени выбытия В. В. Томилина.

После могучего грингмутовского периода деятельности монархический союз, возникший в 1904 г. первым в России, бывший рассадником других союзнических организаций и создавший 5 всероссийских съездов русских людей (в обеих столицах и Киеве), потерял свое прежнее значение исключительно потому, что в период председательства оо. протоиерея И. И. Восторгова и архимандрита Макария (1909 — 13 гг.), а затем и при председательстве В. В. Томилина (1913 — 1914 г. до августа), сосредоточен был на выполнении их эгоистических, направленных к созданию карьеры и личных материальных стремлений, с ярко просвечивающим везде в их деятельности положением: «А после нас хоть потоп».

При таких условиях затихли и частью совсем закрылись отделы союза, ныне опять возобновляемые; изданная в массах экзemplаров на казенные субсидии литература союза превратилась в груды сваленных и перемешанных в подвальном этаже подчиненного о. Восторгову московского епархиального дома книг и брошюр; общие публичные собрания союза, за отсутствием организации и каких бы то ни было уведомлений массам членов союза, представляли приток случайной и повторяющейся уличной публики, наполняющей обычно всякие аудитории народных чтений, тысячи же членов союза оставались об этих общих публичных собраниях в неизвестности потому, что им не велось надлежащих членских списков. Ныне же восстанавливать эти списки в возможной полноте приходится по случайно отысканным в отбросах и в лавках корешкам книжек, из которых выдавались членские билеты. Делопроизводство союза с самого начала его существования до 1914 года намеренно сокрыто прежними его руководителями, в устранение возможности контроля их периода; нет ни журналов, ни постановлений, никаких книг денежной отчетности, ни одной решительно входящей и исходящей книги и бумаги за всё время существования союза с 1905 по 1914 год.

Истрачены же были, как известно, большие суммы членских взносов (по уставу союза таковые делаются однажды при всту-

плении и не повторяются) и крупных пожертвований и огромные суммы казенных субсидий (в сложности за 1906 — 13 гг. до 250 000 р.); но судить обо всем этом приходится только по личным рассказам прежних членов и из них же извлекать данные для восстановления союза в прежней его мощи.

III. Мое отношение к союзу.

Войдя в монархическую партию-союз при самом ее основании, я не имел в то время возможности принимать ближайшее и постоянное участие в деятельности, так как находился на государственной ответственной службе, а с появлением во главе союза с 1908 г. вышеупомянутых преемников В. А. Грингмута по председательству — о. Восторгова и его сподвижников, держался окончательно в стороне; ушли из союза и многие ретивые его деятели, крупными пожертвованиями поддерживавшие его ранее, как-то И. А. Колесников, М. Т. Константинов, В. Д. Коншин, А. Н. Найденов, С. Д. Самарин и другие, в самое последнее время, благодарение богу, начинающие вновь проявлять некоторое внимание к союзу, в виду радикальной, ставшей им известною, перемены в его порядках.

Находясь несколько лет под неизгладимым впечатлением данного мне покойным В. А. Грингмутом, как сотоварищу по бывлой редакции М. Н. Каткова, незадолго до смерти, завета: «приди с энергиею и по совести на поддержку союза, если он будет разрушаться», и принимая 23 апреля 1914 г. должность товарища председателя в русском монархическом союзе, а с 8 августа того же года, после вынужденного выбытия В. В. Томилина, председательство в союзе, я не мог даже предположить возможности того грустного положения союза, которое понятно из вышеизложенного.

При полной пустоте кассы союза, при отсутствии каких бы то ни было следов прежнего делопроизводства, окончательном расхищении всего имущественного инвентаря и при неимении даже центра союза, своей квартиры и канцелярии, я сознавал трудность общего положения, но, после переговоров с начальником главного управления по делам печати, гр. С. С. Татищевым, и личного моего доклада в октябре г. министру внутренних дел, беззаветно пошел на помощь союзу личными, совместно с женой моей, средствами на упорядочение и восстановление союза.

Была нанята, снабжена более чем приличною обстановкою квартира, организована правильная канцелярия, а затем при ней положено вновь начало монархической библиотеки и книжного склада, восстанавливаемого, по возможности, из сваленных ранее в беспорядке в епархиальном доме груд печатных патриотических изданий. Создавая квартиру, пришлось приобретать всё, от икон, высочайших портретов, фотографий патриотических тор-

жеств и прежних съездов и до последней канцелярской книги и письменных принадлежностей, за безвестным отсутствием прежнего имущества, ставшего достоянием квартир разных лиц.

Восьмимесячная напряженная, с августа 1914 года, личная неусыпная настойчивость и содействие тесного, но твердого привлеченного кружка сотрудников, сочувствующих восстановлению, оживлению и очищению союза, дали результаты настоящего уже ошутительного, приличного и солидного положения, убедиться в котором союз усердно просит ваше превосходительство через кого-либо из подведомых вам лиц.

Но при этом долгом считаю с полною откровенностью доложить, что, — под воздействием ли о. протоиерея И. И. Восторгова, или под впечатлением прежнего моего личного разномыслия по «Московской добровольной охране» (ныне «Добровольной дружине»), в которой я был с основания ее в 1881 г., но выбыл в 1913 г., — к монархическому союзу в настоящий период его деятельности, под моим председательством, относится не только без внимания, но даже с очевидною недоброжелательностью г. московский градоначальник, благоволивший к о. И. И. Восторгову и архимандриту Макарию Гневушеву, выбывшим в 1913 г. по требованию г. обер-прокурора св. синода, и их преемнику и ставленнику В. В. Томилину, взявшему на себя укрытие прошлого, но после ссор с ними откровенно характеризовавшего их в мае 1914 г. в вышеупомянутой брошюре, а затем, по их примеру, закончившего деятельность в союзе растратой.

IV. Средства союза и его затруднения.

С марта 1914 г., после выданных ранее в 1908 — 13 гг. министерством внутренних дел протоиерею И. И. Восторгову крупных многотысячных пособий, постоянная субсидия монархическому союзу назначена была г. министром, гофмейстером Н. А. Маклаковым, по 500 р. в месяц. Выдавал ее гр. С. С. Татищев, причем, по неизвестным основаниям, выдал ее в марте и апреле 1914 г. вперед за 7 месяцев бывшему председателю В. В. Томилину, т. е. по октябрь 1914 г., всего в размере 3500 р. Но В. В. Томиным вся эта сумма от союза была сокрыта, в кассу не внесена и истрачена безотчетно на личные нужды. При новом правлении союза, по избрании меня председателем с августа 1914 г., субсидия уже не продолжалась. В августе и сентябре гр. С. С. Татищев высказал мне, что означенная субсидия по 500 р. в месяц, выданная раньше времени г. Томилину, впредь может быть отпущена только за 3 последние месяца 1914 г., т. е. с октября, и, наверно, будет продолжена в том же размере на 1915 г., но всё это в том лишь случае, если союз проявит изменение своих порядков, устранил растраты и создаст союзный центр — приличествующую квартиру, канцелярию и читальню. Под этим

влиянием и сделаны были затраты на союз мною и женою моею в размере, считая содержание квартиры и личного состава канцелярии по 1 апреля, до 5 000 р., данных союзу бессрочно и беспроцентною ссудою. Ныне эта возможность у нас с женой иссякла, а ожидавшегося поступления казенной, назначенной союзу, субсидии по 500 р. в месяц, за октябрь, ноябрь и декабрь 1914 г. и январь, февраль и март 1915 г., а всего 3 000 р., в союз не поступало; о назначении субсидии на будущее время никаких сведений также не имеется. Известно мне, впрочем, что из управления по делам печати московскому градоначальнику, при письме от 17 февраля с. г. за № 2094, выслана была для выдачи монархическому союзу сумма 1 000 р., возвращенная гр. С. С. Татищеву в январе с. г. В. В. Томилиным, после настойчивой моей с ним переписки, в покрытие хотя части растраченных им 3 500 р., но и эти деньги, 1 000 р., остаются до сего времени в управлении градоначальника и монархическому союзу еще не выданы, несмотря на письменную о том просьбу союза от 18 марта за № 144.

В. Программы и нужды союза.

Сознавая долг монархистов готовиться к потребному проявлению своей деятельности после войны, при несомненно грядущих и подпольно подготавливаемых обстоятельствах, объединяя возможными мерами прежних членов, начав привлечение новых, развивая вообще деятельность союза, я и главное правление союза могли бы осуществить свою программу, а также слить деятельность всех вообще союзнических организаций в Москве, устранив все прежние ссоры и недоразумения, в том случае, если бы министерство внутренних дел нашло возможным:

1. Выдать на покрытие моих организационных затрат и расходов оставшуюся невыданною на 3 месяца 1914 г. субсидию 1500 руб.

2. Продолжать и в 1915 г. ежемесячное пособие в размере, назначенном г. министром внутренних дел в 1914 г., т. е. по 500 руб. в месяц.

3. Предоставить союзу для постоянного пользования 2 — 3 бесплатных годовых железнодорожных билета, необходимых в виду частых поездок должностных лиц в Петроград и другие места для поддержания взаимодействия с властями и единомышленными организациями.¹

4. Помочь союзу в издании в Москве, первоначально хотя бы еженедельно, печатного органа, журнала или газеты монархического направления, для установления наибольшей связи

¹ Бывшему председателю И. И. Восторгову выдавались в 1912 г. 5 билетов, а в 1913 и 1914 гг. три билета: билет 1-го класса и 2 билета 2-го класса, но на 1915 г. никаких билетов не выдано.

союзников-монархистов, по примеру издаваемого в Петрограде «Вестника союза русского народа», причем, если бы последовало принципиальное на такую помощь указание, то могла бы быть представлена в главное управление по делам печати отдельная по сему поводу смета, приблизительно в размере 8 000 — 9 000 р. в год.

VI. Заключение.

По долгу и совести докладываю вашему превосходительству, что, веря в восстановление прежней мощи русского монархического союза и отдав, в подкрепление этой веры, на его нужды свою денежную лепту (при крайне ограниченных личных средствах), я лично, совет и главное правление союза надеемся, что при указанных вспомоществованиях русский монархический союз разовьет деятельность, подтвердит и впредь свое служение делу охраны основ отечественной государственности и приложит силы слить воедино все ныне значительно разрозненные союзнические организации Москвы и центральной России вообще, к чему ныне особенно прилагаются мои личные старания, давшие уже результаты в объединении по помещению и общим собраниям монархического союза с кремлевским отделом союза русского народа и обществом русских патриотов.

Отчеты во всех денежных суммах, поступивших в союз, при введенной ныне правильной кассовой отчетности, будут в надлежащем виде представляться в министерство внутренних дел, причем полученные суммы казенных субсидий в официальных книгах и частных отчетах по союзу будут именоваться «поступлениями от неизвестных жертвователей через председателя», что, несомненно, необходимо в устранение нареканий несочувствующих монархическим организациям органов печати и отдельных лиц.

Председатель совета и главного правления союза, почетный член союза С. Кельцев.

(Архив департамента полиции.¹)

ПИСЬМО С. А. КЕЛЬЦЕВА ТОВАРИЩУ МИН. ВН. ДЕЛ С. П. БЕЛЕЦКОМУ ОТ 27 НОЯБРЯ 1915 Г.

Ваше превосходительство, милостивый государь, глубоко-чтимый Степан Петрович.

Не считая возможным доверить кому-либо переписку нижеизложенного, пишу своим почерком и, представляя, во исполнение личного распоряжения вашего, сведения о монархическом союзе (это копия сообщенного недавно новому московскому градоначальнику, по его желанию, для ознакомления с союзом), позволяю себе подтвердить, по долгу и совести, что, при усили-

¹ В копии документа, имевшейся в распоряжении составителя, № его не указан. Ред.

вающемся в Москве и окрестностях особо опасном по центральности революционном и антидинастическом движении, неотложно необходимы:

1) Лучшая, чем ныне, постановка местного охранного отделения и состава его руководителей и «наблюдателей общественного настроения» для устранения таких фактов, как совершившееся, крайне опасное сосредоточение рабочих союзов под флагом старого и якобы смирного «Общества для содействия народным развлечениям», которое, под руководством еврея, прис. пов. Розенфельда, своими летними подмосковными экскурсиями 1915 г., с участием внезапно приезжавших гастролеров-думцев: Керенского, Скобелева, Хаустова, Чхеидзе и др., сплотило рабочих и дало прирост членов в их союзах в 1915 г. с 1900 только человек до 20 000 ныне (сообщено мною об этом письменно и подробно в октябре московскому градоначальнику и явилось очевидной новостью для охранного отделения), причем эта подпольная работа ныне продолжается в том же направлении под новым руководством, — за призывом Розенфельда в армию, по мобилизации, — общества взаимопомощи торговых служащих.

2) Монархическим организациям г. Москвы нужна помощь из казенных средств: а) на развитие правой печати (о субсидии на новые с 1916 года издания, еженедельное «Сердце России» и ежемесячное «Работа монархистов», прошение мое г. министру у начальника упр. печати, кн. С. Н. Урусова, и в понедельник, 30 ноября, решается при его докладе вопрос о всех изданиях на 1916 г.); б) на устройство возможно чаще в Москве и окрестных густонаселенных фабрично-заводских местах (Мытищи, Богородск, Коломна, Орехово-Зуево, Иваново-Вознесенск и др.) публичных правых собраний-бесед с соответствующими докладами общего характера, что затрудняется ныне загруженностью помещений лазаретами для раненых и дороговизною поэтому найма подходящих зал (в Москве в консерватории и политехническом музее по 250 — 300 р. за вечер); в) на выезды, по примеру прежних лет, в особенности 1905 — 6 гг., в целях единения монархистов и для устройства публичных лекций, в провинцию, для чего монархическому союзу всегда, с 1906 г. по 1915 г., выдавались по 3 — 6 бесплатных железнодорожных билета для проезда по всем дорогам по I и II классу из канцелярии г. министра (отдел Г. А. Кондратьева), причем в 1914 г. были 3 билета: I класса за № 712 и II класса за №№ 35 и 36, а с 1915 г. билетов не выдано совсем под очевидным воздействием В. Ф. Джунковского, старателя иных стремлений.

В виду вышеизложенного, позволяю себе усердно просить ваше превосходительство:

1) поддержать перед г. министром нашу просьбу о субсидии на издания «Сердце России» и «Работа монархистов», — решаться будет на весь 1916 г. в понедельник 30 ноября;

2) помочь русскому монархическому союзу отпуском на 1916 г. специальной субсидии в 3000 р. на устройство публичных бесед и собраний, независимо выдаваемых постоянно на общие нужды союза 500 р. в месяц;

3) выдать, по примеру прежних лет, три (и не менее двух) билета I и II класса для проезда по всем железным дорогам командиремым (билеты на «предъявителя») чтецам-ораторам, причем это полезно и потому, что я и достоверные люди-единомышленники поможем собиранию сведений в работе, доставляемых сенатору Крашенинникову и Н. П. Харламову при ревизии в Москве и градоначальнику, о вышеизложенном сплочении рабочих.

Надеясь на благосклонность вашего превосходительства в помощи на дело посильной службы престолу и отечеству, почтительнейше прошу не отказать в доверии к чувствам совершенного почтения, глубокого уважения и искренней преданности-покорного слуги вашего превосходительства

Сергея Кельцева.

(Дело департамента полиции, 9-го делопроизводства, 1915 г., № 244, лл. 218 — 219.)

ПИСЬМО С. А. КЕЛЬЦЕВА С. П. БЕЛЕЦКОМУ ОТ 9 ФЕВРАЛЯ 1916 Г.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь, глубоко чтимый Степан Петрович. Надеюсь на милость и доброту вашу, позволяю оторвать минуту вашего внимания в сегодняшний хлопотливый день по экстренной причине, по делу, о котором усердно просил вас вчера лично. В департаменте общих дел у г. Шадуурского сегодня заканчивается и подается г. министру на подпись общий наградный список по ведомству на Пасху, чтобы завтра, 10 февраля, с соблюдением законного двухмесячного срока, направить его статс-секретарю Танееву. Сегодня же, с опозданием на один день, поступает в департамент общих дел прошедшее благоприятно все стадии у московского градоначальника, петроградского губернатора и окончательно в главном управлении местного хозяйства у Н. Н. Анциферова, мое представление в дейстит. стат. сов., в два предшествующие года не пропускавшееся под давлением мести и изветами В. Ф. Джунковского, что хорошо известно и может быть засвидетельствовано А. Н. Волжиным.

При опоздании на один день, ныне мое представление дополнительно к общему наградному представлению может быть направлено к статс-секретарю Танееву только в том случае, если вы соизволите принять участие в моей судьбе и повлияете на г. Шадуурского о представлении меня дополнительно.

Бью челом земно, помогите. Буду считать, что это награда и за труды и личные материальные траты по черносотенным орга-

низациям. Примите благосклонно уверение в глубоком уважении и отличной преданности покорного слуги вашего превосходительства. С. Кельцев.

(Дело департамента полиции, 6-го делопроизводства, 1916 г., № 244, л. 42.)

ИЗ ПИСЬМА С. А. КЕЛЬЦЕВА ДИРЕКТОРУ ДЕП. ПОЛ. А. Т. ВАСИЛЬЕВУ ОТ 24 ДЕКАБРЯ 1916 Г.

В письме этом Кельцев пишет, что, израсходовав из своих и жениных средств свыше 18 000 р. с июля 1914 г. по январь 1917 г., он «расходовать на расширение деятельности союза бессилён».

Далее говорится, что «нужны значительные суммы, чтобы дать ход союзу для развития мощи былого времени». Затем Кельцев указывает, что для развития деятельности союза в центре России и окрестных местах «мечты» деятелей союза сводились к следующему:

1) Открытие «петроградского русского монархического союза», как филиального отделения, для объединения местных почетных и действительных членов и устройства собраний, с квартирой, канцелярией и служащими потребует расхода в 10 000 р.

2) Оживление и восстановление в Москве замерших и закрывшихся 27 отделов союза русского народа, 12 — союза русских людей и 8 других, всего 47, которые, если бы действовали, дали бы противовес и при недавних городских выборах и в общем; положение дел потребует 10 000 р.

3) Наблюдение за общественным настроением, опыты которого дали нам возможность обнаружить и указать администрации несколько революционных обществ и кружков, потребует 6 000 р.

4) Агитация, — собрания и чтения в Москве и крупных пунктах с наймом зал и выездных ораторов, — потребует 8 000 р.

5) Оборудование чайных-столовых в рабочих кварталах (пока 4) потребует — 8 000 р.

6) Областной съезд в Москве потребует 15 000 р.

7) Издательская деятельность потребует 20 000 р.

8) Представительство и разъезды потребуют 5 000 р.

А всего — 82 000 р.

При затруднительности и невозможности иметь такие «колоссальные» средства, — пишет Кельцев, — «союз будет действовать в зависимости от материального положения; особо необходимы для пользы дела меры для осуществления 1, 2, 4 и 6 пунктов программы».

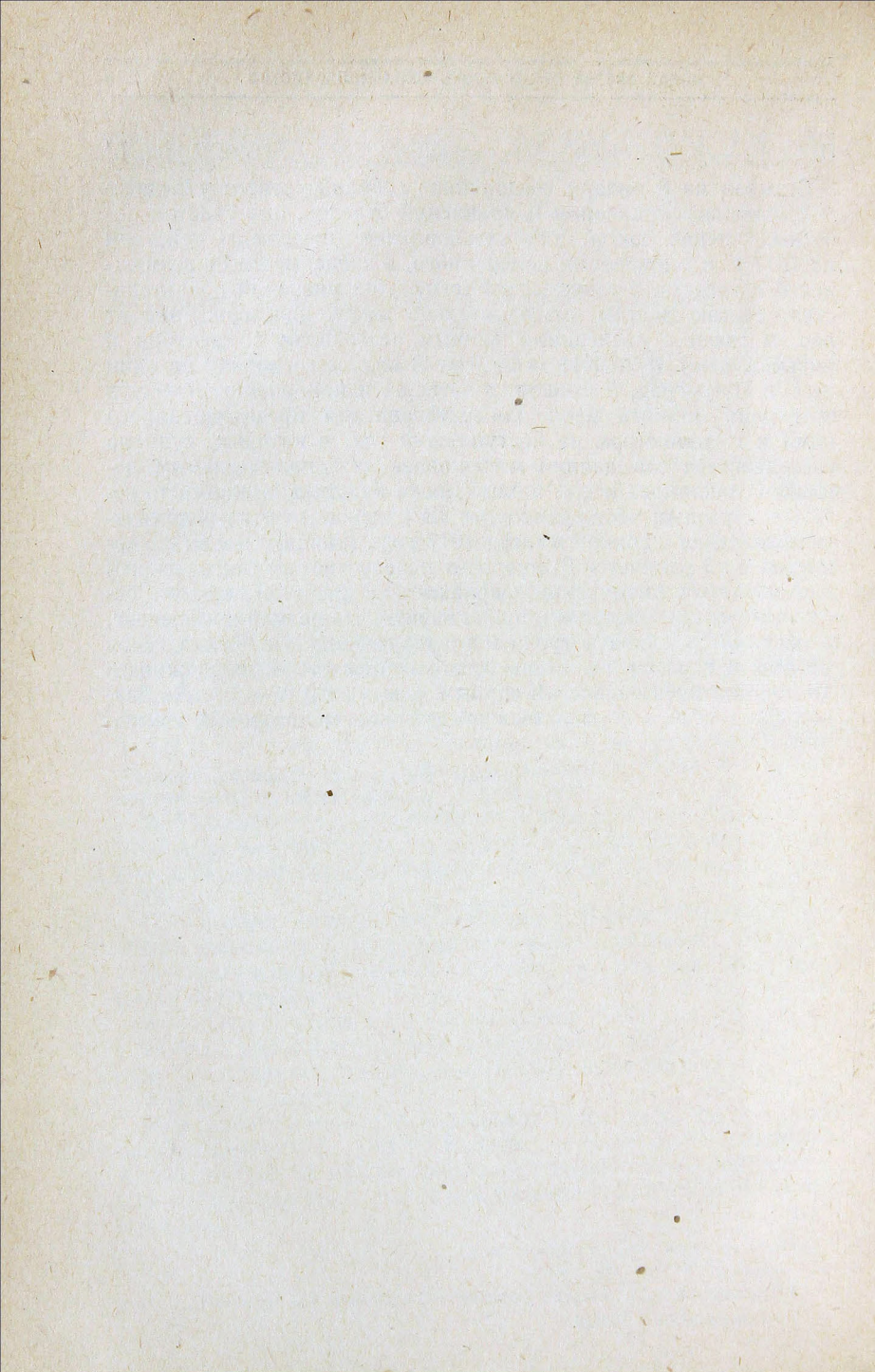
(Дело департамента полиции, особого отдела, 1917 г., № 244.)

ПИСЬМО С. А. КЕЛЬЦЕВА А. Т. ВАСИЛЬЕВУ ОТ 2 ЯНВАРЯ 1917 Г.¹

Созывая на 8 января соединенное собрание совета учредителей, главного правления и правлений отделов, при участии почетных членов союза, для установления программы действий на 1917 г. и выполнения намеченного, в зависимости от возможности и средств, а также соответствующих указаний правительства, считаю долгом предварительно иметь подтверждение от вас, в связи с последними личным разговором 15 декабря и письмом моим от 24/XII за № 994. В виду сего приеду на один день в Петроград, 5 января, в четверг, и покорнейше прошу в этот день принять меня для установления предначертанного вами и г. министром на наступивший год, в котором, судя по состоявшимся совещаниям милюковцев и дополнительным докладам Маклакова и др., в ближайшем будущем нужно быть готовым к разным неожиданностям. В надежде, что астрономическое значение сложности цифр 1917 года (равняется $18 : 2$ равняется $9 : 3$ равняется 3) пророчит победу чистого (ангельского) над нечистым (аггельским), правды над клеветой и злом, бесовского над человеческим, будем верить, что не восторжествуют, а посрамятся лиходеи трона и государственности. Таких годов не много, а особо значительно, что в этом столетии сложность 18 не была превзойдена ни одним годом с 1899 г. — 27. Да благословит господь оправдаться предуказаниям цифровых сочетаний.

(Дело департамента полиции, особого
отдела, 1917 г., № 244.)

¹ На письме этом имеется пометка: «Сохранить это письмо». Союз русского народа.

О Д Е С С А

Одесса в годы реакции (1907 — 1913) представляла как бы государство в государстве. Сначала ген. Каульбарс, а затем ген. Толмачев, верные общим указаниям царя и департамента полиции, создали в своеобразных условиях большого южного портового города разбойничьи дружины, обмундировали и вооружили их. Здесь уже нет никакой «идеологии», нет ученых записок в департамент, нет речей и поздравительных телеграмм.

Здесь — резиновая палка и современные револьверы у союзников, массовые облавы — избиения прохожих на улицах и в здании суда, убийства портовых рабочих и учащихся, обыски союзниками рабочих квартир. Каульбарс и Толмачев участвуют в демонстрациях и бесчинствах союзников, отлично знают (см. их донесения), что в дружинах союза русского народа — «воры и сутенеры», «подонки общества», но «пьяница и мошенник», председатель отдела союза русского народа, граф Коновницын, откровенно заявляет, что «союзу некого бояться», так как царь вне очереди принимает у себя Коновницына, благодарит за подносимые ему и наследнику значки, надевает их во время приема одесских администраторов.

Департамент полиции знает о «ценных заслугах» Коновницына в революционные годы, пишет одесским властям об «исторической роли союза русского народа», «для Европы» «требует разоружения» дружин и, получая подробные рапорты о всех преступлениях союза, наивно запрашивает Одессу, «справедливы ли такие слухи?» Ему отвечают, что совершенно справедливы. Тогда он просит «дополнительных сведений».

При ревизии дел одесского градоначальства в 1917 г. обнаружен ордер, собственноручно заполненный и подписанный ген. Толмачевым о выдаче награды союзнику «за убийство анархиста», — деньги для передачи получил Коновницын.

Выборная кампания в Государственную и гор. думы (1912 — 1913 г.) прошла в Одессе также оживленно. Громились избирательные бюро, выдавались подложные удостоверения, свои счетчики из «на всё согласных» людей (см. письмо Веселовского) взламывали ящики и производили подсыпку своих бюллетеней, — результат «демократической» работы налицо: в Государственную думу от Одессы прошли правые, а городским головой «избран» погромщик Пеликан.

С наступлением войны 1914 — 1917 гг. для союзников пришли

тяжелые дни. Командующий войсками округа, ген. Эбелов, как видно, деловой военный, круто оборвал погромную деятельность членов союза русского народа и союза Михаила архангела, запретил их орган «Русскую речь». Возникшая отсюда большая переписка между военными и гражданскими властями закончилась письмом Штюрмера Брусилову, где председатель совета министров указывает главкому юго-западного фронта, что «выступления союза не всегда уместны, но побуждения патриотичны», и требует «бережного отношения» к союзу русского народа.

Отдел заканчивается материалами 1917 г.: показаниями Кововницына и ценной запиской ревизора — сенатора Трегубова, давшего обзор деятельности всех монархических организаций Одессы.

ПЕРИОД НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ БАРОНА А. В. КАУЛЬБАРСА (КОМ. ВОЙСКАМИ ОКРУГА). 1907 ГОД

РАПОРТ ОДЕССКОГО ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА ОТ 26 ЯНВАРЯ 1907 Г.

Пристав Бульварного участка, рапортом от 23 января за № 2811, донес мне, что 22 января, в начале 7 часа вечера, на бюро партии мирного обновления, в доме № 4, по Авчинниковскому переулку, совершено нападение неизвестными лицами, в числе около 15 человек, в форме местных учебных заведений, со значками «союза русского народа», и уничтожено двадцать семь тысяч избирательных бюллетеней, выданных городской управой, за ее подписью.

Об изложенном доношу вашему превосходительству и докладываю, что дознание по этому делу передано судебному следователю одесского окружного суда по важнейшим делам.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1905 г., № 999, ч. 39, т. II, лит. А, л. 4.)

ПИСЬМО ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА ГРИГОРЬЕВА ОТ 31 МАРТА 1907 Г. НА ИМЯ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ М. И. ТРУСЕВИЧА.

Издающаяся в Одессе ежедневная газета «За царя и родину» в помещенной в № 46 от 31 марта, перепечатанной из «Русского знамени» статье, под заглавием «Облик П. А. Столыпина выясняется», обвиняет господина председателя совета министров в том, что он «не только созвал шайку разбойников, но и позволяет таким наглым образом из Таврического дворца готовить иллюминации».

В виду того, что газета эта является органом местного союза русского народа, преимущественно распространена в низших слоях общества и главным образом среди рабочих, состоящих членами союза, — подобные поступки газеты, выходящей под столь высоким девизом, крайне возбуждающе действуют на ее читателей — людей в большинстве недостаточно развитых и мало подготовленных к критической оценке печатного слова. На подобные выходки этой газеты, повторяющиеся довольно часто, мною было обращено внимание местного инспектора по делам печати, который мне сообщил, что по докладе им временному генерал-губернатору г. Одессы о нежелательности некоторых отделов газеты «За царя и родину» и преимущественно

в той части, где трактуется о представителях высшей и местной администрации, г. генерал-губернатор приказал инспектору сделать редактору соответствующее внушение и впредь докладывать ему в случае повторения подобных эксцессов со стороны редакции названной газеты.

(То же дело, л. 32.)

ТЕЛЕГРАММА ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА И НАЧ. ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ, ОТ 5 АПРЕЛЯ 1907 Г., НА ИМЯ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

В четверг, в четыре дня, возвращавшиеся из порта в город 15 человек боевой дружины союза русского народа, одетые в форму союза, по их показаниям, подверглись ругательствам, а затем бросанию в них камнями со стороны портовых русских рабочих; дружинники, по приказанию своего атамана Черникова, открыли огонь из револьверов; шесть рабочих ранено, двое тяжело, один умер, признаков ранения камнями дружинников не обнаружено. Возмущенная толпа в несколько тысяч человек намеревалась окружить дом, где живет Коновницын, куда скрылись дружинники. Немедленно прибыв, я лично уговорил толпу разойтись, обещал виновных привлечь к ответственности. В виду беспорядка в сибиряковском театре и настоящего необходимо принять серьезные меры в отношении союза русского народа, в лице его председателя. Ныне праздник Пасхи может омрачиться. Градоначальник Григорьев, генерал-майор Кузубов.¹

(То же дело, л. 37.)

ТЕЛЕГРАММА ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 10 АПРЕЛЯ 1907 Г.

В дополнение к телеграмме моей на имя директора департамента полиции от 5 сего апреля, представляю вашему высокопревосходительству нижеследующие сведения по поводу имев-

¹ На означенной телеграмме имеется надпись синим карандашом: «Срочно освед. бюро», а затем тем же карандашом в тексте телеграммы сделаны исправления, после чего содержание ее оказалось следующее:

«Четвертого сего апреля, около четырех часов дня, возвращавшиеся из порта в город 15 человек дружины союза русского народа, охранявшие перед тем пароходы торгового порта, подверглись ругательствам со стороны портовых рабочих, а затем бросанию в них камнями, причем дружинники открыли огонь из револьверов, шесть рабочих ранено, из них один умер, после этого возмущенная толпа в несколько тысяч человек намеревалась окружить дом, куда скрылись дружинники, но немедленно прибывшая полиция убедила толпу разойтись. Министром внутренних дел сделано распоряжение привлечь виновников к строгой ответственности и принять решительные меры к предупреждению дальнейших нарушений порядка и подтверждено вновь о том, что какие-либо вооруженные дружины и самооборона не могут быть терпимы». *Ред.*

шего место 4 апреля столкновения союзников одесского отдела союза русского народа с местными портовыми рабочими.

Во время происходивших в минувшем году забастовок пароходных команд, сопровождавшихся покушениями на пароходы частных обществ, Русское общество пароходства и торговли признало необходимым ввести особую стражу для охраны этих пароходов. В этих целях одесская контора общества обратилась к содействию одного из своих служащих, графу Коновницину, состоящему в то же время председателем одесского отдела названного союза. Графом Коновнициним к делу охраны пароходов были привлечены лица, входившие в состав боевой дружины отдела союза. Как можно заключить из имеющихся сведений, дружина эта постепенно образовалась из лиц, приглашенных союзом как для охраны помещения чайной общества по Торговой улице, так и личности самого графа Коновницина, печатно заявлявшего о получаемых им угрозах от лиц, не сочувствующих деятельности союза. Благодаря постоянно оказываемому союзу покровительству со стороны командующего войсками, увлекшегося идеей противопоставить союз левым партиям, боевая дружина, как это видно из сделанного бароном Каульбарсом заявления на совещании 6 апреля, одно время доходила до 200 человек. Дружина эта, как видно из представленного состоящим при одесском градоначальнике штаб-офицером рапорта, была организована по-военному и имела своих атамана и других начальников. Главным начальником дружины ранее состоял барон Бюллер, а в настоящее время — председатель отдела, граф Коновницын. Члены дружины открыто появлялись на улицах и в публичных местах, одетые в однообразную форму и вооруженные огнестрельным оружием. Так, в день производства в городских избирательных комиссиях выборов в Государственную думу, Коновницын, в сопровождении одетых в форму и вооруженных дружинников, объезжал места производства выборов. Неоднократные насилия и уличные беспорядки, произведенные в Одессе членами союза, а также вид вооруженных союзников, не могли, конечно, не возбудить тревожных опасений и даже враждебного отношения со стороны значительного числа местного населения. Недружелюбное отношение вообще к союзу, а тем более к его дружине, распространялось и на ту часть дружинников, которая, в числе около 20 человек, в последнее время состояла при пароходах Русского общества. 4 апреля, в начале 5 часа дня, находившиеся при карантинном агентстве Русского общества пароходства и торговли дружинники союза русского народа, в числе 20 человек, отправились за получением жалованья в квартиру графа Коновницина; проходя по Таможенной площади, на которой всегда в значительном числе имеются чернорабочие, так как на площади помещаются столовые рабочих, дружинники подверглись насмешкам

и брани со стороны чернорабочих. Начавшаяся перебранка быстро привлекла значительное число рабочих, и, по словам некоторых из свидетелей, в союзников было брошено несколько камней; тогда союзники, как они показывают, в целях самообороны произвели в толпу несколько залпов из револьверов. Сделанными выстрелами было ранено 6 рабочих, из которых двое тяжело, из последних рабочих Поливанов скончался в тот же день, а второй, Леонтий Дудченко, находится в неопределенном состоянии, остальные же четверо в настоящее время на пути к выздоровлению. Произведенные в толпу рабочих выстрелы вызвали страшное озлобление среди последних, и многочисленная толпа бросилась преследовать стрелявших дружинников. Последние скрылись от преследования в находящийся близ порта дом прачешной Русского общества пароходства и торговли, в котором помещалась и квартира графа Коновницына. Немедленно лично прибыв к месту происшествия и видя общее возбуждение толпы, я обратился к ней с успокаивающей речью, в которой просил ее немедленно разойтись, обещая, что виновные будут строго наказаны. Толпа повиновалась мне и спокойно разошлась. Во избежание нарушения порядка, в порт были направлены усиленные наряды полиции и конных стражников и также небольшие части пехоты и казаков, а о происшествии мною предложено было чинам портовой полиции немедленно приступить к тщательному дознанию. При производстве дознания у всех дружинников были обнаружены и отобраны револьверы различных систем: Смита и Вессона, большого калибра, казенного образца, Лефосе различных калибров; вскрытием же тела умершего от ран рабочего Поливанова обнаружено, что поранение нанесено ему пулей из револьвера Смита и Вессона большого калибра. Произведенное полицией дознание, по распоряжению прокурора одесской судебной палаты, передано для предварительного следствия судебному следователю по особо важным делам при одесском окружном суде, и наблюдение за производством следствия возложено на одного из товарищей прокурора судебной палаты. Память убитого Поливанова рабочие решили почтить прекращением на один день всех работ в порту и тактовых 5-го числа совершенно не производили, ничем впрочем не нарушая порядка и спокойствия, 6-го же числа работы вновь возобновились. Узнав о смерти Поливанова, представители профессиональных союзов и рабочих организаций обращались ко мне с ходатайствами о разрешении им принять участие в похоронах убитого. Опасаясь возможных волнений и демонстраций, я, категорически не отказывая в ходатайстве рабочих, принял необходимые меры к тому, чтобы похороны Поливанова состоялись в 5 часов утра. Таким образом, прибывшие на похороны утром рабочие узнали, что Поливанов уже похоронен, и спокойно разошлись. Вечером в день про-

исшествия я посетил место производства дознания и указал союзникам, что, в виду общего против них возбуждения рабочих в порту, им не следует появляться там группами в форменной одежде, чтобы вновь не вызвать столкновения с рабочими. Однако дружинники не последовали этому совету, и на следующий день, 5 апреля, четверо дружинников, проезжавших в порт в форменном платье, подверглись преследованию со стороны толпы и лишь быстро принятыми мерами полиции были спасены от насилия. Не считая себя в праве сделать лично распоряжение об отобрании оружия от дружинников союза русского народа, так как разрешения на право ношения оружия были выданы им с дозволения временного генерал-губернатора, я, во исполнение телеграммы вашего высокопревосходительства от 5 сего апреля, вошел с представлением к временному генерал-губернатору г. Одессы по вопросу о том, последует ли с его стороны распоряжение об отобрании выданных разрешений на право ношения союзниками оружия, а также указал на угрожающую порядку опасность от появления дружинников в публичных местах группами в однообразной форменной одежде. Ответа на означенное представление мною до настоящего времени от генерал-губернатора не получено. Со своей стороны, в интересах охранения общественного порядка и спокойствия, а также предупреждения возможности дальнейших столкновений, я признаю безусловно необходимым совершенное прекращение выдачи союзникам разрешений на право ношения оружия и отобрание от них ранее выданных свидетельств, о чем я неоднократно докладывал как временному генерал-губернатору, так и командующему войсками, указывая, что подавляющее число вооруженных союзников состоит из молодежи низших классов, не привыкших сдерживать себя и отдавать отчет в своих поступках. Подтверждением моего мнения послужило и печальное происшествие 4 апреля; показанием очевидцев происшествия не устанавливается, чтобы дружинники действительно были принуждены к необходимости прибегнуть к оружию; произведенным тотчас медицинским осмотром также не установлено, чтобы кто-либо из союзников понес даже легкие повреждения от камней, между тем выстрелами ранено 6 человек. Несомненно, что точная картина происшествия 4 апреля всесторонне будет установлена лишь предварительным следствием, которым также будет выяснена виновность или же невинность каждой из участвовавших в столкновении сторон. Между тем, орган одесского отдела союза русского народа «За царя и родину», вместо необходимого спокойного отношения к делу, в ряде статей принял все меры к разжиганию страстей и еще большему усилению негодования как рабочих, так и других мирных классов общества по отношению к союзникам и в особенности к их дружинникам. На следующий день, в номере

от 5 апреля, в статье «Нападение на союзников», газета «За царя и родину», не выждав даже окончания полицейского дознания, указывает, что, несомненно, негодяи революционеры желали устроить союзникам засаду и что последние, находясь в состоянии необходимой обороны, принуждены были дать залп из револьвера, причем убито два революционера-агитатора и 5 ранено. В следующем номере от 6 апреля, в статье «События в порту», рабочие вновь названы «революционной сволочью» и указывается, что союзники на насилия всегда будут отвечать насилием. Из статей, отмеченных в представляемых при сем №№ 42, 50 и 51 газеты «За царя и родину», ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что в означенной газете в крайне грубых, доходящих до брани, выражениях систематически помещаются статьи, призывающие союзников к расправам с лицами, не разделяющими союзной программы, которых газета везде называет бунтовщиками и революционерами, а преследование их — высоко патриотическим делом. Чтение подобных статей лицами мало образованными и некультурными, из которых состоит огромное большинство читателей этой газеты, действует на последних развращающим образом, разжигая племенную и классовую ненависть. С другой стороны, клеветнические издевательства и осуждения действий местных властей, а также и высших органов правительства, дискредитируют в глазах простого народа эту власть и способствуют распространению анархических идей. Всё это тем более прискорбно, что подобные статьи помещаются в газете, издающейся под высоким именованием «За царя и родину», придающим ей в глазах низших классов как бы авторитет официального характера. В виду изложенных соображений и в целях прекращения дальнейшей столь опасной пропаганды означенной газетой, я признаю необходимым ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством о наложении административного взыскания на лиц, стоящих во главе этой газеты, а также и отдела союза русского народа в Одессе, графа Коновницына и присяжного стряпчего Пеликана, чем возможно будет ввести деятельность союза и его печатного органа в пределы законности.¹

(То же дело, л. 52.)

ДОНЕСЕНИЕ ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОТ 30 АПРЕЛЯ 1907 Г.

Имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что об организации дружины союза русского народа по сотням

¹ На отношении резолюция: «Почему ген.-губернатор. не исполнено мое приказание об уничтожении боевой дружины? Дружины, как видно, гуляют в форменн. платье и вооружены? Потребовать объяснения. Переговорить по поводу газеты «За царя и родину». Ред.

мне известно как по сведениям, добытым агентурным путем, так и из рапорта подполковника Рева, от 8 февраля с. г. за № 7, из имеющихся полицейских дознаний по поводу столкновения союзников с прочими жителями и прилагаемого при сем фотографического снимка с удостоверения, выданного 25 минувшего марта непосредственно заведующим дружиной в порту Черниковым, присвоившим себе название «наказного атамана».

Вся организация дружины при одесском отделе союза русского народа производилась всё время в строгом от меня секрете, причем о ходе этой организации делались доклады сначала бароном Бюллером, а затем графом Коновницким лично командующему войсками одесского военного округа барону Каульбарсу, которому известны как подробности этой организации, так и лица, стоящие во главе ее. С разрешения же командующего войсками были выданы для дружинников из артиллерийского склада 20 револьверов казенного образца, как об этом заявил граф Коновницкий в письме, в копии при сем прилагаемом, на имя директора Русского общества пароходства и торговли от 20 апреля с. г. за № 87; а по агентурным сведениям известно, что дружинникам были отпущены даже берданки, хранившиеся вначале в помещении чайной союза, а после убийства студента Адлера перевезенные на квартиру графа Коновницкого. По агентурным сведениям, дружина эта вначале состояла из нескольких сот человек, разделенных на 6 сотен; сведения эти были подтверждены и атаманом дружины Черниковым, при допросе по делу задержанного дружинника Дейша, как это видно из упомянутого выше рапорта штабс-офицера для особых поручений. Однако, вследствие бдительного надзора со стороны полиции и неоднократных моих докладов о том как командующему войсками, так и временному генерал-губернатору, дружина эта не могла вполне развернуться и открыто действовать на улицах. Постоянные мои указания в этом отношении, основанные на распоряжениях его высокопревосходительства председателя совета министров, а равно и недостаток денежных средств, повлекли за собой сокращение дружины, и, по имеющимся сведениям, в настоящее время дружина эта главным образом сосредоточена для охраны пароходов Русского общества пароходства и торговли. О деятельности ее в этом отношении мною уже были представлены подробные сведения министру внутренних дел 10 апреля за № 1151. К этим сведениям не могу не добавить, что лица, привлеченные к делу охраны пароходов общества, не считаются дирекцией своими служащими и являются таким образом вооруженной организацией, приглашенной одним частным обществом у другого такого же частного общества, что представляется совершенно недопустимым с точки зрения закона. Имея в виду, что в местностях, объявленных на военном положении, власть по охране государственной безопасности и общественного спо-

койствия законом возложена на генерал-губернаторов, я, как об этом и доносил министру внутренних дел, лишен был возможности и права самостоятельных распоряжений и действий как в отношении одесского отдела союза русского народа, так и его дружины. Неоднократные мои указания на необходимость полного разоружения дружины и лишения ее права появляться в публичных местах группами в форменной одежде до сих пор не имели успеха. Хотя я и указывал через одесского полицеймейстера, подполковника фон-Гесберга, временному генерал-губернатору о необходимости произвести обыск в помещении чайной союза в целях отобрания оружия, но генерал-губернатор ответил, что необходимо подождать, а затем, по полученным сведениям, оружие было перевезено в квартиру графа Коновницына. Произвести обыск в порядке охраны, при посредстве начальника местного охранного отделения, и тем выяснить вполне организацию дружины я также не мог, так как не был уверен в том, что поручение не станет известным временному генерал-губернатору и командующему войсками, которым начальник охранного отделения делает личные доклады. При покровительстве же, оказываемом союзу русского народа, предположение об обыске могло бы сделаться известным заранее и графу Коновницыну, а потому и не дать никаких результатов, безрезультатность же обыска могла только ухудшить положение и вызвать нарекания в недоброжелательстве к деятельности союза. В настоящее время дружинники еще не разоружены и продолжают появляться в публичных местах в форме. Столкновения их с другими обывателями продолжаются, как это имело место 24 апреля в одном из предместий города, где при столкновении с местными русскими парнями было задержано три союзника, из которых один в форме и вооруженный револьвером казенного образца. Не прекращается и помещение статей противозаконного характера в органе местного отдела союза «За царя и родину», как это, ваше высокопревосходительство, благоволите усмотреть из прилагаемого при сем номера газеты «За царя и родину» от 22 апреля с. г. В этом же номере в передовой статье ведется агитация против разоружения союзников, а в статье «К солдатам» заключается явный призыв к вмешательству войск в политическую борьбу. Согласно представленным мне местным инспектором по делам печати сведениям, о содержании этих статей 24 апреля было доложено генерал-губернатору, так как еще 18 апреля, по приказанию генерал-губернатора, была отобрана от графа Коновницына подписка о недопущении в издаваемой газете возбуждающих статей; но до настоящего времени от генерал-губернатора никакого распоряжения по поводу этого доклада не последовало. Вообще, я считаю себя обязанным доложить вашему высокопревосходительству, что временный генерал-губернатор во всех случаях, касающихся действий графа Конов-

ницына, высказывает особую к последнему снисходительность и воздерживается от принятия в отношении графа Коновницына необходимых репрессивных мер. Пользуясь подобной слабостью, граф Коновницын, невзирая на действующее в Одессе военное положение, систематически продолжает свою вредную деятельность и, видимо, не подчиняется действующим правилам и законам. Так, в настоящее время граф Коновницын выбыл из Одессы на съезд в Москву, но редактирование газеты «За царя и родину» никому официально не передал, и газета выходит за его подписью. Бесконтрольная деятельность графа Коновницына неоднократно вызывала неудовольствие и раздоры между членами союза и повлекла уже за собой отпадение части членов, организовавшихся в самостоятельный «союз русских людей»; в настоящее время также несколько из членов союза русского народа обратились ко многим из начальствующих лиц с жалобой на порядки в обществе и неправильности в расходовании его сумм, в виду чего я предполагаю, по возвращении графа Коновницына в Одессу, возложить на помощника одесского градоначальника, статского советника Набокова, производство дознания по содержанию жалобы, в порядке, указанном в п. 36 закона 4 марта 1906 года об обществах и союзах. Особого устава местное отделение союза русского народа не имеет и должно в деятельности своей руководствоваться уставом общества под названием «Союз русского народа», внесенного в реестр обществ г. С.-Петербурга определением с.-петербургского городского по делам об обществах присутствия 7 августа 1906 года, в каковом уставе не содержится никаких указаний, предоставлявших бы этому союзу учреждать организации дружин и возлагать на своих членов охрану за деньги частных коммерческих предприятий.

(То же дело, л. 100.)

ПИСЬМО МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНА ОТ
АПРЕЛЯ 1907 Г., НА ИМЯ ГЕН.-ГУБ. П. Ф. ГЛАГОЛЕВА.

Имею честь уведомить ваше превосходительство, что, по вновь полученным сведениям, неоднократные указания министра внутренних дел на необходимость разоружения дружины союза русского народа в Одессе и лишения ее права появляться в публичных местах группами в форменной одежде остаются до сего времени безрезультатными, дружинники всё еще не разоружены и носят форму в публичных местах; равным образом, продолжают столкновения их с местными обывателями, как это имело место 24 апреля в одном из предместий города, где при столкновении с русскими парнями было задержано 3 союзника, из которых один был в форме и имел казенный револьвер, повидимому из числа тех, которые были выданы в количестве 20 штук дружинникам с разрешения Каульбарса, командующего войсками одес-

ского военного округа, из артиллерийского склада; кроме того, дружина успела приобрести несколько берданок, которые хранились первоначально в помещении чайной союза, а после столкновения 23 января сего года на Нежинской ул. были перевезены в квартиру графа Коновницына. Вначале дружина эта состояла из нескольких сот человек, разделенных на 6 сотен. Организация по сотням присваивала себе функции официальных учреждений, выдавая своим членам формальные удостоверения в хорошем поведении. Такое удостоверение, по имеющимся сведениям, было, например, выдано 25 минувшего марта, за подписью: «Наказной атаман Ермак», скрепою «Атаман 4 злобной сотни Злой» и печатью (крест и всевидящее око), Владимиру Максимову Землянских, «всегда отличающемуся в делах». Затем, отчасти настояния местной полиции, отчасти и недостаток денежных средств повлекли за собою сокращение дружины, состоящей в настоящее время почти исключительно из лиц, охранявших пароходы «Русского общества пароходства и торговли». Однако эти лица дирекцией общества не считаются своими служащими и являются таким образом вооруженной организацией, приглашенной одним частным обществом к другому такому же частному обществу, что представляется совершенно недопустимым с точки зрения закона, тем более, что в уставе общества, под названием «союз русского народа» внесенного в реестр обществ г. С.-Петербурга определением с.-петербургского городского по делам об обществах присутствия 7 августа 1906 года, — каковым уставом, за отсутствием своего особого устава, должен руководствоваться одесский союз русского народа, — не содержится никаких указаний, предоставлявших этому союзу право учреждать организации вооруженных охранных дружин, с целью найма таковых за плату частными предприятиями.

Кроме того, в министерстве внутренних дел имеются сведения и о нежелательном направлении местной патриотической печати. 18 минувшего апреля, по распоряжению вашего превосходительства, от графа Коновницына была отобрана подписка о недопущении в издаваемой им газете «За царя и родину» возбуждающих статей. Несмотря на это и на действующее в Одессе военное положение, граф Коновницын, повидимому в расчете на снисходительность власти, систематически продолжает свою вредную деятельность, не подчиняясь принятому на себя обязательству, и в названной газете не прекращается помещение статей противозаконного характера; так например, в № 65 от 22 апреля в передовой статье заключается агитация против разоружения союзников, а в статье «К солдатам» — явный призыв к вмешательству войск в политическую борьбу. О содержании этих статей местным инспектором по делам печати было доложено вашему превосходительству, но до настоящего времени никакого распоряжения по сему поводу с вашей стороны не последовало.

Бесконтрольная деятельность графа Коновницына неоднократно вызывала неудовольствие и раздоры между членами союза и повлекла уже за собою отпадение от союза части его членов, организовавшихся в самостоятельный «союз русских людей»; в настоящее время несколько членов союза русского народа обратились ко многим из местных начальствующих лиц с жалобой на беспорядки в обществе и неправильности в расходовании его сумм.

Вследствие изложенного имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в сообщении надлежащих по сему предмету сведений.

(То же дело, л. 107.)

ТЕЛЕГРАММА ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА ГРИГОРЬЕВА ОТ 9 МАЯ 1907 Г. НА ИМЯ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

Приподнятое настроение против евреев началось 4 мая, когда, при участии генерала Каульбарса, была поставлена в городском театре «Жизнь за царя». На спектакль прибыл генерал Каульбарс, обыкновенно нигде не показывавшийся, и союзники во главе с Пеликаном, который обращался с речью к генералу Каульбарсу. Последний отвечал ему и оттуда же отправил телеграмму государю с выражением верноподданнических чувств. Вечером настроение против евреев было крайне враждебно, седьмого произошло зверское убийство пристава и околоточного; хотя бомбист оказался русским, население приписало злодеяние евреям. Сегодня «Русская речь» призывает русских к личной расправе; по агентурным сведениям, седьмого в шесть вечера, в чайной союза русского народа состоялось постановление устроить погром восьмого при возвращении с похорон; в ночь на восьмое город я занял войсками. Вчера, при прохождении похоронной процессии вблизи костела, сделаны были несколько выстрелов, началось смятение, я оцепил четыре квартала казачками, сделал обыск, безрезультатно, большого труда стоило успокоить население, погром висел на волоске; к шести часам вечера улицы опустели, магазины закрылись; сегодня спокойно. Откровенно должен заявить, что пока генерал Каульбарс будет открыто выражать свое сочувствие действиям союза русского народа и стоять во главе этой политической партии, оставаясь в Одессе, каждый день можно ожидать ужасной катастрофы с открытым покушением на его жизнь; тогда остановить погром невозможно. В виду того, что командующий войсками и генерал-губернатор распоряжаются из кабинетов, месяцами не выходят из квартир, не видя действительности, работать крайне тяжело.

(То же дело, л. 130.)

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «САША», ОДЕССА, ОТ 30 ИЮНЯ 1907 Г., К Д. В. ЗАВАДСКОМУ, ДЛЯ Л. А. ВОРОНИНОЙ, В ДОБРОВЕЛИЧКОВКУ, ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

«Со дня убийства Карангозова, чуть ли не каждый день приходится устраивать избиения. 24 мы сильно разбили 10 дикарей, свиставших и тюкавших при проходе дружинников. Однажды вечером я собрал 15 дружинников, и мы отправились на Пересыпь, к садику у трамвая. Садик уже был закрыт, и мы отправились по Московской улице и встретившиеся группы 15 — 20 человек красной сволочи разбивали и обращали в бегство. На Московской поднялся переполох: жида быстро закрывали шторы в магазинах, прохожие поворачивали назад и убегали. Всех побитых и разогнанных в тот вечер было человек 150. В другой раз мы посетили и ваши края: один отряд в 9 человек зашел с Нежинской улицы, а другой в 14 человек с Княжеской, и по данному сигналу оба отряда двинулись навстречу друг другу, избивая встречные компании гулявших жидов и революционеров. Те, которые попадались первому отряду, бежали избитые назад и попадали в руки второго отряда. Но самое интересное было на Б. Арнаутской ул. Здесь, придерживаясь темной стороны улицы, мы без шума избивали попадавшихся жидов и жидовок; вскоре жида подняли вой. Мы прибавили шагу и благополучно ушли, но, выйдя на Преображенскую, мы развернулись во-всю и стали без милосердия избивать жидов и таскать за волосы жидовок...»

(Дело департамента полиции, особого отдела, 1907 г., № 219.)

ТЕЛЕГРАММА ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА ГРИГОРЬЕВА ОТ 14 АВГУСТА 1907 Г. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНУ.

Последние дни вновь усилились уличные бесчинства союзников, сопровождаемые избиениями и стрельбою. Ночью на 13 августа на Малороссийской ул. союзники убивали прохожих, разбили ворота и стекла в доме, ранили пулею пекаря Петра Никифорова, подкололи Гуровича и Гершфельда; вечером 13, на Николаевском бульваре против дворца, избили гулявшего преподавателя Чуйкова, произвели нападение на чиновника Стефановского. Подробности почтой. Прошу ваше высокопревосходительство воздействовать на барона Каульбарса и генерал-губернатора, которые, запуганные союзниками, будто бы защищающими их жизнь, потеряли волю, энергичными мерами прекратить бесчинство союзников во главе с Коновницким.¹

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1905 г., № 999, ч. 39, т. II, лит. А, л. 283.)

¹ Резолюция Столыпина: «Энергичную телеграмму Каульбарсу от моего имени о прекращении безобразия». Ред.

ДОНЕСЕНИЕ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА ГРИГОРЬЕВА МИНИСТРУ
ВНУТР. ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНУ ОТ 17 АВГУСТА 1907 Г.

В дополнение к телеграмме моей от 14 сего августа, имею честь доложить вашему высокопревосходительству нижеследующие сведения о непрекращающихся уличных буйствах и насилиях над местными обывателями со стороны членов местного отдела союза русского народа. Несмотря на неоднократные предписания вашего высокопревосходительства, получавшиеся мною и немедленно сообщавшиеся местному временному генерал-губернатору, о полном разоружении дружинников союза и недопущении с их стороны каких-либо насилий, дружина эта и до настоящего времени, как видно из происшествий последнего времени, не разоружена и продолжает свои бесчинства и насилия. Из докладов, делавшихся как мне, так и помощнику моему, исправляющему должность одесского градоначальника во время отсутствия моего из Одессы, видно, что разрешаемые союзу гулянья неизменно сопровождались беспорядочной стрельбой союзников из револьверов и насилиями и побоями над случайно встречавшимися прохожими. Подобного рода насилия и безобразия вынудили, в мое отсутствие из Одессы, помощника одесского градоначальника, статского советника М. Н. Набокова, совершенно воспретить гулянья союзников в саду, находящемся внизу Николаевского бульвара. В мое отсутствие в июле месяце местный отдел союза торжественно праздновал годовщину образования при нем боевой дружины, причем председатель отдела восхвалял деятельность этой дружины и ее атамана, присвоившего себе название «Ермака». Как показали неоднократные полицейские дознания, дружина эта в большинстве состоит из подростков без определенных занятий, в числе которых находятся и лица, привлекавшиеся к ответственности за кражи, а также известные полиции как сутенеры, живущие на счет проституток. Производившиеся ранее, преимущественно на окраинах города, нападения последнее время начали иметь место и в наиболее центральных частях города, на Дерибасовской улице и на Николаевском бульваре. В числе лиц, подвергшихся нападениям и побоям, были не только евреи, но и лица русской национальности и даже носившие форму чиновники разных ведомств. Так в последнее время на Николаевском бульваре были избиты в числе прочих лиц преподаватель местных военноучебных заведений Чуйков, сын столоначальника моей канцелярии Аушев и подвергся нападению чиновник местной таможни Стефановский, спасшийся от избиения лишь благодаря заступничеству одного из офицеров местного казачьего полка. Кроме отдельных случаев избиений, считаю своим долгом доложить о следующих происшествиях, имевших место на окраинных улицах города. 12 августа, около полуночи, партия союзников взломала ворота

в доме № 19, по Малороссийской улице, и, войдя во двор, разбила в двух квартирах 19 стекол. Партией этой руководил член союза, германский подданный Эрнст Ройек. Под предводительством того же Ройека еще 6 августа группа подростков-союзников была задержана за производство стрельбы на Болгарской улице. При снятии допроса по аресте эти подростки, по просьбе Ройека, ручавшегося им в их скором освобождении, приняли все меры к тому, чтобы устранить Ройека от ответственности. Но уже 13 августа те же 9 подростков, убедившись в лукавстве Ройека, открыто заявили полиции о том, что они действовали по уговору Ройека, первого сделавшего выстрел и бывшего старшим в дружине. В ночь на 13 августа, около 10 часов, на Малороссийской ул., также была произведена союзниками стрельба из револьверов, причем выстрелом тяжело был ранен случайно бывший на улице крестьянин Тамбовской губернии Петр Никифоров. Хотя союзниками и делались заявления, что выстрелы эти были произведены еврейскою самообороною, но показаниями беспристрастных свидетелей устанавливается, что и это бесчинство было делом рук союзников. Насколько организована дружина союза, доказывается тем, что тотчас же на место происшествия прибыла из города на 10 извозчиках новая группа дружинников союза под предводительством председателя союза, графа Коновницына. Приезд этих союзников также сопровождался избиением трех случайно встретившихся евреев, причем у одного из них были ограблены часы: у двух доставленных в еврейскую больницу оказались резанные раны на голове. Все приведенные выше происшествия вполне подтверждаются свидетельскими показаниями, сделанными при дознаниях, в копиях при сем представляемыми. Из донесений и. д. пристава михайловского полицейского участка ваше высокопревосходительство изволите также усмотреть и то опасение, которым невольно овладевают чины местной полиции при необходимости иметь дело с главарями союза, заведомо находящимися под покровительством местных командующего войсками и временного генерал-губернатора. Как я уже докладывал вашему высокопревосходительству, барон Каульбарс всецело поглощен мыслью о том, что союз является единственною опорою правительства и могучим противовесом революционному движению. Мысль эта заставляет закрывать глаза на все недостатки лиц, стоящих во главе союза и ведущих членов его не по пути охранения закона и внутреннего порядка, а направляющих деятельность союза на разжигание национальной розни и на уличные бесчинства и насилия, возбуждающие ненависть мирных жителей к союзу, дискредитирующему те высокие задачи, для которых он был основан.

Временный генерал-губернатор, будучи, как бригадный командир, в непосредственном и полном подчинении командую-

щему войсками, и в административных делах не может всецело не руководствоваться мнениями командующего, которые для генерал-губернатора являются как бы приказами. С другой стороны, генерал-губернатор, проживая совершенно безвыходно в помещении дворца командующего войсками, лично не видит ничего происходящего в городе и знаком с действительными событиями с чужих слов, причем в делах, касающихся союза, он руководствуется главнейшим образом сведениями, получаемыми от графа Коновницына, старающегося возможно ужалить в глазах генерал-губернатора бесчинства союзной дружины и оправдать их необходимостью борьбы союза за защиту правительства и его местных представителей. Из рапорта и. д. одесского полицеймейстера от 13 сего августа ваше высокопревосходительство соизволите усмотреть, что союзники ничем не брезгают, чтобы выставить себя защитниками и охранителями жизни высших начальствующих лиц, но, как в нашумевшем деле союзника Мельших, так и в данном случае выясняется желание лишь прослыть героями, охраняющими представителей власти. Между тем частые случаи покушений на жизнь представителей власти не могут не действовать угнетающим образом на многих из должностных лиц, и надежда на защиту и охрану со стороны союзников заметно ослабляет их энергию в деле введения деятельности союза в законные границы. Несдерживаемые в законных границах союзники всё более и более проникаются убеждением в своем как бы особом положении, покровительствуемом высшею властью, и как бы в призывании этою властью к борьбе с прочим населением, несочувствующим настоящей деятельности союза, а потому и являющимся, по мнению союзников, противником правительства. Подобного рода деятельность ведет к полной анархии и к справедливым нареканиям на местные высшие власти, допускающие вмешательство в правительственную деятельность неуполномоченных на то законом частных лиц. Необходимы быстрые и решительные меры к водворению порядка, в противном случае всё более и более выходящая из пределов законности деятельность союза и общая распушенность его членов грозит неминуемыми осложнениями в деле охранения государственной безопасности и общественного спокойствия.

При сем представляются списки столкновений союзников с остальными обывателями за время с 1 по 16 текущего августа. ¹

(То же дело, л. 289.)

¹ На докладе резолюция Столыпина о принятии против союза энергичных мер. Ред.

ТЕЛЕГРАММА ПОРТОВЫХ РАБОЧИХ ОТ 8 АВГУСТА 1907 Г. НА ИМЯ МИНИСТРА ВН. ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНА.

Тысяча душ одесских портовых рабочих-монархистов голодает благодаря председателю одесского отдела союза русского народа графу Коновницину, который, захватив грузовые работы Русского общества пароходства и торговли, изгнал большую часть старых портовых рабочих, рисковавших жизнью, чтобы сорвать прошлогоднюю забастовку, заменив их пришлыми: во имя господ бога, во имя страдальцев детей ваших, спасите наших рабочих от голода и нищеты, повелите честным слугам государевым, любимым, почитаемым всеми: одесскому градоначальнику генералу Григорьеву, начальнику одесского порта графу Толстому, приказать принять рабочих наших на работы. Благодаря злой деятельности Коновницина, благодаря его газете, постоянно оскорбляющей власть и работодателей, благодаря коновницинской пьяной дружине, избивающей резинами кого попало, грабящей мирных граждан, от нас, истинно преданных государю рабочих, ищущих честного труда, отвернулись все работодатели, боясь коновницинских разбойников. Управляющий рабочей организацией экономического общества Беликович, уполномоченные рабочие Добродеев, Вознюк, Квасников, Кузьминский, Балочкий, Пилипенко, хорунжий Самфилов.

(То же дело, том II, л. 279.)

ТЕЛЕГРАММА ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА ГРИГОРЬЕВА ОТ 14 АВГУСТА 1907 Г. НА ИМЯ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

Жалоба Беликовича справедлива, но облегчить положение рабочих-монархистов, отделившихся от союза русского народа, не представляется возможным, пока деятельностью союза всецело руководит командующий войсками.

(То же дело, том II, л. 282.)

ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНА ОТ 3 АВГУСТА 1907 Г. НА ИМЯ ОДЕССКОГО ГЕН.-ГУБЕРНАТОРА.

В газетах сообщается об изданном графом Коновнициним резком воззвании к евреям с приглашением принести свое публичное покаяние русскому народу, предать торжественному проклятию виновников междоусобицы, открыто заявить об этом в русских газетах и объединиться в союз под знаменем девизов союза русского народа. Благоволите уведомить, справедливо ли это известие. Министр внутренних дел Столыпин.

(То же дело, том III, л. 12.)

ТЕЛЕГРАММА ВРЕМ. И. Д. ГЕН.-ГУБЕРНАТОРА ГЛАГОЛЕВА ОТ 1 СЕНТЯБРЯ 1907 Г. НА ИМЯ МИНИСТРА ВН. ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНА.

Воззвание к евреям отдельно не издавалось, напечатано в газете «За царя и родину» 24 августа. С 25 по 31 августа газета эта была приостановлена за возбуждение национальной вражды, номер этой газеты с воззванием представляется почтой.

(То же дело, л. 13.)

ИЗ ПИСЬМА КОМ. ВОЙСКАМИ БАР. А. В. КАУЛЬБАРСА, ОТ 24 АВГУСТА 1907 Г., НА ИМЯ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНА.

«...Председатель союза русского народа в Одессе, граф Коновницын, оказал мне ценные услуги по подавлению беспорядков в городе, но вообще — человек безвольный и малоспособный для своего положения, склонный к чрезмерному потреблению спиртных напитков». Прошу «об удалении Коновницына из Одессы под благовидным предлогом. Заместителем его, с пользой для дела, будет Пеликан, которого желательно отличить монаршею милостью, назначением его наприм. камер-юнкером...» «Вышеупомянутый граф Коновницын, состоя в 1902 г. начальником Праснышского уезда, брал под свои векселя деньги из гминных ссудосберегательных касс и принимал от евреев деньги во время призыва новобранцев за освобождение их от военной службы. В виду этих сведений ему предложено было подать в отставку...»

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1907 г., № 280.)

ПЕРИОД УПРАВЛЕНИЯ ГРАДОначаль- НИКА И ВРЕМЕННО И. Д. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕР- НАТОРА И. Н. ТОЛМАЧЕВА. 1908 — 1911 ГГ.

ПИСЬМО И. Н. ТОЛМАЧЕВА В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ, ОТ 31
ЯНВАРЯ 1908 Г.

7-го января в одесском окружном суде разбиралось дело о городском одесской городской полиции Москаленко, обвинявшемся в убийстве во время происходивших в Одессе беспорядков 20 октября 1905 года студента новороссийского университета Каноянца. В 12 часов дня означенного числа к зданию судебных установлений направлялся мещанин Моисей Айбиндер; у парадных дверей он был встречен группой молодых людей около 8 человек, один из которых два раза ударил Айбиндера рукою по щеке. По объяснению Айбиндера, в группе означенных молодых людей было пять человек, одетых в гимназическую форму, а остальные — прилично одетые в штатское платье, и у всех были национальные ленточки. Как на свидетеля происшествия этого Айбиндер сослался на Федора Митрофанова, служащего при буфете в здании судебных установлений, но Митрофанов означенного заявления не подтвердил. Затем, спустя $\frac{1}{2}$ часа, три неизвестных молодых человека там же нанесли побои при входе в здание судебных установлений мещанину Лазарю Стеркину, служащему письмоводителем у присяжного поверенного Грека. По заявлению Стеркина, лица, нанесшие ему побои, принадлежат к союзу русского народа, так как у одного из них он заметил на лацканах пиджака национальные ленточки. Кроме того, Стеркин показал, что свидетелями нанесения ему побоев были: названный выше Федор Митрофанов и какой-то неизвестный ему железнодорожный служащий, который заступился за Стеркина и тем прекратил побои. Однакоже свидетель Митрофанов, удостоверяя факт нанесения Стеркину двух ударов, утверждает, что никакого другого свидетеля происшествия, кроме его, не было. Что же касается национальной ленточки, то по сему поводу в объяснениях Митрофанова никаких указаний не заключается. Оба потерпевшие, Айбиндер и Стеркин, а равно и свидетель Митрофанов, при производстве дознания заявили, что лица, наносившие побои, им неизвестны и что опознать их они не могут, так как видели их только первый раз, а потому ни установить личность означенных нарушителей порядка, ни проверить принадлежность их к союзу русского народа не представилось возможным.

Одесский 2-й гильдии купец Хаим Гельперин и мещанин Шая Бризимер, при помощи городского, 9 января в 9 часов

вечера, доставили в бульварный полицейский участок 4 лиц, оказавшихся членами союза русского народа, и заявили, что когда они, 2 еврея, проходили по площади Кондратенко, к ним, 2 евреям, приблизилась группа молодых людей, около 15 человек, из которых двое подошли к ним и нанесли им кулаками удары по голове и спине, после чего все находившиеся в группе лица разбежались, и кто именно наносил им удары, они не заметили. На следующий день, 10 января, в бульварный участок явился мещанин Михаил Парнес и также заявил, что накануне, в 9 часов вечера, на площади Кондратенко он был побит неизвестными ему 8-ю лицами, выделившимися из шедшей ему навстречу группы молодых людей около 15 чел. На крик Парнеса прибежал постовой городской, из показаний которого видно, что возле Парнеса уже никого не было, но, по указанию Парнеса, он побежал по направлению к собору и на углу Коблевской улицы и Соборного переулка, т. е. в двух кварталах от места нападения, задержал, по указанию находившихся там Гельперина и Бризимера, 4 лиц, которых и доставил в участок.

В описанном случае нет определенных указаний со стороны потерпевших на то, кто именно наносил побои и действительно ли задержанные лица, если не сами наносили побои, то хотя бы только находились в группе молодых людей, из среды которых выделились наносившие побои. Тем не менее, из данного задержанными объяснения, что они будто бы случайно подошли и из любопытства подошли к собравшейся толпе возле собора, можно заключить, что они находились в означенной выше группе, и так как один из них и ранее уже замечался в нарушении порядка на улицах города, то мною было предложено совету одесского отдела союза русского народа исключить его из числа членов союза, после чего он скрылся из Одессы, вероятно, опасаясь наложения на него административного взыскания, что еще более подтверждает участие его в нанесении побоев Парнесу, Гельперину и Бризимеру.

Кроме того, для прекращения вообще подобных бесчинств в городе мною приняты надлежащие меры, и нанесения мирным жителям побоев более не повторяются.

(Дело департамента полиции, 4-го дела производства, 1905 г., № 999, ч. 39, т. III, лит. А, л. 109.)

ИЗ РАПОРТОВ НАЧ. ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ 14 И 21 АВГУСТА 1908 Г., НА ИМЯ ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА И. Н. ТОЛМАЧЕВА.

а) «В г. Одессе возник «союз Михаила архангела», причем организатором его явился Борис Александрович Пеликан и учрежден был союз для внесения раскола в ряды «союза русского народа».

«При союзе Михаила архангела, действительно, существует боевая дружина, организованная членом совета А. В. Головиным, который и состоит ее заведующим. Численность дружины, по словам начальника охранного отделения, точно определить нельзя, но состав ее двоякий, а именно: 1) служащие в различных городских учреждениях, как-то старой, новой и психиатрической больницах и т. п., причем атаманами состоят служащие в старой больнице А. Бурлак, по кличке «Двенадцатый», и М. Добровольский, и 2) лица, нигде не служащие и в большинстве не имеющие определенных занятий, причем в этой группе атаманом состоит некий Краюхин, по кличке «Тигр», а из дружинников известны по кличкам «Кобец» (Николай Циклопуло), «Добрыня» (Иван Циклопуло), «Сирена» (Родионов), «Коршун», «Барс», «Святослав», «Муромец» и Ф. Мауфер, отбывавший двухмесячное заключение в тюрьме за налеты на Новорыбной улице. Дружинники второй категории оперируют главным образом на Ланжероне, в Александровском парке, на Куликовом поле, а иногда вообще на улицах, затрагивая и обыскивая некоторых прохожих. На вооружении дружины состоят принадлежащие союзу 28 револьверов: 1 маузер, 4 браунинга, 3 нагана, 16 Смит и Вессона казенного образца и 4 бульдога, а также 14 винтовок Бердана. Кроме того, вооружены и некоторые члены союза, не входящие в состав дружины».

б) «...В составе боевой дружины союза Михаила архангела в Одессе состоят, кроме указанных ранее лиц: атаманы «Ермак» — Дмитрий Черников, служит в городской управе, «Минин» — Лесовой, без определенных занятий, «Витязь» — Александр Мошкин, проживает в Ломаном пер. и будто бы выслан из пределов одесского градоначальства, «Платонов» — Кольцун, «Баранчик» — австрийский подданный Макс Тумп, человек без определенных занятий. Затем идут рядовые дружинники: «Стрелок» — Илья Броварный, ведущий компанию с ворами на Сахалинчике, «Стрела» — Николай Бурлак, без занятий, «Рыжий» — Георгий Лебедев, «Солдат» — Алексей Курочкин, Александр Добровольский, «Голова» — Константин Злотников, «Слепа» — Александр Слепченко, курьер городской думы, занимался ранее карманными кражами, Иван Горожев, «Карлик» — Лященко, будто бы разыскиваемый полицией за изнасилование 14-летней девочки и ограбление у разносчика табаку и папирос. Всех дружинников — человек около 50. Местом их сходок является Юнкерский сад, где они собираются почти ежедневно около 7 — 8 часов вечера и в прилегающих к саду местностях производят самоуправные обыски, а иногда даже и грабежи. Местом собрания атаманов дружины является квартира акушерки Мартынюковой, женщины с весьма темным прошлым, занимавшейся растратами, кражами и сводничеством, а также вытравливанием плодов у женщин. Главарем союза является Пеликан. По

агентурным сведениям, у члена союза Михаила архангела Осипа Смигельского имеется возможность доставлять динамит, патроны и револьверы».

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1907 г., № 280.)

СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ ОРДЕР ГЕН. И. Н. ТОЛМАЧЕВА ОТ 9 МАЯ 1909 г.

М. п.

Сч. №

Казначее канцелярии градоначальника.

Выдайте сто рублей — коп. из сумм, собранных на полицию, под расписку гр. А. И. Коновницына, назначенные мною в награду союзнику, убитшему анархиста.

Градоначальник
генерал-майор Толмачев.

1909 года, мая 9 дня.

Назначенные г. градоначальником сто рублей — коп. получил 12-го мая 1909 г. гр. А. Коновницын.

(Фотографический снимок с этого документа представлен в Чрезв. следств. комиссии при письме сенатора Трегубова от 29 июля 1917 г. № 684.)

ИЗ ПИСЬМА ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА И. Н. ТОЛМАЧЕВА ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1908 Г., НА ИМЯ ДИРЕКТОРА ДЕП. ПОЛ. М. И. ТРУСЕВИЧА.

«...В союзе не всё благополучно. Идут сильные распри между Коновницыным и его помощником. Я бы рад был, если бы удалось удалить без шума Коновницына. Пеликан науськивает на него, и могут быть кровавые столкновения. Этого я очень боюсь, так как начнут с раздоров, а кончат жидами. Наилучший выход — оставить пока Коновницына, но совершенно устранить его от денежных дел. По правде говоря, Коновницын мне удобнее, так как он исполняет всякое мое требование».

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1907 г., № 280.)

ПИСЬМО ЕГО ЖЕ, ОТ 18 АПРЕЛЯ 1908 Г., № 300, В ДЕП. ПОЛИЦИИ.

В ответ на запрос от 27 марта за № 64686, по содержанию помещенной в «Русском слове» 19 марта заметки из Одессы под заглавием «Союзники», имею честь уведомить департамент полиции, что в последнее время среди членов одесского отдела союза русского народа возник раскол, к счастью, теперь уже

улаженный. Товарищ председателя отдела, г. Пеликан, интригуя против председателя, графа Коновницына, составил в отделе свою партию, повидимому, с целью свергнуть графа Коновницына и самому занять его место. Между сторонниками того и другого начались недоразумения, сопровождавшиеся столкновениями. Приняв с своей стороны необходимые предупредительные меры, я приказал в то же время г. Пеликану разоружить его дружинников, но он этого не исполнил; с тою же целью предупредить возможное столкновение, я рекомендовал не устраивать встречи графу Коновницыну, возвращающемуся из Петербурга с всемилостивейше подаренным государем императором одесскому отделу союза портретом его императорского величества, и, кроме того, отложить, до восстановления в среде союзников спокойствия, торжественное перенесение портрета из квартиры графа Коновницына в помещение союза. Несмотря однако на принятые меры, в день приезда графа Коновницына, у чайной союза произошло столкновение пеликановцев со сторонниками графа Коновницына. Столкновение это, разрешившееся несколькими безрезультатными выстрелами, было вызвано партий г. Пеликана, и захваченные виновники беспорядка понесли административное взыскание. В настоящее время спокойствие в союзе вполне восстановлено, чему в значительной степени способствовало опубликование результатов произведенной по моему распоряжению ревизии денежных сумм и отчетности отдела, установившей бесосновательность взводившихся г. Пеликаном обвинений против графа Коновницына в растрате принадлежащих отделу средств.

(Дело департамента полиции, 4-го дело производства, 1905 г., № 999, ч. 39, т. III, лит. А, л. 125.)

ПИСЬМО ЕГО ЖЕ, ОТ 2 АВГУСТА 1908 Г., В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

Пока газетная перебранка между г. Пеликаном и графом Коновницыным не выходила из пределов, так сказать, партийной ссоры, я не считал с своей стороны необходимым вмешиваться в это дело, полагая, что обиженный может искать, если пожелает, защиты своего доброго имени в обычном судебном порядке. Но положение это совершенно изменилось, когда в № 4 «Южного баяна» появилась передовая статья, в которой автор, говоря о собрании монархистов, устроенном по случаю приезда в Одессу А. И. Дубровина, позволил себе дерзость назвать участников этого собрания «уличной сволочью». Подобная недопустимая выходка тем более ложится тяжелым пятном на газету, что в указанном собрании присутствовали многие почетные граждане г. Одессы и не состоящие членами союза русского на-

рода, вражда к которому довела руководителя этой газеты Пеликана до такого непристойного и оскорбляющего человеческое достоинство поступка. Естественно, что эта выходка вызвала в обществе сильное негодование против Пеликана и даже посылались угрозы «побить его».

Ввиду этого и в предупреждение возможных столкновений между сторонниками Пеликана и графа Коновницына, я оштрафовал редактора-издателя «Южного баяна», после чего газета эта прекратила свое существование и одновременно с этим исчезла полемика и со страниц газеты «За царя и родину».

(То же дело, л. 176.)

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ГР. А. И. КОНОВНИЦЫНА.

Всем отделам союза русского народа известна плодотворная деятельность одесского отдела, который достиг особого высокого значения и заслужил неоднократные милости и доверие государя императора, не говоря уже о доверии общества и русского народа. Это обстоятельство особенно, а также и вся высоко-патриотическая деятельность одесского отдела, возбудили к последнему большую злобу и ненависть со стороны врагов наших слева, а со стороны правых — страстную зависть.

Поход принял столь грандиозные размеры лишь потому, что во главе всей этой кампании стоит, как это ни странно, одесский градоначальник И. Н. Толмачев, который действует отчасти самоуправно, отчасти же, очевидно, по приказу Столыпина, который терпеть меня не может за то, что я имею помимо его доступ к государю императору и помимо него выхлопотал высочайшее разрешение на всероссийскую подписку. Толмачев, не скрывая своих враждебных ко мне отношений, не только не запрещает, но явно поощряет и вдохновляет таких писак, как Глобачев, еврей Блиц и друг., ведущих против меня газетный поход, и даже препятствует мне печатно же оправдываться, производя в этом смысле давление на все одесские газеты. Ныне участие и виновность И. Н. Толмачева вполне доказаны.

В настоящее время на нас, союзниках, лежит обязанность обуздать зарвавшегося неверного царского слугу, идущего вразрез интересам нашего славного союза, признанного надежной опорой государя императора.

Отделы, сочувствующие горю одесского своего собрата, благоволят послать его императорскому величеству телеграмму по содержанию изложенного в ближайшем будущем и копию прислать мне (Одесса, Торговая, 3) для сведения. Нам всем необходимо объединиться и, обращаясь одновременно к единственной нашей защите, царю, оградить натиск на союз русского народа, переживающий настоящее крайне тяжелое время.

(То же дело, л. 1667.)

ПИСЬМО И. Н. ТОЛМАЧЕВА, ОТ 2 СЕНТЯБРЯ 1908 Г., НА ИМЯ
ДИРЕКТОРА ДЕП. ПОЛ. Н. П. ЗУЕВА.

Получив в январе месяце категорическое приказание его высокопревосходительства господина министра внутренних дел распустить боевую дружину при одесском отделе союза русского народа, я немедленно по возвращении из Петербурга предъявил к председателю отдела, графу Коновницину, требование по этому поводу; однако граф Коновницин вскоре после этого уехал из Одессы, а потому я неоднократно предъявлял такие же требования к бывшему в то время товарищем председателя, г. Пеликану, но дружина не только не была распущена, но даже усилена. Так продолжалось до тех пор, пока в союзе русского народа состоял г. Пеликан; с уходом же его уничтожена и дружина, причем ружья и револьверы отобраны и хранятся у меня в канцелярии, но часть револьверов не была сдана бывшими дружинниками, которые затем вошли в состав дружины союза Михаила архангела. Со времени учреждения в Одессе отдела последнего союза, мною стали получаться сведения о крайне боевом его направлении, причем неоднократно сообщалось о существовании боевой дружины, позволявшей себе даже прогулки строем по городу, обыски частных лиц и т. п. Всё это заставило меня просить начальника местного охранного отделения выяснить это дело; вместе с тем я приказал состоящему при мне штаб-офицеру для поручений подполковнику Рева произвести дознание. Ими установлено, что в одесском отделе союза Михаила архангела существует весьма сильная организация, выяснить которую вполне, благодаря строгой конспирации, пока не удалось; но вполне доказано, что ядро дружины составляют городские служащие в старой больнице. Пользуясь своим влиянием по должности члена местной городской управы и при помощи своего ставленника, смотрителя больницы Головина, г. Пеликан побудил служащих вступить в союз Михаила архангела, постепенно заменяя тех, кто был на это несогласен. Подобные дружины в настоящее время нельзя не признать не только бесполезными, но даже вредными и угрожающими общественному спокойствию, так как, благодаря силе правительства, их вооруженная помощь власти ненужна, направленные же не только против евреев, но и против других монархических организаций дружины эти являются непрерывной угрозой порядку и спокойствию. Таким образом для меня совершенно ясно, что одесский отдел союза Михаила архангела является в настоящее время организацией крайне вредной, благодаря тому направлению, которое было ему придано г. Пеликаном.

Для урегулирования этого дела я просил председателя главной палаты, члена государственной думы В. М. Пуришкевича, лично приехать в Одессу. На этих днях я имел с ним продол-

жительное совещание, которое выяснило, что г. Пуришкевич смотрит на дело так же, как и я, совершенно осуждает деятельность г. Пеликана и то направление, которое он придал отделу. Вместе с В. М. Пуришкевичем мною выработан план реорганизации одесского отдела, причем предполагено устранение от его руководства г. Пеликана властью главной палаты, с назначением на его место лица честного и твердого и роспуском боевой дружины. Для последнего мною будет предложено городскому голове постепенно перетасовать городских служащих и уволить Головина, личность крайне грязную в денежном отношении; в то же время сам отдел озаботится постепенным исключением всех недостойных членов, как это уже сделано в местном отделе союза русского народа. Таким образом через несколько месяцев, без всяких скандалов, одесский отдел союза Михаила архангела совершенно переменит свою деятельность и вместо боевого примет вид мирной культурно-бытовой группы, преследующей конечную цель — борьбу с анархией и забастовками.

По вышеизложенным соображениям я ни в коем случае не могу согласиться на утверждение устава артели судовых команд до тех пор, пока во главе отдела стоит г. Пеликан с его приспешниками. Во всяком случае, нельзя допустить, чтобы во главе артели стояли Пуренин и Базилевский, о которых я имею точные сведения, что они, вместе с начальником местного училища торгового мореплавания Гавришевым, состояли деятельными членами бывшей «морской регистрации», сыгравшей такую печальную роль в одесских событиях смутного времени. О борьбе этих лиц с революцией никаких данных не имеется, и теперь многие из членов бывших революционных организаций облеклись в тогу монархизма, пользуясь тем, что ныне невозможно точно разобраться во всем, что происходило два-три года тому назад. И с существующими организациями союза Михаила архангела крайне трудно справляться; что же будет, когда последует объединение моряков в духе г. Пеликана, не брезгующего принимать в союз самые подонки общества? И теперь возможно ожидать каждую минуту беспорядков, избиения евреев и членов других союзов, с учреждением же артели моряков дальнейшая ответственность за сохранение порядка будет совершенно невозможна. В виду всего изложенного и по долгу присяги еще раз считаю необходимым доложить, что учреждение артели судовых команд пока преждевременно, принесет только вред. В ближайшем будущем, с преобразованием отдела союза Михаила архангела, представится возможность допустить образование артели судовых команд с изменением § 1 проекта ее устава в том смысле, что члены артели поступают в судовые команды при посредстве учреждаемой при управлении начальника одесского торгового порта морской конторы. До изменения же деятельности отдела предоставление ему каких-либо новых организаций

совершенно недопустимо; если же это мнение почему-либо явится невозможным, то В. М. Пуришкевич предпочитает совсем закрыть отдел, чем иметь такой, который только компрометирует весь союз.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1907 г., № 280.)

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ОДЕССКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ 18 ФЕВРАЛЯ 1909 Г., НА ИМЯ ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА И. Н. ТОЛМАЧЕВА.

Доношу вашему превосходительству, что по собранным мною негласным путем сведениям о деятельности председателя союза русского народа, графа Коновницына, оказалось следующее:

В конце прошлого года союзом русского народа были организованы в городе Одессе 6 рабочих артелей, находившихся в разных местах города. В состав названных артелей вошли и бывшие члены союза русского народа, уволенные союзом за различные проступки. Последние начали агитировать среди рабочих против председателя союза, графа Коновницына, и председателя артелей, г. Афанасьева, говоря, что раньше, когда не существовало артелей, рабочие имели большие заработки. Стронники графа Коновницына заявили ему об этом, и он распорядился всех агитаторов исключить из союза. Граф Коновницын, присутствуя на заседаниях союза русского народа, неоднократно заявлял, что он лично получил от государя императора разрешение обращаться к его величеству непосредственно по делам союза, причем, обращаясь к рабочим, добавил следующую фразу: «Не беспокойтесь, ко мне государь император благоволит, и союзу некого бояться; если что и случится, то я во всякое время лично поеду к государю императору и меня без доклада примет его императорское величество, не так, как принимает государь командующего войсками и градоначальника, о которых прежде докладывают». 14 декабря прошлого года граф Коновницын, присутствуя на собрании союза русского народа, по приезде из Петербурга, сказал, что он, будучи принят государем императором, просил его величество повелеть дать крестьянам землю и отобрать торговлю у евреев и что присутствующий при разговоре графа Коновницына с его величеством наследник цесаревич сел на колени к графу, потрепал его по бороде и, увидев у него ленту союза русского народа, спросил: «Ты союзник?» — и, указав на имеющуюся у него на груди ленточку, добавил: «Я тоже союзник».

Вообще, граф Коновницын много говорил союзникам о том, что он никого и ничего не боится, так как всегда лично отправится к государю императору и доложит ему всё сам. В заседаниях, когда не присутствует кто-либо из чинов градоначальства

или полиции, то граф Коновницын порицает все действия и распоряжения начальствующих лиц, говорит, что он всех держит в своих руках, и стоит только что-либо сказать градоначальнику, как это моментально будет сделано.

Был однажды случай, когда в союзе дружинник открыл стрельбу и ранил несколько человек. На место происшествия немедленно явился граф Коновницын и всё имеющееся оружие у дружинников внес в свою квартиру, заявив, что у него в доме никто не посмеет сделать обыск. Явившаяся после этого полиция ни у кого из присутствовавших огнестрельного оружия, конечно, не обнаружила.

Граф Коновницын средств личных, кроме больших долгов, не имеет и живет исключительно на средства союза русского народа. Будучи должен довольно большую сумму некой союзнице Воробьевой, графу еле удалось упросить последнюю не подавать на него в суд, боясь раскрытия на суде всех тайн его деятельности. Союзницы — княгиня МаксUTOва и Чернова — были им исключены из членов союза за то, что позволили себе упрекнуть его за слишком непомерные траты им и его супругой денег, принадлежащих союзу.

В заседании союза 11 января граф, взойдя на кафедру, сказал следующее: раньше шли распри между русской семьей и революционерами, а в настоящее время, когда всё успокоилось, то из-за власти начали ссориться между собою предводители русских организаций, и его за 3-летнюю работу не ценят, и некоторые члены желают его смещения, и если действительно желают, то он может оставить свой пост. На это товарищ председателя Слатинский сказал следующее: среди союзников ведется агитация об устранении от должности графа, причем падает обвинение на графа и на него, что они совместно обкрадывают средства союза и что если граф будет удален, то и он немедленно уйдет из союза. На эту речь было пропето «многолетие» председателю, после чего граф снова взойшел на кафедру и, поблагодарив союз за выраженные чувства, заявил, что он раньше, будучи обижен недоверием, хотел уйти с должности председателя, но теперь, убежденный в противоположном, клянется вечно оставаться с ними.

Этими словами закончилось заседание.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, № 999, ч. 39, лит. А, т. III, л. 1008.)

ПИСЬМО МИНИСТРА ВН. ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНА, ОТ МАРТА 1909 Г., НА ИМЯ И. Н. ТОЛМАЧЕВА.

Милостивый государь, Иван Николаевич.

Имею честь уведомить вас, что принятые вами меры, как по наблюдению за собраниями членов союза русского народа, так

и по урегулированию вопроса об охранной страже председателя союза, я не могу не признать вполне правильными и отвечающими требованиям, какие возложены на вас служебным долгом, обязывающим представителя власти принятием именно подобных разумных мер предосторожности против злоупотреблений и нежелательных (с точки зрения общественного порядка) выпадов, вполне возможных в столь крупных политических организациях, как названный союз.

На ряду с этим, я не могу не позволить себе поделиться с вашим превосходительством моим личным соображением о том, что в смутную эпоху 1905 — 1906 годов союз русского народа сыграл крупную, можно сказать — историческую роль, оказав существенную помощь и содействие правительству в деле подавления революционного движения. Память об этой услуге еще жива и в самой Одессе, где члены союза также не мало поработали, между прочим, и в деле предупреждения крупных забастовок. Эти соображения дают мне повод питать надежду на то, что при обнаружении дальнейших злоупотреблений и не порядков в среде местного отдела союза ваше превосходительство, стоя на страже интересов общественного спокойствия и настойчиво домогаясь выполнения как членами союза, так и его представителями требований закона и законных распоряжений правительства, быть может, тем не менее, найдете для себя возможным сохранить благожелательные отношения к этой организации, дальнейшее существование которой, по условиям настоящего времени, отнюдь еще нельзя признавать излишним.

(То же дело, л. 1641.)

РЕЧЬ КИЕВСКОГО ПРОФЕССОРА Н. С. МИЩЕНКО НА СЪЕЗДЕ ОТДЕЛОВ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА ЮГА РОССИИ (24 ОКТЯБРЯ 1908 Г.).

Уполномоченный от киевского губернского отдела союза русского народа и его совета, приветствую всех здесь собравшихся деятелей на великом и славном поприще общественно-политической деятельности, приветствую от славного древне-престольного златоглавого града Киева и от имени всех истинно-преданных престолу и отечеству русских киевлян.

Приветствуя в настоящее время ратоборцев за правду русскую, за славу и честь народную, вместе с тем спешу выразить воодушевляющую всех киевлян надежду на великую плодотворность предстоящих нам здесь совместных работ.

В славном граде Киеве, колыбели православия, бьется усиленно русское сердце; там, где шла и идет вековая борьба за драгоценнейшие блага русской души, русской истории, не престанно возрастая в силе, направлении и единстве, там ширится и укрепляется национальное движение и всё враждебное

русскому народу постепенно отступает, прячется от наблюдательных взоров русских киевлян.

С первых же минут страшной русской невзгоды ставши на защиту исторических русских устоев общественно-политической жизни, киевляне поняли умом и сердцем, какое важное значение имеет и будет иметь для борьбы за право русского народа и против инородческого и еврейско-революционного натиска — единение всех русских патриотических сил.

Из числа первых, вставши против еврейско-инородческого разгрома русской жизни, отбивши первые и самые жестокие приступы ожесточенных врагов, киевляне поняли, какие страшные успехи сделало зло, — именно то зло, которое едва не сгубило Руси.

Ведь каждому известно, что в течение почти двухсот лет из русской души вытравлялось всё русское и вместо него вливалось всё чужое, ядовитое. Настолько усиленно и успешно в этом направлении работали враги русского народа, что внешними, для всех видимыми успехами даже сами они, враги, обманулись: им показалось, что к 17 октября 1905 г. всё уже было приготовлено к ниспровержению Руси, и они свирепо набросились на колосса русского, но, к счастью, ошиблись. Жестокий штурм отбит. Но этим еще далеко не исчерпана вся сила вражеская.

Далеко еще не устранена опасность для будущего русского народа. Крайне необходимо немедленно приступить к другой работе. И эта работа указывается самими нашими врагами. Они постепенно захватили всё в свои руки: торговлю, промышленность, школу, воспитание, печать и даже значительную часть правительства. Неотложно нужно приступить к упорной борьбе на этом именно поприще. Чувствуется, что настало время так называемой культурной работы. Чувствуется, что необходимо сосредоточить все силы для того, чтобы отнять отнятое, возвратить потерянное... Надо стремиться к освобождению русского народа от еврейской кабалы и в экономическом отношении.

Всё это совершится, когда мы все до единого проникнемся сознанием святости и величия нашего дела, убедим себя и других в необходимости самой строгой дисциплины внутри союза и неизблемой твердости. Если всегда было истиною, что в настоячивости и единении — сила, то теперь эта истина особенно сильно чувствуется; если везде единение, твердость и устойчивость необходимы, то они особенно нужны в такой работе, как культурная, по самому существу своему упорная, длительная.

Совет киевского губернского отдела союза русского народа уже встал на эту точку зрения и надеется, что найдет здесь самую широкую и плодотворную поддержку. Полное единение и внутренний мир, с одной стороны, и энергичная работа по воссозданию, если можно так выразиться, русской души, и твердость воли, и устойчивость направления — с другой, вот самые лучшие и проч-

ные основы дальнейшего преуспевания союза русского народа.

Три страшно мучительных года пережила наша страдавшая вконец дорогая родина, по сердцу ее проложена нашими исконными врагами — евреями и прочими инородцами широкая кровавая полоса. Терзали и терзают наше отечество и все еврействующие, продавшие душу и совесть, сыны его, — эти изменники и предатели, создавшие «за счет казны» революцию и, будучи русскими, ненавидящие всё русское. К числу их принадлежит главным образом либеральное чиновничество и те низкопробные жрецы науки и прочие, пониже их стоящие просветители юношества, которые, — забыв бога, изменив самодержавному государю, продав себя и совесть исконным врагам престола и отечества, — обратили храмы науки в скопища разных отбросов, изгнали оттуда науку и широко открыли двери для всевозможных преступных деяний и развращения юношества и в то же время безнаказанно высасывали и продолжают высасывать кровные народные деньги. Это вопиющее зло творится на святой Руси¹ всюду и лишь в немногих местах оно сокращается и наказуется, как например здесь, в новороссийском университете, часть злонамеренных профессоров коего устранена от академической деятельности всеми патриотически настроенными русскими людьми уважаемым и любимым одесским генерал-губернатором Иваном Николаевичем Толмачевым, этим непоколебимым, безгранично преданным престолу и отечеству, великим патриотом. Но увы! Очень и очень мало у нас на Руси таких генералов Толмачевых. А если бы на Руси было еще два-три генерала Толмачева, да еще два-три генерала Думбадзе, то была бы с корнем вырвана еврейско-инородческая революция и склонились бы перед священным знаменем союза русского народа все жидовствующие русские.

Надвигающиеся тучи на политическом горизонте послужили причиной созыва настоящего съезда, на котором предстоит всем нам здесь собравшимся серьезно обсудить и разработать все мероприятия, которые вложены в основание программы нынешнего съезда. Да благословит же господь наши начинания и да пошлет он нам силы и энергию на создание всего ведущего на благо нашей родины.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1905 г., № 999, ч. 39, т. IV, л. 133.)

ДОКЛАД И АДРЕС НИКОЛАЮ II СЪЕЗДА ОТДЕЛОВ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА ЮГА РОССИИ.

Доклад.

Ваше императорское величество!

По поручению съезда в г. Одессе уполномоченных от отделов союза русского народа юга России, имею великое счастье

представить на благовоззрение вашего императорского величества всеподданнейший адрес. Съезд в городе Одессе состоялся 24 октября сего года,¹ и в нем участвовали уполномоченные от отделов союза русского народа Херсонской, Бессарабской, Таврической, Киевской, Екатеринославской, Волынской, Черноморской, Черниговской, Полтавской, Подольской, Бакинской губерний и области войска Донского.

На съезде, заседавшем в течение недели, доложены и рассмотрены были нужды русского народа вышеуказанных губерний, о которых всеподданнейшие члены съезда и обращаются к вашему императорскому величеству. Считая, что укрепление православной нашей веры в народе составляет основание благополучия русского народа, заседавший в городе Одессе съезд просит ваше императорское величество повелеть пастырям духовным стать во главе народного национального движения, проводимого неукоснительно союзом русского народа, поставившим в своем исповедывании во главе угла православие, блюстителем которого должно быть русское православное духовенство, единственно в чем и должно проявляться их главенство.

Памятуя неоднократно сделанные вашим императорским величеством указания, что право собственности неприкосновенно, съезд уполномоченных от отделов союза русского народа ходатайствует о наделении землею безземельных крестьян и мещан сел и деревень, которые занимаются хлебопашеством, чрез посредство Крестьянского банка, путем покупки добровольно продаваемых имений.

Всеподданнейше представляя на благовоззрение вашего императорского величества верноподданнический адрес, как уполномоченный от съезда, повергаю к стопам вашего императорского величества чувства беспредельной любви и преданности тех отделов союза русского народа юга России, которые чрез своих уполномоченных на съезде в Одессе заседали 24 октября сего года. Вашего императорского величества верноподданный, граф Алексей Коновницын.

Адрес.

Всепресветлейшему великому самодержцу всея России его императорскому величеству государю императору Николаю II. Верноподданных членов I съезда в г. Одессе, уполномоченных от отделов союза русского народа юга России. Всеподданнейший адрес.

Великий царь самодержец.

24-го октября сего года в г. Одессе, с разрешения властей, съехались уполномоченные от отделов союза русского народа губерний: Херсонской, Бессарабской, Таврической, области

¹ 1908 г. *Ред.*

войска Донского, Киевской, Екатеринославской, Волынской, Черноморской, Черниговской, Полтавской, Подольской, Бакинской.

Собрались мы во исполнение твоего, великий государь, призыва: «Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас», для защиты устоев Русского государства: православия, самодержавия и русской народности, расшатанных тяжелой смутой последних годов.

Кажущееся внешнее затишье может ежечасно под влиянием подпольной работы внутренних и внешних врагов России вспыхнуть пожаром новых волнений и снова озарить кровавым заревом истерзанную родину.

Близко стоя к народу и сами из народа, мы, блюдя присягу, не можем умолчать о надвигающейся опасности и, верноподданнически повергая к стопам твоим, помазанный божий, чувства беспредельной любви и преданности, молим:

1. Повели пастырям духовным стать во главе народного национального движения, а не противодействовать ему, как ныне наблюдается во многих местах. Да будет Почаевская лавра достойным примером в этом деле всему русскому духовенству!

2. Вождь народа! Повели постановленным властям споспешествовать деятельности тобою вызванного в жизнь союза русского народа, не чинить препятствий ко вступлению в ряды этого союза служилого тебе люда, а враждебных союзу начальствующих устрани.

3. Прикази поставленному тобою правительству не искажать данных указов и предначертаний и в точности выполнить рескрипт 1903 года на имя главного управления торгового мореплавания и портов об устранении зависимости России от иностранных предприятий и торговых флотов и о содействии улучшению русской судопромышленности и быта русских моряков. Издревле славянское море Черное — ныне обслуживается судами исключительно иностранных и инородческих владельцев, с иностранными капиталами и с чужеземной командой. Даже Добровольный флот, созданный на народные копейки, по мысли незабвенного твоего родителя, управляется лицами с иностранными фамилиями.

Государь! Внешний враг не дремлет. Что будет, если торговый флот призовется в военное время на защиту?

4. Евреи и еврейство — исконные враги христианства, врагами являются они и нашей Руси православной и православных царей. Мы, жители южных губерний твоей империи, особенно чувствуем весь гнет и засилие этого зловредного племени.

Царь православный! Стань на защиту сынов твоих. Повели и строго накажи: а) изгнать евреев из христоролюбивой доблестной русской армии, ибо они действуют на нее растлевающе и разлагающе, что показали бунты в войсках и флоте; б) обуздать

наглую еврейскую печать, порочащую всё русское, глумящуюся над верой православных и над священной для всего русского народа твоей царской особой; в) не принимать ни на какую государственную, общественную, городскую и административную службу евреев по вере и по происхождению, а ныне находящихся удалить с нее, иначе грозит недалекое будущее, когда начальствующими над русским народом лицами окажутся евреи; г) воспретить государственным банкам поддерживать еврейские кредитные учреждения, служащие причиной разорения русского торгово-промышленного сословия, а прочим учреждениям приказать не отдавать евреям решительно никаких подрядов и поставок; д) не позволять евреям содержать аптеки и аптекарские магазины; е) очистить русскую школу от еврейского элемента и от учителей и профессуры, изменивших присяге и продавшихся еврейским капиталам, строго следить, дабы народные деньги расходовались на образование, просвещение и главным образом воспитание русского народа в духе православия и преданности престолу и отечеству; ж) выселить евреев из сел и деревень, ибо они своим засилием, своим наглым непрерывным обманом окончательно разорили крестьянский русский народ, захватили его в свою кагальную кабалу; равно не позволять жительство евреям в крепостных районах и портовых городах. По всем перечисленным пунктам сделаны представления всем министрам по принадлежности; з) изъять из рассмотрения государственной думы внесенный кадетской партией запрос о превышении власти одесским генерал-губернатором Толмачевым, выразившемся в устранении от университетской деятельности четырех профессоров новороссийского университета за их революционную деятельность, ибо он верный и преданный престолу и отечеству слуга твой и, благодаря ему, университет начал функционировать без осложнений.

5. Главный источник благосостояния русского народа-крестьянина заключается в земледелии, а потому молим тебя, любезный монарх, прикажи поставленной тобою власти: а) издать закон о наделении землею тех безземельных крестьян и мещан сел и деревень, которые занимаются хлебопашеством; б) издать строгие законы о воспреещении хлебного ростовщичества и покупки у крестьян их урожаев на корню; в) установить при каждой школе в деревне и при церковно-приходских школах участки земли для обучения детей на практике правильному земледелию; г) урегулировать арендные цены на землю, дабы она не служила предметом спекуляции; д) устроить в селах и деревнях ремесленные школы с широкой поддержкой правительства и покровительством кустарному производству; е) ускорить покупку для крестьян земли через Крестьянский банк; ж) облегчить крестьянам покупку земли от помещиков через Крестьянский банк с выдачею ссуд полностью по оценке неимущим

крестьянам; 3) улучшить быт и материальное положение верно-подданных тебе мещан.

Прикажи, всемилостивейший государь, созванной по твоему монаршему повелению государственной думе поставить на первую очередь земельный вопрос, от разрешения коего дума уклоняется, зная, что нужды крестьян наиболее близки твоему, обожаемый наш монарх, сердцу.

6. Прикажи поставленной тобою государственной думе ускорить рассмотрение рабочего вопроса, а государственному совету — утвердить и организовать, согласно проекта генерал-лейтенанта Вендриха, эксплуатационный железнодорожный корпус.

7. Прости, государь, что мы дерзаем опечалить твое царское сердце нашим верноподданныческим донесением о той беде, которую русские люди переживают на Кавказе, завоеванном кровью наших предков, который ныне грозит отделиться от твоей державы. Смута растет на Кавказе, кровь верных тебе людей льется от руки изменников. Чтобы помочь этому горю, повели, наш самодержец:

а) удалить с Кавказа всех должностных гражданских лиц и заменить их русскими людьми, преданными престолу и отечеству;

б) отменить все те циркуляры министров, которыми дается евреям возможность, вопреки закону, селиться на Кавказе;

в) очистить весь персонал Владикавказской железной дороги от евреев, армян и поляков и заменить их русскими людьми, преданными престолу и отечеству, так как Кавказ в переживаемое время требует твердой и непоколебимой охраны;

г) восстановить в прежних служебных правах почтово-телеграфного чиновника Владимира Николаева Акулова, пострадавшего за неизменную свою преданность престолу и отечеству во время революционного движения на Кавказе, когда, несмотря на царившие кругом смуты и забастовки, Акулов остался верным долгу и присяге.

Ты, наш царь самодержец, богом нам данный, призван править Русской землей.

Ты правишь нами милостью божией, а потому мы молим тебя: отнесись милостиво к нашей челобитной и верь, государь, что беспредельная преданность к тебе и любовь к нашей родине внушили нам мысль изложить тебе эти наши верноподданныческие ходатайства.

Храни господь тебя на счастье России и на благо верноподданного тебе русского народа.

Твои верноподданные, уполномоченные отделов союза русского народа юга России: председатель съезда, граф Алексей Коновницын, товарищ председателя Николай Мищенко, товарищ председателя Феодосий Дмитриев. Уполномоченные предста-

вители отделов: Иван Сербин, Иосиф Жуковский, отставной генерал-майор Горяев, Елена Разумихина, коллежский ассessor Владимир Акулов, Сергей Николаевич Либран, капитан Шеповалов, Георгий Колландас, Алексей Олещенко, Петр Исуров, Федор Комаров, Федор Рыбенко, Даниил Костейский, Владимир Иванович Латвинский, Сергей Севастьянович Афанасьев, Никита Михайлович Михайлов, Ефим Клишеник, Иван Муренко, Феодосий Чебанов, Евгений Пининский, священник Александр Аксенов, Иван Павлович Гайдуков, Илья Бондарь, Иосиф Панасюк, Савва Полешук, Григорий Щербок, Андрей Павлов, Герасим Литвинов, Михаил Анисимов, Василий Касьянин, Ксенофонт Фоменко, секретарь Михаил Котельников.¹

(То же дело.)

¹ На докладе графа Коновницына имеется сделанный синим карандашом и покрытый лаком «знак рассмотрения» его бывшим царем. Ред.

ВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ В ОДЕССЕ. ВЫБОРЫ В 4-Ю ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (1912 Г.)

ПИСЬМО Б. А. ПЕЛИКАНА МИНИСТРУ ВН. ДЕЛ А. А. МАКАРОВУ
И ЗАПИСКА О ВЫБОРАХ.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь, Александр Александрович.

Милостивый прием, оказанный вами мне, дает мне смелость представить на ваше благоусмотрение приложенную к этому письму записку о выборах.

Шестилетняя неустанная политическая борьба обогатила меня опытом. Я знаю, что вы озабочены выборами в государственную думу, и я буду безмерно счастлив, если труд мой, хотя в ничтожной степени, облегчит вам тяжелую задачу.

Вашего высокопревосходительства покорный и преданный слуга

Б. Пеликан.

З а п и с к а.

Истина, добытая опытом, говорит: при представительном строе только то правительство и может существовать, которое владеет, пользуется и распоряжается само этим представительным строем.

От Ренана до Макса Нордау целая плеяда мыслителей дала оценку представительному строю, и все прекрасно знают, что осуществление политических задач при представительном строе совершается с помощью техники.

Невольно рождается вопрос: как это наше правительство, обладающее всеми средствами для овладения этим строем, до последнего времени почти ничего не сделало в этом направлении?

Государственная власть в России, получающая свет и теплоту от царского самодержавия, могущественна; смело можно сказать, что нет в сущности власти могущественней. Не даром октябристы в 1908 г. в наивном порыве воскликнули: надо просить государя императора, чтобы он защитил представительный строй от напора черносотенцев...

Имеется другое доказательство могущества нашего правительства. Во всех государствах Запада с представительным строем имеется многочисленная и требовательная буржуазия, ложащаяся тяжелым бременем на государство; во всех госу-

дарствах, кроме Германии (где она консервативна), буржуазия эта левая, доходящая частью до радикализма (Франция).

Буржуазия эта всегда является предметом величайших забот всех правительств Запада, и зачастую правительства эти находятся между двух огней: буржуазией и рабочим плебисцитом. Все правительства Запада, в подавляющем числе случаев, опираются на буржуазию.

Не таково настроение у нас: у нас нет сильной и могущественной буржуазии, которая могла бы импонировать не только царской, но и правительственной власти, доказательством чего может служить 1905 год, когда буржуазная интеллигенция не смогла захватить народное движение (неудача выборгского воззвания).

У нас в России видимо утвердился представительный строй, и правительству необходимо овладеть представительным строем и, прежде всего, взять в свои руки дело выборов.

Знаменитый Морше перед выборами пригласил префектов и говорил им: хотите сохранить ваш пост, — на выборах должен пройти член правительственной партии. Во Франции до сего времени действует этот прием. Бросая взгляд на прошлое, нельзя не прийти к тому, что при выборах в первую государственную думу правительство относилось безучастно к выборам (управление гр. Витте, Горемыкина), а при последующих выборах оно реагировало вяло (управление Столыпина). Должен оговориться: в последнее время правительство, убедившись в том, что от выборов в земство зависят выборы в государственную думу, проявило живейшее и тактичное участие в выборах земских гласных в Юго-западном крае, — и что же?

Несмотря на убийственный закон, результаты получились блестящие. Можно поздравить правительство с блестящим почином. В России ввели представительный строй по образцу Запада, но не переняли техники выборов; между тем, техника выборов, это — всё. Техникой этой держатся все правительства мира — там, конечно, где имеется выборное начало. Необходимо установить как незыблемое начало, что к выборам нельзя готовиться за год до выборов.

К выборам нужно постоянно готовиться, этого требует природа вещей. Оплотность правительства до 17 октября заключалась в том, что хотя в России и не было представительного строя, но всё же земские и городские выборы, а также жизнь земских и городских управлений, протекавшая при безучастном отношении правительства, расшатали государственный строй.

Земство и городское управление представляли собой сильнейшие политические организации. Революция шла главным образом по двум руслам: земским и городским управлениям; по этим же руслам правительство должно ныне вести свою политику в целях укрепления правительственной власти.

Да и выборы в Государственную думу протекают по тем же руслам; и результат выборов в Государственную думу зависит от состава гласных земских и городских управлений. А раз это так, то правительство должно заботиться о том, чтобы в земские и городские управления проходил в гласные желательный для правительства элемент. А для этого правительство должно иметь верных и надежных людей в лице губернаторов, губернских и уездных предводителей дворянства, председателей земских управ и городских голов. Эти люди должны быть своими, они должны быть обласканы правительством и при непокорности должны быть удалены (путем неутверждения при переизбрании).

Выборы гласных в земстве не представляют больших трудностей: губернаторы, предводители, земские начальники, исправники, волостные старшины,—ни для кого не секрет,—могут оказать огромное влияние.

Не так обстоит дело в больших городах. В больших городах в городские гласные может пройти желательный для правительства элемент при условии, если губернатор или градоначальник принимают участие в выборах; я не подразумеваю грубое вмешательство, вмешательство это должно быть сделано тонко и умно. Главные избирательные кадры находятся в мещанском и ремесленных обществах, здесь собственно формируются группы, которые на выборах в городские гласные имеют решающее значение. Тут губернатор и градоначальник — всё, ибо он может на законном основании составить круг выборных и управу по своему желанию.

К сожалению, должен признаться, что это положение наши губернаторы и градоначальники, за исключением одесского градоначальника И. Н. Толмачева, совсем не использовали; так например, недавно были мещанские выборы в Москве, и прошли в выборные и в члены управы кадеты (они называли себя там прогрессистами).

Конечно, положение правительства, в общих чертах, не из легких, здесь ему приходится бороться с богатой буржуазией (интеллигенция), исторически враждебно настроенной против правительства (Петербург, Москва, Киев, Одесса, Харьков и т. д.), и нужны многие годы, чтобы народились новые поколения, которые внесли бы в эту антинациональную буржуазию новые национальные соки, а пока правительству приходится от нее отказаться и обратить свои взоры на следующий, идущий за буржуазией класс, на так называемую подбуржуазию, я говорю о классе мелких собственников. Этот класс необходимо оторвать от более богатого класса (буржуазии) и даже в случае надобности восстановить против этой буржуазии, что сделать очень легко, потому что глухое недовольство у мелкого собственника против более крупного собственника всегда имеется.

Опыт, сделанный в Одессе, дал блестящие результаты: там

домовладельцам центральной части были противопоставлены домовладельцы окраин и предместий, и в результате получилась правая дума. Словом, был применен бессмертный закон: «разделяй и управляй» (*divide et impera*). Полагаю, что в больших городах с успехом, наподобие Одессы, можно открыть общество домовладельцев окраин и предместьев.

По закону о выборах в государственную думу евреи имеют право участвовать. Я был поражен, — участвуя несколько раз в выборах в городскую думу, где евреи не имеют права участвовать, — влиянием, которое евреи оказывали на выборах; это объясняется главным образом тем, что христиане находятся под догматическим гнетом евреев. Можно себе представить, каково влияние евреев на тех выборах, где они имеют право участвовать. Надо знать врожденную способность еврея, его психологию, чтоб представить себе то беспредельное влияние, которое евреи оказывали на выборах.

Поэтому правительство должно особенно бдительно относиться к выборам там, где среди избирателей имеется много евреев.

По действующему закону, еврейского общества нет, а интересы евреев блюдет городская управа. В этой управе распределяются и расходуются суммы коробочного сбора и другие капиталы, и тут влияние городской управы на жизнь еврейского населения очень сильно.

Должен сказать, что вообще городское управление большого города, с большим бюджетом, с громадными штатами служащих, и находящееся в руках правительственной партии, может быть скалой, на которую правительство государя может свободно опираться.

Член управы, ведающий еврейским столом, может оказать большое влияние на евреев и в особенности на еврейскую толщу. Очень желательно, чтобы городская управа поддерживала бы только те еврейские благотворительные учреждения, которые чужды политиканству. Евреи склонны ко всякому делу примешивать политику. Управа легко может оторвать еврейский плебисцит (толщу) ¹ от еврейской интеллигенции, потому что этот плебисцит (ортодоксальные евреи) всегда угнетался интеллигенцией. Ортодоксальные евреи теперь уверовали в то, что в 1905 году еврейская интеллигенция сделала из них погромное мясо. Вражда между этими двумя классами велика, и ею нужно пользоваться.

На выборах в Государственную думу лучше всего добиться того, чтобы ортодоксальные евреи учинили бы апсентизм, ¹ так как евреям верить нельзя, и обещание их бросить тот или иной список ничего не стоит. На последних выборах, когда Одесса дала в члены думы барона Рено, удалось устроить некоторый

¹ Сохранено выражение подлинника. Ред.

апсентизм евреев. Осуществление сказанного немыслимо без денег; если Монтукумули сказал, что для войны, где первенствуют благородные чувства, нужны три вещи: деньги, деньги и деньги, то для политической, выборной борьбы, где первенствуют чувства низшего порядка, нужны четыре вещи: деньги, деньги, деньги и деньги. Резюмируя сказанное, я нахожу, что правительству для овладения представительным строем необходимо:

- 1) обладать крупными суммами,
- 2) оно должно сделать подбор преданных и толковых губернаторов и градоначальников,
- 3) оно должно приблизить к себе группу способных и преданных общественных и политических деятелей,
- 4) в крупных городах необходимо открыть общество домо-владельцев окраин и предместий,
- 5) губернаторы и градоначальники должны взять в свои руки мещанские и ремесленные выборы,
- 6) губернаторы и градоначальники должны взять в свои руки выборы в земство и городские думы,
- 7) управы должны расколоть еврейское население на две или на несколько враждующих партий.

Прошло шесть лет со времени введения у нас представительного строя; нужно признаться, что особенно сильной политической партии у нас нет, если не считать кадетскую партию, сильную в городах. Крайние левые партии сильны тем, что действуют в подполье, и прямого и сильного влияния на выборы не имеют. Слабость правой партии заключается в том, что она очень мало принимала участия в выборной борьбе; причина тому: отсутствие цензовиков. Партия сильна ролью, сыгранной ею в 1905, 1906 и 1907 годах, когда революция была на улице.

Правительство может легко овладеть правой партией, и ему следует сделать это после неудобных попыток создать дирижирующий центр. Уклад нашей политической жизни показывает, что центра у нас нет: его нет в думе, его нет и вне думы. Я не отвергаю за монархической интеллигенцией исторической заслуги: использование народных масс в защиту трона; но я нахожу, что в настоящее время в выборной борьбе правые недостаточно сильны, чтобы существовать без правительственной поддержки. Все монархические союзы могут сослужить службу на выборах только для того, чтобы парализовать уличную агитацию левых.

Перехожу к операциям, предшествующим выборам в Государственную думу. Избирательный аппарат должен находиться во что бы то ни стало в руках правительственной партии. Избирательные списки должны быть заблаговременно и заботливо составлены людьми, близкими к правительству. Избирательный список, так сказать, это основа. Управа ведет эти списки. По закону, лицо, не внесенное в список, может в течение двух недель

обжаловать, и тут для партии открываются большие горизонты. Так как выборное право есть гомеопатический фрагмент власти, то в населении развита тенденция не заботиться об осуществлении своего права. Это можно использовать в партийных целях.

Затем обществу домовладельцев окраин и предместий должна быть отпущена необходимая сумма для внесения недоимок малоимущих домовладельцев, принадлежащих к партии, дабы они не потеряли право голоса. Губернаторы и градоначальники должны одновременно использовать решение сената, по которому в списки избирателей должны вноситься те домовладельцы, чистая доходность которых при определении оценки умножится не на 6, а на 10 (реш. 1900 г.), от этого число мелких собственников увеличится.

Главарь правительственной партии, сговорившись с губернатором и градоначальником, должны до составления списка решить, кого нужно ввести в члены Государственной думы (держая в секрете), дабы это лицо было вооружено цензом.

Членами избирательной комиссии должны быть лица надежные, безусловно преданные правительству; это очень важно, так обстоит дело во всех странах с представительным строем, где имеется сильное правительство.

За три дня до выборов и в день выборов улица должна быть в руках правительственной партии, она ведет открытую агитацию и не позволяет враждебной партии вести агитацию.

Одна из главных операций на выборах — это привоз избирателей к избирательным урнам; желательно это делать на автомобилях, конечно, там, где они есть: это очень нравится мелкому собственнику.

Я оставляю в стороне все избирательные приемы, которые могут носить местный характер. Скажу только одно, что при деньгах и при толковом руководителе можно делать чудеса.

Особенные мастера этого дела — венгерцы; австрийское правительство, как это последние выборы показали, ведет это дело мастерски. Если осуществить всё сказанное, то вместо наших Государственных дум, стремящихся сокрушить наши государственные устои (нашу теперешнюю думу я причисляю к этой категории, ибо она отказалась именовать государя императора самодержжием), можно легко получить думу, которая укрепит устои государства, и тогда правительство получит спокойствие, при котором оно может заговорить с внешними врагами таким языком, каким оно давно не говорило. Многое из сказанного неосуществимо при составлении четвертой государственной думы: во многих местах выборы уже произведены в мещанских и ремесленных обществах, в городские и земские управления, и потому использовать эти организации в полной мере будет нелегко; но зато в тех местах, где эти выборы не прошли, там можно правительству с успехом поработать.

Особенно рекомендую использовать решение сената 1900 года, о котором я говорил. В последней стадии выборов можно прийти на помощь местным администрациям, посылая руководителей в те места, где, по полученным сведениям, сильна левая партия и можно ожидать выборов нежелательных кандидатов.

*(Черновики письма и записки, писанные
в собственноручно Б. А. Пеликаном и отно-
сящиеся к 1912 г.; найдены при обыске в
его квартире, в мае 1917 г.)*

ВЫБОРЫ В ГОРОДСКУЮ ДУМУ 1913 Г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕНАТОРА С. Н. ТРЕГУБОВА ОТ 15 ИЮНЯ 1917 Г.

Перед городскими выборами в Одессе в 1913 году образовалось три группы избирателей: прогрессивная, объединявшаяся вокруг инженера Брайкевича (ныне занимающего должность городского головы), и две правых группы: одна — сторонников бывшего до 1913 года городским головой Моисеева и другая, стоявшая за члена городской управы Б. А. Пеликана, председателя местного отдела союза архангела Михаила. Несмотря на деятельную агитацию двух последних групп, победа на выборах, происходивших 28 апреля 1913 года, осталась за прогрессистами, но, по жалобе избирателей Мечникова и других, а равно по словесному предложению градоначальника Сосновского об усмотренных им неправильностях в выборном производстве, одесское особое по городским делам присутствие выборы эти отменило и назначило новые, которые состоялись 19 мая 1913 года и привели к победе Пеликана и его сторонников.

Уже с самого начала выборной кампании Пеликан энергично старался обеспечить себе победу, для чего прежде всего с помощью градоначальника Сосновского добился расширения круга избирателей включением в их число мелких собственников окраин города, привлеченных им, Пеликаном, на свою сторону. В этих целях Пеликаном лично, а затем и указанными домохозяевами были поданы жалобы градоначальнику на невключение последних в избирательные списки вследствие того, что при определении стоимости имущества, дающих право участия в городских выборах, управа помножала доходность не на 10, как следовало по разъяснению правительствующего сената 21 апреля 1900 г., а на 6. Жалобы эти, в количестве свыше 130, были поданы на специально заготовленных и, очевидно, розданных жалобщикам печатных бланках, которые оставалось только заполнить фамилией жалобщика и подписать.

Одесское особое по городским делам присутствие по рассмотрении этих жалоб и словесного предложения градоначальника, высказавшегося за удовлетворение жалоб, в заседании 28 марта 1913 года постановило: внести в избирательные списки владельцев недвижимостей, доход коих определен для оценочного сбора от 150 до 250 рублей.

Затем было организовано нападение на экспедиционную контору Штерна, в которой, по предположениям, хранились заго-

товленные к предстоящим выборам избирательные бюллетени прогрессивной партии. 15 мая, около двух часов дня, в контору Штерна явились 15 неизвестных ему по фамилиям лиц, которые потребовали от него выдачи бюллетеней, а на отказ его стали угрожать ему револьвером и, взяв со стола несколько бюллетеней, из кабинета Штерна несколько томов городской сметы и пачку обращений к избирателям, вышли и уехали на автомобиле. Во время розысков бюллетеней Штерн успел послать одного из своих служащих за полицией, но в воротах его остановил и не пропустил какой-то карауливший у ворот человек. Впоследствии выяснилось, что это был один из близких Пеликану лиц, Глобачев, а в самом налете на контору Штерна принимали участие принадлежащие к партии Пеликана Алексеев и Лисовой.

В отношении Глобачева тогда же было начато предварительное следствие по 1540 ст. улож. о нак., прекращенное затем в порядке 277 ст. у. у. с. за отсутствием состава преступления; а против Алексеева и Лисового возбуждено преследование у мирового судьи первого участка г. Одессы по 38, 140, 142 и 152 ст. уст. о нак.: Лисовой был присужден к аресту на две недели, а Алексеев на 1 месяц. Приговор этот был утвержден съездом, а затем кассирован правительствующим сенатом. Вторично дело в съезде не рассматривалось, ибо было приостановлено за нахождением обвиняемых в действующей армии. По показанию Шевакова, шофера автомобиля, в котором приезжали налетчики в контору Штерна, автомобиль, как он слышал, был заказан для Пеликана. Далее, для завладения избирательными списками прогрессивной партии было совершено нападение на печатавшую эти списки типографию «Культура». Возникшее по сему поводу дело по 142 ст. уст. о нак. было прекращено за примирением сторон. Принимались также меры к тому, чтобы обставить самую процедуру выборов наивозможно благоприятнее для пеликановской партии. Так например, накануне выборов, исправлявший должность городского головы Масленников был приглашен к градоначальнику Сосновскому, который предъявил ему собственноручно написанный список лиц, кои должны быть приглашены в качестве счетчиков в избирательном собрании. По выходе Масленникова из кабинета Сосновского на том же стали настаивать, «чуть ли не с угрозами», находившиеся в коридоре Пеликан и Мечников (прошедший затем в товарищи городского головы), Зусман, Кумбари и Альбрант. Равным образом, согласно утверждению Масленникова, Сосновский предъявил ему список служащих управы, которые должны были принять участие в наблюдении за выборами. И действительно, как усматривается из протокола избирательного собрания, все эти лица вошли в состав счетчиков и наблюдающих за порядком выборов.

Затем, по показаниям служащих городской рабочей артели

Капелистова, Демешкана, Шимановского, а также Осиповича и Симченко, в день выборов 19 мая все служащие названной артели, принадлежавшие в большинстве к союзу Михаила архангела, по приказанию заведующего артелью Лутковского и его помощника Черкасова, были распределены по отрядам, отправленным в различные части города для выполнения разного рода поручений и действий по выборам: часть была послана для агитации, преимущественно на окраинах, часть — к зданию городской думы, чтобы затевать скандалы и драки для устрашения избирателей и уменьшения их притока, некоторые были отправлены в штаб-квартиру пеликановской партии, возле думы, на Николаевском бульваре, дом № 14. Кроме того, по городу были разосланы специально нанятые автомобили для подвоза избирателей. В упомянутой квартире на Николаевском бульваре, в одной из комнат находился нотариус Цветков и свидетельствовал доверенности на право участия в выборах, а тут же за другим столом сидели Лутковский, Кахов, Колченков-Николаев, Альбрант и, вычитывая из избирательных списков имена и фамилии избирателей, диктовали их для записей на отдельные записки. Эти записки, вместе с избирательными бюллетенями пеликановской партии, раздавались рабочим городской артели, которые отправлялись в думу и там голосовали под именем этих избирателей, называясь их фамилиями. По удостоверению служащего городской управы Осиповича, рабочий городской артели Кравко подал два бюллетеня: один раз под фамилией Якова Григорьевича Гринчака, значившегося по списку под № 529 и умершего еще в январе 1913 года, а второй раз под именем Богоявленского, стоявшего в списке под № 186. Черкасов приходил голосовать несколько раз и каждый раз в различных костюмах: то в сером, то в черном, в бороде, с баками и без бороды. Вообще, многие из рабочих артели опускали бюллетени по несколько раз, устраивая так называемую «карусель». Они шли в думу, голосовали, затем возвращались в д. № 14 на Николаевском бульваре и, получив там новый бюллетень и записку с фамилией избирателя, уходили подавать голос снова (показания Капелистова, Осиповича, Балина и других). Практиковался и иной прием голосования, а именно: по чужим доверенностям. В том же доме на Николаевском бульваре на одном из столов лежали в большом количестве доверенности на право участия в выборах, с каковыми доверенностями ходили голосовать сторонники Пеликана, не только незнакомые с теми лицами, за которых они выступали, но часто не знавшие даже их фамилий. Контролировали при входе свои же люди, в личностях голосовавших не удостоверяться, а просто отмечали лишь доверенности. Таким образом, по чужим доверенностям, данным не на их имя, голосовали по собственному их признанию Капелистов и Шимановский; последний, между прочим, был послан перед этим го-

лосовать под именем одного доктора, уже умершего, но это ему не удалось.

Подсчет избирательных бюллетеней производился 20 мая теми же лицами, которые накануне деятельно участвовали в фальсификации самих выборов, что широко открывало возможность злоупотреблений. Здесь средством обеспечения победы пеликановской партии была избрана «подсыпка» бюллетеней. Для отвлечения внимания председательствовавшего в этот день Масленникова от столов счетчиков, в зале отдельные лица, между которыми особенно выделялся Альбрант, поднимали шум, устраивая скандалы, доводившие Масленникова до необходимости временно удалять публику из зала, а в это время на столах счетчиков производилась подсыпка пеликановских избирательных бюллетеней, взамен похищенных из урны избирательных бюллетеней противных партий. Обстоятельство это устанавливается следующими данными, выясненными ревизией.

Для нумерования избирательных списков (бюллетеней) были доставлены из градоначальства особые штемпеля (номераторы). По извлечении из ящиков избирательных списков, каждый купон последних номеровался этими штемпелями, после чего списки разделялись по протоколам на отдельные купоны, которые затем систематизировались по фамилиям кандидатов. Между тем из показания делопроизводителя одесской городской управы Маркина усматривается, что в первый же или во второй день выборов бывший тогда помощником секретаря управы Анагности, принимавший весьма деятельное участие в пеликановской работе по выборам, попросил у него, Маркина, домашнюю типографию, в которой был набор цифр. Маркин исполнил эту просьбу, а по окончании подсчета видел, что на многих избирательных купонах оказались цифровые оттиски, сделанные не штемпелями, присланными из градоначальства, а набором из его ручной типографии, вследствие чего ему стало очевидным, что часть бюллетеней, поступивших в избирательные ящики, была уничтожена и заменена другими. Делопроизводитель же управы Живчик удостоверил, что, явившись в помещение думы в один из дней выборов раньше других, он узнал, что всю ночь рабочие городской артели прочищали канализационные трубы здания думы, забитые выборными купонами, которые выносились счетчиками и служащими управы в карманах и сбрасывались в klozet финансового отделения.

Сотруднику «Одесского листка» Гарценштейну рассказывал Глобачев, что при выборах в карманах его, Глобачева, и других его единомышленников находились отсчитанные по 100 и 50 пачки избирательных записок с именами тех, кто им был нужен; пачки эти были перехвачены резинками, так что ошибиться было невозможно; главная работа состояла в том, чтобы опустить в урну столько своих записок, сколько было извлечено по счету

чужих. Поэтому-то общее число записок соответствовало числу явившихся на выборы, и поэтому Пеликан, например, получил больше голосов, чем Мечников, Мечников больше, чем Полетаев, и т. д. На вопрос же Гарценштейна, зачем же тогда была нужна вся предвыборная шумиха, Глобачев ответил: для правдоподобности победы; для того, чтобы население поверило, что мы победили благодаря агитации.

В заключение заслуживает особого внимания эпизод с заявлением исполнявшего обязанности счетчика, избирателя Фингергута, — эпизод, ярко характеризующий отношение градоначальника Сосновского к преступным приемам избирательной борьбы Пеликана и его сторонников. Для систематизации и подсчета купонов было образовано шесть подкомиссий (как было упомянуто выше, из лиц, указанных градоначальником Сосновским), причем, между прочим, в состав первой подкомиссии вошел Посохов, а в состав второй Пеликан. В середине дня 20 мая (после 4 ч.) Александр Германович Фингергут передал председательствовавшему в заседании Масленникову письменное заявление о том, что в этот день (20 мая), когда избирательный ящик был распечатан и из него начали доставать записки, то один из счетчиков попросил его, Фингергута, посторониться и тут же в открытую крышку «вывалил из-под полы пиджака целую кучу маленьких избирательных записок правой партии. Другой счетчик, стоявший возле, быстро втащил их в избирательный ящик и стал выкладывать на стол». Фамилии счетчиков в заявлении Фингергута названы не были. Приняв это заявление, Масленников положил на нем сбоку резолюцию: «К протоколу о производстве выборов гласных от 19 мая 1913 года». Подача такого заявления вызвала между пеликановцами большую сенсацию, об этом эпизоде было тотчас же доведено до сведения градоначальника Сосновского, который пригласил к себе Фингергута и умолял взять свое заявление обратно, так как от этого зависит вся его карьера, ибо министр приказал ему, чтобы на выборах прошли представители правой партии (показание Велихова). Фингергут после этого уполномочил Шапошникова взять от Масленникова его заявление, что и было исполнено. Шапошников хранил это заявление Фингергута у себя до 3 декабря 1913 года, когда представил его прокурору одесского окружного суда, а 5 декабря тому же прокурору подал заявление присяжный поверенный Борис Александрович Велихов, в каковом заявлении между прочим указывал, что, по словам Фингергута, не названные им по фамилии счетчики, подсыпавшие в избирательный ящик бюллетени правой партии, были Андрей Иванович Посохов и Борис Александрович Пеликан. Означенное указание Велихова на названных лиц находит себе подтверждение в показании Масленникова о том, что во время подсчета записок возле избирательного ящика, стоявшего немного позади его стола, он заметил счетчиков Посохова и Пеликана.

Заявление Велихова и Шапошникова (с приложением заявления Фингергута от 20 мая) прокурор одесского окружного суда представил 11 декабря 1913 г. за № 8081 прокурору судебной палаты с донесением, что, по его мнению, счетчики избирательного собрания подлежат ответственности в должностном порядке и что в «подсыпке» ими избирательных бюллетеней заключаются признаки преступления, предусмотренного 362 ст. улож. о нак. От прокурора одесской судебной палаты вся эта переписка, на основании 1085 ст. у. у. с., была препровождена, при отношении от 13 декабря 1913 г. за № 7759, с надписью «в собственные руки», одесскому градоначальнику, который внес ее на рассмотрение особого по городским делам присутствия. Последнее, рассмотрев это дело в заседании 17 января 1914 г. и соглашаясь с тем, что счетчики избирательного собрания являются должностными лицами и подлежат ответственности в должностном порядке, не усмотрело в настоящем деле признаков 362 ст. улож. о наказ., а нашло, что деяние их, выразившееся в том, что они из личных выгод умышленно опустили в избирательную урну фиктивные избирательные записки, вполне аналогично с умышленным из личных видов допущением к подаче избирательных записок лиц, которые не имели права участвовать в выборах, каковое деяние предусмотрено второй частью 1434 и 1440 ст. улож. о наказ. Так как эти последние преступные деяния покрываются шестимесячной давностью и так как со дня выборов 20 мая до подачи заявления Велиховым, когда впервые были указаны виновные, протекло более 6 месяцев, то присутствие постановило: за истечением срока давности дело производством прекратить. На означенное постановление Велиховым была подана жалоба, представленная градоначальником Сосновским в 1-й департамент правительствующего сената 19 марта 1914 г. за № 237/3, с копией постановления присутствия от 17 января 1914 г. Подлинное же дело присутствия представлено не было. Между тем внешний осмотр его указывает на необычное отступление по сему делу от принятых правил делопроизводства. Прежде всего, по внешности дело это имеет название: «Переписка по жалобам Шапошникова и Велихова на неправильности при выборах гласных в одесскую городскую думу в 1913 г.», сверху заголовка сделана надпись «секретно», номера настольного реестра на деле не отмечено, ибо в настольные реестры делам присутствия ни за 1913 г. ни за 1914 г. дело не внесено. Начинается дело с упомянутого выше отношения прокурора одесской судебной палаты за № 7759 с приложенными к нему заявлениями Шапошникова, Фингергута и Велихова. На означенном отношении нет ни пометки о времени его поступления, ни входящего номера, ни какой-либо резолюции. Далее, вопреки принятому в присутствии порядку внесения постановлений и журналов его по окончании года в особую книгу, журнал, содержащий в себе постановление

присутствия о прекращении сего дела (за истечением давности), в подлиннике подшит к делу.

Обращаясь к юридической оценке описанных выше действий Пеликана и его партии и не останавливаясь на тех злоупотреблениях при выборах, которые заключают в себе признаки преступных деяний, предусмотренных 1416, 1418, 1434 и 1440 ст. улож. о нак. (голосование лицами, не имеющими права участия на выборах, под чужим именем, по чужим доверенностям, прохождение несколько раз к избирательным урнам и т. п.), за истечением в настоящее время сроков уголовной давности для преследования за эти преступления, надлежит войти в обсуждение вопроса о том, признаки какого преступления составляет «подсыпка» в урны избирательных списков правой партии, в чем, как указано выше, изобличаются Б. А. Пеликан и А. И. Посохов. Так как, по окончательному подсчету всех изъятых из урны избирательных записок, количество их соответствовало числу подавших голоса лиц и на части записок вместо номеров, сделанных штампом градоначальства, оказались цифровые оттиски, произведенные ручной типографией Маркина, то очевидно, что подсыпка была произведена посредством подмены, т. е. изъятия из урн определенного количества действительно поданных записок, и при условии знания об этом со стороны подсыпавших счетчиков, иначе они не могли бы вложить в урну соответственное количество заранее подготовленных записок своей партии. Таким образом устанавливается взаимное соглашение между лицами, похищавшими из урн и подсыпавшими избирательные записки. Последние с момента опускания их при выборах в избирательные ящики становятся документами, находящимися в присутственном месте (городском избирательном собрании), и притом по содержанию своему являются документами, удостоверяющими права отдельных лиц, ибо устанавливают количество поданных за каждого из них голосов. Вследствие сего похищение из избирательных ящиков таких записок заключает в себе все признаки преступления, предусмотренного 303 ст. улож. о нак.

Что же касается действий во время одесских городских выборов градоначальника Сосновского, то его активное благоприятствование прохождению на выборах пеликановцев, хотя и представляется недопустимым для должностного лица вмешательством в выборы, но не выразилось в каких-либо действиях, прямо заключающих в себе признаки уголовно-наказуемого деяния (по крайней мере, по настоящее время таких действий Сосновского не установлено ревизией). Иначе, однако, должно быть оценено его отношение к фактам, обнаруженным в переданных ему в декабре 1913 года заявлениях Фингергута и Велихова.

Если даже согласиться с правильностью юридической квалификации одесским особым по городским делам присутствием под-

сыпки счетчиками в избирательные урны фиктивных избирательных записок (по 1434 и 1440 ст. улож. о нак.) и с невозбуждением уголовного преследования против сих счетчиков за истечением уголовной давности, то самый факт «подсыпки», который особое присутствие, а следовательно и его председатель, градоначальник Сосновский (не подавший особого мнения), не оспаривали, должен был вызвать со стороны последнего распоряжение о немедленной и самой тщательной проверке этого факта и донесение о нем министру внутренних дел, так как обнаружение такого обстоятельства, как подсыпка избирательных бюллетеней, давало серьезное основание к признанию произведенных в мае 1913 года городских выборов недействительными. Между тем в этом направлении градоначальником Сосновским ничего предпринято не было (по крайней мере, из дел его канцелярии этого не усматривается), и таким образом лица, прошедшие на выборах 1913 г. посредством преступления, вследствие бездействия власти со стороны одесского градоначальника, продолжали невозбранно пользоваться полномочиями по городскому общественному управлению вплоть до смещения их после революции.

Таковые действия градоначальника Сосновского заключают в себе признаки преступления, предусмотренного 339 и 341 ст. улож. о нак., при условии, если им не было сделано по сему предмету личного доклада министру, не оставившего следов в делопроизводстве канцелярии.

На основании вышеизложенного, ревизирующий сенатор Трегубов постановил: предложить судебному следователю 5 уч. г. Одессы Клименко приступить к производству предварительного следствия по обвинению Андрея Ивановича Посохова и Бориса Александровича Пеликана и их соучастников Альбранта, Анагности, Глобачева и других, в преступлении, предусмотренном 303 ст. улож. о нак., а от бывшего одесского градоначальника Сосновского по упдающему на него обвинению в преступном деянии, предусмотренном 339 и 341 ст. улож. о нак., потребовать объяснение, по получении какового войти в окончательное обсуждение вопроса о возбуждении против него уголовного преследования.

ПИСЬМО А. О. ВЕСЕЛОВСКОГО ГОР. ГОЛОВЕ Б. А. ПЕЛИКАНУ
ОТ 9 СЕНТЯБРЯ 1913 Г.

Ваше превосходительство.

Простите ради бога, что позволяю себе обращаться к вам с подобным письмом; поверьте, что тяжело сложившиеся обстоятельства, толкающие меня чуть ли не до самоубийства, заставили написать вам это письмо, или, вернее, вопль истерзанной моей души. Я постараюсь быть кратким в своем письме, дабы не утомлять вас чтением длинного письма, но умоляю вас понять меня

и не оставить мою мольбу без удовлетворения. Я человек русский, много потрудившийся для русского дела в Одессе; весьма возможно, что вы меня не помните, но это меня не останавливает все-таки обратиться к вам. Я обращался к вам много раз в бытность вашу членом городской управы и, благодаря вам, в 1908 году некоторое время занимался временно в ст. гор. больнице. Неоднократно просили за меня вас Н. Н. Родзевич и И. И. Слюсаревский, на глазах которых протекла вся моя деятельность по од. союзу рус. людей, но за это долгое время я ничего не добился и до сих пор хлопочу на гор. службу. Последнее время я кое-как добился того, что работал в гор. управе по выборам в госуд. думу, а затем попал временно в оценочную комиссию, где проработал четыре месяца, получая 75 рублей в месяц, и в этой должности был утвержден госп. одесск. градоначальником; и это всё, чего я добился в 6 лет. Наконец, последний мой труд — это по выборам в городскую думу; работал я безвозмездно по Пересыпскому участку, агитируя и подвозя на автомобилях избирателей; это могут подтвердить гг. Анагности, Филиппов (служ. в управе) и другие лица, на глазах которых я работал; знает меня также г. Барановский; для пользы дела я на всё согласился и ничего не боялся, от предложенной же денежной платы за труд я отказался. Приходилось даже побывать в Перес. участке, как арестованному за распространение ленточек к избирателям-новодумцам; но, повторяю, я ничего не боялся, а также опускал избирательные списки за неявившихся на выборы избирателей по Пересыпскому участку.

И вот теперь, когда дошло до того, что я не имею чего есть с женою и приходится наложить на себя руки, я умоляю вас вырвать меня из этого ужасного положения, предоставив мне какое-нибудь занятие на гор. службе; я за большим не гонюсь, лишь бы я имел на кусок хлеба. Если нет возможности сейчас принять меня на службу, то помогите поступить мне околоточным надзирателем в полицию. Я умоляю вас со слезами на глазах, вызовите меня лично к себе и выслушайте меня; я работал много, но не кричал о себе и посему неизвестен лично вам. Поверьте, что несколько дней уже с женою живу впроголодь.

Коллежский регистратор из дворян, О. А. Веселовский.

(Найдено в 1917 г. при обыске в одесской городской управе.)

СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ОДЕССКОГО ВОЕНН. ОКРУГА
М. И. ЭБЕЛОВА, ОТ 22 ЯНВАРЯ 1916 Г., НА ИМЯ М. В. АЛЕКСЕЕВА.

До начала настоящей войны и ныне монархическая организация в г. Одессе состоит из следующих групп: 1) общества домовладельцев окраин и предместий города, 2) союза имени Михаила архангела, 3) союза русского народа, 4) южно-монархического союза, 5) мещанского общества, 6) ремесленного общества и 7) союза русских людей.

Все эти группы, за исключением союза русских людей, председательствуемого г. Родзевичем, примыкают к городскому общественному управлению, принадлежащему к правой партии, с городским головою Б. А. Пеликаном.

Из конфиденциального письма ко мне этого лица от 26 декабря прошлого года видно, что г. Родзевич склонен к интригам, поклепам и ложным доносам, что деятельность его в г. Одессе разлагающе вредна для правого дела и что он в среде правых вызывает лишь чувство негодования и презрения.

Таким образом г. Родзевич со своей малочисленной партией правых, около 100 человек, отделился от прочих правых организаций, где он не находил достаточно почвы для своих выступлений с целью играть роль заметного правого деятеля, с которым должны считаться высшая местная военная и гражданская власть.

Так, 11 августа прошлого года выдача денежных пайков женам нижних чинов, призванных в войска по мобилизации, еще не была налажена одесской городской управой и происходила вследствие этого с некоторым опозданием. Толпа в несколько сот жен этих нижних чинов произвела беспорядок у здания городской думы, начав бить оконные стекла.

Это было скоро прекращено мерами полиции, причем 9 женщин-зачинщиц беспорядка я приказал арестовать.

Обстоятельство это дало повод г. Родзевичу обратиться ко мне лично с докладной запиской от 13 августа прошлого года с изложением мнений своих: 1) о порядке расследования этих беспорядков в организации выдачи пайков и 2) о том, чтобы войска, находящиеся в Одессе и пополненные при мобилизации местными жителями, вывести из Одессы, заменив их переведенными из других местностей округа.

Подобного рода вмешательство г. Родзевича в дела управле-

ния вынудило меня указать ему в весьма внушительной форме, что я ни в каких советах и мнениях партийных деятелей не нуждаюсь и воспрещаю ему впредь обращаться ко мне с какими бы то ни было советами и мнениями, так как правительство — вне партий. Теперь — война. Все политические партии обязаны соединиться в одну патриотическую партию войны, содействуя всеми своими силами победному окончанию этой жестокой борьбы народов. Это укрепит в нашей героической армии тот воинский дух, без которого полная победа над нашими врагами невозможна. В заключение я указал ему, что председательствуемый им союз русских людей обязан, по примеру шести прочих местных монархических организаций, руководствоваться только своим уставом, не выходя из его границ, т. е. не присваивая себе несоответствующего значения.

После этого г. Родзевич примолк и уже не являлся ко мне ни со своими советами, ни с мнениями, но, боясь, повидимому, потерять в глазах своих единомышленников местное значение, он выступил против меня на нижегородском совещании уполномоченных монархических организаций (26 — 28 ноября прошлого года), обвиняя меня «в пристрастном и даже в притеснительном отношении к местным монархическим организациям».

Такое обвинение несправедливо потому, что ни одна из шести упомянутых местных монархических организаций подобного рода обвинений против меня не возбуждала, а только один г. Родзевич, представитель незначительной местной группы союза русских людей, отколовшегося от шести правых организаций г. Одессы.

Обращаясь к существу обвинений г. Родзевича, приведенных в докладной записке председателя упомянутого совещания в г. Нижнем-Новгороде, г. Пасхалова, от 3 декабря прошлого года, на имя председателя совета министров, считаю необходимым объяснить нижеследующее:

1) В ограждение государственного порядка и общественного спокойствия в районе театра войны никакие политические речи, а также и обсуждение политических вопросов с партийной точки зрения недопустимы даже и со стороны упомянутого союза, склонного не только к критике действий местных правительственных органов, но и центрального правительства. Ни политические речи, ни обсуждение политических вопросов уставом союза не предусмотрены (§§ 2 — 6).

Поэтому никакие резкие политические статьи в одесских газетах, а тем более против правительства и против верховной власти, мною не допускались. Заявление это совершенно голословно.

2) Как видно из донесения одесского градоначальника № 690, на общем собрании членов одесского отделения технического общества 18 сентября прошлого года никаких прений по политическим вопросам допущено не было, а в предшествовавшем этому

собранию закрытом заседании была принята, без всяких прений, резолюция общего характера, приведенная в упомянутом донесении. Она заключается в преклонении перед доблестью и храбростью нашей армии, призыве всех сил страны для борьбы с врагом, каковая возможна при осуществлении пожеланий, принятых резолюцией съезда городов.

3) Из того же донесения одесского градоначальника видно, что в Одессе не было областного съезда военно-промышленных комитетов ни 17 сентября прошлого года, ни в последовавшее время, а состоялось лишь 17 и 18 октября прошлого года под председательством члена государственной думы Протопопова экономическое совещание Совета съездов представителей промышленности Юга России. На этом совещании присутствовал и. д. штаб-офицера при градоначальнике полковник Рева. Никакие политические вопросы в этом совещании не обсуждались, и никаких политических резолюций на этом совещании принято не было.

Участвовавший в этом совещании г. Климович начал критиковать политику правительства по отношению к малорусской национальности, но был немедленно остановлен упомянутым полковником Рева.

4) Подготовка преподавателей союзных учебных заведений, под руководством специалистов, к роли инструкторов в работах по изготовлению снарядов не могла быть мною одобрена, за неимением специалистов, находящихся в распоряжении особой комиссии по обороне государства, под председательством военного министра.

5) В сборе металлов для военного ведомства нет никакой надобности даже по истечении 18 месяцев войны, в виду свободного обращения их в торговле.

6) Из доклада начальника штаба округа от 8 сего января видно, что памятная записка г. Родзевича об одесской военнo-цензурной комиссии лишена всякого основания, не говоря о том, что посторонние лица не имеют права входить в оценку деятельности правительственных учреждений, сколько бы эти лица ни были благонамеренны с точки зрения нашей государственности.

Насколько благонамеренность г. Родзевича сомнительна в этом отношении, видно из письма ко мне одесского городского головы от 26 декабря прошлого года, где сказано, что не так давно на одном из заседаний городской думы, где г. Родзевич состоит гласным, он настоятельно требовал повышения Бельгийским обществом одесских трамваев заработной платы служащим в этом обществе, что легко могло повести к забастовке и к другим политическим волнениям среди низших служащих. Этого однако не случилось, благодаря принятым заблаговременно предупредительным мерам.

В заключение считаю необходимым остановить внимание вашего высокопревосходительства на постановлении совета общества союза русских людей, — незначительной группы лиц.

Из этого постановления видно, что союз этот, выйдя из границ своего устава, присвоил себе не только право вмешательства в дела управления, но даже и надзора за деятельностью неугодных ему правительственных органов, что является актом явно противозаконным, если не революционным, и не может быть допущено, особенно в районе театра войны.

Поэтому полагал бы: в случае дальнейших выступлений г. Родзевича в принятом им против существующего государственного управления направлении, выслать его из пределов округа, как лицо вредное не только для общественного спокойствия, но и для дела правых организаций г. Одессы.

СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО ГЕН. М. И. ЭБЕЛОВА ГЕН. М. В. АЛЕКСЕЕВУ,
ОТ 29 АПРЕЛЯ 1916 Г.

Новая жалоба г. Родзевича лишней раз подчеркивает стремление этого лица присвоить председателствуемому им союзу русских людей в г. Одессе исключительно несоответствующее значение по сравнению с шестью остальными группами местных монархических организаций, упомянутых в письме моем к вашему высокопревосходительству сего года за № 1264, с целью играть особенную роль, постоянно напоминая высшему правительству о своем существовании.

Согласно статьи 270 т. II св. зак., градоначальники, как лица, пользующиеся всеми правами губернаторов, являются первыми в своих градоначальствах блюстителями неприкосновенности верховных прав самодержавия.

Поэтому казалось бы, что в монархической организации, к которой принадлежит упомянутый союз, не должно бы было возникать никаких сомнений о праве градоначальника знать состав членов этой организации.

В той же ст. 270 т. II с. з. указано, что градоначальники являются и первыми блюстителями повсеместного точного исполнения уставов.

Согласно § 9 уст. общ. союза русских людей, члены этого общества вносятся в особый список.

Из этого логически определяется право градоначальника, в интересах наблюдения за исполнением устава общества, требовать от последнего сообщения ему списка членов этого общества, не говоря о праве градоначальника требовать списки членов зарегистрированных обществ, в ограждение государственного порядка и общественного спокойствия.

Кроме того, как видно из указа правит. сената одесскому вр. генерал-губернатору и градоначальнику от 10 октября 1908 г.,

лицо это имеет право производить расследование положения дел в местном союзе русского народа.

Переходя к частностям упомянутой жалобы, считаю необходимым объяснить, что заявление г. Родзевича о соблюдении конспирации членов союза, служащих в одесской городской управе и учреждениях, ей подведомственных, где все должности замещены лицами из монархических организаций, а также о необходимости такой же конспирации служащих в еврейских торговых заведениях, является совершенно непонятным, как противоречащее духу устава этого союза, не говоря о том, что служба членов союза у местных евреев не соответствует достоинству этой организации, именующей себя правой и монархической.

Заявление г. Родзевича об обостренности отношений союза к городскому управлению, объединяющему все местные правые монархические группы, лишний раз свидетельствует, что союз этот, в лице г. Родзевича, является вредным для монархических организаций г. Одессы.

Что же касается заявления г. Родзевича, что списки членов союза, потребованные градоначальником, являются служебной тайной, то это неправильно, так как союз русских людей — учреждение не конспиративное, а имеющее официальный устав.

Вследствие вышеизложенного полагал бы, что в канцелярии одесского градоначальника должны находиться ежегодно возобновляемые списки лиц всех местных монархических групп, в том числе и союза русских людей, во избежание возможных недоразумений в периоды государственного розыска, производимого чинами корпуса жандармов.

ПИСЬМО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ЮГО-ЗАП. ФРОНТА А. А. БРУСИЛОВА ОТ 18 МАЯ 1916 Г. НА ИМЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ Б. В. ШТЮРМЕРА.

Из штаба верховного главнокомандующего 16-го апреля за № 5314 и от начальника главного военного судного управления за № 3765 поступили в штаб армии вверенного мне фронта жалобы одесского союза русских людей на противодействия названному союзу со стороны главного начальника одесского военного округа генерала от инфантерии Эбелова и одесского градоначальника в должности шталмейстера Сосновского. Запрошенный по сему поводу генерал от инфантерии Эбелов представил объяснение, изложенное в сношении за № 6874 от 29-го апреля, характеризуя деятельность одесского союза русских людей с отрицательной стороны. Мною было предписано состоящему в моем распоряжении генералу от инфантерии Бухгольцу отправиться в город Одессу и произвести расследование о деятельности вышеуказанного союза. Результаты расследования, со-

всем материалом, собранным генералом Бухгольцем, изложены в его рапорте за № 65.

Ознакомившись с данными расследования, я с своей стороны прихожу к заключению, что одесский союз русских людей, действующий под председательством г. Родзевича, хотя по идее и является монархической организацией и должен был бы действовать в интересах правительства, но, стремясь к достижению только личных целей и, видимо, прикрываясь именем патриотической организации, не только не может рассматриваться как полезная организация, но, позволив себе вмешиваться в дела управления и входить в неуместные пререкания с правительственными лицами и с негодными ему правительственными общественными органами, в условиях настоящего военного времени, в городе, расположенном на театре военных действий, по моему мнению, является учреждением крайне вредным для интересов армии и вынуждает принять против него, а в особенности против председателя г. Родзевича, меры административной репрессии.

Прежде чем с моей стороны последуют какие-либо распоряжения по сему поводу, я прошу ваше высокопревосходительство, по ознакомлении с прилагаемым материалом, сообщить свое мнение о деятельности одесского союза русских людей, как таковая выяснена расследованием, и, в частности, о деятельности председателя союза, г. Родзевича.

ПИСЬМО Б. В. ШТЮРМЕРА ОТ 24 ИЮНЯ 1916 Г. НА ИМЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ЮГО-ЗАП. ФРОНТА А. А. БРУСИЛОВА.

Письмом от 18 мая с. г. ваше высокопревосходительство просили меня ознакомиться с препровожденным вами материалом, касающимся действий одесского союза русских людей и его председателя Родзевича, и сообщить мое мнение о деятельности союза и его главного руководителя.

Вследствие сего, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что одесский союз русских людей является одной из идейных правых организаций, пользующейся уважением в тех монархических кругах, которые проявили свою полезную деятельность в печальной памяти революционные годы. Означенный союз не обладает очень значительным числом членов, но имеет прочные корни в народных массах и непоколебим в своем служении историческим началам русской государственности. Характерным показателем его нравственной силы является то обстоятельство, что богатый местный правый деятель Сеницын, создав патриотическую гимназию, передал ее именно этому союзу, а не какой-либо другой монархической организации. Гимназия эта существует и ныне, несмотря на то, что одесское городское самоуправление, некоторые стороны

деятельности которого вызывают осуждение союза, сократило получаемую ею субсидию. Директором этой гимназии состоит председатель одесского союза русских людей Родзевич. Последний, по имеющимся у меня сведениям, честный правый деятель, убежденно исповедывающий свои взгляды; недостатком его является некоторая мелочность, быть может — и способная раздражать тех должностных лиц, коим ближайшим образом приходится иметь с ним дело. Однако этот недостаток, мне кажется, вполне окупается бескорыстной стойкостью его политических убеждений, которых не могут сломить никакие наносные течения и влияния. Эта стойкость особенно ярко проявилась летом минувшего года. Тогда, под влиянием наших временных военных неудач, сильно развилось оппозиционное правительству движение, захватившее широкие круги населения. В разгар этого движения Родзевич, вместе с несколькими правыми деятелями, созвал в Саратове совещание монархистов, которые смело заявили протест против домогательств радикальных кругов. В исполнение постановления этого совещания Родзевич участвовал в поднесении государю императору иконы св. Владимирской божьей матери, по случаю принятия его величеством верховного командования над нашей доблестной армией. Родзевич принял участие и в прочих монархических съездах, происходивших осенью минувшего года.

Обращаясь затем к деятельности союза русских людей и его председателю, на основании сообщенных мне вашим высокопревосходительством материалов, считаю долгом отметить, что рассмотрение их привело меня к заключению, что союз и его главный руководитель настойчиво стремились принять посильное участие в оказании помощи защитникам родины. Стремление это, явившееся отражением естественного подъема патриотического духа, вызывалось, очевидно, также желанием действительной работой достойно ответить тем политическим противникам, которые, участвуя в различных общественных организациях, содержаемых главным образом на казенные средства, постоянно бросают правым партиям тяжелое обвинение в бездеятельности в настоящее великое время. Поэтому союзу особенно больно было получать постоянные, не всегда ярко мотивированные отказы в его ходатайствах. Таковая вынужденная бездеятельность союза зачтется ему, конечно, левыми партиями, но непонятным для меня является подобное обвинение, предъявляемое союзу со стороны главного начальника одесского военного округа, лично отклонявшего предложения союза о готовности оказания содействия нуждам армии. Касаясь далее политических выступлений союза, я не отрицаю, что они не всегда бывали уместны и тактичны, но уверен, что они вызваны были, быть может, ложно понимаемыми, но патриотическими побуждениями. Вместе с тем я решительно возражаю против

высказанного генералом Эбеловым мнения, что обсуждение политических вопросов не предусмотрено уставом союза. Последний является чисто политической организацией, что явствует из пункта первого и последующих его устава. Точно так же союз, вопреки мнению главного начальника военного округа, согласно пункту 5-му своего устава, имеет право обращаться по отдельным вопросам к правительственным учреждениям. Нельзя также не иметь в виду, что закрытие союза русских людей в Одессе повлечет за собой закрытие целого ряда содержимых союзом учебных заведений, как-то: мужской гимназии, женской учительской семинарии, женской профессиональной школы, мужского начального училища, — каковые заведения ведутся в строго национальном направлении, развивая в детях чувство любви к родине и ее вековым устоям.

В виду всего вышеизложенного и исходя из того соображения, что общая политическая обстановка переживаемого нами времени требует весьма бережного отношения к монархическим организациям, которые в минувшие годы лихолетия мученической смертью своих сочленов на деле доказали готовность в тяжелые для самого бытия государства моменты грудью встать на защиту его исторических устоев, я, пользуясь искренно мною оцененным запросом вашего высокопревосходительства, считаю долгом высказать мое мнение о крайней нежелательности принятия против одесского союза русских людей и его председателя Родзевича каких-либо репрессивных мер, применение которых вызвало бы, вероятно, большое огорчение в рядах всех искренних монархистов и доставило бы громадное удовлетворение их политическим противникам.

(Все 4 документа извлечены в 1917 г. из секретного дела мин. вн. дел за 1916 г. (без №))

МАТЕРИАЛЫ 1917 ГОДА ПО ИСТОРИИ ОДЕССКИХ СОЮЗНИКОВ

ПОКАЗАНИЯ ГРАФА А. И. КОНОВНИЦЫНА, ОТ 24 МАЯ 1917 Г.

До 1910 года я проживал в Одессе, состоя на службе в Русском обществе пароходства и торговли, так что там меня застало освободительное движение.

Приехав в 1905 году к своим родственникам в Петроград, я узнал, что основывается союз русского народа, во главе которого находился в качестве председателя А. И. Дубровин, а товарищем председателя Пуришкевич. Я познакомился с Дубровиным, который, имея, очевидно, сведения обо мне, предложил мне учредить отдел указанного союза в Одессе, который и должен быть как бы филиальным отделением центрального управления, которое было в Петрограде. Дубровин передавал мне, что он и несколько членов-учредителей представлялись бывшему царю, который принял их очень милостиво. Вернувшись в Одессу, я там и основал отдел союза, совместно с Николаем Николаевичем Родзевичем и Борисом Александровичем Пеликаном. Между нашим отделом и Дубровиным была установлена связь.

Одесский отдел был открыт 4-го февраля 1906 года. Одновременно почти с этим учреждались отделы и в других местах. Задачей союза было объединение русских людей на началах православия, самодержавия и русской народности.

Хотя манифестом 17 октября 1905 года царь и отказался от самодержавия и дал конституцию, но союз русского народа находил, что царь не имел права ограничивать самодержавие, и потому союз и поставил своим девизом проведение начала самодержавия. И потому союз всеми мерами и стремился к средствам, направленным именно к установлению самодержавия. Союз признавал, что этот акт, т. е. манифест от 17 октября, был вырван у бывшего царя по его слабости, и потому находил, что, как таковой, он не может быть признан существующим. И присланная б. царем телеграмма: «Да будет мне союз русского народа надежной опорой, служа всегда примером законности и порядка», на имя Дубровина, послужила нам импульсом.

Итак, основав одесский отдел, мы приступили к работе. Сначала деятельность отдела не была такою активной и была, так сказать, объединяющею; средствами были членские взносы и частные пожертвования.

Месяца через полтора или два после основания отдела была образована боевая дружина. Количество лиц, участвовавших в дружине, было сначала незначительное, около 15 — 20 человек, а затем возросло до 200 — 250 человек. Во главе ее стоял атаман Черников (как я слышал, он в последнее время служил в городском управлении у Пеликана), носивший кличку «Ермак». Участники этой боевой дружины носили каждый свою кличку, так что фамилий их я не знаю. Прием в дружину производил сам Черников, которой и докладывал мне.

Средства на содержание их давал наш союз из членских взносов и пожертвований, а несколько позднее в наш союз поступало около 600 — 800 р. из Русского общества пароходства и торговли; я ежемесячно выдавал суммы Черникову. На предложенный мне вопрос, проводили ли мы эти суммы по книгам, отвечаю: да, проводили, но только мы не писали, что на боевую дружину, а писали так: «на нужды союза русского народа», т. е. в довольно глухой форме. Вначале дружинники не получали определенного жалованья, а затем уже стали получать по 2 рубля в сутки на человека.

Вооружение дружине было дано союзом, союз же наш получал частью от Дубровина, приславшего револьверы, а от Каульбарса — ружья.

Боевая дружина была образована с ведома совета и находилась в ведении одного из членов совета, каковым вначале был Бюллер, видный деятель одесский, который, как читал из газет, арестован вместе с Пеликаном (городское управление). Как мне известно доподлинно, в Петрограде при центральном управлении союза русского народа также была образована боевая дружина. Это мне известно потому, что, посещая Петроград, я видел деятелей этой боевой дружины. Последними были главным образом Юскевич-Красковский и Казаринов. Там же был некий Степан Яковлев, состоявший на службе в охранном отделении.

Целью учреждения боевой дружины была, собственно говоря, борьба с революцией, но она стала совершать грабежи и разбои — «налеты», чему я не сочувствовал.

Как относились высшие власти к учрежденной при союзе русского народа боевой дружине?

Сочувственно и покровительственно к работе дружины относились:

1) одесский градоначальник Иван Николаевич Толмачев, укрывавший преступную работу дружины; если дружина совершала эксцессы, то он чрез полицию прикрывал их;

2) командующий войсками Александр Васильевич Каульбарс, который и давал оружие дружине, когда была сорвана забастовка и когда дружинники, между прочим, должны были охранять рабочих;

3) дворцовый комендант Владимир Николаевич Дедюлин, который, как приближенный б. царя, покровительствовал деятельности союза во всех ее видах.

Приблизительно в конце 1907 года, в течение года с месяцами, я получал денежные суммы от начальника главного управления по делам печати Бельгарда по 500 р. в месяц на издание газеты «За царя и родину», иногда получал лично от Бельгарда, а иногда чрез Толмачева. Получал в безотчетное распоряжение; из каких средств он давал, — мне неизвестно. Затем раз, приблизительно в 1908 году, я получил в Петрограде от Крыжановского, по распоряжению Курлова, 1 000 рублей также на газету. И также в безотчетное распоряжение. Центральным управлением союза русского народа был главный совет, во главе стоял Дубровин. Затем произошел раскол, Дубровин совместно с Полубояриновой образовал свой совет, а думские правые, во главе с Марковым, образовали свой совет, членами его состояли некоторые думские члены, например Левашов, Говоруха-Отрок, фактическим же деятелем состоял Виктор Павлович Соколов.

Я не признавал дубровинского совета и признавал марковский, и принадлежал к марковскому совету, состоя почетным членом одесского отдела, но не принимая фактического участия в делах его.

Когда я состоял председателем одесского отдела, то товарищем моим был Пеликан, который был исключен нами и стал во главе одесского же отделения союза Михаила архангела, которым руководил Пуришкевич и который, хотя имел такой же почти устав, что и мы, и с теми же принципами самодержавия, но враждовал с нашим отделом.

Вообще могу констатировать, что союз русского народа, преследуя установление самодержавия в основе, не имел согласия, происходили постоянные недоразумения, под влиянием которых союз раскалывался и образовывались самостоятельные союзы с отделами, конкурируя между собою в смысле привлечения наибольшего количества членов.

Боевая дружина, о которой я вам сейчас рассказал, сначала состояла при нашем отделе союза, а затем перешла к отделу союза Михаила архангела — к Пеликану, который, состоя на службе по городскому управлению, пристраивал на службу по городскому управлению, но последняя служба служила лишь прикрытием их деятельности, как союзников.

Что касается каких-либо активных выступлений со стороны одесского отдела союза русского народа, то про таковые мне ничего неизвестно, но про выступления преступного характера одесского отдела союза Михаила архангела мне известно следующее.

Приблизительно в 1909 — 1910 году в аудиторию универси-

тета ворвалась толпа с национальным флагом и пением гимна и открыла стрельбу, результатом чего было убийство студента университета Иглицкого. Во главе этой толпы был член союза Михаила архангела Владимир Николаевич Глобачев (служивший в последнее время в городской управе). Насколько мне известно, было возбуждено уголовное преследование, но до суда оно не дошло. Почему именно не дошло, мне неизвестно. Меня самого в то время не было в Одессе, и про описанную историю я узнал по рассказам. Затем мне известен такой эпизод: при выборах в члены 1-ой государственной думы было совершено нападение на бюро партии октябристов, причем в этом нападении принимали участие некоторые члены союза русского народа. Было допущено насилие, причем были сожжены и списки. Я не поручал им этого, а равно и совет не принимал участия в этом. Каульбарс мне сообщил про этот факт, указав, что участвовали наши союзники. Я, конечно, не мог отнестись к таким действиям иначе, как отрицательно, т. е. с неодобрением.

Вот все, что мне известно про деятельность союза русского народа, одесского его отдела, председателем которого я вначале состоял. При этом долгом считаю указать, что в Петроград я переехал около 7 лет, и с того времени деятельного участия не принимал, оставался союзником — и только, но был, так сказать, бездеятельным.

С начала войны я находился на фронте, в качестве сначала начальника района у Пуришкевича в отряде, а в последнее время — в общедворянской организации начальником военно-санитарного поезда. Приехал с начала революции в отпуск и поселился у себя в имении, где и был арестован 13 мая местным комиссаром, которым был произведен и обыск, не давший, конечно, никаких результатов.

Прошу внести в показание, что раз бывший царь отрекся от престола и тем освободил меня от присяги, то я подчиняюсь Временному правительству и всем его распоряжениям.

Насколько мне известно, председателем одесского отдела союза русского народа в последнее время состоял Донцов, жив. в собственном доме, по Пантелеймонской улице, недалеко от Афонского подворья, № дома 15. Самый союз помещался по Еврейской улице (улица 19 Февраля), собственный дом. Если сохранились какие-либо дела, то именно в помещении канцелярии в этом же доме.

Со Щегловитовым я не виделся никогда и дел не имел. Мне приходилось дело иметь по делам союза со Столыпиным и товарищем министра Крыжановским; от последнего, как указал выше, получил даже 1 000 рублей на газету.

По прочтении мною показания прошу сделать нижеследующие поправки и дополнения:

1) Констатируя факт существования боевых дружин при союзе

русского народа, должен отметить, что они существовали до тех пор, пока были революционные террористические акты, и с прекращением последних и дружины постепенно распались.

2) Пеликан был исключен главным советом союза русского народа после ревизии членами главного совета за клевету, согласно устава.

3) Как я сказал, денежные суммы на газету я получал от Бельгарда и раз от Крыжановского; от первого получал помещая, а от второго один раз одновременно. К департаменту полиции лично никакого отношения никогда не имел.

ЗАПИСКА О МОНАРХИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, ФУНКЦИОНИРОВАВШИХ В Г. ОДЕССЕ, ПО МАТЕРИАЛАМ КАНЦЕЛЯРИИ ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА.

1.

Первая монархическая организация, отдел союза русского народа, открыла свои действия в г. Одессе 4 февраля 1906 года. Основателем и первым председателем отдела был граф А. И. Коновницын. Задачи союза — активная борьба с революционным движением и защита неограниченной монархической власти. Видимо, обширные и чрезвычайно сильные связи руководителей союза, тон, принятый ими в сношениях с администрацией, и в то же время упорные слухи о неблагоприятных действиях этих лиц — побудили одесского градоначальника г.-л. Новицкого обратиться с запросом (18 сентября 1907 года № 2742) к директору канцелярии варшавского генерал-губернатора о действительных причинах увольнения от службы гр. Коновницына, бывшего до переезда в Одессу, где он занимал должность заведывающего портомойней Русского общества пароходства и торговли, начальником Праснышского уезда, Плоцкой губ. Оказалось, что действительными причинами увольнения от службы гр. Коновницына были произведенные им растраты общественных сумм, займы из городских и гминных касс, взятки при приеме новобранцев. Все эти деяния были установлены прокурорским надзором и 16 февраля 1902 года доведены до сведения плоцкого губернатора Гордеева, но последний, «исходя из мысли щадить в здешнем краю русское имя» (ответ ген. Новицкому правителя канц. варшавск. ген.-губ. от 5 октября 1907 года № 3612), не сделал никаких самостоятельных распоряжений, а представил дело на усмотрение генерал-губернатора. Только в августе 1903 года последовало распоряжение предложить Коновницыну подать прошение об отставке, что им и было исполнено.

Копия отношения директора канцелярии варшавского ген.-губ. была при препроводительном письме (октябрь 1907 года № 1182) отослана генералом Новицким председателю совета

министров П. А. Столыпину. В письме своем генерал Новицкий указал Столыпину на недопустимость предоставления свободы действий в союзе человеку со столь непристойным прошлым, тем более, что в настоящей своей деятельности он проявил уже свою денежную нечистоплотность, что повело к расколу в среде монархистов, к распаду союза на целый ряд монархических организаций и проч.

Таким образом, ни для местной, ни для центральной власти, с первых уже дней существования отдела союза р. н. в г. Одессе, не было сомнений в неблагонадежности руководителя этого отдела. Но, очевидно, все усилия властей, полагавших своим долгом стоять на страже закона, разбивались об иные силы, которые были для них непреодолимы. Как на характерный пример такого рода неудачной защиты закона, можно указать на попытку градоначальника Григорьева воспротивиться открытию студенческого отдела союза. Открытие такого рода организаций не предусматривалось ни законом 4 марта, ни уставом союза русского народа и прямо воспрещалось § 30 правил для студентов новороссийского университета. Но протест градоначальника не достиг цели, так как петербургский градоначальник внес в петербургское по делам об обществах присутствие заявление главного совета союза об открытии студенческого отдела в г. Одессе, и присутствие зарегистрировало этот студенческий отдел, вследствие чего местной власти пришлось только считаться с совершившимся фактом. Те неписанные законы, на которых покоилось благополучие союза, не в пример генералу Григорьеву, очень хорошо, повидимому, усвоил ген. губ. Глаголев и командующий войсками генерал Каульбарс.

Незадолго до своего ухода из Одессы ген. Григорьев пишет министру внутренних дел: «Преднамеренное неуважение со стороны представителей одесского союза р. н. к закону и распоряжениям местных властей... я объясняю исключительно излишней снисходительностью к союзу командующего войсками и генерал-губернатора, надеясь на которых, руководители отдела и позволяют себе столь явное и пренебрежительное отношение к закону и распоряжениям властей».

Генерал-майор И. Н. Толмачев, призванный в декабре 1907 г. на пост одесского градоначальника для завершения борьбы с революционным движением, был уже в другом положении: он хорошо знал, какие связи имеют руководители монархистов. В письме на имя А. И. Коновницына 4 марта 1912 года («Голос Одессы», № 974, 12 марта 1912 года) он, защищаясь против обвинений, печатавшихся в правой прессе, между прочим говорит: «С какой целью стал бы я вести против вас интригу, зная прекрасно те могучие связи, которыми вы обладаете». И далее: «Я... имел категорическое заверение, что никакие ваши интриги против меня вам не помогут, так как должная оценка вам

сделана. Но у вас есть сильные связи, которые вы пустили в ход, чтобы повредить мне».

И если Толмачев не говорит прямо о том, какие это именно связи, то Коновницын никогда не стеснялся говорить о них откровенно и развязно: «Не беспокойтесь, ко мне государь император благоволит, и союзу некого бояться; если что и случится, то я во всякое время поеду лично к государю императору, и меня без доклада принимает его императорское величество, не как принимает государь император командующего войсками и г. градоначальника, о которых докладывают» (сведение надзирателей од. охр. отд. Фастыковского и Петрова. Дело № 138, ч. I, 1907 г.). Дети Коновницына были, в порядке монаршей милости, определены в пажецкий корпус, сам Коновницын получил царский портрет с собственноручной подписью, да и слова его, приведенные выше, скорее подтверждались участием жалоб и писем градоначальника, обреченных на неуспех, раз они доходили до Петрограда. И все-таки Толмачев должен был назначить ревизию дел союза, так как факты были слишком ярки, а слухи упорны. И те и другие нашли подтверждение в жалобе, поданной градоначальнику товарищем председателя отдела Б. А. Пеликаном, который определенно обвинял Коновницына в присвоениях и растратах союзных денег.

Комиссия из чиновников градоначальства и двух делегатов главного совета с. р. н., А. А. Майкова и А. Тришатного, под председательством подполковника Рева, произвела ревизию дел отдела, но не обнаружила никаких нарушений, кроме существования секретного фонда в 1 600 рублей, находившегося в личном распоряжении Коновницына, что не предусматривалось совершенно уставом союза. Пеликан оказался в неловком положении, да и Толмачев тоже, притом, конечно, результаты ревизии только формально дали возможность реабилитировать Коновницына, фактически же всем было известно, что значительные суммы поступали в его распоряжение из провинции и от частных лиц на месте непосредственно, но не приходовались нигде и не могли быть учтены за отсутствием сведений об именах жертвователей. Но, как бы то ни было, положение Коновницына после этой ревизии только упрочилось. В апреле 1909 года Коновницын устроил торжественное перевезение портрета государя из своей квартиры в аудиторию союза и обратно. Союзники бесчинствовали на улице, сбивали шапки с прохожих и проч. Особенно же большие бесчинства были совершены на обратном пути; в донесении по этому поводу агент сыскной полиции, имевший наблюдение за Коновницыным, между прочим говорит: «В 1 час дня граф в экипаже с женой и дружинником-пожарным перевозили знамя и портреты государя в аудиторию, где пробыли до 7 час. вечера. Возвратились же оттуда в 7 час. вечера все пьяные. Граф был очень пьян, его вели под руки...» Когда же Толмачев

запросил по этому поводу Коновницына, тот дал ему такую отповедь: «Не находясь на службе, не будучи подведомственным вашему превосходительству, будучи председателем одесского отдела союза русск. нар. и в этом отношении, в силу партийной дисциплины, подчиненный лишь главному совету с. р. н., я не могу давать вашему превосходительству объяснений, а могу дать вам лишь разъяснение» и пр. (№ 115, 12 апреля 1909 года. Дело № 138, 1907 г., ч. I).

Толмачеву ничего не оставалось, как оставить дальнейшее расследование и втихомолку собирать материал, который бы дал ему возможность доказать высшим властям недопустимость существования таких безответственных организаций, какой являлся «О. О. С. Р. Н.». Было установлено секретное наблюдение за квартирой Коновницына и за его времяпровождением. Дневник агента охватывает период с конца января по середину февраля 1909 года и трактует об отношениях Коновницына к каким-то певичкам, о собраниях, на которых обсуждался вопрос о борьбе с Толмачевым, о решении совета сообщить мин. вн. дел, что союз снимает с себя ответственность за спокойствие в г. Одессе и проч. Между прочим, автор дневника дает следующую бытовую картинку: «Приезжал (Коновницын) домой каждый вечер сильно пьяным, его окружали дружинники, выстроившись по лестнице рядами. Графа под руки вели по лестнице в квартиру между ними. Граф заплетающимся языком кричал: «Бей, ребята, жидов». Те в ответ кричали: «Ура»».

Вообще, вся деятельность Коновницына характеризовалась пьянством и развратом на деньги доверчивых людей, и это обстоятельство ни для кого не является тайной, тем менее для Толмачева.

С отстранением от дел союза Пеликана, после неудачной ревизии, произведенной по его жалобе, Коновницын остается фактически единоличным хозяином союза. А дела союза были обширны и, надо думать, доходны. Кроме устройства собрания и отделов союза, Коновницын с 1906 года занялся организацией рабочих артелей из союзников. Начало было удачно: артели помогли сорвать ряд забастовок рабочих грузчиков в одесском порту и тем заслужили доверие начальства и обеспеченный заработок; но в то же время, в благодарность за последний, Коновницын обложил их данью в размере 20 коп. с каждой тысячи пудов груза, прошедшей через руки артельщиков, и, кроме того, взносами за вступление в артель, членскими взносами в пользу союза, и часто обращался за экстренными пособиями для поддержки якобы союзной газеты «За царя и родину», которую, в конце концов, объявил своей собственностью и продал ее типографию, когда пришла нужда, в свою пользу.

Дело артелей развивалось бы довольно успешно, если бы не были внесены в него обычные недостатки союзных организаций:

хищения, дразги и взаимные обвинения в неблагоприятных поступках. В конце концов, все эти обстоятельства, мешавшие правильному ходу дел, привели к тому, что Русское общество пароходства и торговли было вынуждено отказаться от их услуг и решило иметь дело с единолично ответственным подрядчиком. Жалобы на действия дирекции Русск. о-ва, на интриги Пеликана, который, повидимому, хотел организовать подобные же артели при союзе Михаила архангела, во главе которого он стоял с мая 1908 года, обратили на дело артели внимание высших властей, вследствие чего начальник местного жанд. упр., отношением от 20 декабря 1912 года, сообщил свои сведения и соображения по сему делу директору департамента полиции. Не отрицая того, что дела артелей идут не совсем гладко, что артели эти, по существу, ничего истинно-русского не имеют, так как состоят главным образом из армян, грузин и персов, начальник жандармского управления вместе с тем полагал, что контроль с. р. н. над личным составом артелей препятствовал проникновению на портовую территорию революционных элементов.

К 1910 году страсти особенно разгорелись, и целый ряд жалоб, доносов и обвинений посыпался в канцелярию градоначальника. Особенно содействовала возмущению союзников деятельность руководителей газеты «Южный богатырь» (во главе с Б. А. Пеликаном), которые, не стесняя себя ни приличием, ни истиной, громили своего бывшего повелителя Коновницына.

В марте 1910 года Толмачев доносит (соверш. секретно № 359, дело 29 — 1910 г.) в департамент полиции: «Насколько было спокойно население, настолько неладно было среди монархических организаций. Дело в том, что в течение 4 — 5 месяцев председателя союза русского народа графа Коновницына не было в Одессе; это время было самое спокойное: без шума, крику, распрей. В его отсутствие наиболее порядочные члены совета познакомились с порядком ведения отчетности, убедились в халатности (чтобы не сказать больше) расходования сумм и решили написать в главный совет в Петербурге, прося о назначении ревизии». Ревизия не состоялась, так как главный совет вынес порицание жалобщикам, заставив их пойти на открытый разрыв с Коновницыным. В донесении далее изложено, что вопросы внутренней жизни монархических организаций свелись к взаимным изобличениям, и ген.-м. Толмачев, принимая во внимание предстоящие выборы в государственную думу и «желая сохранить хотя бы видимое единение правых организаций», нашел необходимым:

- 1) объявить членам советов и председателям этих организаций, что если между ними возникнут беспорядки, то все они будут арестованы и высланы;

- 2) воспретить писать и говорить на собраниях одного союза о деятельности других, если в этих речах будет усматриваться натравливание одной части населения против другой, и

3) командировать на все собрания монархических организаций чиновников особых поручений при градоначальнике.

«Меры эти, — заканчивает Толмачев донесение, — достигли своих результатов, но надолго ли воцарилось спокойствие, — решить не могу». В то же время Толмачев указывает, что Коновницын разогнал из союза «всю интеллигенцию», так что союз состоит из простонародья, причем число членов достигает 300 — 400 человек.

Отношением № 1302 от 8 мая 1910 года одесский градоначальник временно воспретил устройство собраний членов союза. Тотчас же последовал запрос от министра внутренних дел, почему это распоряжение отдано. Толмачев объяснил, что распри и споры доходят на собраниях до драки и что собрания эти угрожают общественному спокойствию. 24 мая телеграммой П. А. Столыпин требует подробных объяснений по этому поводу. 25 мая (№ 1138 — 1910 года, дело № 138 — 1907 года) Толмачев доводит до сведения председателя отдела, что он вновь разрешает собрания союзников. Этот случай представляет яркое доказательство того, кем поддерживались союзники, и дает право местной власти сложить с себя ответственность за их деятельность.

Следует указать еще на то обстоятельство, что в это же время происходила ревизия денежных сумм как союза, так и благотворительного дамского кружка при союзе (объяснение Толмачева министру внутренних дел 26 мая 1910 г. № 1137). Одновременно администрации пришлось обратить внимание и на студенческую организацию с. р. н., которая в середине 1910 года, собственно, прекратила уже свое существование, так что невыясненным оставался даже вопрос о том, кто является ее председателем, Корнийчук или Владзинский; на запросы градоначальника тот и другой отклоняют от себя эту честь. Но ревизия союзных дел опять не дала ничего определенного, а дело о привлечении графини Коновницыной за растрату, как председательницы благотворительного кружка, за отсутствием состава преступления было прекращено судом. От студенческой же организации были затребованы отчеты и суммы: первые представленные в самой примитивной форме, вторых оказалось очень мало. Выяснилось, что деньги расходовались на удовлетворение личных потребностей членов совета организации. Деятельности никакой, кроме сбора денег, отдел не проявлял, если не считать нескольких скандалов и доносов по университетским делам, что относится к первым годам существования отдела (1907—1908 гг.). Согласно отношения Толмачева от 22 июня 1911 года № 1087 на имя спб. градоначальника, «студенческого отдела с. р. н. в г. Одессе нет, так как члены его перешли в другие организации».

В январе 1911 года совет одесского отдела с. р. н. обратился с жалобой на притеснения со стороны градоначальника к ми-

нистру внутренних дел. Причиной были постоянные ревизии союза и запрещение спектаклей, поводом — отказ градоначальника признавать за советом права юридического лица, вследствие чего сборы, лотереи и пр. разрешались градоначальником только гр. Коновницыну, все же ходатайства от имени совета отклонялись. Жалобы союза были оставлены без последствий. Последняя авантюра, предпринятая гр. Коновницыным, — это осуществление всероссийского сбора на ремесленную школу союза, который был разрешен государем. Были составлены широковещательные воззвания, которые рассылались непосредственно в канцелярии губернаторов с подписными листами, причем рассчитывалось, что марка сбора «с высочайшего разрешения» придаст ему некоторое значение обязательности. Но расчеты плохо оправдались. Губернаторы возвращали на адрес одесского градоначальника незаполненные подписные листы и выражали свои сомнения по поводу воззваний, на которых не было разрешительной отметки цензуры. Сбор дал союзу около 7 тысяч рублей, одесская дума ассигновала на открытие ремесленной школы еще 15 тысяч рублей, но эти суммы находились под бдительным надзором администрации, и вряд ли вожакам союза удалось ими воспользоваться хотя частично. В делах канцелярии градоначальника нет никаких сведений о применении собранных денег. Смерть Столыпина в сентябре 1911 года повела за собою изменение характера отношения к деятельности монархических организаций. 7 ноября граф Коновницын, очевидно чувствуя, что, со смертью Столыпина, он лишился главной поддержки, сошел со сцены, отказавшись от должности председателя; место его заступил некий Федоров Федор Алексеевич, лицо совершенно никому неизвестное. Следом за Коновницыным 10 ноября (согласно высочайшего повеления от 29 октября) оставил должность и генерал Толмачев.

О деятельности отдела с. р. н. во время градоначальствования Сосновского в делах канцелярии градоначальника нет почти никаких материалов. Нет ни жалоб, ни доносов, ни отношений градоначальника, ни запросов канцелярии. Если судить по этим делам, союз совершенно замер.

Новый председатель Донцов попытался-было в первые дни войны поднять вновь былую силу союза посредством организации помощи раненым. Был образован комитет, в котором почетное председательство приняла жена командующего войсками Р. П. Никитина, но о деятельности этого комитета никаких материалов в делах канцелярии градоначальника нет.

2.

«Одесский союз русских людей» обязан своим возникновением и существованием дворянину Николаю Николаевичу Родзевичу.

Свою политическую деятельность в Одессе Н. Н. Родзевич начал в качестве члена союза русского народа, но очень скоро, не поладив с графом Коновницким, взял на себя инициативу создания новой монархической организации, в которую и перешли все недовольные члены союза русского народа. Устав этой организации, принявшей наименование «Одесский союз русских людей», был представлен на утверждение 3 октября 1906 года от имени учредителей — князя Н. С. Давыдова, К. А. Седова и Н. Н. Родзевича. Определением одесского городского по делам об обществах присутствия, состоявшимся 4 октября 1906 года, устав «О. С. Р. Л.» был внесен в реестр обществ под № 17.

Депутаты городской думы, гласный С. П. Ярошенко и товарищ председателя коммерческого суда М. Ф. Лузанов, остались по вопросу о регистрации устава «О. С. Р. Л.» при особом мнении, полагая, что задача союза — защита неограниченной самодержавной власти — находится в противоречии с точным смыслом манифестов от 17 октября 1905 года и от 20 февраля 1906 года, а также пп. 4 и 7 основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 года. Градоначальник г.-м. Григорьев довел об изложенном до сведения министерства внутренних дел (№ 114 — 18 октября 1906 г.), указав на несовместимость подобных взглядов с государственной службой, на которой состояли депутаты, оставшиеся при особом мнении: Ярошенко, гласный городской думы и заслуженный профессор, и Лузанов, как указано, товарищ председателя коммерческого суда.

Программа деятельности союза была намечена довольно широкая. В территориальном отношении предполагалось покрыть сетью отделений союза весь юг России, а именно: губернии Бессарабскую, Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую, области войска Донского и Кавказа и градоначальства: Одесское, Севастопольское, Керчь-Еникальское, Ростовское-на-Дону и Николаевское. Деятельность союза должна была охватить все отрасли народной жизни, полагая целью нравственное просвещение народа в духе монархических идеалов. Предполагалось сооружение церквей, школ, детских садов и проч., создавать народные издания, распространять книги, брошюры, устраивать музеи, библиотеки, читальни, содействовать улучшению материального положения и, наконец, оказывать своим членам содействие при выборах в городские и земские самоуправления и проч. Из списка отделений союза, о которых никаких дальнейших сведений в делах градоначальства не имеется, повидимому — вследствие их дальнейшего бездействия, видно, что первая часть программы союза, широкое распространение его организаций, была выполнена чрезвычайно слабо. Вся деятельность союза по преимуществу сосредоточилась в Одессе и свелась к поддержанию существования гимназии союза, директором которой состоял

Родзевич, и к устройству всякого рода сборов при помощи лотерей, спектаклей и проч.

Окончательно сконструирован был совет союза к 9 ноября 1906 года. В члены совета были избраны: кн. Н. С. Давыдов, К. А. Седов, Н. Н. Родзевич, П. П. Ладанов, И. И. Слюсаревский, М. У. Лебедев, С. А. Никитин, Д. Г. Анагности, А. Л. Яворовский, В. А. Зуйков, И. П. Колченков-Николаев и У. У. Личковаха, кандидаты к ним: В. Е. Аникеев, П. И. Телье и Ф. И. Мыльников. Председателем совета избран кн. Давыдов, товарищами председателя Родзевич и Седов. Скоро однако совет значительно изменился в своем составе. Так 31 декабря 1906 года заявил градоначальнику о сложении с себя звания председателя совета и члена его кн. Давыдов, а затем, непрестанно остающийся несменяемым председателем, Родзевич доводит до сведения властей о выходе того или другого члена совета, а иногда и целой группы членов и замене их новыми.

Родзевич остается почти единоличным вершителем всех дел союза, деятельность которого с первых же шагов принимает совершенно определенное направление: сбор денег в пользу союза, зачастую без указания цели сбора и способа расходования собранных сумм.

Согласно рапорта чиновника канцелярии градоначальника Люциановича от 2 января 1907 года, оказалось, что сборы производились на каждом собрании союза, причем разнообразие их было неисчерпаемо. Членам союза предлагалось жертвовать: а) на образование фонда «Копейки Минина», без определенной цели, б) на женскую профессиональную школу, в) на приходскую школу, г) на гимназию, д) на покупку собственного дома, е) на бедных, ж) на хозяйственные надобности союза, з) на устройство елки, и) на знамя, и проч., и проч. Люцианович предусматривает, что безотчетное расходование собираемых денег, при укоренившейся склонности руководителей монархических организаций к растратам, может поставить администрацию в затруднительное положение при возникновении жалоб со стороны обманутых членов союза. Следствием рапорта Люциановича был запрос канцелярии градоначальника о расходовании собираемых сумм с требованием представления отчетов. Родзевич уведомил градоначальника, что членам союза по всем денежным сборам выдаются квитанции, а приходо-расходные статьи вносятся в специальные книги, которые ведутся казначеем, деньги же хранятся частью у казначея, частью на текущем счету в Учетном банке.

Первое столкновение Н. Н. Родзевича с администрацией, в лице г.-м. Григорьева, произошло из-за допущения учащихся на собрания союза. Дело в том, что совет союза начал по субботам устраивать так называемые педагогические собрания, причем, однако, на этих собраниях говорилось обо всем кроме пе-

дагогических вопросов, «допускаются на кафедру такие ораторы, которые рекламируют свою торговлю на базаре гусями и утками, заывают в свою школу-лавочку и разъясняют ломаным русским языком болгарскую конституцию в таком виде, что в Болгарии выборы производят под давлением правительства при помощи войск». Всё это допускалось Родзевичем, имевшим в виду привлечение в союз наибольшего числа членов, т. е. увеличение средств союза и устройство при помощи союза своих личных дел.

Дети, допускаемые на собрания, вели себя шумно, занимались политическими разговорами, являлись на собрание с револьверами, что, конечно, не могло быть допущено. Градоначальник Григорьев обратился с соответственными отношениями к попечителю учебного округа и к архиепископу херсонскому, так как собрания происходили в семинарии и ученики ее бывали на них. Попечитель ответил (7 февр. 1907 г. № 2923), что присутствие учащихся безусловно воспрещено, но с родителями... учащиеся могут присутствовать на собраниях союза. В то время попечителем округа был гр. А. Мусин-Пушкин. Архиепископ категорически высказался против допущения учащихся на собрания. Потом на собраниях появились юнкера, кадеты и солдаты. Градоначальник опять вынужден был обратиться к соответствующим властям с указанием на недопустимость этого явления. Эти действия административной власти вызвали раздражение среди членов совета и главным образом самого Родзевича, который стал допускать на собраниях резкую критику представителей административной власти, в результате чего временный генерал-губернатор постановлением от 16 февраля 1907 года оштрафовал Родзевича на 25 рублей, а члена союза Шевченко на 15 рублей. Материальные дела союза также несколько страдали вследствие обострения отношений с администрацией. Так отклонена была просьба о разрешении вечера с платой за вход (11 февраля) вследствие того, что союзом не были представлены отчеты о вечерах 29 декабря и 28 января 1907 года. Отчеты эти, повидимому, вовсе представлены не были. Таково было положение дел к началу 1908 года.¹ Прежний характер собраний утрачивался, так как не допускалась учащаяся молодежь, члены менее охотно их посещали, следовательно сборы, производимые на собраниях, падали, вечера систематически не разрешались, — нужно было создать источники денежных поступлений. 19 января 1908 года решено образовать общество дворников, целью которого является улучшение материального поло-

¹ 2 августа 1908 года за № 485, в письме на имя м. в. д. Макарова, Толмачев ходатайствует о назначении «СРН.» и «О. С. Р. Л.» пособий от казны: первому ежегодно по 3 000 руб., а второму 2 000 руб. Судьба этого ходатайства неизвестна.

жения членов союза, служащих дворниками. § 6 наказа обществу дворников гласит: «Кроме обязательного членского взноса в пользу О. с. р. л., члены общества вносят вступительный взнос в размере 50 коп. и ежемесячные взносы в размере 30 коп.». Надо думать, что это предприятие не оказалось прибыльным, так как в дальнейшем относительно него нет никаких сведений. Непосредственно за основанием общества дворников до сведения администрации доводится об учреждении при С. р. л. «братства трезвости». Цель братства — «деятельная борьба с пьянством». §§ 5 и 6 наказа «братству» предусматривают, что члены братства, кроме общего для всех союзного членского взноса, вносят еще на нужды «братства» 1 рубль в год и что денежные средства «братства» образуются: 1) из членских взносов, 2) пожертвований и 3) доходов от продажи изданий, от чайной и проч.

Это дело тоже, насколько можно судить по материалам градоначальства, не оправдало возложенных на него упований и заглохло.

Но как раз в период оскудения средств союза и неудач в предприятиях, созданных для привлечения средств в его кассу, союз получил ценный дар, который прежде всего, конечно, обеспечил благополучие председателя Родзевича. В отношении его от 19 февраля 1908 года № 302 на имя градоначальника сообщается, что купец М. И. Синицын изъявил желание пожертвовать союзу дом для устройства в нем мужской гимназии его имени.

Потому ли, что дело с открытием гимназии, которая боролась бы с «духом неверия, космополитизма и нравственного растления», распространяемым другими учебными заведениями г. Одессы, могло поднять фонды нового генерал-губернатора И. Н. Толмачева в сферах, но отношение его к союзу р. л. с этого времени изменяется к лучшему. Родзевич, повидимому, входит в доверие, о чем может свидетельствовать уже тот факт, что письмо от имени Толмачева министру народного просвещения, из которого взята вышеприведенная в кавычках фраза, писано всё рукой Родзевича и отправлено по назначению без всяких почти исправлений (№ 443 — 11 марта 1908 г.).

К этому же времени относится попытка Родзевича обращаться с непосредственными запросами от имени союза к представителям высшей администрации, давшей ему однако, в лице черниговского губернатора, должный отпор. В своем отношении на имя одесского градоначальника от 15 марта 1908 года № 1832, назначенный администратор доводит до сведения Толмачева, что Родзевич обратился к нему с письмом по поводу слухов об убийстве союзников в Черниговской губернии; указывая, что слухи эти ложны, губернатор просит сообщить автору письма, что «администрация Черниговской губернии... не нуждается во вмешательстве в подведомые ей обязанности посторонних лиц».

Уладив отношения с местной властью, Родзевич решил обратиться на себя и свой союз внимание высших сфер, относившихся весьма благосклонно к конкурирующему союзу русского народа, который получил царский портрет и благодарственные телеграммы.

Повод искали недолго и обратились с ходатайством о восприятии от купели царским именем младенца женского пола, найденного в помещении союза. Разрешение последовало, и на имя принятой союзом на воспитание девочки было внесено из собственных средств царя 500 рублей для хранения по день ее совершеннолетия. В июле 1908 г. девочка умерла, и Родзевич возбудил ходатайство о том, чтобы проценты с этой суммы были обращены на выдачу стипендии беднейшей ученице начальной школы союза. Это ходатайство было удовлетворено. Таким образом было достигнуто то, что в учебном заведении союза оказалась стипендия имени его величества, на что можно было сослаться в трудные минуты жизни союза.

До января 1909 года никаких значительных событий в деятельности союза и его председателя в делах градоначальства не зарегистрировано. В январе же до сведения градоначальника дошло, что деньги, собранные с его разрешения на покупку здания женской гимназии, либо расходуются не по назначению, либо совсем не поступают в кассу союза (января 31 — 1909 г., № 4599), почему и затребован отчет о сборе и сведения о местонахождении сумм. Родзевич подтвердил сомнения градоначальника и сообщил имена дам-союзниц, не вернувших ни квитанционных книжек для сбора, ни собранных сумм. Пришлось затребовать и книжки и деньги через полицию, что удалось сделать лишь к середине февраля месяца. До июня в делах градоначальства материалов о союзе не имеется. В июне союз просил деньги, собранные на покупку дома для женской гимназии, израсходовать на ремонт здания союза; Толмачев, который эти деньги, в сумме 739 руб. 90 коп., приказал внести в свой депозит в одесское казначество, отобрав их у дам-благотворительниц через полицию, — сменил гнев на милость и разрешил выдать означенную сумму совету союза. Вообще, повидимому, после некоторого кризиса в отношениях, последние приобретают, со стороны Толмачева, характер дружественного покровительства союзу. Отношением № 16 от 8 октября 1910 года Родзевич приносит Толмачеву благодарность за поздравление с 4-й годовщиной существования союза, а 12 того же месяца, за № 19, просит разрешить сбор на устройство детского праздника с елкой. Сбор разрешается. Нужно указать, что елки в союзе устраивались без приобретения подарков детям и, кроме того, за вход бралась плата. Надо думать, доход от елок был немалый (в деле № 114 — 1916 года имеется билет на елку с обозначением цены в 50 коп. и указание чиновника особых поручений на то, что присутствовало гостей до 1 000 человек).

В октябре 1909 года, за № 441, Родзевич доводит до сведения градоначальника об открытии при союзе студенческого отдела, председателем которого избирается студент Корнийчук. Деятельность этого отдела завершилась впоследствии ревизией денежных сумм и закрытием его.

Приняв на себя, со времени создания гимназии имени Синицына, педагогические задачи, деятельность с. р. л. не могла не охватить и новое явление в учебном мире: потешные роты. На этом деле можно было быстро выдвинуться, монополизировав его, к чему Родзевичем и были предприняты шаги в предложении градоначальнику объединить обучение всех вообще потешных при учебных заведениях союза. Градоначальник охотно пошел навстречу этому начинанию. Попечитель округа сообщил, что совещанием начальников учебных заведений уже постановлено образовать потешные роты при городских и ремесленных училищах. Удачнее удалось поставить дело с учреждением лекционного комитета при попечительстве о народной трезвости, образованном «по личной просьбе» Толмачева (письмо Родзевича от 28 апреля 1911 года), под председательством Н. Н. Родзевича. Собрания комитета происходили в квартире градоначальника, при его участии и под его руководством. Таким образом, деятельность союза в вопросах просвещения масс отождествлялась с деятельностью в этом направлении высшей административной власти г. Одессы.

В октябре 1911 года союз возбудил ходатайство о разрешении ему устройства лотереи-аллегри и одновременно обратился с просьбой о пожаловании для этой лотереи какого-либо дара от царицы. Канцелярия министерства двора запросила градоначальника о том, достоин ли союз столь «исключительной» милости (№ 3155, 17 октября 1911 г.). В отношении своем на имя начальника канцелярии министерства двора (№ 1052, 22 октября 1911 года) г.-м. Толмачев дает следующую характеристику деятельности союза: «Из местных монархических организаций именно «Од. С. Р. Л.», не чуждаясь политики, занялся в то же время исключительно педагогической деятельностью, воспитывая в своих учебных заведениях детей в религиозно-нравственном и патриотическом духе. В настоящее время союзом содержатся мужская гимназия, женская учительская семинария, 2 начальных школы и ремесленные классы, в каковых заведениях воспитывается свыше 400 детей. В виду тех незначительных материальных средств, которыми располагает общество, приходится удивляться, как оно справляется с такой нелегкой работой. В то же время достижение таких результатов со столь малыми средствами служит лучшим доказательством того, что лица, стоящие во главе общества, честно и безупречно относятся к своим высоким обязанностям». До апреля 1912 года никаких сведений о деятельности союза в деле нет.

Отношением от 12 апреля 1912 года за № 264 Родзевич доводит до сведения градоначальника, что в связи с предстоящими выборами в государственную думу предположен целый ряд лекций, организуемых левыми партиями, в том числе должны читать Никольский, Тальников, Гр. Петров и другие лица, в виду чего союз ходатайствует о воспрещении означенных лекций. На отношении карандашная отметка: «Лекции уже разрешены». К отношению Родзевича приложена «справка», в которой изложено краткое содержание каждой лекции с указанием, кто из чиновников канцелярии градоначальника на ней присутствовал.

До февраля 1913 года никаких событий в жизни союза канцелярией не зарегистрировано. В феврале союз обратился с открытым письмом во все газеты, в котором выражает протест против постановления городской думы о сохранении субсидий союзной гимназии при условии отрешения от должности директора Н. Н. Родзевича. Распри с городским общественным самоуправлением продолжались до 1915 года. Наконец, совет союза решил обжаловать постановление городской думы о сокращении субсидии перед градоначальником и возбудить ходатайство перед министерством внутренних дел о ревизии дел городского самоуправления. Из дел канцелярии явствует, что со времени ухода Толмачева отношение к союзу резко меняется. Систематически отклоняются ходатайства о разрешении сборов, лотерей, вечеров и проч., причем, при объявлении резолюций градоначальника, обычно требуются отчеты и списки членов, хотя из дела не видно, чтобы таковые требования когда-либо были исполняемы союзом. Администрация обращает свое сугубое внимание на организации союза и преимущественно на студенческий отдел союза, открытый, как упомянуто выше, 9 октября 1909 года. Ревизия денежных сумм и отчетности отдела показала полнейшее отсутствие правильного ведения отчетности, произвольное расходование сумм, производившееся, в сущности, исключительно на выдачу ссуд членам правления отдела, причем ссуды эти систематически списывались в расход вследствие отсутствия надежды об их возврате. Никакой иной деятельности, кроме сбора денег и их дележа, члены отдела не проявляли. Ближайшее ознакомление администрации с делами отдела привело к необходимости поднять вопрос о закрытии его, что и было сделано городским обществом присутствием, которое усмотрело, что отдел «преследует политические цели, не предусмотренные уставом, и принял безнравственное направление». Родзевичем постановление это было обжаловано, но и мин. вн. дел согласилось с тем, что политические организации студентов недопустимы и что студентам, бывшим членам отдела, предоставляется право ходатайствовать перед министерством внутренних дел об устройстве своего общества, независимо от союза

(№ 23484 — 16 июля 1914 года). С этого времени, т. е. с конца 1914 года или начала 1915 года, отношение администрации к союзу устанавливается резко отрицательное.

Городское самоуправление также всячески старается подорвать дела союза, и орган его, «Русская речь», помещает ряд статей, трактующих о непорядках, царящих в союзе, о деятельности Родзевича, как гласного думы. Одна статья заканчивается так: «Я решительно обхожу молчанием те факты и слухи, которые группируются вокруг предприятий г. Родзевича», — подразумеваются учебные заведения союза. Об этих статьях Родзевич довел до сведения главного управления по делам печати, а, кроме того, потребовал от редакции «Русской речи» объяснений, угрожая, в случае отказа в таковых, привлечением по 1535 ст. улож. о наказ. Дальнейших сведений об этом деле нет.

К середине 1916 года на деятельность союза было обращено внимание генерал-губернатора, который затребовал через градоначальника журнальные постановления совета союза. Родзевич отказался от дачи таковых для просмотра, вследствие чего в помещение союза были командированы чиновники градоначальства, которые и произвели нужные выписки.

При ознакомлении с этими постановлениями становится ясно, почему на деятельность союза было обращено внимание: оказалось, что не было ни одного лица или учреждения в империи, к которому не обращался бы совет союза с своими решениями, постановлениями, предположениями и советами. Например, 14 октября 1914 года за № 5 было возбуждено ходатайство перед царем о наделении земель крестьян в Галиции; 20 октября 1914 года за № 2 предъявлено ходатайство об отобрании земель у немцев-колонистов и наделении ими галичан; 28 октября 1914 года за № 2 доклад Дудниченко о Румынии препровождается министру иностранных дел и пр. Министру финансов срочно сообщается о нежелательности, по мнению совета, займа в Америке; генерал-губернатору ставится на вид недостаточная бдительность военной цензуры; великому кн. Константину Константиновичу указывается на желательность устранить какие-то явления, которые имеют место в Академии наук, и т. п.

С призывом Родзевича в действующую армию, заместителем его избирается И. П. Аносов, и с этого времени деятельность союза совершенно замирает.

Список отделов «одесского союза русских людей».

1) м. Кривой Рог, Херсонской губернии. 31 августа 1907 г. Председатель — дьякон Андрей Ищенко.

2) с. Малигоново, Тираспольского уезда. 27 апреля 1908 г. Председатель — поч. гр. И. П. Крыжановский.

3) г. Кагул, Бессарабской губернии. 7 мая 1908 г. Председатель — С. С. Голубов.

4) с. Кривая Балка. 14 июня 1908 г. Председатель — мещанин Семен Годулян.

5) с. Солоное, Елизаветградского у. 18 июня 1908 г. Председатель — сын купца Н. И. Трандофилов.

6) г. Аккерман. 15 сентября 1908 г. Председатель — доктор Г. Ф. Костюрин.

7) м. Захарьевка. 9 октября 1908 года. Председатель — священник Василий Кальнев.

8) Железнодорожный отдел на станции «Одесса-товарная», открытый в 1906 году. Председатель — Филипп Григорьевич Насонов. Заместитель — Василий Диомидович Степанов.

9) с. Петрово, Александрийского уезда. 20 апреля 1909 г. Председатель — священник Платон Ф. Черный.

10) с. Михайловское, Ямпольского у., Подольской губ. 19 апреля 1912 года. Председатель — Трофим Федорович Лотоцкий.

3.

На третьем месте в ряду монархических организаций стоит «русский народный союз имени Михаила архангела». Инициатором открытия в г. Одессе отдела этого союза был бывший товарищ председателя одесского отдела с. р. н. присяжный поверенный Борис Александрович Пеликан. «Главная одесская палата» союза была избрана 28 мая 1908 года, в состав ее вошли: Пеликан, барон Бюллер, А. Н. Кахов (бывший казначей од. отд. с. р. н.), Д. Л. Синицын (тоже б. член с. р. н.), Н. И. Подпрядов и Ю. Д. Стамати. Пеликан был избран товарищем председателя палаты, должность же председателя оставалась вакантной, как было, повидимому, принято в с. М. арх. В деле канцелярии одесского градоначальника № 241, 1908 года, об отделе общества «Русский народный союз имени Михаила архангела», о деятельности собственно этого отдела нет почти никаких сведений. Довольно обширная переписка, подшитая к этому делу, относится исключительно к деятельности бывшего члена с. р. н., впоследствии перекочевавшего в с. р. л. и ушедшего оттуда, председателя студенческого отдела с. Мих. арх., дворянина Владимира Михайловича Веселовского. Имела ли какие-либо практические результаты его деятельность, по делу не видно, но зато имеется бесчисленное количество запросов, отношений и прошений Веселовского на имя градоначальника. Содержание этих бумаг, всегда изложенных бессвязно, с приписками «совершенно секретно», с рядом титулов и званий, за №№ и проч., подтверждает сомнения генерала Толмачева в нормальности Веселовского, высказанные в отношении от 12 июня 1910 года за № 1145 на имя В. М. Пуришкевича. Те же сомнения подтверждает и

б. градоначальник Сосновский в своем письме от 10 марта 1914 года № 532 на имя главной палаты с. М. арх. в Петрограде. В конце концов, и Пуришкевич сознается (письмо Сосновскому 1 апреля 1914 года № 996), что Веселовский — «просто шарлатан», и просит Сосновского содействовать прекращению его деятельности. Деятельность другого деятельного сотрудника союза Михаила архангела, дьякона Подольской епархии Филимона Григорьевича Павлова-Григорьева, открывшего более 10 отделов союза, посылавшего при всяком удобном случае телеграммы государю, также привела и архиепископа и градоначальника к необходимости возбудить вопрос о ее прекращении в виду сомнения опять-таки в нормальном состоянии умственных способностей Павлова-Григорьева. Архиепископ херсонский Дмитрий в письме на имя градоначальника говорит: «Известно ли состоящим в списках отделов почетным членам об их избрании (в число почетных членов дьякон Павлов внес Сосновского)?.. Скажу прямо, что эти списки почетных членов мне кажутся шарлатанской проделкой диакона».

Павлову-Григорьеву духовное начальство приказало вернуться в свой приход и прекратить патриотическую деятельность.

Что в это время делали главные руководители отд. с. Мих. архангела в г. Одессе, из дела не видно. Есть только прошение Пеликана о разрешении поставить пьесу «Лакомый кусочек» (27 апреля 1909 года) и его же прошение от 13 сентября 1910 года о разрешении открытия бюро юридической помощи населению, причем это прошение подписано Пеликаном уже как председателем одесской палаты союза Михаила архангела.

4.

Несколько ранее «союза Михаила архангела» в г. Одессе возникло еще одно монархическое общество — «российский двуглавый орел» или «белый двуглавый орел». 1 августа 1907 г. учредители этого общества, Владимир Цезаревич Беликович и Казимир Янишевский, подали прошение о регистрации устава общества. Общество сняло помещение для собраний, чайной и ресторана на Институтской улице, в доме № 9, и выпустило воззвание к населению, в котором указывало свои намерения и цели и сообщало, что его текущий счет имеется в Государственном банке, куда и надлежит направлять пожертвования, которые нужны, чтобы «орленок стал орлом и дал Руси мир и благоденствие». Каковы были дальнейшие мероприятия совета, — неизвестно; но, как бы то ни было, 9 февраля 1908 года основатель и председатель общества В. Ц. Беликович доводит до сведения градоначальника о сложении с себя председательских обязанностей, а одновременно и ответственности за дела обще-

ства. Несколько ранее (3 февраля) он сообщил градоначальнику, что видит неизбежность закрытия общества, к чему приводит «отсутствие средств, интриги и неудачно создавшийся подбор членов», из которых председатель вынужден был исключить свыше 30 человек.

20 марта 1908 года общество «двуглавый орел» окончательно прекратило свою деятельность. Пострадала от нее, повидимому, только одна вдова торгового лощмана Романенко, муж которой неосмотрительно ссудил Беликовичу 1 500 рублей при возникновении общества, взыскать которые ей так и не удалось, так как всё имущество общества заключалось в четырех духовых инструментах, которые потом были ликвидаторами пожертвованы обществу попечения о слепых. Кое-какие неприятности потерпел и второй основатель «двуглавого орла», Янишевский, который попал под арест вследствие задержки в представлении градоначальнику отчета о суммах и оправдательных документов (дело канцелярии градоначальника № 185, 1907 г.).

5.

По зднейшее по времени возникновения общество, «южный монархический союз», основано было в январе 1910 года. Учредителями общества явились отец и сын Зайченко и присяжный поверенный Кривцов. К марту 1913 года общество насчитывало 222 члена, но в деле канцелярии градоначальника (№ 307, 1910 г.) нет решительно никакой переписки, по которой можно было бы судить об его деятельности.

6.

В 1913 г. Н. Н. Родзевич открыл в Одессе «Губернский отдел Всероссийского дубровинского союза русского народа». Деятельность этого отдела, насколько можно судить, не началась вовсе, если не считать выраженной градоначальнику Родзевичем благодарности за закрытие клуба «Просвита» и сообщения херсонского губернатора об открытии отдела в с. Дальницком (дело канц. градоначальника № 459, 1913 г.).

7.

В октябре 1909 года, по инициативе Родзевича и Пеликана, было открыто общество «Братская помощь», имеющее целью оказывать материальную поддержку членам монархических организаций и бедным г. Одессы. Очень скоро, однако, и Пеликан и Родзевич устранились от ближайшего участия в обществе, и все дела по ведению его дел сосредоточились в руках сначала полковника Быковского, а впоследствии отставного генерала Никитина. Средства, которыми располагало общество, были, повидимому, довольно значительны, так как обществу было предоставлено право устраивать сборы на улицах, в сред-

нем дававшие ежегодно от 6 до 7 тысяч рублей. До 1914 года администрация мало интересовалась делами общества, но произведенная чиновником канцелярии градоначальника Люциановичем ревизия дел общества выяснила, что помощь из собранных средств главным образом оказывается членам общества и их родственникам, вследствие чего очередной кружечный сбор обществу разрешен в 1914 году не был. С этого времени дела общества сходят на-нет.

8.

Из ряда патриотических организаций, функционировавших в г. Одессе, приходится особо выделить «общество содействия академической жизни императорского новороссийского университета». Основателями этого общества были г. Толмачев и его жена, Л. Д. Толмачева, причем последняя состояла председателем общества до отставки своего мужа.

В числе учредителей общества были все правые и нейтральные профессора университета, правые гласные думы и более видные чиновники градоначальства, во главе с подполковником Рева. Задачей общества было распространение «как в общественной, так и в студенческой среде идей чистого академизма».

Для облегчения возможности общаться академистам было предположено открыть клуб, причем членами клуба могли быть студенты, рекомендованные кем-либо из членов «Общества содействия акад. жизни». Причем, однако, председательница общества не удовлетворялась одной рекомендацией своих сочленов, но еще всякий раз препровождала списки рекомендованных в члены клуба студентов в канцелярию градоначальника, которая в свою очередь наводила о кандидатах справки и в охранном отделении, и в жандармском, и через наружную полицию, и через сыскную.

Хотя общество и представило для регистрации устав в 1908 г., но функционировать начало лишь с 1910 года, когда был открыт учрежденный при нем указанный выше «Академический клуб».

Так как никакой деятельности общество не проявляло до 1910 года, а впоследствии функционировал только «Академический клуб», при ближайшем руководстве супруги градоначальника, то в делах градоначальства никаких материалов и не оказалось, по которым можно было бы судить о действительном положении дел в обществе (дело канцелярии градоначальника № 235, 1908 года, об обществе содействия академической жизни импер. новоросс. университета).

9.

В феврале 1910 года был представлен на утверждение устав «общества евреев, молящихся богу за царя и правительство», под названием: «хевре мисполилим бишлоймошел малхис». Ге-

нерал Толмачев отнесся весьма сочувственно к мысли создания правой еврейской организации и в отношении своем от 4 марта 1910 года № 362 в департамент общих дел сообщил, что находит «учреждение этого общества желательным, в виду того, что оно, с одной стороны, будет оказывать помощь бедному еврейскому населению одесского градоначальства... а с другой, предоставит возможность консервативной части еврейского населения воспитывать подрастающее поколение в религиозном и патриотическом духе». Устав общества был утвержден товарищем министра внутренних дел Крыжановским 11 февраля 1911 года. Действительная же история этого общества так изложена в № 8360 «Одесских новостей» от 15 марта 1911 года: некий Моисей Кенис, содержатель хедера, устраивал у себя в школе молитвенные собрания на время еврейских праздников, в целях извлечения доходов. Так как эта временная молельня наносила ущерб соседней с ней постоянной синагоге, то духовный совет запретил Кенису продолжать эту конкуренцию. Тогда Кенис вывесил на окнах надпись: «синагога молящихся за царя». Тем не менее, мировой судья, за нарушение постановления совета, оштрафовал его на 15 рублей. Кенис обратился тогда с ходатайством в министерство внутренних дел разрешить ему устраивать молитвенные собрания в большие праздники, но ему отказали, во-первых, потому, что нельзя считать молитву за царя специфической особенностью его молельни, а во-вторых — в виду чисто личной материальной заинтересованности Кениса в этом разрешении.

Тогда Кенис решил устроить общество, устав которого, как было указано, министерство утвердило.

Из дела канцелярии градоначальника (№ 308, 1910 года) видно, что было избрано правление общества, совершено торжественное богослужение, на котором провозглашалось здравие за всех властей, до одесского полицеймейстера включительно, и постановлено ходатайствовать перед министром внутренних дел о докладе государю об открытии общества и просить повернуть к его стопам верноподданные чувства. Дальнейших сведений о деятельности общества в делах градоначальства нет.

(Получено Чрезв. следств. комиссией при письмах сенатора Трегубова, производившего ревизию одесского городского управления и градоначальства, от 24 июля и 8 августа 1917 г., №№ 656 и 740.)

THE
JOURNAL
OF THE
ROYAL ANTHROPOLOGICAL INSTITUTE
PART I
1891
LONDON
PRINTED BY
H. K. LEY, 15, BEDFORD SQUARE, W.C.
1891

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

THE JOURNAL OF THE
ROYAL ANTHROPOLOGICAL INSTITUTE
OF GREAT BRITAIN AND IRELAND
VOLUME 32, PART 1, 1902

Приводимые ниже документы рисуют яркую фигуру несомненного черносотенного вождя — астраханского купца Нестора Тихановича-Савицкого, возглавлявшего так называемую «астраханскую народную монархическую партию». Старик, владелец большого музыкального магазина, Тиханович, — даже по отзыву местной администрации, очень раздосадованной его постоянными доносами в Петербург, — не может быть обвинен ни в растратах и пьянстве, ни в использовании департаментских субсидий, что совершенно необычно для председателя союзников. Но отзывы о нем непрерывно отмечают, что Тиханович «психически ненормален», «крайне экзальтирован», «нервно-больной». И в самом деле, проявляя деятельность большого размаха в революционные годы (периоды 1905 — 1907 гг. и 1915 — 1917 гг.), Тиханович в спокойные годы реакции ищет для своей беспокойной натуры дела в изысканиях таинственных козней революционеров: то он требует изъять из продажи «революционный» календарь, изданный Сытиным; то он обнаруживает, что под видом караимов в местную гимназию поступают еврейские дети; то добивается смехотворного запроса правых в Государственной думе об оскорблении астраханской газетой «красно-сине-белого флага»; то требует от министров запретить называть союзников «мракобесами».

В годы же 1915 — 1917 Тиханович, один из очень немногих монархистов, понял, что надвигается революция, и проявил кипучую энергию в борьбе с ней. Им организуются в Саратове (август 1915) и в Н.-Новгороде (ноябрь 1915) монархические съезды, вырабатывается подробный план действий на случай народного восстания (заготовка оружия, списки левых газет и деятелей, учет и мобилизация союзников, созыв черносотенцев набатом на городские соборные площади, а «там видно будет, что делать дальше»).

Конечно, анализ событий и арсенал средств борьбы у него крайне ограничены. «Засилье евреев» на рыбных промыслах, «засилье немцев» во время войны, «нужны решительные, устрашающие меры», — вот и все его конкретные указания, но в рекомендации их он исключительно настойчив: засыпает царя десятками телеграмм и «конфиденциальных писем», оценивая отдельных министров (Щегловитов — «удачный выбор»), советуя: «нужна не дума, а диктатура»; посылая выговоры председателям Государственной думы и Государственного совета за произносимые там речи; создавая общества «изучения иудейского пле-

мени» и «раскрытия талмудических тайн»; предлагая министрам (в феврале 1917 г. Протопопову): «если неспособны, — просите увольнения». Особенно истеричны и многочисленны его послания перед самой революцией, вплоть до 23 февраля 1917 г.

В отделе помещены также донесения губернаторов о гастроллях по Волге иеромонаха Илиодора и о его погромных речах к «православным», описание формирования и деятельности союзнических дружин в Астрахани, носивших особую форму, уверения губернатора о «снисходительном» отношении к союзу русского народа и, наконец, крайне ценные воззвания, выработанные всероссийскими съездами монархистов и разосланные по всей России, при нерешительном, колеблющемся, но ясном содействии департамента полиции.

АСТРАХАНСКИЕ МОНАРХИСТЫ В 1907— 1908 ГГ. И ТИХАНОВИЧ-САВИЦКИЙ

ПИСЬМО ДЕПАРТАМЕНТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ АСТРАХАНСКОМУ ГУ-
БЕРНАТОРУ ОТ 19 ИЮНЯ 1907 Г.

Препровождая при сем копию с полученной 12 июня сего года г. главноуправляющим землеустройством и земледелием телеграммы председателя астраханской народной монархической партии Тихановича-Савицкого, департамент земледелия, по приказанию его сиятельства, долгом считает довести до сведения вашего превосходительства, что г. главноуправляющим выражено удивление по поводу крайне бестактной и дерзкой выходки названной партии и содержащегося в телеграмме неправильного указания на возложение главным управлением попечения о нуждах отечественного рыбного дела на еврея. В действительности же, ближайшее попечение о рыбном промысле вверено директору департамента земледелия, действительному статскому советнику Н. А. Крюкову, под непосредственным наблюдением товарища главноуправляющего, тайного советника Ф. П. Никитина. Оба названных лица коренные русские и ничего общего с евреями не имеют.

Очевидно, в телеграмме подразумевается молодой чиновник Бакст, служащий столоначальником в рыбном отделении; он — действительно из евреев, хотя значится потомственным дворянином. Но не нужно забывать, что все служащие в департаменте столоначальники, начальники отделения и прочие лица являются лишь исполнителями приказаний, исходящих от главноуправляющего и осуществляемых директором департамента. Так что назначение лиц еврейского происхождения на вышеприведенные должности особого значения не имеет.

В виду сказанного нельзя не пожелать, чтобы политические союзы и партии оставались и действовали в сфере предоставленных их обсуждению политических вопросов и не вторгались бы в чисто административную часть, которая находится в ведении ответственных лиц, высочайше к этому уполномоченных.

*(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1905 г.,
№ 999, ч. 39, лит. Б, л. 64.)*

ПИСЬМО А. И. ДУБРОВИНА К П. А. СТОЛЫПИНУ, ОТ 15 МАРТА
1908 Г.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь, Петр Аркадьевич.

Я положительно изнемогаю от мысли, что невольно настойчиво беспокою вас. Но что же мне делать, к кому обратиться.

«отовсюду получают тревожные известия. Настроение крайне приподнятое. Все волнуются, чего-то ждут. Прилагаю, как образчик, телеграмму из Астрахани. Печатать ее в «Русском знамени» не буду. Простите великодушно и верьте в мое глубокое уважение и почтение к вашему превосходительству.

А. Дубровин.

Телеграмма главному совету союза русского народа. «Комитет астраханской народной монархической партии просит вас защитить русскую честь и русское национальное достоинство от поругания. В местной печати безнаказанно производится постыдное глумление над русскими национальными цветами, над нашим флагом, покрывшим шестую часть света. Губернатор Соколовский, к которому мы обратились за защитой, не находит признаков оскорбления в возмутительной заметке, для всех очевидной, красные хохочут и дали новую пощечину нашему флагу, положение тревожное, озлобление монархистов против революционеров и против губернатора Соколовского растет. Народ не понимает и не желает понимать, что за неимением соответствующих статей закона допустимо подобное глумление. Можно ожидать враждебных демонстраций против губернатора. Внести запрос правительству, оно не должно далее допускать подобного унижения, правительство вносит законопроект о неприкосновенности личности, так пусть же оно внесет законопроект о неприкосновенности русского национального достоинства, подробности шлем письмом. Председатель астраханской народной монархической партии Тиханович-Савицкий».

(То же дело, дд. 18 — 20.)

ДОКЛАД ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МИНИСТРУ ВН. ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНУ ОТ АПРЕЛЯ 1908 Г.

Во исполнение резолюции вашего высокопревосходительства на письме председателя главного совета союза русского народа от 15 марта департаментом полиции были затребованы от астраханского губернатора сведения по содержанию телеграммы председателя астраханской народной монархической партии Тихановича-Савицкого.

Из полученного от губернатора отзыва усматривается следующее: на бывшем у названной партии 17 февраля «празднике самодержавия» многие из присутствующих были украшены ленточками русских национальных цветов. По поводу этого обстоятельства в № 7 местной газеты «Волга» от 23 февраля появилась заметка, озаглавленная «Новое украшение», в которой сообщалось: «На днях члены монархической партии разукрасились новыми ленточками, несмотря на то, что праздник Флора

и Лавра ¹ еще не наступил. Говорят, многие из них долго колебались, не зная, куда подобает прищипливать эти ленточки. По мнению некоторых, всего удобнее было бы сзади. Последнее мнение, кажется, восторжествовало».

Приведенная заметка вызвала негодование председателя местной монархической партии Тихановича-Савицкого, который обратился к губернатору с просьбою о привлечении редактора газеты «Волга» к ответственности в административном порядке за допущение статьи, оскорбительной, будто бы, для национального достоинства России. Просьба эта была отклонена губернатором в виду отсутствия в означенной заметке признаков оскорбления национальной чести и достоинства России и невозможности подвести это деяние ни под одну статью закона. Таким образом, заметкой этой не нарушались обязательные постановления губернатора по делам печати от 14 июня и 17 июля 1907 года, на основании которых можно было бы воздействовать на редактора газеты «Волга» путем наложения на него административного взыскания. Вместе с тем Тихановичу-Савицкому было разъяснено, что он, как председатель отдела монархической партии, не лишен права возбудить против редактора помянутой газеты судебное преследование в порядке частного обвинения, но Тиханович-Савицкий не пожелал воспользоваться своим правом. Затем от Тихановича-Савицкого было получено губернатором новое заявление, в коем он, от имени партии, возбудил ходатайство об удалении из пределов губернии редактора газеты «Волга» за помещение этой же статьи. Последнее ходатайство также было отклонено губернатором, так как не имелось никакого основания вносить в особое совещание вопрос о высылке названного редактора по указанному Тихановичем-Савицким мотиву.

Что же касается заявления о том, будто бы местная администрация не обращает внимания на направление левой прессы, то таковое, согласно отзыву губернатора, противоречит действительности, ибо тот же самый редактор «Волги» был четыре раза подвергнут им в административном порядке взысканиям за допущенные в разное время статьи, несогласные с истиной и возбуждавшие в населении враждебное отношение к правительственным установлениям. Вообще, за время полуторагодичного управления губернией им, губернатором, было возбуждено 51 судебное преследование против издаваемых в Астрахани газет. Если и допущено было снисхождение к прессе, то только к органу союза русского народа, газете «Русская правда», издаваемой Тихановичем-Савицким, по отношению к коему губернатор ограничивался лишь предупреждениями и увещаниями. Но ни те ни другие меры не имели никакого результата, и в настоящее

¹ Эти святые считались православной церковью покровителями домашнего скота. *Ред.*

время газета, издаваемая местным отделом союза русского народа, дважды уже конфискована, и против Тихановича-Савицкого возбуждено судебное преследование в порядке 1 и 2 пп. 286-1 ст. улож. о нак. и 6 п. 129 ст. угол. улож.

Кроме сего, в приведенном отзыве губернатор вновь указал в дополнение к прежнему своему отзыву, относящемуся к началу минувшего года, на крайне бестактный и вызывающий образ действий Тихановича-Савицкого, который за последнее время не только не стал осторожнее, но в своих личных выступлениях и в издаваемой им газете «Русская правда» дошел до недопустимых крайностей.

27 марта поступила на имя вашего высокопревосходительства телеграфная жалоба Тихановича-Савицкого на неправильную, будто бы, конфискацию №№ 11 и 12 «Русской правды», на привлечение редакторов ее к ответственности, на безосновательное предание губернатором суду трех членов партии и на избиение полицией старшины партии, рабочего Куликова. По содержанию этой жалобы, согласно резолюции г. министра, 27 марта затребованы сведения от губернатора и начальника жандармского управления.

Из полученных отзывов по содержанию настоящей жалобы усматривается, что деятельность астраханского отдела союза русского народа создала столь неблагоприятные для успеха монархического дела условия, что за последнее время отдел лишился многих членов, не пожелавших разделять с Тихановичем-Савицким ответственности за его бестактный и вызывающий образ действий. Кроме того, Тиханович-Савицкий с начала сентября минувшего года стал печатать в газете «Русская правда», после заглавия, составленное им лично воззвание: «Новые основные законы, идущие вразрез со всеми манифестами государя императора, внесшие в умы населения полнейший разлад и обещающие бесконечную смуту, должны быть изменены. Впрочем, вопросом этим, от которого зависит всё дальнейшее существование Русского государства, должны неотложно заняться все монархические организации и вся правая печать». Упомянутое воззвание, по отзыву губернатора, возымело среди малоразвитого населения Астраханской губернии нежелательное действие, внося смуту в умы населения, среди которого распространился слух, что государь император обманут правительством. Разъяснения губернатора о том, что для выражения мыслей и взглядов монархической партии есть другой путь, не подрывающий силу государственных законов и авторитет правительственной власти в глазах населения, Тихановича-Савицкого несколько не убедили. Изложенные обстоятельства и упорное нежелание Тихановича-Савицкого снять со страниц «Русской правды» такое воззвание и привели к конфискации № 13 названной

газеты с возбуждением против временного редактора Руднева¹ судебного преследования по п. «г» ст. 5 отд. VIII временных правил о повременных изданиях 24 ноября 1905 года. Арест этого номера был утвержден судом, но из отзыва начальника губернского жандармского управления видно, что дело это было рассмотрено астраханским окружным судом 21 минувшего марта и Рудневу вынесен оправдательный приговор.

После того как губернатор указал Тихановичу-Савицкому, что привлечение редактора газеты «Волга» за напечатание в № 7 заметки «Новое украшение» к ответственности может последовать только в порядке частного обвинения, в №№ 11 и 12 газеты «Русская правда» появилась статья с нападками на правительство и местную администрацию и судебную власть. Вследствие сего номера эти также были конфискованы, и ныне дело передано прокурору астраханского окружного суда, которым, вместе с привлечением Тихановича-Савицкого к законной ответственности, возбужден вопрос и о прекращении издания «Русской правды» за ее вредное направление.

Что же касается заявления Тихановича-Савицкого о безосновательном предании суду нескольких членов партии за участие в демонстрации во время представления в театре, то обстоятельства этого дела представляются в следующем виде: 11 марта в городском театре во время представления фарса «Амур и К°» на сцену с галереи были брошены булыжники и четыре бутылки, наполненные дегтем, из коих одна упала в партер между рядами. Публика была возмущена таким дерзким поступком, и лишь благодаря своевременно принятым полицией мерам удалось успокоить присутствовавших в театре и восстановить порядок. Четырех лиц, на коих были указания свидетелей, пригласили в участок для составления протокола, который и был передан установленным порядком мировому судье. 24 марта дело было разобрано, и обвиняемые Егоров, Маликов, Куликов и Лазнев были приговорены к семи дням ареста каждый. Упомянутые лица оказались членами монархической партии и ближайшими сотрудниками Тихановича-Савицкого. По поводу представлений в городском театре подобных фарсов в № 11 «Русской правды» появилась заметка в дерзком тоне, озаглавленная «Открытый разврат с разрешения и одобрения правительства».

Относительно заявления Тихановича-Савицкого об избиении полицией старшины партии, рабочего Куликова, губернатор сообщает, что произведенным по его поручению астраханским вице-губернатором дознанием заявление это не подтвердилось, и вместе с сим представил копию означенного дознания. Начальник жан-

¹ В это время Тиханович-Савицкий был в Москве, и Руднев также отказался исполнить предложение губернатора прекратить печатание этого воззвания.

дармского управления в отзыве своем по настоящему делу отметил, что едва ли возможно верить заявлению Куликова о нанесении ему городовым ударов, так как свидетелей нанесения побоев Куликов не указывает и о знаках побоев у него не имеется удостоверения врача. Жалобу свою членам союза Куликов принес уже после отбытия наложенного на него наказания.

Согласно заключению губернатора, астраханскому отделу союза русского народа, при настоящем положении дела, грозит распад. Сам Тиханович-Савицкий — человек больной, совершенно глухой и, видимо, психически ненормален. За последнее время Тиханович-Савицкий оттолкнул от себя членов союза, преданных делу монархической партии, и остался окруженным десятком заведомых пропойц, неспособных ни на какую полезную деятельность и мечтающих о погромах. По отзыву начальника жандармского управления, Тиханович-Савицкий — «фанатик и потому не знает пределов выражений своей преданности государю и России».

В последних числах марта товарищ министра д. с. с. Лыкошин препроводил в министерство внутренних дел полученный от некоторых депутатов государственной думы материал, относящийся к поданной «учредительным комитетом астраханской народной монархической партии» просьбе рассмотреть настоящее дело и внести на обсуждение государственной думы соответствующий законопроект о защите русских национальных цветов, флага, государственного герба и армии от поругания их словесного и в печати, а также внести запрос правительству относительно того, какие меры оно рассчитывает предпринять для защиты национального достоинства России от поругателей до издания соответствующего закона. Вместе с сим д. с. с. Лыкошин отметил, что часть правых депутатов сильно возмущается последовавшим ответом губернатора, который не нашел в помещенной в № 7 газеты «Волга» заметке «Новое украшение» признаков оскорбления национальной чести России. Из этих же материалов усматривается, что в № 9 газеты «Волга» была помещена и другая статья «О красном-синем-белом» в форме беллетристического очерка, оскорбительная для русского флага. В ней, между прочим, сказано, что красный цвет находится «среди ненужного хлама» и что остальные цвета годятся лишь на то, чтобы ими «полы подтирали».

Вследствие сего, по поводу указанной Тихановичем-Савицким в этих материалах статьи «О красном-синем-белом», департамент полиции дополнительно запросил астраханского губернатора, с просьбой сообщить, были ли приняты меры против газеты за эту именно статью.

Ныне из препровожденного в министерство внутренних дел, при письме начальника главного управления по делам печати от 17 апреля за № 3942, отзыва астраханского губернатора усма-

тривается, что в № 9 газеты «Волга» были помещены: статья «О красном-синем-белом» и «Письмо священника о. Григория Петрова к митрополиту Антонию». На означенные номера газеты, в виду недопустимости означенных статей, в день выхода этого № наложен был арест в порядке ст. 9 раздела 7 временн. правил о поврем. изд. 24 ноября 1905 г., и сообщено прокурору саратовской судебной палаты для возбуждения уголовного преследования против редактора-издателя газеты «Волга», мещанина Семенова, причем за напечатание письма о. Григория Петрова обвинение предъявлено по 73 ст. угол. улож. и 281-1 ст. улож. о нак. Что же касается статьи «О красном-синем-белом», то, по сообщению губернатора, в виду отсутствия в действующем законодательстве статьи, преследующей оскорбление национального флага или иной подходящей, на основании которой можно было бы привлечь редактора за напечатание этой статьи к уголовной ответственности, настоящий вопрос был всесторонне им рассмотрен совместно с прокурором окружного суда и чинами судебного ведомства, и выяснилось, что предъявить обвинение в судебном порядке в данном случае не представляется возможным. Также оказалось невозможным наложить на редактора взыскание и в порядке обязательных постановлений по делам печати, изданных губернатором 14 июня и 17 июля 1907 года и заключающих в себе статьи, преследующие лишь те нарушения по делам печати, кои указаны в циркулярной депеше вашего высокопревосходительства от 2 июля того же года за № 170. Таким образом, не допустить к распространению статью «О красном-синем-белом» удалось лишь путем вышеуказанного арестования газеты, в виду помещения в том же № письма о. Григория Петрова. К приведенному отзыву ген.-лейт. Соколовский добавил, что редактор газеты «Волга» за напечатание в газете оскорбительной для казачьего сословия статьи определением астраханского окружного суда, состоявшимся 19 марта сего года, присужден к двухмесячному заключению, издание же газеты «Волга», тем же определением суда, в виду вредного ее направления, прекращено навсегда и Семенов лишен права на новое издательство.

Во время собирания департаментом надлежащих сведений по настоящему делу в министерство внутренних дел поступили:

1) Письмо временно-управляющего делами министерства императорского двора от 28 марта за № 3269 с всеподданнейшим ходатайством Тихановича-Савицкого о защите русского флага от поруганий со стороны левой прессы и жалобой на отношение к этому вопросу ген.-лейт. Соколовского. На письме этом ваше высокопревосходительство изволили положить следующую резолюцию: «Ведь по этому поводу уже сделано распоряжение».

2) Письмо помощника управляющего делами совета министров от 31 марта за № 1548 по вопросу о том, какие меры приняты министром внутренних дел по департаменту полиции в

отношении астраханского губернатора и редактора газеты «Волга».

3) Письмо начальника Главного штаба от того же числа за № 15112 с резолюцией сенатора А. А. Макарова: «Послана ли губернатору телеграмма о наложении взыскания?»

4) Новая жалоба Тихановича-Савицкого от 31 марта на чинимые генер.-лейт. Соколовским в отношении газеты «Русская правда» притеснения.

Независимо сего, с просьбами о защите национальной чести и достоинства России обратились в министерство внутренних дел председатель тамбовского серафимовского союза русских людей и председатель астраханского патриотического общества.

(То же дело, л. 78.)

ДОКЛАД АСТРАХАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА, ОТ 7 АПРЕЛЯ 1907 Г., В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

Председателем астраханской народной монархической партии в г. Астрахани состоит г. Тиханович-Савицкий. Человек этот нервно-больной, почти совершенно глухой, крайне экзальтированный, в страстности проявления своего сочувствия монархической партии не знает пределов и, будучи человеком неосторожным и беспокойным, весьма часто вредит интересам партии и подрывает значение и смысл ее среди населения.

За последнее время деятельность партии была направлена к созданию особой дружины, первоначальной целью которой была поставлена охрана порядка во время собраний и торжеств партии. Между тем, с течением времени, благодаря бестактности г. Тихановича-Савицкого и тому обстоятельству, что в г. Астрахани, к сожалению, интеллигенция совершенно отсутствует в сказанной партии, а составляют ее мелкие торговцы и мещане, дружина эта стала вести себя вызывающе, и, хотя не было случаев столкновения ее с обывателями, тем не менее в населении стали появляться слухи о том, что дружина из охранный стремится превратиться в боевую, что цель ее создания заключается в подготовке к погромам интеллигенции и инородцев (армян и евреев), и тому подобные предположения.

Дважды призывал я г. Тихановича-Савицкого, дабы предупредить его, и советовал ему быть сколь возможно осторожнее и даже отменить практикуемую у дружинников форму (белая папаха и синий кушак), а, главное, предупреждал его, что за дружиною его слежу и никаким образом не допущу развития ее деятельности за пределы строго охранительной в наблюдении за порядком на собраниях и торжествах. Не надеясь на г. Тихановича-Савицкого, в виду нервозности и бестактности его, я для той же цели приглашал к себе товарища его, Федорова.

Тем не менее, в начале января до сведения моего дошел слух,

что, несмотря на данные мною указания, г. Тиханович-Савицкий всё-таки стремится к такой организации дружины, которая даже и для непредубежденных людей может показаться подозрительной, а при современном настроении умов и опасной; так, например, в числе организационных мероприятий им предполагено было соорудить и освятить особое знамя, которым предполагалось снабдить дружину. По наведенным мною справкам на знамени этом был помещен с одной стороны государственный герб, а с другой стороны изображение св. Георгия победоносца. Тогда же я вновь лично разъяснил г. Тихановичу-Савицкому всю неосторожность и даже опасность таких действий и, в виду циркулировавших в городе слухов о том, что будто бы дружина вооружена и готова превратиться в боевую для целей погромного свойства, я категорически высказался о недопустимости освящения изготавливаемого знамени; а когда все увещания мои г. Тихановича-Савицкого оказались бесплодными, я приказал объявить, с отобранием от председателя монархической партии подписки, о том, что освящение и снабжение знаменем дружины мною допущено не будет, а полотнище знамени, потребованное мною и представленное мне товарищем председателя г. Федоровым, я через полицию приказал возвратить председателю партии, с предупреждением, что оно должно быть им уничтожено.

Так как г. Тиханович-Савицкий уже дважды обращался к г. министру внутренних дел с ходатайством о разрешении освятить знамя это и во второй телеграмме своей выражает готовность обратиться по сему поводу с просьбой к государю императору, чего вполне можно ожидать, посему я, на случай могущей встретиться для департамента полиции надобности в справке по сему делу, считаю нужным о сем сообщить.

(То же дело, л. 14.)

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА АСТРАХАНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ, ОТ 6 ОКТЯБРЯ 1915 Г., В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

Астраханский купец Тиханович-Савицкий до революционных 1904 — 1905 годов ничем не проявлял своих патриотических чувств, но, с начала революционного движения в указанных выше годах, он, Тиханович-Савицкий, сразу выступил с открытым протестом против этого движения. Организовав в то время многочисленный союз монархистов, Тиханович-Савицкий устраивал частные собрания, печатал и распространял воззвания, призывающие народ к верности и преданности своему царю и правительству и не слушать лжеучений революционеров. Кроме того, часто командировал в уезды Астраханской губернии членов союза для патриотической пропаганды. Судя по отчетам тогдашней администрации Тиханович-Савицкий оказал ей большую

помощь в подавлении революционного движения в гор. Астрахани и губернии. По миновании революционных годов союз монархистов стал меньше проявлять свою деятельность, члены союза стали отпадать, и к началу настоящей войны около Тихановича-Савицкого группировалось не более десяти человек союзников. С июля 1914 года Тиханович-Савицкий вновь стал вербовать членов в монархическую партию и направлять их деятельность против немецкого шпионства, немецкой пропаганды и злоупотреблений при приеме новобранцев, а также против пропаганды в войсках, причем по сведениям Тихановича-Савицкого была раскрыта в Астрахани группа немцев, устраивавших в честь императора Вильгельма банкет, на котором все присутствующие были сняты фотографом Баденмюллером. В 1915 году, когда началось брожение умов в Астрахани, Тиханович-Савицкий стал открыто собирать собрания, на которых сам, а равно и члены союза — выступали с горячими речами, призывая народ помочь царю и правительству избавиться от надвигающейся революции, а также призывали бороться с немецким и еврейским засильем. На этих собраниях, по распоряжению Тихановича-Савицкого, раздавались печатные листки с призывом к выступлению против революционеров и евреев. Тиханович-Савицкий — ярый патриот-фанатик. По получении от своих членов каких-либо сведений, не делая никакой проверки, посылает всюду телеграммы, стоимостью в 25 — 50 руб. Тиханович-Савицкий в Астрахани имеет богатый музыкальный магазин «Лира».

На последнем собрании было всех членов союза 24 человека, из них 6 женщин.

(Дело департамента полиции, 9-го делопроизводства, 1905 г., № 999, ч. 39, лит. Б, т. III, л. 80.)

ТЕЛЕГРАММА Н. Н. ТИХАНОВИЧА-САВИЦКОГО П. А. СТОЛЫПИНУ ОТ 4 ДЕКАБРЯ 1908 Г.

Покорнейшая просьба изъять из продажи «Всеобщий русский календарь» и другие издания Сытина, в которых обозначено, что Россия — ограниченная монархия, а Сытина и цензоров, допустивших в обращение календари с заведомо ложными сведениями об ограниченной, якобы, власти нашего самодержавного монарха, привлечь к строгой ответственности за стремление к ниспровержению существующего государственного строя путем внушения населению об ограниченной власти русского монарха при помощи календарных сведений, которые принято считать безошибочными. Распоряжение об этом предать самой широкой гласности, дабы немедленно парализовать смуту, вызванную в умах, и вырвать у революционеров возможность при собеседованиях с народом опираться на утвержденные

правительством календарные сведения об ограниченной власти русского монарха.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1905 г., № 999, ч. 39, лит. Б, т. III, л. 100.)

СТАТЬЯ В АСТРАХАНСКОЙ ГАЗЕТЕ «РУССКАЯ ПРАВДА» ОТ 9 МАРТА 1910 Г., № 15094.

Незаконномерные действия председателя совета министров, П. А. Столыпина.

Комиссией по запросам гос. думы принят запрос министру внутренних дел: на каком основании издан им циркуляр от 22 мая 1907 года за № 20, коим он, гофмейстер, действительный статский советник, Петр Аркадьевич Столыпин, присвоил себе законодательную власть, принадлежащую токмо его императорскому величеству, и, отдав незаконные приказания губернаторам, дал евреям право, им по действующему законодательству не принадлежащее?

Как известно, циркуляром этим П. А. Столыпин самовольно разрешил жидам, распolzшимся во время бунта (из черты жидовской оседлости) в громадном количестве по всей России, остаться на захваченных ими местах, если они на таковых уже обзавелись «домообзаводством», т. е. хотя бы столом, ломаной табуреткой, вонючей подстилкой для спанья и кадушкой для миквы; другими словами, отдал на съедение этим жидам всю Россию.

Главный совет союза русского народа отдал распоряжение союзникам обжаловать в правительствующий сенат противозаконные действия первого министра в государстве, что и было исполнено графом Э. И. Коновницыным.

Действия г. Столыпина были незаконномерными. Но так как сенат находится в подчиненном состоянии министра юстиции, а министр юстиции — в подчиненном состоянии у председателя совета министров, а должность председателя совета министров занимает тот же министр внутренних дел, г. Столыпин, сочинитель противозаконного циркуляра, то г. Столыпину удалось замять поднятый союзом вопрос. Теперь он поднят снова, но уже в гос. думе, и комиссия гос. думы по запросам, так же как и правительствующий сенат, признала действия г-на Столыпина незаконномерными. Мы знаем, что написанное здесь придется не по вкусу местной цензуре, а потому, во избежание стремительной, да и вообще конфискации этого номера, предупреждаем ее, что вышеприведенные сведения о незаконномерных действиях П. А. Столыпина не есть ложь и, кроме того, взяты они целиком из неконфискованного № 43 «Русского знамени» за этот год, а если, несмотря на такое предупреждение наше, номер этот

«Русской правды» всё-таки будет конфискован, то нам придется поднять особо вопрос о незакономерности действий астраханской цензуры.

(То же дело, л. 124.)

ПИСЬМО Н. Н. ТИХАНОВИЧА АСТРАХАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ
ОТ 29 МАРТА 1909 Г.

Ваше превосходительство. До сведения комитета «Астраханской народной монархической партии» дошла следующая новая, возмутительная проделка астраханских жидов:

В астраханской мужской гимназии учеников, приблизительно, 560 человек. В числе их, по установленной 5-процентной норме, жидов может быть лишь 28 человек; между тем, по имеющимся у комитета сведениям, в астраханской гимназии имеется 57 жидов, т. е. свыше 10%. Говорят, что даже в пансионе гимназии 10 жидов. Особенно много принято их в этом году.

По наведенным комитетом справкам выяснилось, что родители принятых сверх нормы жидов назвались караимами.

Несомненно, что здесь приходится иметь дело с новым обманом со стороны жидов.

До сих пор все астраханские жида были обыкновенными жидами, и вдруг чуть ли не половина их (по гимназии) превратилась в караимов. Если не принять тотчас же самых решительных мер к обнаружению этой новой жидовской проделки, то возможно, что скоро все астраханские жида превратятся в караимов, а среднеучебные заведения г. Астрахани — в жидовские хедеры. Караимов в России числится около 10 000 душ (т. е. приблизительно 2 000 семейств); они имеют свои особые синагоги, жидовского талмуда не признают; к жидам-талмудистам относятся с презрением и с враждебностью. Так как караимы пользуются равноправием, то несомненно, что в паспортах их значится, что они караимы, дабы их не могли смешать с обыкновенными жидами. Кроме того, так называемые «караимские духовные правления», которыми заведуют высшие духовные лица караимов, гахамы, ведут точную запись всех караимов. Караимских духовных правлений в России два: одно в Евпатории (Таврической губ.), другое в Троках (Виленской губернии), так что всегда легко навести справку: караим это или обыкновенный жид.

Ходатайствую перед вашим превосходительством приказать немедленно проверить паспорта жидов, назвавших себя караимами, и, в случае обнаружения подлога, привлечь этих оборотней к строгой ответственности без всякого снисхождения, а количество учащихся в гимназии жидов низвести до установленной 5-процентной нормы, так как, во-первых, жида эти занимают места, на которых должны были бы сидеть русские дети, а во-

вторых нежелательно, чтобы, в обход закона, в гимназиях наших получали образование заведомые враги России, не в установленном количестве.

(То же дело, л. 107.)

ПИСЬМО Н. Н. ТИХАНОВИЧА АСТРАХАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ
ОТ 30 НОЯБРЯ 1909 Г.

Комитет астраханской народной монархической партии доводит до вашего сведения, что антрепренер местной труппы, подписывающийся «Ефим Михайлович Долин», есть не кто иной, как жид Каган.

Комитет просит ваше превосходительство приказать проверить, имеет ли означенный жид Каган право жительства в г. Астрахани, и если нет, то означенного жида Кагана выслать из Астрахани и, кроме того, привлечь к ответственности за именование себя неприсвоенным ему именем и отчеством, которые он ставит на своих бланках, чем вводит людей в заблуждение и совершает подлог, так как у жидов нет ни Ефима, ни Михаила.

Прикажите проверить, ваше превосходительство, также состав труппы жида Кагана, которая, говорят, состоит в большинстве из жидов и жиждовок.

(То же дело, л. 115-а.)

ТЕЛЕГРАММА Н. Н. ТИХАНОВИЧА П. А. СТОЛЫПИНУ ОТ 18 МАРТА
1910 Г.

Ваше высокопревосходительство. Опять сотни русских промысловых служащих остались без работы, будучи вытеснены с промыслов наехавшими и местными евреями. Многочисленное собрание этих жидами обездоленных людей настоятельно просит вас принять, наконец, меры для ограждения интересов русского работника. Положение получается невозможное и недопустимое ни в одном государстве. Коренное русское население, народ-хозяин, систематически вытесняется хищным пришельцем, а правительство не принимает должных мер против этого недопустимого явления, несмотря на неоднократные указания.

Когда же, вследствие нерадения правительства, русское население доведено до иступления непосильной борьбой с наглыми угнетателями и начинает расправляться с ними по-своему, то его хватают, сажают в тюрьмы и ссылают в каторгу, как погромщиков. Собрание русских служащих просит вас или совершенно устранить евреев с промыслов, или же выдавать обреченным ими на голодовку русским служащим, с их семьями, пособие деньгами или натурой. Нельзя допустить, чтобы жид благоденствовал за счет русского, умирающего с голода. Необходимо

озаботиться скорейшим изданием законов, ограждающих слабого, каковым является русский в экономической борьбе с инородцами.

(То же дело, л. 126.)

ТЕЛЕГРАММА Н. Н. ТИХАНОВИЧА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВ. МИН.
И. Л. ГОРЕМЫКИНУ, ОТ 30 ИЮНЯ 1915 Г.

Запретите газетам поносить монархистов. Такие выражения, как «мракобесы», «бывшие люди» и пр., по отношению к правым, исповедующим неотмененные устои государства в самодержавно-монархической стране, недопустимы, так и надо заявить. Еще немного — и всё правое, начиная с церкви и верховной власти, будет в глазах общества и народа окончательно опороченным. Этой гнусной работе левых надо положить конец.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1916 г., № 110, л. 98.)

ТЕЛЕГРАММА Н. Н. ТИХАНОВИЧА МИНИСТРУ ВН. ДЕЛ А. Н.
ХВОСТОВУ, ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1915 Г.

Астраханская народная монархическая партия приветствует вас, Алексей Николаевич, и поздравляет с высоким доверием государя. Уверены, что наконец власть попала в надежные, колеблющиеся руки верного монархиста.

При Щербатове левая печать и кадэки прямо обнаглели. Население, с разрешения правительства, открыто революционизируется, по сигналам Гучковых, Львовых, Челноковых и Милюковых, думами, земствами и биржевыми комитетами, печатью и лекторами. Идет противопоставление думы государю. Внушается народу и армии, что всё хорошее идет только от думы, всё дурное — с другой стороны. Гучков, Новиков и другие левые депутаты разъезжают по армии, торжественно встречаемые музыкой, выстроенными войсками, речами генералов; оскорбляют народное чувство, раздавая героям кресты своими изменническими руками. Эти вору подготавливают переворот почти открыто, пользуясь непотворением и уступчивостью власти. Это надо прекратить.

Оберегите государя; свяжите левую печать, лекторов, верните местные самоуправления к их хозяйственной деятельности, запретив политическую; для последней существуют партии. А главное, крепко помните, что все эти наглецы, посягающие на царскую власть — презренные трусы, а подписывающие их резолюции — стадо баранов, и что народ и общество, услышав сильный голос правительства и призыв не поддаваться смутьянам, этим немецким пособникам, пойдут за ним.

(То же дело, л. 59.)

ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ САРАТОВСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА МИХАИЛА АРХАНГЕЛА А. ГРИШИНА, ОТ 18 АПРЕЛЯ 1916 Г., НА ИМЯ МИНИСТРА ВН. ДЕЛ Б. В. ШТЮРМЕРА, С ПРЕПРОВОЖДЕНИЕМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОТДЕЛА.

Постановление № 94, от 23 февраля 1916 года, палаты саратовского отдела русского народного союза имени Михаила архангела.

Небывалая в истории народов война требует и небывалого напряжения сил всей страны, а в действительности же последнего нет. Бедное население несет всю тяготу на себе: во-первых, дает защитников родине в ряды армии; во-вторых, терпит нужду во всем необходимом от необычайной дороговизны. Между тем, более состоятельные классы, а в особенности интеллигенция и жидаы, в большинстве случаев тем или иным способом уклоняются из рядов армии, вступая, например, в ряды служащих и деятелей городского, земского и военно-промышленного комитетов и проч., а разные промышленники-спекулянты от дороговизны наживают во время войны небывалые барыши. Алчные аппетиты этих мародеров тыла до того разыгрались, что не удовлетворяются уже тем, что они нажили во время тяжелого испытания страны громадные капиталы, чем и ограбили народ с ног до головы, но всеми силами и способами буквально стремятся содрать с народа последнюю шкуру.

Выведенный из терпения и потерявший надежду на обуздание спекулянтов властями, народ уже начинает местами расправляться с грабителями тыла своим судом. Так, например, в Баку и других местах уже происходили столкновения покупателей с торговцами и были разгромы лавок; подобные же столкновения, хотя и в меньшем размере, наблюдались и у нас в Саратове; впереди следует ожидать еще более резких столкновений; но акулы, увлекшись наживой, вероятно даже не замечают того, к какому печальному результату может привести их бессовестное обирательство русского народа.

Обычные в таких случаях ссылки торговцев на естественные причины вздорожания предметов первой необходимости не соответствуют действительности, — дороговизна всецело зависит от алчности спекулянтов.

На это тяжелое положение малосостоятельной части населения, обираемого спекулянтами, было обращено особое внимание государя императора, и издано высочайшее повеление о борьбе с дороговизной, в котором повелевается властям принять самые решительные меры против спекулянтов.

К сожалению всего русского народа, несмотря на это высочайшее повеление, и до сих пор провинциальные власти в большинстве случаев борются с этим возмутительным злом далеко не так, как бы следовало, а в некоторых случаях власти даже

и лишены возможности бороться, так, например: на сахар в городах устанавливаются таксы, а заводы продают по произвольной цене, гораздо выше установленных такс на местах, и в результате во многих городах создается сахарный кризис.

Наконец, спекулянты, благодаря нерешительности власти, часто разными ухищрениями обходят таксы, или же добиваются уничтожения их совсем.

Опасаясь, что, в конце концов, у народа потеряется терпение и возмущение его может вылиться в нежелательные для нашего отечества формы и может послужить на пользу только нашим врагам, чего они и добиваются всеми силами, а также и в виду того, что принятые в борьбе с дороговизной меры не достигают желаемого результата, так как дороговизна всё растет и растет и конца обиранию народа мародерами тыла не видно, саратовский отдел русского народного союза имени Михаила архангела постановил обратиться к правительству с следующей просьбой.

По нашему глубокому убеждению, для успешной борьбы с дороговизной необходимо:

1) установить на все предметы первой необходимости имперскую таксу и при продаже их производителями на других местах к этой таксе должны быть прибавлены платы за перевоз и, для торговцев, нормальный процент прибыли;

2) следует строго следить всюду за соблюдением таксы;

3) следить за производством на фабриках и заводах, в целях, чтобы заводчики и фабриканты не сокращали производство;

4) министерство путей сообщения должно бдительно следить за провозом грузов по железным дорогам;

5) к нарушителям сего принять самые решительные меры, включительно до предания виновных в поднятии цен военному суду.

Только с приведением сего в исполнение преступный грабег прекратится, и весь народ, за исключением самих мародеров, будет благословлять ту власть, которая приведет вышеизложенное в исполнение.

(То же дело, лл. 134 и 135.)

ОБРАЩЕНИЯ ТИХАНОВИЧА К НИКОЛАЮ II

ТЕЛЕГРАММА ОТ 18 ЯНВАРЯ 1909 Г.

Государь!

Октябристы грозят в своих газетах чуть ли не народным бунтом, если правительство не подчинится их требованиям.

Повели, государь, правительству не обращать внимания на этих безличных западников, открытых врагов твоего самодержавия, не имеющих в народе никакой опоры.

Повели, государь, правительству открыто опереться на монархические слои, искренно преследующие благо народное, без всяких помыслов о захвате власти.

Та двуличная политика, которой теперь держится Столыпин и многие министры, противна русскому чувству и только смущает население. Лишь при ясной, определенной и твердой политике возможна успешная работа.

*(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства,
1905 г., № 999, ч. 39, лит. Б, л. 102.)*

ХОДАТАЙСТВО ОТ ЯНВАРЯ 1909 Г.

Всемилоостивейший государь!

Наша московская газета «Вече», самоотверженно защищающая русские интересы и неприкосновенность твоей отеческой самодержавной власти, подвергнута за статью «Колоссальный заговор жидов-масонов» штрафу в 3 000 р.

Конечно, заплатить этот штраф «Вече» не в силах, и редактор ее Добровольский, уже надорвавший свои силы в непрерывной, неравной борьбе, должен сесть в тюрьму.

Знай, государь, что каждый готов лучше сесть в тюрьму, пойти в каторгу, чем отказаться от обличения той интриги, которая ведется теперь сверху и донизу обезумелыми людьми, под тайным водительством масонов, с целью вырвать из рук русских царей единую скрепу России — царское самодержавие и этим окончательно повалить наше, некогда великое, государство.

Правительство хочет заставить нас силой замолчать то, чего мы замалчивать не имеем права. Штрафами и наказаниями хочет уничтожить нашу патристическую печать, едва оперившуюся, или сделать ее себе покорной.

Но да не будет этого. Не допусти, государь, до этого.

Как бы резки слова наши ни были, они вреда не принесут:

мы защищаем родное, русское; мы защищаем царя, веру, семью, власть, нравственность, величие России, русскую народность. Это ли вред? Если же мы нападаем на губернаторов, на министров, заподозревая их в неумелой или изменнической деятельности, то что же дороже — они или первые?

Если мы обличаем Столыпина и говорим, что деятельность его причиняет вред интересам русского народа и способствует полному подрыву авторитета твоей власти в глазах населения, то пусть Столыпин оправдается и своими действиями покажет, что мы неправы, а не губит наши газеты и не преследует нас за это.

Государь! Мы не просим от тебя защиты Добровольского. Просим лишь тебя прочесть статью «Колоссальный заговор жидов-масонов», чтобы ты увидел, как в революционной печати допускаются всякие издевательства.

(То же дело, л. 102.)

«ЧЕЛОБИТНАЯ» ОТ 26 ОКТЯБРЯ 1909 Г.

Всемиловейший государь!

Тяжкое оскорбление, нанесенное финляндским судом доблестному и самоотверженному защитнику всех русских гонимых патриотов, присяжному поверенному Павлу Федоровичу Булацелю, заставляет нас обратиться к тебе, к отцу нашему, с просьбой: защити честь русскую, огради имя русское.

Государь! Нет сил больше смотреть на то, как издеваются над русским именем мятежные финны.

И правительство не только молчит, но даже и поощряет их косвенно, устами своего «осведомительного бюро» и своей газеты «Россия».

Не смеем скрывать от тебя, что недовольство монархистов Столыпиным, допускающим всё это, воздвигшим гонение на Союз русского народа, предающим русских на посмешище и глумление инородцами, возрастает с каждым днем и грозит перейти в ненависть к нему.

Что же это за политику ведет Столыпин, если возбуждает против себя наиболее верноподданную и патриотическую часть населения?

Просим тебя, отец наш, повели Столыпину прекратить такую политику, повели перенести дело об убийстве Герценштейна в русский суд, дабы раскрыть в деле этом истину и избавить русское самолюбие от финляндского издевательства.

(То же дело, л. 114.)

ТЕЛЕГРАММА ОТ 9 СЕНТЯБРЯ 1915 Г.

Государь! Прикажи связать левую печать; прекратить ведомую по указке главарей союзов земств и городов незаконную,

постыдно-обманную агитацию дум, земств, биржевых комитетов и разных съездов, большинство членов которых даже не понимает обсуждаемых вопросов; не допусти незаконных собраний и занятий членов думы после роспуска, иначе поднятая ими смута не опадет и отразится на армии. Прикажи оставить политику уступок, от нее дерзкие наглеют еще более. Правительство должно вести народ за собой, а не плестись в хвосте неразумных, как это сделало большинство теперешних министров, одобривших программу прогрессивного блока. Нужны твердые губернаторы-монархисты, каким, например, был уволенный Ширинский-Шихматов. Необходим сильный министр внутренних дел, который не вязал бы губернаторам руки и не ронял престижа местной власти. Министры Щербаков, Волконский, Игнатьев для теперешнего времени совершенно непригодны. Никакие внутренние преобразования теперь недопустимы. Все помыслы народа должны быть сосредоточены на достижении скорейшей победы. Всякое отступление от этого — предательство. Опасайся, государь, интриги Гучкова: многое — дело рук его, да и не даром он всё вертится около армии. Не доверяй Родзянке, — это человек неумный и вредный.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1915 г., № 110, л. 37.)

ТЕЛЕГРАММА ОТ 11 СЕНТЯБРЯ 1915 Г.

Государь! Городские думы, земства и биржевые комитеты превратились в гнезда революционной пропаганды, руководимые из Москвы. Прикажи вернуть эти хозяйственные органы самоуправления к их хозяйственной деятельности, запретив даже малейшие выступления по вопросам политики, как это значится в законе, — и сразу прекратится шум. Фрондирующая истерическая интеллигенция и корыстные промышленники перед твердой властью бессильны. Влияния на народ, который в эту тяжелую годину остается спокойным и честным, они не имеют никакого. Не дума нужна, а диктатура, государь.

(То же дело, л. 37.)

ТЕЛЕГРАММА ОТ 15 СЕНТЯБРЯ 1915 Г.

Общее собрание астраханской народной монархической партии постановило коленопреклоненно просить тебя, государь: беречь свое самодержавие, прекратить дерзостную революционную агитацию в столь тяжелое время городскими думами, земствами и биржевыми комитетами по указке главарей союза земств и городов; обуздать левую печать. Государственную думу не собирать. Назначить министром внутренних дел и его помощ-

никами людей решительных, деловых и верных монархистов. В случае продолжения смуты пригрози объявить страну на военном положении.

(То же дело, л. 38.)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «РУССКАЯ ПРАВДА» ОТ 7 ФЕВРАЛЯ 1910 Г.

Пора окончить «опыт».

Облик 3-й Госуд. думы окончательно выяснился. Это такое же зловредное гнездо, каким были обе первые думы. Разница лишь в том, что наполнявшие те две думы арестанты и каторжники действовали, как и подобало действовать арестантам и каторжникам, только что выпущенным из тюрем и посаженным в кресло «законодателей» русского народа; эта же дума, выношенное и выхоленное детище П. А. Столыпина, подкапывается, как крот, под то, что старались криками и наглостью разрушить те две.

Правительство третий год терпит это зловредное сборище и на что-то надеется. Пора оставить надежды. Ждать чего-либо от этих жидовских ублюдков (так как таковыми является по своему мирозерцанию большинство русской интеллигенции) не приходится.

Русскому народу, — подразумеваю стомиллионное крестьянство и мещанство, которое и есть подлинный русский народ, — не нужны в качестве законодателей люди, отдающие явное предпочтение интересам покоренных народностей перед интересами державного народа-хозяина; люди, отдающие 18 миллионов русских в Западном крае во власть ничтожной горсточки пришельцев-поляков; законодатели, низводящие наш великий государственный устой, православие, на уровень разных ересей, сект, жидовства и язычества.

Не издевательство ли над стомиллионным крестьянством, этим поильцем и кормильцем всей России, требование думы отнять от них свой крестьянский суд, лишить крестьянина права быть судьей и поставить крестьянскими судьями безбожников-краснофлажников и жидов! Это ли не цинизм! Некоторые говорят, что дума только, видите ли, поддерживает законопроект об упразднении крестьянских судов, как внесенный правительством. На это скажу: если бы дума была действительно народной, то она с негодованием отвергла бы этот «правительственный» законопроект и тем дала бы хороший урок правительству — вперед подобных законопроектов не вносить.

Последний случай с Марковым обрисовал во весь рост этих гнусных насильников и предателей, именующихся октябриями, кадетами и иже с ними и носящих глупое название «народных представителей».

Как раньше эти насильники зажали рот крестьянам-депутатам, хотевшим высказаться в защиту крестьянских судов, так на этот раз зажали рот людям, требовавшим от думы предателей высказаться за недопущение жидов быть судьями над крестьянами. Если всё это злое, что сделано последней думой, не есть открытое предательство и, как говорят некоторые, лишь теоретичность взглядов и непонимание народного духа и требований, то и в таком случае подобным людям недопустимо занимать подобающие места.

Продельывать «опыт» над 150-миллионной страной нельзя. А между тем опыты эти продельваются вот уже 5-й год. Единственный исход из нынешнего нестерпимого положения — это скорейший разгон гнезда предателей, именуемого 3-й думой октябристов. Опыт пора прекратить. Что делать — ясно. Надо создать из думы не собрание людей, борющихся за власть, а собрание людей, которые будут работать, как работали например люди в прежнем государственном совете; а для этого прежде всего надо изменить самое положение о Государств. думе. Раз это будет сделано, то можно не опасаться никакого избирательного закона, который надо изменить так, чтобы в думе было бы больше выборных от крестьян и мещан. Люди эти, как бы они ни были левы в хозяйственных вопросах, свое русское, родное, не продадут, да и продажи тогда опасаться нельзя будет, так как будут установлены пределы, которые будут иметь также громадное воспитательное значение для страны в смысле поднятия русского национального сознания и укрепления русских исторических устоев, превративших слабую разрозненную славянскую народность в могучее государство.

Н. Тиханович-Савицкий.

*(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства,
1915 г., № 110, л. 121.)*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИТЕТА АСТРАХАНСКОЙ ПАРТИИ ОТ 8 ФЕВРАЛЯ 1910 Г.

Всем монархическим союзам к сведению.

Постановление комитета астраханской народной монархической партии.

1) Поставить на вид старшему товарищу председателя государственной думы, князю Волконскому, члену союза русского народа, его, недопустимое для члена союза, поведение в деле при исключении из думы на 15 заседаний Маркова 2-го.

2) Настоять перед главным советом, чтобы он потребовал от члена союза русского народа, князя Волконского, состоящего старшим товарищем председателя государственной думы, объяснения относительно его поведения в деле об исключении из думы

на 15 заседаний Маркова 2-го, недопустимого для члена союза, и, если из объяснений кн. Волконского выяснится, что он действовал сознательно, то предложить главному совету исключить князя Волконского из членов по всему союзу, так как оставление всего того, что проделал князь Волконский, без наказания уронит дисциплину во всем союзе, а главный совет будет обвинен в нерадении и покровительстве.

3) Бить челом перед его величеством о роспуске 3-й государственной думы и об изменении положения о ней.

(То же дело, л. 122.)

ПИСЬМО Н. Н. ТИХАНОВИЧА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА А. Н. КУЛОМЗИНУ, ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1916 Г.

Ваше высокопревосходительство.

Общее собрание астраханской народной монархической партии, ознакомившись с возмутительной речью Гримма 9-го февраля, подрывающей самодержавие государя, авторитет правительства, науськивающей на него национальности, втягивающей в политику армию, было поражено тем, что вы допустили произнесение ее, чем допустили впервые осквернить стены государственного совета, поставив его в уровень с думой, где наглые, хулиганские речи уже стали обыкновением.

(То же дело, л. 124.)

ТЕЛЕГРАММА ЕГО ЖЕ УПРАВЛЯЮЩЕМУ МИНИСТЕРСТВОМ
ВН. ДЕЛ А. Д. ПРОТОПОПОВУ.

Надо изыскать способ для прекращения такого наглого языка, каким, например, Шингарев позволил себе говорить в думе с товарищем министра, или окончательно будет подорван авторитет власти. Вообще, чернь гогочет к удовольствию Родзянки.

(То же дело, л. 122-а.)

ТЕЛЕГРАММА ЕГО ЖЕ МИНИСТРУ ВН. ДЕЛ А. Д. ПРОТОПОПОВУ
ОТ НОЯБРЯ 1916 Г.

Депутата Караулова необходимо выбросить из армии, в которую он своими речами, как военный и казак, вносит соблазн. Этот опасный провокатор, прикрывающийся именем государя и втершийся в доверие походного атамана, явно подготавливает осуществление планов государственного переворота. Его речь первого ноября в государственной думе — не что иное, как сознательное возбуждение народных страстей против верховной власти. За Карауловым пойдет всё дурное в армии.

(То же дело, л. 265.)

САРАТОВСКИЙ И НИЖЕГОРОДСКИЙ СЪЕЗДЫ 1915 Г.

ЛИСТОК САРАТОВСКОГО СОВЕЩАНИЯ № 1.

№ 1.

Только для руководителей монархических организаций и правых деятелей.

Ко всем монархическим союзам и деятелям

от уполномоченного августовским совещанием представителей монархических организаций в г. Саратове председателя астраханской народной монархической партии Н. Н. Тихановича-Савицкого.

В то время, как дети и братья наши проливают кровь свою на полях битв, грудью отстаивая от кровожадного немца святую Русь; в то время, когда все помыслы и деяния наши должны быть направлены к одному — к неслыханной и скорейшей победе над свирепым врагом, — в это время внутри страны нашей большинство интеллигенции и наиболее самостоятельная часть торгово-промышленных классов, искусно направляемые партией ка-дэ, возглавляемые государственной думой и поддерживаемые левой и еврейской печатью, подняли в стране смуту, требуя различных внутренних преобразований, еврейского равноправия, помилования политических преступников, в их числе пятерых членов гос. думы, хотевших поднять бунт в армии, прекращения преследования вероотступников-штундистов, стоящих за Вильгельма, и возобновления газет и собраний мазепинцев, этих русских отщепенцев, шпионов австрийского императора.

Кроме того, руководители поднятой смуты рассчитывают тайне воспользоваться тяжелым положением страны, лишить государя самодержавной власти и передать управление государством в руки безответственных, собранных с бору да с сосенки, членов государственной думы. Они требуют назначения «пользующихся доверием страны», т. е. указанных ими министров из «своих людей», таких же губернаторов, дабы с их помощью совершить свое злое дело. Великое горе и опасность заключаются еще в том, что большое число простодушных, хороших людей, но не умеющих разобраться в сложной политической интриге и подкупленных словами и патристическими речами смутьянов, последовало за ними. Несмотря на неоднократные призывы государя к единению, несмотря на роспуск государственной думы, указывающий на неодобрение государем

и поведения думы и предъявляемых требований, люди эти продолжают волновать страну, мешая государю работать, и являются лучшими пособниками немцам, от внутренней борьбы с которыми они настойчиво и упорно отказываются. Помимо своих незаконных резолюций они уже подняли в различных местах бунты, и уже есть многие признаки, указывающие на повторение 1905 года.

Да будет им стыд и позор!

Монархические же союзы и все наиболее энергичные правые должны немедленно развить самую кипучую деятельность и вступить в решительную борьбу с поднятой смутой и пока:

1. Сейчас же приступить к сплочению на местах правой интеллигенции, дворянства, чиновничества, купечества, особенно тех из них, которые состоят городскими и земскими гласными, членами биржевых и родительских комитетов и вообще занимают такое положение, которое даст им возможность поднять протестующий против левых начинаний голос; пусть голос этот будет одинокий, но достаточно и того, что он раздастся.

2. Зорко следить за всеми проявлениями крамолы в государстве вообще и особенно на местах и решительно требовать от председателя совета министров, министра внутренних дел и военного, а также от местных властей, немедленного подавления ее.

3. Особенно зорко следить за местной печатью и настойчиво требовать недопущения возбуждающих против правительства и лживых статей, так как подобной настойчивостью только и можно будет добиться ее обуздания.

Совещанием уполномоченных монархических союзов, бывшим в Саратове 27 — 29 сего августа, мне поручено безотлагательно войти в сношения со всеми нашими союзами и деятелями с целью прекращения раздоров между ними и неуклонного и скорейшего объединения их для противодействия смуте и дачи приблизительных указаний, как действовать тем союзам, которые в этом нуждаются.

Что касается прекращения раздоров и объединения деятельности, то думаю, что от чудовищно постыдных и дерзких выпадов левых в эту тяжелую годину сердца монархистов вспыхнули и забили по всей необъятной России так же едино, как едино забили они и в 1905 году. Что же касается дачи указаний, как действовать, то даю их, согласуясь со взглядами, высказанными на совещании, и на основании опыта, выработанного деятельностью астраханской народной монархической партии.

Что делать монархическим союзам.

1. Тотчас же привлечите все имеющиеся как у вас в городе, так и в уездах монархические организации и правых деятелей

к немедленной, усиленной работе, помня, что отечество и государь в опасности.

2. Устраивайте общенародные собрания еженедельно — и спокойно, убедительно и толково разъясняйте в них происки левых.

Резких, а тем более ругательных выражений по отношению к левым ни в коем случае не употреблять; надо стараться, чтобы на собраниях было как можно больше стороннего народа, а резкие выражения будут отталкивать, а не убеждать.

3. Печатайте разъяснительные листки. Листки эти будут вам высылаться время от времени из разных городов от монархических союзов, по одному экземпляру. Перепечатывайте те из них, которые вы признаете нужными, и

а) раздавайте их в народе, расклеивайте;

б) рассылайте их бандеролями (за 1-коп. марку в городе и за 2-коп. марку в уезды) по адрес-календарю лицам, которым вы признаете нужным;

в) просите губернатора разослать их по 1—2 штуки в каждую деревню для наклейки на видном месте, с целью ознакомления с ними крестьян.

Печать, раздача и рассылка почтой обойдется вам каждый раз рублей 15 — 20 за 1000 листов, и на это вы должны найти денег непременно, так как дело это чрезвычайной важности; если не соберете среди своих, то заинтересуйте состоятельных, сочувствующих вам лиц, и они дадут. В год потребуется на это дело рублей 200 — 300; это сумма небольшая, а польза громадная, так как составленные понятно, коротко и появляясь изредка, они будут хорошо запоминаться населением.

Особенно желательна периодическая расклейка разъяснительных обращений.

Примечание. Те агитационные и разъяснительные листки, которые мы будем выпускать в Астрахани, я смогу послать вам по цене от 3 до 10 руб. за тысячу, смотря по величине, так что эти листки обойдутся много дешевле, чем те, которые будете перепечатывать сами; но мы можем послать их лишь в том случае, если на напечатание их будет у нас постоянно лежать ваш взнос 5 р. на 1000; при этом вы должны уведомить: не более скольких раз в месяц высылать вам листки и в каком количестве.

4. Объедините правых общественных деятелей вашей губернии.

Поручите уму, пользующемуся уважением лицу вашего союза переговорить с правыми гласными городской думы и земства, с членами биржевого и других обществ и собраний и сплотите их с тем, чтобы они могли опротестовывать мотивированными речами или в крайнем случае хотя демонстративным выходом или требованием баллотировки нежелательные для нас, с политической точки зрения, постановления вышеуказанных учреждений, дабы последние не могли утверждать, что их дерзкие

постановления (в роде поддержки резолюций московских думы, биржевого комитета и последнего съезда союза земств и городов) сделаны «единогласно», — это важно для общества. Кроме того, эти вначале одиноко протестующие голоса будут полезны уже тем, что во многие души забросят сомнение и подбодрят робких.

Примечание. Это предлагаю тем городам, в которых руководящую роль в гор. думах, земствах и т. п. захватили левые и, пользуясь разными, тонко изученными ими приемами и терроризируя несогласных, все дела вершат по-своему.

5. Старайтесь привлечь к себе народные массы, помня, что монархические союзы — преимущественно союзы народные:

а) поднимайте на своих общенародных собраниях животрепещущие вопросы;

б) требуйте от городских дум принятия мер для понижения цен на хлеб и другие предметы продовольствия.

Теперь городские думы занялись непредоставленным им делом — политической пропагандой: мутят страну и требуют, чтобы управление страной было бы передано «общественным деятелям»; ну, а так как городские думы состоят из «общественных деятелей», то вот вы и требуйте, чтобы они, вместо возбуждения народа, дали бы ему дешевый хлеб; а если не дадут, то идите в думу и требуйте, чтобы дали, как и они все требуют и угрожают бунтом. Хлопочите об этом и перед правительством;

в) просите от своих общенародных собраний губернаторов издать обязательные постановления о недопущении повышения цен на квартиры;

г) выслушивайте жалобы народа на городские думы, на земства, на полицию и вообще на его нужды и просите губернаторов защищать его и поддержать ваши ходатайства за него пред правительством.

6. Расположите к себе воинов.

а) Посещайте чаще в лазаретах раненых и беседуйте с ними (если вас вздумают стеснять в этом, то пожалуйте). Беседы с простыми людьми для раненых приятнее, чем с господами. Говорите, что вы — члены союза русского народа.

Интересуйтесь, не дают ли раненым читать левых газет и книг.

Узнавайте, чем они недовольны, и старайтесь просить за них.

б) Объявите на своих собраниях, чтобы жены и родственники ушедших на войну, в случае каких-либо несправедливостей, обращались бы к вам, и вы просите за них.

в) Просите председателя совета министров и военного, вследствие чрезмерного вздорожания жизни, незамедлительно увеличить в городах казенные пайки тем семьям воинов, которые не получают добавочных пособий от города или других мест.

г) Просите правительство об увеличении пенсии георгиев-

ским кавалерам, лишившимся вследствие ран трудоспособности, а также семьям убитых и проч., как это подробно указано в прилагаемых при сем «пожеланиях» саратовского совещания.

д) Подносите уходящим на войну воинским частям хотя недорогие иконы, с надписью: от такого-то союза.

7. Превратите всех своих старинных членов в старшин; чем больше, тем лучше.

Разделите город на участки или по приходам, в которых живущие в них старшины должны работать самостоятельно, собирая свои собрания и имея своего председателя; такая организация сильно развивает самостоятельность членов, укрепляет их и держит губернский совет в постоянной осведомленности через приходских председателей, которые должны или входить в состав совета, или непременно присутствовать на нем. И при помощи приходских старшин решения совета могут быстро и без огласки быть переданы по всему союзу.

Приходские старшины вербуют новых членов, собирают сведения о том, чем народ недоволен, дабы в пределах сил союза помочь ему; держат на примете лиц, ведущих в их приходе революционную пропаганду и пропаганду против войны, о мире, за скупку разменной монеты, меди и проч.; распускающих тревожные о войне и ложные о правительстве слухи, с целью встревожить и замутить народ.

Каждый приход должен выписывать хотя самую дешевую монархическую газету, чтобы знать правду.

8. Вступайте членами в революционные общества. Старшины, как наиболее стойкие, развитые и знающие, которых нельзя сбить, должны непременно записываться в общества, образуемые левыми для революционных целей, как-то: в рабочие союзы, общества приказчиков, трудовой помощи и т. п., а также в разные экономические о-ва, в которых обычно верховодят социал-демократы, с тем, чтобы следить за революционной пропагандой вожakov их, раскрывать ее членам этих обществ и поднимать свой разумный голос против вынесения революционных постановлений, дабы, если и не побудить этим и других выступить против, то хотя заронить в их душу сомнения.

9. Зорко следить за деятельностью городского и земского союзов и за их дружинами по возведению укреплений на фронте.

10. Следить за городскими думами, земствами, биржевыми и родительскими комитетами, клубами и т. п. учреждениями; всякие революционные выступления их и резолюции опротестовывать как перед населением, перед местной властью, так и перед правительством, а в случаях очень серьезных — и перед государем, настаивая на исполнении закона, не разрешающего этим хозяйственным органам местного самоуправления обсуждать политические вопросы.

11. Выбирать свидетельства на право ношения оружия.

12. Просить губернаторов о содействии.

По получении сего переговорите с вашим губернатором и просите его оказать вам содействие:

а) в скором удовлетворении ваших ходатайств о нуждах населения и по жалобам его, дабы этим поднять значение вашего союза в глазах населения;

б) в бесплатной рассылке ваших листов по всем деревням и селам и расклейке их там на видных местах для осведомления с содержанием их крестьян;

в) в выдаче свидетельств на право ношения оружия;

г) чтобы в момент выступления смуты на улицу оберег бы вооруженными силами соборную площадь, колокольни и церкви, в которых союзники соберут народ для противодействия бунтовщикам;

д) и вообще во всем, что будет способствовать поднятию значения вашего союза и прочих правых деятелей в глазах народа и общества.

13. Просите ваших архипастырей рассылать по всем сельским и городским церквам епархии заготовленные речи, соответствующие моменту, для прочтения их в церквах священниками.

14. Просите своих священников ежедневно в церквах и во время треб на дому указывать своим прихожанам на необходимость сосредоточить все свои помыслы на войне и на недопустимость возбуждения таких вопросов, которые могут вызвать в населении разногласия и раздоры.

Примечание. Всем губернаторам мною посланы едино-временно с этим просьбы о содействии монархическим организациям.

Как держаться с властями.

С властями держитесь деловито и почтительно. В близкие и дружеские отношения не входите, чтобы не быть стесненными в своих действиях. Без особой надобности не надоедайте. С личными просьбами никогда не обращайтесь. Кляуз не за-тевайте.

Не роняйте своего достоинства и уважения к вам.

Губернатора постоянно не стесняйте личными разговорами, по обычным делам; обращайтесь в таких случаях чрез правителя канцелярии.

Указывать населению неизменно:

1. Что все помыслы и действия населения должны быть направлены к одному — к непременной и скорейшей победе над свирепым врагом.

2. Что всякие преобразования внутренней жизни, вызывающие раздоры, а также забастовки и разные народные волнения

(даже из-за дороговизны), в теперешнее время равносильны помощи немцам, а значит — предательству и измене.

3. Что немцы сыпят деньги десятками миллионов, чтобы только поднять у нас смуту.

4. Что снарядов и ружей не хватило также и у наших союзников — французов. И у нас и у них запас снарядов был сделан очень большой; но немцы неожиданно для всех вдруг так стали засыпать снарядами, вынуждая к тому и нас, что припасенные нами более чем надо снаряды были израсходованы в 2 месяца. Французы же израсходовали все свои снаряды в 2 недели и в самом начале войны остались почти совершенно без ничего. Что сейчас везут к нам из Японии и из Америки много снарядов и есть надежда, что к весне их будет у нас не меньше, чем у немцев. А ружей не хватило у нас потому, что никто не мог даже представить себе, что будет поднята такая уйма народу.

5. Что левые: интеллигенция, богатые промышленные классы, синдикатчики, банки и евреи — хотят воспользоваться несчастьем России, войной со свирепым немцем, поднять смуту, чтобы лишить государя самодержавной власти, столь необходимой для простого народа, и передать ее в руки безответственного большинства членов Государственной думы, из которых будут набираться и министры; а затем, при помощи подкупных и безответственных членов государственной думы, издавать подходящие для себя законы для обирания населения, как это делается во Франции, в Америке и других парламентских странах.

Преступный заговор этот поддерживается большинством городских дум, земств и биржевых обществ. (А кто сидит там?)

6. Что решать какие-нибудь вопросы, касающиеся внутренних преобразований, мы сейчас даже не смеем, так как половина народа на войне и мы еще не знаем, как посмотрят на наши решения возвратившиеся домой воины.

7. На многочисленные случаи предательства и шпионства со стороны евреев в эту войну и на необходимость бойкотирования их, согласно посланному вам циркулярному предложению саратовского отдела русского народного союза имени Михаила архангела.

Просить государя.

К его величеству, возлюбленному государю нашему, должны обращаться с многократными и неотступными просьбами об одном и том же, как дети просят отца; из них сейчас главнейшие:

1. Чтобы государь берег свое самодержавие, столь необходимое для блага простого и бедного народа и для величия и могущества России, от покушения на него интеллигенции, богатых промышленных классов, синдикатчиков, банков, евреев и других.

Просите об этом при каждом случае. Стойте настороже.

Особенно сейчас велика опасность.

2. Об обуздании ужаснейшей язвы России — левой печати.

3. Большинство городских дум, земств и биржевых комитетов превратились в бунтовщические гнезда, идущие против воли государя, мешающие ему работать и волнующие население. Надо немедленно покончить с таким ненормальным и крайне опасным явлением и, во исполнение нарушенного закона, вернуть эти хозяйственные органы местного самоуправления к их хозяйственной деятельности, запретив им даже малейшие выступления по вопросам политики, для которой теперь есть партии, куда и могут идти политиканы писать свои резолюции, которые потеряют тогда всё свое значение.

4. О назначении твердых, деятельных и отменно правых министров и их помощников, особенно министров внутренних дел и народного просвещения.

5. О назначении таких же губернаторов.

6. О взятии в руки казны всех заводов и мастерских для усиленного изготовления на них снарядов, пулеметов, ружей и патронов в тех местностях, в которых военно-промышленные комитеты оказались малодеятельными (см. «пожелания саратовского совещания»).

7. О надежной охране армии и высшего начальствования от влияния левых интриганов, подобных Гучкову (см. «пожелания саратовского совещания»).

8. О надежной охране складов оружия, патронов, бомб внутри страны (см. «обращение к правительству» саратовского совещания).

9. Об увеличении пенсии героям, убитым и их семьям (см. «пожелания саратовского совещания»).

Обращаться к правительству с настойчивыми просьбами.

1. О том же, пункты 2, 3, 5, 6, 7, 8 и 9.

2. О принятии сплошных мер для борьбы с дороговизной, вызывающей народные волнения, столь желательные нашим врагам.

3. Об увольнении немцев со всех государственных должностей.

4. О неустанной борьбе с немецким засилием.

5. О невыселении евреев-беженцев во внутренние губернии.

6. И о прочем, указанном в «пожеланиях» и в «обращении к правительству» саратовского совещания.

На все попытки крамолы оказать давление на что бы то ни было, вы должны неукоснительно и тотчас же отвечать отпором, доступным вашим силам, и протестовать перед народом, местными властями и правительством.

Что делать,
если смута выйдет на улицу.

Просить государя:

1. Объявить всю страну на военном положении.
2. Назначить твердого, решительного диктатора, который в 2 — 3 дня покончил бы со смутой.
3. Закрыть все левые столичные газеты (в первую очередь «Русское слово», как наиболее распространенную), а провинциальные — конфисковать и передать в надежные руки (см. «обращение к правительству» саратовского совещания).

Просить губернаторов:

1. Оберечь сообщения: телеграф, почту, железные дороги, пароходства.
2. Занять немедленно вооруженной силой соборную площадь и церкви, куда соберут народ союзники для противодействия революционерам; а также гор. думу, земства, биржу, народный дом, аудитории, клубы, т. е. места собрания бунтовщиков в 1905 году.
3. Выдать союзникам оружие.
4. Арестовать по указанию союзников всех вожаков бунта, даже не вышедших на улицу.

Что делать самим.

Поднять народ по домам и набатом; взять из своих церквей кресты, иконы, хоругви и идти с царскими портретами и с пением «Спаси, господи, люди твоя» на соборную площадь, а там будет видно.

Здесь мною даны указания лишь для теперешнего тревожного времени. Если кто найдет еще что добавить, то прошу мне немедленно сообщить.

Правые, левые и еврейские газеты.

Правые: «Русское знамя», «Земщина», «Петроградские ведомости», «Голос Руси», «Русское чтение», «Сельский вестник», «Гроза», «Свобода и порядок» (последние две дешевые, по 1 коп., все издаются в Петрограде); «Московские ведомости»; военные: «Русский инвалид», «Армейский вестник».

Перевертни (перешедшие в левый лагерь): «Новое время», «Вечернее время», «Колокол» и отчасти «Свет».

Левые: «Русское слово», «Русские ведомости», «Утро России».

Еврейские: «Речь» и «Современное слово» (издаются евреями Гессеном и Ганфманом), «День» (издается евреем И. Кугелем), «Биржевые ведомости» (издается евреем Проппером), «Петроградский курьер» (издается евреем Нотовичем), «Копейка», «Всемирная панорама» и «Солнце России» (издаются евреями Катловкером, Коганом и Городецким), «Евреи на войне» (изд. общ. евреев), «Огонек» (изд. евреем Проппером), «Синий журнал» (изд. евреем Кугелем), «Театр и искусство» (изд. евреем Кугелем).

Дайте мне сведения:

1. Как зовут председателя вашего союза и его адрес.
2. Хорошо ли работает ваш союз или слабо. Сколько членов.
3. Какие еще монархические организации есть в вашем городе и в губернии.
4. Есть ли в вашей губернии выдающиеся, образованные правые работники, и если есть, то сообщите их имена и адреса.
5. Есть ли у вас правые в гор. думе, в земстве, в биржевом комитете, такие, которые могут открыто протестовать против левых; если есть — сообщите их имена и адреса.
6. Какая правая газета издается в вашем городе.
7. Хороши ли у вас губернатор и вице-губернатор; помогают ли они вам.
8. Какой у вас архиерей.
9. Какие у вас городской голова и председатели земских управ, городской и уездных, тоже предводитель дворянства.

Мы должны соединить нашу работу как можно скорее, и пусть наши непрерывные просьбы и наши правдивые слова летят к государю со всех концов России изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц. Пишите тоже Ивану Логиновичу Горемыкину.

Верю, что справимся с крамолой так же, как в 1905 году, и не допустим, чтобы из-за внутренних врагов немец погубил Россию.

Начинайте, братья. Призывайте к тому же ближайших к вам. И не сложим рук, пока не добьемся своего.

Клич идет сейчас по всей России.

Председатель астраханской народной монархической партии Н. Тиханович-Савицкий.

Письма адресовать мне так: г. Астрахань, председателю астраханской народной монархической партии, Нестору Николаевичу Тихановичу-Савицкому.

ТО ЖЕ, ЛИСТОК № 2.

Обращение к правительству,

принятое совещанием уполномоченных монархических организаций в г. Саратове 27 — 29 августа.

То настроение, которое создают теперь левые, явно способствует немецкой победе.

Кроме того, всё поведение левых указывает на то, что вожаки их рассчитывают воспользоваться несчастьем родины и повторить 1905 год.

К этому ведут все их речи, предложения и действия в гос. думе, в печати и в собираемых ими разных съездах и незаконных совещаниях, дерзостные попытки вмешиваться в то, что подлежит лишь ведению верховной царской власти, и т. д.

Правительство должно вспомнить 1905 г. и бросить политику уступок, так как от уступок левые еще более смелеют и предъявляют еще большие требования.

Правительство не имеет права передавать благополучие русского народа и будущность России в руки людей беспочвенных, от народа оторванных, не понимающих его мирозерцания, всеми силами добивающихся навязать несвойственные ему, а значит — вредные для него формы правления. Такими людьми является большинство нашей интеллигенции, не могущей даже своих дел устроить, как следует, а не только управлять государством, и за спиной которой стоят синдикатчики, банки, разные промышленники и богачи, рассчитывающие при помощи подкупных и безответственных депутатов (членов гос. думы) издавать подходящие для себя законы для обирания населения, как это мы видим во Франции, Америке и других парламентских странах. Поддержку смуты и забастовок со стороны богачей мы уже видели у нас в 1905 г.

В виду всего вышеизложенного:

1) Правительство должно быть твердым и быть настороже.

2) Заблаговременно должны быть даны указания губернаторам, как действовать, чтобы в самом начале подавить попытки к забастовкам на телеграфе, почте, железных дорогах и проч. (прежде всего следует оберечь сообщения).

3) Печать, особенно провинциальная, почти вся в руках левых и евреев. На это могучее оружие для возбуждения недовольства и смуты (1905 г.) должно быть обращено особое внимание, а если начнется смута, то руководящие ею, преимущественно столичные левые газеты должны быть немедленно закрыты, а провинциальные отобраны у их владельцев и переданы в надежные руки.

4) Левые, пользуясь войной, стремятся разными способами войти в дружеские отношения с высшими военными властями

как в столице, так и на местах, а также расположить к себе армию.

5) В виду этого необходимо, чтобы на ответственных военных постах внутри империи стояли люди, не только верные царю и монархии, но и твердые. Склады оружия, патронов, военные мастерские и т. п. должны находиться под верной охраной. Поездки на фронт лиц неблагонадежных, принадлежащих к неразрешенным партиям, хотя бы и состоящих депутатами государственной думы, не должны быть разрешаемы.

6) Правительство должно помнить, что в России нет силы, могущей открыто побороть царскую власть, что все так называемые «народные движения» искусственны, поддерживаются наихудшими людьми и подавить их ничего не стоит. Фрондирующая кадекствующая интеллигенция дерзка, но труслива; социалисты более смелы, но их такая ничтожная кучка, что только растерянностью и бездеятельностью правительства может быть объяснено их влияние на учащуюся молодежь и на рабочих, с которыми они находятся в неестественной связи.

7) Если левые опять затеют смуту, по примеру октября 1905 года, то правительство не только не должно мешать правым поднять противосмутное движение, как оно это делало в 1905 г., а напротив, оно должно вооружить всех монархистов; а теперь, не медля, сделать распоряжение выдавать им свидетельства на право ношения оружия беспрепятственно.

8) Правительство не должно забывать, что, для поднятия смуты с целью переворота, всероссийские земский и городской союзы располагают колоссальными казенными суммами, что в некоторых местах в руках военно-промышленных комитетов находится изготовление бомб и проч. силами учеников технических и других училищ.

9) Предоставление всероссийскому земскому и городскому союзам права образования дружин для возведения укреплений на фронте, с освобождением поступивших в эти дружины от службы в войсках, должно быть немедленно отменено, так как дружины эти, по данному вожаками вышеназванных союзов сигналу, превратятся в революционные банды, которые поднимут смуту в тылу войск и возмущение в городах. Образование этих дружин и распоряжение ими должно быть сосредоточено в руках военного начальства.

П о ж е л а н и я ,

выраженные совещанием уполномоченных монархических организаций в г. Саратове 27 — 29 августа 1915 г.

1) Действия правительства, разных государственных учреждений, властей, печати, общественных деятелей, промышленных предприятий, а также все помыслы русского населения

и верных ему инородцев — должны быть направлены к одному: к неслыханной и скорейшей победе над свирепым врагом, ворвавшимся в наше отечество. Всё, мешающее этому, должно беспощадно устраняться.

2) Произнесение в государственной думе митинговых речей, возбуждающих население против правительства, недопустимо. Преступно в тревожное время вселять недоверие к власти и этим вносить в население растерянность, упадок духа и смуту. Критиковать действия правительства должно спокойно и убедительно. И такая критика ободряла бы население и внесла в него уверенность. Между тем гос. дума за эти 1½ месяца не только не внесла в страну успокоения, но растревожила ее до последней степени. Гос. дума была пособником нашему врагу, лучшим, чем вся его артиллерия. Особенно возмутителен и преступен был вожак партии ка-де Миллюков 25 августа. Это был призыв к бунту рабочих и армий. Особое неразумие и непригодность к вершению государственных дел выказали члены госуд. думы и гос. совета, образовавшие так называемый «прогрессивный блок», осуществления программы которого все немцы ждут с затаенным, радостным трепетом, как верную победу свою; а потому госуд. думу, не оправдавшую возложенных на нее государем задач и надежд страны, а превратившуюся в очаг раздора и возбуждений, не только в военное, но и в мирное время недопустимых, необходимо немедленно распустить, с неслыханным указанием населению причин ее роспуска.

3) Одновременно с роспуском думы необходимо вручение власти лицу, облеченному неограниченными полномочиями, дабы оно, стоя твердо на страже исторических устоев Русского государства, в корне пресекло всякие попытки к смуте.

4) Деятельность министров должна быть сосредоточена исключительно на вопросах, касающихся войны и скорейшей победы, а не на преобразованиях, могущих лишь возбудить партийные раздоры.

5) Надо прекратить сообщения газетами разных необоснованных, выдуманных и преувеличенных слухов, нарочно печатаемых для возбуждения населения, с целью держания его в постоянной тревоге и недоверии к власти.

6) Евреи, распускающие о войне и о мире тревожные слухи, и вообще как племя, вечно возбуждающее тревогу, недовольство и зарекомендовавшее себя, особенно в эту войну, предательством и шпионством, должны быть по возможности изолированы от прочего населения и подвергнуты строгому надзору.

Евреев-беженцев и евреев, выселяемых из опасения их предательства и шпионства из района военных действий, следует сосредоточить в гг. Баку, Эривани, Шуше, Тавризе, Тифлисе, Александрополе, Ахалцыхе, Ахалкалаки, в которых население не так легко поддается их засилию, а не высылать во внутрен-

ние губернии, где от них страдает слабое русское население.

7) В виду слабой деятельности и выяснившейся теперь полной неспособности к этому делу военно-промышленных комитетов, взять в руки казны все частные заводы, фабрики и мастерские, могущие изготовлять оружие, снаряды и всё необходимое для снабжения войск боевым материалом. Ответственное руководство этими заводами, фабриками и мастерскими в каждой губернии поручить особо назначенному лицу, специалисту, снабдить его широкими полномочиями; причем как это лицо, так и все рабочие и служащие считаются состоящими на военной службе и подчиняются военной дисциплине.

Рабочие и служащие казенных заводов должны быть также милитаризованы.

8) Закрывать вывоз предметов продовольствия и всего способствующего военному снаряжению и укреплению наших врагов в те нейтральные страны, из которых вышеозначенное может ко врагам нашим проникнуть.

О том же просить наших союзников, прося, кроме того, усилить блокаду берегов Голландии, Дании, Норвегии, Швеции, датских проливов, Греции и Болгарии, не допуская в эти страны ввоза свыше действительной потребности.

9) Дабы еще выше поднять дух наших героев, надо немедленно провести закон о вполне достаточной, пригодной для безбедного существования, пенсии всем раненым, лишившимся трудоспособности, а также семьям убитых и всем, которые существовали на средства их, также георгиевским кавалерам, и единовременном пособии тем хозяйствам воинов, которые совершенно расстроились за отсутствие работника. Конечно, означенное можно будет провести в широких размерах лишь по взыскании с побежденного врага достаточного военного вознаграждения.

(То же дело, л. 38.)

ТО ЖЕ, ЛИСТОК № 3.

От совещания уполномоченных монархических организаций, состоявшегося в г. Саратове 27 — 29 августа 1915 г.

Члены монархических организаций!

В кровавые дни смуты 1905 — 1906 гг. вы приняли на себя святое дело защиты православной веры, престола царя-самодержца, интересов русского народа.

Средь бурь забастовок, кровавых бунтов и уличных беспорядков, угрожаемые браунингами революционеров, под злобный свист и змеиное шипение купленных жидами газет, вы бесстрашно вершили это святое дело. И многие из вас запечатали свою кровью преданность тому, что берегли и за что умирали ваши отцы и деды.

Ныне близятся еще более страшные дни.

В пределы родины вторгся жестокий и беспощадный враг. Внутри страны ожила крамола и, в помощь внешнему врагу, готовится схватить за горло историческую власть.

С кафедры государственной думы льются революционные и бунтовнические речи. Левая печать поносит и высмеивает всё, что дорого русскому сердцу. Во внутренние города России хлынули сотни тысяч жидов, природных шпионов, смутьянов, агитаторов и ненавистников русского народа. Старые предатели, ка-деки, мобилизовавшись в городском и земском союзах, некоторых военно-промышленных комитетах и общественных самоуправлениях, вырвав у правительства, под предлогом помощи раненым и снабжения армии, громадные средства, спешно готовят революцию, требуют равноправия своим союзникам-жидам, вербуют кадры агитаторов, грозят правительству, — если оно не передаст власть в грязные кадетские руки и если закроет от алчных хищников казенные сундуки, — уличными беспорядками, и кое-где уже начали эти беспорядки.

А где же в эти дни кануна новой смуты ваши монархические организации, верные присяге русские люди? Отчего не слышно вашего голоса?

Да раздастся этот голос!

Да поднимется, как и встарь, русский народ стеной вокруг престола самодержца-царя и православных храмов!

Да затрепещут вновь крамольники!

Приспело время готовиться на удары отвечать ударами.

Собирайтесь с силами, русские люди, объединяйтесь.

С целью помочь объединению сил монархических организаций в борьбе с начинающейся смутой, совещание уполномочило председателя астраханской народной монархической партии, Нестора Николаевича Тихановича-Савицкого, образовать бюро для содействия взаимному общению монархических организаций, рассылки им руководственных сообщений и проч.

Считая же, что делу единения сил монархических организаций мог бы помочь созыв всероссийского совещания их уполномоченных, совещание 27 — 29 августа поручило Николаю Николаевичу Родзевичу, председателю одесского союза русских людей (Одесса, улица Новосельского, 94) возбудить ходатайство о разрешении этого совещания и войти по поводу его в сношение со всеми монархическими организациями.

Телеграмма государю императору,
отправленная совещанием уполномоченных монархических организаций, состоявшимся в Саратове 27 — 29 августа.

Действующая армия. Царская ставка. Его императорскому величеству, государю императору, самодержцу всероссийскому.

Возобновляя активную деятельность в виду тяжелых обстоятельств, угрожающих новой революционной вспышкой, монархические союзы, приславшие своих уполномоченных для совещания в Саратове, узнали с чувством глубокого благоговения о принятии тобой, государь, водительства бранными силами России. Вера твоя в милость Божию и конечную победу есть вера всего русского народа, пока он видит, что власть в единых руках царских.

Но боимся мы, государь, что за время твоего отсутствия правительство не справится с предательством интеллигенции и промышленных классов, стремящихся ради своей корысти использовать тяжелое положение России и вырвать из рук твоих самодержавную власть.

Намерения эти ярко выразились в постановлениях разных съездов и организаций. Пошатнется власть царская—и погибнет Россия, разодранная партийными распрями, а русский народ будет рабом других народов.

Государь, власть нуждается в сильных и твердых руках человека, который смог бы по твоему приказанию, во время твоего отсутствия, пресечь яд революционной смуты, главным возбудителем которой является левая печать и, к сожалению, государственная дума. За последние дни она стала гнездом крамолы и революции, устами Милюкова и других проповедуя возмущение и насильственный переворот. Это недопустимо, незаконно и возмущает весь твой верноподданный народ.

Государь, если не желаешь гибели России, береги свое самодержавие, помня, что нет такой силы, которая могла бы поколебать престол царский, если того не попустит сам царь.

С подлинным верно: Председатель совещания Н. Тихменев. Секретарь Н. Родзевич.

(То же дело, л. 37.)

ЛИСТОК ТОГО ЖЕ СОВЕЩАНИЯ, ОБРАЩЕНИЕ К ГУБЕРНАТОРАМ.

На правах рукописи.

Генерал-губернаторам, начальникам областей, губернаторам и градоначальникам.

От уполномоченного августовским совещанием представителей монархических организаций, съехавшихся в г. Саратов.

Ваше превосходительство. Съехавшиеся в конце августа с разных концов России на совещание в г. Саратов представители монархических организаций постановили: призвать все монархические союзы и правых деятелей к самой усиленной работе, для оказания противодействия, по мере сил своих, преступной смуте, поднятой левыми в тяжелое для государства время; а ко всем генерал-губернаторам, начальникам областей, губер-

наторам и градоначальникам обратиться с горячей просьбой оказать всем монархическим организациям и правым деятелям в их генерал-губернаторствах, областях, губерниях и городах содействие, в рамках законности, их противореволюционной деятельности, которое может заключаться:

1) в скором удовлетворении ходатайств монархических организаций о нуждах населения и жалоб его, дабы этим поднять значение сил организации как в глазах народа, так и общества, и тем содействовать влиянию их на народные массы;

2) в рассылке по всем селам и деревням губернии листов с обращениями и разъяснениями, выпускаемых монархическими организациями, и расклейки их там на видном месте для ознакомления с содержанием их крестьян; а также в распространении среди войсковых частей и по лазаретам в городе и в уездах тех из этих листов, содержание которых для сего окажется подходящим;

3) в нравственной поддержке всех правых, открыто выступающих в гор. думах, земствах, биржевых обществах, родительских комитетах и т. п. против революционных происков левых;

4) в выдаче свидетельств на право ношения оружия;

5) и вообще во всем, что будет способствовать поднятию значения монархических организаций и правых деятелей в глазах народа и общества.

6) Если левым всё-таки удастся повторить 1905 год, то прежде всего:

а) оберечь сообщения: телеграф, почту, железные дороги, пароходства;

б) не мешать монархистам поднять набатом с колоколен народ;

в) занять немедленно вооруженной силой соборную площадь и церкви, куда монархисты соберут народ для противодействия бунтовщикам. Выступление народа произведет неизмеримо большее впечатление, чем выступление войск. Но при этом желательно, чтобы действия монархических организаций были бы согласованы с указаниями начальника губернии, о чем первые и будут уведомлены;

г) занять вооруженной силой помещение гор. думы, земств, биржу, народные дома, аудитории, клубы, которые в 1905 г. служили сборищем бунтовщиков;

д) выдать монархистам оружие;

е) арестовать по указаниям монархистов всех вожakov бунта, даже не принявших в беспорядках видимого участия.

Уполномоченный совещания, председатель астраханской народной монархической партии Н. Тиханович-Савицкий.

РАПОРТ ХЕРСОНСКОГО ГУБЕРНАТОРА ОТ 15 ОКТЯБРЯ 1915 Г.
НА ИМЯ УПРАВЛЯЮЩЕГО МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

Представляя при сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства полученные мною от уполномоченного августовским совещанием представителей монархических организаций, съехавшихся в гор. Саратове, печатные листки с призывом всех монархических организаций к активной борьбе с их политическими противниками, имею честь доложить, что, согласно распоряжению главного начальника одесского военного округа и генерал-губернатора, мною приняты меры к недопущению распространения такого рода листов и воззваний среди населения губернии, как возбуждающих одну часть населения против другой.

(То же дело, л. 34.)

ПИСЬМО ИРКУТСКОГО ГЕН.-ГУБЕРНАТОРА, ОТ 19 ОКТЯБРЯ 1915 Г.,
НА ИМЯ ТОВ. МИН. ВН. ДЕЛ С. П. БЕЛЕЦКОГО.

Милостивый государь,
Степан Петрович!

17 сего октября по почте мной получен печатный экземпляр обращения к генерал-губернаторам, начальникам областей, губернаторам и градоначальникам от уполномоченного августовским совещанием представителей монархических организаций, съехавшихся в Саратове, председателя Астраханской народной монархической партии, г. Тихановича-Савицкого, с просьбою об оказании всем монархическим организациям и правым деятелям содействия, в рамках законности, их противореволюционной деятельности, которое может состоять: в скором удовлетворении ходатайств монархических организаций о нуждах населения и жалоб его, в распространении среди крестьян, войсковых частей и по лазаретам выпускаемых этими организациями листов с обращениями и разъяснениями, в нравственной поддержке всех правых против революционных происков левых, в выдаче свидетельств на право ношения оружия, и вообще во всем, что будет способствовать поднятию значения монархических организаций и правых деятелей в глазах народа и общества.

Независимо сего, «если левым всё-таки удастся повторить 1905 год», местные власти приглашаются оберечь средства сообщения, не мешать монархистам поднять набатом с колоколен народ, занять немедленно вооруженной силой соборные площади, церкви, помещения городских дум, земств, бирж, клубов и другие, служившие в 1905 году сборищем бунтовщиков, выдать монархистам оружие и, наконец, арестовать по их указаниям всех вожаков бунта, даже не принявших в беспорядках видимого участия.

К этому обращению приложены: «Обращение ко всем монархическим союзам и деятелям», «Обращение к правительству», «Пожелания и всеподданнейшие телеграммы саратовского совещания».

Чрезвычайные обстоятельства настоящего времени вынуждают меня отнестись с самым серьезным вниманием к упомянутому обращению г. Тихановича-Савицкого.

Переживаемый нашим отечеством тяжелый момент, когда все усилия правительства и общества должны быть направляемы к цели скорейшего одоления внешних врагов, возлагает на власть административную сугубую обязанность поддержания полного спокойствия внутри империи.

К числу местностей, требующих особой заботы о сохранении внутреннего порядка, принадлежит и высочайше вверенное мне Иркутское генерал-губернаторство в виду переполнения последнего неблагонадежным элементом из ссыльных разных категорий, водворенных в крае и водворяемых вновь в огромном числе.

Между тем, обращения и пожелания, принятые совещанием уполномоченных монархических организаций в Саратове, представляются, по мнению моему, не только совершенно неуместными, но и явно опасными для общественного спокойствия: неуместными потому, что в них заключается в сущности та же дерзостная попытка вмешательства в действия верховной власти и поставленных ею центральных и местных властей, в каковой совещание обвиняет левые партии: угрожающими спокойному течению внутренней жизни, — ибо совещание, присвоив не принадлежащее частным лицам и даже организациям право давать советы и указания властям, долженствующим без того знать и исполнять свои обязанности, может подобными действиями само вызвать лишь возбуждение в народных массах, недоверие и враждебное отношение населения к правительству, которое то же совещание позволяет себе упрекать как бы в попустительстве революционерам. Такого рода воззваниями, взамен достижения патриотических целей, будут достигнуты как раз обратные результаты, могущие быть использованными революционными партиями в их преступных видах.

По сим соображениям и предполагая, что обращения г. Тихановича-Савицкого разосланы также губернским начальникам Восточной Сибири, я признал необходимым одновременно с настоящим письмом подтвердить подведомственным мне гг. губернаторам о немедленном пресечении всяких попыток возбуждения населения, от каких бы политических партий таковые попытки ни исходили.

О вышеизложенном, с препровождением полученного мною печатного материала, считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства.

ПИСЬМО ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА А. А. САЛТЫКОВА, ОТ 9 ДЕКАБРЯ 1915 Г., НА ИМЯ МИН. ВН. ДЕЛ А. Н. ХВОСТОВА.

Астраханской народной монархической партией рассылаются волостным правлениям вверенной мне губернии экземпляры обращений председателя этой партии, Нестора Николаевича Тихановича-Савицкого, к его императорскому величеству государю императору, правительству и населению о сохранении существующего государственного строя, о всемерной борьбе с крамолой и проч.

Представляя при сем полученную агишевским волостным правлением вверенной мне губернии литературу подобного рода, прошу соответствующих по сему предмету указаний вашего высокопревосходительства.¹

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1915 г., № 110, л. 81.)

ОТВЕТ И. Д. ДИРЕКТОРА ДЕП. ПОЛ. К. Д. КАФАФОВА, ОТ 9 ФЕВРАЛЯ 1916 Г., НА ПРЕДЫДУЩИЙ ЗАПРОС.

Вследствие сообщения от 9 декабря минувшего года за № 2524 департамент полиции, по приказанию г. товарища министра внутренних дел сенатора Белецкого, имеет честь уведомить ваше превосходительство, что если рассылаемая монархическими партиями литература по содержанию своему не противоречит требованиям закона, то, казалось бы, нет достаточных оснований предпринимать против них какие-либо меры.

(То же дело, л. 92.)

ТЕЛЕГРАММА ИЗ НИЖНЕГО-НОВГОРОДА, ОТ НОЯБРЯ 1915 Г., НА ИМЯ С. П. БЕЛЕЦКОГО.

26 ноября, в шесть часов вечера, в зале городской думы, после молебствия о даровании побед, совершенного епископом Иоакимом в сослужении многочисленного духовенства, в присутствии губернатора Гирса, при большом числе съехавшихся и массе публики, открыто совещание уполномоченных монархических организаций и правых деятелей. Пред молебном владыка обратился к съезду с приветствием и призывом сплотиться и в единении отстаивать исторически сложившиеся устои государственности: православие, самодержавие и национальное самосознание. После обычного многолетствия, избраны председателями съезда — действительным Пасхалов и почетным Дубровин, почетными членами съезда епископ Иоаким, губернатор Гирс и Марков 2-й. Губернатор, приветствуя съезд, провозгласил здравицу

¹ На отношении пометка: «Доложено г. товарищу министра. Приказано: Раз эти обращения не являются преступными по содержанию, то к распространению их препятствий не встречается. 19 — 1». *Ред.*

государю, покрытую восторженными кликами «ура» и троекратным исполнением гимна. Съезд просил губернатора повергнуть к стопам его величества верноподданнические чувства. Были посланы приветственные телеграммы председателю совета министров, министру внутренних дел, митрополитам Владимиру и Макарию и Щегловитову, а семье почившего Дурново выражено соболезнование. Пасхалов в краткой речи выяснил деятельность желтого блока, вызвавшую необходимость борьбы с ним со стороны правых. Дубровин призывал забыть личные счеты, объединиться и бороться с надвигающеюся смутою. Марков 2-й разъяснил сущность организации прогрессивного блока и требования министерства, облеченного доверием страны, и познакомил с резолюциями петроградского съезда монархистов. Работа по секциям назначена на 27 ноября. В 10 часов утра торжественная панихида у гробницы Минина. Все речи произвели глубокое впечатление. Настроение участников восторженное. Чувствуется искреннее объединение и единомыслие с петроградским съездом.

(Дело департамента полиции, 9-го делопроизводства, 1915 г., № 244, лл. 200 — 202.)

ДОКЛАД И. Д. ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ, ОТ 19 ДЕКАБРЯ 1915 Г., НА ИМЯ МИНИСТРА ВН. ДЕЛ А. Н. ХВОСТОВА.

На состоявшемся всероссийском совещании монархических организаций и правых деятелей в Нижнем-Новгороде 26 — 28 минувшего ноября, по вопросу о современном политическом положении, совещание единогласно и всецело присоединилось к постановлениям петроградского частного совещания монархистов, состоявшегося в конце минувшего ноября месяца.

Кроме того, совещание постановило:

1. Просить министра юстиции, как генерал-прокурора, возбудить против лиц, входящих в состав прогрессивного блока, уголовное обвинение, так как «блок» является орудием междонародного заговора против России и так как лица, входящие в состав блока, пользуясь переживаемыми нашей родиной военными затруднениями и не останавливаясь даже перед сношениями с украинскими, руководимыми враждебной нам державой, организациями, задумали изменить существующий в России государственный строй.

2. Признать украинофильство («мазепинцы») явлением крайне опасным, имеющим в виду расчленив Русь, чтобы воссоздать «украинскую» народность, и не допускать существования украинской литературы, украинских книжных магазинов («книгарен»), комитетов помощи беженцам-украинцам и каких бы то ни было учреждений, поддерживающих и развивающих это пагубное движение.

3. Обратить внимание на «Общегородской» и «Общеземский» союзы, которые в настоящее время проявляют непомерную расточительность, вносят пропаганду в армию и на своих собраниях обсуждают политические вопросы, касаясь даже основных законов.

4. Усилить надзор за «военно-промышленными комитетами», которые не снабжают армию боевыми припасами, а занимаются политическими вопросами, содействием уклонению от воинской повинности и покровительством немцам и евреям, играющим видную роль в комитетах.

5. Не допускать в заседаниях городских и земских собраний обсуждение политических вопросов; постановления их политического характера должны быть опротестованы губернаторами и градоначальниками; и

6. Принять меры к собранию и опубликованию сведений о деятельности монархистов на нужды войны, так как из левого лагеря раздавались возмутительные, лживые упреки по адресу правых в равнодушии к нуждам армии.

По экономическим вопросам совещание вынесло резолюцию:

1) Произвести ревизию банков и иных акционерных предприятий и, под страхом уголовного наказания, воспретить им немедленно выдавать ссуды под товары свыше 50% их действительной стоимости, реквизируя находящиеся запасы.

2) Установить общегосударственную таксу на предметы первой необходимости для оптовиков и других торговых фирм.

3) Ходатайствовать о предоставлении права монархическим организациям свободно открывать потребительские кредитные товарищества с доступным для них государственным кредитом.

4) Просить об открытии скотопрогонных трактов и о свободной продаже мяса, независимо от городских скотобоев, производя ветеринарный осмотр на местах продажи.

Что касается других пожеланий, вынесенных тем же совещанием, то из них наиболее заслуживают внимания следующие:

1) Улучшить материальный быт учителей церковно-приходских, земских и общественных школ.

2) Обратить самое серьезное внимание министерства народного просвещения на учебники, которые издаются для низших школ, дабы учебные пособия непременно соответствовали целям и задачам строго национальной русской школы.

3) Предложить министерству самому озаботиться выработкой программ для средних учебных заведений.

4) Усилить внешкольный надзор за учащимися.

5) Ввести обязательное обучение военному строю.

6) Потребовать, чтобы педагогический персонал был исключительно православного исповедания, причем выкресты-евреи не могут быть преподавателями.

7) Немедленное уничтожение родительских комитетов.

8) Уничтожить автономию во всех высших учебных заведениях.

9) Категорически запретить студентам входить в какие бы то ни было политические организации и заниматься какой бы то ни было политикой.

10) Никакие нелегальные студенческие кружки не должны быть допускаемы.

11) Воспретить всякие сборища посторонних лиц в зданиях высших учебных заведений и др.

По вопросу о борьбе с еврейским и немецким засильями съезд признает желательным:

1) Просить государя императора в законодательном порядке через государственный совет и думу провести закон об обязательном преподавании науки по обличению талмудического жидовства во всех низших, средних и высших учебных заведениях Российской империи, особенно же в православных духовно-учебных заведениях, с обязательным изучением жидовского языка.

Сообразно с этим желателен пересмотр государственных законов о жидовстве и признание его изуверной религией, губящей христианские царства.

2) Чтобы достояние православной России, т. е. земля Русская, ни одной пядью своей не могла принадлежать немцам и жидам, а для этого необходимо:

а) немедленное отобрание в ведение крестьянского банка земель, находящихся в пользовании немцев;

б) все привилегии, данные немцам в России, должны быть ныне и впредь отняты ради спасения родины;

в) особое отношение со стороны Русского государства к протестанству, как к ереси, и

г) уволить всех протестантов, состоящих ныне на государственных должностях...

Об изложенном имею честь доложить вашему высокопревосходительству.

(Дело департамента полиции, 9-го делопроизводства, 1915 г., № 244, лл. 295 — 297.)

РЕЗОЛЮЦИЯ «СЕКЦИИ ПО БОРЬБЕ С ЖИДОВСКИМ ЗАСИЛЬЕМ» НИЖЕГОРОДСКОГО СЪЕЗДА.

Обсудив доклады, заслушанные в секции, признано, какие мероприятия считать желательными для борьбы, во-первых, с жидовским засильем.

Обратить внимание правительства, государственного совета, государственной думы и всего православного русского общества на тот поразительный факт, что талмудическое иудейство, именуемое жидовством, составляет «terra incognita». В зависимости от этого стоит и законодательство в отношении жидовства, этой изувернейшей, по талмуду, из религий.

Для избежания столь величайшего и ужасного по своим последствиям недоразумения, происходящего от смешения талмудического жидовства с древним ветхозаветным, благочестивым иудейством, просить государя императора в законодательном порядке, через государственный совет и государственную думу, провести закон об обязательном изучении науки по обличению талмудического жидовства во всех низших, средних и высших учебных заведениях Российской империи, особенно же в православных духовно-учебных заведениях, с обязательным изучением жидовского языка.

Сообразно с этим желателен пересмотр государственных законов о жидовстве и признании его изуверной религией, губящей христианские царства.

Предварительной к этому мерой желательно считать солидно и основательно составленный научный доклад правительству о том, что такое талмудическое жидовство.

Далее, желательно создать в среде правых организаций общества изучения талмудического жидовства.

Организовать краткосрочные курсы для изучения талмудического жидовства (жидоведение).

Создавать общества для ограждения правых деятелей и русского народа от бойкота правды со стороны жидов, совершаемого ими путем печати в государственных служебных областях жизни и в экономическо-бытовом строе ее.

Обратить внимание правительства на противозаконное смешение понятий о деятельности православных священников и талмудических раввинов, освобождаемых от присяги во время судебных разбирательств.

Воспрещение жидам-талмудистам занимать начальственные должности и иметь у себя в подчинении православных русских.

Недопущение жидов-талмудистов к занятию должностей по министерству юстиции христианской, как отрицаемой по существу талмудическим жидовством. Талмудисты-жиды адвокатами могут быть только для своих единоверцев.

Умолять государя императора освободить православные русские школы всех типов от обучения в них детей жидов-талмудистов, развращающих православно-русскую школу в моральном и национальном отношениях, и предоставить жидам-капиталистам позаботиться о воспитании и образовании своих детей в школах под контролем государственных православных чиновников, специалистов по жидоведению.

Желательно раскрытие перед правительством и обществом тайны тулмудическо-жидовской, как государство в государстве, административно-политической и экономической системы и принятие мер благовременной борьбы с нею, включительно до применения к жидам-талмудистам, предателям и изменникам, законов военного времени со стороны правительства, дабы в случае

его бездействия не допустить выступлений уголовных со стороны народа.

Ближайшими мерами для борьбы с этой жидовской системой должны быть:

а) освобождение имперского государственного банка от обязанности субсидировать жидов-талмудистов, их банки и их торгово-промышленные предприятия;

б) обращение внимания высшей государственной власти на возмутительную дерзость, возмущающее православный русский люд допущение жидов-талмудистов к участию в деятельности и пользованию капиталами, а также правами служебными, одеждой форменной военного времени и почестями и властью офицерского звания, каковыми жида-талмудисты пользуются по службе своей в общеземском и общегородском союзах, в российском обществе Красного креста, в комитете ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны для помощи населению, пострадавшему от бедствий войны, и в романовском комитете для призрения сирот сельского состояния, особенно в виду того, что три последние учреждения пользуются кружечным сбором в православных храмах;

в) не давать особым из казны пособий жидам-талмудистам, пользующимся эвакуацией беженцев из мест, занимаемых врагом, как средством территориального и экономического захвата православной России в цепкие руки упомянутой системы жидовской, бесстыдно издевающейся над православными русскими беженцами и населением мест, предаваемых ими неприятелю со всем имуществом, фуражем, гуртами скота и хлебными запасами, а в центрах России, систематически заселяемых жидами, подавляющих торгово-бытовую промышленно-экономическую жизнь русского обывателя;

г) установление со стороны монархических организаций бдительного надзора за жидами-беженцами, ради немедленного пресечения всех их губительных для населения начинаний по эксплуатации и развращению народа;

д) не принимать в школы детей жидов-беженцев, вносящих в школу моральное разложение;

е) ходатайствовать перед правительством о государственной национализации кредита и о предоставлении беспрепятственно учреждаться чисто русским кредитным обществам и банкам, обратив внимание правительства на то, что у нас почти нет чисто русских банков;

ж) воспретить участие жидам в акционерных обществах, наравне с иностранными подданными воюющих стран, с которыми жида заодно;

з) обратить внимание правительства на чрезвычайное обогащение жидов-поставщиков для армии путем колоссальных злоупотреблений;

и) при всякой возможности со стороны русских, противопоставлять свою торгово-промышленную деятельность жидовской, при содействии мелкого и крупного кредита со стороны русских банков;

к) представить правительству о крайних затруднениях, испытываемых полицией при проведении в исполнение мер начальства, направленных в ограждение населения от жидовского засилья;

л) организовать при отделах дружины ревнителей по ограждению родины от действия в ней тайной жидовской государственной системы и для контроля ассимиляции жидов с русскими, путем обращения их в христианство; а также охраны населения, поступающего на службы к жидам, от развращающего влияния жидов, дерзающих даже в земских больницах устанавливать празднование субботы вместо воскресенья;

м) поставить правительству в известность, что жидовская тайная система, «государство в государстве», зиждется на одних и тех же вероучительных и моральных основаниях, какие лежат в основе современного германизма, а также и о том, что мировое жидовство на свою «мировую копейку» (миллионы) содержит при правительстве особую агентуру, подкупом добывающую через слуг и мелких чинов преждевременно все государственные замыслы и тайны, и что существующая неестественная дороговизна есть следствие системы объединенного действия жидов с немцами;

н) призвать все классы русского общества к систематической борьбе с тайной жидовской талмудической системой, которая беспощадно обречла Россию на государственную религиозно-бытовую и экономическую гибель; жалость к иудею-человеку должна быть соразмерена с преступностью талмудической системы;

о) особенно же желательно просить ведомство православного вероисповедания о борьбе с этой талмудической системой во имя и при помощи основных церковных законов, то есть божественных законов вселенских и поместных соборов святой церкви, запрещающей всякое общение с жидами-талмудистами, не только в среде религиозно-моральной, как например воспрещение молиться с жидами, но и в экономически-бытовой, как врачевание у жидов, принятие вместе с ними пищи и т. п.;

п) обратить внимание святейшего синода на деятельность православных органов печати, допускающих сознательно («Колокол») и, быть может, бессознательно («Голос церкви», № 9 — 10, 1915 г.) проповедь необходимости дарования жидам-талмудистам равноправия, в целях привлечения их к хвастовству (?) и благодетельствования ими чрез это России;

р) обратить внимание святейшего синода на распространение жидами в армии и в тылу развращающих русское самосознание антицерковных и антигосударственных идей, особенно через

повременную печать, через кощунственное пользование святынями церкви (иконы в жидовских аптеках и лавках), ношение крестов георгиевских, святых имен христианских и др.;

с) просить святейший синод признать талмудическое жидовство изуверной религией, несовместимой с православием ни в каком отношении, погибельной при современном положении жидовства в России не только для государства, но и для церкви, а потому ходатайствовать об ограждении церкви русской от талмудического жидовства изгнанием его из России во имя императорских законов, неоднократно издававшихся по этому вопросу и ожидающих своего осуществления хотя бы в данное время, когда жида и немцы задались целью сокрушить православную Россию.

(То же дело, лл. 249 — 253.)

ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ СПАСТИ САМОДЕРЖАВИЕ

ТЕЛЕГРАММЫ И ПИСЬМА ТИХАНОВИЧА-САВИЦКОГО С СЕН- ТЯБРЯ 1915 Г. ПО ФЕВРАЛЬ 1917 Г.

ТЕЛЕГРАММА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МИНИСТЕРСТВОМ ВН. ДЕЛ
КН. Н. Б. ЩЕРБАТОВУ, ОТ 12 СЕНТЯБРЯ 1915 Г.

Неразрешенная партия каде легализовалась, городские думы, земства, биржевые общества превратились в гнезда революционной наглой агитации, работающие по указке из Москвы; Государственная дума взбунтовала читающую Россию, эти мутят на местах; надо покончить с таким ненормальным и крайне опасным явлением и вернуть эти хозяйственные органы самоуправления к их хозяйственной деятельности, запретив даже малейшие выступления по вопросам политики, для которой существуют теперь партии, куда и могут идти политиканы писать свои резолюции, которые потеряют тогда весь свой авторитет; о погроме, которым левые довольны, я сообщил председателю министров.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1915 г., № 999, ч. 39, лит. Б, л. 129.)

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ И. Л. ГОРЕ-
МЫКИНУ, ОТ 1 ДЕКАБРЯ 1915 Г.

Проведите немедленно закон, допускающий желающим возражать против политических статей в тех же газетах, в которых они были помещены. Положение ужасное: правые, вернейшие слуги царя и отечества, забрасываемые грязью левых газет, не имеют возможности оправдаться перед их читателями. Население и армия систематически натравливаются на правых, которых изображают сторонниками Вильгельма, работающими для победы немцев. Положение правых очень опасно. Получаются анонимные угрозы, возможны покушения возбужденных газетами фанатиков. Пока немедленно телеграфом прикажите губернаторам еженедельно разъяснять от себя населению во всех местных газетах несправедливость подобных обвинений, а также во всех воинских частях.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1915 г., № 110, л. 78.)

ТЕЛЕГРАММА РОСТОВСКОМУ ОТДЕЛУ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА,
ОТ 20 МАРТА 1916 Г.

Подготовлен решительный натиск на верховную власть. Молите государя не слагать самодержавия, нельзя отдать Россию сумашедшим, сообщите это союзам Новочеркасск, Харьков, Екатеринослав, Симферополь, Севастополь, Новороссийск, Туапсе, Армавир, Пятигорск, Баку.

(То же дело, л. 126.).

ТЕЛЕГРАММА ЦАРЮ, ОТ 2 ДЕКАБРЯ 1916 Г.

Государь! Если сейчас же не будут приняты самые решительные меры, мы войну проиграем. Вот что делают например в Астрахани, а так как всё это движение организовано по шаблону, то то же сейчас происходит и по всей России. Астраханский городской голова Кравченко, бывший в Петрограде и Москве на неразрешенном съезде городских союзов, телеграфировал городской думе, чтобы она приветствовала государственную думу после известной речи Милюкова, что исполнено. Городской голова, возвратясь из Москвы, в заседании городской думы 29 ноября устроил частное совещание, длившееся полтора часа, в котором передал гласным возмутительные слухи о царице, после чего гласный доктор Долгополов, тот самый который в 1905 году в Нижнем обещал обломать крылья русскому государственному орлу, произнес зажигательную, обидную для царицы речь. При политической неразвитости даже образованных русских людей, при их любопытстве и наклонности доверять вздорным слухам, можешь представить, государь, как должно было подобное сообщение действовать на гласных! Вдобавок ни городской голова, ни Долгополов до сих пор не арестованы, значит — они говорили правду.

Государь! План интриги ясен: пороча царицу и указывая, что всё дурное идет от нее, внушают этим населению, что ты слаб, а значит — надо управление страной взять от тебя и передать думе. Государь! Львов, Челноков, Гучков, Милюков и другие их орудия для армии, вроде казака-provokatora Караулова, должны быть арестованы и высланы из пределов России. Государственная дума, совет, городские и земские самоуправления, биржевые и военно-промышленные комитеты и тому подобные учреждения, при помощи политически неразвитых членов, среди которых работают местные агенты вышеуказанных главварей, должны быть поставлены в рамки их деятельности по закону, дабы они перестали быть очагами смуты и возжигателями подготовляемого внешним врагом России государственного переворота, а главное, чтобы они, распространяемыми ими ложными, преступными слухами, не угнетали бы страну

и армию до потери всякой энергии. Надо, чтобы с высоты трона раздался голос, строго осуждающий преступную деятельность эту, с указанием, что ради достижения скорейшей победы подобная деятельность будет нещадно преследоваться, до расстрела включительно. Надо именем царя заявить стране, что она должна встать на дружную работу с правительством без всяких условий, а кто не подчинится этому добровольно, с тем будет поступлено как с изменником. Государь, попустительство, уступки и полумеры — не по времени, не по людям этим, которые при такой системе не успокоятся, пока ты не превратишься в бесправного, послушного им царя. Благодаря уступкам крамоле, дело дошло до того, что у нас уже нет правительства, оно само не знает, кого слушать и кому угрождать; министры меняются чуть ли не ежемесячно, и на местах власть запугана и парализована. Государь! Возроди правительство, сосредоточь всю полноту и ответственность власти в руках одного лица сильного, энергичного, с широким государственным размахом и инициативой, лица безусловно правого.

Торопись, государь, торопись, или война будет проиграна.

Опасаясь по теперешнему времени несвоевременного доставления телеграммы, непосредственно тебе адресованной, посылаем ее тебе через министра императорского двора, через Трепова и через Протопопова, а копию письма — через верных людей, так как министр императорского двора болен, Трепова мы не знаем, а Протопову не доверяем, как члену прогрессивного блока и министру, при котором беспрепятственно допускается, к великому соблазну, открытая работа для ниспровержения государственного строя и династии, несмотря на то, что в его распоряжении находятся и губернаторы и тайная полиция.

(То же дело.)

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО ЦАРЮ, ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1916 Г.

Государь, не имея возможности лично видиться с вами, излагаю здесь коротко то, что заставило меня спешно выехать в Петроград.

Главный комитет союза земств и городов, руководимый Львовым, Челноковым, Астровым и другими, пользуясь попустительством властей, открыто готовит государственный переворот. Городские головы, председатели земских управ и другие лица, заблаговременно и специально для того подобранные, получают на московских съездах, явных и тайных, указания, как возбуждать местных гласных, а через них и население; порочат царицу, а через нее и царя; это опорочивание всего, что мешает замыслам левых, является самым верным орудием их, которое ими искусно применяется; всё правое опорочено уже давно; правительство опорочено окончательно недавно, и если правые или правительство теперь поднимут голос в защиту чего-либо,

то будут встречены лишь насмешками; остается у них последняя преграда — авторитет царя; на эту последнюю преграду теперь и направлены все усилия союза — желтого блока и печати.

Затем в Астрахани, например, губернатор заявил городскому голове, что в Москве съезд не разрешен; Львов телеграфировал всем — «приехать во что бы то ни стало». И приказ этого второго правительства был исполнен. Вернувшись со съезда, городской голова, собрав гласных в незаконное частное собрание, сообщил им, что, несмотря на разгон съезда полицией, они всю ночь совещались в доме, который он назвать не может; на совещании говорили о необходимости заранее наметить временное правительство, а также властей на местах. Если бы это говорилось в 1905 году, то можно было бы не придавать особого значения, но теперь всё, что говорят и делают левые, основано на точном расчете, и на ветер они слов не бросают; если говорят о временном правительстве — значит имеют опору. Рассчитывать на уличную революцию они не могут, — нет нужного материала, и евреи — эти главные двигатели ее — теперь выступить не решатся; могут поднять бунт, смуту, которую легко подавить, и это они хорошо знают. Значит они рассчитывают на другое: или на дворцовый переворот при помощи ближайших частей войск, или на военный, который подготавливает авантюрист Гучков уже давно, войдя в сношение с видными военачальниками, количество которых в его шайке, по слухам, всё усиливается.

В Москве, перед Рождеством, все ночи шли совещания при участии Милюкова, Шингарева, Челнокова, Львова, Астрова и будущих царей наших — «рюриковичей» — Павлуши и Петра Долгоруких. Уже раздаются голоса об удалении царя; громко упоминается имя Павла.

С этим надо покончить как можно скорее. Полумеры только раздражают. Надо прежде всего разогнать московскую шайку и составить главный комитет союза земств и городов из лиц по назначению от правительства, удалив от дел весь теперешний комитет полностью. Опасаются, что эта мера вызовет забастовку союза.

е останутся перед тем, чтобы заморить армию, они и теперь поговаривают о такой забастовке, чтобы восстановить армию против правительства; но, во-первых, это оружие обоюдоострое и оно может скорее обернуться против них же; а во-вторых, одновременно с удалением главарей шайки следует объявить все союзы на военном положении — и это сразу отобьет охоту бастовать, так как у нас языком болтать не прочь, но под расстрел или в петлю идти не согласятся и преспокойно будут работать те самые, которые раньше мутили под влиянием Львова и К².

Эта — мера первойшая и необходимейшая и должна быть проведена или царским приказом или по требованию главнокомандующих армиями. Если шайка не будет разогнана, она сделает свое дело.

Окружить себя верными людьми.

Иметь близ себя верные части войск.

Гучковцев, Лукомского и других, вызвав, удалить с ответственных постов.

Если в думе нельзя какими-либо чрезмерными мерами прекратить возбуждающие речи, то лучше думу не собирать или собрать, но, после первых же революционных речей, закрыть ее, с указанием в манифесте, что такая деятельность думы служит лишь поддержкой внешнему врагу.

Потребовать от местных властей, чтобы они не позволяли порочить царицу и царя, а также возбуждать население против правительства, привлекая за это к ответу по закону. Это сразу осадит глупцов, и агитаторы останутся без слушателей.

Приказать губернаторам открыто поддерживать правых гласных и других правых общественных деятелей, оказывая им особое внимание и награждая их орденами и званиями щедро. Эта мера в короткое время перетянет большинство на правую сторону.

Помните, государь, что положение опасно необычайно, не только в смысле проигрыша войны, но опасно и для вас и для династии. Но в то же время помните и крепко помните, что всё в вашей власти: допустите — всё может быть; не допустите — ничего не будет. Советующие не прибегать к крутым мерам, дабы не раздражать «общественность», не правы; полумеры только раздражают и восстанавливают. Решительная мера ударяет сильно, но с ней сразу примиряются.

Не надо забывать, что общественности, о которой так много кричат, у нас нет, а есть Львовы, Гучковы, Челноковы с кучкой агентов на местах и стадо неразвитых политически и доверчивых людей, которых эти господа и ведут за собой, не имея в том противодействия, при глубоком молчании правительства.

В письме я не могу высказать так, как сказал бы на словах, но думаю, что главное, что побудило меня искать видеть вас, — подготовка временного правительства, разговоры о династии и о Павле, в связи с увеличивающимся количеством гучковцев в армии, — изложено мною, хотя не образно, но ясно.

(То же дело.)

ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. Д. ПРОТОПОВУ, ОТ ДЕКАБРЯ 1916 Г.

Разосланный циркуляр о недопущении впредь земствам и городским самоуправлениям заниматься непредоставленной им законом политической деятельностью не достигнет цели. Невозможно с революционерами, уверенными, что через два-четыре месяца они станут господами положения, бороться путем эволюционным. Представлять о них в сенат или привлекать

по городовому положению не страшно и затянет дело; сейчас нужны радикальные, устрашающие меры. Надо дать губернаторам распоряжение привлекать председателей, голов и других в административном порядке, по обязательным постановлениям, и решения губернаторов не отменять, не ставить их в смешное положение. Прежней тактикой министерства внутренних дел губернаторы и вся администрация запуганы и власть парализована совершенно. Левые уже подсмеиваются и говорят: песенка власти спета.

(Дело департамента полиции, 4-го дела-производства, 1915 г., № 110, л. 285.)

ЗАПИСКА НА ИМЯ А. Д. ПРОТОПОПОВА, ОТ 9 ЯНВАРЯ 1917 Г.

Депутаты и левые уже злорадствуют: совместными действиями московской шайки, думы и печати, тщательно подготовленными московскими совещаниями, намечен, по их словам, решительный, окончательный штурм правительства, после которого, по их мнению, капитуляция верховной власти неизбежна. План этот надо разрушить решительными мерами. Только попустительством и колебанием власти сильно это, трижды преступное во время войны, движение. Печать надо заблаговременно взять под строгую военную цензуру, особенно «Русское слово», как самое распространенное. Председателя думы предупредить, что дальнейших грубостей по отношению министров его величества и стремлений уронить авторитет власти допущено не будет и при первой же попытке к этому, не прекращенной немедленным исключением виновных, дума будет закрыта, без указания срока ее созыва.

Председателю совета министров и министру внутренних дел следует выступить с речами твердыми, определенными, не раздвоенными, которые объяснили бы населению значение думы, ее желательность, ее права по закону, а также значение авторитета власти, ронять который правительство допустить не может. Разъяснить, что требуемая левыми ответственность министров не перед царем, а перед думой, как преступное по нашим законам покушение на царскую власть, недопустима, а потому разговоры об этом надо оставить, но что правительство будет ходатайствовать перед его величеством, чтобы, в случаях обвинения думой министров и других должностных лиц в злоумышленных действиях, производилось бы немедленно следствие по поводу указанного обвинения, при непременно участии членов думы и совета, но без устранения обвиняемого от должности впредь до установления его виновности.

Безразлично, будет ли дума распущена или нет,—подготовить замену комитета Земгора лицами от правительства, включив в состав его нескольких видных государственных деятелей,

например: Трепова, Бобринского, Макарова, Шуваева, Кривошеина, Коковцова, — и к роспуску думы и к замене комитета Земгора народ отнесется совершенно спокойно. Фрондирующая часть общества, подстрекаемая распушенными членами думы и агентами московской шайки, «вознегодует», поругается, но, не возбуждаемая печатью, успокоится не далее, как через две-три недели. Надо привлечь в среду правительства лиц безусловно монархических взглядов и одновременно приступить к объединению и организации части общества, которая не мала, но запугана наглыми действиями левых и попустительством власти.

Комитет настоятельно просит ваше превосходительство обратить на изложенное самое серьезное внимание. Мы находимся в народе, и нам лучше видны его настроения и те меры, которые окажутся более действительными.

*(Дело департамента полиции, особого отд.,
1917 г., № 244.)*

ТЕЛЕГРАММА ЦАРЮ, ОТ 20 ФЕВРАЛЯ 1917 Г.

Комитет астраханской народной монархической партии постановил поздравить тебя, государь, с удачным выбором председателя государственного совета; такие твердые люди теперь особенно дороги, а главное — редки. Здесь слышно: принимаются решительные шаги, чтобы воздействовать на тебя и влиянием высоких кругов, и лестью, и запугиванием, чтобы ты поступился своей верховной властью в пользу думы. Лести не верь, государь, запугиваний не бойся, осуществить их не удастся; простой народ и армия останутся с тобою, и поплатятся сами запугиватели, лишь окружи себя верными людьми и верными, любимыми войсками военачальниками, и в ставке, и дома, и в дороге.

ТЕЛЕГРАММА НА АДРЕС ВСЕХ МИНИСТРОВ.

Протестуйте против упорного присвоения себе членами государственной думы названия представителей России; стремятся внушить населению, что теперь уже не царь, а они представители. Это страшная ошибка покойного Столыпина. Все речи проникнуты этим внушением и развенчиванием царя. Родзянко — провокатор и предатель. Разоблачайте этого тщеславного поребечника.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛУ ХАБАЛОВУ, ОТ 18 ФЕВРАЛЯ 1917 Г.

Комитет астраханской народной монархической партии приветствует вас за принятие решительных мер против предательских собраний рабочей группы центрального военно-промышленного комитета, поощряемых председателем означенного комитета, авантюристом Гучковым, против козней которого, на-

деемся, примете самые решительные меры. Кажется, столица царя попала в лице вашем в надежные руки, и происки Гучковых, Родзянок, Карауловых, Милюковых встретят должный отпор.

ТЕЛЕГРАММА А. Д. ПРОТОПОПОВУ, ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1917 Г.

Военно-промышленный комитет и его председатель Гучков открыто высказывают свою солидарность с арестованными вожаками рабочей группы этого комитета.

Почему Гучков не арестован? Если он прав, то надо отпустить и арестованных главарей; если же они виновны, то должны быть арестованы и Гучков и все члены военно-промышленного комитета, открыто поощряющие мятеж.

Главари Земгора, готовившие временное правительство, не арестованы. Кравченко и Долгополов, оскорбившие в астраханской думе царицу и царя, суду до сих пор не преданы.

Высланные саратовским губернатором адвокаты, по ходатайству Родзянки, возвращены в осмеяние губернатора и для внушения другим губернаторам.

Позорящие царственных особ картины свободно распространяются.

Революционирование населения и армии синематографами в самой столице царя допускается безвозбранно.

Несмотря на разосланный циркуляр, города и земства продолжают свои революционирующие обращения.

Где правительство? — Что оно делает? — Дел нет, — слова одни. Надежд не оправдываете.

Почему не просите у царя увольнения, если чувствуете себя неспособным справиться с развалом и мятежом?

ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРУ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ А. А. РИТТИХУ, ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1917 Г.

Комитет астраханской народной монархической партии приветствует вас за превосходную речь вашу семнадцатого февраля. Министры его величества должны говорить с думой так, как говорили вы. Необходимо на каждом шагу изобличать ложь, которой пропитана вся дума, раскрывать перед населением карты преступного блока и Земгора. Наглость и распущенность, до которых дошла дума, порождены самим правительством, его безмолвием, его попустительством беззакониям думы. Речи, подобные вашим, быстро поднимут доверие к правительству и в населении и в армии. Шлем вам сердечное спасибо и привет.

(Копии последних 5 документов обнаружены во взятых при обыске 3 письмах на имя министров Протопопова и Риттиха. На конвертах имеются почтовые штампы: 21, 23 и 25 февраля 1917 г.)

ОСТАЛЬНАЯ ПРОВИНЦИЯ

Отдел «Остальная провинция», для удобства обозрения, разбит на пять территориальных групп. Здесь работали «деятели» помельче, наводившие порядки только в своем городе или небольшом районе. Всё содержание их деятельности, отражающееся в многочисленных прошениях, заявлениях и в рапортах местной администрации, выражается лишь в мелких кляузах и доносах и в устройстве, при благоприятных местных возможностях, очередных еврейских погромов.

Последние за период, освещенный документами, произошли в гг. Александровске, Екатеринославской губ., и Елизаветграде, Херсонской губернии, причем в Александровске действовала, под покровительством екатеринославского губернатора, спаянная группа из жандармского ротмистра, местного исправника и судебного следователя, а в Елизаветграде «работал» акцизный чиновник Банковский, во главе банды хулиганов, вооруженной по распоряжению Каульбарса и врем. ген.-губернатора Боуфала.

Местные власти везде хорошо знали главное «содержание» работы союза русского народа. Так, бессарабский губернатор, в виду предстоящего празднования годовщины отдела союза русского народа в Кишиневе, двинул в город уездные отряды полицейской стражи, пехоту и кавалерию, опасаясь последствий этого, как он называет, «культурно-психического движения». Но такие самостоятельные администраторы, препятствовавшие размаху погромной деятельности союзников, рисковали своей карьерой. Например, полковник Семеновский в г. Армавире, издавший энергичный приказ, что он не допустит погромов и разгонит союзников силой оружия, был срочно вытребован начальником Кубанской области в Екатеринодар для дачи объяснений, а приказ его был тотчас же изъят из обращения.

Судебное наказание не пугало союзников: департамент полиции принимал все меры к получению помилования для погромщиков, можно было исхлопотать помилование и непосредственно от царя.

Даже процессы союзников об убийстве, не носящем политического характера, прекращались судом, по распоряжению свыше, «по политическим соображениям», чтобы не компрометировать союз русского народа (см. переписку о гомельском союзнике Давыдове).

Во главе смоленского отдела союза русского народа стояла

жена местного жандармского генерала Громыко, конечно, «под идейным руководством» своего мужа. Недаром там же возник процесс о «попытке создать обвинение в ритуальном убийстве», по которому осуждены Дубровин, Еремченко и священник Ракитский. В 1913 году туда был командирован чиновник мин. вн. дел Зайончковский, представивший обширный доклад о новых погромных попытках петербургского гастролера С. Ф. Еленева.

Очень живописны картины открытия отделов союза русского народа в уездных городах и селах, где, в случае неудач союзников, производятся полицейские расследования. Историю ярославского союза русского народа передает в своем показании вдова доктора Кацаурова, сама состоявшая секретарем союза.

Любопытна история наживы на патриотических делах афериста Евсигнеева (Елец, Орловской губ.), раскрытая, очевидно, неполадившим с ним жандармским офицером. Ценны сведения о секретном циркуляре союза русского народа по проведению кампании по разгону Государственной думы и «Записка православных кругов Киева», представленная царю Щегловитовым в январе 1917 г. и заслужившая его резолюцию: «Записка достойная внимания».

Широко распространилась по лицу империи язва союзнического разврата: даже в далекой Бухаре открывается, при содействии департамента полиции, отдел союза Михаила архангела, и союзники приносят «его высочеству эмиру особую признательность за содействие».

(ЯРОСЛАВЛЬ, КОСТРОМА, МУРОМ, ТУЛА, КУРСК, ЕЛЕЦ.)

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ МАРИИ ДМИТРИЕВНЫ КАЦАУРОВОЙ О
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯРОСЛАВСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА РУССКОГО НА-
РОДА ЗА 1905 — 1914 ГГ. ОТ 1 СЕНТЯБРЯ 1917 Г.

Как близко стоявшая к учреждению ярославского союза русского народа, состоя секретарем совета этого союза с самого его основания, я позволю себе внести некоторые пояснения о деятельности этого союза.

Ярославский союз русского народа был учрежден 26 ноября 1905 года по предложению А. И. Тришатного, товарища председателя союза русского народа, основанного в прежнем Петербурге 8 ноября того же 1905 г., и представлял собою первый по времени открытия отдел этого союза. Основоположения этого союза были: 1) господство в России православной веры, 2) неограниченное самодержавие русского царя, 3) первенство в государстве русского народа. Задачи союза были: объединение русского населения без различия сословий и состояний, для поддержания порядка и спокойствия в стране, в помощь правительству. Погром в Ярославле был 18, 19, 20 октября 1905 года, союз русского народа тогда еще не существовал. В числе привлеченных к судебной ответственности за погром были лица самых различных политических взглядов, из них человека три записавшихся впоследствии в союз русского народа; были и другие, которые отнеслись к союзу по его возникновении очень враждебно. Записываться в союз никого не приглашали, желающие приходили сами и заявляли о своем намерении вступить в союз, их спрашивали, согласны ли они со всеми тремя основоположениями союза, и, по изъявлении согласия, записывали членами союза. Никаких справок о их деятельности не наводилось, и совет союза ничего не знал о причастности к погрому этих лиц. Когда же начались союзные собрания, на них было выяснено, что, в случае повторения выступления толпы, союзники-торговцы кончали бы торговлю и шли домой, союзники-ремесленники, рабочие, прочие, сидели бы дома и отнюдь не присоединялись бы к толпе. Таким образом, при выступлении толпы 9 декабря 1905 года союзники никакого участия не принимали. В тревожное время 1905 — 1906 года многие обыватели Ярославля обращались к властям за разрешением иметь оружие для защиты на случай нападения, были между ними и немногие союз-

ники, но они получали разрешение, как частные лица, наравне с другими, а не через посредство союза. Никаких боевых дружин не было; не только не предполагалось совершать каких-либо насильственных действий или убийств, но союз стремился препятствовать, по мере сил и возможности, возникновению таких преступлений по чьей бы то ни было инициативе, желая выполнить указания государя — «быть ему верной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка». Ярославский союз русского народа возник на основании манифеста 17 октября 1905 г., разрешавшего учреждать союзы, и, конечно, не мог отрицать этого манифеста. Союз не видел в нем ограничений верховных самодержавных прав государя, а видел в нем приближение к государю народных избранных, через которых о слышал бы голос народа, помимо бюрократии.

До раскола между главным советом союза русского народа и Дубровиным, ярославский союз был отделом всероссийского союза русского народа. Когда же Дубровин разошелся с главным советом и основал свой, дубровинский союз, приблизительно в 1910 или 1911 году, ярославский союз объявил себя самостоятельной организацией, не находящейся в связи ни с одной из сторон в Петербурге, и занялся исключительно устройством религиозно-нравственных чтений и торжественных празднований исторических юбилеев для народа. После объявления войны в 1914 году, во время большого подъема народного духа, председатель союза, мой покойный муж И. Н. Кацауров, говорил союзникам: «Теперь вся Россия — союз русского народа, нам, союзникам, не следует выделяться, нужно принять участие в общей работе на нужд войны, каждый где и что может». И сам он и союзники тогда же горячо принялись за работу: кто — в комитетах о раненых, кто — о семьях запасных, кто — о беженцах, потом об увечных, в военно-промышленном комитете и других. Молодежь отправилась на войну, кто добровольцем, кто по призыву, кто санитарями, кто сестрами милосердия, а союзная деятельность фактически прекратилась. 14 декабря 1914 г. И. Н. Кацауров скончался. Совет союза решил до окончания войны не выбирать председателя, а продолжать работу в общих организациях. 6 марта 1917 г. юридически союз окончил свое существование, и деятельность союза стала достоянием истории. В виду этого, я сочла долгом передать в ярославскую ученую архивную комиссию хранившиеся у меня документы союза, портреты и прочее по описи и сдала 9 марта 1917 года. Союзную хоругвь-знамя и икону св. Георгия-победоносца, находившуюся в Спасском монастыре, я просила высокопреосвященнейшего Агафангела принять в собственность Спасского монастыря, на память о десятилетней работе союза. Вот вся деятельность ярославского союза русского народа.

ХЛОПОТЫ О КОСТРОМСКИХ ПОГРОМЩИКАХ 1907 Г.

Заказным письмом на имя А. Н. Куропаткина костромской губернатор А. Веретенников 23 февраля 1907 г. сообщает, что в Костроме имеется небольшое монархическое ядро, которое подвергается «сильному гонению со стороны судебного ведомства, во главе которого стоит председатель московской судебной палаты, г. Арнольд». Далее, Веретенников выражает свое неудовольствие, что вся группа костромских союзников присуждена к тюремному заключению за то, «что они несколько энергично, с побоями, усмиряли производимые революционной молодежью насилия и беспорядки. Подобное решение суда, конечно, произвело чрезвычайно угнетающее впечатление на всё благонамеренно настроенное население».

Письмо это было передано в департамент полиции, вице-директор которого, Васильев, запросил начальника костромского губ. жандармского управления о фамилиях «костромских монархистов, присужденных палатой к тюремному заключению». В ответ из Костромы прислана справка с 21 фамилией.

Далее, Трусевич сообщает Веретенникову, что «его высокопревосходительство изволили положить резолюцию: запросить губернатора, возбудили ли эти лица всеподданнейшее ходатайство о помиловании или смягчении наказания».

Ответной телеграммой Веретенников сообщил, что в Петербург выехал уполномоченный осужденных для подачи прошения о помиловании.

*(Дело департамента полиции, особого от
дела, 1907 г., № 219, лл. 1 — 19.)*

ДОКЛАД ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕРНАТОРА ОТ 4 АПРЕЛЯ 1907 Г.

1 апреля, в помещении муромской городской управы, было собрание членов муромского отдела союза русского народа, на котором было около 50 человек членов. Председатель отдела, г. Ознобишин, открыв собрание, доложил последнему: 1) что он получил несколько времени тому назад от главного совета союза секретный циркуляр, без права оглашения и с требованием по прочтении сжечь его, что он и сделал. В циркуляре этом было сказано, что вторая дума состоит почти вся из революционеров, занимается только словопрениями и стремится во что бы то ни стало избегать всяких конфликтов с правительством, чтобы дотянуть время до летних каникул. Каникулярное время употребить на противоправительственную агитацию среди народа, возбуждая и подготавливая его к всеобщей забастовке, и осенью, собравшись вновь, устроить скандал в думе, заставить этим правительство разогнать думу и тогда начать всеобщее восстание. В виду этого главный совет союза русского народа требует, как только появится крест в газете «Русское знамя», не-

медленно послать телеграмму государю императору с просьбой разогнать думу и изменить выборный закон так, чтобы по нему могли попасть в думу только действительно избранники народа, а не такие лица, которые, находясь теперь в думе, попали туда благодаря разным ухищрениям. Крест этот недавно в газете появился, и из главного совета была прислана телеграмма, требующая немедленного исполнения циркуляра, почему он, г. Ознобишин, собрал совет отдела союза, на котором был выработан текст телеграммы и таковая была отправлена. На телеграмму эту последовал ответ чрез министра, что государь император благодарит за выраженные чувства. Собрание благодарило за посланную телеграмму. 2) Согласно недавнего постановления отдела местного союза, всем членам будут разосланы списки лиц, убитых за последнее время левыми экспроприаторами, и члены благоволят, по получении списков, каждый внести по копейке на убитого человека для отсылки этих денег в главный совет. Собрание согласилось. 3) Поднести адрес от имени жителей г. Мурома бывшему приставу Филоматову. Собрание согласилось. 4) В первое воскресенье после Пасхи освятить икону отдела союза и устроить торжество перенесения в собор. 5) Назначить собрания отдела союза на 15 и 26 сего апреля и 6) послать соболезнование члену думы Пуришкевичу по поводу оскорбления в его лице и союза русского народа председателем думы Головиным, выразившегося в удалении Пуришкевича на один день из зала заседания думы.

Все эти предложения собранием приняты.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1905 г., № 999, ч. 39, т. III, л. 238.)

ПИСЬМО ТУЛЬСКОГО Ж.-Д. ОТДЕЛА СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА, ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1915 Г., НА ИМЯ МИНИСТРА ВН. ДЕЛ А. Н. ХВОСТОВА.

Приветствуя ваше высокопревосходительство с назначением на ответственный пост министра внутренних дел в тревожное время, тульский совет железнодорожного союза, в виду произнесения в государственной думе речей нашими неблагожелателями, при временных и переходящих на войне затруднениях, с целью уверить народ, что причины наших неудач будто бы кроются в нашем вековечном государственном строе — в самодержавии русского царя, признал неотложным теперь же обратиться к вашему высокопревосходительству со следующими пожеланиями:

Верьте, ваше высокопревосходительство, что русский народ не допустит умаления прав самодержца всея России, единственного защитника народа от засилья немецкого, жидовского

и инородческого, и не допустит, чтобы Россией управляли наемные слуги масонства.

Правительство должно быть твердым, быть настороже и держаться той политики, которую оно вело и раньше.

Вся деятельность общегосударственная должна быть сосредоточена исключительно на вопросах, касающихся войны и скорейшей победы, а не на преобразованиях, могущих возбудить партийные раздоры.

Необходимо, чтобы на ответственных постах внутри империи стояли люди, не только верные царю и монархии, но и твердые.

Чтобы губернаторам заблаговременно даны были указания, как действовать в самом начале, при подавлении попыток к забастовкам на телеграфе, почте, железных дорогах и проч.

А в случае возникновения смут, прекратить сообщения газетами разных необоснованных, выдуманных и преувеличенных слухов, нарочно печатаемых для возбуждения населения, с целью держания его в постоянной тревоге и недоверии к власти.

И чтобы народу, который проявит себя в этой особенной войне шпионством, изменой и предательством, не давали никаких прав.

Председатель В. П. Разнатовский, казначей Михаил Ананьев и за секретаря Иван Виноградов.

(Дело департамента полиции, 4-го дела производства, 1915 г., № 110, л. 61.)

ПИСЬМО ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА Н. П. МУРАТОВА .
ОТ 22 НОЯБРЯ 1915 Г., НА ИМЯ И. Г. ЩЕГЛОВИТОВА.

Глубокоуважаемый Иван Григорьевич.

Зная из газет о готовящемся съезде правых и о том, что рассылаются приглашения не только лицам, входящим в организации, но и известным своими монархическими убеждениями, я, по правде сказать, поджидал повестки, но ее не дождался, и вашу прекрасную речь не выслушал, а прочел сегодня.

Итак, я или забыт, или признан не монархистом, не правым, или, наконец, просто упущен из вида, как человек, абсолютно ничего не сделавший для правого дела, как такое лицо, которое и нельзя помнить.

Последнее предположение было бы для меня самым утешительным, но вряд ли оно справедливо уже прямо с точки зрения тех пяти томов жидо-кадетской брани, которая вылита на мою голову за 10 лет и собрана мною газетными вырезками.

Первое предположение, т. е. предположение о том, что бюро съезда меня могло забыть, также отпадает, ибо, кажется, в нем нет, в этом бюро, ни одного человека, который бы меня не знал.

Остается третье, т. е. что я правыми и монархистами отвергнут, как левый или давший уклонение влево.

За время моего губернаторства в Курске я отвергал защиту Говорухи-Отрока и Маркова, когда они требовали, чтобы я покровительствовал явно нечестным лицам только потому, что они «любят» им и являются друзьями правого дела.

Я выгнал исправника, явного мошенника, за которого просил Говоруха-Отрок; я выгнал и предал суду земского врача, торговавшего койками (он привлечен к следствию), и этим вооружил против себя грайворонского предводителя дворянства Григоросуло; я выгнал земского начальника, за которого просил Н. Е. Марков, как за высокопорядочного человека, и который оказался человеком, вымогавшим деньги от крестьян; я, наконец, не согласился прикрыть мошенническую операцию с лошадьми в Щигровском уезде, когда предводитель дворянства Марков в компании с членом управы Деминим принимали, как председатели комиссий, своих собственных лошадей, чрезмерно оценивали их, намереваясь получить за них деньги. Кстати, дело это, несмотря на решение сената, далеко не кончено, ибо относительно Демина улики собраны подавляющие и он, если не привлечен, то будет привлечен в самом непродолжительном времени, а сенатское решение окажется преждевременным, ибо при рассмотрении деминского дела вся «операция» Маркова выйдет наружу.

Что дело Маркова — дело грязное, возмутительное, а если принять во внимание, что Марков предводитель, брат видного правого депутата, и производил свои операции во время войны, то именно такое, которое нельзя было замалчивать, не из личных каких-либо видов, а просто из сознания чести и правды правого дела.¹

Вот и все мои грехи по курскому губернаторству.

Я предлагаю любому найти не только факт, но хоть намек, хоть слух, хоть сплетню, которые отметили бы малейший признак ослабления моей борьбы с левыми элементами, со всем тем, с чем я боролся в Тамбове, ради чести моего самодержавного государя.

В отместку за мою смелость не согласиться выдавать черное за белое, за дерзость остаться честным человеком, депутат Марков поехал к главному интенданту и заявил ему, что я ставлю по интендантскому подряду «картонные подошвы» на сапоги, то есть нечто такое, чему он сам не верил, ибо в отношении денег и вообще денежных операций я всеми признаюсь недосыгаемым.

Марков подверг меня в «Курской были» распинаниям, позо-

¹ Впрочем, лучшим доказательством моей правоты в марковском деле служит собственное признание депутата Маркова, который, сейчас же после возникновения истории с его братом, два раза являлся ко мне и, обещая, что брат уйдет со службы, уйдет Демин, усердно просил прекратить дело, ради интересов правых.

рил мое имя не только грязными намеками, но и прямыми обвинениями.

На всё это я молчал по всегдашней своей привычке.

Почему я заговорил теперь?

Но я молчу и теперь и, если говорю, то только вам, глубокоуважаемый Иван Григорьевич, человеку, дорогому мне по воспоминаниям, только вам одному высказываю свое скорбное недоумение, только к вам обращаю свой вопрос:

Неужели, в самом деле, кто-нибудь серьезно может думать о моем отходе от правого дела, и неужели такие господа, как Марковы, могут заставить всех правых признать, что Муратов перестал быть монархистом?

(Дело департамента полиции, 9-го дела-производства, 1915 г., № 244, л. 197 — 199.)

ПРОШЕНИЕ РЕДАКТОРА ЕЛЕЦКОЙ (ОРЛОВСК. ГУБ.) ГАЗЕТЫ
СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА И. С. ЕВСИГНЕЕВА, ОТ МАРТА 1912 Г.,
НИКОЛАЮ II.

Ваше императорское величество, всемилостивейший государь!

Просит верноподданный вашего императорского величества, коллежский советник, редактор-издатель газ. «Голос порядка» в Ельце, Иосиф Семенович Евсигнеев, проживающий в г. Ельце, на Рождественской ул., в доме А. М. Евсигнеевой.

В 1907 году была мною основана правая газета «Голос порядка». Главная задача ее: «Православная вера, царь самодержавный и Россия единая и неделимая». Благодаря помощи правительства, мне удалось приобрести собственное помещение для типографии, оборудовать ее новейшими машинами и преобразовать небольшую газету в большую ежедневную. Но с ростом успеха газеты росли и долги, без которых не обходится ни одно предприятие. Долги эти к началу сего года достигли громадной цифры в 32 370 руб. 75 коп.

Несколько раз грозило разорение, но каждый раз удавалось предотвратить беду во-время, но, и вместе с тем, увеличивать свои долги, так как средств от получаемого пособия, доходов от подписки и с типографических заказов хватало только на текущие расходы, которые в прошлом году достигали до двух с половиною тысяч руб. в месяц.

В настоящее время, несмотря на большую поддержку правительства, никак не могу сводить концы с концами, а ликвидировать дело при полном нравственном успехе, при сравнительно большом тираже для провинциальной газеты, нахожу прямо невозможным. С каждым днем, с каждым часом газета завоевывает себе всё больший и больший круг читателей и бла-

годаря своему спокойному тону она среди левых пользуется большой ненавистью.

В Орловской губернии правая газета безусловно необходима в противовес еврейским, постоянно клеветущим и подрывающим престиж власти.

Ваше императорское величество, припадаю к стопам вашим и всеподданнейше прошу выдать мне пособие на уплату долгов, по благоусмотрению вашего императорского величества.

Вполне надеюсь, что ваше императорское величество не отрицаете всеподданнейшей просьбы своего верного слуги и дадите возможность с удвоенной энергией служить верой и правдой богу, царю и родине.

Вашего императорского величества верноподданный Евсигнеев.

*(Дело департамента, полиции особого
отд., 1912 г., № 224.)*

ДОНЕСЕНИЕ РОТМИСТРА ГАНЬКО, ОТ 18 МАРТА 1912 Г., ИЗ Г. ЕЛЬЦА, НА ИМЯ НАЧАЛЬНИКА ОРЛОВСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Представляя при сем на зависящее распоряжение черновой экземпляр прошения на высочайшее имя редактора-издателя газеты «Голос порядка» в г. Ельце, Иосифа Семенова Евсигнеева, считаю долгом донести, что всё изложенное в этом прошении не соответствует действительности и таким образом является неслыханной дерзостью по отношению к священной особе государя императора.

Действительно, г. Евсигнеев находится в долгах, но эти долги ничего общего с газетой «Голос порядка» не имеют.

Г. Евсигнеев приехал в г. Елец почти нищим и долгое время ютился с семьей в двух комнатках, во флигеле, во дворе, теперь же имеет два больших дома, из коих один каменный, прекрасно оборудованную типографию, собственных лошадей, коляску на резиновых шинах и — содержанку, стоящую, конечно, немалых денег.

Вот откуда явились долги г. Евсигнеева.

Надо поправить свои дела, освободиться от долгов и приобрести кругленький капитал.

Вещь, конечно, нелегкая, но г. Евсигнеев решает на невероятное и обращается с прошением к государю императору о выдаче пособия на покрытие долгов.

Конечно, всё недвижимое имущество г. Евсигнеева записано на имя его жены, но и госпожа Евсигнеева никаких средств не имела, что прекрасно всем известно, и наследства не получала, однако дома приобрела.

Расходы на издание газеты «Голос порядка», по собранным

сведениям, не превышают 300 рублей в месяц, да оно и вполне понятно, так как дорогие агентские телеграммы не печатаются, а сотрудников г. Евсигнеев почти не имеет, а которых и имеет, то или бесплатных или грошевых.

Газета «Голос порядка», названная в прошении «большой ежедневной», весьма малого по объему размера, выходит два-три раза в неделю, а иногда по неделе совсем не выходит; так что о расходе на нее в две с половиною тысячи рублей в месяц не может быть и речи.

Упоминание в прошении об издании в г. Ельце четырех левых газет также не соответствует действительности, так как в г. Ельце издается всего две газеты: «Голос порядка» и «Жизнь Ельца».

(То же дело.)

ЗАПАДНАЯ РОССИЯ

СМОЛЕНСК, ГОМЕЛЬ.

ДОКЛАД НАЧ. СМОЛЕНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕН. ГРОМЫКО, ОТ 17 ДЕКАБРЯ 1908 Г., В ДЕП. ПОЛИЦИИ.

В половине 1906 года в среде смоленского населения возникла мысль организовать союз русского народа. В собрании, на котором присутствовала и моя жена, никто из учредителей, страха ради, не брал на себя роли председателя губернского отдела и почему-то остановились, единогласно, на выборе моей жены. Так как жена не решилась без моего согласия принять это звание, депутаты от союзников явились ко мне на квартиру и настойчиво просили моего согласия; причем доказывали, что, если моего согласия не последует, организация не состоится. Ознакомившись с уставом союза, я пришел к заключению: 1) что заветам, поставленным в задачи союза, я присягал и уже 42 года служу верою и правдою, 2) что государь император милостиво одобрил объединение русских людей в союзы и 3) что революционный пожар настолько усилился и, казалось, для тушения недостаточно было одних пожарных в касках, а необходима была и помощь благонамеренного общества. Под влиянием таких выводов, изъявил согласие на вступление жены в союз в качестве председательницы, хотя знал несочувственное отношение губернских властей к организации союза и предвидел, в этом отношении, неприятные для себя последствия. В истекший двухлетний период неоднократно пытался освободить жену от тяжелой и ответственной союзной работы и всякий раз выслушивал уверения союзников, что с уходом жены деятельность организации в губернии будет парализована. 21 сего декабря предстоит празднование 2-й годовщины губернского отдела; союзники, преимущественно из простонародья, настоятельно просили председательницу пригласить, в качестве гостя, иеромонаха Илиодора. Зная из газет болезненную ораторскую страсть о. Илиодора, я предвидел отказ, но, для удовлетворения просьбы, рекомендовал, прежде чем входить в переписку с о. Илиодором, испросить согласие г. губернатора, что и было сделано. И. д. губернатора Фере запросил губернатора, который отказал; союзники успокоились, и опасения на этот предмет преувеличены. Казалось бы, корректное обращение председательницы с ходатайством не могло служить г. губернатору основанием припугивать мое участие к организации собрания с о. Илиодором во

главе, а, наоборот, надлежало усмотреть в этом ходатайстве мое полезное влияние. В заключение считаю нужным добавить: никакого личного участия в делах союзников я не принимаю, — но не отвергаю своего влияния, при посредстве жены, на деятельность союзников в губернии, изредка, по приглашению, посещаю собрания в качестве гостя и «охотно», в интересах службы, посещал бы собрания левых партий, но меня туда не приглашают. Неблагодарное отношение г. губернатора к монархическим организациям в губернии возбуждает предосудительные толки в среде правых; левые не жалуют его, как представителя монархической власти, а как относятся к нему умеренные, — полагаю — более известно в Петербурге.

(Дело департамента полиции, 4-го дела происхождения, 1905 г., № 999, ч. 39, т. V, л. 62.)

ИЗ ПРИГОВОРА СМОЛЕНСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА ОТ 10 ДЕКАБРЯ 1913 Г. ПО ДЕЛУ А. И. ДУБРОВИНА И ДР.

Из содержания приговора можно усмотреть, что «на разрешение суда были поставлены следующие вопросы: виновны ли потомственный дворянин А. И. Дубровин, пот. дворянин Николай Иванович Еремченко, кр. деревни Рагулино Смоленской губ. Евдокия Абрамова и священник Никодим Иванович Ракитский в том, что оклеветали смоленскую мещанку Мирру Лейбовну Пинкус, будто сия последняя, для получения христианской крови для своих обрядов, подвергла ребенка Абрамовой истязанию и причинила раны, грозящие смертью. Всё происшествие произошло следующим образом: кр. Абрамова однажды зашла за милостыней в кв. Пинкус, где у нее, под благовидным предлогом, взяли ребенка, унесли в другую половину дома и возвратили только через очень продолжительное время, когда Абрамова начала с плачем требовать возвращения ребенка, причем, когда ребенок был возвращен, то он оказался весь исколот каким-то орудием».

Из дела можно усмотреть, что «на подобное изложение обстоятельств случая натолкнул Абрамову священник Ракитский, который обо всем составлял отчеты и таковые посылал в Петроград, где они печатались, с разного рода комментариями, в газете «Русское знамя», причем высказывались суждения, что «истязание ребенка, действительно, было с ритуальными целями» и «что виновность жидов в этом деле не подлежит никакому сомнению».

Приняв во внимание все обстоятельства дела и показания свидетелей, «смоленский окружной суд определил: признать А. И. Дубровина, Н. И. Еремченко и свящ. Н. Ракитского виновными по предъявленному к ним обвинению» по ст. 1535, ч. II, и приговорил каждого заключить в тюрьму на 6 месяцев, како-

вой срок, в силу высочайшего указа от 21 февраля 1913 г., был сокращен на одну треть, т. е. на два месяца, Абрамова была оправдана. Апелляционные жалобы осужденных московскою судебною палатою оставлены без уважения.

(Дело 2-го уголовного отделения смоленского окружного суда 1914 г., № 75, л. 238.)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПЕРЕПИСКИ О ПРЕДСЕДАТЕЛЕ ГОМЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА АКИМЕ ДАВИДОВЕ, ЗА 1906 — 1911 ГГ.

Давыдов, в письме на имя тов. мин. вн. дел Курлова, пишет: «Ваше превосходительство, меня, быть может, помните еще по Полтаве, куда я по вашему слову привез 200 человек из Гомеля в охрану государя. Знает почти весь С.-з. край и вся Россия, что я в самый разгар революции 1906 г. в январе потряхнул жидовским Гомелем, да так, что надолго отбил у жидов по всему краю охоту давать свою революцию».

Могилевский губернатор, в письме от 31 мая 1910 г., на имя директора деп. пол. Н. П. Зуева, сообщает: «... Давыдов человек мало развитой и не интеллигентный. Он отличается крайне невосдержанным и грубым нравом. 15 февраля 1909 г. Давыдов нанес артельщику гомельского потребительного общества финским ножом шесть тяжелых ран, за что привлечен к ответственности по 9 и 1455 ст. улож. о нак. У прокурора могилевского окружного суда имеется дело по обвинению Давыдова в троеженстве... Он вечно угрожает «разгромить всех жидов»».

Справка деп. полиции: «Давыдов из честолюбия присваивает себе право разъяснять, в каком ему угодно смысле, обязательные постановления, вмешивается в распоряжения местных полицейских властей, городской думы и управы и этим возбуждает население против установленного порядка. На съезде представителей отдела с. р. н. в Киеве на А. Х. Давыдова пал жребий убийства графа Витте».

Гомельский отдел союза русского народа был реорганизован, и Давыдов из означенного отдела был исключен.

Новые члены союза — Усевич, Лукомский и Воронович — заявили тов. прокурора могилевского окружного суда, что «некоего Михаила Кожемякина убил 28 июня 1906 г. Давыдов и что член того же отдела с. р. н., Александр Ганкевич, был очевидцем сего убийства. У Давыдова был произведен обыск, который обнаружил: несколько записок от разных лиц о том, что они кончают жизнь самоубийством и в смерти своей никого не винят, а также письмо за подписью Давыдова на имя еврея Эйдлина, предупреждающее, что если последний не даст 3 000 р. Ждановичевой, то будет убит. Записки о самоубийстве, по объяснению свидетеля Усевича, выдавались Давыдову членами».

боевой дружины, каковые за измену союзу должны были быть убитыми».

В письме на имя И. Г. Щегловитова, тов. мин. вн. дел П. Г. Курлов пишет: «Судебное рассмотрение дела о Давыдове, возникшего в 1906 г., представляется по политическим соображениям совершенно нежелательным, ибо постановка этого дела на суде, несомненно, вызовет ряд крайне нежелательных осложнений».

Дело кончается письмом на бланке «за министра юстиции» на имя П. Г. Курлова. В этом письме сообщается, что «определением могилевского окружного суда от 5 мая 1911 г. дело об убийстве Давыдовым мещанина Кожемякина прекращено».

*(Из дела департамента полиции 1910 г.,
№ 258, лл. 1 — 36.)*

КИЕВ, ХАРЬКОВ, ПОЛТАВА, ЕКАТЕРИНОСЛАВ, БЕССАРАБИЯ. ХЕРСОН.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ В ГАЗЕТЕ «РУСЬ» ОТ 12 ДЕКАБРЯ 1906 Г.

Киев. Белая гвардия. 5 декабря состоялось конспиративное заседание боевой дружины местного союза русского народа, на котором было доложено, что, по донесениям «членов-наблюдателей», местным университетом «завладели разные освободители» и изо дня в день устраивают там «самые опасные для государства сходки», а потому и необходимо сейчас же принять энергичные меры «для очистки университета от крамольных поползновений».

«Меры» эти вылились в особый «приказ», который, в главных своих чертах, сводится к следующему:

1. Члены боевой дружины и все единомышленники, «пожелавшие действовать активно», обязаны ежедневно собираться к 12 ч. дня на ближайших к университету улицах, причем не должны «группироваться», а обязаны находиться друг от друга в некотором расстоянии.

2. По данному «членами-наблюдателями» сигналу все должны быстро входить в здание университета и следовать в аудиторию, где происходит «освободительная сходка».

3. «Предводитель» «непременно в категорической форме» предлагает «освободителям» немедленно разойтись, причем переписывает всех участников. Список этот впоследствии передается «подлежащим ведомствам для обязательного расследования».

4. Председатель сходки немедленно арестовывается и под особым конвоем «боевиков» препровождается в полицейский участок.

5. Если же «освободители» окажут нежелание разойтись или попытаются сопротивляться какими-либо другими путями, то боевая дружина немедленно должна приступить к употреблению физической силы, т. е. пустить в ход такое же «захватное право», каким постоянно пользуются «они».

6. При употреблении физической силы действовать специальными резиновыми тростями, которые будут выдаваться в главном штабе союза русского народа.

7. Там же можно получать для беспрепятственного входа в университет студенческие билеты и форменное студенческое одеяние, как-то: шапку и тужурку.

8. Огнестрельного оружия ни в коем случае не употреблять.

Из этого «приказа» вполне ясно, что и у нас, по примеру Одессы, образовалась особая «студенческая» фракция «белой гвардии» и теперь нужно ожидать таких же ее славных деяний, как и в Одессе, т. е. зверских избиений беззащитной учащейся молодежи.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1905 г., № 999, ч. 39, т. I, л. 349.)

ЦИРКУЛЯР КИЕВСКОГО ГУБЕРНАТОРА А. Ф. ГИРСА, ОТ 24 ФЕВРАЛЯ 1912 Г., НА ИМЯ УЕЗДНЫХ ИСПРАВНИКОВ.

Союз русского народа имеет в высочайше вверенной мне Киевской губернии свои отделы в местечках и селах, носящие на своем стяге девиз «За веру, царя и отечество»; отделы этой партии, согласно своему уставу, стоят на страже величия святой православной церкви и державных прав русского самодержца. Объединенный святой задачей, союз, естественно, встречает поддержку всех органов правительства в деле укрепления в сознании народа высокопатриотических идей. Поддержку эту должны бы оказать отделам и местные полицейские власти, но, как усматривается из имеющихся у меня сведений, чины полиции не всегда относятся отзывчиво к лучшим проявлениям деятельности отделов союза, допускают порою недружелюбное к ним отношение, которое я не могу признать нормальным. В виду сего, прошу иметь в виду, что, поскольку отделы союза направляют свою работу в строгом согласовании с требованиями закона, придерживаясь правил своего устава, поскольку они работают на благо русскому патриотическому делу в губернии, чинам полиции следует оказывать им полное и всестороннее содействие, а отношение к их представителям должно быть предупредительное и корректное.

Сообщая об изложенном к руководству, я, с другой стороны, обязываюсь отметить то обстоятельство, что в последнее время некоторые из лиц, входящих в состав отделов, позволяют себе часто, прикрываясь ложными задачами союза, проявлять деятельность, клонящуюся к распространению среди русских крестьян смуты, к внушению необходимости насильственных действий против инородцев и к сеянию в умах доверчивых крестьян разных вздорных и преступных идей, грозящих нарушением спокойствия и печальными последствиями экономических и аграрных волнений. Подобная вредная и опасная деятельность, какими бы высокими девизами ни прикрывалась, не может быть терпима и в корне подрывает симпатии к союзу и доверие к нему населения. Поэтому, отмечая указанные нетерпимые явления в среде отдельных представителей отделов, я призываю зорко следить за попытками лиц распространять под знаменем союза

волнение и смуту среди населения губернии. При обнаружении чинами полиции случаев явно вредной деятельности подобных «союзников», направленной в ущерб общественному спокойствию и интересам мирных обывателей, следует, по точном выяснении обстоятельств дела, представлять мне о сем дознания на предмет исходатайствования высылки виновных из пределов губернии. Что же касается тех «союзников», которые будут уличены в распространении ложных, волнующих население слухов, или в подстрекательстве к стачкам и забастовкам, то о них надлежит составлять протоколы установленным порядком и таковые представлять мне для наложения в административном порядке взысканий, согласно обязательным постановлениям начальника края от 5 ноября 1910 года.

От начальников полиции я в праве ожидать вдумчивого и серьезного отношения к изложенным здесь крайне важным указаниям. От них же будет зависеть и направление деятельности подведомственных им чинов полиции по отношению к организациям и членам союза в каждом отдельном случае.

(То же дело, т. VI, л. 18.)

ЗАПИСКА ПРАВОСЛАВНЫХ КРУГОВ КИЕВА ОТ 14 ЯНВАРЯ 1917 Г.

Доклад председателя гос. совета И. Г. Щегловитова Николаю II от 14 января 1917 г.

Ваше императорское величество, всемилостивейший государь. Один из членов государственной думы, священник Митроцкий, примыкающий по своим политическим убеждениям к группе националистов, передал мне записку, которая, по его словам, будет подана правительству от русских кругов Киевской губернии со множеством подписей. В записке этой изложены весьма трезвые мысли о мерах, необходимых для противодействия надвинувшемуся политическому психозу, который угрожает исконным началам нашей государственности.

Почитаю со своей стороны верноподданническим долгом представить указанную записку вашему императорскому величеству, как новое доказательство того, что истинные сыны нашей родины мыслят вовсе не так, как о том от имени всей страны решаются докладывать вашему величеству многие лица.

Записка правых.

Православные русские круги г. Киева и Киевской губернии, объединенные беззаветной преданностью своему государю и горячей любовью к отечеству, по тщательном обсуждении внутреннего состояния России, пришли к мысли о необходимости, в силу патриотического долга, представить высшей власти коллектив-

ные соображения о современном положении страны и о тех мерах, осуществление которых усилило бы духовную мощь России и дало бы ей полное внутреннее успокоение.

Прежде всего, православные киевляне категорически утверждают, что подавляющее большинство трудового населения сел и местечек — крестьяне, мещане, сельское духовенство, мелкие землевладельцы, чиновный класс и русские помещики, словом — всё, что представляет собой в Юго-западном крае коренной русский народ, несмотря на усиленную пропаганду революционных идей местной левой печатью, попрежнему остается глубоко консервативным во всех областях своей политической, социальной, общественной и религиозной жизни, попрежнему твердо придерживается традиционных воззрений на самодержавие русских царей, как на единственный источник предрержащей власти в Русском государстве.

В противоположность политическим идеалам коренного русского народа, местные кадетско-еврейские интеллигентные круги, действуя по указке вожakov прогрессивного большинства государственной думы и давно организованной антигосударственной лиги земцев, упорно и совершенно беззастенчиво дискредитируют существующий государственный строй. Левая пресса, симулируя общественное мнение и делая дерзкие выпады против высшей власти, создает в крупных центрах чрезвычайно удушливую атмосферу. Восхваляемая на всю Россию разрушительная работа темных сил «прогрессивного» блока и вожakov «общественных» организаций становится, наконец, опасной для спокойствия народных масс и требует к себе самого серьезного отношения со стороны всех, кому дорога духовная мощь государства в столь критический момент.

Православные русские круги г. Киева, встревоженные полным отсутствием строго обдуманного и правильно организованного плана решительной борьбы с антигосударственными силами, поднимающими в стране смуту и способствующими усилению продовольственной разрухи, считают своим патриотическим долгом обратить внимание правительства на следующие недопустимые явления с точки зрения государственных интересов:

1. Никакое учреждение, существующее в государстве, никакие организации, преследующие общественные интересы, ни отдельные лица, ни группы политических деятелей, никто не смеет расстраивать действующий государственный аппарат в момент величайшей опасности для страны, когда враг посягает на ее целостность и даже на ее независимое существование. Всё несогласное, всё недовольное должно умолкнуть перед страшной угрозой русскому народу и его потомству. История дает нам поразительный пример политического такта и партийного терпения в лице римского сената, когда Ганнибал угрожал нанести Риму сокрушительный удар. Римский сенат, веками привыкший к вла-

сти, во имя внутреннего спокойствия и спасения государства сделал над собою величайшее усилие, когда вышел навстречу выскочке-плебею в самом худшем значении этого слова, Варрону, виновнику величайшего позора и неисчислимых бедствий для Рима. А наша государственная дума, едва только начавшая первый период своей жизни, объявляет бойкот министрам, открыто подстрекает страну к активному неповиновению существующей власти. Вместо того, чтобы всеми силами поддержать и защищать то кормило правления, какое оказалось в действии в самом начале военной бури, большинство государственной думы открыто выражает вслух всей России дерзкое требование смены не только лиц, но и всей системы нашего государственного строя. Разрушая с думской кафедры престиж власти, члены государственной думы, при молчаливом согласии президиума последней, осмелились поносить и высших иерархов русской церкви. Они действовали в этом случае вполне сознательно, ибо помнят, что во все смутные эпохи на Руси святители церкви смело становились поперек дороги всяким «перелетам» и изменникам народа.

Русские православные люди, подлинная страна в лице мирно трудящихся классов, устали, наконец, от непрерывных угроз, осуждений и брани по адресу высшей власти. Они начинают роптать на государственную думу за явное нежелание честно исполнять свой долг перед царем и отчизной. Они негодуют на председателя думы, сознательно низводящего думскую кафедру на ступень всероссийской революционной трибуны. Они страстно желают внутреннего мира, полного единения всех классов и сословий и дружного труда на армию и флот ради победы над врагом.

Всем мирным русским людям кажется странным и непонятным то отношение правительства к бунтующему большинству государственной думы, каким, несомненно, умаляется в глазах народа как центральная, так и провинциальная власть.

Во имя блага отечества, во имя победы над врагом киевские православные русские круги, обращая мысленные взоры к державному хозяину Русской земли, просят министров, окружающих его трон, поставить государственную думу на указанное ей основным законом место и заставить ее президиум не допускать, по крайней мере до окончания войны, никаких эксцессов, разрушающих мир в стране и подрывающих авторитет существующей власти.

2. История человечества еще не знает примера, чтобы городское самоуправление в какой-либо стране стало в оппозицию к существующей государственной власти, чтобы оно публично выражало недоверие к высшему правительству в ту самую пору, когда эта страна, истекая кровью в борьбе с лютым врагом, больше всего нуждается в полном единении и в сильной власти.

А между тем, московская городская дума на всех стогнах своего города печатно объявляла своим гражданам, что нынешнее правительство не пользуется доверием страны. Примеру Москвы последовали многие самоуправления провинциальных губернских городов. По почину Москвы и под руководством ее служилых людей началась самая бессовестная подделка под голос народа. В нужные моменты, при нажатии кнопок общегородского союза, сыплются в центр из периферии, как из рога изобилия, тысячи телеграмм, так или иначе осуждающих центральную власть. Реально существующая инсценировка общественного мнения приняла, благодаря еврейско-кадетской печати, совершенно сказочный характер. Одних она пугает, других вводит в заблуждение, третьих втягивает в сферу своих темных влияний.

Русские интеллигентные круги г. Киева, в интересах спокойствия страны, находят необходимым просить правительство сделать распоряжение о том, чтобы местные власти обязательно привлекали городских голов к уголовной ответственности, по законам военного времени, за все допущенные ими в собраниях речи и постановления, подрывающие авторитет и доверие к существующей власти и ко всей системе государственного управления.

3. Так называемые общественные организации, под которыми разумеются общеземские и общегородские союзы, а также беженские комитеты, стяжали себе в народе и даже в интеллигентных национальных кругах самую дурную славу.

Народ видит, что в эти организации ушло всё, что убоялось службы на фронте и что не мыслит добра России. Люди, отличавшиеся на местах полным национальным индифферентизмом, вдруг облачились в полувоенные мундиры защитного цвета и стали почти хозяевами края. Евреи и поляки, остававшиеся в тени до начала военных действий, вместе с русскими людьми определенной политической окраски наполнили «общественные» организации и, ворочая колоссальными суммами денег, оказались в роли диктаторов уездов и целых губерний.

Простой народ никогда не забудет, как во время устройства в нашем крае окопов агенты «общественных» организаций платили вдвое и втрое за все продукты, за подвозку материалов и за поденные работы. В селах и местечках имеются тысячи доказательств того, что земские офицеры не жалели казенных денег. Безумная трата денег во время окопных работ была первым этапом на пути к продовольственной разрухе. В дальнейшем усилении этой разрухи виноваты те же «общественные» организации, вместе с агентами министерства земледелия. Не они ли в самом начале минувшего лета, когда цены на хлеб, на сало и мясо были немного выше нормальных, совершенно неожиданно и без всяких разумных оснований сразу повысили таксу в виде «твердых цен» на 30 — 50 процентов? Эти безумные выпады в хозяйственной жизни края были вторым фазисом в деле искус-

ственного развития продовольственной разрухи. Печальное положение ближайшего к фронту тыла, в смысле продовольственной разрухи, не может измениться к лучшему до тех пор, пока право бесконтрольного распоряжения всеми продовольственными запасами известной территории не будет изъято из рук безответственных агентов «общественных» организаций. В Киеве, например, еврей Соломон Франкфурт, оказавшийся в роли уполномоченного министерства земледелия по снабжению армии са-лом, своими манипуляциями в области реквизиций и особенно транзита жировых веществ по железным дорогам довел всё население края, частные лазареты и даже военный госпиталь (на 10 тысяч кроватей) до такого состояния, за которым могут последовать печальные эксцессы. Другой еврей, Зельман Копель, агроном киевского уездного земства, по распоряжению последнего, за несколько дней до праздника Рождества Христова, реквизируя приготовленный для населения Бородинской волости весь сахар. Ропот и негодование населения, оставшегося на праздниках без сахара, несколько не беспокоит ни уездную земскую управу, ни ее агента, еврея Копеля. Сотни подобных евреев, многие агенты «общественных» организаций, не говоря уже об уполномоченных министерства земледелия, совершенно бесконтрольны и так забронированы от запросов, вмешательства и жалоб со стороны населения края, что последнему остается только молчать и страдать. На местах зарегистрировано огромное количество фактов, дающих основание допустить существование сознательной тенденции у «общественных» организаций — вносить расстройство в жизнь тыла и создавать атмосферу всеобщего недовольства.

Общее мнение негодующего по этому случаю русского народа таково: необходимо немедленно изменить систему отношения правительства к общеземским и общегородским учреждениям в том смысле, что работа открытых ими учреждений должна быть признана государственно-необходимой, обязательно производящейся только за государственный счет, но непременно от имени правительства и под тщательным контролем его доверенных лиц. План постепенной, но незамедлительной замены руководящих лиц и реального хозяйственного контроля должен быть разработан и осуществлен как можно решительнее и скорее. Далее, все военнообязанные, находящиеся на службе во всех «общественных» организациях и уездных земских управах, исключая председателей последних и руководителей отдельных учреждений, непременно должны быть призваны на действительную военную службу. Этого требует народная совесть, не желающая мириться с тем, что «общественные» организации оказались какими-то нейтральными учреждениями, освобождающими русских граждан от воинской повинности в столь критический для России момент. Все взятые на военную службу

могут быть легко заменены женщинами, ветеранами и вообще неспособными к действительной службе на фронте. Наконец, в отношении «общественных» организаций следует осуществить еще одну, безусловно необходимую меру. Мы имеем в виду то обстоятельство, что, вследствие полного отсутствия правительственного контроля, в прошлом, когда зарождались «общественные» организации, последние установили для своих учреждений бесконечные штаты, кошмарные сметы и безумно разорительные для страны оклады содержания, подъемные, суточные и разъездные. Агенты «общественных» организаций сами удивляются баснословным размерам своего жалованья и всяких добавочных, щедро отпускаемых начальством. Идея справедливости и интересы казны требуют того, чтобы штаты и оклады содержания в «общественных» учреждениях, на всё время их существования до окончания войны, были пересмотрены и установлены в полном соответствии с учреждениями, ведающими аналогичные дела. Во всяком случае, огромное количество мелких и крупных частей сложного аппарата общеземских и общегородских организаций, созданных за счет государственного казначейства, немедленно должны быть переданы в ведение специального правительственного органа по продовольственному делу. Этого требует спокойствие России, это долг правительства, как ответственного института за внутренний порядок в стране и за планомерную работу на оборону.

4. Продовольственное дело можно организовать очень просто и несложно. В этом деле необходимо строго разграничить функции исполнительные от руководящих. Первые принадлежат городским и земским управам, а также всем мелким участковым комитетам, которые на местах могут быть призваны к жизни, при широком участии местного духовенства. Руководящие функции принадлежат исключительно областным и губернским продовольственным советам, возглавляемым на местах высшими властями. В эти советы должны входить по 4 представителя от уездных предводителей дворянства, от уездных городских голов, от уездного духовенства, мировых посредников и по одному представителю от каждой уездной земской управы. Областным и губернским советам вменяется в обязанность иметь самые точные сведения о наличном запасе продуктов в своем районе и своевременно разрабатывать план продовольственного обеспечения. Исполнение же этого плана лежит на обязанности городских и земских управ, а также участковых комитетов. Для урегулирования транзита, для правильного распределения недостающих на местах продуктов и координирования деятельности губернских советов по всей России необходимо создать высший правительственный орган, о котором сказано раньше. Членами этого органа должны быть лица избранные, по одному от всех губернских продовольственных советов.

5. Не менее беспокоит русских людей на местах и то состояние

ежедневной прессы, какое наблюдается в настоящее время во всей России. Вся она, за весьма незначительным исключением, поддерживает свое существование на еврейские и, более того, на интернациональные капиталы, принадлежащие не русским банкам. Не удивительно, что эта пресса с каждым днем усиливает свой злостный, антинациональный, противоправительственный и противоцерковный характер. Не удивительно, что кадетские еврейские газеты, будучи в тесном союзе с главарями общеземских и общегородских организаций и действуя вполне солидарно с лидерами большинства государственной думы, направляют все усилия к тому, чтобы перевоспитать русское общество в духе своих политических идеалов. Подхватывая на лету всё, что так или иначе дискредитирует правящие круги и консервативные элементы, эти газеты очень часто симулируют мнение страны, чтобы сбить с толку умеренные круги, чтобы революционизировать огромные массы трудящегося люда. Осмеивая и забрасывая грязью патриотически-стойких людей и целые сословия, за которыми привыкло идти всё многочисленное деревенское население России, вожди и вдохновители революционной прессы, подобно германцам, попирают и все божеские и человеческие законы. Для них не существует в России ни святынь, ни исторических прав, ни национальных устоев. Ненавидя всё русское, всё национально-православное, уходящее корнями в глубину веков, они упорно внушают читателям свою заветную мечту добиться ответственного министерства, как первого этапа по пути к осуществлению республиканского трафарета.

Долг правительства — немедленно осуществить следующие две меры. Во-первых, необходимо издать на всё время военных действий закон, безусловно воспрещающий печатание речей, резолюций и статей, направленных против системы управления или существующего строя, а также призывающих к недоверию правительству и осуждающих иерархов русской церкви и тем смущающих совесть народа. Во-вторых, правительство обязано заполнить тот печальный пробел в условиях интеллектуальной жизни широких народных масс, какой является самым уязвимым местом для всех враждебных и нерусских влияний. Мы говорим о полном отсутствии на местах русских национальных газет. Народ вынужден читать кадетскую-еврейскую прессу, вынужден знакомиться с жизнью России в ложном освещении ее внутренних врагов. День за днем, слово за словом, ложь за ложью, и революционная пресса верно идет к намеченной цели. Было время, когда наше правительство, в лице покойного Столыпина, создало свой долг перед русским народом, когда оно, правда — очень несмело, создавало на местах, за счет государственного казначейства, настоящие русские органы печати, вполне отвечающие духу, воззрениям и чаяниям коренного русского народа. Теперь, когда Россия несомненно переживает

величайший исторический момент своего существования, когда, рядом с опаснейшим натиском немцев, идет внутри России самая жестокая борьба за всё русское, искони святое, начиная с языка и веры и кончая прерогативами царского престола, теперь правительство должно помочь русскому народу иметь общественный язык, должно дать средства на издание дешевых русских газет в нескольких крупных городах и центрах. Направленные во все села, деревни и даже хутора, напечатанные к тому же популярным языком, эти газеты будут для народа национально-политической школой. Народ жаждет сведений с поля битвы. Народ хочет иметь сведения о том, что делается в России и с кем ему по дороге. Вот почему необходимо как можно скорее начать издание русских народных газет в таких крупных городах, как Киев, Одесса, Харьков, Ростов-на-Дону, Москва, Нижний-Новгород и Самара. Каждая газета должна обслуживать несколько губерний. Например, киевская газета может быть направлена при самой срочной пересылке во все населенные пункты Киевской, Полтавской, Черниговской, Подольской и Волынской губерний. Затраченные на это просветительное дело казенные деньги принесут такую же пользу государству, какой мы ожидаем от народных школ и народных читален. Наконец, нельзя не учесть и того обстоятельства, что армия в буквальном смысле наводняется левой прессой. Все военные части юго-западного фронта должны получать из Киева национально-русские газеты и здоровую литературу. Наши культурно-просветительные силы охотно принимают на себя издательские функции, если на это будут отпущены средства.

6. Русские национальные круги г. Киева крайне обеспокоены отсутствием подготовительных мер к выборам в 5-ю государственную думу. От состава и национального блока этой думы будет зависеть многое в грядущих судьбах России. Не допуская и мысли о продлении полномочий нынешней государственной думы по причине ее абсолютного нежелания работать в условиях существующего государственного строя, русские национальные круги Киева, на основании опыта прежних лет, находят безусловно необходимым немедленно приступить, прежде всего, к детальной разработке плана выборов на местах и затем уже к очень сложным работам в центре, от которых будет зависеть осуществление всего выборного проекта. Подготовительные работы на местах потребуют для своего осуществления значительных перемен, затраты средств и много времени. Необходимо по каждой губернии выяснить и точно определить, при каком наличном составе административных лиц и при каких условиях самой техники выборного дела можно гарантировать благополучный исход выборного дела в известный момент.¹

¹ Записка эта доложена б. императору 17 января 1917 г., и на ней положена им резолюция: «Записка достойная внимания».

Отзыв кн. Н. Д. Голицына о записке.

Вашему императорскому величеству благоугодно было все-милостивейше препроводить ко мне представленную вашему величеству председателем Государственного совета записку с изложением взгляда представителей русских общественных кругов гор. Киева по поводу современных запросов политической жизни. На означенной записке вашим величеством собственноручно начертано: «Записка достойная внимания».

Вследствие сего обязываюсь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что упомянутая записка, несомненно, заслуживает внимательного соображения и, во исполнение высочайшего предуказания, затронутые в ней вопросы будут подвергнуты подробному обсуждению в одном из ближайших заседаний совета министров. В частности, долгом поставляю отметить, что один из возбужденных составителями записки вопросов — о необходимости обязательного привлечения к ответственности городских голов за допущенные ими в собраниях противоправительственные речи и постановления — уже получил свое разрешение: особым секретным циркуляром министра внутренних дел вменено губернаторам в обязанность привлекать к законной ответственности председателей городских дум и земских собраний за допущение политических резолюций противоправительственного содержания.

Князь Николай Голицын.

*(Найдено при обыске Чрезв. следств.
комиссией у кн. Н. Д. Голицына в марте
1917 г.)*

ДОКЛАД ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ХАРЬКОВСКОГО СРН, КОВОТА-КОНОШЕНКОВА, ОТ КОНЦА 1915 Г., НА ИМЯ МИНИСТРА ВН. ДЕЛ.

В Государственной думе, а затем на многочисленных съездах всё настойчивее и настойчивее возбуждаются вопросы об ответственном министерстве и еврейском равноправии.

Обсуждение этих вопросов, зажигательные речи ораторов, принадлежащих к левым политическим партиям, вносят волнение и тревогу в широкие круги населения и порождают рознь и разделение в стране, которая так нуждается в единении всех ее сынов для окончательного поражения врага.

Требование левыми политическими партиями ответственного министерства, т. е. стремление к ограничению власти царя и захвату власти в свои руки, является явно революционным актом, так как находится в полном противоречии с основными законами и присягой, которую давал каждый русский гражданин на верность царю самодержавному. Эти революционные выступления раздражают ту часть населения, для которой присяга

не пустой звук, а дело святое, которая служит царю не за страх, а за совесть, которая верит только царю, а не тем говорунам, которые устраивают съезды, говорят длинные речи, организуют комиссии и подкомиссии, комитеты. Эти выступления раздражают народ еще более потому, что они исходят часто от представителей крупных торгово-промышленников, которые, по свидетельству даже либеральной печати, занимаются спекуляциями и повысили цены на предметы первой необходимости до высшей степени, заботясь о наживе и забывая о нужде миллионов бедных людей.

Подобные преступные выступления долее терпимы быть не могут. Они могут вызвать печальные последствия. Не может быть терпимо также теперь и обсуждение вопроса о еврейском равноправии. Обсуждение этого вопроса, назойливо выдвигаемого левыми партиями, должно быть отложено до тех пор, пока не возвратятся наши чудо-богатыри, увенчанные победой, и не поведают нам о том: действительно ли евреи, удостоенные высокой чести быть в рядах русского воинства, сражались с врагом, или сдавались в плен; полагали ли они жизнь свою за Русскую землю, или занимались шпионажем и губили тысячи наших героев.

Всё внимание русских людей должно быть обращено на борьбу с врагом, на помощь нашим доблестным войскам. Единственные вопросы, которыми, совместно с вопросом о борьбе с врагом, должны заняться теперь все русские люди, любящие свою родину, — это вопросы о ликвидации навсегда немецкого землеуладения, полная ликвидация всяких обязательств и договоров русских подданных с немцами, касающихся земли, дабы земля вновь не попала в руки немцев, и улучшение быта нашего многомиллионного крестьянства.

Крестьяне безропотно, по зову царя, послали своих сыновей на смертный бой с врагом, завещав им победить или умереть; и их сыновья свято исполняют этот завет, изумляя весь мир своими подвигами. Многие из них уже спят могильным сном во вражеской и Русской земле, завещав оставшимся в живых братьям-воинам не посрамить земли Русской. Пусть же те герои из крестьянства, которых господь оставит в живых, возвратятся на родину с победными знаменами, увидят, что родина им благодарна не на словах, а на деле, исполнила их заветное желание: пусть она приготовит им, их отцам и братьям, не ответственное министерство, не еврейское равноправие, а прежде всего материальное положение, которое было бы не хуже того, коим пользуются в России немцы-колонисты. Вот те мысли и чувства, которые волнуют в настоящее время самые широкие круги населения и особенно многомиллионное крестьянство и о которых совет харьковского союза русского народа считает своим патриотическим долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства.

ДОНЕСЕНИЕ ПОЛТАВСКОГО ГУБЕРНАТОРА В ДЕПАРТАМЕНТ
ПОЛИЦИИ, ОТ 12 ЯНВАРЯ 1907 Г.

Лохвицкий уездный исправник, рапортом от 5 сего января, донес мне, что 29 и 30 декабря в г. Лохвице, в помещении церковно-приходской школы при благовещенской церкви, на собрании местного духовенства, с соборным протоиереем Георгием Галковским во главе, и местных прихожан, по поводу открытия лохвицкого отдела союза русского народа и торжественного по этому случаю освящения иконы, священник николаевской г. Лохвицы церкви, Иосиф Клепачевский, состоящий в должности законоучителя лохвицкого частного реального училища, публично высказал порицание союзу русского народа, называя его «революцией справа», что союз может нравиться только помещикам, что царь наш, после акта 17 октября 1905 года, ограниченный и что он, Клепачевский, только сочувствует программам союзов «17 октября 1905 года» и «Мирного обновления».

Агитация священника Клепачевского имела огромное влияние на его прихожан. Так, например, после речей Клепачевского, председатель отдела союза Гончаренко обратился к присутствующим со словами: «Что же мне делать, я человек темный, мало понимающий в этом деле, кого же мне слушать, как не своего батюшку». На другой день Гончаренко отказался от звания председателя отдела союза русского народа, вслед за ним последовали его примеру некоторые прихожане николаевской церкви, прося секретаря отдела вычеркнуть их из списка членов союза русского народа, ссылаясь на то, что приходский их священник Клепачевский также не пожелал принять участие в этом союзе.

О вышеизложенном, сообщив епископу полтавскому и переяславскому, долгом считаю уведомить департамент полиции, присовокупляя, что полицейское дознание по этому делу оканчивается и будет направлено жандармской власти.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1905 г., № 999, ч. 39, т. II, л. 22.)

СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО И. Д. ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО ГУБЕРНАТОРА
ШИДЛОВСКОГО, ОТ 2 МАРТА 1907 Г., НА ИМЯ МИНИСТРА
ВН. ДЕЛ.

На телеграмму вашего высокопревосходительства от 15 февраля, по поводу жалобы евреев г. Александровска о готовящемся погроме, я имел честь ответить, что никаких беспорядков в Александровске не предвидится и что я приму во всяком случае все необходимые к недопущению их меры.

При том же предположении, что всё пройдет благополучно, я остаюсь и ныне, но, вместе с тем, считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству, что в Александровске есть серьезные причины к возникновению — по меньшей мере — слу-

хов о возможности погрома или, вообще, массовых насилий над еврейским населением.

Как сие ни печально удостоверить, а виновниками такого положения дела должны быть признаны, в сильной степени, представители местной административной власти. Дело в том, что в Александровске довольно сильно развил свою деятельность союз русского народа. Отделения союза имеются и в других городах и даже заводских местностях губернии, и, хотя всюду они держатся почвы антисемитизма, но, благодаря воздействию ближайшей администрации, деятельность союза в Екатеринославской губернии, в общем, не выходит из рамок полной законности и порядка.

Было бы даже небезосновательным признать союз за националистическую патриотическую партию, несомненно весьма необходимую в настоящее время для уравнивания политических течений русской жизни. В частности, отдельные общества, например в Каменском заводе, даже требуют от своих сочленов воздержания от пьянства и не стесняются исключать из своей среды лиц нетрезвых и неразумных.

Иным представляется положение дел в Александровске. Там союз образовался не только под покровительством, но почти по инициативе местных правительственных служащих, причем в его главе активными деятелями стали жандармский ротмистр Будаговский, судебный следователь Майдачевский, исправник Вивульский и некоторые другие полицейские лица.

Вашему высокопревосходительству известна личность ротмистра Будаговского. Со своей стороны укажу, что это фанатично преданный националистическим и патриотическим идеалам человек и человек очень решительный и храбрый. По доставленным мне сведениям, я не могу назвать его лицом консервативных убеждений, так как в вопросе, например, аграрном он склоняется уже к крайним партиям, — и тому должно отчасти приписать несомненное влияние, которое он имеет и на часть рабочего населения Александровска. Одинаково о следователе Майдачевском и исправнике Вивульском я не могу ничего сказать предосудительного для них или порочащего их.

Но упрек, который им всем и в особенности ротмистру Будаговскому должно сделать, это — проведение антисемитических воззрений в их служебной деятельности.

Антисемитизм, возможно, даже полезен в нашей местности, когда он проводится частными лицами или общественными деятелями, но он нетерпим, — позволю себе так выразиться, — в действиях и поведении лиц правительственных. В городах Екатеринославской губернии громадный процент жителей — евреи, и проявление к ним огульного недоброжелательства, презрения и пристрастности — вещь недопустимая и нежелательная.

Между тем таково, несомненно, положение дел в Алексан-

дровске. Посланное мною доверенное лицо, — толковый чиновник особых поручений, — доставил мне неопровержимые сведения, что местная власть, в целях поддержания влияния союза, вступила в слишком тесные дружеские общения с отдельными его членами, не относясь всегда с достаточной разборчивостью к их личным качествам. В отличие от других отделений союза в губернии, активными деятелями являются в низшем сословии лица подчас нетрезвые и невоздержные, как-то: Щекотинин, Федоров, Шемарев, Премаков и т. п., между тем эти лица находятся под особым покровительством местных властей и их выходки антиеврейского характера проходят им безнаказанно.

Чтобы не быть голословным, сейчас укажу, что, например, дело о безобразном скандале на вокзале, произведенном в феврале Щекотининым, осталось без всякого движения; что лишь по моем телеграфном запросе было доставлено дознание о буйстве и нанесении побоев нескольким евреям членами союза Федоровым, Шемаревым и другими, каковые их действия вызвали обращение к вашему высокопревосходительству члена думы Караваева; что факт разброса в предвыборное время массы прокламаций с угрозами погрома евреям в случае их участия в избрании выборщиков — был не донесен полицией высшей администрации и т. д.

Кроме этого, должен отметить еще нечто большее: в частных разговорах с командированным мною чиновником, исправник Вивульский и ротмистр Будаговский, не без некоторого внутреннего одобрительного отношения, высказывали, что погром «жидов» весьма вероятен, но что их на этот раз не будут однако грабить, а будут лишь «резать», а на вопрос о принятии мер к недопущению погрома оба лица слишком преждевременно высказывались за будущую неуспешность таковых. Характерно отметить, что ту же фразу о «резании жидов» сказал тому же чиновнику один из крайних, неофициальных представителей союза.

Меня лично не беспокоит такое в высшей степени неодобрительное отношение к серьезнейшему вопросу упоминаемых мною должностных лиц, основанное на нескрываемом и всему населению известном их нерасположении к еврейскому населению: в Александровске помещена рота пехоты с весьма решительным командиром, получившим от своего начальства соответствующие указания, — но о всем вышеизложенном я ставлю себе в долг доложить вашему высокопревосходительству.

Имею честь предупредить, что я не уверен в том, что и губернатор вполне согласен со мною во взгляде на дело; возможно, что по возвращении в Екатеринослав, по докладе моем и ознакомлении с обстоятельствами дела, он сообщит вашему высокопревосходительству и иные воззрения; но, будучи ответствен за порядок в губернии за время исправления губернаторской должности, я считаю необходимым представить на внимание ва-

шего высокопревосходительства как все вышеприведенные сообщения, так и мое личное предположение о необходимости обновить состав служащих в Александровске. В служебном отношении большинство из них заслуживают повышений, освобождение же от них Александровска было бы, по моему мнению, желательно. Сомневаюсь, чтобы их уход повлиял бы в дурном смысле на жизнь города; неправомерное же давление их на еврейское население Александровска, или, вернее сказать, давление на более состоятельную и спокойную часть его, несколько не влияет благотворно на общее политическое положение губернии и является в вопросах общей консервативной государственной политики совершенно бесцельным, а отчасти и вредным.¹

*(Секретное дело департамента полиции 1907 г.,
№ 807.)*

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА БЕССАРАБСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ, ОТ 15 ДЕКАБРЯ 1906 Г.

20 сего декабря, в г. Кишиневе, с разрешения местного губернатора, состоится обширное собрание членов местного отдела союза русского народа, для торжественного празднования объединения и развития союза.

Для участия в этом торжестве ожидается также прибытие в г. Кишинев большого количества членов союза со всей губернии, в коей за последние месяцы союз развил свою деятельность с возрастающим успехом.

Принимая во внимание, что такой быстрый успех союза, несомненно, захватит в свою среду немалое количество лиц, недостаточно культурно-дисциплинированных, ошибочно понимающих назначение союза в антиеврейской борьбе насильственными способами, что, по имеющимся сведениям, к союзу примкнули даже лица, принимавшие участие в еврейских погромах, и что большое собрание в г. Кишиневе членов союза, при таких условиях, возбуждает опасение возможности возникновения беспорядков, поведущих к еврейскому погрому, г. бессарабским губернатором отданы распоряжения к принятию на 20 декабря особых мер к предотвращению могущих возникнуть беспорядков.

В этих целях предположено усилить местную полицию сосредоточением в г. Кишиневе ближайших команд уездной полицейской стражи; по соглашению с начальником местного гарнизона, в день 20 декабря дежурные: эскадрон драгун и рота пехоты.

Кроме того, приняты меры, чтобы все стражники и чины полиции в означенный день были снабжены достаточным количеством боевых патронов и, вместе с тем, хорошо осведомлены своими

¹ На письме резолюция: «В журнал не записывать. Бесповоротно и решительно требую перевода Будаговского в другую губернию». Ред.

командирами о лежащих на них обязанностях по сохранению порядка.

Одновременно с этим, г. начальником губернии предложены председателю кишиневского отдела союза русского народа следующие обязательные условия: 1) чтобы от самих членов союза на этот день были установлены наряды для обеспечения внутреннего порядка, 2) члены партии не должны ходить по городу толпами и на торжестве была бы обеспечена их трезвость, 3) торжество должно быть закончено до наступления темноты и 4) чтобы о лицах, прибывающих на торжество из уездов, полиция была поставлена в известность, с указанием их квартир.

Доносю о сем, докладываю, что мною сделано распоряжение заведывающему розыскной частью при управлении, подполковнику Васильеву, об установлении самого тщательного наблюдения за членами союза, для выяснения настроения их и предотвращения возможности каких-либо нежелательных выходов со стороны наиболее недисциплинированной части членов союза.

По донесениям того же заведывающего агентурной частью при управлении и по имеющимся наблюдениям, можно надеяться, что день 20 декабря протечет мирно, без всяких столкновений.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1906 г., № 999, ч. 39, т. I, л. 337.)

СЕКРЕТНЫЙ ЦИРКУЛЯР БЕССАРАБСКОГО ГУБЕРНАТОРА, ОТ ЯНВАРЯ 1907 Г., НА ИМЯ ИСПРАВНИКОВ И ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ.

За последнее время во вверенной моему управлению губернии стал распространяться с необыкновенным успехом союз русского народа.

Деятельность его, исходя из кишиневского отдела, развилась во всех уездах с выдающеюся быстротой и выразилась главным образом в образовании так называемых «дружин», т. е. в подотделах кишиневского отдела.

Союз русского народа есть сообщество, как вашему высокоблагородию известно, возникшее вне Бессарабии, распространившееся по всем губерниям и имеющее поэтому общее значение. С культурно-исторической точки зрения, а равно как выразитель народно-психического движения, союз следует рассматривать как олицетворение протеста против движения революционно-террористического, поправшего идеалы патриотизма и религиозности. Именно эта мысль, т. е. защита престола и национального имени, положена в основание возникновения и деятельности союза. Поэтому союз признан легальным.

Однако прошлое показало, что союз и некоторые местные его отделы, стоя под руководством неопытных, неумелых, да нередко опороченных людей, проявили чрезвычайно шумную деятельность, упускали из вида основные задачи каждого легального

сообщества, принимали на себя в отношении лиц, к союзу не принадлежащих, требовательный, диктующий тон, опорачивали устно и в печати лиц, не примкнувших к союзу, но безупречных и в нравственном отношении и в отношении преданности престолу и родине. С другой стороны, в союз местами вошли лица неустойчивого характера, иногда даже порочного поведения. По всему этому союз повсеместно получил характер сообщества, членами которого являются почти исключительно лица низших классов.

Естественно, что, при указанном общем характере союза русского народа, его отделы и подотделы (дружины) вызывают необходимость вящего наблюдения, так как, при общем низком уровне культурного и политического развития, отдельные части союза (дружины) могут дать своей деятельности совершенно отрицательное направление: как бы распорядителей на местах, с требовательным, дерзким (как тому были примеры) тоном в отношении тех, которые законно облечены тою или иною властью. Очевидно, что такое направление частей союза подлежит решительному обузданию. Очевидно далее, что члены союза, имеющие честь называться сообществом славного русского имени, обязаны сохранить это имя в должной чистоте, не запятывая его ничем, всего менее каким-либо насилием над кем-нибудь.

Именно в этом смысле вы имеете воздействовать на находящихся во вверенном вам районе членов союза.

Засим, в виду состоявшейся 20 декабря раздачи в Кишиневе стягов для дружин, считаю необходимым разъяснить, что наличность стяга у дружины, без сомнения, содействует ее сплоченности и силе. Поэтому необходимо бдительно следить, дабы сила эта не была использована во зло: в нарушение общественной безопасности и порядка.

В виду новизны всей организации союза в губернии, предлагаю вам иметь самое тщательное наблюдение за деятельностью дружин. С этой целью вашему высокоблагородию необходимо зарегистрировать: 1) число дружин во вверенном вам районе; 2) число каждой дружины; 3) председателей последних. По установлении сего вы имеете представить мне об этом не позднее 15-го января, с общей характеристикой каждой дружины. Кроме того, о деятельности дружин вы имеете периодически и своевременно, по мере надобности, доносить мне.

(То же дело, т. II, л. 212.)

ДОНЕСЕНИЕ ХЕРСОНСКОГО ГУБЕРНАТОРА МИНИСТРУ ВН. ДЕЛ,
ОТ 8 МАРТА 1907 Г.

Докладываю вашему высокопревосходительству, что похороны убитого Александра Прохорова состоялись 28 февраля, при участии всех членов местного отдела союза русского народа,

членом которого состоял покойный. На кладбище председателем отдела, присяжным поверенным М. И. Ивановым, и его товарищем, А. А. Банковским, были произнесены речи, в которых, называя покойного жертвою врагов отечества, они призывали русский народ к объединению и борьбе с врагами, не упоминая при этом ни об отдельных лицах, ни о какой-либо национальности. После похорон, в 3 часа пополудни, часть публики разошлась и разъехалась по домам, а часть, приблизительно человек в 300 союзников, со знаменами и русским национальным флагом направилась в город, предводительствуемая Банковским. На Большой Перспективной улице, между Алексеевской и Петровской улицами, против дома Павловича, шедшие впереди по улицам и тротуарам подростки, поддержанные и взрослыми, внезапно, с криком «ура», «Русь идет», начали бросать камнями и бить палками окна в еврейских домах и магазинах. Вслед за этим из толпы раздалось несколько выстрелов и возгласов «бей жидов», и вся толпа ускоренным шагом, многие бегом, направились вниз по той же Большой Перспективной улице к чайной русского союза, имея, очевидно, намерение развить беспорядок в более широких размерах; но, как бывшими на улицах полицейскими силами, так и возвратившимся с кладбища нарядом полиции, толпа была рассеяна, причем подростки, группами в 5 — 10 человек, преследуемые полицией по всем улицам, на бегу успели всё-таки повредить на базарах 7 рундуков, 1 лавочку и побить стекла в попутных домах и 14 магазинах, в том числе одно стекло в подвальном этаже государственного банка, одна же из групп бунтов на Болотенной улице, кроме разбития стекла, повредила еще мебель в доме еврея Рубана, а на базаре нанесла побои палками встретившимся евреям: Мееру Финкелю, его сестре Мане и Абраму Уховскому, причем первому побои нанесены тяжелые, а двум последним легкие.

Беспорядок в городе продолжался не более получаса и прекращен, до прибытия войск, мерами полиции. По прибытии же войск посланы были патрули, и к 4 часам дня город принял обычный вид, за исключением лишь нескольких еврейских магазинов и лавок, владельцы коих заперли их в течение того дня и из боязни уже не открывали. День первого марта прошел совершенно спокойно, а потому войска возвращены в казармы. Дознание и выяснение виновных производится как полицией, так и судебным следователем 1-го участка.

При этом докладывая вашему высокопревосходительству, что у Меера Финкеля оказался пролом черепа и он в ночь на 2-е марта умер.

(То же дело, т. II, л. 173.)

ДОНЕСЕНИЕ ЕГО ЖЕ В ДЕП. ПОЛИЦИИ, ОТ 29 МАРТА 1907 Г.

По поводу напечатанной в газете «Русь» от 4 марта корреспонденции из г. Елисаветграда, сообщаю департаменту полиции следующее:

28 минувшего февраля, после похорон убитого Прохорова, на углу Большой Перспективной и Нижне-Донской улиц, возле чайной союза русского народа, толпа народа, около 300 человек, состоящая из мужчин, женщин, парней и подростков, во главе с товарищем председателя названного союза, старшим контролером 2-го округа херсонского акцизного управления, Александром Банковским, окружила помощника пристава Сорочана, который предлагал толпе разойтись, причем Банковский, с некоторыми лицами из толпы, начал кричать: «Бей его, пьяницу, он жидовский наемник, полиции нам не нужно». Дежурный пристав, подойдя к толпе, предложил ей разойтись, но Банковской предъявил требование удалить совершенно Сорочана, так как он не ручается за последствия, и русский народ сам расправится с пьяным Сорочаном. Вследствие такого громогласного требования толпа, начавшая-было расходиться, снова заволновалась и начала кричать: «Бей Сорочана, долой полицию». Несмотря на настойчивое требование пристава, Банковский заявил, что они не разойдутся и должны еще зайти в канцелярию союза на совещание.

Главные участники в этом деле, поддерживавшие требование Банковского и оскорблявшие помощника пристава, подвергнуты мною аресту за нарушение § 17 обязательных моих по г. Елисаветграду постановлений, относительно же Банковского я, — не подвергая его административному взысканию за нарушение обязательных постановлений, чтобы не возбудить волнения, особенно в настоящее время, среди членов союза русского народа, на которых он имеет большое влияние, как товарищ председателя названного союза, — сообщил управляющему акцизными сборами Херсонской губернии с просьбой перевести Банковского из Елисаветграда в другое место.

(То же дело, л. 247.)

ИЗ ДОКЛАДА НАЧАЛЬНИКА ХЕРСОНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ, ОТ 27 АПРЕЛЯ 1911 Г.

... В г. Херсоне организатором союза русского народа явился мещанин Иван Павлович Фоменко. Он был избран председателем союза, но, благодаря нетрезвому поведению и растрате денег союза, он должен был уйти. Переехав в Елисаветград, Фоменко также записался в члены и одно время редактировал якобы правую газету «Глас народа». В уезде он вел агитацию, восстанавливая крестьян против помещиков, возбуждал неиму-

щие классы против имущих и организовал, для избияения помещиков и своей личной охраны, боевую дружину. За эту деятельность он был подвергнут аресту в административном порядке. Отбыв арест, Фоменко вновь переехал в Херсон, где снова вошел членом в союз русского народа, который вскоре переименовался в союз Михаила архангела, причем он был избран председателем, но затем был забаллотирован благодаря своему вызывающему поведению, с оставлением однако почетным председателем, в виду заслуг его по организации союза.

*(Дело департамента полиции, особого отд.,
1911 г., № 244.)*

ДОН И КУБАНЬ

НОВОЧЕРКАССК, РОСТОВ-НА-ДОНУ, КУБАНЬ, НОВОРОССИЙСК, СТАВРОПОЛЬ.

ДОКЛАД НАЧ. ДОНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ДЕП. ПОЛИЦИИ, ОТ 26 ЯНВАРЯ 1913 Г.

23 января сего года г. войсковой наказный атаман войска Донского, проходя по улицам г. Новочеркасска, был возмущен выкриками газетчиков, предлагавших газету «Русское знамя» от 16 января 1913 г. № 13 со статьей известного на Дону составителя всяких пасквилей, Станичника, «К характеристике донского дворянства». В статье этой между прочим указывается, что, «пользуясь своим привилегированным положением и силою, возведенные в дворянское достоинство старшины хищнически захватили казачьи земли, добытые потом и кровью казаков, а затем, пользуясь связями и влиянием в высших сферах, закрепили их за собою»... и т. д. Потребовав меня, г. начальник края приказал, если представится возможным, выяснить, каким путем «Русское знамя» с сенсационными статьями появляется в Новочеркасске в значительном числе экземпляров, кем был распространен № 13 этой газеты и кто автор статьи «К характеристике донского дворянства». Распоряжение это было вызвано тем обстоятельством, что вышеприведенная выдержка содержит признаки государственного преступления, предусмотренного 129 ст. угол. улож., и, благодаря и так сильно обостренному земельному вопросу на Дону, может вызвать нежелательные последствия.

Произведенным мною лично расследованием в тот же день вечером было установлено, что газету раздавал разносчикам отставной титулярный советник Иван Дмитриевич Попов и что он вообще раздает разносчикам номера «Русского знамени» с гремучими статьями и указывает, как «выкрикивать». Произведенным у Попова обыском (того же числа вечером) было обнаружено 100 экземпляров № 13 «Русского знамени», взята большая переписка, а он сам, впредь до просмотра отобранного материала, был арестован в порядке охраны.

При опросе газетчиков выяснилось, что за два дня до появления газеты Попов говорил многим из них, что он на днях даст им «Русское знамя» с «гремучей статьей», и, действительно, выполнил свое обещание, приказав выкрикивать заглавие этой статьи. На возражение газетчиков, что за выкрикивание они боятся

ответственности, Попов заявил: «Я — член союза русского народа и беру всю ответственность на себя». Узнав, что войсковой атаман сделал замечание газетчику за выкрикивание, Попов, по словам газетчика, сказал: «Если еще войсковой атаман не был промазан, то промажем и его». Дальнейшим расследованием выяснено, что газету «Русское знамя» большими партиями, с целью ее распространения, по 200 — 300 номеров, получал упомянутый Попов, при этом только те номера газеты, в коих были помещены статьи, касающиеся Донской области. Раздавались эти номера газетчикам лично Поповым для продажи, а запас относился им в табачный магазин, находящийся около стоянки газетчиков, или в газетный киоск. Оставшиеся от продажи номера Попов, с целью их распространения, рассылал по станицам даже бесплатно. Усиленное распространение упомянутой газеты производилось Поповым с целью восстановить население против неугодных ему и его единомышленникам отдельных лиц и слоев общества, а также областного начальства. При личном расспросе Попов заявил, что как эта статья, так и все статьи в «Русском знамени» за подписью «Станичник» писаны им, но что он, Попов, как в составлении, так и в распространении газеты с этой статьей не усматривал ничего преступного. Имеющееся указание, что газета раздавалась газетчикам и им лично, а также что он учил газетчиков выкрикивать название статей, — Попов отвергал, ссылаясь на помощника полицеймейстера Краморенко, коему он будто бы делал заявление на газетчиков за выкрикивание, но это заявление Попова помощником полицеймейстера опровергнуто. Всего отобрано газеты «Русское знамя» № 13 у Попова 100 экземпляров, в газетном киоске 106 (принесенных Поповым) и у швейцара Центральной гостиницы 6 (также принесенных Поповым). Расследование этого дела 25 января представлено войсковому наказному атаману, за коим с сего числа перечислен дальнейшим содержанием под стражею Иван Дмитриев Попов.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ СОЮЗНИКОВ, МИНИСТЕРСТВА ВН. ДЕЛ И ДОНСКИХ ВЛАСТЕЙ.

Новочеркасская группа монархистов обратилась 25 января 1913 г. с телеграммой на имя министра вн. дел (копии в редакции «Русского знамени» и «Земщины», членам гос. думы Маркову 2-му и Пуришкевичу), выражая возмущение по поводу «ареста и обыска выдающегося донского монархиста и сотрудника правых газет, Ивана Дмитриевича Попова».

Ген. Покотилло, телеграммой на имя директора деп. пол. от 26 января 1913 г., сообщает, что И. Д. Попов подвергнут им, на основании обязательного постановления, аресту при тюрьме на 3 месяца.

6 февраля 1913 г., за № 98, директор деп. пол. С. П. Белецкий

телеграфирует Покотилло: «В виду заступничества за отставного титулярного советника Попова представителей монархических организаций, заявления раскаяния и приближающихся дней манифеста и так как арест издания последовал после распространения Поповым газеты и редакция уже привлечена ныне по п. 6 ст. 129, министр просит ваше превосходительство, не признаете ли возможным теперь же, не дожидая юбилея, пересмотреть постановление, о последующем не откажите мне телеграфировать».

8 февраля 1913 г. Покотилло телеграфирует в деп. пол., что, в виду просьбы Белецкого, Попов освобожден из-под стражи, но что он, «прикрываясь святой идеей преданности царю и отечеству, в сущности является прогнанным из полиции за неблаговидные дела кляузным чиновником; к сожалению, в Новочеркасске не мало еще подобных монархистов и националистов».

Письмом от 14 февраля 1913 г., № 94952, Белецкий сообщает А. И. Дубровину, что Попов освобожден из-под стражи.

*(Дело департамента полиции, особого отд.,
1913 г., № 244, лл. 1 - 7 и 27 - 35.)*

ПРОТОКОЛ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРИСТАВА, ОТ 1 АВГУСТА 1908 Г., В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ, О РЕЧИ ДУБРОВИНА.

Вчера, 31-го июля, в закрытом заседании ростовского-на-Дону отдела союза русского народа, председатель главного совета этого союза, доктор Александр Иванович Дубровин произнес речь, в первой части которой описал время и причины возникновения союза, говорил, что союз возник в тот момент, когда в стране царила полная анархия, власти растерялись и спрятались, и Россия должна была погибнуть, но явился союз, подавил революцию и спас родину, — только он один и никто более; тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают говорить нам: «Уходите, союз более нам не нужен, мы и сами управимся»; но это неправда: союз нужен России более чем когда-либо; то, что сделано союзом, было только началом работы; напрасно правительство думает, что революция подавлена окончательно, ему предстоит горькое разочарование: революция ушла только с улицы и спряталась в дворцах и палатах; теперь революционеров менее по числу, но борьба с ними несравненно труднее, потому что эти революционеры — культурные люди, обладающие властью и громадными денежными средствами; союзу предстоит гиганский труд борьбы с этими революционерами. Для борьбы с ними союзу необходимо прежде всего единение, нужно оставить свои личные счеты и раздоры и слиться воедино. Затем необходимо изгнать из России «жидов», как главных наших врагов, главных виновников русской революции и

всех несчастий, постигших Россию в последние годы. На создание революции в России Ротшильды, Нобели и др. еврейские банкиры сыпали миллионами, — но бороться с ними надо не погромами, так как погромы нас ни к чему не приводят, от погромов страдает только беднейший еврейский класс, «пархи», да русские люди, которых хватают на погромах, таскают их по тюрьмам и судам и ссылают, а в это время главные виновники — богатые жидаы — остаются в стороне и еще больше богатеют. Чтобы изгнать жидов из России, необходимо объявить им бойкот: порвать всякое с ними общение, не покупать у них ничего и не продавать им ни на 1 копейку, не обращаться к их докторам, адвокатам и т. д.; как одно из средств экономической борьбы с еврейством, оратор рекомендовал устройство потребительских обществ, торговых складов, обществ взаимопомощи, артелей и т. д., приводя в пример г. Кременчуг, где в первые же дни обороты лавки союза русского народа выразились по 500 рублей в день, а теперь эта лавка заставляет евреев прекратить торговлю и выехать из города; если так же дело пойдет повсеместно, то евреям остается одно: уехать в такие места, где они могут жить паразитами за счет коренного населения.

После перерыва Дубровин говорил о государственной думе, вкратце описав революционный характер состава первых двух государственных дум; переходя к третьей, указал, что государь, видя, что думцы занимаются не тем, для чего призваны, исправил несколько избирательный закон, так как это было в его власти, и он мог бы, распустив 2-ю думу, вовсе не созвать третью.

В третьей думе кадеты не играют никакой роли, но зато «народился октябрист», и эта партия поставила своей целью ограничить власть царя. В подтверждение этой мысли г. Дубровин указал на исправление сметы, получившей уже ранее высочайшее одобрение, приуменьшением ее на 1 рубль, что-де явно указывает не на заботу о народном благе, а на стремление поставить думу выше царя; далее, когда государь потребовал от думы одиннадцать миллионов на флот, то октябристы заявили, что дадут-де эти деньги только в том случае, если царь выгонит из морского ведомства мошенников, своими злоупотреблениями доведших Россию до Цусимы. Каковы? — требуют, чтобы царь выгнал, по их желанию, тех, кого он сам назначил! Разве это не явное желание ограничить царя? Даже в старо-конституционных государствах вопросы морского и военного ведомств не подлежат ведению парламента.

Я, — продолжает Дубровин, — таки порядком потерялся около Таврического дворца и скажу вам откровенно, что члены думы — это халуи и мошенники, они ничего не делают, только сидят в буфете и «прохаживаются по рюмочке», а вечером разъезжают по театрам; в комиссиях работают один - два, остальные и не заглядывают.

Октябристы в смете всё обрезали, а как дошло дело до винокуров, то два с половиной миллиона прибавили, — это потому, что между ними много винокуров.

Выхлопотали себе прибавку содержания до 4-х тысяч рублей в год, а ведь это больше генеральского жалованья, так генералы-то до старости служили царю и родине, проливали свою кровь, а эти ничего не делают и будут получать генеральские оклады; а Хомякову своему целых 30 тысяч назначили, — ну, судите сами, какое нужно брюхо, чтобы сожрать в год на 30 000 руб.!

Правительство вошло в соглашение с октябристами, — вы-де нам не мешайте прикончить революцию, казнить и вешать, а мы вам дадим власть, и вот мы вместе тогда по конституции и ограничим царя.

Нет, нам такой думы не надо! С Петра Великого у нас явилось средостение между царем и народом — это чиновники бюрократии, а теперь прибавилась еще стена — государственная, а не государева дума. Прежде у нас были земские соборы, которые прямо излагали царю свои нужды, но теперь государство раскинулось на громадное пространство и земских соборов созвать невозможно, а вместо этого нужно, чтобы к царю ехали представители от всех сословий, и царь мог бы с ними советоваться, спрашивать у них и узнавать о народных нуждах непосредственно, — тогда исчезнет средостение, — и, выслушав своих подданных, постановит, как ему кажется лучше, сам царь, а не правительство, а то теперь государственные вопросы решают в думе члены, которые в них ничего не смыслят; так, например, полуграмотные люди решают вопрос о преобразовании университетов. Далее нужно, чтобы выборные не получали жалованья, а если уж придется послать умного, но бедного человека, то местное население должно содержать его семью и посылать ему помощь на прожитие, это и удобнее: чуть что не так заговорил там выборный, так и прекратить посылать ему пособие, — он и одумается, а то можно и другого послать. Вот тогда у нас не будет средостения. Еще нужно, как в старину до Петра было, граждане могли бы бить челом государю, «посылать челобитные» прямо ему, мы должны добиться возвращения прав «челобития», а добившись, нашим первым челобитием будет, чтобы распустил царь государственную думу, тогда будет царь и народ без средостения.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1906 г., № 999, ч. 39, т. IV, лл. 50—51.)

ДОКЛАД НАЧ. КУБАНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ,
ОТ 13 МАРТА 1907 Г., НА ИМЯ КОМАНДИРА ОТД. КОРП. ЖАН-
ДАРМОВ.

В селении Армавире в последнее время стали распространяться слухи, что народ, истомленный происками революционеров, в

виду участвовавших случаев вооруженных нападений на жилища мирных обывателей и находясь под постоянным опасением за целостность имущества и жизни, решил разделаться с главарями революционного движения — частным поверенным Виктором Луниным, врачом Бердичевским и другими лицами, имущества которых уже подвергались в октябре 1905 года разгрому, и что разгром этот предположено произвести 11 сего марта. В предупреждение таких насильственных действий толпы, местным атаманом Лабинского отдела, полковником Семеновским, выпущено было следующего содержания объявление, которое и было расклеено по улицам селения Армавир 10 марта:

«Объявление. 1907 года, марта 9-го дня, селение Армавир.

До моего сведения дошло, что союз русского народа или черная сотня готовится на днях учинить в сел. Армавире погром. Довожу до сведения всех, что против виновников, к каким бы они партиям ни принадлежали, мною будут приняты самые строгие меры для подавления насилия и беспорядков, включительно до употребления в действие войск и оружия. Атаман Лабинского отдела, полковник Семеновский».

Объявление это, отредактированное в руку революционеров и направленное, так или иначе, против легализованного союза, заклеянного к тому же кличкой черносотенного, произвело страшную сенсацию: учителя, учительницы и вся молодежь либерального направления были в восторге, ходили, сияющие, по улицам и открыто смеялись над членами союза русского народа, а рабочие прямо приглашали их взять колья и идти разбивать магазины.

Получив эти сведения, я сейчас же отправился к заместителю начальника области, старшему помощнику его, генерал-майору Касякину, и доложил о случившемся. Генерал-майор Касякин при мне же сделал следующие распоряжения телеграфные: предложил полковнику Семеновскому немедленно изъять из обращения произведенное выше объявление и прибыть для объяснения своих действий в гор. Екатеринодар, а о случившемся по телеграфу доложил находящемуся в Тифлисе начальнику области, генерал-лейтенанту Михайлову.

Донося об изложенном, докладываю, что в Армавире, очевидно, поддерживается тенденция против союза русского народа. Мне известны случаи, когда священники Исаак Капралов и Георгий Чмутов два раза отказали членам этого союза служить молебен по случаю открытия действий этого союза, 11 и 22 февраля с. г., причем священник Чмутов во всеуслышание объявил в церкви, что он не признает никаких союзов и поэтому отказывается служить молебен, о чем мною сообщено епископу ставропольскому и екатеринодарскому, и другой случай, когда комендант станции Армавир, офицер Дурасов (чин его мне неизвестен),

грозил одному из членов союза русского народа, что он подвергнет расстрелу членов этого союза, если они соберутся для молебствия.

(То же дело, т. II, л. 189.)

СПРАВКА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ 1915 ГОДА.

Председатель и учредитель черноморского отдела союза русского народа в гор. Новороссийске, Потопий Харитонович Яланский, был сначала революционером, но затем изменил свои убеждения, перейдя на сторону правых организаций. Человек он грубый, дерзкий и безнравственный. Яланский брал под свою защиту лиц, изблеченных местной администрацией в громной агитации среди рабочих.

Во время войны Яланский организовал сбор подписей о выселении из Черноморского края немцев, причем сбор этот сопровождался вымогательством денег под угрозой «быть записанным в немцы».

(Дело департамента полиции, 9-го делопроизводства, 1915 г., № 244, лл. 83—87.)

ДОНЕСЕНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГУБЕРНАТОРА, ОТ 22 ИЮЛЯ 1908 Г., В ДЕП. ПОЛИЦИИ.

Сообщаю, что содержание заметки, помещенной 20 июня сего года в газете «Речь», не отвечает действительности.

С разрешения архиепископа ставропольского и екатеринодарского, отдел союза русского народа в с. Московском, Ставропольского уезда, 8 июня с. г. принес в московскую сельскую церковь знамя союза, где оно, по окончании литургии, было освящено, а засим оставлено в храме, чему крестьяне не препятствовали.

В тот же день был сельский сход, на котором, после разрешения общественных дел, многие крестьяне, не понимая значения геральдических фигур гербов некоторых губерний, помещенных на обороте знамени, стали жаловаться становому приставу, что нарисованные на знамени «коты, собаки, обезьяны, лошади и т. п.» смущают их религиозное чувство и дают повод сектантам высмеивать православную веру, а потому просят вынести знамя из храма. Соответствующие разъяснения пристава, священника и волостного старшины не подействовали на крестьян; сход (около 1000 человек) настаивал на немедленном исполнении его просьбы и заявил, что не разойдется, пока знамя не вынесут из храма. С такой же просьбой чрез своих уполномоченных сход обратился и к председателю отдела союза, Васильеву, который отказался исполнить просьбу крестьян; однако чрез некоторое время, уступая, очевидно, настойчивости требования крестьян, на сход явился член союза Литвинов и заявил, что отдел союза

решил, для успокоения народа, перенести знамя в его дом. Выслушав это, сход сразу успокоился и отправился к церкви, откуда при полном порядке знамя было перенесено членами союза в дом Литвинова, причем все крестьяне обнажили головы.

Для всестороннего расследования свойства возникших недоразумений и немедленного восстановления нарушенного равновесия, г. губернатор командировал меня в село Московское, куда я и выехал в тот же день с местным уездным исправником. В селе я лично подробно беседовал с причастными к делу лицами и со сходом. Священник на следующее утро, во время обедни, сказал слово о значении и задачах союза русского народа.

Союзники добровольно согласились снять со знамени смущавшие народ геральдические изображения, оставив лишь икону и всеобъединяющий наш государственный герб, а крестьяне решили внести знамя в церковь, даже если бы оно оставалось и в прежнем виде.

Никаких арестов «зачинщиков» произведено не было, да и не могло быть: единственный зачинщик — несчастная темнота народа.

Но так как, при расследовании настоящего дела, выяснилась систематическая, недопустимая политическая агитация и даже преступления по должности местного помощника волостного старшины, то он и был задержан в порядке усиленной охраны.

Мера эта была принята не по просьбе союзников, а даже вопреки их желанию, так как они сами приходили просить об освобождении арестованного. «Требование» строгих мер против священника со стороны союза тоже совершенно не имело места, хотя, в сущности, своевременное, до начала освящения знамени, разъяснение этого священника, несомненно, предупредило бы всякие недоразумения в с. Московском.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1905 г., № 999, ч. 39, т. III, л. 314.)

БЛАГОВЕЩЕНСК, БУХАРА.

РАПОРТ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА, ОТ 11 ИЮЛЯ
1908 Г., НА ИМЯ ВОЕНН. ГУБЕРНАТОРА АМУРСКОЙ ОБЛ.

До сведения моего дошло, что крестьянин Минской губернии, Чаплинской волости, Федор Григорьев Перегут-Погорельский, подал вашему превосходительству прошение, прося разрешения ему организации союза русского народа или другой патриотической партии.

Имея в виду высокую цель всякой патриотической организации и что представителями такой организации могут быть лица, облеченные общим доверием, я считаю своим долгом донести вашему превосходительству следующее: крестьянин Федор Погорельский известен полиции как выдающий себя за социал-демократа, агитировавший в прошлом году среди безработных, вымогавший от них деньги для каких-то, якобы политических целей и употреблявший их в свою пользу, за что и был бит рабочими, в чем он признался сам в присутствии вашем, правителя канцелярии и моем. Известный шантажист, скандалист, выдающий себя то за техника, то за адвоката, сидевший за бесписьменность в тюрьме, с весьма темным прошлым, крестьянин Погорельский может только скомпрометировать и дискредитировать всякую патриотическую организацию, так как он, Погорельский, готов примкнуть ко всякой партии, лишь бы была для него выгода; своим же строптивым характером, просьбами о деньгах у разных состоятельных лиц, высокомерным отношением к лицам, не желающим вступить в союз русского народа, и своей заносчивостью может испортить самое дело организации. Донося о вышеизложенном, я прошу ваше превосходительство крестьянину Погорельскому не разрешать организации союза русского народа, тем более, что Погорельский известен местной администрации и председателю союза русского народа, инженеру Александрову, с самой плохой стороны; о последующем прошу не отказать уведомлением.¹

(Дело департамента полиции 1905 г., № 999,
ч. 39, т. III, л. 333.)

¹ На переписке, возникшей по сему поводу, имеется следующая отметка: «Доложено г. министру. Разъяснить г.-м. Сычевскому, что м-во в. д. не может входить в обсуждение вопросов о личном составе представителей частных обществ и этот вопрос совершенно до м-ва не относится. 29/VIII». *Ред.*

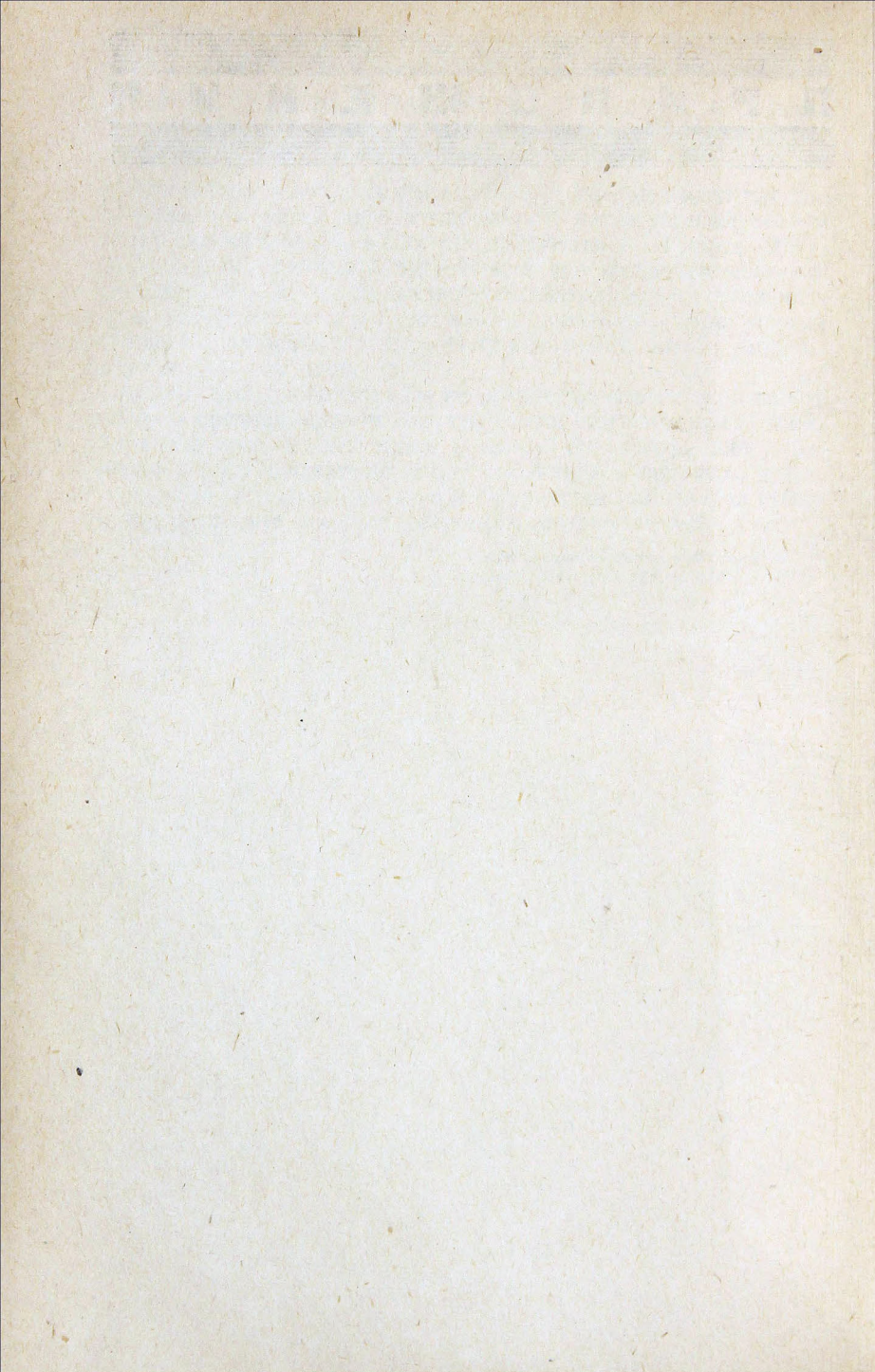
ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ Е. К. КЛИМОВИЧА, ОТ ИЮНЯ 1915 Г., НА ИМЯ СОВЕТНИКА СРЕДНЕ-ВОСТОЧНОГО ОТД. МИН. ИН. ДЕЛ, В. О. ФОН-КЛЕММА.

Вследствие письма от 20 июня за № 523, препровождая при сем программу и устав зарегистрированной петроградским особым городским по делам об обществах присутствием, 11 марта 1908 г. за № 234, монархической организации под названием «русский народный союз имени Михаила архангела», имею честь уведомить ваше превосходительство, что неблагоприятных в политическом отношении сведений о деятельности названного союза в департамент полиции не поступало.

В виду этого я полагал бы не препятствовать главной палате союза в предположенном ею учреждении отделения союза в Бухаре и в посылке депутации к эмиру бухарскому для выражения особой признательности за содействие в настоящей войне, если ваше превосходительство и г. туркестанский генерал-губернатор признаете посылку депутации соответственной.

(Дело департамента полиции, 4-го делопроизводства, 1915 г., № 110, л. 150.)

П Р И Л О Ж Е Н И Я

УСТАВ ОБЩЕСТВА
под названием
„СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА“.¹

I. ЦЕЛЬ СОЮЗА.

1.

Союз русского народа постановляет себе неуклонною целью развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу дорогого нашего отечества — России единой и неделимой.

II. ПРОГРАММА.

2.

Благо родины — в незабываемом сохранении православия, русского неограниченного самодержавия и народности.

3.

Русский народ — народ православный, а потому православной христианской церкви, которая должна быть восстановлена на началах соборности и состоять из православных, единомышленников и воссоединенных с ними на одинаковых правах старообрядцев, должно быть предоставлено первенствующее и господствующее в государстве положение.

4.

Самодержавие русское создано народным разумом, благословлено церковью и оправдано историей; самодержавие наше — в единении царя с народом.

Примечание. Убежденно исповедуя, что благо родины — в самодержавном единении русского царя с народом, союз отмечает, что современный бюрократический строй, заслонивший светлую личность русского царя от народа и присвоивший себе часть прав, составляющих исконную принадлежность русской самодержавной власти, привел отечество наше к тяжелым бедствиям и потому подлежит коренному изменению; при этом союз твердо устанавливает, что изменение действующего строя должно совершаться отнюдь не проведением в жизнь ограничительных начал в форме каких бы то ни было конституционных или, вообще, учредительных собраний, но лишь путем учреждения государственной думы, как органа, являющего из себя создание непосредственной связи между державною волею царя и правосознанием народа.

¹ 7 августа 1906 г. печатаемый устав был зарегистрирован С.-Петербургским городским по делам об обществах и союзах присутствием.

5.

Русской народности, собирательнице земли Русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежит первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве.

Примечание 1. Союз не делает различия между великороссами, белороссами и малороссами.

Примечание 2. Все учреждения государства Российского объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, но на строгих началах законности, дабы множество инородцев, живущих в нашем отечестве, считали за честь и за благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились бы своею зависимостью.

Примечание 3. Русский язык есть господствующий язык Российской империи для всех населяющих ее народов.

6.

Государственная дума, чуждая всяких ограничений верховной царской власти, должна быть национально-русскою. Она обязана правдивым осведомлением о действительных нуждах народа и государства помогать законодателю осуществлять назревшие преобразования.

7.

Ближайшая деятельность правящих властей неуклонно направляется к установлению строгого порядка и законности на твердых началах свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности, но с установлением правил, определяющих границы указанной свободы, дабы не нарушался государственный правопорядок и не затрагивались бы права отдельных лиц и дабы она сама была ограждена от произвола.

III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА.

8.

Союз постановляет себе непременною задачею принять самое деятельное участие в выборах в Государственную думу членов, преимущественно из своей среды, для проведения в жизнь целей, преследуемых Союзом.

Примечание. Вопросы, неотложное проведение коих в государственной думе союз считает необходимым поставить на первую очередь, будут помещены в особом приложении к сему уставу.

9.

Союз принимает на себя твердое направление просвещения народа для развития в населении сознательной политической жизни в духе самодержавия и для распространения в населении христианских начал, укрепляющих патриотическое чувство и чувство долга перед отечеством, обществом и семьею. Намеченная просветительная деятельность союза осуществляется путем открытия возможно большего числа школ, путем устройства чтений, собраний, бесед, распространением книг и брошюр соответственного направления и путем издания своих газет, журналов и т. п. Основные начала школьного направления в школах союза будут помещены в особом приложении к сему уставу.

Примечание. Деятельность союза в этом отношении должна быть согласована с требованиями действующих узаконений.

10.

Союзу предоставляется право строить церкви, открывать больницы, приюты, дома трудолюбия и т. п. общественные учреждения, а для более прочного объединения и поднятия материального благосостояния своих членов учреждать для них кассы взаимопомощи и другие промышленно-

сберегательные товарищества. Канцелярии этих касс и товариществ должны находиться, по возможности, при канцелярии совета союза или при канцеляриях советов отделов союза.

Уставы касс и товариществ вырабатываются при главном совете союза в С.-Петербурге и после утверждения их правительством рассылаются во все отделы союза. Отделы же уполномачиваются особым удостоверением от главного совета союза на открытие в своем районе касс и товариществ на изложенных в сих уставах условиях.

Для объединения торгово-промышленного класса членов союза главным советом союза в Петербурге, при первой возможности, при соблюдении существующих законоположений, будет основан банк под названием: «Всероссийский банк Союза русского народа» с отделениями, по возможности, не только по всем городам Российской империи, но и по всем волостям. Отделения банка в волостях будут называться: «Крестьянскими банками Союза русского народа».

Целью Всероссийского банка союза русского народа будет служить поднятие исключительно русской торговли и промышленности и доставление крестьянам дешевого кредита и возможности продавать продукты своего производства при помощи банка по хорошей цене преимущественно самим потребителям, а не перекупщикам.

Устав банка разрабатывается при главном совете союза русского народа в Петербурге.

11.

Союз постановляет себе неперенным долгом оказывать, по мере действительной возможности, братскую помощь своим членам в форме материальной и нравственной поддержки.

12.

Союз имеет право входить в сношения с правительственными и общественными учреждениями по предметам, имеющим отношение к целям союза.

Примечание. Для ведения судебных дел союза советом союза назначается присяжный поверенный, которому выдается надлежащая доверенность от имени союза, которую подписывает председатель совета союза и два члена совета по выбору совета.

13.

Союз имеет право приобретать на свое имя законными способами недвижимые имущества и владеть ими на правах полной собственности. Покупка недвижимой собственности, а равно и продажа ее, производится на основании постановления соединенного собрания совета и учредителей, коим и уполномачиваются для подписания надлежащих документов по покупке и продаже имущества председатель совета союза, два члена совета и два члена учредителя.

IV. УСТРОЙСТВО СОЮЗА, ПОРЯДОК ВСТУПЛЕНИЯ И ВЫБЫТИЯ ЧЛЕНОВ СОЮЗА, ПОРЯДОК УПЛАТЫ ВЗНОСОВ.

14.

Членами союза могут быть только природные русские люди обоего пола, всех сословий и состояний, преданные целям союза, давшие признание, что они твердо осведомлены о целях союза, и давшие при вступлении обещание не вступать в общение с какими-либо тайными сообществами, а также какими либо организациями, преследующими цели, несогласованные с задачами союза.

В члены союза поступают по простому письменному или устному заявлению совету союза, выбывают по личному желанию во всякое время, заявив об этом письменно совету союза.

15.

Все лица не коренного русского происхождения и инородцы могут быть приняты в члены союза не иначе, как по единогласному постановлению соединенного собрания членов совета и членов-учредителей, в составе председателя совета, шести членов совета и половины числа членов-учредителей.

Примечание 1. Все должности в союзе как по выбору, так и по найму, могут занимать только лица православного вероисповедания, единоверцы и старообрядцы.

Примечание 2. Евреи в члены союза никогда допущены быть не могут, даже в том случае, если они примут христианство.

16.

Члены союза вносят членский взнос в сумме пятидесяти коп. в год, причем всякая плата, вносимая сверх вышеуказанного членского взноса, считается пожертвованием. Фамилии лиц, пожертвовавших не менее пятидесяти рублей, вносятся в особый список, публикуемый, с указанием суммы пожертвования, раз в год, одновременно с годовым отчетом в газете союза «Русское знамя».

Деньги вносятся в канцелярию совета под квитанцию.

Примечание. Лица неимущие могут быть освобождены от членского взноса.

17.

Члены союза, зарекомендовавшие себя особо полезною деятельностью на благо родины и на осуществление задач союза, а также внесшие пожертвования не менее тысячи рублей, удостоиваются звания почетных членов союза и могут быть зачислены в число членов-учредителей с правами действительных членов-учредителей по постановлению совета союза.

Примечание. Лица женского пола в число членов-учредителей зачислены быть не могут.

18.

Всеми делами союза управляет совет, который называется главным советом союза и находится в Петербурге.

Совет состоит из двенадцати членов союза, избираемых соединенным собранием совета и учредителей союза.

Соединенное же собрание совета и учредителей союза выбирает в помощники членам совета из членов союза восемнадцать кандидатов в члены совета. Кандидаты на правах членов совета, по возможности соблюдая между собою очередь, присутствуют как в заседаниях совета, так и в заседаниях соединенного собрания совета и учредителей, вместо неявившихся членов совета.

На обязанности председателя совета лежит приведение в исполнение постановлений совета и соединенного собрания совета и учредителей.

На соединенном собрании совета и учредителей председательствует председатель совета, а за отказом его кто-либо из членов-учредителей по выбору собрания.

Члены совета из своей среды выбирают председателя и двух товарищей председателя.

В случае отсутствия председателя совета обязанности его исполняет один из его товарищей по назначению председателя или по обоюдному между обоими товарищами соглашению.

Члены совета и кандидаты к ним избираются на три года.

19.

Первый состав совета избирается членами-учредителями из своей среды на три года, но по истечении трех лет ежегодно выбывают по очереди три члена совета, остальные же остаются. Выбывший член совета заменяется новым из кандидатов или из членов союза по выбору соединенного собрания совета и учредителей, причем выбывшие члены совета могут быть избираемы вновь.

Порядок и условия выхода кандидатов первого состава такой же, как и членов совета, только число выходящих не три, а шесть.

Первый председатель совета союза, как основатель союза, считается председателем пожизненно и только по своему желанию может оставить должность как члена совета, так и председателя, но всё же остается почетным председателем пожизненно с правом председательствовать в соединенном собрании совета и учредителей.

Примечание 1. Совет собирается в определенные дни по распоряжению председателя, но не менее одного раза в неделю.

Примечание 2. Соединенное собрание совета и учредителей собирается по мере надобности председателем совета, но не менее одного раза в три месяца, в установленное советом число, или же по заявлению десяти или более членов-учредителей. Решения соединенного собрания совета и учредителей считаются окончательными.

Примечание 3. Права и обязанности председателя, членов советов и кандидатов к ним, членов-учредителей, назначение на разные должности в союзе, определение жалования лицам, служащим в союзе, равно порядок отчетности и подробности делопроизводства определяются советом союза в особой инструкции для каждого вопроса.

Примечание 4. Члены совета всем своим достоянием отвечают за причиненные союзу убытки своими незаконными или самовольными действиями.

Примечание 5. Члены союза, своими действиями позорящие союз, исключаются из членов союза по решению соединенного собрания совета и учредителей союза по всему союзу, а соединенного собрания совета и учредителей отдела по своему отделу.

20.

Один из членов совета, по выбору своих сочленов, несет обязанности секретаря совета. Секретарь совета может быть выбран советом Союза и из кандидатов в члены совета, с его согласия.

21.

Делопроизводитель и казначей союза избираются, с их согласия, советом союза из числа членов союза.

22.

Совет союза имеет свою печать, которая хранится у председателя совета, а в его отсутствие у заменяющего его товарища.

23.

Дела в совете и соединенном собрании совета и учредителей решаются большинством голосов. При равенстве голосов принимается то мнение, на стороне которого председатель.

24.

Постановления совета считаются обязательными, если в заседании совета участвовало не менее половины членов совета и председатель или заменяющий его товарищ, причем отсутствующих членов совета могут заменять до законного числа или до полного состава совета явившиеся на собрание кандидаты. Постановления совета, в коем присутствовало членов совета

не менее четырех, кроме председателя или заменяющего его товарища, считаются законными и обязательными, если отсутствующие члены совета до полного состава или до законного числа были заменены кандидатами.

Соединенное собрание совета и учредителей считается законным, если членов совета будет более половины, причем отсутствующие члены совета могут быть заменены кандидатами, а членов-учредителей будет не менее половины.

Если первое соединенное собрание, созванное по какому-либо вопросу, не состоится за неприбытием законного числа членов, то созывается не позже, как через неделю, новое собрание по тому же вопросу, которое будет считаться законным, независимо от числа явившихся членов совета и членов-учредителей.

25.

Каждый из членов союза получает при вступлении знак союза, в виде жетона, однообразный для всей Российской империи, за особую плату. Рисунок знака подлежит утверждению подлежащей власти.

26.

Союз может вступать в общение с другими союзами или обществами, если цели их не противоречат целям союза русского народа.

27.

Члены союза образуют из себя общее собрание, созываемое раз в год в мае месяце или чаще, по мере надобности, советом союза. Общее собрание может быть созвано и по предложению членов союза, если число членов, желающих созыва общего собрания, превышает пятьдесят человек, которые при заявлении должны внести в кассу союза необходимую сумму денег на расходы по созыву общего собрания. Общее собрание созывается публикацией в газете союза и в двух или одной распространенной местной газете.

Общее собрание созывается для поддержания единения между всеми членами союза и для сообщения им постановлений совета и соединенного собрания совета и учредителей, для доклада о делах и нуждах союза, для прочтения годового отчета союза о его приходах и расходах, проверенного ревизионной комиссией и утвержденного в соединенном собрании совета и учредителей, для одобрения.

Примечание. Отделы руководствуются для созыва общего собрания теми же правилами, что и главный совет союза.

28.

Действия союза распространяются на всю Российскую империю, а потому совет союза имеет право устраивать провинциальные отделы по губерниям, областям, городам, посадам, селам, волостям, приходам, деревням, причем деятельность эта по решению совета союза может быть поручена или дозволена и отдельным членам союза.

Примечание 1. Члены союза обязуются не предпринимать никакой организаторской деятельности без разрешения совета союза и не имеют права без его разрешения действовать именем союза.

Примечание 2. Все отделы подчиняются главному совету союза, которому к 1 марта представляют ежегодно годовой отчет, как о своей деятельности на пользу нашей родины, так и проверенные ревизионной комиссией и утвержденные соединенным собранием совета и учредителей отдела отчеты о приходах и расходах отделов.

Примечание 3. Отделы подчиняются непосредственно главному совету союза, находящемуся в Петербурге, по всем делам, имеющим общегосударственное значение или касающимся всех местностей Российской империи. В прочих делах, имеющих лишь местное значение, отделы действуют самостоятельно, но в строгом согласии с уставом союза

русского народа, во всяком случае сносятся при этом с главным советом Союза.

Примечание 4. Управление отделов, выборы членов совета, кандидатов к ним, членов-учредителей, членов ревизионной комиссии и пр. производится по сему уставу так же, как в Союзе русского народа в Петербурге.

Примечание 5. Отделы уплачивают в главную кассу Союза в Петербурге ежегодно со своих доходов известный процент, по обоюдному соглашению главного совета Союза и совета отдела, на покрытие, по мере возможности, расходов Союза на развитие сети отделов, на помощь нуждающимся в средствах отдела, на издательскую деятельность, на командировку членов Союза по нуждам отделов и проч.

Примечание 6. Главный совет Союза имеет право производить ревизию денежных сумм, книг, документов и всех дел отделов Союза, для чего командировует одного или несколько членов Совета или членов Союза, снабжая их надлежащими полномочиями.

V. СРЕДСТВА СОЮЗА.

29.

Средства Союза образуются из членских взносов и всяких добровольных пожертвований в главную кассу Союза; из сборов с устраиваемых Союзом вечеров, концертов, спектаклей, чтений и т. п. и из процентных отчислений с доходов отделов, согласно ст. 28-й, прим. 5-му сего устава.

Главная касса Союза находится при главном совете Союза в С.-Петербурге.

30.

Денежные средства Союза хранятся в каком-либо правительственном или частном кредитном учреждении по выбору совета Союза.

31.

Денежные средства хранятся на простом текущем счету и могут быть обращаемы в ценности, гарантированные правительством, если совет признает последнее выгодным.

32.

Денежные средства Союза расходуются по распоряжению совета, причем извлечение денежных средств Союза из мест хранения может производиться по чекам за тремя подписями, в том числе за подписью председателя или заменяющего его товарища.

VI. РЕВИЗИЯ ДЕЛ И ОТЧЕТНОСТЬ.

33.

Для проверки денежных сумм, книг, документов, имущества и смет выбирается ревизионная комиссия из трех членов, сроком на один год. Члены ревизионной комиссии выбираются соединенным собранием членов совета и членов-учредителей из числа членов-учредителей или из членов Союза.

По окончании ревизии, каковую комиссия производит, по мере надобности, по своему усмотрению, комиссия составляет доклад и вносит его в соединенное собрание совета и учредителей для рассмотрения и своего о нем заключения.

34.

Совет Союза ежегодно не позже 1 марта, считая операционный год с 1 января по 31 декабря, представляет в соединенное собрание совета и учредителей годовой отчет, проверенный ревизионной комиссией, для утверждения.

35.

Утвержденный годовой отчет публикуется в газете Союза русского народа «Русское знамя».

36.

Союз открывает свои действия, когда число членов-учредителей достигнет тридцати. По открытии действий Союза, выбывшие члены-учредители заменяются до полного числа, согласно пункту 17-му сего устава, причем число членов-учредителей может быть увеличено до пятидесяти. Для открытия отделов число членов-учредителей может быть менее тридцати, но не менее двенадцати, с открытием же отдела число учредителей его должно быть доведено до тридцати и может быть также увеличено до пятидесяти, согласно пункту 17-му сего устава.

37.

Соединенное собрание совета и учредителей Союза, но только в полном своем составе и при единогласном решении, может дополнять сей устав и изменять его статьи, за исключением статей: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 14, 15, 17, 18, которые изменены быть не могут никогда.

Председатель главного совета *А. Дубровин.*

Товарищи председателя: *А. Тришатный.*

В. Пуришкевич.

Секретарь *М. Зеленский.*

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.¹

1901

I/26. Утверждение МВД устава первой монархической организации «Русское собрание» в Петербурге.

1904

XII/31. Прием царем депутации «Русского собрания».

1905

I/30. Москва. Открытие Об-ва хоругвеносцев.

III. Организация в Москве Союза русских людей (дворяне).

VI/21. Прием царем депутации Союза русских людей.

VII/10. Погром в Нижнем-Новгороде.

IX/1. Первое организационное собрание в Москве Русской монархической партии.

IX/14. Саратов. Собрание учредителей всероссийского союза землевладельцев.

X/15. Образование партии правового порядка в СПб.

X/18. Еврейский погром в Симферополе.

X/18—20. Погром в Ярославле.

X/20. Еврейский погром в Одессе.

X/22. Первое организационное собрание монархистов в кв. Дубровина, в СПб.

XI/8. Основание Союза русского народа в СПб.

XI/17. Учредительный съезд всероссийского союза землевладельцев в Москве.

XI/21. Первый публичный митинг СРН в Михайловском манеже, в СПб.

XI/24. Общее собрание всех монархических организаций в Москве объединило их и приняло челобитную о созыве земского собора вместо думы.

XI/26. Возникновение СРН в Ярославле.

XI/27. Выход № 1 «Русского знамени», органа СРН.

XII/1. Царь принял депутацию московских монархистов.

XII/9. Попытка нового погрома в Ярославле.

XII/23. Царь принял депутацию СРН, ему поднесены значки Союза.

XII/31. Депутация Русского собрания к царю.

XII, конец. Всероссийский съезд партии правового порядка.

1906

I/22. Открытие в Москве отдела СРН.

I/27. Взрыв революционерами черносотенной харчевни «Тверь» за Невской заставой в СПб.

¹ Указатель не дает полной хроники истории монархических организаций и содержит в себе перечень событий, нашедших свое отражение как в печатаемых материалах, так и в тех материалах ЧСК, которые были в распоряжении составителя, но которые не нашли себе места в настоящем сборнике, а также некоторых дат, извлеченных из литературы.

- I. Издание Бутми «Сионских протоколов» в СПб и Казани.
 I. Еврейский погром в Гомеле.
 II/4. Открытие отдела СРН в Одессе (гр. Коновницын).
 II/5. Москва. Первое публичное собрание русских монархических партий.
 II/8—11. Первый всероссийский съезд Русского собрания в СПб.
 II/12. 2-й всероссийский съезд союза землевладельцев.
 II/16. Прием царем депутации самодержавно-монархической партии.
 III/13. Еврейский погром в Ялте.
 III/18. Утвержден устав Русского собрания в Иркутске.
 III/28. Образование Всенародного русского союза. Москва.
 IV/6—12. Всероссийский съезд Союза русских людей в Москве.
 V/1. Еврейские погромы в Вологде, Муроме, Симбирске.
 V/22. 1-й съезд уполномоченных дворянских обществ в СПб. Организован Совет объединенного дворянства. Принято решение о необходимости разгона гос. думы и ликвидации крестьянской общины.
 VI/1. Еврейский погром в Белостоке.
 VI/28. Председатель гомельск. отд. СРН Давыдов убил Кожемякина (см. 1911 г., мая 5).
 VII/10. Еврейский погром в Одессе.
 VII/18. В Териоках убит М. Я. Герценштейн, член госуд. думы.
 VIII/7. Утвержден устав СРН в СПб.
 VIII/26. Еврейский погром в Седлеце.
 VIII/26. Зарегистрирован устав Всенародного русского союза в Москве.
 VIII/30. Грабительское нападение союзников на ж.-д. поезд у ст. Елизаветино, Балт. ж. д.
 IX. Съезд уполномоченных СРН в СПб.
 IX/2. Утвержден устав Союза русск. православл. людей в г. Шуе, Владимирской губ.
 X/1. Киев. Всероссийский съезд Союза русских людей.
 X/4. Утвержден устав одесского Союза русских людей (Родзевич).
 X/6. Организационное собрание СРН в СПб. Разбивка на районы.
 X/15. Открытие отдела СРН в г. Александровске, Екатеринославск. губ.
 XI/9. Образование совета Союза русских людей в Одессе.
 XI/13. Большое собрание монархистов в епархиальном доме в Москве. Дубровин предлагает блок с октябристами.
 XI/14—18. 2-й съезд уполномоченных дворянских съездов.
 XI/24. 1-е собрание Об-ва активной борьбы с анархией и революцией в Москве.
 XI/26. Предвыборное собрание СРН в Михайловском манеже, в СПб.
 XII/21. Открытие отдела СРН в Смоленске.
 XII/29. Открытие отдела СРН в Лохвицах, Полтавской губ.
 XII. Организация боевых университетских дружин в Киеве.

1907

- I/7. Открытие отдела СРН в Муроме, Владимирской губ.
 I/9. СРН подал просьбу о передаче дела об убийстве Герценштейна в русский суд.
 I/9. Утвержден устав минского православного народного братства.
 I/9. Ялтинский отдел СРН поднес свой значок генералу Думбадзе.
 I/13. Выступление игумена Арсения и союзников в Александро-невской лавре в СПб.
 I/22. Одесские союзники произвели разгром избират. комиссии в госуд. думу.
 I/30. Первое покушение на гр. Витте (бомбы в печных трубах).
 I. Военные власти в Елизаветграде снабдили союзников оружием.
 II/7. Избиение союзниками учащихся в Одессе.
 II/28. Тайный циркуляр Пуришкевича по отделам о телеграммах царю о роспуске госуд. думы.

II/28. Союзники устроили еврейский погром в Елизаветграде, Херсонской губ.

II. СРН укрывает Половнева от финляндского суда.

II. Совет одесского университета постановил прекратить занятия в виду избиения студентов союзниками.

II. Съезд СРН в СПб.

III/3. Распространение погромных прокламаций в Александровске, Екатеринославской губ.

III/11. Попытки погрома в Армавире, Кубанской обл.

III/14. В Москве убит Г. Б. Иоллос, член госуд. думы.

III/14. В «Русском знамени» на первой странице напечатан большой черный крест.

IV/1. Бесчинства одесских союзников в театре.

IV/3. Утвержден устав Союза правой печати в СПб.

IV/4. Нападение союзников на портовых рабочих в Одессе.

IV/23. Попытка погрома в Симферополе.

IV/24. Избиение союзниками рабочих в Одессе.

IV/26—V/1. Съезд всероссийского Союза русских людей в Москве.

V/4. Демонстрация союзников, с участием ген. Каульбарса, в одесском театре.

V/8—12. Еврейский погром в Одессе.

V/17. В присутствии ген.-губернатора и губернатора освящен стяг СРН в Екатеринославе.

V/26—27. Вторая попытка организовать покушение на гр. Витте (по дороге в госуд. совет).

V/27. Рабочий Вас. Федоров, убийца Иоллоса, убил союзника Казанцева на Пороховых, у ст. Ржевка, Ириновской ж. д.

VI/3. Приветствие СРН царю и его ответ.

VI/19. Погром в Одессе.

VI/26. Утвержден устав русского народного потребит. общества в Житомире.

VI/28. Раскрытие в газете «Речь» дела убийства Иоллоса и Казанцева.

VI/29. Погромные выступления Илиодора на Волыни.

VII/12—14. Ярославский губернский съезд СРН.

VII/15—19. Всероссийский съезд СРН в Москве.

VIII/1. Возникновение общества «Белый двуглавый орел» в Одессе.

VIII/7. Утвержден устав Общества активной борьбы с революцией и анархией в СПб.

VIII/13—IX/23. Избиения союзниками евреев в Одессе.

VIII/24. Открытие отдела СРН в г. Сухиничах, Калужской губ.

VIII/25. Одесская газета союзников «За царя и родину» приостановлена на неделю за призыв к погрому.

VIII/26. Союзники в Одессе производят обыски и избиения рабочих.

VIII/31. Открытие отдела СРН в Кривом Роге, Херсонской губ.

IX/1. Признание Федорова в убийстве Казанцева, Иоллоса и в покушении на Витте.

IX/11. Главный совет СРН циркулярно воспретил блок с партиями, стремящимися к ограничению царской власти.

IX/14. Погромные выступления монаха Илиодора в Ростове-на-Дону.

IX/19. Утвержден устав киевского СРН.

XI/25. Погромные речи монаха Илиодора в Царицыне.

XII/13. Утвержден устав Патриотического собрания в Москве.

XII. Назначение Толмачева одесским градоначальником.

1908

I/7—9. Избиение союзниками евреев во время процесса об октябрьском погроме 1905 г. в Одессе.

I/19. Образование союза дворников при Союзе русских людей в Одессе.

I, конец. Образование при одесском градоначальстве фонда пособий полицейским, пострадавшим от революционеров.

II/19. Организация монархической мужской гимназии в Одессе.

II. Всероссийский съезд СРН в СПб, принят новый устав.

III/11. Утвержден устав союза Михаила архангела в СПб.

III/20. Распад общества «Белый двуглавый орел» в Одессе.

III/24. Бесчинства союзников в театре в Астрахани.

III. Раскол союзников в Одессе (группа пеликановцев).

III. Новые выступления Илиодора в Царицыне, Саратовской губ.

IV/16. Бесчинства союзников во время перевезения из Одессы в Каспеевку иконы (Коновницын, Родзевич).

V/7. Открытие СРН в Кагуле, Бессарабской губ.

V/28. Избрана главная одесская палата союза Михаила архангела (Пеликан).

VI/29. Открыт отдел СРН в Сухуме.

VII/8. Утвержден устав Общества русских людей в Харькове.

VII/15. Съезд делегатов губернских отделов СРН в Москве.

VII/20. Губернатор открывает нар. дом СРН в Екатеринославе.

VIII/3. Открытие об-ва «Двуглавый орел» в Екатеринославе.

VIII/4—10. Избиения евреев союзниками в Екатеринославе.

IX/15. Открытие отдела СРН в Аккермане, Бессарабской губ.

IX/28. Открытие народной школы СРН в г. Белостоке.

X/12. Открытие бюро Об-ва русских людей в Харькове.

X/24. Съезд уполномоченных отделов СРН юга России в Одессе.

X/30. Утвержден устав московского СРН.

X. Открытие отделов СРН в гг. Минусинске и Чите.

XI/21—25. 1-й волжско-камский областной патриотический съезд в Казани.

XI. Открытие отдела СМА в Киеве.

1909

I. Образование кассы взаимопомощи членов василеостровского отдела СРН в СПб.

III/8—11. Всероссийское совещание СРН в Ярославле.

V/9. Одесский градоначальник Толмачев выдал графу Коновницыну 100 руб. «в награду союзнику, убившему анархиста».

V/12. В госуд. думу внесен запрос министрам о погромной деятельности СРН.

VI/27. Полтавские торжества (двухсотлетие битвы со шведами).

VII/20. Раскол СРН и переезд главного совета из дома Дубровина (4-я рота) в Басков переулок, 3.

IX/4. Утвержден устав почаяевского СРН в Волынской губ.

IX/27. Съезд монархистов в Москве.

X. Открытие студенческого отдела союза Михаила архангела в Одессе.

1910

I. Возобновлено об-во «Южный монархический союз» в Одессе.

III/21. Челобитная астраханской народной монархической партии к царю против Столыпина.

V/3. Письмо Витте к Столыпину о деятельности СРН и полиции (см. отдел «Петербург—Петроград»).

V. Обнаружены растраты в СРН в Одессе, ревизия.

VII/8. Открытие железнодорожного отдела СРН в Кагуле.

VII/27. Утвержден устав об-ва призрения сирот лиц, павших жертвами долга, в СПб.

IX/12—19. Киевское совещание видных деятелей СРН.

X/9—14. Избиение союзниками евреев в Одессе.

XI/10. Утвержден устав смоленского СРН.

XI/22. Утвержден устав СРН имени Георгия победоносца в Москве.

1911

I/15. Утвержден устав об-ва потребителей СРН в Мотовилихе, Пермской губернии.

I/17. Утвержден устав Русского монархического союза (или «Русской монархической партии») в Москве.

II/11. Утвержден устав «Общества евреев, молящихся богу за царя и правительство» в Одессе.

II/15. Утвержден устав мининского СРН в Нижнем-Новгороде.

II/22. Утвержден устав почаявско-волинского народного кредита.

III/7. Утвержден устав СРН имени Георгия победоносца в Казани.

III/24. Утвержден устав СРН в Орле.

V/5. Могилевский окружный суд по политическим соображениям прекратил дело об убийстве, совершенном союзником Давыдовым в Гомеле.

V/23. Утвержден устав митрофаногорьковского СРН в Воронеже.

XI/7. Отказ Коновницына от председательства в СРН в Одессе.

XI/10. Уход Толмачева с должности одесского градоначальника.

XI/21—XII/1. Всероссийский съезд СРН в Москве.

1912

VIII/21. Утвержден устав всероссийского дубровинского СРН в СПб.

1913

V/15. Налет союзников на избирательную комиссию по выборам в госуд. думу в Одессе.

V/19. Победа черносотенцев при выборах в одесскую городскую думу (городской голова — Пеликан).

VIII. Организация отдела дубровинского СРН в Одессе (Родзевич).

IX/20. Открытие отдела союза Михаила архангела железнодорожных служащих московского узла.

IX/25. Восторгов отказался председательствовать в московском монархическом союзе, председателем избран Томилин.

IX/25 — X/28. Процесс Бейлиса в Киеве.

X/20. Пуришкевич открыл в Москве ж.-д. отдел союза Михаила архангела. Орлов избран председателем.

X/26. Попытки погрома в Смоленске (Еленев).

XI/1. Открытие гермогеновского отдела Русского монархического союза в Москве.

XI/14. Раскол монархистов в Москве, Восторгов и Орлов исключают друг друга из Русского монархического союза.

XI/30. Гермогеновский отдел Русского монархического союза в Москве исключил секретаря Белозерова за похищение протоколов.

XII/4. Утвержден устав русской трудовой артели торговцев книгами и периодическими изданиями в г. Одессе.

XII/10. Смоленский окружный суд приговорил Дубровина, Еремченко, Абрамову и священника Ракитского на полгода в тюрьму за попытку создать ритуальный процесс против местных евреев.

XII. Поездка Орлова из Москвы в Польшу для организации отделов СРН.

1914

II/8. Отказ товарища мин. вн. дел Джунковского в субсидии Орлову.

II/8. Утвержден устав всероссийского Филаретовского общества народного образования в СПб (Пуришкевич).

- II/28. Восторгов едет в командировку в Туркестан по делам монархистов.
III/2. Съезд объединенного дворянства в Москве.
VIII/8. Перевыборы главного совета Русского монархического союза в Москве, Томилин исключен, избран Кельцев.
VIII/14. Утвержден устав общества «Изучения иудейского племени» в СПб.

1915

- VI. Организация Отечественного патриотического союза в Москве (Орлов и Скворцов).
VIII/27—29. Саратовское совещание монархических организаций.
IX/1—15. Саратовский съезд старых союзников (деятели 1905 года).
X/15. Выдача департаментом полиции 50 000 руб. Замысловскому на издание книги о процессе Бейлиса.
X/20. Выдача 25 000 руб. из департамента полиции Маркову и Замысловскому на организацию монархических съездов.
XI/7. Утвержден устав Отечественного патриотического союза в Москве.
XI/21. Совещание правых деятелей в СПб.
XI/26—29. Нижегородское совещание монархических организаций.

1916

- I/9. Выдача департаментом полиции последней субсидии (2 000 руб.) Степановой-Дезобри.
I/30. Выдача департамент. полиции 15 000 руб. Маркову на газету «Земщина».
II/12. Выдача деп. полиции еще 15 000 руб. Маркову на газету «Земщина».
XII/2. Астраханская монархическая народная партия адресом к царю требует решительных мер против революции.

1917

- I/17. Царю представлена записка православных кругов Киева.
II/20. Астраханская монархическая партия поздравляет царя с назначением Щегловитова председателем гос. совета.
II. Департамент полиции выдал Маркову 30 000 субсидии.
II. Попытки созыва петроградского съезда уполномоченных губотделов СРН.
III/5. Постановление ИК С. Р. и С. Д. в Петрограде о воспрещении выхода черносотенных изданий: «Земщина», «Русское знамя», «Гроза», «Колокол» и проч.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Абрамова Е., мещ., Смоленск. — 375, 376, 423.

Агафангел, епископ, Ярославль. — 366.

Адабаш М. А. (1864—1927), ген., военный цензор. — 83, 84.

Адлер, студ. одесск. ун-та — 221.

Адрианов А. А. (1862—1917), свитский ген.-майор, воен. судья, 1908—1915 московский градоначальник. — 176, 178, 179.

Айбиндер М. Одесса — 232.

Аксенов А., свящ., союзник — 249.

Акулов В. Н., чиновник. Владикавказ — 248, 249.

Аладьин А. Ф. (р. 1873), чл. 1-й Гос. думы, трудовик. Каморрой народной расправы включен в список обреченных на смерть. — 86.

Александров П. А., суд. следоват. по важн. делам С.-петербургск. окр. суда, 1907 вел дела об убийстве Герценштейна и о покушении на Витте. В 1917 завед. следственн. частью ЧСК. — 20.

Александров С. (умер до 1917), чл. боевой дружины СРН, один из убийц Герценштейна — 48, 49, 54, 58, 64, 86, 137.

Александров, инженер, союзник. Благовещенск — 407.

Алексеев М. В. (1857—1918), ген.-адъютант, нач. штаба верх главнокомандующего 1915—1917. Один из создателей Добармии. — 91, 266, 269.

Алексеев, инженер. Москва — 189—191, 193.

Алексеев, союзник. Одесса — 258.

Алексеев С. Н. (р. 1872), чл. 3 и 4 Гос. думы, монархист — 140.

Альбрандт С. Н. Одесса — 258—260, 264.

Анагности Д. Г. Одесса — 260, 264, 265, 286.

Ананьев М., союзник. Тула. — 369.

Андреев В. В., коммерсант, завед. холодильником Унион, один из основателей СРН в СПб, разъездной агитатор-монархист, чл. главн. совета СРН. — 32, 50—53.

Андрянов Л. Н. (р. 1885), череповецк. мещ., рабочий Невского судостроительн. завода, боролся против боевой дружины СРН — 66, 67.

Андронников М. М. (1875—1919), князь, аферист, известный похождениями в министерских передних. — 107.

Аникеев В. Е., союзник. Одесса. — 286.

Аникин, С. В., чл. 1-й Гос. думы, трудовик. За свои выступления в Думе внесен СРН в список обреченных на смерть — 86.

Анисимов М., союзник — 249.

Аносов И. П., союзник, Одесса. — 292.

Антоний, митрополит с.-петербургский — 309.

Анциферов Н. Н. (р. 1867), 1912 нач. главн. управл. по делам местн. хозяйства. В 1917 тов. мин. вн. дел. — 20

Апенянский. Владивосток — 156.

Апушкин В. А. (р. 1868), ген.-майор, 1907 пом. нач. отд. главн. воен.-судн. управления, 1917 чл. ЧСК. — 19.

Арнольд Ф. Ф. (1850—1915), 1904—1907 председ. моск. суд. палаты, уволен от должности за сочувствие освободительному движению — 367.

Арсений (ум. 1914), игумен, настоятель воскресенского монастыря Новгородск. губ., один из основателей СРН. В 1907 пытался организовать паломничество черной сотни в Палестину, как начало крестового похода против революционеров — 34—36, 420.

Артюнов, полицеймейстер. — 136.

Астров Н. И., гласный моск. городской думы, видный деятель Земгора (земско-городского союза) времени войны 1914—1917. — 354, 355.

Аушев, чиновник. Одесса. — 227.

Афанасьев А., союзник. Москва. — 165, 170, 180.

Афанасьев С. С., союзник. Одесса — 240, 249.

Афанасьев, ген. — 151.

Баден-Мюллер, фотограф. Астрахань — 31.

Базилевский М., союзник. Одесса. — 239.

Бакст, чиновник мин. земледелия. — 303.

Балаев (Булаев) К. А., рабочий Металлического завода в СПб., чл. боевой дружины СРН. — 66.

Балашов В. А., черносотенный публицист. Москва. — 106.

Балин. Одесса. — 259.

Балицкий Л. А., приват-доцент СПб. университета, получал субсидии из деп. п. лииции на организации студентов-академистов. — 138, 139.

Балоцкий, рабочий. Одесса — 230.

Банковский А. А., чиновник, извещен погромной деятельностью в Елизаветграде. — 363, 396, 397.

Барнов И. И., петербургский купец-рыбник, один из основателей СРН. В 1905—1907 чл. главн. совета и казначей. — 27, 32, 34—37.

Баранов, старш. дворник дома Дубровина на 4-й роте. — 53.

Барановский. Одесса — 265.

Баскаков Г. И., ротмистр, союзник. Москва. — 143, 178, 179, 181—183.

Батушин Н. С. (р. 1874), ген., во время мировой войны председ. комисс. по расследованию злоупотреблений тыла — 83.

Бейлис М. Т. (р. 1873), мец., приказчик кирпичного завода в Киеве. В 1911 привлечен к суду по обвинению в убийстве мальчика Ющинского «из побуждений религиозного изуверства». Мин. юстиции Щегловитов и СРН приложили все усилия к обвинению Бейлиса и сокрытию действительных убийц Ющинского, шайки киевских воров. Несмотря на командировку в качестве обвинителя тов. прокурора спб. суд. палаты Вишнера, участие в деле гражданского истца чл. Гос. думы Замысловского и привлечение «ученых экспертов» (ксендз

Пранайтис и друг.), даже специально подобранные провинциальные присяжные заседатели (мелкие чиновники, мешане и крестьяне) вынесли в октябре 1913 г. оправдательный приговор Бейлису. Процесс вызвал громадную литературу и многочисленные попытки погрома в разных городах — 78, 81, 98, 138, 162, 423, 424.

Белецкий С. П. (1873—1918), из мещан, 1909—1914 вице-директор, а потом директор деп. полиции, 1915—1916 тов. мин. вн. дел, постоянный энергичный руководитель СРН, распределявший правительственные субсидии между вождями черной сотни, неизменный покровитель погромщиков, выхлопывавший им помилования — 27, 28, 31, 77—84, 136, 137, 138—140, 144, 164, 174, 184—186, 191, 205, 207, 342, 344, 400, 401.

Беликович В. Ц., союзник. Одесса — 230, 294, 295.

Белозеров В. С., союзник. Москва. — 178, 423.

Белозерова А. В., Москва. — 182.

Бельгард А. В. (р. 1861), нач. главн. управления по делам печати в 1905—1909 гг. — 276, 278.

Бердичевский, врач. Армавир — 404.

Беснятов П., крест. Тульской губ., сторож редакции газеты «Русское знамя» — 52.

Блиц, журналист. Одесса — 237.

Блок, самарский губернатор. — 77.

Бобринский А. А. (р. 1852), граф, сахарозаводчик, чл. 3-й Гос. думы и Гос. совета. В 1906 председ. совета объединенн. дворянск. обществ; в 1915 председ. правой группы членов Гос. совета, 1916 тов. мин. вн. дел, VII—1916 мин. земледелия — 358.

Бобров Л. Н. Москва — 168.

Бобров Н. Н., присяжн. повер., председатель СРН в Москве — 72, 106.

Бобров, жандармский полковник. Самара — 77.

Богданович А. В., жена известного генерала — издателя патристических брошюр, автор интересного дневника «Три последних самодержца» (изд. Френкель. Ленинград, 1924) — 21.

Богданович Б., правый журналист. Москва. — 170.

Богданович С., свящ., союзник — 105.

Богоявленский. Одесса — 259.

Болдырев А., тамбовск. помещик, приятель ген. Лауница, организатор боевых дружин СРН в провинции — 76.

- Бондарь И., союзник — 249.
 Борг (см. Шабельская).
 Боуфал, ген. — 363.
 Брайкевич, инженер, гор. голова. Одесса — 257.
 Бренье. Франция — 163.
 Бризмер Ш. Одесса — 232, 233.
 Броварный И., союзник. Одесса — 234.
 Брусилов А. А. (1853—1926), ген.-адъютант. В 1916—главком юго-зап. фронта; в 1917 верховн. главноком.; один из первых генералов признал советскую власть; с 1921 инспектор кавалерии Кр. армии — 214, 270, 271.
 Брюн-де-Сент-Ипполит В. А. (1871—1918), в 1914—1915 директор деп. полиции — 198.
 Будаговский, жандармский рот-мистр, устроитель погрома в Александровске. — 391, 393.
 Буккер. Владивосток. — 153.
 Буксгевден А. А., граф, чин. особ. поруч. при московском ген.-губернаторе, участник убийства чл. Гос. думы Иоллоса. — 28, 60, 61, 71, 72, 75, 76, 87, 110, 115 — 120, 123, 125, 129.
 Булацель П. Ф. (1867—1919), прис. повер., один из основателей СРН, член главного совета, постоянно выступал в судах защитником погромщиков. — 32, 44, 51, 67, 84, 86, 89—91, 137, 320.
 Бунге. Владивосток. — 153.
 Бурлак А., союзник. Одесса. — 234.
 Бурлак Н., союзник. Одесса. — 234.
 Бурцев В. Л. (р. 1862), эмигрант, журналист, известен разоблачениями многих агентов-provokаторов (Азеф и друг.). — 74, 76, 82 — 84.
 Бутми-де-Кацман Г. В. (р. 1856), дворянин, отставной офицер, один из основателей и член главного совета СРН, литератор, один из авторов черносотенных «Протоколов сионских мудрецов». — 27, 32, 37, 420.
 Бутурлин, ген., Москва. — 166, 175, 177, 188.
 Бухгольц, ген. — 270, 271.
 Бывковский, полковник. Одесса. — 295.
 Бюллер, барон, чл. одесского совета СРН, глава боевых дружин. — 217, 221, 275, 293.
 Варжанский Н. Н., миссионер. Москва. — 167.
 Васильев А. Т. (1869), последний директор деп. полиции в 1916—17 гг. — 83, 208, 209, 367.
 Васильев Б. А., активный петербургский союзник, разъездной агитатор СРН по провинции. — 52, 55, 86.
 Васильев, председ. отдела СРН, Ставропольск. губ. — 405.
 Васильев, полковник. — 394.
 Вебер Г. Ф. (р. 1876), прис. пов., помощник известного адвоката Грузенберга, выступал гражданским истцом в защиту интересов убитого Герценштейна, много поработал по разоблачению преступлений СРН. — 27, 34, 64, 65, 67, 84 — 88, 97.
 Велихов Б. А., прис. пов., чл. 4-й Гос. думы; комиссар Временн. правительства в Одессе. — 261 — 263.
 Вендрих А. М., ген., министр. пут. сообщений. — 248.
 Венцель, железнодорожник. — 150.
 Вербицкая А. Г. — 89.
 Веретенников А. П. (р. 1860), костромской губернатор в 1906—1910 гг. — 105, 367.
 Веселовский А. О., Одесса. — 213, 264, 265.
 Веселовский В. М., дворянин, студент, союзник. Одесса. — 293, 294.
 Вивульский, исправник. Александровск. — 391, 392.
 Винавер М. М., присяжн. пов., чл. 1-й Гос. думы, за свои выступления в Думе приговорен черной сотней к смерти. — 40, 54, 86.
 Виноградов И., союзник. Тула. — 369.
 Винокуров Н. М., Оханск, Пермской губ. — 89.
 Виссарионов С. Е. (1867—1918), вице-директор деп. полиции 1908—1913. — 78, 107.
 Витте С. Ю. (1849—1915), граф, б. мин. финансов; как представитель России, подписал в 1905 г. мирный договор с Японией, которой уступлена $1\frac{1}{2}$ острова Сахалина; автор манифеста 17/X 1905 г. о гражданских «свободах» и председ. Совета министров до открытия 1-й Гос. думы 1906, чл. Гос. совета. Пользовался особой ненавистью черносотенцев, дважды в 1907 г. покушавшихся на его жизнь и называвших его «графом Полусахалинским». Написал очень ценные «Воспоминания» за период 1849—1912 гг. (три тома, Госиздат, 1923—1924). — 21, 28, 45—47, 50, 52, 56, 58, 59, 61, 63, 65, 69, 75—77, 81, 86, 87, 107—130, 157, 251, 376, 420, 422.
 Владзинский, студент, союзник. Одесса. — 283.
 Владимир (1848—1918), митропо

лит, известный реакционер, враг Распутина. — 345.

Владимир, священник. Благовещенск. — 157.

Власов В. И. (р. 1852), дворянин, б. актер, служащий канцелярии Столыпина, разъездной агитатор СРН. — 53.

Воейков В. Н. (р. 1868), ген.-майор, 1913—1917 дворцовый комендант, один из «высоких» покровителей СРН. — 80.

Вознюк, рабочий. Одесса. — 230.

Волжин А. Н. (р. 1862), 1914 директор деп. общих дел мин. вн. дел; в 1915—1916 гг. обер-прокурор св. синода. — 207.

Волконский В. М. (р. 1868), князь, чл. СРН, б. тов. председ. 3-й Гос. думы и чл. 4-й Гос. думы. В 1915 — 16 тов. мин. вн. дел. При последнем назначении заявил о формальном выходе из СРН. — 31, 105, 321, 323, 324.

Волконский М. Н. (р. 1860), князь, писатель, сотрудник «Нивы» и «Нового времени», один из редакторов «Русского знамени». — 39.

Воробьева, союзница. Одесса. — 241.

Воронина Л. А. Херсон. — 226.

Воронков В. Л., петербургский купец, один из основателей и чл. главн. совета СРН. — 32, 51.

Воронович, союзник. Гомель. — 376.

Восторгов И. И. (1866—1918), священник, московский миссионер, виднейший черносотенный оратор, писатель и организатор, председ. СРН в Москве и Всенародного русского союза. С 1905 совершал многочисленные поездки в Сибирь, Туркестан, Кавказ и пр. по делам монархических организаций. — 21, 31, 84, 103—106, 143, 144, 147, 150, 152, 157, 159, 161, 164, 166—177, 179, 180, 184, 193, 201—204, 320, 423, 424.

Вырубова А. А. (р. 1884), любимая фрейлина последней царицы, известная близостью к Распутину. — 82.

Гавришча, монахиня. Москва. — 182.

Гавришев, нач. мореходн. училища. Одесса. — 239.

Гайдуков И. П., союзник. Аккерман. — 249.

Галковский Г., священник. Лохвицы. — 390.

Ганкевич А., союзник. Гомель. — 376.

Ганфман, журналист. — 334.

Ганько, жандармск. ротмистр. Елец. — 372.

Гапон Г. А. (убит 1906 г.), священник, известный «герой» 9 янв. 1905 г. — 146.

Гарцеништейн, журналист. Одесса. — 260, 261.

Гельперин Х., купец. Одесса. — 232, 233.

Герасимов А. В. (р. 1861), ген.-лейтенант, в 1905—1909 нач. спб. охраны. отд., 1909—1914 генерал для поручений при мин. вн. дел, постоянный покровитель деятельности СРН. — 53, 55, 75, 76, 84, 87.

Герцеништейн М. Я. (1859—1906), профессор, писатель-экономист, к.-д., чл. 1-й Гос. думы. За свои выступления в Гос. думе и ее аграрной комиссии, где он требовал выкупа земли у помещиков и передачи ее крестьянам, убит 14/VI 1906 в Териоках в Финляндии. Убийство организовано Дубровиным и выполнено боевой дружиной СРН под руководством Юскевича-Красковского. Финляндский суд осудил за убийство Ларичкина, Полознева и Ю.-Красковского, но они получили помилование царя. Остальные привлеченные к делу финляндским судом (Александров С., Казанцев А., Тополев) скрылись от суда при содействии деп. полиции, а Дубровина мин-во юстиции признало неподсудным финляндскому суду. — 9, 27, 28, 33, 35, 42, 43, 45, 47—50, 52—58, 63—65, 69, 70, 84, 86, 87, 97, 98, 127, 137, 145, 146, 158, 420.

Гершельд. Одесса. — 226.

Гершельман С. К. (р. 1854), ген., в 1906—1909 московский ген.-губернатор, замешан в деле убийства чл. Гос. думы Иоллоса. — 71, 72, 75, 87.

Гесберг, полицеймейстер. Одесса. — 222.

Гессен И. В. (р. 1866), прис. повер., к.-д., журналист, чл. 2-й Гос. думы, за выступления в ней приговорен черной сотней к смерти. — 86, 334.

Гиппиус И. И., инженер, директор Невского судостроит. завода, за хорошие отношения с рабочими несколько раз подвергался покушениям боевой дружины СРН. — 42, 51, 62, 63, 67.

Гирс А. Ф. (р. 1871), в 1909 киевский, в 1912 минский и в 1915 нижегородский губернатор. — 344, 379.

Глазголев П. Ф., одесский ген.-губернатор, ставленник Каульбарса, покровитель погромной деятельности СРН. — 223, 231.

Глаголев, доктор, монархист. Москва. — 168.

Глобачев В. Н., руководитель боевой дружины СМА в Одессе. — 237, 258, 260, 261, 264, 277.

Глобачев К. И. (р. 1870), жандармск. ген.-майор, в 1915—1917 гг. нач. петроградского охранного отд. — 136.

Гневушев Макарий, архимандрит, черносотенный оратор в Москве. — 166, 167, 169, 201, 203.

Говорухо-Отрок М. Я. (р. 1866), курский помещ., в 1909 чл. Гос. совета, чл. Совета объединенного дворянства. — 276, 370.

Годулян С., помещик, союзник. Херсон. — 239.

Голицын Н. Д. (1850—1925), князь, последний председ. Совета министров царского правительства. — 388.

Головин А. В., смотрит. больницы, союзник. Одесса. — 234, 238, 239.

Головин Ф. А. (р. 1867), московский помещик, к.-д., чл. 2-й и 3-й Гос. думы и председатель 2-й Гос. думы. — 368.

Голубев В., студент киевского ун-та, основатель и председ. монархического общества Двуглавый орел, автор погромных статей и организатор избиений евреев; один из инициаторов дела Бейлиса. — 81, 139.

Голубев Е. Д., петербургский мясник-торговец, один из основателей и чл. главного совета СРН. — 32.

Голубов С. С., союзник. Кагул. — 293.

Гончаренко, союзник. Лохвицы. — 390.

Гончаров, председ. ж.-д. о. СРН. Москва. — 187.

Горемыкин И. Л. (1839—1917), погородский помещик, в 1906 и 1914—1916 гг. председ. Совета министров. Покровитель СРН. — 8, 92, 101, 134, 251, 316, 334, 352.

Городецкий, журналист. — 334.

Горожес И., союзник. Одесса. — 234.

Горяев, генерал, союзник. — 249.

Гофштеттер Д. Р., московский чиновник, замешан в убийстве чл. Гос. думы Иоллоса. — 115, 118, 120, 123.

Грек, прис. повер. Одесса. — 232.

Грен А. Н., редактор московской газеты «Маяк». — 145, 146.

Григоросудо, дворянин. Курск. — 370.

Григорьев, генерал, градонач. Одессы. — 215, 216, 225—227, 230, 279, 235—237.

Гримм Д. Д. (р. 1864), профессор, чл. Гос. совета, чл. ЧСК. — 19, 324.

Грингмут В. А. (1851—1907), писатель-монархист, редактор «Московских ведомостей». — 37, 144, 157, 168, 134, 138, 199, 200, 202.

Гринчак Я. Г. Одесса. — 239.

Гришин А., ж.-д., союзник. Москва. — 166, 170.

Гришин А., союзник. Саратов. — 317.

Громыко, жандармск. генерал. Смоленск. — 364, 374.

Груднов М. И. — 71.

Грузенберг О. О. (р. 1866), присяжн. повер., выступал во многих суд. процессах царского времени защитником рабочих и крестьян и гражданским истцом против погромщиков, был приговорен черной сотней к смерти. — 50, 64, 86.

Гудзевич. Владивосток. — 12, 155.

Гурович. Одесса. — 225.

Гурьев А. Н., чиновник мин. финансов. — 111.

Гучков А. И. (р. 1862), московск. купец, председ. 3-й Гос. думы, основатель партии октябристов, сторонник политики министра вн. дел Столыпина. После Февральской революции военн. и морск. мин. Врем. правит. — 100, 316, 321, 332, 353, 355, 356, 359.

Давыдов А. Х., союзник. Гомель. — 106, 364, 376, 377, 423, 423.

Давыдов В., священник. Владивосток. — 155, 156.

Давыдов Н. С., князь, союзник. Одесса. — 235, 236.

Деаковский. Владивосток. — 153.

Деюлин В. А. (1858—1913), ген.-адъютант, в 1905 г. спб градоначальн., в 1906—1913 гг. дворцовый комендант, постоянный покровитель СРН. — 43, 55, 88, 90, 276

Дезобри В. Н. (см. Степанова).

Дезобри Л. М., дворянин, оставл. капитан, основатель и председ. Об-ва активной борьбы с анархией и революцией, ближайший помощник Юсевича-Красковского в деле создания боевых дружин СРН. — 53, 54, 57, 137.

Дейша В., одесский союзник. — 221.

Демешкан. Одесса. — 239.

Демин, чл. земск. управы. Курск. — 370.

Дерюгин Г. М. (р. 1871), псковский помещик, чл. 4-й Гос. думы. — 140.

Джунковский В. Ф. (р. 1865), свитский ген.-майор, 1913—1915 тов. мин. вн. дел, не всегда благоволивший к союзникам, иногда отказывавший

им в субсидиях. — 138, 165, 186, 206, 207, 423.

Дмитриев Ф. Г. Аккерман, Бессарабской губ. — 248.

Дмитрий, епископ. Херсон. — 294.

Добровольский, А., союзник. Одесса. — 234.

Добровольский М., союзник. Одесса. — 234.

Добровольский Н. А. (1854—1918), последний мин. юстиции. — 83.

Добровольский, черносот. журналист. Москва. — 319, 320.

Доброев, рабочий. Одесса. — 230.

Долгополов, доктор, с.р., чл. 2-й Гос. думы. Астрахань. — 353, 359.

Долгоруков Пав. Д. (1866—1927), князь, помещик, к.-д., чл. 2-й Гос. думы. — 355, 356.

Долгоруков Петр Д. (р. 1866), князь, помещик, к.-д., чл. 1-й Гос. думы. — 355.

Донцов, председ. СРН в Одессе, после Коновницына. — 277.

Дорофеев Е., чл. гл. сов. СРН. — 32.

Доррер, граф, курский помещик, один из основателей СРН. — 84.

Дошан, Владивосток. — 153.

Дубинский. Москва. — 117.

Дубровин А. И. (1875—1922), врач, основатель, почетный и действительный председ. СРН, редактор газеты «Русское знамя», главный организатор погромов и политических убийств.

После раздоров между союзниками в 1910 г., с образованием членом Гос. думы Марковым 2-ым другого, «марковского» СРН и Пуришкевичем — СМА, роль и значение Дубровина сильно упали, и он остался во главе небольшой группы «дубровинского» СРН. — 4, 11, 25, 27, 28, 30—53, 55—57, 62—70, 75, 78, 79, 85—101, 103—105, 112, 113, 130—132, 135, 136, 138, 236, 274—276, 303, 304, 344, 345, 364, 366, 375, 401, 402, 418—420, 422, 423.

Дудниченко И. И., председ. о. СРН. Оргеев, Бессарабск. губ. — 91, 292.

Дудченко Л., рабочий. Одесса — 218.

Дульский. Владивосток. — 152, 155.

Думбадзе И. А. (1851—1916), свитский ген.-майор, в 1907—1916 гг. ялтинский градоначальник, открытый покровитель погромной деятельности СРН. — 244, 420.

Дурасов, офицер. Армавир. — 404.

Дурново П. Н. (1845—1915), мин. вн. дел в 1905—1906 гг., один из инициаторов создания СРН. — 81, 84, 88, 345.

Дурново, журналист-монархист. — 106.

Дьяченко В. А., чиновник особ. по- руч. при мин. вн. дел. — 82.

Евсевий, епископ. Владивосток. — 150, 152.

Евсигнеев И. С., чиновник, союз- ник. Елец. — 364, 371—373.

Еггерман. Владивосток. — 152.

Егорова М. Москва. — 117.

Егоров, рабочий, союзник. Астра- хань. — 307.

Еленев С. Ф., смоленский дворянин, приятель Дубровина, совершал по- ездки по центральной и южной Рос- сии, выступал с антисемитскими лек- циями, развозил погромную лите- ратуру. — 364, 423.

Епифанович, донской союзник. — 130.

Еремин А. М., жанд. полковник. СПб. — 78.

Еремченко Н. И., редактор органа СРН «Русское знамя». — 39, 105, 364, 375, 423.

Ершов Ф. А., владелец имения око- ло села Норского, Ярославской губ., один из основателей и чл. главного совета СРН. — 32.

Ефимий, священник. Красноярск — 157.

Ждановичева. Смоленск. — 376.

Живчик. Одесса. — 260.

Жигаловский. Владивосток. — 152, 155.

Жуковский И., союзник. — 249.

Забурский, эксперт. — 59.

Завадский Д. В. — 226.

Завадский С. В. (р. 1871), сенатор, прокурор спб. суд. палаты, чл. ЧСК. — 19.

Зайончковский Н. Ч. (1859—1918), смоленский помещик, чл. сов. мин. вн. дел, командировался для произ- водства ревизий разн. губерний. — 364.

Зайченко, союзник. Одесса. — 295.

Залесский В. Ф., профессор, союз- ник. Казань. — 106.

Замысловский Г. Г. (р. 1872), дворя- нин, б. тов. прокурора, чл. 3-й и 4-й Гос. думы, чл. совета СРН, при рас- коле в 1910 г. примкнул к Маркову 2-му и Пуришкевичу, разойдясь с Дубровиным. Приобрел большую из- вестность антисемитскими выступле- ниями в связи с делом Бейлиса. Автор погромных брошюр. — 21, 28, 78, 79, 98, 104, 138, 139, 424.

Запольский, ж.-д. жандарм, свидетель по делу убийства Герценштейна. — 58, 86.

Зеленский М. Н. (р. 1871), петербургский чиновник, один из основателей, секретарь и чл. главн. совета СРН. — 6, 27, 32—34, 35, 47, 50, 52, — 97, 418

Землянских В. М., союзник. Одесса. — 224.

Зензинов В. М., чл. ЦК партии с.-р., чл. ЧСК. — 19.

Злотников К., союзник. Одесса. — 234.

Зорин Н. И., рабочий, свидетель по делу Герценштейна. — 62, 64.

Зубков М. П., кличка «Душегуб», глава боевой дружины СРН за Невской заставой. — 44.

Зуев Н. П. (1857—1918), директор деп. полиции в 1909—1912. — 238, 376.

Зуйков В. А., союзник. Одесса. — 286.

Зусман. Одесса. — 258.

Иванов А., союзник. Москва. — 187.

Иванов М. И., присяжн. повер., председ. о. СРН. Елизаветград, Херсонской губ. — 396.

Иванов С. В. (1852—1925), казанский помещик, сенатор, в 1909 председ. спб. гор. думы, тов. председ. ЧКС. — 19.

Иванова М. С., вдова врача. Москва. — 182.

Иглицкий, студент одесского ун-та, убит союзниками. — 277.

Игнатий, архимандрит. Томск. — 157.

Игнатъев П. Н. (1870—1926), граф, шталмейстер, дворянин, крупный помещик, 1915—1916 мин. нар. просвещения. — 321.

Илиодор (Сергей Труфанов), монах, выдающийся черносотенный оратор и писатель, известен погромными выступлениями в Почаеве (Волинск. губ.), Ростове-над-Д., Царицыне и Саратове, друг епископа Гермогена. В своих демагогических речах часто нападал на губернаторов и высшую бюрократию, за что ссылался в заточение в монастыри, откуда неоднократно убегал. В 1912 г. отрекся от православной веры и церкви; впоследствии скрылся за границу. — 82, 302, 374, 421, 422.

Илларионова Е., жена Казанцева. — 110, 116, 117, 118, 120.

Иоаким (р. 1853), епископ нижегородский 1910—1917. — 344.

Иолос Г. Б. (1859—1907), журналист, к.-д., чл. 1-й Гос. думы, редактор московской газеты «Русские ведомости», 14/III 1907 убит в Москве членами СРН Федоровым и Казанцевым. Убийство организовано главным советом СРН, при содействии высших и местных московских властей. — 9, 22, 35, 42, 45, 47, 50, 53—55, 60, 61, 63, 65, 72—74, 76, 82—84, 86, 87, 110, 112, 113, 115, 120, 124, 127, 144, 158, 421.

Ионенко, старшина племени гольдов в Сибири. — 154.

Ирман, генер. Владивосток. — 152.

Исуров П., союзник. — 249.

Ищенко А., дьякон, союзник. Кривой Рог, Херсонск. губ. — 292.

Казан (Долин) Е. М., антрепренер. — 315.

Казанцев А. Е., агент московской охранки, чл. боевой дружины СРН, участник убийства членов Гос. думы Герценштейна и Иолоса и организатор покушения на графа Витте. Убит в 1907 г. у ст. Ржевка, Ирин. ж. д., рабочим Федоровым, которого обманом вовлек в деятельность черносотенной боевой дружины. — 48, 49, 54, 55, 57—62, 64, 65, 72, 76, 82, 83, 86, 108, 110, 113—129, 421.

Казаринов В. Н., дворянин, агент СРН по закупке оружия для боевых дружин и по распределению его в провинциальные отделы. — 47, 55, 69, 70, 76, 87, 275.

Кальнев В., священник, союзник. Одесса. — 293.

Каменский А. А., союзник. Сре́тенск. — 159.

Камков, чиновник деп. полиции. — 140.

Каноянц, студент, Одесса. — 232

Капелистов. Одесса. — 259.

Капралов И., священник. Армавир. — 404.

Караваев А. Л. (1855—1908), врач, чл. 2-й Гос. думы, трудовик, убит членами СРН в Екатеринославе, при участии члена Гос. думы Гололобова. В 1926 суд в Екатеринославе признал виновными в этом убийстве Шальдо и Шетохина. — 36, 65, 87, 392.

Карангозов, ген. Одесса. — 226.

Караулов М. А. (1878—1917), казначий подьесаул, чл. 2-й и 4-й Гос. думы. — 324, 353, 359.

Касякин, генерал. Кубань. — 404.

- Кассе*, судья. Владивосток. — 153.
Касьянин В., союзник. — 249.
Катанский Л. Е., петербургский чиновник, один из редакторов «Русского знамени», разъездной агитатор СРН. — 39, 52, 105.
Катков М. Н., журналист, основатель «Московских ведомостей». — 202.
Катловкер, журналист. — 334.
Каульбарс А. В. (р. 1844), барон, ген., в 1905—1909 командующий войсками одесского военного округа. Открытый покровитель погромной деятельности СРН, участник публичных демонстраций союзников. — 10, 20, 213, 215 — 231, 275, 277, 279, 363, 421.
Кафафов К. Д. (р. 1863), вице-директор деп. полиции 1912—1917. — 134, 344.
Кахов А. Н. Одесса. — 259, 293.
Кацауров И. Н., врач, основатель и председ. СРН в Ярославле, умер до 1917 г. — 106, 366.
Кацаурова М. Д., секретарь СРН в Ярославле. — 364, 365 — 366.
Кашбек. Владивосток. — 152.
Каасников, рабочий. Одесса. — 230.
Келеповский С. И., чл. 2-й и 3-й Гос. думы, монархист. — 47, 129.
Кельцев С. А., действ. ст. сов., в 1881 г. чл. Священной дружины, в 1913 председ. Русского монархического союза в Москве. В настоящем сборнике приводятся его доклады в деп. полиц., где вся «программа» союза сводится к откровенному выпрашиванию подачек. — 73, 143, 144, 188, 189, 198 — 209, 424.
Керенский А. Ф. (р. 1881), прис. пов., чл. 4-й Гос. думы, в 1917 председ. Временного правительства. — 20, 206.
Кенис М., учредитель еврейск. монархич. сб-ва в Одессе. — 297.
Кизельман. Владивосток. — 152.
Киселев А. Я., союзник. Москва. — 165, 166, 180.
фон-Клемм В. О., чиновник мин. ин. дел. — 408.
Клепачевский И., священник. Лохвица, Полтавск. губ. — 390.
Клецких Е. Н. Москва. — 182.
Клименко, следователь. — 264.
Климович Е. К. (р. 1871), ген.-лейт., сенатор, в 1907—1908 гг. пом. московского градонач., в 1916 г. директор деп. полиции, покровитель СРН, замешан в деле убийства Иоллоса. — 27, 71 — 75, 76, 78, 82 — 84, 408.
Климович. Одесса. — 268.
Клишин Е., союзник. — 249.
Клюев Ф. Д., председ. о. СРН. Архангельск. — 41, 52.
Кноль, правитель канцелярии Столыпина. — 53.
Ковалев, союзник. Москва. — 187.
Коган, журналист. — 344.
Кожмякин М. Смоленск. — 376, 377, 420.
Козлов С. М., союзник. Москва. — 168.
Коковцев В. Н. (р. 1853), граф, помещик, в 1904—1914 мин. финанс., в 1911—1914 председ. Сов. министров. — 136, 183, 358.
Колесников И. А., союзник. Москва. — 168, 202.
Колландас Г. Н., союзник. — 249.
Колченков-Николаев И. П. Одесса. — 259, 286.
Кольцун, союзник. Одесса. — 234.
Комаров Ф., союзник. — 249.
Комиссаров И. И. (р. 1877), дворянин, контрщик главн. сов. СРН, чл. боевой дружины. — 41 — 43, 52.
Комиссаров М. С. (р. 1870), жандармск. ген.-майор, печатал погромные прокламации в типографии деп. полиции. — 27, 75 — 77, 80, 81.
Кондратьев Г. А., чиновник мин. вн. дел. — 206.
Коновницын А. И., граф, стат. сов., б. нач. уезда в Польше, уволен за растрату казенных денег. В 1905—1911 гг. председ. одесского СРН, организатор избений евреев, рабочих и учащихся. Пользовался особым расположением б. царя и покровительством Столыпина, после смерти которого оставил председательствование в Союзе. — 10, 20, 22, 51, 103, 213, 214, 216 — 218, 220 — 226, 228 — 231, 235 — 238, 240, 241, 245, 248, 249, 274 — 278, 279 — 285, 420, 422, 422.
Коновницын Э. И. (умер до 1917), граф, один из основателей и чл. главн. совета СРН, организатор боевых дружин, после раскола разошелся с Дубровиным и перешел в марковский СРН. — 31 — 34, 36, 44, 313.
Коновницына, жена А. И. Коновницына. Одесса. — 283.
Константинов М. Т., союзник, Москва. — 202.
Коншин В. Д., союзник, Москва. — 202.
Копель З., агроном. Киев. — 384.
Корнийчук, студент, союзник, Одесса. — 283, 290.

- Коробов И. Л.*, московский союзник, замешан в убийстве Иоиллоса. — 110, 116 — 120.
- Корсак* — 81.
- Корсунский*. Владивосток. — 152.
- Костейский Д.*, союзник. — 249.
- Костюрин Г. Ф.*, доктор, союзник. Аккерман. — 293.
- Котельников М.*, союзник. — 259.
- Котов-Коношенков*, союзник. Харьков. — 388.
- фон-Коттен М. Ф.* (1870—1917), жандармский ген.-майор, в 1907 г. нач. московск., а в 1909 г. — петерб. охранки. — 72.
- Краво*, рабочий. Одесса. — 259.
- Кравченко*, гор. голова. Астрахань. — 353, 359.
- Краморенко*, полицеймейстер, Новочеркасск. — 400.
- Крашенинников Н. С.*, председатель спб. суд. пал., сенатор. — 207.
- Краюхин*, союзник. Одесса. — 234.
- Кривошеин А. В.* (1858—1923), член Гос. совета, в 1908—1915 гг. главноуправляющ. земледелием и землеустройством. — 358.
- Кривцов*, прис. пов., союзник. Одесса. — 295.
- Крикс Я.*, чл. боевой дружины СРН в СПб. — 62.
- Критский*, самарский полицеймейстер. — 77.
- Крошштадтский Иван* (И. И. Сергиев, 1829—1908), священник, проповедник и писатель, поч. чл. СРН, имел репутацию провидца и предсказателя, пользовался большим влиянием в придворных кругах и среди темных слоев населения. — 36.
- Крусберг*. Владивосток. — 153.
- Крыжановский И. П.*, союзник. Тирасполь. — 292.
- Крыжановский С. Е.* (р. 1861), в 1906 г. тов. мин. вн. дел, чл. Гос. совета. — 31, 34, 164, 276 — 278, 297.
- Крюков Н. А.*, чиновник, СПб. — 303.
- Кугель И. Р.*, журналист. — 344.
- Кузнецов*, священник. Чита. — 161.
- Кузнецов*, околотошный, осужден за погром, помилован. Екатеринослав. — 45.
- Кузубов*, генерал. Одесса. — 216.
- Кузьминский*, рабочий. Одесса. — 230.
- Куликов*, рабочий, союзник, Астрахань. 306 — 308.
- Куломзин А. Н.* (1838—1924), костромской помещик, в 1915—1916 гг. председат. Гос. совета. — 324.
- Кумбари С. А.* Одесса. — 258.
- Курлов П. Г.* (1860—1923), ген.-лейт., в 1905—1906 гг. минский губернатор, в 1907 г. и. д. директора деп. полиции, в 1909—1911 гг. тов. мин. вн. дел, покровитель и близкий друг главарей СРН. — 78, 79, 90, 107, 162, 276, 376, 377.
- Куропаткин А. Н.*, генерал, главнокомандующий русской армией в японскую войну. — 367.
- Курочкин А.*, союзник. Одесса. — 234.
- Лаверов Иван*, рабочий Невского судостроительн. завода, чл. боевой дружины СРН, убит рабочими. — 69.
- Лаверов Илья А.* (р. 1875), рабочий Невского судостроит. завода, чл. боев. дружины СРН. — 62 — 66, 67 — 69.
- Ладанов П. П.*, союзник. Одесса. — 286.
- Лазнев*, рабочий, союзник. Астрахань. — 367.
- Ларичкин Е. С.*, калужский крестьянин, чл. боев. дружины СРН, убил рабочего Мухина за измену, участвовал в убийстве Герценштейна, на суде по последнему делу разоблачал роль главн. совета СРН, отбывал каторгу за другое убийство и убит в тюрьме. — 33, 34, 42, 43, 48, 49, 54, 56, 58, 63 — 69, 86, 87.
- Латвинский В. И.*, союзник. — 249.
- фон-дер-Лауниц В. Ф.* (1855—1906), свитский ген.-майор, б. тамбовский губернатор, в 1906 г. спб. градоначальник, один из инициаторов создания СРН, снабжал оружием боевые дружины. Убит с.-р. Кудрявцевым. — 30, 41, 63, 76, 84, 88.
- Лашкевич*. Владивосток. — 152.
- Лебедев Г.*, союзник. Одесса. — 234.
- Лебедев М. У.*, союзник. Одесса. — 286.
- Лебедев М. Н.*, суд. следовател. ЧСК. — 20, 23.
- Левашов С. В.* (р. 1856), тульск. помещик, в 1908—1913 гг. профессор и ректор новороссийского ун-та; чл. 4-й Гос. думы, тов. председ. фракции правых. — 276.
- Левинский И.*, студент, союзник. Москва. — 117.
- Левитский В.*, историк. — 21.
- Левицкий*, чиновник. — 79.
- Лейдинг*. Владивосток. — 152.
- Либран С. Н.*, союзник. — 249.
- Лисовой*, союзник. Одесса. — 234, 258.

Литвинов Г., союзник. Ставрополь.—249, 405, 406.

Личковаха У. У., союзник. Одесса.—286.

Лопухин А. А. (р. 1864), орловский помещик, в 1902—1905 гг. директор деп. полиции. В 1909 г. предан суду за помощь революционерам в разоблачении провокатора Азефа, приговорен к ссылке на поселение, в 1913 помилован, служил в банке.—108.

Лотоцкий Т. Ф., союзник.—293.

Лузанов М. Ф. Одесса.—285.

Лукин М. П., союзник. Москва.—168.

Лукомский, генерал.—356.

Лукомский, союзник. Гомель.—376.

Лунин В., частн. повер. Армавир.—404.

Лутковский. Одесса.—259.

Львов Л. (Клячко Л. М.), журналист.—22.

Львов, чл. Гос. думы.—316, 353—356.

Лыкошин А. И. (1861—1918), помещик, чл. Гос. совета, сенатор, в 1907—1914 гг. тов. мин. вн. дел, один из инициаторов создания СРН.—48, 88, 308.

Любимов П. Н., чиновник деп. полиции.—82.

Людцанович, чиновник. Одесса.—276, 296.

Лященко, союзник. Одесса.—234.

Майдачевский, судебн. следов. Александровск.—391.

Майков А. А., сын известного поэта, один из основателей и чл. главн. совета СРН, организатор боевой дружины.—32—35, 37, 41, 44, 86, 105, 280.

Макарий, епископ. Томск.—157.

Макарий (р. 1835), московский митрополит в 1912—1917 гг.—345.

Макарий, архимандрит—см. Гневушев.

Макаров, пом. московск. градонач.—146.

Макаров А. А. (1857—1919), из купцов, в 1906—1909 тов. мин. вн. дел, в 1911—1912 мин. вн. дел, в 1916 мин. юстиции. В 1912 по поводу избития рабочих на Лене в своей речи в Гос. думе сказал: «Так было, и так будет впредь».—78, 137, 250, 287, 310, 358.

Маклаков В. А. (р. 1870), моск. помещик, прис. повер., правый кадет, чл. 2-й, 3-й и 4-й Гос. Дум, в 1917 г.

посол Врем. правит. в Париже, ныне в эмиграции.—209.

Маклаков Н. А. (1871—1918), московский помещик, в 1912—1915 мин. вн. дел.—78, 136, 137, 174, 184, 303.

Максимов, союзник. Москва.—187.

Максимова, княгиня, союзница. Одесса.—241.

Малама, чиновник мин. юстиции.—83.

Маликов, рабочий, союзник. Астрахань.—307.

Манасевич-Мануйлов И. Ф. (1869—1918), чин. деп. полиции, журналист, аферист, друг Распутина.—76, 82—34.

Маркин. Одесса.—260, 263.

Марков 2-й Н. Е. (р. 1866), курский помещик, чл. 3-й и 4-й Гос. думы, в 1905 основал в Курске партию народного порядка, чл. главн. совета СРН. В начале 1910 г., разойдясь с Дубровиным, основал «марковский» «СРН».—9, 11, 16, 21, 28, 32, 36, 38, 56, 57, 78, 79, 102, 104, 105, 138—140, 199, 276, 322—324, 344, 345, 370, 371, 400, 424.

Марков (брат Маркова 2). Курск.—370.

Мартов Л. (Ю. О. Цедербаум, 1873—1923), вождь меньшевизма.—21.

Мартынюкова, акушерка, Одесса.—234.

Масленников, тов. гор. головы, Одесса.—258, 260, 261.

Маслов П. П. (р. 1867), меньшевик, автор работ по аграрному вопросу.—21.

Массюкевич. Владивосток.—152.

Матвеев А. А., кондуктор Финл. ж. д., свидетель по делу Герценштейна.—49.

Мауфер Ф., союзник. Одесса.—234.

Мельших, союзник. Одесса.—229.

Мерцалов, союзник. Приамурье.—153.

Мечников. Одесса.—257, 258, 261.

Милюков П. Н. (р. 1859), историк, чл. 3-й и 4-й Гос. думы, учредитель партии ка-дэ, основатель газеты «Речь», был приговорен СРН к смерти. После Февральской революции мин. иностр. дел Временного правительства, ныне в эмиграции.—50, 54, 86, 147, 161, 209, 316, 337, 340, 353, 355, 359.

Миролюбов И. И., монархист. Москва.—168.

Миронов, жандарм. Москва.—190.

Митрофан, епископ, чл. Гос. думы, чл. СРН.—36.

Митрофанов Ф. Одесса.—232.

Митроцкий, священник. Чл. Гос. Думы.—380.

Михайлов Н. М., союзник.—249.

Михайлов, генерал. Кубань.—404.

Михайлов-Платов И. М., союзник. Одесса.—170.

Михалевский. Владивосток.—156.

Михальченко, священник. Благовещенск.—157.

Мищурич П., священник. Никольск-Уссурийск.—156.

Мищенко Н. С., профессор, союзник. Киев.—242, 248.

Модль В. Ф. (р. 1871), жандармский полковник, в 1908—1915 гг. пом. московского градоначальника.—177.

Моисеев, гор. голова. Одесса.—257.

Моисеенко. Одесса.—45.

Москаленко, полицейский. Одесса.—232.

Мошкин А., союзник. Одесса.—234.

Муравьев Н. К., дворянин, прис. повер., постоянно выступал защитником по политическим процессам, в 1917 председ. ЧСЖ.—19.

Муратов Н. П. (р. 1861), рязанский помещик, в 1906 г. тамбовский губерн., в 1912—1914 гг. курский губернатор, в 1915 г. чл. сов. мин. вн. дел.—369—371.

Муренко И., союзник.—249.

Мусин-Пушкин А., граф, попечит. учебн. округа в Одессе.—287.

Мухин, рабочий Путиловского завода, чл. боевой дружины СРН, убит союзниками за измену.—42, 65, 87.

Мыльников Ф. И., союзник. Одесса.—286.

Набоков В. Д. (1869—1922), помещик, чл. 1-й Гос. думы, один из основателей кадетской партии, в 1917 управл. делами Временн. правительства.—54.

Набоков М. Н., помощн. одесского градоначальника.—223, 227.

Найденов А. Н., союзник. Москва.—202.

Насонов Ф. Г., жел.-дор., союзник. Одесса.—293.

Нейман. Владивосток.—153.

Никитенко Б. Н. (1885—1907), революционер, казнен.—77.

Никитин С. А., союзник. Одесса.—286.

Никитин Ф. П., тов. главноуправл. земледел. и землеустройства.—303.

Никитин, генерал, монархист. Одесса.—295.

Никитича Р. П., жена генерала. Одесса.—284.

Никифоров П., крестьянин. Одесса.—226, 228.

Никольский Б. В. (1870—1919), юрист, журналист, приват-доцент спб. ун-та, в 1905—1907 принимал видное участие в Русском собрании, читал лекции о необходимости сохранения самодержавия; после раскола СРН в 1910 г. принял сторону дубровицев и резко выступал против Маркова 2-го и Пуришкевича.—291

Нимандер Е. П., прокурор.—155.

Нобель.—402.

Новиков, член Гос. думы.—316.

Новицкий, генерал, Одесский градоначальник.—278, 279,

Ноги, японский генерал.—153.

Нотович, журналист, редактор газеты «Новости».—334.

Облеухов Н., тов. председ. главн. палаты СМА.—192.

Оборин Д. О., тов. председ. главн. совета СРН 1907.—97.

Ознобишин. Муром.—367, 368.

Ознобишин Н. Н., дворянин, председ. СРН в Москве.—71, 72, 106, 168.

Олещенко А., союзник.—249.

Оловенников В. В., редактор-издатель черносотенной газеты «Вече» в Москве, замешан в деле убийства Иоллоса.—145, 146.

Олышев Л. П., дворянин, председ. московского окружн. суда, в 1917 чл. ЧСЖ.—19.

Ольденбург С. Ф. (р. 1863), академик и неперменный секретарь Академии наук; в 1912 чл. Гос. совета, в 1917 чл. ЧСЖ. После Февральской революции некоторое время был мин. нар. просвещения во Врем. коалиц. правительстве.—19.

Ольшевский. Владивосток.—152.

Орлов В. Г., ученый археолог, ревизор движения железных дорог, видный деятель правых организаций в Москве: СРН, СМА и Отечественного патриотического союза, в 1906—1916 совершал поездки по всей России для организации отделов СРН.—12, 21, 56, 57, 73, 74, 79, 80, 138, 139, 143, 144, 147—162, 164, 165—174, 175—181, 185—193, 195, 423, 424.

Орфенов М. А., нотариус, тов. председ. о. СРН. Тула.—70

Осипович. Одесса.—259.

Островидов В. А., дьякон. Владивосток.—156.

Остроухов П. В., монархист. Москва.—187.

Павлов А., союзник.—249.

Павлов-Григорьев Ф. Г., дьякон, союзник. Подольск. губ.—294.

Панасюк И., союзник.—249.

Парнес М. Одесса.—233.

Пасхалов К. Н. (1843—1924), чиновник мин. финансов, писатель, председ. монархических съездов в 1915.—91, 92, 267, 344, 345.

Патрикеев, охранник, чл. СРН.—86.

Пекарский, священник.—150.

Пеликан Б. А., присяжн. повер.; в 1913 одесский городской голова, видный деятель СРН и СМА, организатор боевой дружины; в 1913 г. при выборах в Гос. думу руководил в Одессе насильями над избирателями и подлогом выборов.

Перегут-Погорельский Ф. Г., союзник. Благовещенск.—407.

Петров В. В., пом. московского градоначальника.—72.

Петров Г., священник, известный проповедник и писатель.—291, 309.

Петров И. Ф., монархист. Москва.—168, 185.

Петров С. Д., рабочий. СПб.—58, 60, 61, 116, 121—123, 125—128.

Петров, полицейский. Одесса.—280.

Пилипенко, рабочий. Одесса.—230.

Пининский Е., союзник.—249.

Пинкус М. Л. Смоленск.—375.

Питирич (1858—1921), петроградский митрополит, друг Распутина.—76.

Плеве В. К. (1846—1904), в 1902—1904 гг. мин. вн. дел, виднейший реакционный деятель, убит с.-р. Е. Сазоновым.—81.

Плеве Н. В. (р. 1871), сын Вяч. К., в 1910 г. управделами Сов. министров, в 1914 г. тов. мин. вн. дел.—162, 163.

Подпрядов Н. И., союзник. Одесса.—293.

Покотилло В. И. (р. 1856), генерал, в 1912—1916 гг. наказной атаман донск. казачьего войска.—400, 401.

Полетаев. Одесса.—261.

Полещук С., союзник.—249.

Поливанов, рабочий. Одесса.—218.

Половнев А. В., кличка «Косой», рабочий Путиловского завода, агент охранного отд., один из основателей СРН, начальник боевой дружины нарвского района, осужден финлянд.

судом за убийство Герценштейна, получил помилование царя.—27, 33, 41, 42, 44, 48, 49, 53—58, 62, 64, 67, 70, 86, 87, 90, 421.

Полторацкий, один из основателей СРН в Москве.—34, 35.

Полубояринова Е. А. (р. 1864), вдова полковника, издательница и владелица типографии, с 1907 г. чл. главного совета и казначей СРН, издат. «Русского знамени», расходовала громадные личные средства на дело СРН, после раскола союза осталась верна Дубровину.—11, 21, 27, 33, 36, 38—40, 56, 89—101, 104, 105, 137, 276.

Полянин, ж.-д. маст. Москва.—193.

Поляновский, секретарь консистории. Владивосток.—152, 155.

Поморин Н. С., секретарь Витте.—47.

Попов И. Д., чиновник, союзник. Новочеркасск.—399—401.

Посохов А. И. Одесса.—261, 263, 264.

Потемкин Д. М. (р. 1861), в 1913—1915 гг. чин. особ. поруч. при мин. вн. дел, с 1915 г. пом. нач. главн. управл. по делам печати.—140.

Потресов А. Н., меньшевик, публицист.—21.

Пранайтис Ю. Б. (умер в 1916 г.), ксендз в Ташкенте, в качестве эксперта по делу Бейлиса поддерживал версию о совершении ритуального убийства.—163.

Премаков, союзник. Александровск.—392.

Проппер С. М., издатель газеты «Биржевые ведомости» и журнала «Огонек».—86, 334.

Протопопов А. Д. (1866—1918), симбирский помещик и фабрикант, чл. 3-й и 4-й Гос. думы, тов. председ. 4-й Гос. думы, в 1916—1917 гг. мин. вн. дел, пользовался большим расположением последнего царя.—79, 80, 83, 195, 268, 324, 354, 356, 357, 359.

Прохоров А., союзник. Елизаветград.—395, 397.

Прусаков А. И. (р. 1869), чл. главн. совета и издательского комитета СРН, секретарь редакции «Русского знамени», пользовался неограниченным доверием Дубровина.—27, 43—53, 112, 113.

Пуренин, союзник. Одесса.—239.

Пуришкевич В. М. (1870—1920), бессарабский помещик, чл. 2-й, 3-й

и 4-й Гос. думы, в 1900—1906 чин. мин. вн. дел, чл. совета Русского собрания, один из основателей и тов. председ. главн. сов. СРН. В 1906 поссорился с Дубровиным, вышел из СРН и в 1908 г. основал СМА. В 1916 г. участвовал в убийстве Распутина.—8, 9, 11, 21, 27, 28, 31—33, 35, 36, 39, 40, 42, 45, 69, 70, 97—99, 103, 104, 139, 151, 160, 164, 165, 170, 173, 175—177, 180, 186, 191, 238—240, 274, 276, 277, 293, 294, 368, 400, 418, 420, 423.

Разнатовский В. П., дворянин, председ. ж.-д. о. СРН. Тула.—69—71, 369.

Разумихина Е., союзница.—249.

Ракитский Н. И., священник. Смоленск.—364, 375, 423.

Распутин Г. Е. (убит в 1916 г.), «святой старец», тобольский крестьянин, пользовался громадным влиянием на последнего царя и его жену, смешал и назначал министров, убит в декабре 1916 г. в кн. Дмитрием Павловичем, Юсуповым и Пуришкевичем, опасавшимися, что общее возмущение ролью Распутина приближит революцию.—76, 82.

Рачковский П. И. (1853—1911), виднейший деятель политического розыска, в 1885—1902 гг. заведывал заграничной агентурой деп. полиции, в 1905—1906 исп. об. вице-директора деп. полиции, один из инициаторов создания СРН.—84, 85.

Рева, полковник. Одесса.—20, 221, 238, 268, 296.

Рейнбот А. А. (1868—1918), генерал, в 1906—1907 гг. московский градоначальник.—71, 145, 146.

Рено, барон, член 4-й Гос. думы от Одессы.—253.

Рех. Владивосток.—152.

Ржевский Б. М., журналист, сотрудник А. Н. Хвостова, аферист.—82.

Римский-Корсаков А. А. (р. 1850), тверской помещик, ярославский губернатор, чл. Гос. совета, видный деятель правых организаций.—104, 105.

Риттих А. А. (р. 1868), последний министр земледелия царского правительства.—359.

Родзевич Н. Н., председ. Союза русских людей. Одесса.—265—274, 284—292, 295, 339, 340, 420, 422, 423.

Родзянко М. В. (1859—1924), ека-

теринославский помещик, чл. и председ. 3-й и 4-й Гос. думы.—321, 324, 358, 359.

Родионов, союзник. Одесса.—234.

Родичев Ф. И. (р. 1856), тверской помещик, чл. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Гос. думы, один из основателей кадетской партии; приговорен СРН к смерти; в 1917 г. при Временн. правительстве министр по делам Финляндии, чл. ЧСК.—19, 54, 86.

Розенфельдт, прис. поверенный—206.

Ройек Э., союзник. Одесса.—228.

Романенко, вдова лощмана. Одесса.—295.

Романов А. Ф. (р. 1875), прокурор виленской суд. палаты, 1917 г. чл. ЧСК.—19.

Романов В., чл. боевой дружины СРН. Колпино.—64.

Романов В. А. (1876—1909), великий князь, один из главных покровителей СРН.—84.

Романов К. К. (1858—1915), вел. князь, поэт, начальн. военно-учебн. заведений.—292.

Романов Н. Н. (1856), вел. князь, в 1914—1915 верховн. главнокомандующий, 1915—1917 кавказский наместник, один из главных покровителей СРН.—52, 84.

Романова Е. Ф. (1864—1918), вдова С. А. Романова, убитого в 1905 г. в Москве с.-р. И. П. Каляевым.—72.

Романова Т. Н. (1897—1918), дочь последнего царя.—349.

Ромашкин, солдат.—156.

Ротшильд.—402.

Рубан. Елизаветград.—396.

Рубинштейн Д. Л. (1876), кличка «Митяка Рубинштейн», банкир, друг Распутина.—191.

Рудзик, рабочий Путиловского завода, чл. боевой дружины СРН, участник убийства Герценштейна.—55, 56, 86.

Рубнев, черносотенный журналист, Астрахань.—307.

Рухлов С. В. (1853—1918), чл. Гос. совета, в 1909—1915 гг. мин. пут. сообщения, в 1908 г. один из учредителей и председ. Всероссийского национального союза.—88, 194.

Рыбенко Ф., союзник.—249.

Рюмин А., участник убийства Герценштейна.—86.

Рябушинский П. П., банкир. Москва.—100.

Рязанов, полковник.—83.

Салтыков А. А. (р. 1866), тульский помещик, чл. Гос. совета, в 1913—1917 гг. тамбовский губернатор.—344.

Сальман, рабочий петербургского завода Рекса, чл. боевой дружины СРН.—69.

Самарин С. Д., союзник. Москва.—202.

Самфилов, офицер. Одесса.—230.

Седов К. А., учредит. Союза русск. людей. Одесса.—285, 286.

Селин, финский судья, разбирал дело Герценштейна.—86, 87.

Семенов, журналист. Саратов.—309.

Семенов, полицейский.—65.

Семеновский, полковник. Армавир.—363, 404.

Сербин И. Г., союзник.—249.

Сиверин, полицейский.—156.

Симченко. Одесса.—259.

Синицын Д. Л., союзник. Одесса.—293.

Синицын М. И., купец, монархист. Одесса.—271, 288, 290.

Скворцов В. М. (1859), миссионер, издатель черносотенной газеты «Колокол».—163, 191, 192, 424.

Скобелев М. Д., с.-д., член 4-й Гос. думы.—206.

Сластенин, инженер. Москва.—193.

Слатинский, союзник. Одесса.—241.

Слепов Ф. А., рабочий, разъездной агитатор СРН.—148, 161.

Слепченко, курьер гор. думы, союзник. Одесса.—234.

Слимак Т. А., крестьянин, весовщик Никол. ж. д., один из основателей СРН в СПб.—32.

Слюзберг Г. Б., присяжн. пов., приговорен черной сотней к смерти.—86.

Слюсаревский И. И., союзник, Одесса.—265, 286.

Смигельский О., союзник. Одесса.—235.

Смиттен Б. Н. (р. 1877), прокурор харьковской судебн. палаты, в 1917 г. чл. ЧСР.—19.

Снежков В. П. Москва.—182.

Снежков Г. П., бывший чиновн. деп. полиции, союзник, Москва.—143, 144, 178, 179, 181—184.

Снесарев В., начальник боевой дружины СРН за Невской заставой, убит революционерами.—41, 62, 69.

Соболевский А. И. (1856—1929), тайный советник, член Гос. совета, профессор, академик.—104.

Соколов В. П. (р. 1880), дворянин, инженер, в бытность студентом деятель

союза академистов в СБП, в 1904 г. один из главных учредителей СРН и тов. председ. совета, разъездной агитатор и организатор боевых дружин; в 1910 г. при расколе перешел в «марковский» СРН, где состоял тов. председ. совета. Один из наиболее активных союзников.—27, 29—32, 33, 34, 41, 44, 52, 53, 55, 57, 80, 84, 86, 90, 102, 105, 276.

Соколов Н. Д., присяжн. пов., с.-д., часто выступал защитником в политических процессах, в 1917 г. чл. Исполкома Совета Р. и С. Деп., чл. ЧСР.—19.

Соколовский, губернатор. Астрахань.—304, 309, 310.

Солдатов, слесарь, союзник. Москва.—190, 191.

Соловьев А., председ. Русского собрания в Казани.—106.

Сорочан, пристав. Елизаветград.—397.

Сосновский И. В. (р. 1868), в 1905—1907 гг. пом. спб. градоначальника; в 1907—1911 гг. архангельский губернатор, в 1911—1916 гг. одесский градоначальник; перед Февральской революцией тов. мин. вн. дел.—92, 257, 258, 261—264, 270, 284, 294.

Сталинский А. Е., союзник. Москва.—143, 177, 188, 189, 191—193.

Стамати Ю. Д., союзник, Одесса.—293.

Станкевич А. А. (1868—1918), воронежский помещик, в 1916 г. управляющий земским отделом мин. вн. дел.—77.

Степанов А. С. (р. 1884), тверской крестьянин, в 1907 г. один из участников покушения на Витте.—57, 58—62, 108, 109, 116—119, 121—123, 125, 126, 128.

Степанов В. Д., союзник. Одесса.—293.

Степанов Н. Н., союзник. Москва.—165, 166, 180.

Степанов С. В.—58.

Степанова Е. А.—58.

Степанова-Дезобри В. Н., жена Л. М. Дезобри, владелица типографии, активный чл. боевой дружины СРН.—53, 57, 136—139, 424.

Степовский, прокурор. Иркутск.—152, 155.

Стеркин Л. Одесса.—232.

Стефановский, чиновник. Одесса.—226, 227.

СТИШИНСКИЙ А. С. (р. 1851), чл. Гос. совета, в 1900—1904 гг. тов. мин.

вн. дел, в 1906 главноуправл. земледелением и землеустройством, один из ярких представителей черной реакции, покровитель СРН.—84.

Столыпин П. А. (1862—1911), крупный помещик, в 1906—1911 гг. мин. вн. дел и председ. Совета министров, руководил подавлением революции 1905. Выставив девизом «сначала успокоение, а потом реформы», он провел ряд законов, пытавшихся сохранить самодержавную монархию, путем создания новых слоев собственников в деревне (закон 9 ноября 1906) и передачи власти в руки дворян (закон 3 июня 1907 о выборах в Гос. думу). Убит анархистом, агентом охранного отделения Богровым в Киеве.—13, 14, 28, 36, 38—40, 53, 75, 78, 81, 87, 91, 103, 107, 156, 164, 170, 172, 176, 215, 223, 223, 227, 229—231, 237, 241, 251, 277, 279, 283, 234, 303, 304, 312, 313, 315, 319, 320, 322, 358, 422.

Суворин А. С. (1834—1912), журналист, хозяин большой консервативной газеты «Новое время».—21.

Сури (умер до 1917), петербургский купец-меховщик, один из основателей и чл. главн. совета СРН.—32.

Сухопатный, чл. боевой дружины СРН за Невской заставой, убит рабочими.—66.

Сытин И. Д., известн. издатель. Москва.—301, 312.

Сычевский, приамурск. губернатор.—407.

Сюзев А. А. Москва.—182.

Тальников, лектор.—291.

Танеев А. С. (р. 1850), орловский помещик, чл. Гос. совета, в 1896—1917 гг. главноуправляющ. канцелярией последнего царя, отец фрейлины Вырубовой.—207.

Татищев С. С. (1812—1915), граф, петербургский помещик, саратовский губернатор, вышел в отставку из-за столкновения с епископом Гермогеном и монахом Илиодором; в 1912—1915 нач. главн. управления по делам печати.—137, 202—204.

Таутс. Владивосток.—152.

Телье П. И., союзник. Одесса.—236.

Тиханович-Савицкий Н. Н., купец, владелец музыкального магазина, председ. Народной монархической партии в Астрахани; в 1915—1917 гг. особенно энергично старался поддерживать самодержавный строй, устраи-

вал монархические съезды, объединял провинциальные отделы СРН, выработал план действий монархистов на случай революции, вплоть до революции поддерживал советами царя и министров.—12, 80, 106, 301—316, 319—359.

Тихменев Н. П., сотрудник черносотенн. газеты «Земщина».—340.

Тихомиров Л. А., быв. народоволец, впоследствии монархист, редактор «Московских ведомостей».—21, 162, 163.

Тлустовский, тов. прокурора.—87.
Толмачев И. Н. (р. 1863), ген.-лейтенант, в 1907—1911 гг. одесский градоначальник, покровитель, а иногда и организатор преступлений СРН в Одессе, после убийства Столыпина уволен в отставку.—10, 20, 213, 232—249, 252, 275, 276, 279—284, 237—291, 296, 297, 421—423.

Толмачева Л. Д., жена И. Н. Толмачева.—296.

Толстой Л. Н. (1828—1910), писатель.—150.

Толстой, граф, нач. порта Одесса.—230.

Томилин В. В., отставной полковник, уволен с военной службы за лихоимство; в 1913 г. во время раздоров с Орловым выдвинут Восторговым в председатели Отеч. патриотич. союза в Москве.—144, 167, 169, 171, 175—180, 184, 201—204, 423, 424.

Тополев, кличка «Гамзей Гамзеич», чл. боевой дружины СРН, один из убийц Герценштейна.—48, 49, 64.

Торопов И. В., дворянин и московский домовладелец, замешан в деле убийства Иоллоса.—82.

Трандофилов Н. И., сын купца, союзник. Елизаветград.—293.

Трегубов Р. В., секретарь главн. совета «марковского» СРН в 1913—1914 гг.—102.

Трегубов С. Н. (р. 1866), рязанск. помещик, сенатор, в 1917 г. по поручению Врем. правительства расследовал деятельность полиции в Одессе, установил преступления бывш. градоначальников Толмачева и Сосновского.—20, 214, 235, 257, 264, 297.

Трепов А. Ф. (р. 1864), полтавск. помещик, чл. Гос. совета, в 1915 г. мин. пут. сообщения, в 1916 г. председ. Сов. министров.—354, 358.

Третьяков, студент, чл. академической организации. СПб.—138.

Триштинный А. И., инженер, одни

из основателей и тов. председ. главн. совета СРН, автор устава союза и организатор районных отделов. — 21, 28, 32, 35, 93, 96, 97, 280, 365, 418.

Тришатный С. И. (р. 1870), присяжн. повер., б. сотрудник Рачковского, один из основателей и секретарь главн. совета СРН, первый организатор боевых дружин. — 32, 35, 85.

Тронин, священник, союзник. Благовещенск. — 157, 158.

Трусович М. И. (р. 1863), черниговский помещик, сенатор, чл. Гос. совета, в 1906—1909 гг. директор деп. полиции, в 1911 г. вел расследование убийства Столыпина в Киеве. — 145, 235, 367.

Трухачев Н. Л., офицер. — 146.

Туган-Барановский, чиновник мин. путей сообщения. — 80.

Туманов Н. Е. (1844—1917), князь, казакский помещик, военный инженер, в 1915—1916 гг. начальник петроградского военного округа. — 130—132.

Тумп М., союзник. Одесса. — 234.

Тхорь А., союзник. СПб. — 111, 113.

Тяжельников М. И. (р. 1866), ген.-майор, в 1914—1916 гг. начальник штаба петроградского военного округа. — 130, 131.

Унтербергер, генерал. Владивосток. — 152—154.

Урусов С. Н., князь, чиновник мин. вн. дел. — 179—181, 206.

Усевич, союзник. Гомель. — 376.

Уховский А. Елизаветград. — 396.

Фастыковский, полицейский. Орес-са. — 280.

Февралев. Владивосток. — 156.

Федоров В. Д., крестьянин Смоленской губ., кличка «маленький Вася», чл. боевой дружины СРН, 1907 убил Иоллоса, покушался на Витте, убил провокатора Казанцева, скрылся за границу, откуда прислал в газеты свое раскаяние и разоблачение роли СРН в организации политических убийств. Впоследствии уехал в Алжир. — 58—62, 81, 87, 108, 110, 116, 120—128, 421.

Федоров, союзник. Александровск. — 392.

Федоров, союзник. Астрахань. — 310, 311.

Федоров Ф. А., крест., союзник. Одесса. — 284.

Федоров Ф. Д., брат В. Д. Федорова. — 121—123.

Федорова Н. — 122.

Фере, губернатор. — 374.

Фесенко, жандармск. полковник. Москва. — 190.

Филатов, пристав. Муром. — 368.

Филиппов. Одесса. — 265.

Фингергут А. Г. Одесса. — 261—263.

Финкель М. Елизаветград. — 396.

Флуг, губернатор. Владивосток. — 152, 155, 156.

Фоменко И. П., союзник. Херсон. — 397, 398.

Фоменко К., союзник. — 249.

Франкфурт С. Киев. — 384.

Фредерикс В. Б. (р. 1838), граф., ген.-адъютант, чл. Гос. совета, в 1897—1917 мин. императорского двора, один из «высоких» покровителей СРН. — 53, 55.

Функе. Владивосток. — 153.

Хабалов С. С. (1858—1924), казначий ген.-лейтенант, в 1914—1916 гг. наказный атаман Уральского казачьего войска, в 1916—1917 гг. нач. петроградского военного округа, неудачный организатор попытки спасти самодержавие от Февральской революции 1917. — 358.

Харламов Н. П. (р. 1871), чиновн. деп. полицин, в 1912 г. директор деп. общ. дел мин. вн. дел, в 1914 г. чл. совета мин. вн. дел. — 207.

Харузин А. Н. (р. 1864), из кушцов, сенатор, в 1911 г. тов. мин. вн. дел, заведующий деп. общ. дел. — 77.

Хаустов, с.-д., чл. 4-й Гос. думы. — 206.

Хвостов А. А. (р. 1857), орловский помещик, чл. Гос. совета и сенатор, в 1915—1916 мин. юстиции. С июля по сентябрь 1916 г. мин. вн. дел. — 79.

Хвостов А. Н. (1872—1918), орловский помещик, в 1906—1910 гг. вологодский губернатор, в 1912 г. нижегородский губернатор, в 1912 г. чл. и председатель фракции правых 4-й Гос. думы, в 1915—1916 гг. мин. вн. дел. — 31, 75, 78, 79, 82, 139, 194, 344, 345, 368.

Хилков М. И., князь, мин. пут. сообщ. — 150, 151.

Хомяков Н. А. (1850—1925), смоленский помещик, чл. 2-й, 3-й и 4-й Гос. дум; председатель — 3-й Гос. думы. — 403.

Цветков, нотариус. Одесса. — 259.

Циалов, эксперт. — 59.

Циклопуло И., союзник. Одесса.— 234.

Циклопуло Н., союзник. Одесса.— 234.

Чаплинский Г. Г. (р. 1865), чл. Гос. совета и сенатор, в 1911—1914 прокурор киевской судебн. палаты, руководивший следствием по делу Бейлиса.— 163.

Чебанов Ф., союзник.— 249.

Чекалов С. Д., петербургский купец, чайный торговец, один из основателей и чл. главн. совета СРН.— 32.

Чеканников, слесарь. Москва.— 190.

Челноков М. В. (р. 1863), заводчик и купец, чл. 2-й, 3-й и 4-й Гос. думы, в 1914 г. московский городской голова, в 1914—1917 гг. председатель всероссийского союза городов.— 187, 316, 353,—356.

Черкасов. Одесса.— 259.

Черников Д. И., союзник. Одесса.— 216, 221, 234, 275.

Чернова, союзница. Одесса.— 241.

Черноглазов, полицеймейстер.— 151.

Черный П. Ф., священник, союзник. Херсон.— 293.

Чмутов Г., священник. Армавир.— 404.

Чугунов Д., кузнец. Москва.— 117.

Чуйков, учитель. Одесса.— 226, 227.

Чхеидзе Н. С. (1864—1926), журналист, меньшевик, чл. 3-й и 4-й Гос. думы.— 206.

Шабельская-Борк Е. А., писательница, антрепренерша театра в СПб, издательница черносотенной газеты для рабочих «Свобода и порядок», получала обильные субсидии из деп. полиции.— 39, 138.

Шадурский Л. Б. (р. 1865), дворянин, сенатор, в 1915 г. директор деп. общих дел мин. вн. дел, в 1916 г. тов. мин. вн. дел.— 207.

Шамонин. Москва.— 117.

Шапошников. Одесса.— 261, 262.

Шевченко, союзник. Одесса.— 287.

Шевяков, шофер. Одесса.— 258.

Шелковников В. В., крестьянин Ярославской губ., рабочий Невского судостроительного завода, боролся с боевыми дружинами СРН.— 67—69.

Шемарев, союзник. Александровск.— 392.

Шеповалов, капитан, союзник.— 249.

Шидловский, губернатор. Екатеринослав.— 390.

Шильдер-Шульднер Н. Ю., губернатор.— 132.

Шимановский. Одесса.— 259.

Шингарев А. И. (1869—1918), врач, к.-д., чл. 2-й, 3-й и 4-й Гос. дум.— 324, 355.

Шипов И. П., чл. Гос. совета.— 108.

Ширинский-Шихматов А. А. (р. 1862), князь, чл. Гос. совета, сенатор, в 1906 г. обер-прокурор свят. синода, видный деятель правых организаций.— 321.

Шмаков А. С. (умер 1916), прис. повер., журналист, известный анти-семит, вместе с Замысловским выступал гражданским истцом по делу Бейлиса.— 98.

Штерн. Одесса.— 257, 258.

Штюрмер Б. В. (1848—1917), тверской помещик, чл. Гос. совета, в 1916 г. председ. Совета министров и мин. вн. дел, а затем мин. иностр. дел; виднейший монархический деятель, постоянный покровитель СРН.— 73, 193, 214, 270, 271, 317.

Шуваев Д. С. (р. 1854), генерал, 1916—1917 военн. министр.— 358.

Шульгин В. В. (р. 1878), волынский помещик, чл. 2-й, 3-й и 4-й Гос. дум, писатель, журналист, редактор правой газеты «Киевлянин». В 1913 г. неожиданно разошелся со своими единомышленниками, выступив в своей газете в защиту Бейлиса. После Октябрьской революции один из руководителей борьбы с Советской Россией.— 104.

Шульц. Владивосток.— 152.

Шустов С. П., лавочник, председ. о. СРН. Самара.— 77.

Щеголовитов И. Г. (1861—1918), черниговский помещик. В 1905 г. выступал обвинителем по делу И. П. Калаяева, в 1906—1915 гг. мин. юстиции, в 1917 председ. Гос. совета; яркий представитель реакции, открытоно подчинивший суд указаниям полицейской власти, за свою бесцеремонность в обращении с достоинством суда заслуживший кличку «Ванька-Каин», ближайший покровитель преступлений СРН.— 42, 52, 55, 78, 86—88, 287, 301, 345, 364, 369, 377, 380, 424.

Щеголев П. Е., историк, в 1906—1907 и в 1917—1926 гг. редактор журнала «Былое», чл. ЧСК.— 19.

Щекотинин, союзник. Александровск.— 392.

Щербатов Н. Б. (р. 1868), князь, полтавский помещик, чл. Гос. совета, в 1915 г. управл. мин-вом вн. дел.— 72, 79, 187, 316, 321, 352.

Щербок Г., союзник.— 249.

Эбелов М. И., генерал, в 1915—1916 гг. командующий войсками одесского военного округа.— 92, 214, 266, 269, 270, 273.

Эйдлин. Смоленск.— 376.

Юзефович (Иозефович) А. А., редактор консервативной газеты «Южный край», Харьков.— 106.

Юрасов, союзник. Москва.— 170.

Юскевич-Красковский Н. М., уроженец Таврической губ., отставн. чиновник, чл. главн. совета СРН, фактический организатор и руководитель боевых дружин СРН в СПб и провинции, в 1906 г. организовал убийство Герценштейна, за что осужден финляндским судом, но получил помилование от царя. Позднее разошелся с Дубровиным, перешел к Пуришкевичу, у которого был секретарем главн. палаты СМА.— 21, 32—34, 39—44, 48—50, 53—57, 62—65, 67, 70, 85—87, 89, 90, 99, 192, 275.

Ющинский А. (1900—1911), мальчик, убит в Киеве. Союз русск. народа и мин. юстиции Щегловитов пытались создать обвинение евреям в соверше-

нии ритуального убийства. См. Бейлис.— 81, 91, 163.

Яблочков П. М., союзник, Тульская губ.— 56, 70, 115.

Яворовский А. Л., союзник. Одесса.— 286.

Языков Н. М., земский нач. Казанской губ., один из основателей и чл. главн. совета СРН.— 32.

Яковлев С. Я., крестьянин Тверской губ., агент охранного отделения, рабочий Путиловского завода, чл. главн. совета СРН, один из ближайших сотрудников Дубровина, поставлявший оружие и служивший наводчиком для боевых дружин СРН, указывавший им на лиц «вредных», подležавших убийству.— 33, 34, 41, 42, 44, 48, 49, 54, 55, 57, 275.

Якунин В. В. (1855—1912), херсонский помещик, в 1906 г. самарский и в 1910 екатеринославский губернатор.— 77.

Яланский П. Х., столяр, председ. о. СРН. Новороссийск.— 405.

Янишевский К., союзник. Одесса.— 295, 295.

Янкевич. Владивосток.— 153.

Ярмонкин В. В., дворянин, журналист-монархист.— 37.

Ярошенко С. П., профессор. Одесса.— 285.

Ясинский И. И., писатель.— 21.

Яшнев, инженер. Москва.— 193.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вступительная статья	3
Введение	19
 ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ—ПЕТРОГРАД. . .	 25
Протоколы показаний лиц, допрошенных ЧСК	
Показания В. П. Соколова	29
• М. Н. Зеленского	32
• И. И. Баранова	34
• Г. В. Бутми-де-Капмана	37
• Е. А. Полубояриновой	38
• И. И. Комиссарова	40
• А. И. Прусакова	43
• А. В. Половнева	53
• А. С. Степанова	58
• И. А. Лаврова	62
• Л. Н. Андриянова	66
• В. В. Шелковникова	67
• В. П. Разнатовского	69
• Е. К. Климовича	71
• М. С. Комиссарова	75
• С. П. Белецкого	77
• Г. Ф. Вебера	84
Из бумаг, найденных при обыске у Дубровина и Полубояриновой	 89
Документы департамента полиции	103
 ОТДЕЛ ВТОРОЙ. МОСКВА	 141
Московские союзники и убийство Герценштейна . .	145
Организационная деятельность Союза русского народа	 147
Междоусобица 1913 г.	164
Снова за работой. 1914 — 1915 гг.	185
Новые раздоры. 1915 г.	188
Новая звезда среди московских монархистов (Кельцев)	 198
 ОТДЕЛ ТРЕТИЙ. ОДЕССА	 211
Период управления бар. Каульбарса (ком. войсками округа). 1907 г.	 215
Период управления градоначальника Толмачева. 1908 — 1911 гг.	 232
Выборы в Государственную думу 1912 г.	250
Выборы в городскую думу 1913 г.	257

	Стр.
Время войны. 1915 — 1916 гг.	266
Материалы 1917 г. по истории одесских союзников	274

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ. . . 299

Астраханские монархисты в 1907 — 1908 гг. и Тиханович-Савицкий	303
Обращения Тихановича к Николаю II	319
Саратовский и нижегородский съезды 1915 г.	325
Последние попытки спасти самодержавие	352

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ. ОСТАЛЬНАЯ ПРОВИНЦИЯ. . . 361

Центральная Россия (Ярославль, Кострома, Муром, Тула, Курск, Елец)	365
Западная Россия (Смоленск, Гомель)	374
Украина (Киев, Харьков, Полтава, Екатеринослав, Бессарабия, Херсон)	378
Дон и Кубань (Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Кубань, Новороссийск, Ставрополь)	399
За Уралом (Благовещенск-на-Амуре, Бухара)	407

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Устав союза русского народа.	411
Хронология	419
Указатель имен	425

